

ЗАКАТ
и
ПАДЕНИЕ
РИМСКОЙ
ИМПЕРИИ

История
упадка и разрушения
Великой
Римской Империи
ЭДУАРДА ГИББОНА

Народная библиотека
«ОГОНЬКА»

ЭДУАРД
ГИББОН

ЗАКАТ
и
ПАДЕНИЕ
РИМСКОЙ
ИМПЕРИИ

Том III

УДК 930.9
ББК 63.3(0)
Г46

Художник
С. ГЕРАСКЕВИЧ

Гиббон Э.

Г46 История упадка и разрушения Великой Римской империи: Закат и падение Римской империи: В 7 т. Т. 3 / Пер. с англ. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2008. — 624 с.

ISBN 978-5-275-01703-8 (т. 3)

ISBN 978-5-275-01700-7

В третьем томе своего монументального труда Эдуард Гиббон рисует яркую картину эпохи, предшествовавшей окончательному падению некогда могущественной Римской империи. Опираясь на многочисленные сочинения языческих и христианских писателей IV—V вв., историк создает правдивые образы выдающихся политических, государственных и религиозных деятелей того времени, мастерски описывает и бытовую историю империи, и повседневную жизнь варваров.

УДК 930.9
ББК 63.3(0)

ЭДУАРД ГИББОН
ЗАКАТ И ПАДЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

В семи томах
Том третий

Редактор *Т Чугунова* Художественный редактор *О Скочко* Корректор *М Лубнина*

Подписано в печать 28.12.07 г. Формат 84×108^{1/32}. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 32,76. Уч.-изд. л. 40,04. Заказ № 0727190.

ТЕРРА—Книжный клуб. 127206, Москва, Чуксин тупик, д. 9.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-275-01703-8 (т. 3)
ISBN 978-5-275-01700-7

© ТЕРРА—Книжный клуб, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

третьей части

Глава XXIV

Пребывание Юлиана в Антиохии. — Его успешный поход против Персов. — Переход через Тигр. — Отступление и смерть Юлиана. — Избрание Иовиана. — Он спасает римскую армию постыдным мирным трактатом 14

Н. Э. 362.	Цезари Юлиана Он решается предпринять поход против персов Юлиан отправляется из Константинополя в Антиохию Распутные нравы антиохийцев Их ненависть к Юлиану Недостаток хлеба и общее недовольство Юлиан сочиняет сатиру на Антиохию
344 — 390. 363.	Софист Либаний Поход Юлиана на Евфрат Он намеревается проникнуть внутрь Персии. Недоброжелательство царя Армянского Военные приготовления Юлиан вступает на персидскую территорию Переходит через степи Месопотамии. Его успехи Описание Ассирии Вторжение в Ассирию Осада Перисабора Осада Маогамалхи Личное поведение Юлиана Он переводит свой флот из Евфрата в Тигр Положение Юлиана и его упорство Он сжигает свой флот Идет навстречу Сапору Отступление и бедствия римской армии Юлиан смертельно ранен
363.	Смерть Юлиана Избрание императора Иовиана Опасности и трудности отступления Переговоры и заключение мира Слабость и унижительное положение Иовиана Он продолжает свое отступление к Низибу Общий ропот против мирного договора Иовиан оставляет Низиб и возвращает персам пять провинций Размышления по поводу смерти Юлиана Размышления по поводу его погребения

Глава XXV

Управление и смерть Иовиана. — Избрание Валентиниана, который берет в соправители своего брата Валента и окончательно отделяет Восточную империю от Западной. — Восстание Прокопия. — Светское и церковное управление. — Германия. — Британия. — Африка. — Восток. — Дунай. — Смерть Валентиниана. — Его два сына, Грациан и Валентиниан II, получают в наследство Западную империю 75

- Н. Э.
 363. Состояние церкви
 Иовиан провозглашает всеобщую веротерпимость
 Его отбытие из Антиохии
 364. Иовиан вместе с своим малолетним сыном принимает звание и отличия консульской должности
 364. Смерть Иовиана
 Междуцарствие
 364. Избрание и характер Валентиниана
 Он признан войском
 Он назначает своего брата Валента соправителем
 364. Окончательный раздел Восточной и Западной империи.
 365. Возмущение Прокопия
 366. Его поражение и смерть
 373. Строгое преследование чародейства в Риме и Антиохии
 364 — 375. Жестокосердие Валентиниана и Валента
 Их законы и правление
 Валентиниан поддерживает веротерпимость.
 367 — 378. Валент исповедует арианскую веру
 и преследует католиков
 373. Смерть Афанасия
 Правильный взгляд на гонения, возбужденные Валентом
 370. Валентиниан сдерживает корыстолюбие духовенства
 366 — 384. Честолюбие и роскошь римского епископа Дамасия
 364 — 375. Внешние войны
 365. I. Германия. Аллеманны вторгаются в Галлию.
 366. Их поражение
 368. Валентиниан переходит через Рейн и укрепляет его
 371. Бургунды
 Саксы
 II. Британия. Скоты и пикты
 Их вторжение в Британию
 343-366. Феодосий снова подчиняет Британию
 367 — 370. III. Африка. Тирания Романа
 366. Восстание Фирма
 372. Феодосий снова подчиняет Африку
 373. Он казнен в Карфагене
 376. IV. Восток. Персидская война
 365 — 378. Заключение мира
 384. Приключения царя Армянского Нары
 V. Дунай. Завоевания Германариха
 366. Причина войны с готами

- 367 — 368. 369. Военные действия и заключение мира
 374. Война с квадами и сарматами
 375. Поход Валентиниана
 Его смерть
 Императоры Грациан и Валентиниан II.

Глава XXVI

Нравы пастушеских народов. — Движение гуннов от Китая к Европе. — Бегство готов. — Они переходят Дунай. — Война с готами. — Поражение и смерть Валента. — Грациан возводит Феодосия в звание восточного императора. — Характер и успехи Феодосия. — Заключение мира и поселения готов 160

- Н. Э.
 375. Землетрясения
 376. Гунны и готы
 Пастушеские нравы скифов или татар
 Пища
 Жилища
 Телесные упражнения
 Правление
 Положение и объем Скифии, или Татари
 Первоначальное место жительства гуннов
 Их завоевания в Скифии.
 До Р. Х.
 201. Их войны с китайцами
 141 — 87. Упадок гуннов и окончательное уничтожение
 их владычества
 По Р. Х.
 100. Их переселения
 Белые гунны, жившие в Согдиане
 Волжские гунны
 Они побеждают аланов
 375. Их победа над готами
 375. Готы просят покровительства Валента
 Они перевозятся через Дунай в Римскую империю
 Их бедствия и недовольство
 Восстание готов в Мизии и их первые победы
 Они проникают во Фракию
 377. Военные действия против готов
 Союз готов с гуннами, аланами и пр.
 378. Победа Грациана над аллеманнами
 Валент выступает против готов
 Битва при Адрианополе
 Поражение римлян
 Смерть императора Валента
 Погребальное слово Валенту и его войску
 Готы осаждают Адрианополь
 38. 379. Они опустошают римские владения
 378. Избиение готской молодежи в Азии
 379. Император Грациан возводит Феодосия
 в звание восточного императора

- 79 — 382. Происхождение и характер Феодосия
Его осторожное и успешное ведение войны с готами
Распри, поражение и покорение готов
381. Смерть и погребение Атанариха
386. Вторжение и поражение гутунгов, или остготов
383 — 395. Поселение готов во Фракии и в Азии
Их враждебные намерения

Глава XXVII

Смерть Грациана. — Уничтожение арианства. — Св. Амвросий. — Первая междоусобная война с Максимом. — Характер, управление и покаяние Феодосия. — Смерть Валентиниана II. — Вторая междоусобная война с Евгением. — Смерть Феодосия 235

Н. Э.

- 379 — 383. Характер и поведение императора Грациана
Его недостатки
383. Недовольство римских войск
Восстание Максима в Британии
383. Бегство и смерть Грациана
383 — 387. Заключение мира между
Максимом и Феодосием
380. Крещение и православные эдикты Феодосия
340 — 380. Арианство в Константинополе
378. Григорий Назианзин принимает на себя миссию
в Константинополь
380. Упадок арианства в Константинополе
381. Упадок арианства на Востоке
Собор в Константинополе
Удаление Григория Назианзина
380 — 394. Эдикт Феодосия против еретиков
385. Казнь Присциллиана и его сообщников
374 — 397. Миланский архиепископ Амвросий
385. Его успешное сопротивление императрице Юстине
387. Максим вторгается в Италию
Бегство Валентиниана
Феодосий вооружается на защиту Валентиниана
388. Поражение и смерть Максима
Добродетели Феодосия
Недостатки Феодосия
387. Восстание Антиохии
Милосердие Феодосия
390. Восстание и резня в Фессалониках
380. Влияние и поведение Амвросия
390. Покаяние Феодосия
388 — 391. Великодушие Феодосия
391. Характер Валентиниана
392. Его смерть
392 — 394. Узурпаторство Евгения
Феодосий готовится к войне
394. Его победа над Евгением
395. Смерть Феодосия

Развращенность той эпохи
Пехота перестает носить тяжелое вооружение

Глава XXVIII

Окончательное уничтожение язычества. — Христиане вводят у себя
поклонение святым и мощам 300

Н. Э.

- 378 — 395. Уничтожение языческой религии
Положение язычества в Риме
384. Прощение сената о восстановлении алтаря Победы
388. Обращение Рима в христианство
381. Разрушение языческих храмов в провинциях
Храм Сераписа в Александрии
389. Его окончательное разрушение
390. Языческая религия воспрещена
Ее преследуют
390 — 420. Она окончательно уничтожена
Поклонение христианам мученикам
Общие соображения
I. Мнимые мученики и мощи
II. Чудеса
III. Возрождение политеизма
IV. Введение языческих обрядов

Глава XXIX

Окончательное разделение Римской империи между сыновьями
Феодосия. — Царствование Аркадия и Гонория. — Управление
Руфина и Стилихона. — Восстание и поражение Гильдона в Африке 337

Н. Э.

395. Раздел империи между Аркадием и Гонорием
386 — 395. Характер и правление Руфина
395. Он обманут в надеждах женитьбой Аркадия
Характер министра и полководца Западной империи
Стилихона
385 — 408. Его воинские доблести
Падение и смерть Руфина
395. Распри между двумя империями
386 — 398. Возмущение Гильдона в Африке
399. Африканская война
398. Поражение и смерть Гильдона
398. Женитьба и характер Гонория

Глава XXX

Восстание готов. — Они грабят Грецию. — Два нашествия Алариха и
Радагайса на Италию. — Они отражены Стилихоном. — Германцы
вторгаются в Галлию. — Узурпация Константина на Западе. — Опала
и смерть Стилихона 365

Н. Э.

395. Восстание готов

396. Аларих проникает в Грецию
 397. Стилихон нападает на него
       Он спасается отступлением в Эпир
 398. Аларих назначен наместником восточной Иллирии.
       Он провозглашен царем вестготов
 400 — 403. Он вторгается в Италию
 403. Гонорий бежит из Милана
       Готы преследуют и осаждают его
 403. Битва при Полленции
       Отвага и отступление Алариха
 404. Триумф Гонория в Риме
       Бои гладиаторов воспрещены
       Гонорий избирает Равенну своей резиденцией
 400. Перевороты в Скифии
 405. Переселения северных германцев
 406. Радагайс вторгается в Италию
       Радагайс осаждает Флоренцию
       Радагайс угрожает Риму
 406. Поражение и истребление его армии Стилихоном.
       Остатки германцев вторгаются в Галлию.
 407. Опустошение Галлии
       Восстание британской армии
       Константин признан императором Британии и Галии.
 408. Прения в римском сенате
       Дворцовые интриги
 408. Опала и смерть Стилихона
       Его память преследуется
       Приверженец Стилихона поэт Клавдиан

Глава XXXI

Вторжение Алариха в Италию. — Нравы римского сената и народа. — Рим осажден три раза и наконец разграблен готами. — Смерть Алариха. — Готы удаляются из Италии. — Падение Константина. — Варвары занимают Галлию и Испанию. — Независимость Британии..... 427

Н. Э.

408. Слабость Равенского двора
       Аларих идет на Рим
       Аннибалы у ворот Рима
       Генеалогия сенатов
       Род Анициев
       Богатство римской знати
       Ее нравы
       Характер римской знати в описании Аммиана Марцеллина
       Положение и характер римского населения
       Публичная раздача хлеба, свинины, вина, масла и пр.
       Пользование публичными банями
       Игры и зрелища
       Населенность Рима
 408. Первая осада Рима готами

- Голод
Заразительные болезни
Суеверия
409. Аларих берет выкуп и снимает осаду
Бесплодные переговоры о мире
Смены министров
409. Вторая осада Рима готами
Аттал провозглашен императором готами и римлянами
410. Он низложен Аларихом
Третья осада и разграбление Рима готами
Уважение готов к христианской религии
Разорение Рима и пожары
Пленные и беглецы
Грабеж Рима войсками Карла V
410. Аларих очищает Рим и опустошает Италию
- 408 — 412. Господство готов в Италии
410. Смерть Алариха
412. Царь готов Атаульф заключает мир с империей
и направляется в Галлию
414. Его брак с Плацидией
Сокровища готов
- 410 — 447 Эдикты, облегчающие положение жителей Италии и Рима
410. Восстание и поражение комита Африки Гераклиана
- 409 — 413. Перевороты в Галлии и Испании
Характер и победы военачальника Констанция
411. Смерть узурпатора Константина
- 411 — 416. Падение узурпаторов Иовина, Себастиана и Аттала
409. Вторжение в Испанию севов, вандалов, аланов
414. Царь готов Атаульф предпринимает поход в Испанию
415. Его смерть
- 415 — 418 Готы покоряют Испанию и снова подчиняют ее
римскому владычеству
419. Их поселение в Аквитании
Бургунды
420. Положение варваров в Галлии.
409. Восстание Британии и Арморики
- 409 — 449. Положение Британии
418. Собрание представителей семи провинций Галлии

Глава XXXII

Царствование восточного императора Аркадия. — Управление и опала
Евтропия. — Восстание Гайны. — Преследование св. Иоанна
Златоуста. — Вступление на престол Феодосия II. — Его сестра
Пульхерия. — Его жена Евдоксия. — Персидская война и
разделение Армении 519

Н. Э.

- 395 — 453. Восточная империя
- 395 — 408 Царствование Аркадия
- 395 — 399. Правление и характер Евтропия
Его продажность и несправедливость
Гибель Абунданция
Низвержение Тимазия

397.	Жестокий и несправедливый закон о государственной измене.
399.	Восстание Трибигильда
	Падение Евтропия
400.	Заговор и падение Гайны
398.	Избрание и достоинства св.Иоанна Златоуста
398 — 403.	Его управление и недостатки
403.	Преследование Златоуста императрицей Евдоксией
	Народные смуты в Константинополе
404.	Изгнание Златоуста
407.	Его смерть
438.	Его мощи переносятся в Константинополь
408.	Смерть Аркадия
	Его мнимое завещание
408 — 415.	Правление Анфимия
414 — 453.	Характер и правление Пульхерии
	Воспитание и характер Феодосия Младшего
421 — 460.	Характер и приключения императрицы Евдоксии
422.	Персидская война
431 — 440.	Раздел Армении между персами и римлянами

Глава XXXIII

Смерть Гонория. — Западный император Валентиниан III. — Управление его матери Плацидии. — Аэций и Бонифаций. — Завоевание Африки вандалами	564
--	-----

Н. Э.

423.	Последние годы и смерть Гонория
423 — 425.	Возвышение и падение узурпатора Иоанна
425 — 455.	Западный император Валентиниан III
425 — 450.	Управление его матери Плацидии
	Ее два полководца Аэций и Бонифаций
427.	Ошибка и восстание Бонифация в Африке
428.	Он призывает вандалов
	Царь вандалов Гейзерих
429.	Его прибытие в Африку
	Он делает смотр своим войскам
	Мавры
	Донатисты
430.	Позднее раскаяние Бонифация
	Бедственное положение Африки
430.	Осада Гиппона
430.	Смерть св. Августина
431.	Поражение и отступление Бонифация
432.	Его смерть
431 — 439.	Распространение вандалов в Африке
439.	Они нападают врасплох на Карфаген
	Африканские изгнанники и пленники
	Сказание о Семи Спящих Отроках

Глава XXXIV

Характер, завоевания и двор царя гуннов Аттилы. — Смерть Феодосия Младшего. — Возведение Маркиана в звание восточного императора 590

- Н. Э.
 376 — 433. Гунны
 Их поселения в современной Венгрии
 433 — 453. Царствование Аттилы
 Его наружность и характер
 Он находит меч Марса
 Он подчиняет своей власти Скифию и Германию
 430 — 440. Гунны вторгаются в Персию
 442 и пр. Они нападают на Восточную империю
 Опустошают Европу до Константинополя
 Скифские и Татарские войны
 Положение пленных
 446. Заключение мира между Аттилой и Восточной империей
 Храбрость жителей Азимунция
 Аттила отправляет послов в Константинополь
 448. Максимин отправляется послом к Аттиле
 Царская деревня и дворец
 Обращение Аттилы с римскими послами
 Царский пир
 Заговор римлян против жизни Аттилы
 Он делает выговор императору и прощает его
 450. Смерть Феодосия Младшего
 Ему наследует Маркиан
-

В конце каждой главы дается примечание.

ИСТОРИЯ УПАДКА И РАЗРУШЕНИЯ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Глава XXIV

Пребывание Юлиана в Антиохии. —

Его успешный поход против персов. — Переход
через Тигр. — Отступление и смерть Юлиана. —
Избрание Иовиана. — Он спасает римскую ар-
мию постыдным мирным трактатом.

Написанная Юлианом философическая сказка "Цезари"¹⁾ есть одно из самых привлекательных и поучительных произведений античного остроумия²⁾. Во время свободы и равенства, которыми отличалось празднование Сатурналий, Ромул устроил пир для тех богов Олимпа, которые признали его достойным быть их товарищем, а также для римских государей, царствовавших над его воинственным народом и над побежденными им нациями. Бессмертные боги разместились на своих парадных тронах в надлежащем порядке, а стол для Цезарей был накрыт под луною, в верхних слоях атмосферы. Тираны, которые обесчестили бы своим присутствием общество и богов и людей, стремглав летят в пропасти ада, низвергнутые неумолимою Немезидою. Прочие Цезари приближаются один вслед за другим к своим местам, и по мере того, как они проходят, веселый моралист старик Силен, скрывающий под маской гуляки мудрость философа, злобно отмечает пороки, недостатки и позорные дела каждого из них³⁾. Лишь только пир кончился, голос Меркурия возвестил волю Юпитера, чтобы небесный венец был наградой высших достоинств. В качестве самых выдающихся кандидатов избраны Юлий Цезарь, Август, Траян и Марк Антонин; изнеженный Константин⁴⁾ не был лишен права участвовать в этом почетном соискательстве, а великий Александр был приглашен состязаться с римскими героями из-за славной награды. Каждому из кандидатов было дозволено объяснить достоинство своих собственных подвигов, но, по мнению богов, скромное молчание Марка говорило в его пользу более красноречиво,

чем изысканные речи его высокомерных соперников. Когда судьбы этого величественного состязания стали исследовать сердечные побуждения и вникать в мотивы действий, превосходство стоика-императора представилось еще более решительным и очевидным⁵⁾. Александр и Цезарь, Август, Траян и Константин со стыдом сознались, что или слава, или власть, или наслаждение были главной целью их усилий; но сами боги с уважением и любовью взирали на добродетельного смертного, который, сидя на троне, руководствовался поучениями философии и который, при несовершенствах человеческой природы, старался подражать нравственным атрибутам божества. Высокое положение автора увеличивает достоинства этого привлекательного произведения ("Цезарей" Юлиана). Монарх, не стесняясь перечисляющий пороки и добродетели своих предшественников, на каждой строке подписывает порицание или одобрение своих собственных действий.

В минуты спокойных размышлений Юлиан отдавал предпочтение полезным и благотворным доблестям Антонина; но слава Александра воспламеняла в нем честолюбие, и он с одинаковым жаром искал и уважения мудрецов и рукоплесканий толпы. В ту пору своей жизни, когда силы умственные и физические достигли своего полного развития, император, уже многому научившийся из опыта и ободренный успехом германской войны, решился ознаменовать свое царствование какими-нибудь более блестящими и более достопамятными подвигами. Послы с Востока, из Индии и с острова Цейлон⁶⁾ приезжали почтительно приветствовать римского императора⁷⁾. Народы Запада уважали и мирные и военные доблести Юлиана и боялись их. Сам он пренебрегал трофеями победы над готами⁸⁾ (меньше чем через пятнадцать лет эти раболопные готы стали грозить своим повелителям и победили их) и довольствовался тем, что страх, внушаемый его именем, и добавочные укрепления, воздвигнутые им на границах Фракии и Иллирии, будут впредь удерживать хищных придунайских варваров от нарушения договоров. Преемник Кира и Артаксеркса был в его глазах единственным соперником, достойным с ним бороться, и он решился наказать окончательным завоеванием Персии эту высокомерную нацию, так долго не признававшую и оскорблявшую величие Рима⁹⁾. Лишь только персидский монарх узнал, что на престол Кон-

станция вступил государь совершенно иного характера, он снизошел до того, что сделал некоторые лукавые или, быть может, искренние попытки вступить в мирные переговоры. Но гордый Сапор был удивлен твердостью Юлиана, который решительно заявил, что никогда не согласится вести переговоры о мире среди пепла и развалин городов Месопотамии, и к этому прибавил с презрительной улыбкой, что нет надобности вести переговоры через послов, так как он сам решил в скором времени посетить персидский двор. Нетерпение императора ускорило военные приготовления. Генералы были назначены; сильная армия была приготовлена для этой важной экспедиции, и сам Юлиан, направившись из Константинополя через малоазиатские провинции, прибыл в Антиохию почти через восемь месяцев после смерти своего предместника. Его пылкое желание проникнуть внутрь Персии было сдержано необходимостью урегулировать положение империи, его старанием восстановить поклонение богам и советами самых благоразумных из его друзей, которые доказывали ему, что необходимо воспользоваться зимним отдыхом для того, чтобы восстановить истощенные силы галльских легионов, дисциплину и бодрость духа в восточной армии. Юлиана убедили прожить до следующей весны в Антиохии среди населения, готового и злобно осмеивать торопливость своего государя, и злобно порицать его нерешительность¹⁰⁾. Если Юлиан льстил себя надеждой, что его пребывание в столице Востока будет приятно и для него самого и для местного населения, то он составил себе ошибочное понятие и о своем собственном характере и о нравах жителей Антиохии¹¹⁾. Жаркий климат располагал туземцев к самому невоздержному наслаждению праздностью и роскошью; веселая распущенность греков соединялась у них с наследственной изнеженностью сирийцев. Мода была единственным законом для граждан Антиохии; удовольствие было их единственной целью, а роскошь костюмов и домашней обстановки была единственным отличием, возбуждавшим в них соревнование. Искусства, удовлетворявшие склонность к роскоши, были в почете; серьезные и благородные доблести были предметом насмешек, а презрение к женской стыдливости и к преклонным летам доказывало всеобщую нравственную испорченность. Влечение к публичным зрелищам доходило у сирийцев до страсти; из ближайших городов выписывались

самые искусные артисты¹²⁾; значительная часть доходов тратилась на общественные забавы, а великолепие игр в театре и цирке считалось благополучием и славой Антиохии. Неизящные привычки монарха, пренебрегавшего такой славой и равнодушного к такому благополучию, скоро оттолкнули от него этих деликатных подданных, и изнеженные жители Востока не могли ни подражать, ни удивляться строгой простоте, с которой постоянно держал себя Юлиан и которую он иногда притворно выказывал. Только в праздничные дни, посвященные старинным обычаям на чествование богов, Юлиан отступался от своей философской суровости, и эти праздники были единственными днями, в которые антиохийские сирийцы были способны отказываться от приманки наслаждений. Большинство жителей гордились названием христиан, которое было впервые придумано их предками¹³⁾; они довольствовались тем, что не подчинялись нравственным правилам своей религии, но строго держались ее отвлеченных догматов. Антиохийскую церковь раздирали ереси и расколы, но как приверженцы Ария и Афанасия, так и последователи Мелетия и Павлина¹⁴⁾ питали одинаковую благочестивую ненависть к своему общему врагу — императору.

Умы были чрезвычайно сильно предубеждены против личности Отступника — врага и преемника такого монарха, который приобрел расположение весьма многочисленной секты, а перенесение смертных останков св. Вавилы возбудило непримиримую ненависть к Юлиану. Его подданные с суеврным негодованием жаловались на то, что голод приближался вслед за императором от Константинополя до Антиохии, а неудовольствие голодного населения усиливалось от неблагоразумной попытки облегчить его страдания. Дурная погода была причиной плохого урожая в Сирии, и цены на хлеб¹⁵⁾ естественным образом поднялись на антиохийских рынках соразмерно со степенью неурожая. Но корыстолюбивые проделки монополистов скоро увеличили натуральные размеры несчастья. В то время как в такой неравной борьбе одни заявляют свои права на земные продукты как на свою исключительную собственность, другие стараются их захватить как выгодный предмет торговли, а третьи требуют их себе как ежедневного и необходимого способа пропитания — все барыши, достаемые агентам-посредникам, уплачиваются беззащитными потребителями. Трудности положения

этих последних были преувеличены и усилены их собственной нетерпеливостью и беспокойством, и опасения, вызванные скудным урожаем, мало-помалу привели к настоящему голоду. Когда изнеженные антиохийские граждане стали жаловаться на дороговизну домашней птицы и рыбы, Юлиан публично заявил, что воздержанное городское население должно быть довольным, если его будут аккуратно снабжать вином, прованским маслом и хлебом; но он сознавал, что на государе лежит обязанность заботиться о продовольствии своих подданных. С этой благотворной целью император решился на очень опасную и сомнительную меру, определив законом продажную цену хлеба. Он постановил, что в неурожайные годы хлеб должен продаваться по такой цене, какая редко существовала в самые урожайные годы; а для того, чтобы подкрепить силу закона своим собственным примером, он послал на рынок четыреста двадцать две тысячи *modii**, взятые из хлебных магазинов Иераполиса, Халкиды и даже Египта. Последствия этих распоряжений можно было предвидеть, и они скоро обнаружились. Императорский хлеб был куплен богатыми торговцами; землевладельцы или те, у кого был зерновой хлеб, перестали доставлять его в город, а небольшое его количество, появлявшееся на рынке, втайне продавалось по возвышенной и недозволенной цене. Юлиан все-таки оставался доволен своими распоряжениями, считал жалобы народа за неосновательный и неблагодарный ропот и доказал жителям Антиохии, что он унаследовал, если не жестокосердие, то упрямство своего брата Галла¹⁶⁾. Представления муниципального сената только раздражили его неподатливый ум. Он был, может быть не без основания, убежден, что те из антиохийских сенаторов, которые владели землями или занимались торговлей, сами вызвали бедственное положение своего города, а непочтительную смелость, с которой они выражались, он приписывал не сознанию своего долга, а влиянию личных интересов. Весь сенат, состоявший из двухсот самых знатных и самых богатых граждан, был отправлен из места своих заседаний под конвоем в тюрьму, и, хотя еще до наступления ночи сенаторам было дозволено разойтись по домам¹⁷⁾, сам император не мог получить помилования так же легко, как даровал его другим. Непрекращавшиеся лишения не переставали служить поводом для жалоб, которые искусно пуска-

---

* Модий — мера.

лись в ход остроумными и легкомысленными сирийскими греками. Во время разнузданности Сатурналий на городских улицах раздавались дерзкие песни, в которых осмеивались законы, религия, личное поведение императора и даже его борода, а дух антиохийского населения обнаружился в потворстве должностных лиц и в рукоплесканиях толпы¹⁸⁾. Ученик Сократа был глубоко оскорблен этими народными насмешками, но монарх, одаренный тонкой чувствительностью и имевший в своих руках абсолютную власть, не удовлетворил своего гнева мщением. Тиран стал бы лишать без разбора всех антиохийских граждан и жизни и состояния, а невинные сирийцы стали бы терпеливо удовлетворять сластолюбие, жадность и жестокосердие верных галльских легионов. Более мягкий приговор мог бы лишить столицу Востока ее почетных отличий и привилегий, а царедворцы и, может быть, даже подданные Юлиана одобрили бы акт справедливости, которым поддерживалось достоинство верховного сановника республики¹⁹⁾. Но вместо того, чтобы употребить во зло или применить к делу государственную власть для отмщения за свои личные обиды, Юлиан удовлетворялся таким безобидным способом мщения, к которому могли бы прибегнуть лишь очень немногие из царствующих государей. Он был оскорблен сатирами и пасквилями; и он в свою очередь написал, под заглавием "Ненавистник Бороды", ироническое признание в своих собственных ошибках и строгую сатиру на распущенность и изнеженность антиохийских нравов. Это императорское возражение было публично выставлено перед воротами дворца, и "Мизопогон" до сих пор служит оригинальным памятником гнева, остроумия, человеколюбия и нескромности Юлиана²⁰⁾. Хотя он делал вид, будто смеется, он не был в состоянии простить²¹⁾. Он выразил свое презрение и отчасти удовлетворил свою жажду мщения тем, что назначил в Антиохию такого губернатора²²⁾, который был годен только для таких подданных; затем, покидая навсегда этот неблагодарный город, он объявил, что проведет следующую зиму в Тарсе, в Киликии²³⁾.

Однако Антиохия заключала в своих стенах такого гражданина, гений и добродетели которого могли бы искупить, в мнении Юлиана, пороки и безрассудство его отечества. Софист Либаний родился в столице Востока; он публично преподавал риторику и правила декламации в Никее, Никоме-

дии, Константинополе, Афинах, а в течение всей остальной жизни — в Антиохии. Его школу усердно посещала греческая молодежь; его ученики, иногда доходившие числом более чем до восьмидесяти, превозносили своего несравненного наставника, а зависть его соперников, преследовавших его от одного города до другого, подтверждала то лестное мнение, которое Либаний открыто высказывал о превосходстве своих дарований. Наставники Юлиана вынудили от него опрометчивое, но торжественное уверение, что он никогда не посетит лекций их соперника; это сдержало и вместе с тем воспламенило любознательность царственного юноши; он тайком добыл сочинения этого опасного софиста и мало-помалу достиг того, что превзошел в подражании его стилю самых трудолюбивых из его постоянных учеников²⁴⁾.

Когда Юлиан вступил на престол, он заявил о своем нетерпении обнять и наградить сирийского софиста, сохранившего в век упадка греческую чистоту вкуса, привычек и религии. Сдержанность и гордость Либания усилили и оправдали слепое влечение императора к этому фавориту. Вместо того чтобы устремиться вместе с толпою искателей в константинопольский дворец, Либаний спокойно ожидал прибытия Юлиана в Антиохию, удалился от двора при первых признаках холодности и равнодушия, ожидал для каждого из своих посещений формального приглашения и преподавал своему государю тот важный урок, что повиновения от подданного он может требовать, а привязанность от друга он должен заслужить. Софисты всех веков, презирающие или притворяющиеся, что презирают случайные преимущества рождения и состояния²⁵⁾, относятся с уважением лишь к тем умственным достоинствам, которыми они сами так щедро наделены. Юлиан мог относиться с пренебрежением к похвалам продажного двора, преклонявшегося перед императорской порфирой, но ему чрезвычайно льстили похвалы, предостережения, нестесняемость и соперничество самостоятельного философа, который отвергал его милости, любил его личность, превозносил его славу и мог увековечить его память. Многотомные сочинения Либания дошли до нас: это большею частью или пустые бесплодные произведения оратора, изучавшего науку слов, или произведения ученого затворника, который вместо того, чтобы изучать своих современников, не сводит глаз с троянской войны и с афинской республики.

Впрочем, антиохийский софист по временам спускался с этой мнимой высоты: он писал много тщательно обработанных писем по различным предметам²⁶⁾; он восхвалял добродетели своего времени, смело нападал на злоупотребления и в общественной и в частной жизни и красноречиво защищал Антиохию от основательного гнева Юлиана и Феодосия. На долю людей преклонных лет²⁷⁾ обыкновенно выпадает та невзгода, что они утрачивают все, что могло бы привязывать их к жизни; но на долю Либания выпала та необычайная невзгода, что он пережил и религию и науки, которым посвятил свой гений. Друг Юлиана был негодующим свидетелем торжества христианства, а его слепая привязанность к язычеству, мешавшая ему ясно видеть то, что происходило вокруг него, не внушала ему никакой животворной надежды на то, что можно найти славу и блаженство на небесах²⁸⁾.

Увлекаемый воинственным пылом, Юлиан выступил в поход в начале весны и отослал назад с презрением и с упреками антиохийских сенаторов, провожавших императора за пределы провинции, в которую он решился никогда более не возвращаться. После утомительного двухдневного перехода²⁹⁾ он становился на третий день в Берее или Алеппо, где, к своему прискорбию, нашел состоявший почти исключительно из христиан сенат, который отвечал на красноречивое приветствие проповедника язычества холодными и церемонными изъявлениями своего уважения. Сын одного из самых знатных граждан Берей, перешедший в веру императора, быть может, из интереса, а быть может, и из убеждения, был лишен своим разгневанным отцом наследства. Отец и сын были приглашены к императорскому столу. Усевшись промеж них, Юлиан безуспешно пытался внушить им, указывая на свой собственный пример, принципы терпимости, выносил с притворным равнодушием нескромное религиозное рвение престарелого христианина, по-видимому позабывшего и чувства, внушаемые самой природой, и обязанности подданного, и в конце концов обратился к огорченному юноше со словами: "Так как вы потеряли отца из-за меня, то на мне лежит обязанность заменить его"³⁰⁾. Император нашел более соответствовавший его желаниям прием в Батнее — небольшом городке, красиво расположенном посреди кипарисовой рощи, почти в двадцати милях от города Иераполиса³¹⁾. Жители Батнеи, по-видимому очень привязанные к

поклонению своим богам-покровителям, Апполону и Юпитеру, приготовились как следует к торжественным обрядам жертвоприношения; но серьезное благочестие Юлиана было оскорблено их шумными рукоплесканиями, и он ясно понял, что дым, подымавшийся с их алтарей, был выражением скорее лести, чем набожности. Древний и великолепный храм, которым в течение стольких веков славился город Иераполис³²⁾, уже не существовал более, а посвященные храму богатства, доставлявшие обильные средства существования более чем тремстам жрецам, может быть ускорили его разрушение. Впрочем, Юлиан имел удовольствие обнять там философа и друга, религиозная твердость которого не поддавалась настоятельным и неоднократным просьбам Констанция и Галла всякий раз, как эти монархи останавливались в его доме при проезде через Иераполис. Среди суматохи военных приготовлений и в ничем не стесняемой откровенности фамильярной переписки религиозное усердие Юлиана проявлялось во всей своей пылкости и устойчивости. Он начинал важную и трудную войну, и забота насчет ее исхода заставляла его с большим, чем когда-либо, вниманием наблюдать и отмечать самые мелочные предзнаменования, из которых можно было извлекать, по правилам ворожбы, знание будущего³³⁾. О подробностях своего переезда до Иераполиса он известил Либания изящным письмом³⁴⁾, которое обнаруживает как живость его ума, так и его нежную дружбу к антиохийскому софисту.

Иераполис, лежащий почти у самых берегов Евфрата³⁵⁾, был назначен общим сборным местом для римских войск, которые немедленно перешли через эту великую реку по заранее устроенному плашкоутному мосту³⁶⁾. Если бы у Юлиана были такие же наклонности, как у его предместника, он, вероятно, провел бы самое важное и самое удобное для военных действий время года в самосатском цирке или в эдесских церквах. Но так как воинственный император взял за образец не Констанция, а Александра, то он, не теряя времени, направился в Карры³⁷⁾, очень древний город в Месопотамии, находившийся на расстоянии восьмидесяти миль от Иераполиса. Храм Луны привлекал к себе благочестивого Юлиана; однако несколько дней, проведенных там императором, были употреблены главным образом на довершение громадных приготовлений к войне с Персией. До той поры Юлиан нико-

му не сообщал, какая была цель этой экспедиции; но так как в Каррах расходятся в разные стороны две большие дороги, то он уже не мог долее скрывать, с какой стороны он намеревался напасть на владения Сапора, — со стороны ли Тигра или со стороны Евфрата. Император отрядил тридцатитысячную армию под начальством своего родственника Прокопия и бывшего египетского дукса Севастиана, с приказанием направиться к Низибу и, прежде чем попытаться перейти Тигр, охранить границу от неприятельских вторжений. Ее дальнейшие действия были предоставлены усмотрению полководцев; но Юлиан надеялся, что, опустошив огнем и мечом плодородные округа Мидии и Адиабены, они придут к стенам Ктесифона почти в то самое время, как он сам, подвигаясь вдоль берегов Евфрата, придет туда, чтобы предпринять осаду столицы персидской монархии. Успех этого хорошо задуманного плана в значительной степени зависел от содействия и усердия царя Армении, который мог, без всякой опасности для своих собственных владений, отрядить на помощь римлянам армию из четырех тысяч конницы и двадцати тысяч пехоты³⁸⁾. Но слабый царь армянский Арсак Тиран³⁹⁾ отступил от благородных доблестей великого Тиридата еще более постыдным образом, чем его отец Хосрой, и так как этому слабодушному монарху были не по вкусу предприятия, сопряженные с опасностями и доставляющие славу, то он постарался прикрыть свое трусливое бездействие благовидными ссылками на свою религию и на свою признательность. Он заявил о своем благоговейном уважении к памяти Констанция, давшего ему в супружество дочь префекта Аблавия Олимпиаду, — так как гордость варварского царя была польщена браком с такой женщиной, которая предназначалась в жены императору Констансу⁴⁰⁾. Тиран исповедовал христианскую религию; он царствовал над христианской нацией, а потому и голос совести и его личные интересы не позволяли ему содействовать такой победе, которая довершила бы гибель христианской церкви. Нерасположение Тирана еще усилилось вследствие неосмотрительности Юлиана, обходившегося с царем Армении как со своим рабом и как с недругом богов. Высокомерный и угрожающий тон императорского послания⁴¹⁾ возбудил тайное негодование в монархе, который и при своей унижительной зависимости не забывал, что он происходит от тех самых Арсакидов, которые ког-

да-то властвовали над Востоком и соперничали с могуществом римлян.

Юлиан искусно расположил свои войска с целью ввести в заблуждение шпионов и отвлечь внимание Сапора. Легионы, по-видимому, направлялись в Низибу и к Тигру; но они внезапно поворотили вправо, перешли гладкую и ничем не защищенную равнину Карр и достигли на третий день берегов Евфрата в том месте, где находился основанный македонскими царями город Никефорий, или Каллиник. Оттуда император прошел более девяноста миль вдоль извивающегося течения Евфрата и наконец, почти через месяц после своего выступления из Антиохии, увидел башни Цирцезия на самой крайней границе римских владений. Армия Юлиана, самая многочисленная из всех, какие выступали под предводительством Цезарей против персов, состояла из шестидесяти пяти тысяч наличных и хорошо дисциплинированных солдат. Из различных провинций были собраны самые испытанные в боях отряды кавалерии и пехоты, состоявшие из римлян и из варваров, а заслуженное право первенства и по преданности и по храбрости было предоставлено отважным галлам, охранявшим престол и особу своего возлюбленного государя. Значительный отряд скифских вспомогательных войск был приведен из иного земного пояса и почти, можно сказать, из иного мира для того, чтобы вторгнуться в отдаленную страну, и имя и географическое положение которой было ему незнакомо. Склонность к грабежу и любовь к войне привлекли под императорские знамена некоторые племена сарацинов или бродячих арабов, которым он приказал явиться на службу, вместе с тем решительно отказав им в уплате обычных субсидий. Широкий фарватер Евфрата⁴²⁾ был покрыт флотом из тысячи ста судов, которые должны были сопровождать римскую армию и удовлетворять ее нужды. Военные силы флота состояли из пятидесяти вооруженных галер, за которыми следовало столько же плоскодонных судов, способных, в случае надобности, прикрепляться одно к другому для образования временного плашкоутного моста. Остальные суда, частью построенные из дерева и частью покрытые сырыми кожами, были нагружены почти неисчислимыми запасами оружия и военных машин, посуды и съестных припасов. Бдительное человеколюбие заставило Юлиана запастись в огромном количестве уксусом и сухарями для солдат, но он

запретил употребление вина и дал строгое приказание отослать назад длинный ряд ни к чему не нужных верблюдов, примкнувший к арьергарду армии. Река Хабора впадает в Евфрат при Цирцезии⁴³⁾, и лишь только трубы подали сигнал к выступлению, римляне перешли небольшую речку, разделявшую две могущественные и враждовавшие одна с другой империи. Старинный обычай требовал от Юлиана воинственной речи, а он никогда не пропускал случая выказать свое красноречие. Он воодушевил горевшие нетерпением сразиться и внимательно слушавшие легионы, напомнив им о непреклонном мужестве и славных победах их предков. Он возбудил в них жажду мщения, изобразив яркими красками наглость персов, и убеждал их принять, подобно ему самому, твердое решение или уничтожить эту вероломную нацию, или пожертвовать своей жизнью для республики. Влияние Юлианова красноречия было усилено подарком каждому солдату ста тридцати серебряных монет, и немедленно вслед затем мост через Хабору был уничтожен для того, чтобы войска убедились, что их судьба будет зависеть лишь от успеха военных действий. Впрочем, предусмотрительность императора заставила его позаботиться о безопасности отдаленной границы, беспрестанно подвергавшейся нашествиям враждебных арабов, и оставленный в Цирцезии отряд из четырех тысяч человек увеличил до десяти тысяч силы гарнизона, охранявшего эту важную крепость⁴⁴⁾.

С той минуты, как римляне вступили на неприятельскую территорию⁴⁵⁾, — на территорию предприимчивого и коварного врага — войска стали подвигаться вперед тремя колоннами⁴⁶⁾. Пехота, составлявшая главную силу армии, была помещена в центре, под начальством своего главного командира Виктора. Вправо от нее храбрый Невитта вел колонну из нескольких легионов вдоль берегов Евфрата, почти постоянно оставаясь в виду флота. Левый фланг армии охранялся кавалерийской колонной. Гормизд и Аринфей были назначены начальниками конницы, а странная судьба⁴⁷⁾ первого из них стоит того, чтобы остановить на ней наше внимание. Он был персидский принц из царского рода Сассанидов; будучи заключен в тюрьму во время смут, ознаменовавших малолетство Сапора, он спасся бегством и нашел гостеприимный прием при дворе Константина Великого. Сначала Гормизд возбуждал сострадание своего нового повелителя, а в конце

концов снискал его уважение; его храбрость и преданность возвысили его до высших отличий военного звания, и, хотя он был христианин, он мог с тайным чувством удовольствия доказать своему неблагодарному отечеству, что оскорбленный подданный может оказаться самым опасным врагом. Таково было распределение трех главных колонн. Фронт и фланги армии прикрывал Луцилиан с летучим отрядом из тысячи пятисот легковооруженных солдат, которые с неутомимой бдительностью следили за самыми отдаленными признаками приближения неприятеля и тотчас уведомляли Юлиана. Дагалайф и Секундин, военачальник Озроэнский, начальствовали над войсками арьергарда; багаж безопасно двигался вперед посреди колонн, а ряды армии — потому ли, что так было удобнее, или потому, что Юлиан хотел заставить думать, что его армия более многочисленна, чем была на самом деле — были раздвинуты так широко, что боевая линия простиралась почти на десять миль. Обычный пост Юлиана находился во главе центральной колонны, но так как он предпочитал обязанности генерала величию монарха, то он быстро переносился, с небольшим конвоем легкой кавалерии, то к фронту, то к арьергарду, то к флангам — одним словом, всюду, где его присутствие могло ускорить или облегчить наступательное движение римской армии. Страна, через которую он проходил от Хабора до возделанных земель Ассирии, может считаться за ту часть пустынной Аравии, которая представляет сухую бесплодную степь и которую не могли бы сделать плодородной самые могущественные усилия человеческой предприимчивости. Юлиан шел по той самой местности, по которой, почти за семьсот лет перед тем, вел свою армию младший Кир и которая описана участвовавшим в этой экспедиции мудрым и геройским Ксенофонт⁴⁸⁾. "Местность была постоянно такая же гладкая, как море, и на ней было множество полыни; если же попадались другого рода кусты или тростник, то все они имели ароматический запах; но не было видно ни одного дерева. Дрофы и страусы, дикие козы и дикие ослы⁴⁹⁾, по-видимому, были единственными обитателями этой пустыни, а трудности перехода облегчались развлечениями охоты". Сухой степной песок нередко вздымался от ветра, образуя облака пыли, а свирепые ураганы неожиданно сшибали с ног солдат Юлиана, унося их палатки.

Песчаные равнины Месопотамии были предоставлены диким козам и ослам, но множество многолюдных городов и деревень было красиво разбросано по берегам Евфрата и по островам, образуемым этой рекой. Город Анна, или Анато⁵⁰⁾, служащий в настоящее время резиденцией для одного из арабских эмиров, состоит из двух длинных улиц; его окружность, укрепленная самой природой, вмещает в себя небольшой островок и два плодородных куска земли по обеим сторонам Евфрата. Воинственные жители Анато обнаружили намерение остановить движение римского императора, но отказались от такой пагубной самонадеянности благодаря кротким увещаниям Гормизда и страху, который навело на них приближение армии и флота. Они вымолили пощаду от Юлиана, который переселил их на выгодные места подле Халкиды, в Сирии, и дал их губернатору Пузею почетное место на своей службе и в своей дружбе. Но неприступная крепость Филуфа была в состоянии пренебречь угрозой осады, и император был вынужден удовольствоваться оскорбительным обещанием, что, когда он покорит внутренние провинции Персии, Филуфа уже не откажется украсить собою триумф победителя. Жители незащищенных городов, не бывшие в состоянии или не желавшие сопротивляться, спешили спастись бегством, а их жилища, наполненные продуктами грабежа и съестными припасами, были заняты солдатами Юлиана, безжалостно и безнаказанно умертвившими нескольких беззащитных женщин. Во время похода вокруг армии постоянно рыскали так называемый Сурена, или персидский предводитель, и знаменитый эмир племени гасанов⁵¹⁾ Малек Родосак; они захватывали мародеров, нападали на отдельные отряды и даже храбрый Гормизд с некоторым трудом вырвался из их рук; но их наконец удалось отразить. Местность становилась с каждым днем все менее удобной для действий кавалерии, а когда римляне прибыли в Мацепракту, они увидели развалины стены, которая была построена древними ассирийскими царями для защиты их владений от вторжения мидян. На эти вступительные военные действия Юлиан употребил, как кажется, около двух недель, а расстояние от укреплений Цирцезия до стены Мацепракты можно определить почти в триста миль⁵²⁾.

Плодородная провинция Ассирия⁵³⁾, простиравшаяся по ту сторону Тигра до гор Мидии⁵⁴⁾, занимала около четырехсот

миль от древней стены Мацепракты до территории Басры, где соединенные воды Евфрата и Тигра вливаются в Персидский залив⁵⁵⁾. Вся эта местность могла бы по преимуществу называться Месопотамией, так как две названные реки, никогда не отдаляющиеся одна от другой более чем на пятьдесят миль, приближаются одна к другой, между Багдадом и Вавилоном, на расстояние двадцати пяти миль. Множество искусственных каналов, без большого труда прорытых в мягкой и не представляющей препятствий почве, соединяли две реки и пересекали ассирийскую равнину⁵⁶⁾. Эти искусственные каналы служили для разнообразных и важных целей. В эпоху наводнений они переливали избыток вод из одной реки в другую. Подразделяясь на ветви все более и более мелкие, они орошали безводные местности и восполняли недостаток дождя. Они облегчали мирные и торговые сношения, а так как плотины могли быть легко уничтожены, то они давали доведенным до отчаяния ассирийцам возможность внезапно затопить всю страну и тем остановить наступление неприятельской армии. Почве и климату Ассирии природа отказала в некоторых из своих лучших даров — в вине, оливках и фиговых деревьях, но та пища, которая необходима для поддержания человеческой жизни, в особенности пшеница и ячмень, произрастали в неисчерпаемом изобилии, так что сельский хозяин, доверявший земле посеянное зерно, нередко вознаграждался урожаем сам-двести или даже сам-триста. Поверхность страны была усеяна рощами бесчисленных пальмовых деревьев⁵⁷⁾, и трудолюбивые местные жители прославляли и в стихах и в прозе триста шестьдесят употреблений, которые делались из ствола, ветвей, листьев, сока и плодов этого полезного дерева. Производство кожаных и полотняных изделий занимало множество рабочих и доставляло ценные продукты для заграничной торговли, которая, впрочем, как кажется, была в руках иностранцев. Вавилон превратился в царский парк; но подле развалин этой древней столицы мало-помалу возникли новые города, а многочисленность стран обнаруживалась в многочисленности городов и селений, построенных из кирпичей, которые были высушены на солнце и крепко связаны между собой горной смолой — этим натуральным и оригинальным продуктом вавилонской почвы. В то время как преемники Кира господствовали над Азией, одна ассирийская провинция, в

течение целой трети года, доставляла все, что было нужно для роскошного стола и для содержания прислуги великого царя. Четыре значительных селения должны были содержать его индийских собак; восемьсот заводских жеребцов и шестнадцать тысяч кобыл постоянно содержались за счет страны для царских конюшен, а так как ежедневная подать, которую уплачивали сатрапу, доходила до одного английского бушеля серебра, то следует полагать, что ежегодный доход с Ассирии превышал 1 200 000 фунт.ст.⁵⁸⁾.

Юлиан предал поля Ассирии бедствиям войны; таким образом философ вымещал на невинных жителях те хищничества и жестокости, которые были совершены в римских провинциях их высокомерным повелителем. Испуганные ассирийцы призвали к себе на помощь воду и собственными руками довершили разорение своей страны. Дороги сделались непроходимыми, водяные потоки затопили лагерь, и войска Юлиана должны были в течение нескольких дней бороться с самыми ужасными затруднениями. Но все препятствия были преодолены настойчивостью легионных солдат, приученных не только к опасностям, но и к тяжелой работе и воодушевлявшихся тем же мужеством, какое проявлял их вождь. Вред был мало-помалу заглажен, воды снова вошли в свое ложе, целые рощи пальмовых деревьев были срублены и сложены вдоль испорченных дорог, и армия переправилась через самые широкие и самые глубокие каналы по мостам из плавающих плотов, которые держались на пузырях. Два ассирийских города дерзнули оказать сопротивление войскам римского императора, и оба дорого заплатились за свою опрометчивость. Перизабор, или Анбар, находившийся на расстоянии пятидесяти миль от царской резиденции — Ктесифона, занимал после столицы первое место в провинции; это был город обширный, многолюдный и хорошо укрепленный; он был обнесен двойной стеной, которую почти со всех сторон обтекал один из рукавов Евфрата, и он имел храброго защитника в многочисленном гарнизоне. Увещания Гормизда были отвергнуты с презрением, и слух персидского принца был оскорблен основательным упреком, что, позабыв свое царское происхождение, он вел иностранную армию против своего государя и своей родины. Ассирийцы доказали свое верноподданство искусной и энергической обороной; а когда удачный выстрел из тарана открыл широкую брешь, разру-

шив один угол стены, они поспешно отступили в укрепления внутренней цитадели. Солдаты Юлиана стремительно бросились внутрь города, и после того, как были вполне удовлетворены все страсти солдат, Перизабор был обращен в пепел, а военные машины, направленные против цитадели, были поставлены на развалинах дымящихся домов. Борьба продолжалась, противники осыпали друг друга метательными снарядами, а выгода, которую римляне могли извлечь из искусного механического устройства своих самострелов и метательных машин, уравнивалась выгодами позиции, которую занимали осажденные. Но лишь только была сооружена громадная осадная машина, называвшаяся *helepolis*, которая достигала одного уровня с самыми высокими насыпями, один вид этой подвижной башни, не оставлявшей никакой надежды на успешное сопротивление или на пощаду, заставил объятых ужасом защитников цитадели смиренно покориться, и крепость сдалась лишь через два дня после того, как Юлиан впервые появился под стенами Перизабора. Две тысячи пятьсот человек обоего пола, составлявшие ничтожный остаток когда-то многочисленного населения, получили дозволение удалиться; огромные запасы зернового хлеба, оружия и дорогих военных снарядов были частью розданы войскам, частью предназначены на удовлетворение общественных нужд; бесполезные запасы были преданы огню или брошены в воды Евфрата, и совершенное разрушение Перизабора отмстило за гибель Амиды.

Город или, вернее, крепость Маогамалха была защищена шестнадцатью большими башнями, глубоким рвом и двумя крепкими и толстыми стенами, сделанными из кирпича с горной смолой; он был построен на расстоянии одиннадцати миль от персидской столицы, как кажется, для того, чтобы служить ей охраной. Император, из опасения оставить у себя в тылу такую важную крепость, немедленно приступил к осаде Маогамалхи и с этой целью разделил римскую армию на три отряда. Виктор, во главе кавалерии и отряда тяжеловооруженных пехотинцев, получил приказание очистить страну до берегов Тигра и до предместий Ктесифона. Ведение осады Юлиан принял на самого себя, и в то время как он, по-видимому, возлагал все свои надежды на поставленные против городских стен военные машины, он втайне замышлял более верный способ ввести свои войска внутрь города.

Под руководством Невитты и Дагалайфа траншеи были заложены на значительном расстоянии от крепости и мало-помалу доведены до окраин рва. Ров был поспешно засыпан землею, и, благодаря непрерывным усилиям войск, был сделан под фундаментом стены подкоп; а для того, чтобы земля не осыпалась, были вколочены деревянные подпорки на приличном одна от другой расстоянии. Солдаты трех избранных когорт поодиночке и молча пробрались по этому темному и опасному проходу, и их неустрашимый начальник шепотом передал через своих подчиненных известие, что он достиг такого пункта, откуда может выйти в улицы неприятельского города. Юлиан сдержал его горячность, чтобы обеспечить успех предприятия, и немедленно отвлек внимание гарнизона смятением и шумом всеобщего приступа. Персы, с презрением смотревшие со своих стен на бесполезные усилия осаждающих, прославляли в песнях величие Сапора и осмелились уверять императора, что он успеет переселиться в звездное жилище Ормузда, прежде чем получит надежду овладеть неприступным городом Маогамалхой. Но город уже был взят. История сохранила имя простого солдата, который прежде всех вышел из прохода и забрался в одну никем не занятую башню. Его товарищи расширили проход и с неудержимой храбростью устремились вперед. Уже тысяча пятьсот римлян находились внутри города. Пораженный удивлением гарнизон покинул стены, которые были его единственной охраной; ворота были тотчас взломаны, и солдаты стали удовлетворять свою жажду мщения умерщвлением всех без разбора, пока не отвлеклись от этого занятия удовлетворением своего сладострастия и своей алчности. Губернатор, который сдался в плен, полагаясь на обещание быть помилованным, был через несколько дней после того сожжен живым за то, что сказал несколько слов, оскорбительных для чести Гормизда. Укрепления были скрыты до основания, и не было оставлено никаких признаков того, что когда-то существовал город Маогамалха. В окрестностях персидской столицы находились три великолепных дворца, тщательно украшенных всем, что могло удовлетворять склонность к роскоши и гордость восточного монарха. Красиво расположенные вдоль берегов Тигра сады были украшены, согласно со вкусами персов, симметрически посаженными цветами, фонтанами, тенистыми аллеями, а обширные

парки были огорожены для содержания волков, львов и кабанов, на которых тратились большие суммы денег для царских развлечений охотой. Стены парков были разрушены, дикие звери пали под стрелами солдат, а дворцы Сапора были обращены по приказанию римского императора в пепел. В этом случае Юлиан доказал, что он или вовсе не знал, или не хотел соблюдать тех правил вежливости, которые установлены между враждующими монархами благоразумием и просвещением нашего времени. Впрочем, эти бесполезные опустошения не должны возбуждать в нас ни сильного сострадания, ни сильного негодования. Простая голая статуя, изваянная руками греческого художника, имеет более высокую цену, чем все эти грубые и дорогие памятники варварского искусства; если же мы стали бы скорбеть о разрушении дворца более чем о сожжении хижины, мы этим доказали бы, что наше человеколюбие весьма неправильно взвешивает бедствия человеческой жизни⁵⁹⁾. Юлиан был предметом ужаса и ненависти для персов, и живописцы этой нации изображали его в виде свирепого льва, пасть которого извергает всепожирающий огонь⁶⁰⁾. Но в глазах своих друзей и своих солдат герой-философ представлялся в более благоприятном свете, и его добродетели никогда еще не обнаруживались так явно, как в этот последний и самый деятельный период его жизни. Он без усилий и почти без всякой со своей стороны заслуги держался своих обычных правил умеренности и воздержания. Подчиняясь требованиям той искусственной мудрости, которая присваивает себе безусловное господство и над умом и над телом, он непреклонно отказывал самому себе в удовлетворении самых естественных вожделений⁶¹⁾. В жарком климате Ассирии, вызывающем сладострастных людей на удовлетворение всех чувственных влечений⁶²⁾, юный завоеватель сохранил свое целомудрие чистым и неприкосновенным; Юлиан даже не пожелал, просто из любопытства, посмотреть на тех попавшихся к нему в плен красавиц⁶³⁾, которые не стали бы противиться его желаниям, а, напротив того, стали бы соперничать одна с другой из-за его ласк. С такой же твердостью, с какой он противостоял любовным соблазнам, он выносил военные труды. Когда римляне проходили по вязкой, затопленной водой местности, их государь, шедший пешком во главе своих легионов, разделял их лишения и поощрял их усердие. Во всех не-

обходимых работах Юлиан спешил лично принять деятельное участие, и нередко случалось, что императорская мантия была так же мокра и выпачкана, как грубое одеяние последнего солдата.

Осада двух городов не раз доставляла ему случай выказывать такую личную храбрость, которая, при усовершенствованном положении военного искусства, редко требуется от опытного генерала. Император стоял перед Перизаборской цитаделью, не обращая никакого внимания на угрожавшую ему опасность, и поощрял войска взломать железные ворота, пока не был почти со всех сторон осыпан массой направленных в него метательных снарядов и громадных камней. В то время как он осматривал внешние укрепления Маогамалхи, два перса, решившиеся пожертвовать своей жизнью для своей родины, внезапно бросились на него с обнаженными палашами; император ловко подставил под их удары свой поднятый кверху щит и затем нанес одному из нападавших такой сильный и меткий удар, что положил его мертвым к своим ногам. Уважение монарха, отличающегося теми самыми доблестями, которые он хвалит, есть самая лучшая награда для его доблестных подданных, и тот авторитет, которым пользовался Юлиан благодаря своим личным достоинствам, дал ему возможность восстановить и заставить исполнять строгие правила старинной дисциплины. Он наказал частью смертью, частью позором три кавалерийских эскадрона, утративших в одной стычке с Суреной и свою честь и одно из своих знамен, а тех солдат, которые первыми вошли в город Маогамалху, он награждал так называемыми осадными (*obsidionalis*) венками ⁶⁴). После осады Перизабора император должен был употребить в дело всю свою твердость, чтобы сдержать наглую жадность солдат, громко жаловавшихся на то, что они награждены за свои заслуги пустяшным подарком в одну сотню серебряных монет. Его основательное негодование выразилось в следующих веских и благородных словах, достойных римлянина: "Богатства составляют цель ваших желаний; эти богатства находятся в руках персов; вам предоставляется эта плодородная страна как добыча, служащая наградой храбрости и дисциплины. Поверьте мне, — продолжал Юлиан, — что римская республика, когда-то обладавшая громадными сокровищами, доведена теперь до нужды и бедственного положения оттого, что трусливые и

корыстолюбивые министры убедили наших государей покупать у варваров спокойствие ценой золота. Источники доходов истощены, города разорены, провинции обезлюдели; что касается самого меня, то единственное наследство, доставшееся мне от моих царственных предков, заключается в душе, недоступной для страха, и пока я буду убежден, что все истинные преимущества заключаются в душевных достоинствах, я буду не краснея сознаваться в достойной уважения бедности, которая во времена древних доблестей составляла славу Фабриция. Эта слава и эти доблести могут сделаться вашим достоянием, если вы будете внимать голосу небес и вашего вождя. Если же вы намерены оказывать безрассудное упорство и решились подражать постыдному и пагубному примеру прежних мятежей, то продолжайте; я готов стоя умереть, как прилично императору, занимавшему первое место между людьми, и я не дорожу скоропреходящей жизнью, которая может ежечасно прекратиться от случайно схваченной лихорадки. Если бы меня признали недостойным главного командования армией, то между вами нашлось бы (я говорю это с гордостью и с удовольствием) немало таких начальников, которые, по своим личным достоинствам и по своей опытности, способны руководить самыми трудными военными действиями. Воздержанность, с которой я пользовался верховной властью, такова, что я могу без сожалений и без опасений жить в неизвестности как частный человек" ⁶⁵). Скромная твердость Юлиана вызвала единодушные рукоплескания и изъявления покорности со стороны римлян, которые объявили, что уверены в победе, пока будут сражаться под знаменем своего геройского государя. Их храбрость воспламенялась от его частых и привычных клятвенных утверждений (так как эти выражения желаний были клятвами в устах Юлиана): "Если бы я мог подчинить персов моей власти! Если бы я мог восстановить могущество и славу республики!" Жажда славы была пылкой страстью его души; но только после того, как он мог попирать ногами развалины Маогамалхи, он позволил себе сказать: "Теперь мы запаслись некоторыми материалами для антиохийского софиста" ⁶⁶). Счастье и мужество Юлиана восторжествовали над всеми препятствиями, которые могли остановить его наступательное движение к Ктесифону. Но до взятия и даже до осады персидской столицы еще было далеко, и мы не могли бы сос-

тавить себе ясного понятия о том, как вел император атаку, если бы мы не ознакомились предварительно с местностью, которая была театром его смелых и искусных военных действий ⁶⁷⁾. В двадцати милях к югу от Багдада, на восточном берегу Тигра, любознательные путешественники не могли не заметить развалин дворцов Ктесифона, который был, во времена Юлиана, большим и многолюдным городом. И имя и слава соседней Селевкии угасли навсегда, и единственный уцелевший квартал этой греческой колонии принял, вместе с ассирийским языком и нравами, свое первобытное название Кош. Кош был расположен на западной стороне Тигра, но по своему положению он считался предместьем Ктесифона, с которым, как следует полагать, соединялся посредством постоянного плашкоутного моста. Эти соединенные вместе части составляли то, что носило общее название Аль-Моден, или *городов*, которым жители Востока обозначали зимнюю резиденцию Сассанидов, а вся окружность персидской столицы была сильно защищена водами реки, высокими стенами и непроходимыми болотами. Лагерь Юлиана был раскинут подле развалин Селевкии и был защищен рвом и валом от вылазок многочисленного и предприимчивого гарнизона Коша. В этой плодородной и красивой местности римляне нашли в изобилии воду и фураж, а некоторые форты, которые могли бы затруднять движения их войск, сдались после небольшого сопротивления перед их мужественными усилиями. Их флот перешел из Евфрата в искусственный глубокий и судоходный канал, изливавший воды этой реки в Тигр в небольшом расстоянии ниже главного города. Если бы он продолжал плавание по этому царскому каналу, носившему название Нагар-Малха ⁶⁸⁾, то промежуточное положение Коша отрезало бы его от армии Юлиана, а опрометчивая попытка подняться против течения Тигра и силой проложить себе путь внутрь неприятельской столицы повлекла бы за собой совершенное уничтожение римского флота. Предусмотрительный император предвидел эту опасность и нашел средство избежать ее. Так как он изучил до последних мелочей военные действия Траяна в той же самой местности, то он припомнил, что его воинственный предшественник вырыл новый судоходный канал, который, оставляя Кош в правой стороне, переливал воды Нагар-Малхи в реку Тигр немного выше *городов*. При помощи местных крестьян Юлиан оты-

скал остатки этих старинных сооружений, почти совершенно уничтоженных с предвзятым намерением или случайно. Благодаря неутомимым усилиям солдат очень скоро был прорыт широкий и глубокий канал для принятия вод Евфрата. Была сооружена крепкая плотина, чтобы пресечь обычное направление Нагар-Малхи, потоки воды стремительно потекли в свое новое русло, и римский флот, с торжеством плывя по Тигру, насмеялся над пустыми и бесполезными преградами, которыми хотели остановить его плавание ктесифонские персы.

Так как было необходимо переправить римскую армию через Тигр, то предстояла хотя и менее тяжелая, но еще более опасная работа, чем та, какая была потрачена на предшествовавшую экспедицию. Река была широка и быстра; подъем был крут и неудобен, а за окопами, возвышавшимися на противоположном берегу, стояла многочисленная армия из тяжеловооруженных воинов, искусных стрелков из лука и громадных слонов, которым (по нелепому гиперболическому выражению Либания) было так же легко растоптать легион из римлян, как они топтали засеянное хлебом поле ⁶⁹⁾. В присутствии такого противника сооружение моста было невозможно, и неустрашимый монарх, тотчас сообразивший, какой был единственный способ одолеть это препятствие, умел скрыть свой замысел и от варваров, и от своих собственных войск, и даже от своих генералов. Под благовидным предлогом проверки состояния складов было приказано восьмидесяти судам выложить свой груз на сухую землю, а избранному отряду, по-видимому предназначавшемуся для какой-то тайной экспедиции, было приказано быть наготове к выступлению по первому сигналу. Юлиан скрывал свое беспокойство под радостной самоуверенной улыбкой и, чтобы отвлечь внимание своих врагов, отпраздновал с оскорбительной для них торжественностью военные игры под самыми стенами Коша. Этот день был посвящен удовольствию, но лишь только окончился ужин, император созвал в свою палатку генералов и сообщил им, что в эту ночь должен состояться переход через Тигр. Пораженные удивлением, они хранили почтительное молчание, но когда всеми уважаемый Саллюстий, пользуясь привилегиями своих лет и своей опытности, стал возражать, и прочие генералы стали не стесняясь поддерживать его благоразумные увещания ⁷⁰⁾. Юлиан ограничился

замечанием, что завоевание Персии и безопасность армии зависят от успеха этой попытки, что число врагов, вместо того чтобы уменьшаться, будет увеличиваться постоянно прибывающими подкреплениями и что дальнейшая отсрочка предприятия не уменьшит ни ширины реки, ни вышины противоположного берега. Сигнал был тотчас подан, и войска исполнили данные им приказания; самые нетерпеливые из легионных солдат поспешно заняли пять судов, стоявших всех ближе к берегу, и так как они стали грести своими веслами с чрезвычайным усердием, то через несколько минут исчезли из глаз среди ночного мрака. На противоположном берегу показалось пламя, и Юлиан, очень хорошо понимавший, что его передовые суда, при своей попытке пристать к берегу, были зажжены неприятелем, ловко извлек из их опасного положения предзнаменование победы. "Наши товарищи, — воскликнул он с жаром, — уже овладели берегом; посмотрите, они подадут нам условленный сигнал; поспешим же помочь им и доказать, что и мы так же храбры, как они". Совокупное и быстрое движение большого флота осилило стремительность течения, и римляне достигли восточного берега Тигра достаточно скоро, чтобы быть в состоянии погасить пламя и спасти своих отважных товарищей. Трудности крутого и высокого подъема увеличивались от тяжести оружия и от ночного мрака. Град камней, стрел и зажигательных снарядов сыпался на нападающих, но после упорной борьбы они вскарабкались на берег и водрузили на насыпи знамя победы. Лишь только Юлиан, который сам вел атаку⁷¹⁾ во главе легкой пехоты, овладел такой позицией, с которой мог сражаться на одном уровне с неприятелем, он окинул место действия взором искусного и опытного военачальника, поставил самых храбрых солдат, согласно с наставлениями Гомера ⁷²⁾, во фронте и в арьергарде и приказал всем трубачам императорской армии дать сигнал к бою. Римляне, огласив воздух боевыми возгласами, двинулись мерными шагами под такт воодушевляющих звуков военной музыки, пустили в неприятеля свои страшные копья и с обнаженными мечами устремились вперед для того, чтобы вступить с неприятелем в рукопашный бой и тем лишить его возможности употреблять в дело метательные снаряды. Все сражение продолжалось около двенадцати часов, пока постепенное отступление персов не обратилось в беспорядочное бегство, для которого

подали постыдный пример главные вожди и сам Сурена. Победители преследовали их до ворот Ктесифона и, может быть, вошли бы в объятый страхом город ⁷³⁾, если бы опасно раненный стрелой военачальник Виктор не умолял их отказаться от опрометчивой попытки, которая оказалась бы гибельной, если бы не была успешна. По словам римлян, сами они лишились только семидесяти пяти человек, тогда как варвары оставили на поле битвы две тысячи пятьсот, а по словам других, даже шесть тысяч своих самых храбрых воинов. Добыча была такова, какой можно было ожидать от богатств и роскоши азиатского лагеря; она состояла из множества золота и серебра, из великолепного оружия и украшений и из кроватей и столов, сделанных из массивного серебра. Победоносный император раздал в награду за храбрость некоторые почетные отличия и гражданские, стенные и морские венки, которые, по его мнению, и может быть по мнению его одного, были более драгоценны, чем все богатства Азии. В честь бога войны было совершено торжественное жертвоприношение, но внутренности жертв предвещали самые печальные события, и Юлиан скоро узнал по менее сомнительным признакам, что его счастью настал конец ⁷⁴⁾.

Составлявшие его дворцовую стражу юпитерцы и геркулианцы вместе с остальными войсками, составлявшими почти две трети всей армии, были безопасно перевезены через Тигр на другой день после битвы ⁷⁵⁾. В то время как персы смотрели со стен Ктесифона на опустошение окружающей местности, Юлиан не раз тревожно посматривал на север в надежде, что как он сам победоносно проник до столицы Сапора, так и присоединение его военачальников Севастиана и Прокпия будет совершено с одинаковой храбростью и поспешностью. Его ожидания не сбылись вследствие вероломства царя Армении, который дозволил или, всего вероятнее, приказал своим вспомогательным войскам покинуть римский лагерь ⁷⁶⁾, и вследствие раздоров между двумя генералами, которые были не способны задумать или привести в исполнение какой-либо план для общей пользы. После того как император отказался от надежды получить эти важные подкрепления, он согласился созвать военный совет и, выслушав все мнения, согласился с теми из генералов, которые отговаривали от осады Ктесифона как от бесполезного и опасного предприятия. Нам нелегко понять, благодаря каким усовер-

шенствованиям в возведении укреплений город, который предшественники Юлиана три раза осаждали и три раза брали, мог сделаться неприступным для шестидесятитысячной римской армии, находившейся под начальством храброго и опытного военачальника и в изобилии снабженной кораблями, провизией, осадными машинами и боевыми снарядами. Но любовь к славе и презрение к опасностям, составляющие отличительные черты Юлианова характера, служат порукой в том, что он упал духом не от каких-нибудь ничтожных или воображаемых препятствий ⁷⁷⁾. В то самое время, как он опасался предпринять осаду Ктесифона, он с упорством и с негодованием отверг самые лестные для него мирные предложения. Сапор, так давно привыкший к мешкотным движениям Констанция, был поражен неустрашимой торопливостью его преемника. До самых пределов Индии и Скифии сатрапы отдаленных провинций получили приказание собрать свои войска и немедленно идти на помощь к своему государю. Но их приготовления были копотливы, а их движения медленны, и прежде нежели Сапор был в состоянии вывести в открытое поле свою армию, он получил печальное известие об опустошении Ассирии, о разорении его дворцов и о поражении самых храбрых его войск, охранявших переправу через Тигр. Его царская гордость была унижена до последней крайности; он стал обедать не иначе как сидя на земле, а его всклокоченные волосы обнаруживали его душевную скорбь и тревогу. Он, может быть, не отказался бы уступить половину своих владений, чтобы спокойно пользоваться остальной, и охотно подписался бы на мирном трактате верным и покорным союзником римского завоевателя. Один персидский министр высокого ранга, пользующийся доверием своего государя, был втайне послан к Гормизду под предлогом переговоров о частных делах; он бросился к ногам Гормизда и умолял его доставить ему случай лично говорить с императором. Как гордость, так и чувство человеколюбия, как воспоминания о его происхождении, так и обязанности его положения, — все заставляло этого принца из рода Сассанидов содействовать такой спасительной мере, которая положила бы конец бедствиям Персии и обеспечила бы торжество Рима. К своему удивлению, он встретил непреклонное упорство в герое, который, к несчастью и для самого себя и для своей страны, не позабыл, что Александр всегда отвергал мирные предложе-

ния Дария. Но так как Юлиан сознавал, что ожидание прочного и славного мира может охладить пыл его солдат, то он настоятельно просил Гормизда втихомолку отправить назад Сапорова министра и скрыть этот опасный соблазн от сведения армии ⁷⁸⁾.

И честь и расчет не позволяли Юлиану терять время под неприступными стенами Ктесифона, а всякий раз, как он вызывал оборонявших город варваров сразиться с ним в открытом поле, они благоразумно отвечали ему, что если он желает выказать свою храбрость, то пусть поищет армию великого царя. Он понял, что было оскорбительного в этих словах, и последовал данному совету. Вместо того чтобы раболепно ограничивать военные действия берегами Евфрата и Тигра, он решился последовать примеру отважного Александра и смело проникнуть внутрь персидских провинций, чтобы вынудить своего противника на борьбу с ним, — быть может в равнинах близ Арбел, — из-за обладания Азией. Его великодушие вызвало одобрение и измену со стороны одного коварного персидского аристократа, который для спасения своего отечества самоотверженно принял на себя роль, полную опасности, лжи и позора ⁷⁹⁾. В сопровождении нескольких преданных приверженцев он бежал в императорский лагерь, рассказал вымышленные подробности о нанесенных ему обидах, описал в преувеличенном виде жестокосердие Сапора, неудовольствие народа и слабость монархии и смело предложил самого себя римлянам в руководители похода и в заложники успеха. Благоразумный и опытный Гормизд тщетно указывал на самые основательные поводы для недоверия, и легионерный Юлиан, положившись на советы изменника, принял такое решение, которое в общем мнении заставляло сомневаться в его благоразумии и ставило его в опасное положение. Он в течение одного часа уничтожил флот, который был переведен туда из-за пятисот с лишком миль ценой стольких усилий, сокровищ и крови. Были оставлены в целости двенадцать или, по большей мере, двадцать два небольших судна, которые предполагалось вести на дрогах вслед за армией и употреблять на сооружение временных мостов для переправы через реки. Для армии было оставлено провизии на двадцать дней, а остальные припасы, вместе с флотом из тысячи ста судов, стоявших на Тигре на якоре, были преданы пламени в исполнение безусловного импера-

торского приказания. Христианские епископы Григорий и Августин издеваются над безумием Отступника, который собственными руками привел в исполнение приговор божеского правосудия. Хотя их мнения едва ли имеют большой вес в вопросе, касающемся военного дела, однако они подтверждаются хладнокровным приговором опытного солдата, который собственными глазами видел, как горел флот, и который не мог не одобрять ропота солдат ⁸⁰⁾. Тем не менее можно бы было привести некоторые благовидные и даже солидные резоны в оправдание принятого Юлианом решения. Евфрат никогда не был судоходен далее Вавилона, а Тигр далее Описа ⁸¹⁾. Расстояние этого последнего города от римского лагеря было не очень значительно, и Юлиан был бы скоро вынужден отказаться от тщетного и неисполнимого намерения провести большой флот против течения быстрой реки ⁸²⁾, плавание по которой, сверх того, затруднялось во многих местах и натуральными и искусственными порогами ⁸³⁾. Действия парусов и весел было бы недостаточно; пришлось бы тянуть суда на буксире против течения реки; силы двадцати тысяч солдат истощились бы в этой скучной и низкой работе, и римляне, продолжая подвигаться вперед вдоль берегов Тигра, могли бы только рассчитывать на возвращение домой, не совершив ничего, что могло бы считаться достойным гения или славы их вождя. Если же, напротив того, следовало проникнуть внутрь страны, то уничтожение флота и запасов было единственным способом не отдавать эту ценную добычу в руки многочисленных и деятельных войск, которые могли внезапно устремиться на нее из ворот Ктесифона. Если бы Юлиан вышел из этой борьбы победителем, мы теперь восхищались бы и образом действий и мужеством героя, который, отняв у своих солдат всякую надежду на отступление, оставлял им выбор лишь между смертью и победой ⁸⁴⁾.

Римляне были почти вовсе незнакомы с теми громоздкими артиллерийскими обозами и фурами, которые замедляют движение новейших армий ⁸⁵⁾. Тем не менее во все века продовольствие шестидесятитысячной армии не могло не быть главным предметом заботливости опытного военачальника, а это продовольствие он мог извлекать только или из своей собственной страны, или из неприятельской. Если бы Юлиан мог сохранить в своих руках способ сообщений через Тигр и города, завоеванные им в Ассирии, то эта опустошенная про-

винция не могла бы доставлять ему обильных и постоянных средств продовольствия в такое время года, когда земля покрывается вышедшими из берегов водами Евфрата ⁸⁶⁾, а вредный для здоровья воздух наполняется массами бесчисленных насекомых ⁸⁷⁾. Неприятельская страна была, по наружному виду, гораздо более привлекательна. Обширные пространства, занимающие промежуток между рекой Тигр и горами Мидии, были покрыты городами и селениями, а плодородная почва была большей частью очень хорошо возделана. Юлиан мог рассчитывать на то, что завоеватель, имеющий в своем распоряжении два самых могущественных способа убеждения — железо и золото, без труда добудет обильные средства продовольствия благодаря страху или корыстолюбию туземного населения. Но с приближением римлян эта роскошная и приятная перспектива внезапно исчезла. Повсюду, куда бы они ни направили свои шаги, жители покидали незащищенные деревни и укрывались в укрепленных городах; оказывалось, что скот угнан, что трава и созревший на полях хлеб сожжены, а лишь только угасало пламя, остановившее дальнейшее движение Юлиана, его глазам представлялся печальный вид дымящейся и обнаженной пустыни. Такой отчаянный, но целесообразный план обороны может быть приводим в исполнение лишь энтузиазмом народа, который дорожит не столько своей собственностью, сколько своей независимостью, или строгостью неограниченного монарха, который руководствуется требованиями общей пользы, не справляясь с желаниями своих подданных. В настоящем случае и усердие и повиновение персов содействовали исполнению приказаний Сапора, и Юлиан был вынужден довольствоваться скудным запасом провизии, который с каждым днем уменьшался в его руках. Прежде нежели этот запас успел истощиться, Юлиан еще мог бы достигнуть богатых и невоинственных городов Экбатаны и Сузы, если бы быстро направился туда самым прямым путем ⁸⁸⁾; но незнание дороги и вероломство проводников лишили его и этого последнего ресурса. Римляне в течение нескольких дней бродили по местности, лежащей к востоку от Багдада; персидский перебежчик, так ловко заманивший их в западню, спасся от их мщения бегством, а его товарищи — лишь только их подвергнули пытке, — выдали тайну заговора. Мечты о завоевании Гиркании и Индии, которыми так долго тешил себя Юлиан,

сделались для него источником душевных страданий. Сознавая, что его собственное неблагоразумие было причиной общего бедственного положения, он тревожно взвешивал шансы спасения или успеха, не получая удовлетворительного ответа ни от богов, ни от людей. Наконец он остановился, как на единственном способе спасения, на решении направиться к берегам Тигра, а оттуда достигнуть быстрыми переходами границ Кордуэны — плодородной и дружески расположенной провинции, признававшей над собой верховенство Рима. Упавшие духом войска повиновались приказанию начать отступление лишь через семьдесят дней после того, как они перешли Хабору в полной уверенности, что ниспровергнут персидскую монархию ⁸⁹⁾.

Пока римляне, по-видимому, направлялись внутрь страны, за их движениями наблюдали и их издали тревожили отряды персидской кавалерии, появлявшиеся то врассыпную, то сомкнутыми рядами и вступавшие в незначительные схватки с авангардом. Но эти отряды имели позади себя более значительные силы, и лишь только римские колонны повернули к Тигру, равнина покрылась облаком пыли. Римляне, мечтавшие лишь о безопасном и скором отступлении, старались уверить себя, что причиной этого тревожного явления стадо диких ослов или, быть может, приближение какого-нибудь дружелюбного племени арабов. Они остановились, раскинули свои палатки, укрепили свой лагерь, провели всю ночь в непрерывной тревоге и увидели на рассвете, что они окружены персидской армией. Вслед за этой армией, которая была лишь авангардом варваров, скоро появились главные неприятельские силы, состоявшие из тяжеловооруженных всадников, стрелков из лука и слонов, и находившиеся под начальством Мерана, военачальника высокого ранга, пользовавшегося большой известностью. Его сопровождали двое из царских сыновей и многие из высших сатрапов, а молва и страх преувеличивали силу остальных войск, медленно приближавшихся под предводительством самого Сапора. Когда римляне снова двинулись вперед, их длинная боевая линия, будучи вынуждена то изгибаться, то разделяться, применяясь к разнообразным условиям местности, часто представляла бдительному неприятелю благоприятные случаи для нападений. Персы неоднократно с яростью устремлялись на римлян, но всегда встречали энергичный отпор, а

в сражении при Маронге, почти заслуживающем названия битвы, Сапор потерял много сатрапов и, — что для него, вероятно, было одинаково ценно, — множество слонов. Этот блестящий успех не обошелся без значительных потерь со стороны римлян; многие из их лучших офицеров были или убиты, или ранены, и сам император, воодушевлявший и направлявший войска в критические минуты, был вынужден подвергать свою жизнь опасности и употреблять в дело свои воинские дарования. Тяжесть оружия, составлявшая и при нападениях, и при обороне главную силу и охрану римлян, делала их неспособными к продолжительному и успешному преследованию неприятеля, а так как восточные всадники были приучены на всем скаку метать свои дротики и пускать свои стрелы во всех возможных направлениях ⁹⁰⁾, то персидская кавалерия никогда не была так страшна, как во время быстрого и беспорядочного бегства. Но самой непоправимой потерей для римлян была потеря времени. Храбрые ветераны, привыкшие к холодному климату Галлии и Германии, падали в обморок от знойной жары ассирийского лета; их энергия ослабела от непрерывных переходов и сражений, а движение армии было замедлено предосторожностями, которые было необходимо принимать при отступлении в глазах предприимчивого неприятеля. По мере того как уменьшалось количество запасов, с каждым днем и с каждым часом возвышалась стоимость и цена продовольствия в римском лагере ⁹¹⁾. Юлиан, всегда довольствовавшийся такой пищей, от которой отвернулся бы с пренебрежением голодный солдат, раздавал войскам съестные припасы, предназначенные для императорского двора, и все, что он мог сберечь из багажа трибунов и военачальников. Но это незначительное вспоможение лишь сильнее заставляло сознавать крайность бедственного положения, и римляне стали предаваться мрачным опасениям, что, прежде чем они успеют добраться до границ империи, они все погибнут или от голода, или от меча варваров ⁹²⁾.

В то время как Юлиан боролся с почти непреодолимыми трудностями своего положения, он все еще посвящал часы ночной тишины ученым занятиям и размышлениям. Когда он закрывал глаза, чтобы заснуть непродолжительным и прерывистым сном, его ум волновали мучительные заботы, и нет ничего удивительного в том, что перед ним еще раз появ-

вился гений империи, закрывавший траурным покрывалом и свою голову и свой рог изобилия и медленно удалявшийся от императорской палатки. Монарх встал со своего ложа, и, выйдя из своей палатки, чтобы освежить свой усталый ум прохладным ночным воздухом, он увидел огненный метеор, который быстро летел по небу и внезапно исчез. Юлиан был убежден, что видел грозный лик бога войны ⁹³⁾; созданные им на совет тосканские гаруспики ⁹⁴⁾ единогласно объявили, что он должен уклоняться от сражения; но необходимость и рас-судок одержали на этот раз верх над суеверием, и на рассвете трубы подали сигнал к выступлению. Армия двинулась вперед по холмистой местности, а холмы были заранее заняты персами. Юлиан вел авангард с искусством и вниманием опытного военачальника, когда был встревожен известием, что на его арьергард сделано неожиданное нападение. Так как погода была жаркая, он не устоял против желания снять с себя латы и, схватив щит у одного из лиц своей свиты, поспешил с достаточными подкреплениями на выручку арьергарда. Точно такая же опасность заставила неустрашимого монарха поспешить на помощь к своему фронту; а в то время, как он галопировал промеж колонн, центр левого крыла был атакован и почти совершенно разбит вследствие стремительного на него нападения персидской кавалерии и слонов. Эта безобразная масса людей и животных была отражена благодаря удачной эволюции легкой пехоты, которая ловко и успешно направила свои стрелы в спину всадников и в ноги слонов. Варвары обратились в бегство, а Юлиан, всегда появлявшийся в самом опасном месте, поощрял и голосом и жестами преследование неприятеля. Его испуганные телохранители, чувствуя невозможность устоять против теснившей их смешанной толпы друзей и врагов, напомнили своему бесстрашному государю, что на нем нет лат, и стали умолять его не подвергать себя неминуемой опасности. В эту самую минуту ⁹⁵⁾ один обращенный в бегство персидский эскадрон осыпал их градом дротиков и стрел, а одно копье, оцарапав руку Юлиана, пронзило ему ребро и засело в нижней части печени. Юлиан попытался вытащить из своего тела смертоносное орудие, но обрезал себе пальцы о его острие и упал без чувств с лошади. Его телохранители поспешили к нему на помощь; они осторожно подняли с земли раненого императора и перенесли его с места сражения в самую близкую

палатку. Слух об этом печальном происшествии пролетел по рядам войск, но скорбь римлян воодушевила их непреодолимым мужеством и жадой мщения. Кровопролитный и упорный бой продолжался до тех пор, пока ночной мрак не заставил сражающихся разойтись: персы могли похвастаться успехом своего нападения на левое крыло, где был убит министр двора Анатолий, а префект Саллюстий спасся с большим трудом. Но исход боя не был благоприятен для варваров. Они оставили на поле сражения двух своих предводителей, Мерана и Ногордата ⁹⁶⁾, пятьдесят знатных людей или сатрапов и множество самых храбрых из своих солдат; если бы Юлиан остался жив, этот успех римлян мог бы иметь последствия решительной победы.

Первые слова, сказанные Юлианом после того, как он пришел в себя от обморока, причиненного потерей крови, были выражением его воинственного пыла. Он потребовал коня и оружия и горел нетерпением устремиться на бой. Это болезненное усилие истощило его последние силы, а осмотревшие его рану хирурги нашли признаки приближающейся смерти. Он воспользовался этими страшными минутами с твердостью героя и мудреца; философы, сопровождавшие его в этой гибельной экспедиции, сравнивали палатку Юлиана с тюрьмой Сократа, а зрители, собравшиеся вокруг его смертного одра или по обязанности, или из дружбы, или из любопытства, с почтительной скорбью внимали предсмертной речи своего умирающего императора ⁹⁷⁾. "Друзья и воины-товарищи, для меня настало время расстаться с жизнью, и я с готовностью исполняю обязанности должника, возвращая природе то, что она мне ссудила. Философия научила меня, что душа гораздо превосходнее тела и что отделение самой благородной части нашего существа должно возбуждать не огорчение, а радость. Религия научила меня, что ранняя смерть часто бывает наградой за благочестие ⁹⁸⁾, и я считаю за милость богов смертельный удар, избавляющий меня от опасности унизить характер, до сих пор находивший себе опору в добродетели и в благородстве. Я умираю без угрызений совести, потому что я жил без преступлений. Мне приятно вспомнить о невинности моей домашней жизни, и я могу с уверенностью утверждать, что верховная власть, — этот отблеск Божеского Всемогушества, — сохранилась в моих руках чистой и незапятнанной. Ненавидя безнравственные и разруши-

тельные принципы деспотизма, я считал благосостояние народа за цель управления. Подчиняя мои действия законам благоразумия, справедливости и умеренности, я полагался в том, что будет, на заботы провидения. Мир был целью моей политики, пока он был совместим с общественным благом; но когда повелительный голос моего отечества призвал меня к оружию, я подверг себя опасностям войны с ясным предвидением (приобретенным мною благодаря знанию ворожбы), что мне суждено погибнуть от меча. Я приношу теперь мою благодарность Предвечному Существо за то, что оно не допустило, чтоб я погиб от жестокосердия какого-нибудь тирана, от кинжала заговорщиков или от медленной мучительной болезни. Оно дозволило мне окончить здешнюю жизнь блестящим и достойным образом на поприще славы, и я считаю, что было бы так же нелепо молить о прекращении жизни, как было бы низко жалеть о нем. Вот все, что я могу сказать; силы изменяют мне, и я чувствую приближение смерти. Благоразумие не позволяет мне сказать ничего такого, что могло бы повлиять на избрание нового императора. Мой выбор мог бы быть безрассуден или неблагоприятен, а если бы он не был одобрен армией, он мог бы быть гибелен для того, на кого бы я указал. Я могу только, как хороший гражданин, выразить желание, чтоб римляне были счастливы под управлением добродетельного монарха". После этой речи, произнесенной тихим и твердым голосом, Юлиан распределил, путем военного завещания ⁹⁹⁾, остатки своего личного состояния; затем, спросив, почему он не видит Анатолия, понял из ответа Саллюстия, что Анатолий убит, и с непоследовательностью, вызванной сердечною привязанностью, выразил сожаление о потере друга. В то же время он укорял присутствующих за их чрезмерную скорбь и умолял их не позорить малодушными слезами смерть монарха, который через несколько минут соединится с небом и с звездами ¹⁰⁰⁾. Присутствующие умолкли, и Юлиан вступил с философами Приском и Максимом в метафизическое рассуждение о свойствах души. Эти умственные и физические усилия, вероятно, ускорили его смерть. Из его раны возобновилось сильное кровотечение: вздувшиеся жилы не позволяли ему свободно дышать; он спросил холодной воды и, лишь только выпил ее, испустил около полуночи дух без больших страданий. Таков был конец этого необыкновенного человека на тридцать вто-

ром году жизни, после царствования, продолжавшегося от смерти Констанция, один год и около восьми месяцев. В свои последние минуты он выказал, может быть не без некоторой доли тщеславия, свою любовь к добродетели и славе, которая была его господствующею страстью в течение всей его жизни

101).

Торжество христианства и бедствия, постигшие империю, были в некоторой степени виною самого Юлиана, который не обеспечил в будущем исполнение своих планов своевременным и зрело обдуманым выбором соправителя и преемника. Но царственный род Констанция Хлора прекращался в его лице, и если бы он серьезно задумал облечь в императорское звание самого достойного из римлян, ему помешали бы исполнить это намерение и трудность выбора, и нежелание поделиться властью, и опасение неблагодарности, и самонадеянность, натурально внушаемая здоровьем, молодостью и удачей. Его неожиданная смерть оставила империю без повелителя и без наследника в таком тревожном и опасном положении, в каком она ни разу не находилась в течение восьмидесяти лет, протекших со времени избрания Диоклетиана. При такой системе управления, которая почти вовсе не признавала преимуществ царского происхождения, знатность рода не имела большого значения; а притязания, основанные на занятии важных должностей, имели случайный и временный характер; поэтому те кандидаты, которые могли помышлять о занятии вакантного престола, должны были искать для себя опоры или в сознании своих личных достоинств, или в надежде расположить к себе общественное мнение. Но положение армии, страдавшей от голода и со всех сторон окруженной варварами, сократило минуты скорби и колебаний. Среди этой сцены ужаса и страданий тело покойного монарха, согласно с его собственными указаниями, было с надлежащими почестями набальзамировано, а на рассвете военачальники созвали военный совет, в котором были приглашены участвовать начальники легионов и офицеры как от кавалерии, так и от пехоты. Трех или четырех часов ночи было достаточно для того, чтоб успели организовать тайные партии, и когда было предложено приступить к избранию императора, дух крамолы стал волновать собрание. Виктор и Аринфей могли рассчитывать на тех, кто служил при Констанции, а друзья Юлиана приняли сторону галль-

ских военачальников Дагалайфа и Невитты, и можно было опасаться самых пагубных последствий от раздора двух партий, столь противоположных одна другой по характеру и интересам, по принципам управления и, может быть, по своим религиозным убеждениям. Только высокие достоинства Саллюстия могли бы примирить их разномыслия и соединить их голоса на одном лице, и почтенный префект был бы немедленно провозглашен преемником Юлиана, если бы сам он не заявил с искренней и скромной твердостью, что его возраст и недуги делают его неспособным выносить тяжесть диадемы. Военачальники, удивленные и приведенные в замешательство этим отказом, обнаружили готовность последовать здравому совету одного из низших офицеров ¹⁰²⁾, который убеждал их действовать так, как они действовали бы в отсутствие императора, — то есть постараться выпутать армию из бедственного положения, в котором она находилась, и затем, если бы им удалось достигнуть пределов Месопотамии, приступить общими силами и с надлежащей обдуманностью к избранию законного государя. В то время как происходило это совещание, несколько голосов приветствовали именами императора и Августа Иовиана, который был не более как первый ¹⁰³⁾ из домашних слуг. Эти шумные возгласы были тотчас повторены окружавшими палатку гвардейцами и в несколько минут пролетели по всему лагерю до самой его оконечности. Удивленный выпавшим на его долю счастьем, новый монарх был поспешно облечен в императорские одеяния и принял клятву в верности от тех самых военачальников, у которых он так еще недавно искал милостей и покровительства. Самой веской рекомендацией для Иовиана были достоинства его отца, Варрониана, наслаждавшегося в окруженном почетом уединении плодами своей долгой службы. В покрытой мраком свободе частной жизни Иовиан удовлетворял свою склонность к вину и к женскому полу; однако он с честью выдерживал характер христианина ¹⁰⁴⁾ и воина. Хотя он не обладал ни одним из тех блестящих достоинств, которые возбуждают в людях удивление и зависть, его красивая наружность, приятный характер и живой ум доставили ему расположение солдат, а военачальники обеих партий одобрили выбор армии, который не был результатом происков их противников. Гордость, которую возбуждало это неожиданное возвышение, умерялась основательным опасением, чтоб в

тот же самый день не прекратились и жизнь и царствование нового императора. Все немедленно подчинились настойчивым требованиям необходимости, и первые приказания, данные Иовианом через несколько часов после смерти его предместника, заключались в том, чтобы продолжать движение вперед, которое одно только могло вывести римлян из их бедственного положения ¹⁰⁵⁾.

Уважение врага всего искреннее выражается в внушаемом ему страхе, а степень его страха может быть с точностью измерена радостью, с которой он торжествует свое избавление. Приятное известие о смерти Юлиана, сообщенное в лагере Сапора каким-то перебежчиком, внушило упавшему духом монарху внезапную уверенность в победе. Он тотчас отрядил царскую кавалерию, — быть может знаменитые десять тысяч бессмертных ¹⁰⁶⁾, — с приказанием продолжать преследование и устремился со всеми своими силами на римский арьергард. Этот арьергард был приведен в беспорядок; слоны опрокинули и топтали ногами те знаменитые легионы, которые заимствовали свои почетные названия от имени Диоклетиана и его воинственного соправителя, и три трибуны лишились жизни, стараясь остановить бегущих солдат. Исход сражения был наконец обеспечен благодаря упорной храбрости римлян; персы были отражены с большой потерей людей и слонов, и армия, подвигавшаяся вперед и сражавшаяся в течение длинного летнего дня, достигла вечером Самары, лежащей на берегу Тигра, почти в ста милях от Ктесифона ¹⁰⁷⁾. В следующий день варвары, вместо того чтобы тревожить отступающую армию, напали на лагерь Иовиана, раскинутый в глубокой и уединенной долине. Персидские стрелки из лука тревожили с высоты окружающих холмов утомленных легионных солдат, а один отряд персидской кавалерии, с отчаянною храбростью проникший сквозь преторские ворота, был искрошен в куски подле императорской палатки после боя, исход которого был сначала сомнителен. В следующую ночь римский лагерь близ Карши был огражден от неприятеля высокими речными запрудами, и хотя римскую армию беспрестанно тревожили сарацины, она раскинула свои палатки подле города Дуры ¹⁰⁸⁾ через четыре дня после смерти Юлиана. Тигр все еще был у нее с левой стороны; ее надежды и ее съестные припасы уже почти совершенно истощились, и нетерпеливые солдаты, воображавшие, что уже не

очень далеко до пределов империи, стали просить своего нового государя о позволении попытаться перейти реку. Опираясь на мнения самых опытных между своих военачальников, Иовиан старался удержать их от всякой опрометчивости и объяснял им, что, если бы даже у них достало ловкости и силы, чтобы переплыть глубокую и быструю реку, они сделаются беззащитными жертвами варваров, занимающих противоположный берег. Наконец, уступая их шумным настояниям, он неохотно согласился на то, чтобы пятьсот галлов и германцев, с детства привыкших к водам Рейна и Дуная, пустились на отважное предприятие, которое могло послужить или поощрением для остальной армии, или предостережением. Во время ночной тишины они переплыли Тигр, напали врасплох на стоявший там неприятельский пост и выкинули на рассвете сигнал, свидетельствовавший об их храбрости и успехе. Удача этой попытки заставила императора послушаться совета инженеров, бравшихся устроить пловучий мост из наполненных воздухом бараньих, бычьих и козлиных кож, покрытых настилкой из земли и фашин ¹⁰⁹⁾. Два дорогих дня были потрачены на эту бесполезную работу, и римляне, уже мучимые голодом, с отчаянием смотрели на Тигр и на варваров, число и ожесточение которых возрастали вместе с лишениями императорской армии ¹¹⁰⁾.

В этом безвыходном положении упавших духом римлян ободрили слухи о мирных переговорах. Самонадеянность Сапора скоро исчезла: серьезно вникнув в положение дел, он сообразил, что в беспрестанно возобновляющихся нерешительных сражениях он потерял своих самых преданных и самых неустрашимых сатрапов, своих самых храбрых солдат и большую часть своих слонов, и, как опытный монарх, опасался отчаянного сопротивления, превратностей фортуны и еще нетронутых военных сил римской империи, которые могли скоро прийти на помощь к преемнику Юлиана и отомстить за убитого императора. Сам Сурена, в сопровождении другого сатрапа, явился в лагерь Иовиана ¹¹¹⁾ и объявил, что его милосердный государь готов установить условия, на которых он согласится пощадить и отпустить Цезаря вместе с остатками его пленной армии. Надежда спастись поколебала твердость римлян; советы окружающих и крики солдат заставили императора принять мирные предложения, и префект Саллюстий был немедленно отправлен, вместе с военачальниками,

чальником Аринфеем, чтоб узнать волю великого царя. Коварный перс откладывал, под разными предлогами, заключение мира, возбуждал затруднения, требовал объяснений, придумывал разные извороты, отказывался от сделанных уступок, заявлял новые требования и протянул переговоры четыре дня, пока в римском лагере не истощились последние запасы. Если бы Иовиан был способен на смелый и благоразумный образ действий, он продолжал бы движение вперед с неослабной торопливостью; мирные переговоры приостановили бы нападения варваров, а до истечения четырех дней он мог бы безопасно добраться до плодородной провинции Кордуэны, от которой его отделяли только сто миль ¹¹²⁾. Нерешительный император, вместо того чтоб прорваться сквозь неприятельские сети, ожидал своей участи с терпеливой покорностью и наконец принял унижительные мирные условия, отвергнуть которые уже не было в его власти. Пять провинций по ту сторону Тигра, уступленные римлянам дедом Сапора, были снова присоединены к персидской монархии. Одной статьей трактата Сапор приобретал неприступный город Низиб, с успехом выдержавший против него три осады. Сингара и замок мавров, который был одною из самых сильных крепостей Месопотамии, также были оторваны от империи. Считалось за особую снисходительность то, что жителям этих крепостей было дозволено удалиться, взяв с собою свое имущество; но победитель настоятельно требовал, чтоб римляне навсегда отказались и от самого царя Армении, и от его царства. Между враждующими нациями был заключен мир или, вернее, продолжительное перемирие на тридцать лет; ненарушимость мирного договора была подтверждена торжественными клятвами и религиозными церемониями, и обе стороны обменялись знатными заложниками в обеспечение того, что условия мира будут в точности исполнены ¹¹³⁾.

Антиохийский софист, пришедший в негодование при виде того, что скипетр его героя находится в слабых руках христианского монарха, удивляется умеренности Сапора, который удовольствовался такою небольшою частию римской империи. Если бы Сапор простер свои честолюбивые притязания до Евфрата, он, по словам Либания, мог бы быть уверен, что не встретит отказа. Если бы он захотел раздвинуть пределы Персии до Оронта, Кидна, Сангария или даже Фракийского Босфора, при дворе Иовиана нашлись бы льстецы,

которые стали бы уверять робкого монарха, что его остальных провинций вполне достаточно для того, чтобы доставить ему все наслаждения владычества и роскоши ¹¹⁴⁾. Хотя мы не можем вполне соглашаться с этими внушенными зложелательством предположениями, мы все-таки должны признать, что заключению такого постыдного мира содействовало личное честолюбие Иовиана. Ничтожный дворцовый служитель, достигший престола благодаря не столько своим личным достоинствам, сколько счастливой случайности, горел нетерпением вырваться из рук персов, чтобы быть в состоянии предупредить замыслы Прокопия, командовавшего армией в Месопотамии, и чтоб укрепить свою непрочную власть над легионами и провинциями, еще ничего не знавшими о торопливом и беспорядочном избрании, состоявшемся в лагере по ту сторону Тигра ¹¹⁵⁾. Неподалеку от той же самой реки, в небольшом расстоянии от роковой стоянки в Дуре ¹¹⁶⁾, десять тысяч греков, без военачальников, без проводников, без съестных припасов, были оставлены на произвол победоносного монарха в тысяче двухстах милях от своего отечества. Различие их образа действий и успеха от того, как вели себя римляне, обуславливалось не столько их положением, сколько их характером. Вместо того чтобы смиренно подчиняться решениям тайных совещаний и личным мнениям одного человека, греки вдохновлялись благородным энтузиазмом народных собраний, на которых душа каждого гражданина наполняется любовью к славе, горделивым сознанием своей свободы и презрением к смерти. Сознывая, что их оружие и дисциплина дают им превосходство над варварами, они с негодованием отвергли мысль о каких-либо уступках и отказались сдаться на капитуляцию; они преодолели все препятствия терпением, мужеством и военным искусством, и знаменитое отступление десяти тысяч было насмешкой над бессилием персидской монархии, которое с тех пор стало вполне очевидным ¹¹⁷⁾.

Взамен своих унижительных уступок император, вероятно, мог бы включить в мирный договор условие, чтобы его голодающая армия была снабжена съестными припасами ¹¹⁸⁾ и чтобы ей было дозволено перейти Тигр по мосту, который был построен персами. Но если Иовиан действительно осмелился просить такого справедливого условия, оно было решительно отвергнуто надменным восточным тираном, мило-

сердце которого ограничивалось тем, что он помиловал врага, вторгнувшегося в его владения. Сарацины не переставали захватывать римских мародеров, но военачальники и войска Сапора не нарушали условий перемирия, и Иовиан мог выбрать самое удобное место для переправы через реку. Мелкие суда, оставшиеся в целости после сожжения флота, оказали в этом случае чрезвычайно важную услугу. Они сначала перевезли императора и его фаворитов, а затем на них переправилась большая часть армии. Но так как всякий заботился о своей личной безопасности и боялся быть покинутым на неприятельском берегу, то солдаты, не имевшие достаточно терпения, чтобы дожидаться медленного возвращения судов, пытались с большим или меньшим успехом переплывать реку на легких плетенках или на надутых воздухом кожах, держа в поводу своих лошадей. Многие из этих бесстрашных удалцов были поглощены волнами, многие другие были увлечены силою течения и сделались легкой добычей корыстолюбия и жестокости свирепых арабов, и потери, понесенные армией при переправе через Тигр, были так же значительны, как если бы целый день был проведен в битве. Лишь только римляне переправились на западный берег реки, они избавились от нападений варваров, но во время трудного перехода в двести миль через равнины Месопотамии их страдания от жажды и голода доходили до крайней степени. Они были вынуждены проходить по песчаной степи, на которой не было, на протяжении семидесяти миль, ни одного листика свежей травы и ни одного ключа свежей воды и на которой, на всем ее негостеприимном пространстве, нельзя было найти никаких следов, оставленных друзьями или недругами. Когда в лагере у кого-нибудь находили небольшое количество крупитчатой муки, то за двадцать фунтов весу охотно предлагали десять золотых монет ¹¹⁹⁾; выючных животных убивали и ели, и степь была усеяна оружием и багажом римских солдат, которые доказывали своими лохмотьями и своими исхудалами лицами, как велики были вынесенные ими лишения и как было бедственно их настоящее положение. Небольшой обоз со съестными припасами был отправлен навстречу к армии до Урского замка, и эта помощь была тем более приятна, что она свидетельствовала о преданности Севастиана и Прокопия. В Фильсафате ¹²⁰⁾ император очень милостиво принял военачальников, командовавших в Месопотамии.

тамии, и остатки когда-то блестящей армии наконец нашли себе отдых под стенами Низиба. Гонцы Иовиана уже провозгласили, на языке лести, о его избрании, о заключенном им мирном договоре и о предстоящем его возвращении, и новый монарх принял самые действенные меры для обеспечения преданности европейских армий и провинций, отдав военное командование в руки таких военачальников, которые стали бы, из личных расчетов или из преданности, непоколебимо защищать интересы своего благодетеля ¹²¹⁾.

Друзья Юлиана с уверенностью предсказывали успешный исход экспедиции. Они питали приятное убеждение, что храмы богов обогатятся привезенной с Востока добычей, что Персия будет низведена до скромного положения обложенной данью провинции, которая будет управляться римскими законами и римскими чиновниками, что варвары заимствуют от своих победителей одежду, нравы и язык и что юношество Экбатаны и Суз будет изучать риторику под руководством греческих профессоров ¹²²⁾. Юлиан так далеко проник вглубь неприятельской страны, что его сообщения с империей совершенно прекратились, и с той минуты, как он перешел через Тигр, его верные подданные ничего не знали ни о его судьбе, ни об успехе его военных действий. Их ожидания воображаемых триумфов были прерваны печальными слухами о его смерти, но они не хотели верить этим слухам даже тогда, когда уже не было возможности отрицать их достоверность ¹²³⁾. Иовиановы агенты распространяли благовидную басню о том, что мир был заключен благоразумно и что его требовала необходимость; но более громкий и более правдивый голос молвы разоблачил унижение императора и условия позорного мирного договора. Пораженный удивлением народ предался скорби, негодованию и ужасу, когда узнал, что недостойный преемник Юлиана уступил пять провинций, приобретенных победою Галерия, и что он постыдным образом отдал варварам важный город Низиб, служивший самым надежным оплотом для восточных провинций ¹²⁴⁾.

В народных беседах не стесняясь обсуждали темный и опасный вопрос, в какой мере следует соблюдать публичный договор, если он оказывается несовместимым с безопасностью государства, и при этом высказывалась некоторая надежда на то, что император загладит свой малодушный образ действий каким-нибудь блестящим актом патриотического

вероломства. Непокоебимое мужество римского сената всегда отрекалось от невыгодных мирных условий, исторгнутых силою от его пленных армий, и если бы, для удовлетворения народной чести, было необходимо выдать варварам преступного военачальника, большая часть подданных Иовиана охотно последовала бы примеру старого времени ¹²⁵⁾.

Но император — каковы бы ни были пределы его конституционной власти — был на самом деле полным хозяином и над законами и над военными силами государства, и те же самые мотивы, которые заставили его подписать мирные условия, заставляли его исполнять их. Он желал как можно скорее обеспечить себе обладание империей ценою нескольких провинций, а почтенные слова "религия" и "честь" служили прикрытием для его опасений и честолюбия. Несмотря на почтительные просьбы жителей Низиба, и чувство приличия и благоразумие не дозволили императору остановиться в тамошнем дворце, а на другой день после его прибытия туда персидский посол Бинезес вступил в город, приказал выкинуть на цитадели знамя Великого Царя и объявил от имени этого последнего, что население должно сделать выбор между изгнанием и рабскою покорностью. Самые влиятельные из жителей Низиба, рассчитывавшие до этой роковой минуты на покровительство своего государя, бросились к его стопам. Они умоляли его не оставлять или, по меньшей мере, не предавать верную колонию в жертву ярости варварского тирана, который был раздражен тремя следовавшими одно за другим поражениями, понесенными им под стенами Низиба. У них еще было достаточно оружия и мужества, чтобы отразить врага; они просили только о позволении употребить эти ресурсы для своей защиты, а лишь только они отстояли бы свою независимость, они стали бы молить о дозволении снова поступить в число подданных императора. Их аргументы, красноречие и слезы были бесполезны. Иовиан ссылаясь, с некоторым замешательством, на святость присяги, и так как отвращение, с которым он принял поднесенный ему в подарок золотой венок, убедило граждан Низиба в безнадежности их положения, то адвокат Сильван счел себя вправе воскликнуть: "Государь! было бы хорошо, если бы вас так же украшали венками все города ваших владений!" Иовиан, успевший усвоить себе в несколько дней привычки монарха, был ¹²⁶⁾ недоволен свободой этих слов и был оскорблен их

правдивостью, а так как он основательно предполагал, что неудовольствие жителей может заставить их подчиниться персидскому правительству, то он издал эдикт, в котором приказывал им, под страхом смертной казни, оставить город в течение трех дней. Аммиан описал живыми красками сцену общего отчаяния, которая, по-видимому, возбудила в нем чувство сострадания ¹²⁷⁾. Воинственная молодежь покинула с негодованием и скорбью город, который она с такой славой обороняла; неутешная вдова проливала последнюю слезу над могилой мужа или сына, которая скоро будет профанирована дерзкою рукою варварского повелителя, а престарелый гражданин целовал порог и цеплялся за двери того дома, где он провел веселые и беззаботные годы детства. Большие дороги были покрыты толпами обьятого страхом населения, и среди этого общего бедствия исчезали все различия ранга, пола и возраста. Всякий старался унести с собою хоть часть своего достояния, а так как не было возможности немедленно добыть достаточное число лошадей и повозок, то приходилось оставлять на месте большую часть ценных вещей. Варварская бесчувственность Иовиана, как кажется, еще увеличила страдания этих несчастных беглецов. Впрочем, их поселили во вновь отстроенном квартале Амиды, и этот возникший из развалин город, получив в подкрепление столь значительное число переселенцев, скоро пришел в прежнее блестящее положение и сделался столицей Месопотамии ¹²⁸⁾. Император сделал также распоряжение об очищении Сингары и замка мавров и о возвращении персам пяти провинций по ту сторону Тигра. Сапор наслаждался славой и плодами своей победы, и этот позорный мирный договор основательно считается за достопамятную эру в истории упадка и разрушения Римской империи. Предместникам Иовиана иногда случалось отказываться от владычества над отдаленными и не доставлявшими никаких выгод провинциями, но со времени основания города гений Рима бог Терм, оберегавший границы республики, никогда еще не отступал перед мечом победоносного врага ¹²⁹⁾.

После того, как Иовиан исполнил обязательства, которые он мог бы попытаться нарушить, если бы прислушался к желаниям своего народа, он поспешил удалиться со сцены своего унижения и отправился вместе со всем своим двором наслаждаться удовольствиями Антиохии ¹³⁰⁾. Не подчиняясь

внушениям религиозного фанатизма, он, по долгу человеколюбия и из чувства признательности, приказал воздать последние почести бrenным останкам своего покойного государя¹³¹⁾, а Прокопий, искренно сожалевавший о смерти своего родственника, был устранен от командования армией под тем благовидным предлогом, что ему предстояло распорядиться похоронами. Тело Юлиана было перевезено из Низиба в Тарс; погребальное шествие двигалось так медленно, что оно достигло Тарса лишь через две недели, а когда оно проходило через восточные города, враждебные партии встречали его или выражениями скорби, или шумною бранью. Язычники уже ставили своего любимого героя наряду с теми богами, поклонение которым он восстановил, между тем как брань христиан преследовала душу Отступника до дверей ада, а его тело до могилы¹³²⁾. Одна партия скорбела о предстоящем разрушении ее алтарей, а другая прославляла чудесное избавление церкви. Христиане превозносили в возвышенных и двусмысленных выражениях божеское мщение, так долго висевшее над преступной головою Юлиана. Они утверждали, что в ту минуту, как тиран испустил дух по ту сторону Тигра, о его смерти было поведено свыше святым египетским, сирийским и каппадокийским¹³³⁾, а вместо того, чтобы считать его погибшим от персидских стрел, их нескромность приписывала его смерть героическому подвигу какого-то смертного или бессмертного поборника христианской веры¹³⁴⁾. Эти неосторожные заявления были приняты на веру зложелательством или легковерием их противников¹³⁵⁾, которые стали или втайне распускать слух, или с уверенностью утверждать, что правители церкви и разожгли и направили фанатизм домашнего убийцы¹³⁶⁾. С лишком через шестнадцать лет после смерти Юлиана это обвинение было торжественно и с горячностью высказано в публичной речи, с которою Либаний обратился к императору Феодосию. Высказанные Либанием подозрения не опирались ни на факты, ни на аргументы, и мы можем только выразить наше уважение к благородному рвению, с которым антиохийский софист вступился за холодный и всеми позабытый прах своего друга¹³⁷⁾.

Существовал старинный обычай, что как при похоронах римлян, так и на их триумфах голос похвалы находил противовес в голосе сатиры и насмешки и что среди пышных зрелищ, которые устраивались в честь живых или мертвых, не-

совершенства этих людей не оставались скрытыми от глаз всего мира ¹³⁸⁾. Этому обычаю придерживались и на похоронах Юлиана. Комедианты, желая отплатить ему за его презрение и отвращение к театру, изобразили и преувеличили, при рукоплесканиях христианских зрителей, заблуждения и безрассудства покойного императора. Его причуды и странности давали широкий простор шуткам и насмешкам ¹³⁹⁾. В пользовании своими необыкновенными дарованиями он нередко унижал величие своего звания. В нем Александр превращался в Диогена, а философ снисходил до роли жреца. Чистота его добродетелей была запятнана чрезмерным тщеславием; его суеверия нарушили спокойствие и компрометировали безопасность могущественной империи, а его причудливые остроты имели тем менее права на снисходительность, что в них были заметны напряженные усилия искусства и даже жеманства. Смертные останки Юлиана были преданы земле в Тарсе, в Киликии; но его великолепная гробница, воздвигнутая в этом городе на берегу холодных и светлых вод Кидна ¹⁴⁰⁾, не нравилась верным друзьям, питавшим любовь и уважение к памяти этого необыкновенного человека. Философы выражали весьма основательное желание, чтобы последователь Платона покоился среди рощ Акамедии ¹⁴¹⁾, а солдаты заявляли более громкое требование, чтоб смертные останки Юлиана были преданы земле рядом с останками Цезаря на Марсовом поле среди древних памятников римской доблести ¹⁴²⁾. В истории царствовавших государей не часто встречаются примеры подобного разномыслия.

---

1) Эта басня или сатира находится в лейпцигском издании сочинений Юлиана на стр. 306-336. Французский перевод ученого Езекииля Шпангейма неизящен, вял и неточен; а его заметки, доказательства, объяснения и пр. наваливались грудой одни на другие, пока из них не вышло пятисот пятидесяти семи страниц мелкой печати in-4°. Аббат де-ла Блетери (Vie de Jovien, том 1, стр. 241-393) более удачно передал дух и смысл подлинника, к которому он прибавил краткие и интересные примечания.

2) Шпангейм (в своем предисловии) с большой ученостью рассмотрел этимологию, происхождение, сходство и различие греческих сатир, которые были драматическими произведениями, исполнявшимися вслед за трагедиями, и латинских *сатир* (от *Satura*), которые были смесью, писавшейся или прозой, или в стихах. Но "Цезари" Юлиана так оригинальны, что критик не знает, к какому разряду их следует отнести. (Гораций, А.Р. 220-250, есть лучший авторитет для объяснения происхождения, значения и цели *сатир*. — *Издат.*).

3) Этот смешанный характер Силена тонко обрисован в шестой эклоге Вергилия.

4) Всякий беспристрастный читатель заметит и осудит пристрастное нерасположение Юлиана к его дяде Константину и к христианской религии. В этом случае комментаторы были вынуждены, ради более священных интересов, отказаться от сочувствия к автору.

5) Юлиан предпочитал грека римлянину, но когда он сравнивал героя с философом, он сознавал, что человечество гораздо более обязано Сократу, чем Александру (Orat.ad Themistium, стр. 264.).

6) Inde nationibus Indicis certatim cum donis optimates mittentibus... ab usque Diviset Serendivis. Аммиан, XX, 7. Этот остров, попеременно называвшийся то Тапробаной, то Серендибом, то Цейлоном, доказывает, как мало были знакомы римлянам моря и земли, лежащие к востоку от мыса Коморина. 1. В царствование Клавдия один вольноотпущенный, взявший на откуп таможи Черного моря, был случайно занесен ветрами на эти, никому не известные берега; в течение шести месяцев он вел сношения с туземцами, и король Цейлона, впервые узнавший о могуществе и справедливости Рима, решился послать к императору послов. (Плин., Hist.Nat., VI,24) 2. Географы (и даже Птолемей) преувеличивали в пятнадцать раз действительные размеры этой новой страны, которая, по их мнению, простиралась до экватора и до соседства с Китаем. (Г. Летронн, на которого ссылается декан Мильман в комментарии на это примечание, высказывает свое предположение, что название Diva Gens или Divorum regio, которым римляне обозначали восточный берег Индостана, имеет некоторую связь с названиями Divupoint, Девипатнам, Девидан и с названиями некоторых других мест в этой стране. Гораздо более вероятно, что в своих редких и поверхностных сношениях с туземцами моряки уловили несколько слов непонятного для них языка и, может быть, слыша часто повторяемое слово dhi, деревня, сделали из него название народа, совершенно незнакомое тем, кого оно обозначало. — *Издат.*).

7) Эти послы были отправлены к Констанцию. Аммиан, неосмотрительно впадающий в грубую лесть, должно быть, позабыл, как длинно было путешествие этих послов и как коротко было царствование Юлиана.

8) Gothos saepe fallaces et perfidos; hostes quaerere se meliores aiebat; illis enim sufficere mercatores Galatas per quos ubique sine conditionis discrimine venumdantur (Аммиан, XXI,7).

9) Своему сопернику Цезарю, старавшемуся уменьшить славу и заслугу побед в Азии, Александр напоминает, что Красс и Антоний испытали на самих себе, каковы персидские стрелы, и что римляне после трехсотлетней войны еще не завоевали ни одной провинции ни в Месопотамии, ни в Ассирии. (*Цезари*, стр.324).

10) Аммиан (XXII, 4,12), Либаний (Orat., Parent., гл. 79,80, стр. 305, 306), Зосим (кн.3, стр.158) и Сократ (кн.3, гл.19)¹ объясняют план персидской войны.

11) И сатира Юлиана и проповеди св. Иоанна Златоуста рисуют положение Антиохии в одном и том же виде. Миниатюрное изображение, которое срисовал оттуда аббат де-ла-Блетери (Vie de Julien, стр. 332), изящно и верно.

12) Лаодикея доставляла людей, управляющих колесницами; Тир и Берит доставляли комедиантов, Кесария — пантомимов, Гелиополь — певцов, Газа — гладиаторов, Аскалон — борцов, Кастабала — канатных плясунов. См. *Expositio totius Mundi*, стр.6 в третьем томе *Geographi minores* Гудсона.

13) Антиохийские жители простодушно выражали свою привязанность к Chi (Христу) и к Карра (Констанцию). Юлиан, "Мисопогон", стр.357.

14) Раскол в Антиохии, продолжавшийся восемьдесят пять лет (330-415 г.), усилился вследствие неблагоразумного посвящения Павлина во время пребывания Юлиана в этом городе. См. Тильемона, *Mem. Eccles.*, том VII, стр. 803, издание in-4° (Париж, 1701), на которое я и буду впредь ссылаться.

15) Юлиан говорит, что за одну золотую монету можно было купить или пять, или десять, или пятнадцать modii ржи, смотря по тому, как велика была доставка ("Мисопогон", стр. 369). Из этого факта и из некоторых дополнительных свидетельств я заключаю, что при пре-емниках Константина обыкновенная цена хлеба была почти в тридцать два шиллинга за английский quarter и что, стало быть, она равнялась средней цене за первые шестьдесят четыре года текущего столетия. См. Арбютно, *Tables of Coins, Weights and Measures*, стр.88,89. Плин. *Hist.Nat.* XVIII,12. *Mem. de L'Academie des Inscriptions*, том XXVIII, стр.718-721. Смита *Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*, ч.1, стр.246. Я с гордостью ссылаюсь на это последнее сочинение как на произведение и мудреца и моего личного друга.

16) *Nunquam a proposito declinabat, Galli similis fratris, licet incruentus*. Аммиан, XXII, 14. Можно в некоторой мере извинять невежество самых просвещенных монархов, но мы никак не можем быть удовлетворены ни собственной защитой Юлиана ("Мисопогон", стр. 368,369), ни тщательно обработанной апологией Либания (*Orat. Parental.*, гл.97, стр.321).

17) Об их непродолжительном и не строгом тюремном заключении Либаний упоминает слегка (*Orat.Parental.*, гл.98, стр.322, 323).

18) Либаний (*ad Antiochenos de Imperatoris ira*, гл. 17-19, у Фабриция в *Bibl. Graec.*, том VII, стр. 221-223), как искусный адвокат, строго порицает безрассудство населения, пострадавшего за преступление нескольких ничтожных и пьяных негодяев.

19) Либаний (*ad Antiochen.*, гл.7, стр.213) напоминает Антиохии о недавнем наказании Кесарии, и сам Юлиан ("Мисопогон", стр.355) намекает на то, как жестоко поплатился Тарент за оскорбление римских послов.

20) О "Мисопогоне" см. Аммиана (XXII, 14), Либания (*Orat. Parentalis*, гл.99, стр.323), Григория Назианзина (*Orat.*4, стр.133) и антиохийскую хронику Иоанна Малалы (том II, стр.15,16). Я многим обязан переводу и примечаниям аббата де-ла-Блетери (*Vie de Jovien*, том II, стр.1-138).

21) Аммиан очень основательно замечает: "*Coactus dissimulare pro tempore ira sufflabatur interna*". Тщательно обработанная сатира Юлиана в конце концов раздражается серьезными и прямыми ругательствами.

22) Ipse autem Antiochiam egressurus, Heliopoliten quendam Alexandrum Syriacae jurisdictioni praefecit, turbulentum et saevum; dicebatque non illum meruisse, sed Antiochensibus avaris et contumeliosis huiusmodi iudicem convenire (Аммиан, XXIII,2). Либаний (Послан.722, стр. 346-347), который признавался самому Юлиану, что разделял общее неудовольствие, полагает, что Александр был полезным, хотя и суровым, преобразователем антиохийских нравов и религии.

23) Юлиан, "Мисопогон", стр. 364, Аммиан, XXIII, 2 и Валуа ad Loc. В одной публичной речи Либаний приглашает его возвратиться в его верный и расцветающий город Антиохию.

24) Либаний, Orat. Parent. гл.7, стр.230,231.

25) Евнапий сообщает, что Либаний отказался от почетного звания префекта претория, находя его менее славным, чем звание софиста (in Vit.Sophist., стр.135). Критики усмотрели подобную мысль в одном из посланий (18-е изд. Вольфа) самого Либания.

26) До нас дошли и уже изданы почти две тысячи написанных им писем; Либаний полагал, что в произведениях этого рода он не имеет соперников. Критик может ценить их утонченную и изящную краткость, однако докт.Бентлей (Диссертация о Филарисе, стр.487) мог не без основания, хотя и с некоторой натяжкой заметить, что "по их пустоте и безжизненности тотчас видно, что мы имеем дело с впадшим в мечтательность педантом, который сидит, облокотившись на свое бюро".

27) Его рождение относят к 314 г. Он упоминает о семьдесят шестом годе своей жизни (390 г. по Р.Х.) и, как кажется, намекает на некоторые еще более поздние события. (Самый поздний из удостоверенных годов жизни Либания тот, в котором написано его 941 Послание, адресованное к Tatiano Consul. Тацян и Симмах были консулами в 391 г. по Р.Х. — *Издат.*)

28) Либаний написал пустое, многословное, но интересное описание своей собственной жизни (том II, стр.1-84, изд. Морел.), о котором Евнапий (стр. 130-135) оставил нам краткие и неблагоприятные сведения. Между новейшими писателями Тильемен (Hist. des Empereurs, IV, 571-576), Фабриций (Bibliot. Graec.,VII, 378-414) и Ларднер (Языческие свидетельства, том IV, стр.127-163) объясняли нам и характер и сочинения этого знаменитого софиста.

29) От Антиохии до Литарба, на территории Халкиды, дорога, шедшая через горы и болота, была чрезвычайно дурна, а некрепко державшиеся камни были скреплены одним песком (Юлиан, Послан.27). Довольно странно то, что римляне пренебрегли большой дорогой между Антиохией и Евфратом. См. Весселинга Itinerar., стр.190; Бержье, Hist. des Grands Chemins, том II, стр.100.

30) Юлиан намекает на этот случай (Послан.27), о котором более подробно говорит Феодорит (кн.3, гл.22). Религиозная нетерпимость отца вызывает похвалы со стороны Тильемена (Hist.des Empereurs, том IV, стр.534) и даже со стороны ла-Блетери (Vie de Julien, стр.413).

31) (По словам декана Мильмана, название Батнеи "сирийского происхождения и означает равнину, где стекаются реки". Уже упомянутое нами ранее кельтское обыкновение заводить в таких местах поселения и называть их по имени этой местности, встречается у более

поздних племен и на разных языках. У римлян также были различные Confluentes, но нет возможности выяснить, были ли названия местностей одного с ними происхождения или же были извращением прежних варварских названий. — *Издат.*)

32) См. интересный трактат de Dea Syria, помещенный в числе произведений Лукиана (том III, стр. 451-490, изд. Рейтца). Странное название Ninus vetus (Аммиан, XIV,8) могло бы заставить думать, что Иераполис был резиденцией царей Ассирийских.

33) Юлиан (Послан.28) в точности записывал все счастливые предзнаменования; но он опускал неблагоприятные предзнаменования, которые Аммиан (XXIII,2) тщательно записал.

34) Юлиан, *Послан.* 27, стр.399-402.

35) Я пользуюсь первым удобным случаем, чтобы выразить мою признательность Г. д'Анвиллю за недавно изданную им "Географию Евфрата и Тигра" (Париж, 1780, in 4-to), которая много способствует уяснению военных операций Юлиана.

36) Евфрат можно переходить в трех местах, которые находятся в нескольких милях одно от другого: 1) В Зевгме, прославленной древними; 2) в Бире, который хорошо знаком в наше время и 3) через мост в Мембигце или Иераполисе, на расстоянии четырех парсанг (персидских миль) от города.

37) Гаран, или Карры, был в древности местопребыванием Сабеев и Авраама. См. Index Geographicus Сультенса (ad calcem Vit. Saladin), — произведение, из которого я извлек много собранных на Востоке сведений касательно древней и новой географии Сирии и соседних с нею стран.

38) См. "Киропедию" Ксенофонта, кн.3, стр. 189, изд. Гучинсона. Артавазд был в состоянии доставить Марку Антонию шестнадцать тысяч всадников, вооруженных и дисциплинированных на манер парфян (Плутарх, in M.Antonio, том V, стр. 117).

39) По словам Моисея Хоренского (Hist. Armeniac., кн.3, гл. II, стр.242), он вступил на престол (354 г. по Р.Х.) на семнадцатом году царствования Констанция.

40) Аммиан, XX,II. Афанасий (т.1, стр. 856) говорит в общих выражениях, что Констанций дал ему вдову своего брата *tois Barbarois* — выражение, более приличное для римлянина, чем для христианина.

41) Аммиан (XXIII,2) употребляет слишком мягкое выражение *monuerat*. Муратори (Фабриций, *Bibliothec. Graec.*, том VII, стр.86) напечатал послание Юлиана к сатрапу Арсаку, которое заносчиво, вульгарно и (хотя оно ввело в заблуждение Созомена, кн.6, гл.5), по всему вероятно, подложно. Ла-Блетери (*Hist. de Jovien*, том II, стр. 339) перевел его, но отвергает его подлинность.

42) *Latissimum Flumen Euphraten artabat*. Аммиан, XXIII, 3. Немного выше того места, подле Фапсакского брода, река имеет в ширине четыре стадии или восемьсот ярдов, то есть почти половину английской мили (Ксенофонт, "Анабасис", кн.1, стр.41, изд. Гучинсона с примечаниями Форстера, стр.29 и сл. во втором томе перевода Шпельмана). Если ширина Евфрата подле Бира и Зевгмы не превышает ста тридцати ярдов (*Voyages de Niebuhr*, том II, стр.335), то эта

огромная разница, должно быть, происходит главным образом от глубины фарватера.

43) Monumentum tutissimum et fabre politum, cujus moenia Abora (восточные жители произносят Хабора или Хабур) et Euphrates ambiunt flumina, velut spatium insulare fingentes (Аммиан, XXIII,5).

44) Предприятие и вооружения Юлиана описаны: им самим (Послан.27), Аммианом Марцеллином (XXIII, 3-5), Либанием (Orat.Parent., гл.108, 109, стр. 332, 333), Зосимом (кн. 3, стр.160-162), Созоменом (кн.6, гл.1) и Иоанном Малалой (том II, стр.17).

45) Перед вступлением в Персию Аммиан подробно описывает (XXIII, 6, стр.396-419, изд. Гронов. in 4-to) восемнадцать больших сатрапий, или провинций (до границ Серика или Китая), находившихся под властью Сассанидов.

46) Аммиан (XXIV,1) и Зосим (кн.3, стр.162,163) подробно описали распределение войск во время похода.

47) Приключения Гормизда рассказываются с некоторой примесью вымыслов (Зосим, кн.2, стр. 100-102. Тильемон, Hist. des Emperereurs, том IV, стр.198). Почти невозможно, чтобы он был брат (frater germanus) старшего и рожденного по смерти отца ребенка: впрочем, я не припомню, чтобы Аммиан когда-либо давал ему этот титул.

48) См. первую книгу "Анабасиса", стр.45,46. Это интересное произведение и оригинально и подлинно. Однако, может быть потому, что Ксенофонт писал через много лет после этой экспедиции, его память иногда изменяла ему, и обозначаемые им расстояния так велики, что ни один военачальник и ни один географ не признают их достоверными. (У Лэйяра мы находим интересное описание этой местности (Ниневия и Вавилон, стр.283, 284). "В Хебар, — говорит он, — перевозили пленных сынов Израиля. Вокруг Арбана, быть может, были раскинута палатки погруженных в скорбь иудеев, точно так, как во время моего посещения этого города там были раскинута палатки арабов. На те же самые пастбища водили они свои стада и утоляли жажду из тех же источников. В ту пору берега реки были покрыты городами и селениями, а на насыпи еще стоял великолепный храм, отражавшийся в прозрачных водах этой реки. Но рука времени давно уже стерла с лица земли хлопотливые толпы людей, теснившихся по берегам. От устья реки до ее истока, от Кархемиша до Разал-дина теперь нет на Хаборе ни одного постоянного человеческого жилища. Тамошние богатые луга и необитаемые развалины служат временным местом пристанища для кочующих арабов". — *Издат.*)

49) Английский переводчик "Анабасиса" Шпельман (ч.1, стр.51) принимает диких коз за изюбров, а диких ослов за зебр.

50) См. Voyages de Tavernier, ч.1, кн.3, стр.316 и в особенности Viaggi di Pietro della Valle, том 1, письмо 17, стр.671 и сл. Ему было незнакомо старинное название и старинное положение города Анна. Наши недалёкозоркие путешественники редко собирают сведения о тех странах, которые намереваются посетить. Шо и Турнефор составляют исключение из этого общего правила. (Это описание Анато согласно с тем, которое сделано одним из древних ассирийских монархов в одной из надписей, найденных Лэйяром в Нимруде. "На вер-

- шине (или кверху от) Аната Шальтеда, Анат стоит посреди Евфрата". Новейший город называется Ана. "Вав. и Нин.", стр.355. — *Издат.*)
- 51) *Famosi nominis Latro*, говорит Аммиан; это большая похвала для араба. Племя Гассанов поселилось на границах Сирии и в течение некоторого времени господствовало над Дамаском под династией тридцати одного царя или эмира, со времен Помпеи до времен Калифа Омара. Д'Эрбело, *Bibliothèque Orientale*, стр.360. Покок, *Specimen Hist. Arabicae*, стр.75-78. Имени Родосака нет в списке.
- 52) Аммиан (XXIV, 1,2); Либаний (*Orat. Parental.*, гл.110, 111, стр.334); Зосим (кн.3, стр.164-168). (От этой старинной линии укреплений до сих пор сохранились некоторые следы. В некоторых местах она называется Фарриа, а в других Сидр-аль-Нимруд или Вал Нимрода. "Вав. и Нин." Лэйяра, стр.471,578. — *Издат.*)
- 53) Это описание Ассирии заимствовано от Геродота (кн.1, гл.192 и сл.), который пишет иногда для детей, а иногда для философов, от Страбона (кн.16, стр.1070-1082) и от Аммиана (кн.23, гл.6). Самые полезные из новейших путешественников суть: Тавернье (часть 1, кн.2, стр.226-258), Оттер (том II, стр.35-69 и 189-224) и Нибур (том II, стр.172-288). Тем не менее я сожалею, что до сих пор не переведен Ирак Араби Абульфеды.
- 54) Аммиан замечает, что первобытная Ассирия, заключавшая в себе Нина (Ниневию) и Арбелу, приняла более новое название Адиабены, и, как кажется, полагает, что Тередон, Вологезия и Апполония были крайними городами настоящей ассирийской провинции.
- 55) Эти две реки соединяются у Апаеи или Корны (в ста милях от Персидского залива) в широкую реку Пазитигр или Шатт-эль-Араб. Евфрат прежде достигал моря по особому руслу, которое было засыпано и направлено в другую сторону гражданами Орхоэ, почти в двадцати милях к юго-востоку от новейшей Базры (Анвиль. *Memoires de L'Academie des Inscriptions*, том XXX, стр. 170-191).
- 56) (Эта равнина до сих пор "покрыта превосходной сетью древних каналов и водных путей. Их высокие насыпи не боятся руки времени и скорей похожи на дело природы, чем на дело человеческих рук". Лэйяра "Вав. и Нин.", стр.479. — *Издат.*)
- 57) Ученый Кемпфер сказал о пальмовых деревьях все, что могли бы сказать о них ботаник, антикварий и путешественник (*Amowenitat. Exoticae*, связка 4, стр. 606-764).
- 58) Ассирия ежедневно вносила персидскому сатрапу одну артабу серебра. Хорошо известная пропорция весов и мер (см. тщательно обработанное исследование епископа Гупера), относительный вес золота и серебра и ценность этого последнего металла дают возможность определить ежегодный доход в указанном мною размере. Однако великий царь получал с Ассирии не более тысячи звбейских или тирских талантов (252 000 фунт.ст.). Сравнение двух мест из сочинений Геродота (кн.1, гл.192; кн.3, гл.89-96) обнаруживает значительную разницу между валовым и чистым доходом Персии, — между суммами, которые уплачивались провинциями, и тем количеством золота и серебра, которое доставлялось в царскую казну. Из 17 или 18 миллионов фунт.ст., которые уплачивались народом, монарху ежегодно доставлялось только 3 600 000 ф.ст.
- 59) Военные действия в Ассирии подробно описаны Аммианом

(XXIV, 2-5), Либанием (Orat. Parent., гл. 112-123, стр. 335-347), Зосимом (кн.3, стр. 168-180) и Григорием Назианзином (Orat. 4, стр. 113-144). Критические замечания этого святого о ведении войны благочестиво списаны его верным рабом Тильеомом.

60) Либаний, De ulciscenda Juliani Nece, гл. 13, стр. 162.

61) Знаменитые случаи воздержанности со стороны Кира, Александра и Сципиона были актами справедливости. Но целомудрие Юлиана было добровольное и, по его мнению, достойное.

62) Саллюстий (ар. Vet. Scholiast. Juvenal. Satir. 1, 140) замечает, что "nihil corruptius moribus. Вавилонские женщины и девушки без всяких стеснений сходились с мужчинами на банкетах, устраивавшихся с целью кутежа, а когда они впадали в самозабвение от вина и от любовной страсти, они мало-помалу почти совершенно сбрасывали с себя одежды; "ad ultimum ima corporum velamenta projiciunt". Кв. Курций, V, 1.

63) Ex virginibus autem, quae speciosae sunt captae, et in Perside, ubi faeminarum pulchritudo excellit, nec contrectare aliquam voluit nec videre. Аммиан, XXIV, 4. Туземная персидская раса невелика ростом и некрасива, но она улучшилась благодаря постоянной примеси черкесской крови (Геродот, кн. 3, гл. 97. Бюффон, Hist. Naturelle, том III, стр. 420).

64) Obsidionalibus coronis donati. Аммиан, XXIV, 4. Или сам Юлиан, или его историк был плохим знатоком древности. Он должен был награждать стенными венками, а осадным венком награждали военачальника, освободившего осажденный город. Авл Геллий, Noct. Attic., V, 6.

65) Я считаю эту речь за подлинную и неподдельную. Аммиан мог слышать ее, мог записать ее и не был способен выдумать ее. Я позволил себе некоторые небольшие вольности при ее передаче и закончил ее самой энергической фразой.

66) Аммиан, XXIV, 3. Либаний, Orat. Parent., гл. 122, стр. 346.

67) Анвилль (Mem. de l'Academie des Inscriptions, том XXVIII, стр. 246-259) выяснил настоящее положение Вавилона, Селевкии, Ктесифона, Багдада и пр. и определил их взаимное расстояние. Римский путешественник Пиетро делла Валле (том I, письмо 17, стр. 750-780), как кажется, был самый интеллигентный из всех, посещавших эту знаменитую местность. Он джентльмен и ученый, но невыносимо тщеславен и многоречив.

68) Царский канал (Нагар-Малха) мог быть исправлен, изменен, разделен на части и пр. (Целларий, Geograph. Antiq., том II, стр. 453), и этими переменами можно объяснить кажущиеся противоречия древних писателей. Во времена Юлиана он, должно быть, изливал свои воды в Евфрат выше Ктесифона. (Большой канал Saklawiyah, в настоящее время почти совершенно теряющийся в болотах, соединяет Евфрат с Тигром ниже Багдада и выше развалин Ктесифона. (Лэйяр, "Вав. и Нин.", стр. 478). Он, вероятно, и обозначает направление Юлианова флота. — *Издат.*)

69) Rien nest beau que le vrai — это изречение следовало бы надписывать над письменным столом каждого ратора.

70) Либаний приписывает эти увещания самому влиятельному из военачальников. Я позволил себе назвать Саллюстия. Аммиан говорит о

всех вождях: quod acri metu territi duces concordi precatu fieri prohibere tentarent.

71) Hinc imperator...(говорит Аммиан) ipse cum Levis armaturae auxiliis per prima postremaque discurrens, etc. Однако, по словам хорошо расположенного к нему Зосима, он переправился на ту сторону реки лишь через два дня после битвы.

72) Secundum Homicam dispositionem. В четвертой книге "Илиады" такой же взгляд приписывается мудрому Нестору, а стихи Гомера всегда были присущи памяти Юлиана.

73) Persas terrore subito miscuerunt, versisque agminibus totius gentis apertas Ctesiphontis portas victor miles intrasset, ni major praedarum occasio fuisset, quam cura victoriae. (Секст Руф De Provinciis, гл.28). Может быть, их корыстолюбие побудило их последовать совету Виктора.

74) Прорытие канала, переправа через Тигр и победа Юлиана описаны у Аммиана (XXIV, 5,6), у Либания (Orat. Parent. гл.124-128, стр. 347-353), у Григория Назианзина (Orat.4, стр.115), у Зосима (кн.3, стр. 181-183) и у Секста Руфа (De Provinciis, гл.28).

75) Флот и армия были разделены на три дивизии, из которых только первая переправилась ночью через реку (Аммиан, XXIV,6). Те Pasedorsoria, которые, по словам Зосима, были переправлены на третий день (кн.3, стр.183), вероятно, состояли из **телохранителей**, в которых служили историк Аммиан и будущий император Иовиан, и из нескольких **школ прислуги**, и, может быть, из юпитерцев и геркулианцев, нередко исполнявших обязанности императорской стражи.

76) Моисей Хоренский (Ист.Армен., кн.3, гл.15, стр.246) сообщает национальное предание и подложное письмо. Я заимствовал оттуда только главные факты, согласные с истиной, с правдоподобием и с тем, что сообщает Либаний (Orat. Parent., гл.131, стр.355).

77) Civitas inexpugnabilis, facinus audax et importunum. Аммиан, XXIV,7. Его сотоварищ Евтропий уклоняется от затруднения, говоря: Assyriamque populatus, castra apud Ctesiphontem stativa aliquandiu habuit: remeansque victor, etc.X,16. Зосим обнаруживает или коварство, или невежество, а Сократ неточен.

78) Либаний, Orat.Parent., гл. 130, стр.354; гл.139, стр.361. Сократ, кн.3, гл.21. Церковный историк говорит, что на мирные предложения был дан отказ по совету Максима. Такой совет был недостойн философа, но этот философ был также волшебником, льстившим надеждам и страстям своего повелителя.

79) Коварный замысел этого нового Зопира (Григ. Назианзин, Orat.4, стр. 115, 116) получает некоторую достоверность благодаря свидетельству двух сократителей (Секста Руфа и Виктора) и случайным намекам Либания (Orat.Parent., гл.134, стр.357) и Аммиана (XXIV,7). Течение исторического повествования прерывается у Аммиана весьма неуместным пробелом.

80) См. Аммиана (XXIV,7), Либания (Orat. Parentalis, гл.132, 133, стр.356,357), Зосима (кн.3, стр.183), Зонару (том II, кн.13, стр.26), Григория (Orat.4, стр.116) и Августина (de Civitate Dei, кн.4, гл. 29; кн. 5, гл.21). Из них один Либаний слегка старается оправдать своего героя, который, по словам Аммиана, произнес сам над собой обвини-

тельный приговор, безуспешно и слишком поздно попытавшись погасить пламя.

81) См. Геродота (кн.1, гл.194), Страбона (кн. 16, стр.1074) и Тавернье (часть 1, кн.2, стр.152). (Евфрат и Тигр были недавно исследованы британскими пароходами. Первая из этих рек "в ее теперешнем положении не судоходна даже в самых нижних частях своего течения"; а вторая судоходна для судов, сидящих в воде на три или четыре фута, начиная от Персидского залива и почти до Текрита, находящегося в нескольких милях кверху от того места, где находился в древности Опис. Лэйяр, "Нин. и Вав.", стр.472-475. — *Издат.*)

82) *A celeritate Tigris incipit vocari, ita appellant Medi sagittam.* Плиний, *Hist.Natur.*, VI,31.

83) Тавернье (часть 1, кн.2, стр.226) и Тевено (часть 2, кн.1, стр.193) описывают одну из таких запруд, представлявшую искусственный водопад или порог. Персы и ассирийцы старались пресечь плавание по реке (Страбон, кн.15, стр.1075. Анвилль, *L'Euphrate et Le Tigre*, стр.98,99).

84) Припомните успешную и всеми одобренную опрометчивость Агафокла и Кортеса, сжегших свои корабли на берегах Африки и Мексики.

85) См. основательные замечания автора *Essai sur La Tactique*, том II, стр. 287-353, и ученые замечания Гишардта (*Nouveaux Memoires Militaires*, том 1, стр.351-382) касательно багажа и продовольствия римских армий.

86) Тигр расширяется на юге от гор Армении, а Евфрат на севере; первый выходит из своих берегов в марте, а последний в июле. Эти подробности хорошо объяснены в географической диссертации Фостера, помещенной у Шпельмана в описании экспедиции Кира, ч.II, стр.26. (Касательно разлития Тигра в марте и апреле см. Лэйяра, стр.337, 347. — *Издат.*)

87) Аммиан (XXIV,8) описывает испытанные им неудобства от наводнений, жары и насекомых. Несмотря на нищету и невежество земледельцев в Ассирии, угнетаемой турками и опустошаемой курдами или арабами, земля дает урожай сам-десять, сам-пятнадцать и даже сам-двадцать. *Voyages de Niebuhr*, том II, стр. 279-285.

88) Исидор Харакский (*Mansion. Parthic.* стр.5,6 в *Geograph. Minor.* Гудсона, том II) считает сто двадцать девять схен от Селевкии до Экбатаны или Гамадама, а Тевено (часть 1, кн. 1,2, стр.209-245) считает сто двадцать восемь часов ходьбы от Багдада до того же места. Это расстояние не может превышать обыкновенного парасанга или трех римских миль. (Парасанг, подобно новейшему персидскому фарсангу, или фарсаку, "не был точно определенной мерой расстояний, а скорее обозначал продолжительность времени, требовавшегося для перехода через известное пространство". Он обозначал один час пути и употреблялся в том же смысле, в каком в наше время немцы употребляют слово *Stunde*. Длина персидского фарсанга изменяется сообразно с условиями местности. В равнинах Хорасана она равняется почти четырем милям, а на трудных и утесистых путях она едва доходит до трех. Лэйяр, стр.60-61. — *Издат.*)

89) Поход Юлиана от стен Ктесифона подробно, но не ясно описан Аммианом (XXIV,7,8), Либанием (*Orat.Parent.*, гл.134, стр.357) и Зоси-

мом (кн.3, стр.183). Двое последних точно будто не знают, что их завоеватель отстывает, а Либаний так нелеп, что полагает, будто он не покидал берегов Тигра.

90) Самый здравомыслящий из новейших путешественников Шарден описывает (том III, стр.57,58 и сл. изд. in 4) воспитание и ловкость персидских всадников. Бриссоний (*de Regno Persico*, стр. 650-651 и сл.) собрал все указания древних писателей об этом предмете

91) Во время отступления Марка Антония аттический *choenix* продавался за пятьдесят драхм, или, другими словами, фунт пшеничной муки продавался за двенадцать или четырнадцать шиллингов; ячменный хлеб продавался на вес серебра. Читая интересный рассказ Плутарха (том V, стр. 102-116), нельзя не заметить, что Марка Антония и Юлиана преследовали одни и те же враги и что они находились в одинаково бедственном положении.

92) Аммиан, XXIV, 87 XXV,1. Зосим, кн.3, стр. 184-186. Либаний, *Orat.Parent.*, гл.134,135, стр.357-359. Антиохийский софист точно будто не знал, что войска страдали от голода.

93) Аммиан, XXV,2. Юлиан поклялся в минуту гневного раздражения "*nunquam se Marti sacra facturum*" (XXIV,6). Такие странные ссоры были нередки между богами и их непочтительными поклонниками, и даже благоразумный Август, когда его флот потерпел два раза кораблекрушение, лишил Нептуна почестей публичных процессий. См. философские размышления Юма в его *Essays*, ч.II стр.418.

94) Они еще сохраняли за собой монополию пустой, но доходной науки, которая была изобретена в Этрурии; они уверяли, что заимствуют свое знание признаков и предзнаменований из древних книг тосканского мудреца Тарквicia.

95) *Clamabant hinc inde candidati* (см. примечание Валуа) *quos disjecerat terror, ut fugientium molem tanquam ruinam male compositi culinilis declinaret.* Аммиан, XXV,3.

96) Сам Сапор объявил римлянам, что он имеет обыкновение утешать семьи умерших сатрапов присылкой им в подарок голов тех телохранителей и офицеров, которые не пали на поле битвы рядом со своим начальником. Либаний, *de Nece Julian ulcis*, гл. 13, стр.163.

97) Характер и положение Юлиана могут возбудить подозрение, что он заранее сочинил выработанную речь, которую слышал и записал Аммиан. Перевод аббата де-ла-Блетери верен и изящен. Я придерживался его при передаче платоновской идеи об эманациях, неясно выраженной в подлиннике.

98) Геродот (кн. 1, гл. 31) изложил эту доктрину в приятном вымышленном рассказе. Однако Юпитер (в шестнадцатой книге "Илиады"), проливающий кровавые слезы о смерти своего сына Сарпедона, имел весьма неудовлетворительное понятие о загробном счастье и славе.

99) Солдаты, которые во время своего нахождения на действительной службе (*in procinctu*) делали устные или словесные завещания, были освобождены от исполнения формальностей, предписанных римскими законами. См. Гейнеция (*Antiquit. Jur. Roman*, том 1, стр. 504) и Монтескье (*Esprit des Lois*, кн. 27).

100) Это соединение человеческой души с божественной, небесной субстанцией вселенной представляет древнюю доктрину Пифагора и

Платона; но оно, по-видимому, несовместимо ни с каким личным или сознательным бессмертием. См. ученые и основательные замечания Варбуртона. *Divine Legation*, ч. II, стр. 199-216.

101) Смерть Юлиана описана Аммианом (XXV, 3), который был интеллигентным ее свидетелем. Либаний, с ужасом отворачивающийся от этой сцены, также сообщил некоторые подробности (*Orat. Parental.*, гл. 136-140, стр. 339-362). Теперь уже можно относиться с презрительным молчанием к клеветам Григория и к житиям живших после него святых.

102) *Honoratior aliquis miles*; может быть, это был сам Аммиан. Этот скромный и рассудительный историк описывает сцену избрания, на которой он, без сомнения, присутствовал (XXV, 5).

103) Так называемый *Primus* или *primicerius* пользовался званием сенатора, и хотя он был не более как трибун, он имел одинаковый ранг с военными предводителями. *Код. Феодос.*, кн. 6, тит. 24. Впрочем, эти привилегии, быть может, существовали уже после царствования Иовиана.

104) Церковные историки Сократ (кн. 3, гл. 22), Созомен (кн. 6, гл. 3) и Феодорит (кн. 4, гл. I) приписывают Иовиану то достоинство, что он был духовником в предшествовавшее царствование, и благочестиво предполагают, что он отказывался от императорского звания до тех пор, пока все солдаты не объявили единогласно, что они христиане. Аммиан, спокойно продолжая свое повествование, уничтожает эту легенду одними следующими словами: "*Hostiis pro Joviano extisque inspectis, pronuntiatum est*", и т.д. XXV, 6.

105) Аммиан (XXV, 10) нарисовал беспристрастный портрет Иовиана, к которому младший Виктор прибавил несколько замечательных штрихов. Аббат де-ла-Блетери (*Histoire de Jovien*, том I, стр. 1-238) написал тщательно обработанную историю его царствования; это сочинение отличается изяществом слога, критическими исследованиями и религиозными предрассудками.

106) *Regius equitatus*. Из слов Прокопия можно заключить, что *бессмертные*, так прославившиеся при Кире и его преемниках, были — если можно так выразиться — воскрешены Сассанидами. Бриссон, *de Regno Persico*, стр. 268 и сл.

107) Названия ничтожных селений внутри страны безвозвратно утрачены, и мы даже не в состоянии назвать того поля битвы, на котором пал Юлиан; но Анвилль в точности выяснил положение Сумеры, Карши и Дуры на берегах Тигра (*Geographie Ancienne*, том II, стр. 248. *L'Euphrate et le Tigre*, стр. 95, 97). В девятом столетии Сумер, или Самара, сделалась, слегка изменив свое название, резиденцией халифов из дома Аббаса. (Самара состоит в настоящее время из полуразрушенной мечети и нескольких разваливающихся домов, которые окружены глиняной стеной и защищены башнями и бастионами. Лэйяр. стр. 471. — *Издат.*)

108) Дура была укрепленным городом во время войны Антиоха с бунтовщиками Мидии и Персии (Полибий, кн. 5, гл. 48, 52, стр. 548, 552, изд. Казобона, in 8-vo). (Дура, как некоторые полагают, была тем самым местом, где Навуходоносор сделал свое изображение из золота. Этим именем до сих пор обозначают дикую страну, где места-

ми попадают не имеющие определенной формы насыпи, которые представляют остатки старинных жилищ. Лэйяр, стр. 470. — *Издат.*) 109) Подобное средство было предложено начальнику знаменитых десяти тысяч, но было благоразумно отвергнуто Ксенофонтom ("Анабасис", кн. 3, стр. 255-257). Из сведений, доставленных новейшими путешественниками, можно заключить, что плоты, которые держатся на пузырях, употребляются для торговли и для плавания по Тигру.

110) О первых военных делах Иовианова царствования рассказывают: Аммиан (XXV, 6), Либаний (Orat. Parent., гл. 146, стр. 364) и Зосим (кн. 3, стр. 189-191). Хотя мы имеем основание не полагаться на добросовестность Либания, однако свидетельство очевидца Евтропия (uno a Persis atque altero proelio victus, X, 17) может внушить нам подозрение, что Аммиан был слишком заботлив о чести римского оружия.

111) Секст Руф (de Provinciis, гл. 29) прибегает из нациоанального тщеславия к жалкой увертке: "Tanta reverentia nominis Romani fuit, ut a Persis primus de pace sermo haberetur".

112) Было бы самонадеянностью с нашей стороны, если бы мы стали опровергать мнения Аммиана, который был и воином и очевидцем. Тем не менее трудно понять, каким образом горы Кордуэны могли тянуться над равнинами Ассирии до слияния Тигра с великим Забом и каким образом шестидесятитысячная армия могла бы пройти сто миль в четыре дня.

113) О заключенном в Дуре мирном договоре со скорбью и негодованием говорят: Аммиан (XXV, 7), Либаний (Orat. Parent., гл. 142, стр. 364), Зосим (кн. 3, стр. 190, 191), Григорий Назианзин (Orat. 4., стр. 117, 118, который винит во всем Юлиана, а спасение приписывает Иовиану) и Евтропий (X, 17). Этот последний, сам служивший в то время в армии, называет этот мир "necessariam quidem sed ignobilem".

114) Либаний, Orat. Parent., гл. 143, стр. 364, 365.

115) Conditionibus... dispendiosis Romanae reipublicae impositis... quibus cupidior regni quam gloriae Jovianus imperio rudis adquevit. Секст Руф, de Provinciis, гл. 29. Ла-Блетери изложил в длинной и ясной речи эти благовидные соображения об общественных и личных интересах (Hist de Jovien, том 1, стр. 39 и сл.).

116) Греческие полководцы были убиты на берегах Забата (*Анабасис*, кн. 2, стр. 156; кн. 3, стр. 226), или великого Заба; эта река течет в Ассирии, имеет четыреста футов в ширину и впадает в Тигр в четырнадцати часах пути ниже Мозуля. Страх заставил греков дать большому и малому Забу название Волка (Lycus) и Козла (Capros). Они вообразили, что эти животные живут на Востоке на берегах Тигра. (Лэйяр (стр. 60) полагает, что брод, по которому греки перешли великий Заб, находился почти в двадцати пяти милях от слияния этой реки с Тигром. Он очень остроумно и ясно проследил отступление десяти тысяч. — *Издат.*)

117) "Киропедия" написана смутно и скучно, "Анабасис" подробен и написан живо. Таково всегдашнее различие между вымыслом и правдой.

118) По словам Руфина, было условлено, что немедленно будут дос-

тавлены съестные припасы, а Феодорит утверждает, что это обязательство было в точности исполнено персами. В этом факте нет ничего неправдоподобного, но он бесспорно не согласен с истиной. См. Тильемона *Hist. de Empereurs*, том IV, стр. 702.

119) Здесь будет уместно припомнить стихи Лукана (*Pharsal.* IV, 95), в которых описывается точно такое же бедственное положение армии Цезаря в Испании:

Saeva fames aderat...

Miles eget: toto censū non prodigus emit

Exiguam Cererem. Proh lucri pallida tabes!

Non deest prolatо jejунus venditor auro.

См. Гишардта (*Nouveaux Memoires Militaires*, том 1, стр. 379 — 382). Его анализ двух кампаний в Испании и в Африке есть самый благородный памятник, какой когда-либо был воздвигнут в честь Цезаря.

120) Анвилль (см. его географические карты и сочинения *l'Euphrate et le Tigre*, стр. 92, 93) описывает направление их пути и определяет настоящее положение Гатры, Ура и Фильсафаты, о которых упоминает Аммиан. Он не жалуется на самум — убийственный жгучий ветер, которого так боялся Тевено (*Voyages*, часть 2, кн. 1, стр. 192).

121) Отступление Иовиана описано Аммианом (XXV, 9), Либанием (*Orat. Parent.*, гл. 143, стр. 365) и Зосимом (кн. 3, стр. 194).

122) Либаний (*Orat. Parent.*, гл. 145, стр. 366). Отсюда видно, каковы были естественные надежды и желания ратора.

123) Жители Карр, преданные идолопоклонству, погребли под грудой камней того, кто им привез это печальное известие (Зосим, кн. 3, стр. 196). Либаний, получивший это роковое известие, стал искать свой меч, но вспомнил, что Платон осуждает самоубийство и что он должен жить, чтобы написать панегирик Юлиану (Либаний, *de Vita sua*, том II, стр. 45, 46).

124) Аммиан и Евтропий могут считаться за добросовестных и достойных доверия свидетелей того, что говорилось и думалось в народе. Жители Антиохии осыпали бранными словами позорный мир, который оставлял их беззащитными от нападений персов вблизи от границы, которая не была укреплена (*Excerpt. Valesiana*, стр. 845, ex *Iohanne Antiocheno*).

125) Хотя аббат де-ла-Блетери (*Hist. de Jovien*, том 1, стр. 212-227) и был строгим казуистом, он решил, что Иовиан не был обязан исполнять данных им обещаний, так как он не мог ни расчленять империю, ни передавать, без согласия народа, принесенную ему этим народом присягу в верности. Я никогда ничего не находил в этой политической метафизике ни интересного, ни поучительного.

126) В Низибе он совершил поистине царское дело. Один храбрый нотариус, который носил одинаковое с ним имя и которого считали достойным императорского звания, был схвачен во время ужина, брошен в колодезь и убит камнями, без всякого суда и без предъявления каких-либо доказательств его виновности (Аммиан, XXV, 8).

127) Аммиан, XXV, 9 и Зосим, кн.3, стр. 194, 195.

128) Пасх. Хрон., стр. 300. Можно справиться с *Notitiae ecclesiasticae*.

129) Зосим, кн. 3, стр. 192, 193. Секст Руф, *de Provinciis*, гл. 29. Августин, *de Civitat. Dei*, кн. 4, гл. 29. Это общее положение следует применять и объяснять с некоторой осмотрительностью.

130) Аммиан, XXV, 9. Зосим, кн. 3, стр. 196. Он мог быть *edax, et vino Venerique indulgens*. Но я согласен с ла-Блетери (том 1, стр. 148-154), что не следует верить нелепому рассказу об оргии (*ap.Suidam*), которая была устроена в Антиохии и в которой будто бы принимали участие император, его супруга и толпа наложниц.

131) Аббат де-ла-Блетери (том 1, стр. 165-209) выставляет наружу зверское ханжество Барония, который хотел бы бросить труп Юлиана на съедение собакам "*ne cespititia quidem sepultura dignus*".

132) Сравните софиста со святым, — Либания (*Monod*, том II, 251, и *Orat Parent.*, гл. 145, стр. 367; гл. 156, стр. 377) с Григорием Назианзином (*Orat.* 4 стр. 125-132). Христианский оратор слегка советует быть невзыскательными и прощать обиды, но он вполне убежден, что страдания Юлиана будут более ужасны, чем баснословные страдания Иксиона или Танталя.

133) Тильемон (*Hist. des Empereurs*, том IV, стр. 549) собрал все что известно об этих видениях. Было замечено, что некоторые святые или ангелы отлучились в эту ночь для какой-то секретной экспедиции и пр.

134) Созомен (кн. 6, стр.2) одобряет учение греков о тираноубийстве, но президент Кузен из предосторожности уничтожает все это место, хотя даже иезуит не побоялся бы его перевести.

135) Немедленно после смерти Юлиана распространился неопределенный слух "*telo cecidisse Romano*". Этот слух был сообщен каким-нибудь дезертиром в персидский лагерь; тогда Сапор и его подданные стали упрекать римлян за то, что они убили своего императора, (Аммиан, XXV, 6. Либаний, *de ulciscenda Juliani* несе, гл. 13, стр. 162, 163). За неоспоримое доказательство этого обвинения приводили тот факт, что ни один перс не явился за получением обещанной награды (Либаний, *Orat. Parent.*, гл. 141, стр. 363). Но тот спасавшийся бегством всадник, который бросил роковой дротик, может быть, сам не знал, что убил императора, или, может быть, сам погиб в том же сражении. Аммиан и не чувствует никакого подозрения, и не старается внушить его другим.

136) *Ostis entolen pleron to sphon auton archonti*. Это неясное и двусмысленное выражение, может быть, относилось к Афанасию, который был бесспорно не знавшим соперников высшим лицом из всего христианского духовенства (Либаний, *de ulcis. Jul. nece*, гл. 5, стр. 149. Ла-Блетери, *Hist. de Jovien*, том I, стр. 179).

137) Оратор (Фабриций, *Bibliot. Graec.*, том VII, стр. 145-179) высказывает подозрения, требует расследования и намекает на то, что еще можно доискаться доказательств. Он приписывает успехи гуннов преступной небрежности тех, кто должен был был отомстить за смерть Юлиана.

138) Во время похорон Веспасиана актер, представлявший этого бережливого императора, с беспокойством допытывался, во что обойдутся похороны, а когда ему отвечали, что они будут стоить восемьдесят тысяч фунтов (*centies*), он воскликнул: "Дайте мне десятую часть этой суммы и бросьте мое тело в Тибр". Светоний *in Vespasian*, гл. 19, с примечаниями Казобона и Гроновия.

139) Григорий (*Orat.* 4, стр. 119, 120) сравнивает это мнимое униже-

ние и позор с погребальными почестями Констанция, прах которого переносили через горы Тавра в сопровождении хора ангелов.

140) Квинт Курций, кн. 3, гл. 4. Плодовитость его описаний нередко подвергалась осуждению. Однако он в качестве историка был почти обязан описать реку, в водах которой едва не погиб Александр.

141) Либаний, *Orat. Parent.*, гл. 156, стр. 377. Однако он с признательностью говорит о великодушии двух царственных братьев, украсивших гробницу Юлиана (*de ulcis. Jul. nece*, гл. 7, стр. 152).

142) *Cujus suprema et cineres, si qui tunc juste consuleret non Cydnus videre deberet, quamvis gratissimus amnis et liquidus; sed ad perpetuandam gloriam recte factorum praeterlambere Tiberis, intersecans urbem aeternam, divorumque veterum monumenta praestringens.* Аммиан, XXV, 10.

ГЛАВА XXV

Управление и смерть Иовиана. — Избрание Валентиниана, который берет в соправители своего брата Валента и окончательно отделяет Восточную империю от Западной. — Восстание Прокопия. — Светское и церковное управление. — Германия. — Британия. — Африка. — Восток. — Дунай. — Смерть Валентиниана. — Его два сына, Грациан и Валентиниан II, получают в наследство Западную империю.

Смерть Юлиана оставила общественные дела империи в очень сомнительном и опасном положении. Римская армия была спасена постыдным, хотя, быть может, и необходимым, мирным договором ¹⁾, а первые минуты после его заключения были посвящены благочестивым Иовианом восстановлению внутреннего спокойствия и в церкви и в государстве. Его опрометчивый предместник разжигал религиозную вражду, которую он лишь с виду как будто старался утишить, а его кажущееся старание сохранить равновесие между враждующими партиями лишь поддерживало борьбу, внушая попеременно то надежды, то опасения, — то поощряя притязания, основанные на древности прав, то поощряя те, которые основывались лишь на монаршей милости. Христиане позабыли о настоящем духе Евангелия, а язычники впитали в себя дух христианской церкви. В семьях частных людей природные чувства были заглушены слепую яростью фанатизма и мстительности; законы или нарушались, или употреблялись во зло; восточные провинции были запятнаны кровью, и самыми непримиримыми врагами империи были ее собственные граждане. Иовиан был воспитан в христианской вере и, во время его перехода из Низиба в Антиохию, во главе легионов был снова развернут лабарум Константина с знаменем креста, возвещавшим народу о религии его нового императора. Тотчас после своего вступления на престол он обратился ко всем губернаторам провинций с циркулярным посланием, в котором признавал себя приверженцем евангельского учения и обеспечивал легальное утверждение христианской ре-

лигии. Коварные эдикты Юлиана были отменены; церковные привилегии были восстановлены и расширены, и Иовиан снизошел до выражения сожалений, что стеснительные обстоятельства заставляют его уменьшить размеры общественных подаваний ²⁾. Христиане были единодушны в громких и искренних похвалах, которыми они осыпали благочестивого Юлианова преемника. Но они еще не знали, какой символ веры или какой собор будет им избран за образец для православия, и безопасность церкви немедленно снова оживила те горячие споры, которые замолкли в эпоху гонения. Епископы, стоявшие во главе враждующих между собою сект, зная по опыту, в какой степени их судьба будет зависеть от первых впечатлений, которые будут произведены на ум необразованного солдата, спешили ко двору в Эдессу или в Антиохию. Большие дороги восточных провинций были покрыты толпами епископов, — и приверженцев Номооусиона, и приверженцев Евномия, и арианских и полуарианских, — старавшихся опередить друг друга в этом благочестивом состязании; дворцовые апартаменты огласились их громкими спорами, и слух монарха был обеспокоен и, может быть, удивлен странною смесью метафизических аргументов с горячею бранью ³⁾.

Умеренность Иовиана, советовавшего им жить в согласии, заниматься делами милосердия и ждать разрешения спорных вопросов от будущего собора, была принята за доказательство его равнодушия; но его привязанность к Никейскому символу веры в конце концов явно обнаружилась в его уважении к небесным ⁴⁾ добродетелям великого Афанасия. Этот неустрашимый ветеран христианской веры, уже будучи семидесятилетним старцем, вышел из своего убежища при первом известии о смерти тирана. Он снова вступил, при радостных криках народа, на свой архиепископский трон и имел благоразумие принять или предупредить приглашение Иовиана. Почтенная наружность Афанасия, его хладнокровное мужество и вкрадчивое красноречие оправдали репутацию, которую он прежде того приобрел при дворах четырех царствовавших один вслед за другим монархов ⁵⁾. Лишь только он успел приобрести доверие и укрепить религиозные верования христианского императора, он возвратился с торжеством в свою епархию и еще в течение десяти лет ⁶⁾ руководил, с зрелою мудростью и неослабной энергией, духовным управ-

лением Александрии, Египта и католической церкви. Перед своим отъездом из Антиохии он уверял Иовиана, что за свое православие император будет награжден продолжительным и мирным царствованием. Афанасий имел основание надеяться, что случится одно из двух: или признают за ним заслугу удачного предсказания, или, в случае ошибки, ему извинят ее ради его внушенных признательностью, хотя и безуспешных, молитв ⁷⁾. — Когда самая незначительная сила толкает и направляет предмет по той покатости, по которой его заставляют стремиться вниз его физические особенности, эта сила действует с неотразимым могуществом, а Иовиан имел счастье усвоить именно те религиозные мнения, которые поддерживались и духом времени, и усердием многочисленных приверженцев самой могущественной секты ⁸⁾. В его царствование христианство одержало легкую и прочную победу, и лишь только гений язычества, восстановленный в своих правах и поддержанный безрассудными хитростями Юлиана, перестал быть предметом нежной монаршей заботливости, он безвозвратно превратился в прах. Во многих городах языческие храмы или были заперты, или опустели; философы, злоупотреблявшие кратковременным монаршим благоволением, сочли благоразумным сбрить свои бороды и не обнаруживать своей профессии, а христиане радовались тому, что теперь они могут или прощать обиды, вынесенные в предшествовавшее царствование, или отмщать за них ⁹⁾. Иовиан рассеял страх язычников изданием благоразумного и милостивого эдикта о терпимости, в котором объявил, что, хотя будет строго наказывать за святотатственное искусство магии, его подданные могут свободно и безопасно исполнять обряды старинного богослужения. Этот закон дошел до нас благодаря оратору Фемистию, который был послан депутатом от Константинопольского сената, чтобы выразить его преданность новому императору.

В своей речи Фемистий распространялся о том, что милосердие есть атрибут божественной природы, а заблуждение свойственно человеку; он говорил о правах совести, о независимости ума и с некоторым красноречием излагал принципы философской терпимости, к которым не стыдится обращаться за помощью само суеверие в минуты несчастья. Он основательно замечал, что, во время недавних перемен, обе религии бывали унижены кажущимся приобретением таких

недостойных последователей, таких почитателей господствующей власти, которые способны, без всякого основания и не краснея, переходить из христианской церкви в языческий храм и от алтарей Юпитера к священной трапезе христиан ¹⁰⁾.

Возвратившиеся в Антиохию римские войска совершили в течение семи месяцев переход в тысячу пятьсот миль, во время которого они выносили все лишения, каким могут подвергать война, голод и жаркий климат. Несмотря на их заслуги, на их усталость и на приближение зимы, трусливый и нетерпеливый Иовиан дал людям и лошадям только шестинедельный отдых. Император не мог выносить нескромных и коварных насмешек со стороны антиохийского населения ¹¹⁾. Ему хотелось как можно скорее вступить в обладание константинопольским дворцом и предотвратить честолюбивые попытки соперников, которые могли бы захватить в его отсутствие власть над европейскими провинциями. Но он скоро получил приятное известие, что его власть признана на всем пространстве между Фракийским Босфором и Атлантическим океаном. Первым письмом, отправленным из лагеря в Месопотамии, он поручил военное командование в Галлии и Иллирии Малариху, храброму и преданному военачальнику из нации франков, и своему тестю дуксу Люциллиану, выказавшему свое мужество и искусство при защите Низибя. Маларих отклонил от себя это назначение, находя, что оно ему не по силам, а Люциллиан был убит в Реймсе во время неожиданно вспыхнувшего мятежа батавских когорт ¹²⁾. Но умеренность главного начальника кавалерии Иовиана, позавывшего о намерении императора устранить его от службы, скоро смирила мятежников и упрочила поколебленную покорность солдат. Присяга в верности была принесена при громких изъявлениях преданности, и депутаты от западных армий ¹³⁾ приветствовали своего нового государя в то время, как он спускался с Тавра, направляясь в город Тиану, в Каппадокию. Из Тианы Иовиан продолжал свое торопливое шествие в главный город провинции Галатии Анкиру, где он принял, вместе с своим малолетним сыном, звание и отличия консульского звания ¹⁴⁾. Незначительный город Дадастана ¹⁵⁾, находившийся почти на одинаковом расстоянии от Анкиры и от Никеи, сделался роковым пределом и его путешествия, и его жизни. После сытного и, может быть, не в меру обильного ужина он лег спать, а на следующий день его нашли мерт-

вым в его постели. Причину этой внезапной смерти объясняли различно. Одни приписывали ее расстройству желудка, происшедшему или от чрезмерного количества вина, выпитого им накануне, или от дурного качества съеденных им грибов. По словам других, он задохся во время сна от чада, который производили вредные испарения, выходившие из сырой штукатурки стен той комнаты, где он спал ¹⁶⁾. Подозрения в отраве и убийстве ¹⁷⁾ были основаны лишь на том факте, что не было произведено правильного следствия о смерти монарха, царствование и имя которого были скоро позабыты. Тело Иовиана было отправлено в Константинополь для погребения рядом с его предместниками; эту печальную процессию повстречала на пути находившаяся в супружестве с Иовианом дочь дукса Люциллиана Харитона, которая еще оплакивала недавнюю смерть своего отца и спешила осушить свои слезы в объятиях своего царственного супруга. К ее отчаянию и скорби присоединились заботы, внушаемые материнскою привязанностью. За шесть недель перед смертью Иовиана ее малолетний сын был посажен в курульные кресла, украшен титулом *Nobilissimus* и облечен в пустые отличия консульского звания. Царственный юноша, получивший от своего деда имя Варрона, не успел насладиться выпавшим на его долю счастьем, и только недоверчивость правительства напомнила ему, что он был сын императора. Через шестнадцать лет после того он еще был жив, но уже его лишили одного глаза, а его огорченная мать ежеминутно ожидала, что из ее рук вырвут эту невинную жертву и, предав ее смерти, успокоят подозрительность царствующего государя ¹⁸⁾.

После смерти Иовиана Римская империя оставалась в течение десяти дней ¹⁹⁾ без повелителя. Министры и военачальники по-прежнему собирались на совещания, исполняли свои обычные обязанности, поддерживали общественный порядок и спокойно довели армию до города Никеи в Вифинии, где должно было происходить избрание нового императора ²⁰⁾. На торжественном собрании гражданских и военных сановников империи диадема была еще раз единогласно предложена префекту Саллюстию. Ему принадлежит та слава, что он вторично отказался; а когда добродетели отца послужили предлогом для подачи голосов в пользу его сына, он с твердостью бескорыстного патриота объявил избирателям, что отец по

причине своих преклонных лет, а сын по причине своей юношеской неопытности одинаково неспособны нести тяжелое бремя управления. Было предложено несколько других кандидатов, и все они были поочередно отвергнуты, потому что или их характер, или их положение вызывали возражения; но лишь только было произнесено имя Валентиниана, достоинства этого военачальника соединили в его пользу все голоса, и его избрание было одобрено самим Саллюстием. Валентиниан был сын дукса Грациана, который был родом из Кибалиса, в Паннонии ²¹⁾, и благодаря своей необычайной физической силе и ловкости возвысился из низкого звания до военного командования в Африке и Британии, а затем оставил службу с большим состоянием и с сомнительным бескорыстием. Впрочем, высокое положение и заслуги Грациана облегчили его сыну первые шаги на служебном поприще и доставили ему с ранних лет возможность выказать те солидные и полезные качества, которые возвысили его над обыкновенным уровнем его сослуживцев. Валентиниан был высок ростом и имел приятную и величественную наружность. Его мужественная осанка, в которой отражались и ум и душевная бодрость, внушала его друзьям уважение, а его врагам — страх, и вдобавок к своей неустрашимости он унаследовал от отца крепкое и здоровое телосложение. Благодаря привычке к целомудрию и умеренности, которая сдерживает физические влечения и усиливает умственные способности, Валентиниан умел сохранить уважение к самому себе и внушить уважение другим. Свойственные людям военной профессии развлечения отклонили его, в молодости, от занятий литературой; он не был знаком ни с греческим языком, ни с правилами риторики; но так как его уму была несвойственна робкая нерешительность, то он был способен, в случае надобности, выражать свои твердые убеждения с легкостью и уверенностью. Он не изучал никаких законов, кроме законов военной дисциплины, и скоро обратил на себя внимание неутомимым усердием и непреклонною строгостью, с которыми он исполнял и заставлял других исполнять воинские обязанности. В царствование Юлиана он рисковал впасть в немилость, открыто выражая свое презрение к господствовавшей в то время религии ²²⁾, а из того, как он вел себя впоследствии, как кажется, можно заключить, что его нескромность и неуместная нестесняемость были пос-

ледствием не столько его преданности христианству, сколько его воинской смелости.

Впрочем, Юлиан прощал ему это и оставлял его на службе, потому что ценил его личные достоинства ²³⁾, а во время столь разнообразных событий персидской войны он еще упорчил хорошую репутацию, уже приобретенную им на берегах Рейна. Быстрота и успех, с которыми он исполнил одно важное поручение, доставили ему милостивое расположение Иовиана и почетное начальство над второй школой или взводом щитоносцев, входивших в состав дворцовой стражи. После выступления с армией из Антиохии Валентиниан прибыл на стоянку в Анкиру, когда к нему пришло неожиданное приглашение, — без всякого с его стороны преступления или интриги, — принять на себя, на сорок третьем году от рождения, абсолютное владычество над римской империей.

Приглашение от собравшихся в Никее министров и военачальников не имело большого значения, пока оно не было одобрено армией. Престарелый Саллюстий, знавший по опыту, что решения многочисленных сборищ нередко бывают прихотливы и совершенно неожиданны, предложил, чтоб всем тем, кто по своему рангу мог бы набрать за себя целую партию, было запрещено, под страхом смерти, появляться в публике в день возведения нового императора на престол. А между тем сила старинных суеверий еще так была велика, что к этому опасному промежутку времени был добровольно прибавлен целый день, оттого что это был добавочный день високосного года ²⁴⁾. Наконец, когда настал такой час, который находили благоприятным, Валентиниан появился на высоком трибунале; собравшиеся одобрили столь благоразумный выбор, и новый монарх был торжественно облечен в диадему и порфиру среди радостных возгласов войск, расставленных в правильном порядке вокруг трибунала. Но когда он простер свою руку, чтобы дать знать, что хочет обратиться с речью к армии, в рядах послышался оживленный ропот, который мало-помалу разросся до громкого и повелительного требования, чтобы он безотлагательно выбрал соправителя. Неустршимое хладнокровие Валентиниана восстановило тишину и заставило почтительно выслушать следующие слова, с которыми он обратился к собравшимся: "Несколько минут тому назад от вас, мои ратные товарищи, зависело оставить меня в моей скромной неизвестности. Заключив по

моей прошлой жизни, что я достоин верховной власти, вы возвели меня на престол. Теперь уже ни на ком другом, как на мне, лежит обязанность заботиться о безопасности и интересах республики. Владычество над целым миром есть, бесспорно, слишком тяжелое бремя для слабого смертного. Я сознаю, что моим способностям есть предел и что моя жизнь не обеспечена, и потому я не только не буду отклонять содействие достойного соправителя, но буду с нетерпением искать его. Однако в тех случаях, когда раздоры могут быть гибельны, выбор верного товарища требует зрелого и серьезного обсуждения; оно и будет предметом моей заботливости. А вы должны вести себя с покорностью и благоразумием. Идите же по вашим квартирам, освежите ваш ум и ваши физические силы и ожидайте обычных подарков по случаю восшествия на престол нового императора" ²⁵⁾.

Удивленные войска были проникнуты разнообразными чувствами гордости, удовольствия и страха; они по тону узнали в Валентиниане своего повелителя. Их гневные возгласы перешли в безмолвную покорность, и окруженный орлами легионов и знаменами кавалерии и пехоты Валентиниан отправился с воинственной пышностью в никейский императорский дворец. Однако, так как он сознавал необходимость предотвратить всякое опрометчивое заявление со стороны солдат, он созвал начальников армии на совещание; их действительные чувства были вкратце выражены Дагалайфом с благородной откровенностью. "Великий государь, — сказал он, — если вы заботитесь только о вашем семействе, то у вас есть брат; если же вы любите республику, то поищите между теми, кто вас окружает, самого достойного из римлян" ²⁶⁾. Император, скрывши свое неудовольствие, но не изменивши своих намерений, направился медленными ²⁷⁾ переездами из Никеи в Никомедию и Константинополь. В одном из предместьев этой столицы ²⁸⁾ он, через тридцать дней после своего собственного возвышения, дал титул Августа своему брату Валенту, а так как самые отважные патриоты были уверены, что их сопротивление, не доставив никакой пользы их отечеству, окажется лишь гибельным для них самих, то его безусловное приказание было принято с безмолвной покорностью. Валенту было в ту пору тридцать пять лет, но он еще не имел случая выказать своих дарований ни на военном, ни на гражданском поприще, а его характер не обещал ничего хо-

рошего. Он обладал только одним качеством, которое располагало к нему Валентиниана и которое поддерживало внутреннее спокойствие империи — искреннюю и признательную привязанностью к своему благодетелю, превосходство ума и авторитет которого он смиренно и охотно признавал при всех обстоятельствах своей жизни ²⁹⁾.

Прежде чем приступить к дележу провинций, Валентиниан ввел преобразования в управлении империей. Подданные всех званий, претерпевшие обиды или притеснения в царствование Юлиана, получили дозволение публично заявлять свои жалобы. Всеобщее молчание засвидетельствовало о незапятнанной честности префекта Саллюстия ³⁰⁾, и его настоятельные просьбы о дозволении удалиться от государственных дел были отвергнуты Валентинианом с самыми лестными выражениями дружбы и уважения. Но между любимцами покойного императора было немало таких, которые употребляли во зло его легкоеверие или суеверие и которые уже не могли ожидать защиты ни от монаршего благоволения, ни от суда ³¹⁾. Дворцовые министры и ректоры провинций были большею частью уволены от своих должностей; но из толпы виновных Валентиниан выделил тех военачальников, которые отличались выдающимися достоинствами, и вообще вся эта реформа, несмотря на протесты, вызванные рвением и личною злобой, была исполнена с надлежащим благоразумием и умеренностью ³²⁾. Празднества по случаю нового воцарения были на короткое время прерваны внезапною и внушавшею подозрения болезнью обоих монархов, но лишь только их здоровье поправилось, они выехали в начале весны из Константинополя. В замке или дворце Медианском, только в трех милях от Наиссуса, они совершили формальное и окончательное разделение Римской империи ³³⁾. Валентиниан предоставил своему брату богатую восточную префектуру от нижнего Дуная до границ Персии, а под своим непосредственным управлением оставил воинственные префектуры Иллирийскую, Италийскую и Галльскую от оконечностей Греции до Каледонского вала и от этого последнего до подножия Атласских гор. Провинциальное управление было оставлено на прежних основаниях, но для двух верховных советов и двух дворов пришлось удвоить число военачальников и должностных лиц; при распределении должностей были приняты в соображение личные достоинства и положение

кандидатов, и вскоре вслед затем были учреждены семь должностей главных начальников как в кавалерии, так и в пехоте. Когда это важное дело было дружески улажено, Валентиниан и Валент обнялись в последний раз. Западный император избрал для своей временной резиденции Милан, а восточный император возвратился в Константинополь, чтобы вступить в управление пятьюдесятью провинциями, говорившими на языках, совершенно ему непонятных ³⁴⁾.

Спокойствие Востока было скоро нарушено восстанием, и могущество Валента было поколеблено смелой попыткой соперника, единственное достоинство и единственное преступление которого заключались в его родстве с императором Юлианом ³⁵⁾. Прокопий быстро возвысился из скромного звания трибуна до главного начальства над всей армией, стоявшей в Месопотамии; общественное мнение уже указывало на него как на преемника монарха, у которого не было наследников по рождению, а его друзья или его враги распустили неосновательный слух, будто Юлиан возложил на Прокопия императорскую порфиру перед алтарем Луны, в городе Карры ³⁶⁾. Он постарался обезоружить недоверчивость Иовиана своею почтительностью и покорностью, сложил с себя, без всякого протеста, военное командование и удалился с женою и семейством в обширное поместье, которым владел в Каппадокийской провинции. Его полезные и невинные хозяйственные занятия были прерваны появлением офицера с отрядом солдат, которому было приказано от имени его новых монархов Валентиниана и Валента отправить несчастного Прокопия или в вечное тюремное заключение, или на позорную смерть. Его присутствие ума доставило ему возможность отсрочить свою гибель и умереть более славною смертью. Не дозволяя себе никаких возражений против императорского приказанья, он попросил на несколько минут свободы, чтоб проститься с плачущей семьей, и в то время, как роскошное угощение усыпило бдительность его сторожей, он ловко ускользнул от них, добрался до берегов Эвксинского моря, а оттуда достиг провинции Босфора. В этой отдаленной стране он провел несколько месяцев, вынося все страдания, причиняемые ссылкой, одиночеством и нуждой; его склонность к меланхолии увеличивала тягость его положения, а его ум волновали основательные опасения, что в случае, если бы как-нибудь сделалось известным его настоящее имя, веро-

ломные варвары нарушат правила гостеприимства без всяких угрызений совести. В минуту раздражения и отчаяния Прокопий сел на купеческий корабль, отправлявшийся в Константинополь, и смело решился заявить притязание на императорское звание, потому что ему не позволяли пользоваться безопасностью в звании подданного. Сначала он бродил по деревням Вифинии, постоянно переменяя места убежища и свой костюм ³⁷⁾. Потом он стал все чаще и чаще пробираться в столицу, вверил свою жизнь и свою судьбу преданности двух друзей, одного сенатора и одного евнуха, и начал питать некоторые надежды на успех, когда узнал, в каком положении находились в ту пору общественные дела. В массе населения распространился дух недовольства: оно сожалело о неблагоприятном увольнении Саллюстия от управления восточной префектурой, так как ценило его беспристрастие и дарования. Оно питало презрение к характеру Валента, который был суров без энергии и слаб без человеколюбия.

Оно опасалось влияния его тестя, патриция Петрония, — жестокого и жадного министра, строго взыскивавшего все недоимки, какие оставались неуплаченными со времени царствования императора Аврелиана. Все благоприятствовало замыслам узурпатора. Неприязненные действия персов требовали личного присутствия Валента в Сирии; от Дуная до Евфрата войска были в движении, и столица была постоянно наполнена солдатами, то направлявшимися за Фракийский Босфор, то возвращавшимися оттуда. Две галльские когорты склонились на тайные предложения заговорщиков, поддержанные обещанием щедрой награды, и, так как между ними еще сохранилось уважение к памяти Юлиана, охотно согласились поддерживать наследственные права его обиженного родственника. На рассвете они выстроились в боевом порядке вблизи от бань Анастасии, и Прокопий, одетый в пурпуровую мантию, которая была более прилична для гаера, чем для монарха, как будто восстал из мертвых, появившись во главе их в самом центре Константинополя. Солдаты, уже подготовленные к его встрече, приветствовали своего дрожащего от страха монарха радостными возгласами и клятвами в преданности. Их число скоро увеличилось толпой грубых крестьян, собранных из окрестностей города, и охраняемый своими приверженцами Прокопий направился сначала к

трибуналу, потом в сенат и наконец в императорский дворец. В первые минуты своего бурного царствования он был удивлен и испуган мрачным безмолвием народа, который или не понимал причины этой перемены, или опасался ее последствий. Но в ту минуту его военных сил было достаточно для того, чтобы сломить всякое сопротивление; недовольные стали массами стекаться под знамя мятежа; бедных воодушевляла надежда, а богатых пугала опасность всеобщего грабежа, и неисправимое легкоеверие толпы было еще раз введено в заблуждение обещаниями выгод, которые она получит от революции. Должностные лица были арестованы; двери тюрем и арсеналов были взломаны; заставы и вход в гавань были заняты бунтовщиками, и в несколько часов Прокопий сделался абсолютным, хотя и не прочным хозяином императорской столицы. Узурпатор воспользовался таким неожиданным успехом с некоторым мужеством и ловкостью. Он стал искусно распространять слухи и мнения, которые были всего более благоприятны для его интересов, и обманывал население, часто давая аудиенции мнимым послам от самых отдаленных наций. Значительные отряды войск, стоявшие в городах Фракии и в крепостях нижнего Дуная, были мало-помалу вовлечены в восстание, а начальники готов согласились доставить константинопольскому монарху подкрепление из нескольких тысяч вспомогательных войск. Его военачальники переправились через Босфор и без больших усилий подчинили ему безоружные, но богатые провинции Вифинии и Азии.

Город и остров Кизик подпал под его власть после приличной обороны; знаменитые легионы юпитерцев и геркулианцев перешли на сторону узурпатора, которого они были обязаны низвергнуть, и так как к ветеранам постоянно присоединялись вновь набранные рекруты, то Прокопий скоро очутился во главе такой армии, которая по своей храбрости и по своей многочисленности казалась способной выдержать предстоявшую борьбу. Сын Гормизда ³⁸⁾, — храбрый и даровитый юноша, — согласился обнажить свой меч против законного повелителя Востока, и этот персидский принц был немедленно облечен старинными и чрезвычайными полномочиями римского проконсула. Брачный союз с вдовою императора Констанция Фаустиной, вверившей узурпатору и свою собственную судьбу и судьбу своей дочери, придал пар-

тии мятежников вес и достоинство в глазах народа. Принцесса Констанция, которой было в ту пору около пяти лет, следовала за армией на носилках. Ее приемный отец показывал ее толпе, держа на своих руках, и всякий раз как ее проносили по рядам армии, нежная преданность солдат воспламенялась до того, что переходила в воинственное одушевление ³⁹⁾; они вспоминали о славе Константинова рода и с шумными выражениями преданности заявляли, что готовы пролить последнюю каплю своей крови на защиту царственного ребенка ⁴⁰⁾.

Между тем Валентиниан был встревожен и испуган неопределенными слухами о восстании на Востоке. Война, которую он вел с германцами, заставила его ограничиться безотлагательной заботой о безопасности своих собственных владений, а так как все способы сообщений были прерваны, то он с нерешительностью и беспокойством прислушивался к усердно распушенным слухам, будто поражение и смерть Валента оставили Прокопия единственным хозяином восточных провинций. Валент был жив; но когда он получил из Кесарии известие о восстании, он пришел в отчаяние за свою жизнь и свою судьбу, вознамерился вступить в переговоры с узурпатором и обнаружил тайное намерение отречься от престола. Трусливый монарх был спасен от унижения и гибели твердостью своих министров, а их дарования скоро покончили междоусобную войну в его пользу. В эпоху внутреннего спокойствия Саллюстий безропотно отказался от своей должности, но лишь только стала грозить государству опасность, он из благородного честолюбия пожелал принять деятельное участие в трудах и опасностях, и возвращение этому добродетельному министру звания восточного префекта было первым шагом, засвидетельствовавшим о раскаянии Валента и удовлетворившим общественное мнение. Владычество Прокопия, по-видимому, опиралось на могущественные армии и покорные провинции. Но многие из высших должностных лиц, как военных, так и гражданских, устанились от преступного предприятия или из чувства долга, или из личных интересов, или же с целью выждать удобную минуту, чтоб выдать узурпатора. Люпициний спешил усиленными переходами во главе сирийских легионов на помощь к Валенту. Аринфей, превосходивший всех героев того времени физическою силой, красотой и мужеством, напал с

небольшим отрядом на превосходные силы бунтовщиков. Когда он увидел в рядах неприятеля солдат, когда-то служивших под его начальством, он громким голосом приказал им схватить и выдать их мнимого начальника, и таково было влияние его гения, что это необыкновенное приказание было немедленно исполнено ⁴¹⁾.

Почтенный ветеран времен Константина Великого Арбецио, который был почтен отличиями консульского звания, склонился на убеждения покинуть свое уединение и еще раз вести армию на поле брани. В пылу сражения он спокойно снял свой шлем, прикрывавший седую голову и почтенную наружность, обратился к солдатам Прокопия с нежными названиями детей и товарищей и стал убеждать их покинуть преступное дело презренного тирана и последовать за своим старым начальником, так часто водившим их к славе и победе. В двух сражениях при Фиатире ⁴²⁾ и Накозии несчастный Прокопий был покинут своими войсками, которые увлеклись советами и примером своих вероломных офицеров. Пробродив некоторое время по лесам и горам Фригии, он был выдан своими упавшими духом приверженцами, отправлен в императорский лагерь и немедленно обезглавлен. Его постигла обычная участь не имевших удачи узурпаторов; но жестокости, совершенные победителем под внешней формой правосудия, возбудили общее сострадание и негодование ⁴³⁾.

Таковы обыкновенные и натуральные последствия деспотизма и мятежа. Но расследование преступлений чародейства, которое так строго преследовалось и в Риме и в Антиохии в царствование двух братьев, было принято за роковое свидетельство или небесного гнева, или развращенности человеческого рода ⁴⁴⁾. Мы можем с благодарной гордостью утверждать, что в наше время просвещенная часть Европы отвергла ⁴⁵⁾ ужасное и отвратительное суеверие, господствовавшее во всех странах земного шара и уживавшееся со всякими религиозными системами ⁴⁶⁾. Народы и секты Римской империи допускали с одинаковым легковерием и с одинаковым ужасом существование этого адского искусства ⁴⁷⁾, которое было способно изменять течение планет и направлять самопроизвольную деятельность человеческого ума. Они боялись таинственной силы чар и колдовства, сильных трав и отвратительных обрядов, с помощью которых можно было отнимать или снова давать жизнь, воспламенять душевные страсти,

уничтожать творения Создателя и исторгать у сопротивляющихся демонов тайны будущего. Они с самой нелепой непосредственностью верили, что это сверхъестественное владичество над небом, землей и адом могло принадлежать какому-нибудь старым ведьмам или бродячим колдунам, которые в пользовании им руководствовались самыми низкими мотивами злобы или денежной выгоды и проводили свою жалкую жизнь в нищете и презрении ⁴⁸⁾. Искусство чародейства было осуждено у римлян и общественным мнением и законами, но так как оно имело целью удовлетворять самые непреодолимые страсти человеческого сердца, то оно постоянно запрещалось и постоянно было в употреблении ⁴⁹⁾. Воображаемая причина может порождать самые серьезные и самые пагубные последствия. Тайные предсказания смерти императора или успеха заговора делались только с той целью, чтобы ободрить надежды честолюбия и ослабить узы преданности, и эти преступные попытки чародейства вызывали действительные преступления измены и святотатства ⁵⁰⁾. Такие воображаемые ужасы нарушали спокойствие общества и благополучие граждан, и невинное пламя, заставлявшее мало-помалу таять восковую фигуру, приобретало очень большую и пагубную силу благодаря напуганному воображению того, кто был изображен этой фигурой ⁵¹⁾. От употребления тех трав, которым приписывали сверхъестественное действие, уже не велик был шаг до употребления более сильных отрав, и людское безрассудство нередко делалось орудием и прикрытием самых ужасных преступлений. Лишь только министры Валента и Валентиниана стали поощрять усердие доносчиков, им пришлось выслушивать обвинения и в преступлениях иного рода, слишком часто отравляющих семейную жизнь, — в тех преступлениях, которые по своему характеру более мягки и менее зловредны и за которые благочестивая и чрезмерная строгость Константина установила смертную казнь ⁵²⁾.

Эта отвратительная и нелепая смесь государственной измены с чародейством, отравлений с прелюбодеяниями представляла бесконечное множество различных степеней виновности и невинности, смягчающих и усиливающих вину обстоятельств, которые давали судьям возможность вносить в производство этих дел свои личные чувства и свои безнравственные расчеты. Они скоро заметили, что императорский

двор измерял степень их усердия и проницательности число постановленных их трибуналами смертных приговоров. Они крайне неохотно постановляли оправдательные приговоры, а в таких показаниях, которые носили на себе явные признаки клеветы или были добыты посредством пытки, они жадно искали улики в самых невероятных преступлениях против самых почтенных граждан. Расследования постоянно обнаруживали новые поводы для обвинений судебным порядком: смелый доносчик, лживость которого была обнаружена, оставался безнаказанным, но несчастная жертва, выдававшая своих действительных или мнимых сообщников, редко награждалась за свою гнусность помилованием. Из самых отдаленных частей Италии и Азии и молодые люди и старцы приводились закованными в цепи в трибуналы римские и антиохийские. Сенаторы, матроны и философы умирали в позорных и жестоких пытках. Солдаты, поставленные на страже у тюрем, заявляли с ропотом сострадания и негодования, что по своей малочисленности они не в состоянии препятствовать бегству или неповиновению такого множества арестантов. Самые богатые семьи были разорены денежными штрафами и конфискациями; самые невинные граждане боялись за свою жизнь, и мы можем составить себе некоторое понятие о размерах этого бедствия из преувеличенного утверждения одного древнего писателя, что в провинциях, всего более пострадавших, арестанты, ссыльные и беглецы составляли большую часть населения ⁵³⁾.

Когда Тацит описывает смерть невинных и знаменитых римлян, принесенных в жертву жестокосердию первых цезарей, частью красноречие историка, частью личные достоинства страдальцев возбуждают в нашей душе самые сильные ощущения ужаса, удивления или сострадания, а резкое и неразборчивое перо Аммиана нарисовало нам кровавые сцены с утомительной и отвратительной точностью. Но так как наше внимание уже не поддерживается контрастом свободы и рабства, недавнего величия и заменившего его унижения, то мы с отвращением отворачиваемся от беспрестанных казней, позоривших Рим и Антиохию в царствование двух братьев ⁵⁴⁾. Валент был характера робкого ⁵⁵⁾, а Валентиниан — желчно-го ⁵⁶⁾. Руководящим принципом в управлении Валента была тревожная заботливость о его личной безопасности. Когда он был простым подданным, он готов был целовать ру-

ку притеснителя с полным страха благоговением, а когда он вступил на престол, он считал себя вправе ожидать, что тот же самый страх, который поработал его собственный ум, доставит ему терпеливую покорность его народа. Любимцы Валента, пользуясь правом хищения и конфискации, нажили такие богатства, в которых им отказала бы его бережливость⁵⁷⁾. Они с убедительным красноречием доказывали ему, что когда идет речь о государственной измене, подозрение равносильно с доказательством, что способность совершить преступление заставляет предполагать намерение совершить его, что такое намерение не менее преступно, чем самое действие, и что подданный не достоин жизни, если его жизнь может угрожать безопасности или нарушать спокойствие его государя. Валентиниана не трудно было вовлечь в заблуждение, а его доверием часто злоупотребляли; но он ответил бы презрительной улыбкой на изветы доносчиков, если бы они вздумали поколебать его мужество указанием на опасность. Они восхваляли его непоколебимую любовь к справедливости, но при своем старании быть справедливым император был склонен считать милосердие за слабодушие, а гневную раздражительность за добродетель. В то время как он соперничал с равными себе на поприще честолюбия, Валентиниан редко оставлял безнаказанной обиду, но никогда не оставлял безнаказанным оскорбления; его могли упрекать в неблагодарности, но все отдавали справедливость его мужеству, и самые гордые и влиятельные военачальники боялись прогневить этого бесстрашного солдата. После того как он сделался повелителем всего мира, он, к несчастью, позабыл, что там, где не встречается никакого сопротивления, нет никакой надобности в храбрости, и вместо того, чтобы руководствоваться правилами здравого смысла и великодушия, он давал волю своим бешеным страстям в такое время, когда они были унижительны для него самого и пагубны для беззащитных предметов его гнева. Как в делах своего домашнего управления, так и в управлении империей он немедленно наказывал смертным приговором за самую легкую или даже только воображаемую обиду, за одно опрометчивое слово, за случайную оплошность или невольное замедление. Из уст императора всего чаще слышались слова: "Отрубите ему голову; сожгите его живьем; бейте его, пока не издохнет"⁵⁸⁾, а его любимые министры скоро поняли, что опрометчивая попыт-

ка отклонить или приостановить исполнение его кровожадных приказаний навлекла бы на них самих обвинение в преступлении и наказание. Частое удовлетворение такой свирепой любви к справедливости до того очерстило душу Валентиниана, что ей сделались недоступны чувства сострадания и жалости, а от привычки к жестокостям его гневные выходки сделались еще более свирепыми⁵⁹⁾.

Он мог с хладнокровным удовольствием смотреть на судорожные страдания, причиняемые пыткой или приближением смерти, и достаивал своей дружбы только тех преданных служителей, характер которых был всего более сходен с его собственным. Заслуги Максимиана, умертвившего многих из самых знатных римских граждан, были награждены императорским одобрением и должностью галльского префекта. Только два свирепых и громадных медведя, из которых одного называли Невинность, а другого Миса Аугеа, оказались достойными разделять вместе с Максимином милостивое расположение монарха. Клетки этих надежных охранителей всегда находились вблизи от спальни Валентиниана, который нередко с удовольствием смотрел, как они разрывали на части и пожирали окровавленные члены преступников, отданных им на съедение. Римский император внимательно следил за тем, чтобы их хорошо кормили и заставляли делать нужный моцион, а когда Невинность, длинным рядом важных заслуг, приобрела право на отставку, ее выпустили на свободу в тот самый лес, где она родилась⁶⁰⁾.

Но в минуты спокойного размышления, когда ум Валента не был волнуем страхом, а ум Валентиниана — яростью, эти тираны обнаруживали такие чувства или, по меньшей мере, так себя вели, что заслуживали название отцов своего отечества. Тогда западный император был способен ясно понимать и как следует удовлетворять и свои собственные интересы и интересы общественные; а император восточный, во всем следовавший с неизменной покорностью примеру своего старшего брата, был иногда руководим мудростью и добродетелями префекта Саллюстия. Оба монарха неизменно держались на престоле той целомудренной и воздержной простоты, которая была украшением их частной жизни, и во все время их царствования дворцовые развлечения никогда не вызывали краски стыда на лице их подданных и не стоили этим последним ни одного вздоха. Они мало-помалу уничто-

жили многие из злоупотреблений, вкравшихся в царствование Константина, с большим здравомыслием усвоили и усовершенствовали проекты Юлиана и его преемника и вложили в изданные ими новые законы такой дух и такое направление, которые были способны внушить потомству самое благоприятное мнение об их характере и системе управления. Конечно, не от хозяина Невинности можно было ожидать той нежной заботливости о благе подданных, которая побудила Валентиниана запретить подкидывание новорожденных детей⁶¹⁾ и назначить в каждый из четырнадцати римских кварталов по одному искусному медику, с предоставлением им определенного жалованья и особых привилегий. У невежественного солдата оказалось достаточно здравого смысла, чтобы основать полезные и либеральные учреждения для образования юношества и для поддержания пришедшей в упадок науки⁶²⁾. Он желал, чтобы в главном городе каждой провинции риторика и грамматика преподавались на греческом и латинском языках, а так как размеры и привилегии школы обыкновенно соразмерялись с важностью города, то академии римская и константинопольская заявили основательные притязания на особые преимущества. Отрывки из эдиктов Валентиниана по этому предмету дают нам некоторое понятие о константинопольской школе, которая была мало-помалу улучшена путем позднейших постановлений. Эта школа состояла из тридцати одного профессора по различным отраслям знаний: из одного философа, двух юристов, пяти софистов и десяти грамматиков для греческого языка, из трех ораторов и десяти грамматиков для латинского языка, кроме семи писарей, или — как их тогда называли — антиквариев, снабжавших публичную библиотеку чистыми и верными копиями классических произведений. Правила надзора, которым должны были подчиняться студенты, тем более интересны для нас, что они были зародышем тех порядков и дисциплинарных требований, которые существуют в новейших университетах.

Студент должен был представить надлежащее свидетельство от должностных лиц той провинции, где он родился. Его имя, профессия и место жительства аккуратно заносились в публичные регистры. Учащемуся юноше было строго запрещено тратить свое время на увеселения или на театры, и его образование оканчивалось, когда он достигал двадцатилет-

него возраста. Городскому префекту было дано право подвергать ленивых и непослушных телесным наказаниям и исключать их из заведения; ему было также предписано ежегодно доставлять министру двора отчет об успехах и дарованиях учащихся для того, чтобы можно было с пользой помещать их на государственную службу. Учреждения Валентиниана способствовали тому, чтобы население наслаждалось благодеяниями мира и достатка, а для охранения городских интересов была учреждена должность защитников⁶³⁾, которые, в качестве народных трибунов и адвокатов, назначались по выбору самих граждан; они защищали права этих граждан и излагали их жалобы перед трибуналами гражданских должностных лиц и даже у подножия императорского трона. Оба монарха, так давно привыкшие к строгой бережливости в управлении своим личным состоянием, относились с большой заботливостью к управлению государственными финансами; но в собирании и расходовании государственных доходов нетрудно было заметить некоторое различие между системами управления восточной и западной. Валент был того убеждения, что щедрость монарха неизбежно влечет за собой всеобщее угнетение, и потому не обременял народ налогами с целью доставить ему в будущем могущество и благосостояние. Он не только не увеличил налоги, которые, в течение последних сорока лет, почти удвоились, но, в первые годы своего царствования, уменьшил податное обложение Востока на одну четверть⁶⁴⁾. Валентиниан, по-видимому, не обращал такого же внимания на лежавшее на народе бремя и не старался облегчить его. Он уничтожал злоупотребления в управлении финансами, но без всяких колебаний отбирал весьма значительную долю частной собственности, будучи убежден, что те суммы, которые расходуются частными лицами на роскошь, могут быть с большей пользой употреблены на оборону государства и на разные улучшения. Восточные жители, пользовавшиеся немедленным увеличением своих денежных средств, одобряли снисходительность своего государя; но солидная, хотя и менее блестящая, заслуга Валентиниана принесла свои плоды и была оценена по достоинству лишь при следующем поколении⁶⁵⁾.

Но самой достойной уважения чертою в характере Валентиниана было непоколебимое и хладнокровное беспристрастие, с которым он относился к религиозным распрям в та-

кую эпоху, когда эти распри были всего более сильны. Его разум, непросвещенный, но и не испорченный образованием, с почтительным равнодушием отклонял от себя мелкие вопросы, о которых спорили богословы. Управление землей поглощало всю его заботливость и удовлетворяло его честолюбие, и в то время как он вспоминал, что он принадлежит к христианской церкви, он никогда не позабывал, что он государь для духовенства. В царствование Отступника он выказал свою преданность к христианству; своим подданным он предоставил такое же право, какое присвоил самому себе, и они могли с признательностью и доверием пользоваться всеобщей веротерпимостью, дарованной таким монархом, который хотя и увлекался своими страстями, но не был доступен ни для страха, ни для притворства⁶⁶⁾. Язычники, иудеи и все разнообразные секты, признававшие над собой божественную власть Христа, были ограждены законами от произвола властей и от оскорблений со стороны народной толпы; никакая форма богослужения не была воспрещена Валентинианом, за исключением тех тайных и преступных обрядов, при которых употреблялось во зло название религии для темных целей порока и бесчиния. Искусство колдовства еще более строго преследовалось, так как оно более жестоко наказывалось; но император допускал исключение в пользу одобренных сенатом старинных способов ворожбы, которые употреблялись тосканскими гаруспициями. Он запретил, с одобрения самых благоразумных людей между язычниками, предаваться бесчинствам ночных жертвоприношений, но он немедленно удовлетворил просьбу ахайского проконсула Претекстата, объяснявшего ему, что лишить греков неопеченного наслаждения элевсинскими таинствами было бы то же, что отнять у них житейские радости и утешения. Только одна философия может похвастаться (и, может быть, с ее стороны это было бы не более как хвастовство), что ее благодетельная рука способна с корнем вырвать из человеческого ума тайные и пагубные принципы фанатизма. Но двенадцатилетнее перемирие, которое поддерживалось мудрым и энергическим управлением Валентиниана, на время удержало религиозные партии от взаимных оскорблений и тем способствовало смягчению их нравов и ослаблению их предрассудков.

К сожалению, приверженец веротерпимости был слишком

далек от той сцены, где происходили самые жестокие распри. Лишь только западные христиане выпутались из сетей символа веры, установленного на соборе в Римини, они благополучно погрузились в дремоту православия, а незначительные остатки арианской партии, еще существовавшие в Сирмиуме и Милане, могли возбуждать скорей презрение, чем ненависть. Но в восточных провинциях, от Эвксинского моря до крайних пределов Фиваиды, сила и число приверженцев враждебных партий были распределены более равномерно, а это равенство вместо того, чтобы внушать желание жить в согласии, лишь мешало прекращению ужасов религиозной борьбы. Монахи и епископы поддерживали свои аргументы бранью, а за их бранью иногда следовала драка. Афанасий еще владычествовал в Александрии; епископские должности в Константинополе и Антиохии были заняты арианскими епископами, и всякая вновь открывавшаяся епископская вакансия была поводом для народных волнений. Приверженцы Номооусиона усилились благодаря соглашению с пятьюдесятью девятью македонианскими, или полуарианскими, епископами; но тайное нежелание этих последних признать божественность Святого Духа омрачило блеск этой победы, а публичное заявление Валента, который в первые годы своего царствования подражал беспристрастному образу действий своего брата, было важной победой для ариан. Оба брата, будучи частными людьми, оставались в положении оглашенных; но Валент, из чувства благочестия, пожелал креститься, прежде нежели подвергать свою жизнь опасности в войне с готами. Он, естественно, обратился к епископу императорской столицы Евдоксию⁶⁷⁾, и если невежественный монарх был научен этим арианским пастырем принципам неправославного богословия, то не столько его виновность, сколько его несчастье было неизбежным последствием ошибочного выбора. Впрочем, каков бы ни был выбор императора, он непременно оскорбил бы значительную часть его христианских подданных, так как и вожди той партии, которая была предана Номооусиону, и вожди ариан полагали, что, если им не дозволяют властвовать, их этим оскорбляют и угнетают самым жестоким образом. После того как император сделал этот решительный шаг, ему уже было чрезвычайно трудно сохранить добродетель или репутацию беспристрастия. Он никогда не добивался, подобно Констанцию, репутации

знатока богословия; но так как он с чистосердечием и уважением принял догматы Евдоксия, то он подчинил свою совесть руководительству своих духовных наставников и стал употреблять влияние своей власти на то, чтобы присоединить следовавших за *Афанасием еретиков* к составу католической церкви. Сначала он оплакивал их ослепление; потом мало-помалу стал раздражаться от их упорства и наконец стал ненавидеть этих сектантов, для которых он сам был предметом ненависти⁶⁸⁾.

Слабый ум Валента всегда находился под влиянием тех, кто был к нему близок, а ссылка или заключение в тюрьму частного человека есть такая милость, которой всего легче добиться от деспота. Таким наказаниям часто подвергались вожаки партии *Номооузион'а*, и гибель восьмидесяти константинопольских священников, может быть, случайно сгоревших на корабле, была приписана предумышленной жестокости императора и его арианских министров. Во всех столкновениях католики (если нам будет дозволено заранее употребить это название) должны были платить и за свои собственные ошибки, и за ошибки своих противников. Во всех выборах арианскому кандидату отдавалось предпочтение; если же большинство избирателей было не за него, его поддерживали влиянием гражданских должностных лиц или даже страхом вмешательства военной силы. Враги Афанасия пытались отравить последние годы жизни почтенного старца, и его временное удаление к месту погребения его отца считалось его приверженцами за его пятую ссылку. Но фанатизм многочисленного населения, немедленно взявшегося за оружие, устранил префекта, и архиепископу позволили окончить свою жизнь в спокойствии и славе после сорокасемилетнего владычества. Смерть Афанасия послужила сигналом к угнетению Египта, и языческий министр Валента, силою возведший недостойного Люция на архиепископский престол, купил расположение господствующей партии кровью и страданиями ее христианских братьев. Полная веротерпимость, с которой правительство относилось к культам языческому и иудейскому, возбуждала сильное неудовольствие между католиками и считалась ими за такой факт, который усиливает и тягость их положения, и виновность нечестивого восточного тирана⁶⁹⁾.

Торжество православной партии запятнало память Вален-

та названием гонителя христиан, а характер этого монарха, и добродетели и пороки которого истекали из его слабоумия и малодушия, едва ли заслуживает того, чтобы искать для него оправданий. Однако беспристрастное исследование дает некоторое основание подозревать, что духовные руководители Валента нередко заходили далее того, что приказывал или даже что имел в виду их повелитель, и что настоящие размеры фактов были очень щедро преувеличены пылкими декламациями и послушным легковерием его врагов⁷⁰⁾. 1. Молчание Валентиниана заставляет с большим правдоподобием полагать, что строгие меры, принятые от имени и в провинциях его соправителя, ограничивались лишь несколькими не доходившими до общего сведения и незначительными отклонениями от установленной системы религиозной терпимости; а здравомыслящий историк, хваливший неизменное беспристрастие старшего брата, не нашел основания противопоставлять спокойствие Запада жестокому гонению, будто бы происходившему на Востоке⁷¹⁾. 2. Независимо от степени доверия, внушаемого столь неточными и отдаленными от нас по времени рассказами, мы можем составить себе очень ясное понятие о характере или, по меньшей мере, об образе действий Валента из его обхождения с кесарийским архиепископом, красноречивым Василием, заменившим Афанасия в руководстве партией триипостасников⁷²⁾. Подробный рассказ об этом был написан друзьями и поклонниками Василия; тем не менее стоит только отбросить все, что есть в нем риторического и сверхъестественного, чтоб прийти в удивление от неожиданного мягкосердия арианского тирана, который восхищался твердостью Василия и опасался, чтоб насильственные меры не вызвали общего восстания в каппадокийской провинции. Архиепископ, отстаивавший с непреклонным высокомерием⁷³⁾ основательность своих убеждений и достоинство своего звания, сохранил и свободу своей совести, и свою должность. Император с благоговением присутствовал на торжественном богослужении в соборе и, вместо того, чтобы подписать приговор о ссылке Василия, пожаловал значительное имение в пользу госпиталя, только что основанного архиепископом неподалеку от Кесарии⁷⁴⁾. 3. Я не мог отыскать между изданными Валентом законами ни одного, который был бы направлен против последователей Афанасия и имел бы какое-либо сходство с тем, который был впоследст-

вии издан Феодосием против ариан; а тот эдикт, который вызвал самые неистовые протесты, как кажется, не заслуживал такого сильного порицания. Император заметил, что некоторые из его подданных, удовлетворяя под маской религии свою склонность к лени, пристали к египетским монахам; поэтому он приказал управлявшему восточными провинциями дуксу вытащить их силой из их уединения и заставить этих отказавшихся от общества людей выбирать одно из двух — или отказаться от всякой собственности, или исполнять общественные обязанности людей и граждан⁷⁵). Министры Валента, как кажется, расширили цель этой карательной меры, так как они позволили себе вербовать молодых и здоровых монахов в императорскую армию.

Отряд из кавалерии и пехоты, состоявший из трех тысяч солдат, двинулся из Александрии в соседнюю Нитрийскую степь⁷⁶), в которой жили пять тысяч монахов. Солдатам служили проводниками арианские священники, и, как рассказывают, произошла довольно сильная резня в тех монастырях, которые не подчинились требованиям своего государя⁷⁷).

Император Валентиниан подал первый пример тех строгих постановлений, с помощью которых мудрость новейших законодателей пыталась положить пределы богатству духовенства и сдерживать его корыстолюбие. Эдикт⁷⁸), с которым он обратился к римскому епископу Дамасию, был публично прочтен в городских церквях. Он убеждал духовенство и монахов не посещать дома вдов и девиц и грозил, в случае неповиновения, подвергать их наказаниям через посредство гражданских судей. Духовникам было запрещено принимать от их духовных дочерей какие-либо подарки путем завещаний или наследств; всякое завещание, составленное в нарушение этого эдикта, признавалось не имеющим силы, а противозаконный дар отбирался в пользу государственной казны. Таким же ограничениям, как кажется, были подвергнуты последующими постановлениями монахи и епископы; всем лицам духовного звания было запрещено что-либо получать по завещаниям, и они были обязаны довольствоваться естественными и легальными правами наследования. Валентиниан, считавший своей обязанностью охранять семейное счастье и семейные добродетели, прибегнул к этому сильному средству против распространения зла. В столице империи женщины из знатных и богатых семейств нередко

получали по наследству значительные состояния, которыми распоряжались совершенно самостоятельно; многие из них переходили в христианство не только с хладнокровием убеждения, но даже с пылкостью сердечного влечения и, может быть, из желания не отставать от моды. Они приносили в жертву удовольствия, доставляемые нарядами и роскошью, и, из желания похвастаться своим целомудрием, отказывались от радостей супружеской жизни. Лица духовного звания, отличавшиеся действительной или мнимой святостью, избирались ими для того, чтобы руководить их пугливой совестью и доставлять развлечение для праздной нежности их сердца, а безграничное доверие, которым они спешили награждать своих наставников, нередко употреблялось во зло теми плутами и энтузиастами, которые спешили туда с самых отдаленных концов Востока с целью насладиться, на более блестящем поприще, привилегиями монашеской профессии. Благодаря тому, что эти люди отрекались от мирских благ, они незаметным образом приобретали все эти блага — и горячую привязанность молодой и красивой женщины, и изысканную роскошь домашней обстановки, и почтительную услужливость рабов, вольноотпущенных и клиентов сенаторской семьи. Громадные состояния знатных римлянок мало-помалу истрачивались на щедрые подаяния и дорогостоящие странствования по святым местам, и хитрый монах, удержавший за собой первое или, быть может, даже единственное место в завещании своей духовной дщери, имел смелость заявлять, с лстивой вкрадчивостью лицемерия, что он был лишь орудием благотворительности и экономом бедняков.

Доходное, но гнусное ремесло⁷⁹⁾, которым занималось духовенство с целью обирать законных наследников, возбудило общее негодование даже в век суеверий, и двое из самых почтенных отцов латинской церкви были достаточно честны для того, чтобы признаться, что унижительный для них эдикт Валентиниана был справедлив и необходим и что христианское духовенство заслуживало потери такой привилегии, которой еще пользовались комедианты, возницы и служители идолов. Но мудрость и авторитет законодателя редко одерживают верх в борьбе с бдительной изворотливостью личных интересов, а потому и Иероним и Амвросий могли спокойно одобрять справедливость закона, который хотя и был благо-

творен, но был неисполним. Если бы духовенство, в поисках своих личных выгод, действительно натолкнулось на непреодолимые препятствия, оно, вероятно, занялось бы более похвальной деятельностью — увеличением богатств самой церкви — и стало бы прикрывать свое корыстолюбие благовидными названиями благочестия и патриотизма⁸⁰⁾.

Римский епископ Дамасий, будучи вынужден заклеить жадность своего духовенства опубликованием Валентинианова закона, был так умен или так счастлив, что сумел употребить на свою пользу религиозное рвение и дарование ученого Иеронима, и этот святой человек из признательности восхвалял весьма сомнительные достоинства и безупречность Дамасия⁸¹⁾. Но яркие пороки римской церкви во времена Валентиниана и Дамасия были подмечены историком Аммианом, который высказывает свое беспристрастное о них мнение в следующих выразительных словах: "При префекте Ювенции провинция пользовалась миром и благосостоянием, но спокойствие его управления было скоро нарушено кровавым мятежом введенного в заблуждение народа. Горячность, с которой Дамасий и Урсин оспаривали друг у друга епископский престол, превосходила обычную меру человеческого честолюбия. Они боролись с яростью, свойственной враждующим партиям, и многие из их приверженцев поплатились за нее или ранами, или смертью, а префект, не будучи в состоянии ни подавить, ни утишить мятежа, был вынужден удалиться в предместья. Дамасий одержал верх: после упорной борьбы победа осталась на стороне его партии; сто тридцать семь мертвых тел⁸²⁾ были найдены в базилике Сициния⁸³⁾, где происходили религиозные собрания христиан, и прошло много времени, прежде нежели взволнованные умы населения пришли в свое обычное спокойствие. Когда я принимаю в соображение великолепие столицы, я не удивляюсь тому, что столь ценное приобретение воспламеняет желания честолюбцев и возбуждает такую ожесточенную и упорную борьбу. Кандидат, имевший успех, уверен, что будет обогащаться пожертвованиями матрон⁸⁴⁾, что, одевшись с надлежащим старанием и изяществом, он будет разъезжать в своем экипаже по улицам Рима⁸⁵⁾ и что роскошь императорского стола не будет равняться с изобилием и изяществом тех яств, которыми будет удовлетворять свой вкус римский первосвященник". "Но эти первосвященники, — говорит да-

лее честный язычник, — поступили бы более благоразумно и нашли бы более прочное счастье, если бы вместо того, чтобы ссылаться на величие города как на оправдание своего образа жизни, они подражали бы примерной жизни некоторых провинциальных епископов, которые своей умеренностью и воздержностью, своей смиренной наружностью и опущенными вниз глазами делают свою чистую и скромную добродетель приятной Божеству и его истинным поклонникам"⁸⁶⁾. Вражда Дамасия и Урсина была подавлена ссылкой этого последнего, и благоразумие префекта Претекстата⁸⁷⁾ восстановило в городе спокойствие. Претекстат был язычник-философ; он был человек ученый, со вкусом и образованный. То был скрытый под видом шутки упрек, когда он уверял Дамасия, что немедленно перешел бы в христианскую веру, если бы знал, что будет римским епископом⁸⁸⁾. Эта живая картина богатства и роскоши пап в четвертом столетии тем более интересна, что представляет промежуточную ступень между смиренной нищетой апостола-рыбака и царственным величием светского государя, владения которого простираются от пределов Неаполитанского королевства до берегов реки По.

Когда воля военачальников и армии вручила скипетр римской империи Валентиниану, — его репутация, военные дарования и опытность, а также его непреклонная привязанность и к формам и к духу старинной дисциплины были главными мотивами этого благоразумного выбора. Настойчивость, с которой войска требовали от него назначения соправителя, была вызвана опасным положением общественных дел, и сам Валентиниан сознавал, что дарований самого деятельного ума было недостаточно для обороны отдаленных одна от другой границ империи, которая со всех сторон подвергалась нападениям. Лишь только смерть Юлиана избавила варваров от страха, который внушало им одно его имя, они поднялись и с востока, и с севера, и с юга с целью грабежа и завоеваний. Их вторжения причиняли много беспокойств, а иногда даже были очень грозны, но в течение двенадцатилетнего царствования Валентиниана его твердость и бдительность охраняли его собственные владения, а его могучий гений как будто вдохновлял его слабого брата и руководил его действиями. Если бы мы стали излагать факты в хронологическом порядке, мы дали бы читателю более ясное понятие о настоятельных и разнообразных заботах двух импера-

торов, но тогда его вниманию мешали бы сосредоточиваться скучные и отрывочные подробности. Поэтому мы более наглядно изобразим военное положение империи в царствование Валентиниана и Валента, если будем говорить отдельно о каждом из пяти главных театров войны: I. Германии; II. Британии; III. Африки; IV. Востока; V. Дуная.

I. Послы аллеманнов были оскорблены грубым и высокомерным обхождением государственного министра Урзак⁸⁹⁾, уменьшившего, из неуместной бережливости, и ценность и количество подарков, на которые они имели право, в силу обычая или договора, при восшествии на престол нового императора. Они не скрывали, что глубоко чувствуют обиду, нанесенную их нации, и уведомили об этом своих соотечественников. Мысль, что к ним относятся с презрением, раздражала вспыльчивых аллеманнских вождей, и воинственное юношество стало массами стекаться под их знамена. Валентиниан еще не успел перейти Альпы, как галльские селения уже были объаты пламенем, а военачальник Дагалайф еще не успел настигнуть аллеманнов, как пленники и добыча уже были ими укрыты в германских лесах. В начале следующего года военные силы всей нации перешли глубокими и густыми колоннами через Рейн во время суровой северной зимы. Два римских военачальника были разбиты и смертельно ранены, а знамя герулов и батавов попало в руки победителей, которые, с оскорбительными для римлян возгласами и угрозами, стали выставлять этот трофей своей победы. Знамя у них было отнято, но батавы этим не искупили в глазах своего строгого судьи того позора, которым их покрыло поражение и бегство. Валентиниан был того мнения, что его солдаты должны бояться своего вождя для того, чтобы быть в состоянии не бояться врага. Войскам было приказано собраться, и дрожащие от страха батавы были со всех сторон окружены императорской армией. Тогда Валентиниан взшел на свой трибунал и, не желая наказывать за трусость смертью, наложил неизгладимое пятно позора на тех офицеров, дурное поведение и малодушие которых считались главной причиной поражения. Батавы были лишены тех рангов, какие они занимали в армии; у них отобрали оружие и осудили их на продажу в рабство по высшей цене, какая будет предложена. Выслушав этот ужасный приговор, виновные бросились к ногам своего государя, старались смягчить его

негодование и уверяли, что, если он позволит им сделать еще одно испытание, они докажут, что они не недостойны названия римлян и воинов. Валентиниан согласился, с притворной неохотой, на их просьбу, и батавы снова взяли за свое оружие с непреклонной решимостью смыть свой позор кровью аллеманнов⁹⁰⁾.

Дагалайф отказался от звания главнокомандующего; но этот опытный полководец, быть может преувеличивавший, из чрезмерной осторожности, трудности предприятия, со скорбью видел, как его соперник Иовин одолел это препятствие в решительной победе над разбросанными силами варваров. Во главе хорошо дисциплинированной армии, состоявшей из кавалерии, пехоты и легковооруженного отряда, Иовин осторожными и быстрыми шагами дошел до Скарпонны⁹¹⁾, на Метцской территории, напал врасплох на большой отряд аллеманнов, прежде нежели они успели взяться за оружие, и воодушевил своих солдат надеждой легкой и верной победы. Другая неприятельская дивизия, или, скорей, целая армия, жестоко и бесцельно опустошив соседние провинции, отдыхала на тенистых берегах Мозеля. Иовин, осмотрев местность глазами опытного полководца, без шума провел свои войска сквозь глубокую и покрытую лесом равнину до такого пункта, откуда можно было ясно видеть, в какой праздной беззаботности проводили свое время германцы. Одни из них купались в реке, другие расчесывали свои длинные белокурые волосы, третьи упивались крепким и вкусным вином. В их ушах внезапно раздались звуки римских труб, и они увидели неприятеля внутри своего лагеря. Изумление вызвало беспорядок; за беспорядком последовало бегство и смятение, и это беспорядочное сборище самых храбрых воинов сделалось жертвой мечей и дротиков легионных солдат и вспомогательных войск. Беглецы укрылись в третьем и самом сильном лагере, раскинутом на Каталаунских полях подле Шалона в Шампани; разбросанные отряды были поспешно собраны в это место, и варварские вожди, напуганные судьбой, которая постигла их товарищей и послужила для них предостережением, приготовились вступить в решительный бой с победоносными войсками Валентинианова заместителя. Эта кровавая и упорная битва продолжалась в течение целого летнего дня с одинаковым мужеством с обеих сторон и с переменным счастьем. В конце концов римляне

одержали верх, потеряв около тысячи двухсот человек. Аллеманны потеряли шесть тысяч человек убитыми и четыре тысячи ранеными, а храбрый Иовин преследовал остатки их скопищ до самых берегов Рейна и затем возвратился в Париж, чтобы выслушать похвалы от своего государя и получить на следующий год консульское звание⁹²⁾. Торжество римлян, к сожалению, было запятнано тем, что они повесили на виселице одного взятого в плен короля, не спросившись своего военачальника, который пришел в негодование от этого поступка. За этой позорной жестокостью, которую можно было приписать исступлению войск, последовало преднамеренное умерщвление Вадомерова сына Ватикаба, — германского вождя со слабым и болезненным телосложением, но с отважной и мужественной душой. Римляне подучили и защитили домашнего убийцу, совершившего это преступление⁹³⁾; этим нарушением законов человеколюбия и справедливости они обнаружили тайные опасения, которые внушала им слабость разрушавшейся империи. Для защиты государства не прибегают к помощи кинжала, пока существует какое-либо доверие к могуществу меча.

В то время как аллеманны были, по-видимому, обескуражены понесенными поражениями, гордость Валентиниана была унижена неожиданным нападением варваров на главный город Верхней Германии Могунтиакум, или Майнц. В ту минуту, как ничего не подозревавшие христиане справляли один из своих праздников, смелый и хитрый варварский вождь Рондо, уже давно замышлявший эту попытку, внезапно перешел через Рейн, вступил в беззащитный город и увел оттуда множество пленных обоего пола. Валентиниан решился выместить это на всей нации. Дуксу Себастиану было приказано вторгнуться с италийскими и иллирийскими войсками в неприятельскую территорию, вероятно, со стороны Реции. Сам император, в сопровождении своего сына Грациана, перешел через Рейн во главе многочисленной армии, которую поддерживали с обоих флангов главные начальники западной кавалерии и пехоты Иовин и Север. Аллеманны, не будучи в состоянии воспрепятствовать опустошению своих селений, расположились лагерем на высокой и почти неприступной горе, в теперешнем герцогстве Вюртембергском, и бесстрашно ожидали приближения римлян. Жизнь Валентиниана подверглась крайней опасности вследствие неустра-

шимой любознательности, с которой он пробирался вперед по одной секретной и ничем не защищенной тропинке. Отряд варваров внезапно выскочил из засады, и император, сильно пришпорив свою лошадь, быстро спустился с горы по крутой и скользкой покатости, оставив позади себя своего оруженосца и свой великолепный шлем, украшенный золотом и драгоценными камнями. Когда был подан сигнал для приступа, римские войска окружили гору Солициниум и стали взбираться на нее с трех различных сторон. Каждый шаг вперед усиливал их пыл и ослаблял сопротивление врага, а когда их соединенные силы заняли верхушку горы, они стремительно погнались варваров вниз с северного спуска навстречу к дуксу Себастиану, который должен был пресечь им отступление⁹⁴). После этой блистательной победы Валентиниан возвратился в Трир на свои зимние квартиры и там дозволил населению выразить его радость в великолепных торжественных играх⁹⁵). Но благоразумный монарх, вместо того чтобы помышлять о завоевании Германии, ограничил свои планы важной и трудной заботой об обороне галльской границы от неприятеля, силы которого постоянно освежались приливом отважных добровольцев, беспрестанно стекавшихся туда от самых отдаленных северных племен⁹⁶).

Берега Рейна, от его истока до пролива, образуемого океаном, были усеяны укрепленными замками и башнями; новые способы укрепления и новые оружия были придуманы изобретательным монархом, который был очень сведущ в механических искусствах, а многочисленные рекруты, набранные между римской и между варварской молодежью, были строго обучаемы всем военным упражнениям. Эти работы, встречавшие со стороны варваров сопротивление иногда в форме скромных протестов, а иногда и в форме неприязненных попыток, обеспечивали спокойствие Галлии в течение девяти следующих лет Валентинианова управления⁹⁷).

Этот предусмотрительный император, старательно придерживавшийся благоразумных правил Диоклетиана, поддерживал и возбуждал внутренние раздоры между германскими племенами. Страны, лежащие по обеим сторонам Эльбы, — быть может те самые, которые впоследствии назывались Лузацией и Тюрингией, — находились в первой половине четвертого столетия под непрочным владычеством бургундов — воинственного и многочисленного племени вандальской ра-

сы⁹⁸⁾, малоизвестное название которого мало-помалу разрослось в название могущественного королевства и окончательно упрочилось за цветущей провинцией. Различие между системами управления, гражданской и церковной, как кажется, было самой выдающейся особенностью старинных нравов бургундов. Их король или вождь носил название *Hendinos*, а верховный первосвященник назывался *Sinistus*. Особа первосвященника была священна, а его должность пожизненна; но король пользовался крайне непрочной властью. Если исход войны давал повод обвинять короля в недостатке храбрости или в ошибках, его немедленно низлагали, а несправедливость его подданных даже возлагала на него ответственность за плодородие почвы и правильное течение времен года, — что, казалось бы, должно принадлежать к ведомству священнослужителей⁹⁹⁾. Обладание какими-то соляными копиями¹⁰⁰⁾ часто вызывало споры между аллеманнами и бургундами; эти последние соблазнились тайными предложениями и щедрыми обещаниями императора, а их баснословное происхождение от римских солдат, когда-то поставленных гарнизонами в крепостях Друза, было признано с обоюдным легковерием, так как оно было согласно с интересами обеих сторон¹⁰¹⁾. Восьмидесятитысячная бургундская армия скоро появилась на берегах Рейна и стала с нетерпением требовать обещанных Валентинианом подкреплений и субсидий; но ее убаюкивали извинениями и отсрочками, и, после бесполезных ожиданий, она наконец была вынуждена отступить. Гарнизоны и укрепления, охранявшие галльскую границу, сдержали ярость ее основательного озлобления, а то, что она умертвила пленных, лишь разожгло наследственную вражду между бургундами и аллеманнами. Такое непостоянство со стороны столь мудрого монарха, быть может, следует приписать изменившимся обстоятельствам, или, быть может, Валентиниан имел в виду только настращать германцев, а не обессиливать их, так как истребление которой-либо из этих наций уничтожило бы между ними то равновесие, которое желал поддерживать император.

Между аллеманнскими князьями нашелся один, которого он счел достойным своей ненависти и своего уважения; это был Макриан, усвоивший вместе с римским именем дарования воина и государственного человека. Сам император, во главе легкого и легковооруженного отряда, снизошел до то-

го, что пустился за ним в погоню, перешел через Рейн, проник на пятьдесят миль вглубь страны и непременно захватил бы Макриана, если бы нетерпение его солдат не расстроило его хорошо задуманного плана. Впоследствии Макриан был удостоен чести личных совещаний с императором, и благодаря оказанным ему милостям он до самой смерти остался верным и искренним союзником римлян¹⁰²⁾.

Укреплениями Валентиниана была усеяна внутренность континента, но морские берега Галлии и Британии ничем не были защищены от хищнических набегов саксов. Это знаменитое имя, возбуждающее в нас столь сильное национальное участие, ускользнуло от внимания Тацита, а на географических картах Птолемея это племя занимало узкий перешеек Кимврского полуострова и три небольших острова у устьев Эльбы¹⁰³⁾. Эта небольшая территория, составляющая в настоящее время герцогство Шлезвигское или, может быть, Голштинское, не могла высылать те бесчисленные сонмища саксов, которые господствовали над океаном, распространили по Великобритании свой язык, законы и колонии и так долго охраняли свободу севера от военных предприятий Карла Великого¹⁰⁴⁾. Но это затруднение легко устраняется тем соображением, что германские племена имели схожие нравы и непрочное внутреннее устройство и потому смешивались одни с другими при различных, и неприязненных и дружеских, сношениях. Положение настоящих саксов располагало их к рискованным занятиям рыбной ловлей и морскими разбоями, а успех их первых предприятий натурально должен был возбудить соревнование в тех из их храбрых соотечественников, которым наскучило мрачное однообразие их лесов и гор. Каждый морской отлив мог спустить вниз по Эльбе целый флот лодок, наполненных отважными и неустрашимыми ратными товарищами, которые горели нетерпением полюбоваться беспредельностью океана и познакомиться с богатствами и роскошью неведомого для них мира. Впрочем, есть основание думать, что самых многочисленных союзников доставляли саксам те народы, которые жили вдоль берегов Балтийского моря. Они обладали оружием и кораблями, были искусны в мореплавании и были привычны к морским сражениям; но трудность пробраться через северные Геркулесовы столбы¹⁰⁵⁾ (которые заграждались льдами в течение нескольких месяцев в году) стесняла их ловкость и мужество

в пределах обширного озера. Слух об успехах экспедиций, отправлявшихся из устьев Эльбы, скоро заставил их перебраться через узкий Шлезвигский перешеек и пуститься на своих судах в открытое море. Различные отряды морских разбойников и искателей приключений, сражавшихся под одним общим знаменем, мало-помалу соединились в одно постоянное общество, связывавшее их сначала узами грабежа, а впоследствии и узами правительственными. Эта военная конфедерация мало-помалу образовала из себя одну нацию благодаря нежному влиянию супружеских и родственных связей, а соседние племена, искавшие доступа в этот союз, получали от саксов и их название, и их законы. Если бы рассказываемые нами подробности не были удостоверены самыми неопровержимыми свидетельствами, читатель мог бы подумать, что мы употребляем во зло его доверие, описывая те корабли, на которых саксонские пираты отваживались бороться с волнами Немецкого моря, Британского канала и Бискайского залива. Киль их широких плоскодонных лодок был сделан из легкого дерева, но борты и верх состояли лишь из плетеных прутьев, покрытых толстыми кожами¹⁰⁶).

Во время своих медленных и продолжительных морских переездов они неизбежно должны были часто подвергаться опасностям и бедствиям кораблекрушений, и морские летописи саксов, без сомнения, были наполнены рассказами о потерях, понесенных ими у берегов Британии и Галлии. Но эти отважные пираты смело шли навстречу и тем опасностям, которые ожидали их на море, и тем, которые ожидали их при высадке на берег; их ловкость развивалась от привычки к предприятиям этого рода; самые последние из их моряков были одинаково способны и работать веслами, и поднимать паруса, и направлять корабль; к тому же саксы радовались буре, которая прикрывала их замыслы и разгоняла неприятельские суда¹⁰⁷). Когда они хорошо познакомились с приморскими провинциями Запада, они расширили сцену своих грабежей, и самые отдаленные местности уже не могли быть уверенными в своей безопасности. Саксонские лодки так неглубоко сидели в воде, что легко могли подниматься вверх по течению больших рек миль на восемьдесят или на сто; их тяжесть была так невелика, что их можно было перевозить на колесах от одной реки до другой, так что пираты, проникшие в устье Сены или Рейна, могли спуститься по быстрому

течению Роны в Средиземное море. В царствование Валентиниана приморские провинции Галлии много терпели от саксов; одному префекту была поручена защита морского побережья или границ Арморики, но он нашел, что его силы и дарования недостаточны для выполнения такой задачи, и обратился с просьбой о помощи к главному начальнику пехоты Северу. Саксы, будучи со всех сторон окружены римлянами, которые превосходили их числом, были вынуждены возвратить добычу и выдать своих самых рослых и самых сильных юношей для службы в императорской армии. Они только выговорили себе право удалиться в безопасности и с честью; на это условие охотно согласился римский военачальник, замышлявший вероломство¹⁰⁸⁾, которое было столько же бесчеловечно, сколько оно было неблагоприятно, пока оставался в живых и с оружием в руках хоть один сакс, чтобы отмстить за гибель своих соотечественников. Преждевременная горячность пехоты, втайне поставленной в глубокой долине, выдала тайну засады, и римляне, может быть, сами пали бы жертвами своего низкого обмана, если бы значительный отряд тяжелой кавалерии, встревоженный шумом сражения, не поспешил на выручку к своим товарищам и не одолел неустрашимой храбрости саксов. Острие меча пощадило жизнь некоторых пленников для того, чтобы пролить их кровь в амфитеатре, а оратор Симмах выражал сожаление по поводу того, что двадцать девять из этих отчаянных дикарей задушили себя своими собственными руками и тем лишили публику ожидаемой забавы. Однако образованные и знакомые с философией римские граждане были до глубины души объаты ужасом, когда узнали, что саксы посвящают богам десятую часть своей человеческой добычи и что они решают по жребию, кто именно должен быть предметом этого варварского жертвоприношения¹⁰⁹⁾.

II. Баснословные колонии египтян и троянцев, скандинавов и испанцев, льстившие гордости наших необразованных предков и удовлетворявшие их склонность к легковерию, мало-помалу утратили весь свой блеск при свете науки и философии¹¹⁰⁾. Наш век довольствуется безыскусственным и здравым мнением, что острова Великобритании и Ирландии были мало-помалу населены выходцами из Галлии. От берегов Кента и до оконечностей Кезнесса и Ольстера ясно заметны следы кельтского происхождения и в языке, и в религии, и в

нравах населения, а отличительные особенности британских племен могут быть натурально приписаны влиянию случайных или местных причин¹¹¹⁾. Эта римская провинция была поставлена в положение цивилизованного и безмятежного рабства, а права дикой свободы были ограничены узкими пределами Каледонии. Жители этой северной страны еще во времена Константина делились на два главных племени, на скотов и пиктов¹¹²⁾, судьба которых впоследствии была совершенно различна. Могущество пиктов, и почти самое воспоминание о них, было уничтожено их счастливыми соперниками, а скоты, в течение многих веков поддерживавшие достоинство независимого королевства, увеличили славу английского имени путем равноправного и добровольного объединения. Рука самой природы обозначила старинное различие между скотами и пиктами. Первые жили в горах, вторые на равнинах. Восточный берег Каледонии можно считать за плоскую и плодородную площадь, которая могла производить в значительном количестве зерновой хлеб даже при грубом состоянии земледелия, а название *cruitnich* (людей, питающихся пшеницей) выражало презрение или зависть питавшихся мясом горцев. Возделывание полей могло привести к более точному распределению земельной собственности и развить привычки оседлой жизни; но войны и хищничество все еще были господствующей страстью пиктов, а их воины, сражавшиеся нагими, обращали на себя внимание римлян странной манерой раскрашивать свое голое тело пестрыми красками и фантастическими фигурами. Западная часть Каледонии возвышается в форме беспорядочно разбросанных диких гор, которые не могли бы вознаградить труд земледельца и гораздо более удобны для пастбищ. Горцы должны были поневоле заниматься лишь разведением скота и охотой, а так как они редко держались постоянного места жительства, то им было дано выразительное название скотов, что, как говорят, значило на кельтском языке *странники* или *бродяги*. Обитатели неплодородной почвы были вынуждены искать в воде добавка к своим средствам продовольствия. Разбросанные по их стране глубокие озера и бухты были наполнены рыбой, и они мало-помалу приобрели смелость забрасывать свои сети в волны океана. Соседство Гебридских островов, разбросанных в таком большом числе вдоль западного берега Шотландии, возбудило их любозна-

тельность и развило в них способность к мореплаванию; они мало-помалу приобрели умение или, скорей, привычку управлять своими лодками на бурном море и руководствоваться в своих ночных морских поездках течением звезд. Два выдвигающихся далеко вперед каледонских мыса почти соприкасаются с берегами обширного острова, который, благодаря своей роскошной растительности, получил эпитет *зеленого* и до сих пор сохранил его с небольшим изменением в названии Эрина, или Иерна, или Ирландии¹¹³).

Есть *вероятие*, что в какой-нибудь очень отдаленный период древности на плодородных равнинах Ольстера поселилась колония голодных скотов и что эти северные пришельцы, осмеливавшиеся вступать в борьбу с римскими легионами, расширили свои завоевания на этом уединенном острове, населенном миролюбивыми дикарями. Но *положительно* известно, что, во времена упадка Римской империи, Каледония, Ирландия и остров Мэн были населены скотами и что эти родственные племена, нередко соединявшиеся вместе для военных предприятий, принимали живое участие в судьбе друг друга. Они долго дорожили преданиями касательно общности их имени и происхождения, а пролившие свет христианства на северную Британию миссионеры с Острова Святых поддерживали неосновательное мнение, будто их ирландские соотечественники были настоящими предками и духовными прародителями шотландской расы. Это неопределенное и темное предание сохранил Беда Достопочтенный, который пролил немного света на мрак восьмого столетия. На этом легком фундаменте была нагромождена масса басен бардами и монахами, — двумя разрядами людей, в одинаковой мере употреблявших во зло привилегию вымысла. Шотландская нация, из ложной гордости, признала свое ирландское происхождение, а летописи длинного ряда воображаемых королей были украшены фантазией Боэция и классическим изяществом Бьюкенена¹¹⁴).

Через шесть лет после смерти Константина опустошительные вторжения скотов и пиктов потребовали личного присутствия его младшего сына, царствовавшего над западной империей. Констанс посетил свои британские владения, но о важности совершенных им подвигов мы можем составить себе некоторое понятие по содержанию панегириков, прославлявших лишь его торжество над элементами, — или, други-

ми словами, его удачный и беспрепятственный переезд из Булонской гавани в гавань Сандвичскую¹¹⁵⁾. Бедственное положение, в которое были поставлены жители этой провинции внешними войнами и внутреннею тиранией, еще ухудшилось вследствие слабого и безнравственного управления евнухов Констанция, а временное облегчение, доставленное им добродетелями Юлиана, скоро прекратилось вследствие отсутствия и смерти их благодетеля. Золото и серебро, с большим трудом собранное внутри страны или великодушно доставленное двором для уплаты жалованья войскам, задерживалось жадностью начальников; увольнения или, по меньшей мере, освобождения от военной службы продавались публично; бедственное положение солдат, несправедливо лишенных своих законных и скудных средств существования, заставляло их покидать свои знамена; энергия дисциплины ослабела, а на больших дорогах не было проезда от разбойников¹¹⁶⁾. Угнетение честных людей и безнаказанность негодяев в одинаковой мере содействовали распространению на всем острове духа недовольства и мятежа, так что всякий честолюбивый подданный, всякий доведенный до отчаяния изгнанник мог питать основательную надежду, что ему удастся ниспровергнуть слабое и безрассудное британское правительство. Северные племена, ненавидевшие гордость и могущество повелителя всего мира, прекратили свои внутренние раздоры; тогда варвары, нападавшие и с суши и с моря, — и скоты и пикты и саксы — с непреодолимой стремительностью разлились по всей стране от стены Антонина до берегов Кента. В богатой и плодородной британской провинции были накоплены всякого рода предметы комфорта и роскоши, которых варвары не способны были создавать собственным трудом и не способны были добывать торговлей¹¹⁷⁾.

Философ может оплакивать беспрестанные раздоры человечества, но он должен сознаться, что жажда добычи есть более разумный повод к войне, чем тщеславие завоевателей. Со времен Константина до времен Плантагенетов этот дух хищничества постоянно воодушевлял бедных и отважных каледонцев; но тот же самый народ, благородное человеколюбие которого, по-видимому, вдохновляло Оссиана, запятнал себя отсутствием мирных доблестей и незнанием законов войны. Южные соседи скотов и пиктов¹¹⁸⁾, быть может, преувеличивали жестокие опустошения, которые им прихо-

дилось выносить от этих варваров, а одно храброе каледонское племя — аттакотты¹¹⁹⁾, бывшие одно время врагами Валентиниана, а потом поступившие к нему в службу, — подверглось со стороны одного очевидца обвинению в том, что оно с наслаждением ело человеческое мясо. Когда они рыскали по лесам в поисках добычи, они, как уверяют, нападали предпочтительно на пастухов, а не на стада и выбирали как у мужчин, так и у женщин самые нежные и самые мясистые части тела, которые предназначались для их отвратительных пиршеств¹²⁰⁾. Если действительно когда-то существовала в окрестностях торгового и образованного города Глазго раса людоедов, то нам представляются в истории Шотландии две крайних противоположности дикой жизни и цивилизованной; а такие сопоставления расширяют круг наших идей и дают нам приятную надежду, что и Новая Зеландия когда-нибудь произведет Юма южного полушария.

Всякий, кому удавалось перебраться через Британский канал, приносил Валентиниану самые печальные и тревожные известия, и императора скоро уведомили, что два военных начальника этой провинции подверглись неожиданному нападению со стороны варваров, которые отрезали им сообщения. Находившийся в Трире двор поспешно откомандировал туда главу дворцовой прислуги Севера и так же поспешно отозвал его назад. Представления Иовина привели лишь к тому, что обнаружили настоящие размеры зла; наконец, после продолжительных и серьезных совещаний, защита или, скорей, обратное завоевание Британии было поручено даровитому и храброму Феодосию. Подвиги этого полководца, который впоследствии сделался родоначальником целого ряда императоров, были с особенной услужливостью воспеты писателями того времени; но его действительные достоинства заслуживали их похвалы, а его назначение было принято британской армией и населением за верное предзнаменование скорой победы. Он воспользовался благоприятной для переезда минутой и благополучно высадил на британский берег многочисленные и испытанные в боях отряды герулов, батавов, иовианцев и викторианцев. Во время своего перехода из Сандвича в Лондон Феодосий разбил несколько отрядов варваров, освободил множество пленных и, раздав своим солдатам небольшую часть добычи, приобрел репутацию бескорыстного и справедливого начальника тем, что приказал

возвратить остальную добычу ее законным владельцам. Лондонские граждане, уже почти утратившие надежду спастись от варваров, отворили перед ним свои ворота, и лишь только Феодосий получил себе в помощь от Трирского двора военного заместителя и гражданского правителя, он с благоразумием и энергией принялся за выполнение трудной задачи освободить Британию от варваров. Праздно шатавшиеся солдаты были снова призваны на службу; эдикт об амнистии рассеял опасения жителей, а пример самого Феодосия облегчил суровые требования военной дисциплины. Так как варвары, предаваясь грабежу и на море и на суше, делились на множество отдельных отрядов, то Феодосий был лишен возможности одержать над ними решительную победу; но благоразумие и искусство римского полководца обнаружились в двух кампаниях, во время которых он мало-помалу вырвал все части британской провинции из рук жестокого и жадного к грабежу врага. Прежнее величие городов и прочность их укреплений были восстановлены отеческой заботливостью Феодосия, который своею мощной рукой заставил объятых страхом каледонцев не выходить из северного уголка острова и увековечил славу Валентинианова царствования, дав вновь организованной им провинции название Валенции¹²¹⁾.

Голос поэтов и панегиристов мог к этому прибавить, — быть может не без некоторой доли правды, — что малоизвестная страна Фулэ (Thyle) была обрызгана кровью пиктов, что весла Феодосиева флота разбивали волны Гиперборейского моря и что отдаленные Оркадские острова были свидетелями его морской победы над саксонскими пиратами¹²²⁾. Он покинул эту провинцию с незапятнанной и блестящей репутацией и немедленно был возведен в звание главного начальника кавалерии таким монархом, который мог без зависти награждать заслуги своих полководцев. Будучи назначен на важный пост начальника на Верхнем Дунае, освободитель Британии остановил и разбил армии аллеманнов перед тем, как ему было поручено подавить восстание Африки.

III. Монарх, который отказывается быть судьей над своими министрами, становится в глазах народа их сообщником. Военное командование в Африке долго находилось в руках дукса Романа, дарования которого соответствовали важности занимаемого им поста; но так как он руководствовался в делах управления лишь своими личными корыстолюбивыми расче-

тами, то он нередко действовал так, как если бы был недругом своей провинции и другом живших в степи варваров. Три цветущих города Оза (Оеа), Лепт и Сабрата, уже давно составлявшие конфедерацию под именем Триполи⁽¹²³⁾, были в первый раз вынуждены затворить свои ворота перед неприятельским вторжением; некоторые из их достойнейших граждан были застигнуты врасплох и убиты; селения и даже городские предместья были ограблены, а виноградники и плодовые деревья этой богатой территории были с корнем уничтожены злобными дикарями Гетулии. Несчастные жители молили Романа о помощи, но они скоро убедились, что их военный предводитель был не менее жестокосерд и жаден, чем варвары. Так как они не были в состоянии доставить четыре тысячи верблюдов и громадные подарки, которых он требовал, прежде чем двинуться к ним на помощь, то его требование было равносильно отказу и его можно было основательно считать за виновника общественного бедствия. На ежегодном собрании представителей трех названных городов жители выбрали двух депутатов с поручением положить к стопам Валентиниана обычный дар, состоявший из золотого венка и служивший выражением не столько признательности, сколько сознания долга; вместе с этим они поручили этим депутатам изложить императору их почтительную жалобу, что в то время, как они терпят разорение от врага, им отказывает в защите их предводитель. Если бы строгость Валентиниана была направлена как следовало, она обрушилась бы на голову виновного Романа. Но Роман, давно уже изощрившийся в искусстве подкупа, поспешно отправил верного гонца, чтобы заручиться продажной дружбой государственного министра Ремигия. Мудрый император был введен в заблуждение коварными интригами, а его честное негодование охладело вследствие разных отлагательств. Наконец, когда основательность новых жалоб была подтверждена непрекращавшимися общественными бедствиями, Трирский двор командировал Палладия с поручением расследовать положение дел в Африке и поведение Романа. Суровое беспристрастие Палладия было легко обезоружено: он соблазнился возможностью присвоить себе часть тех сумм, которые привез с собою для уплаты жалованья войскам, а с той минуты, как он сам сделался преступником, он уже не мог отказаться от засвидетельствования невинности и заслуг Романа.

Обвинение, заявленное населением Триполи, было признано неосновательным и легкомысленным, и сам Палладий был снова послан из Трира в Африку с специальным поручением открыть и предать суду зачинщиков этого нечестивого заговора против представителей монарха. Он вел следствие с такой ловкостью и таким успехом, что заставил граждан Лепта, только что выдержавших восьмидневную осаду, признать неосновательность своих собственных декретов и осудить образ действий своих собственных депутатов. Опрометчивое и непреклонное жестокосердие Валентиниана побудило его утвердить без колебаний смертный приговор. Глава Триполийской провинции, осмелившийся скорбеть об общественном бедствии, был публично казнен в Утике; четверо знатнейших граждан были лишены жизни как участники в мнимом обмане, а у двух других вырезали язык по особому приказанию императора. Возгордившийся от безнаказанности и раздраженный сопротивлением, Роман остался главным военным начальником края до тех пор, пока выведенные из терпения его алчностью жители Африки не присоединились к восстанию мавританского уроженца Фирма¹²⁴).

Отец Фирма, Набал, был один из самых богатых и самых могущественных мавританских вождей, признававших над собою верховенство Рима. Но так как его жены или его наложницы дали ему многочисленное потомство, то его богатое наследство вызвало горячие споры, и один из его сыновей Замма был убит, во время семейной ссоры, своим братом Фирмом. Непреклонное усердие, с которым Роман добивался законного наказания за это убийство, может быть приписано лишь мотивам корыстолюбия или личной ненависти; но в этом случае его требования были основательны, его влияние было очень сильно, и Фирм ясно понял, что ему предстоит одно из двух — или подставить свою шею под нож палача, или апеллировать на приговор императорского суда к своему мечу и к народу¹²⁵). Он был принят как освободитель страны, и лишь только стало очевидно, что Роман мог быть страшен только для тех, кто ему покорно подчинялся, тиран Африки сделался предметом общего презрения. Гибель Кесарии, которая была ограблена и сожжена недисциплинированными варварами, находившимися под начальством Фирма, убедила остальные города в опасности сопротивления; власть Фирма прочно утвердилась по меньшей мере над про-

винциями Мавританской и Нумидийской, и он, по-видимому, колебался лишь насчет того, следует ли ему надеть на себя диадему мавританского короля или порфиру римского императора. Но неосмотрительные и несчастные африканцы скоро убедились, что, опрометчиво вовлекшись в восстание, они недостаточно взвесили свои собственные силы и дарования своего вождя. Фирм еще ничего не знал о том, что западный император остановил свой выбор на опытном полководце и что у устьев Роны собраны транспортные суда, — когда он был поражен известием, что великий Феодосий, с небольшим отрядом ветеранов, высадился на африканском берегу вблизи от Игилгилиса или Гигери, и робкий узурпатор почувствовал свое бессилие перед военными доблестями и гением. Хотя у Фирма были и войска и сокровища, он утратил всякую надежду на победу и прибегнул к таким же хитростям, к каким прибегал в той же самой стране и точно в таком же положении коварный Югурта. Он попытался обмануть бдительность римского военачальника притворным изъяснением покорности, старался поколебать верность его войск и продлить войну, склоняя независимые африканские племена помочь ему в борьбе или укрыть его в случае бегства. Феодосий последовал примеру своего предшественника Метелла и достиг такого же, как он, успеха. Когда Фирм явился к нему в качестве просителя, сознался в своей собственной опрометчивости и униженно молил о милосердии, наместник Валентиниана принял его и отпустил с дружескими объятиями, но настоятельно потребовал необходимых и существенных залогов его искреннего раскаяния и, несмотря ни на какие миролюбивые заявления, не приостановил ни на минуту военных действий. Благодаря своей прозорливости Феодосий открыл составленный против него заговор и довольно охотно удовлетворил общественное негодование, которое он втайне сам возбудил. Некоторые из сообщников Фирма были, — согласно с установленным исстари обыкновением, — предоставлены солдатской расправе; у многих других были отрезаны обе руки, и они были оставлены в живых для того, чтобы служить предметом назидания. К ненависти, которую возбуждал Феодосий в мятежниках, присоединялся страх, а к тому страху, который он внушал римским солдатам, присоединялась почтительная преданность.

Среди беспредельных равнин Гетулии и бесчисленных до-

лин Атласских гор не было возможности воспрепятствовать бегству Фирма, а если бы узурпатору удалось истощить терпение своего противника, он укрылся бы в каком-нибудь уединенном убежище и стал бы выжидать благоприятной минуты для нового восстания. Он был побежден настойчивостью Феодосия, который принял непоколебимое решение, что война должна окончиться лишь со смертью тирана и что все африканские племена, осмелившиеся принять его сторону, должны погибнуть вместе с ним. Во главе небольшого отряда, редко превышавшего три с половиной тысячи человек, римский полководец проник внутрь страны с той непреклонной осмотрительностью, которая одинаково незнакома ни с опрометчивостью, ни с робостью. Там ему приходилось выдерживать нападения двадцатитысячной мавританской армии; но смелость его атак приводила в замешательство недисциплинированных варваров; их сбивали с толку его отступления, которые он всегда совершал своевременно и в надлежащем порядке; их беспрестанно вводили в заблуждение незнакомые им ресурсы военного искусства, и они невольно сознавали, что притязания вождя цивилизованной нации на верховенство вполне основательны. Когда Феодосий вступил в обширные владения короля изафлензов Игмазена, этот надменный дикарь спросил у него дерзким тоном, как его имя и какая цель его экспедиции. "Я военачальник повелителя мира Валентиниана, который прислал меня сюда для того, чтобы поймать и наказать отъявленного разбойника, — отвечал ему тот резким и презрительным тоном. — Немедленно передай его в мои руки и будь уверен, что, если ты не исполнишь приказаний моего непобедимого государя, и ты и народ, над которым ты царствуешь, погибнете безвозвратно". Лишь только Игмазен убедился, что у его противника достаточно силы и решимости, чтобы привести в исполнение эту страшную угрозу, он согласился купить необходимый для него мир принесением в жертву преступного беглеца. Стража, приставленная к Фирму, отняла у него всякую надежду на спасение бегством, а когда вино заглушило в мавританском тиране сознание опасности, он избегнул оскорбительного торжества римлян, задушив себя ночью собственными руками. Его труп, — этот единственный подарок, которым Игмазен мог почтить победителя, — был небрежно взвален на верблюда, и Феодосий отвел назад свои победы.

носные войска в Зитифи, где его встретили с самыми пылкими выражениями радости и преданности ¹²⁶⁾.

Африка была потеряна римлянами вследствие пороков Романа; ее возвратили им доблести Феодосия, и мы можем с пользой удовлетворить нашу любознательность, если посмотрим, как обошлись при императорском дворе с этими военачальниками. С прибытием Феодосия дукс Роман был устранен от должности и отдан до окончания войны под стражу, впрочем с подобающим ему почетом. Его преступления были доказаны самым очевидным образом, и публика с некоторым нетерпением ожидала строгого и справедливого приговора. Но, опираясь на пристрастное покровительство Меллобода, он не устрасился своих законных судей, беспрестанно испрашивал отсрочки, чтобы вызывать целые толпы свидетелей, и в конце концов прикрыл свое преступление добавочным преступлением обмана и подлога. Почти в то же самое время был позорным образом обезглавлен в Карфагене освободитель Британии и Африки вследствие смутного подозрения, что его слава и заслуги выше того, что может быть дозволено подданному. Валентиниана уже не было в ту пору в живых, и как казнь Феодосия, так и безнаказанность Романа следует приписать коварству министров, употреблявших во зло доверие и неопытность его юных сыновей ¹²⁷⁾.

Если бы Аммиан приложил свою географическую аккуратность к описанию военных подвигов Феодосия в Африке, мы охотно проследили бы за каждым шагом этого полководца. Но скучное перечисление никому не известных и никого не интересующих африканских народов может быть сведено к общему замечанию, что все они принадлежали к смуглой мавританской расе, что они жили позади провинций Мавританской и Нумидийской, в стране, которую арабы впоследствии прозвали родиной фиников и саранчи ¹²⁸⁾, и что по мере того, как римское владычество в Африке приходило в упадок, там мало-помалу суживались пределы цивилизованных нравов и возделанной земли. За крайними пределами мавританских стран тянется с лишком на тысячу миль до берегов Нигера обширная и негостеприимная южная степь. Древние, имевшие весьма поверхностное и неполное знакомство с великим африканским полуостровом, иногда бывали расположены верить, что в жарком поясе не могут жить люди ¹²⁹⁾, а иногда забавляли свою фантазию тем, что наполняли это пу-

стое пространство безголовыми людьми или, верней, чудовищами ¹³⁰⁾, сатирами с рогами и раздвоенными копытами ¹³¹⁾, баснословными кентаврами ¹³²⁾ и пигмеями, которые были так смелы, что вступали в борьбу с журавлями ¹³³⁾. Карфаген пришел бы в ужас от неожиданной новости, что страны по обеим сторонам экватора населены бесчисленными народами, отличающимися от обыкновенных человеческих существ только цветом своей кожи, а подданные Римской империи могли бы со страхом ожидать, что сонмища варваров, выходявшие с севера, скоро встретятся с идущими с юга новыми сонмищами варваров, не менее свирепых и не менее страшных. Конечно, такие мрачные опасения рассеялись бы при более близком знакомстве с характером африканцев. Бездействие негров, по-видимому, не происходит ни от их добродетелей, ни от их малодушия. Они, подобно остальному человеческому роду, предаются своим страстям и чувственным влечениям, а соседние с ними племена нередко вступают между собой в борьбу ¹³⁴⁾.

Но их грубое невежество никогда не изобретало никаких орудий, действительно годных для обороны или для нападения; они, по-видимому, не способны задумать никакого обширного плана управления или завоеваний, а очевидная ограниченность их умственных способностей была подмечена и употреблена во зло жителями умеренного пояса. Шестьдесят тысяч негров ежегодно увозятся морем с берегов Гвинеи для того, чтобы никогда более не возвращаться на свою родину; их увозят закованными в цепи ¹³⁵⁾, и это постоянное переселение, которое в течение двух столетий могло бы доставить громадные армии, достаточные для завоевания всего земного шара, свидетельствует о преступном образе действий европейцев и о бессилии африканцев.

IV. Позорный мирный договор, спасший армию Иовиана от гибели, был в точности исполнен со стороны римлян, а так как они формально отказались от верховенства над Арменией и Иберией и от союза с ними, то эти два слабых государства сделались беззащитными жертвами предприимчивости персидского монарха ¹³⁶⁾. Сапор вступил в Армению во главе сильного отряда, состоявшего из тяжелой конницы, стрелков из лука и наемной пехоты; но он никогда не отступал от своего обыкновения соединять военные действия с мирными переговорами и считать обман и клятвопреступле-

ние за самые могущественные орудия царской политики. Он притворился, будто очень ценит осторожный и умеренный образ действий государя Армении, а легковверный Тираи, положившись на неоднократные уверения в дружбе, сам себя предал в руки вероломного и жестокого врага. Среди роскошного пира на него надели серебряные цепи в знак уважения к тому, что в его жилах текла кровь Арсакидов, и, после непродолжительного заключения в Башне Забвения, в Экбатане, он или сам себя избавил от житейских невзгод, или был избавлен рукой убийцы. Армения была обращена в персидскую провинцию; управление было разделено между одним сатрапом высшего ранга и одним из любимых евнухов Сапора, который немедленно после того выступил в поход против воинственных жителей Иберии. Савромак, царствовавший в этой стране с утверждения римских императоров, был вынужден бежать, и царь царей, как будто в насмешку над величием Рима, возложил диадему на самого презренного из своих вассалов, Аспакура. Из всех городов Армении только один Артогерасса ¹³⁷⁾ осмелился сопротивляться. Сокровища, сложенные в этой сильной крепости, возбуждали жадность в Сапоре, но опасное положение жены или вдовы царя Армении Олимпиады возбудило всеобщее к ней сострадание и вдохнуло в ее подданных и солдат отчаянное мужество. Персы были застигнуты врасплох и отброшены от стен Артогерассы смелой и хорошо задуманной вылазкой осажденных.

Но силы Сапора постоянно освежались и увеличивались новыми подкреплениями; отчаянное мужество гарнизона истощилось; стены не выдержали приступа, и гордый победитель, опустошив мятежный город огнем и мечом, увел в плен несчастную царицу, которая, в более счастливую эпоху своей жизни, была нареченной невестой одного из сыновей Константина ¹³⁸⁾. Однако, хотя Сапор и завоевал без больших усилий два слабых государства, он скоро понял, что их нельзя считать окончательно покоренными, пока их население проникнуто духом ненависти и сопротивления. Сатрапы, которым он, по необходимости, вверил дела управления, воспользовались первым удобным случаем, чтобы снова приобрести расположение своих соотечественников и выказать свою непримиримую ненависть к персам. С тех пор, как жители Армении и Иберии приняли христианскую веру, они считали христиан любимцами Верховного Существа, а магов

его противниками; влияние, которым пользовалось духовенство над суеверным народом, постоянно употреблялось в дело в пользу Рима, и в то время как преемники Константина боролись с преемниками Артаксеркса из-за обладания провинциями, разделявшими их владения, основанные на религии узы братства всегда доставляли императорам решительный перевес. Многочисленная и деятельная партия признала Тиранова сына Пару законным государем Армении, и его право на престол имело глубокие корни в пятисотлетнем переходе власти по наследованию. Благодаря единодушному желанию жителей Иберии два государя-соперника поровну разделили между собою страну, и Аспакур, который был обязан своей диадемой выбору Сапора, был вынужден заявить, что лишь по причине того, что его дети находятся заложниками в руках Тирана, он не может открыто отказаться от союза с Персией. Император Валент, уважавший условия мирного договора и не желавший вовлекать Восток в опасную войну, решился лишь с большой медленностью и осторожностью поддерживать римскую партию в Иберии и Армении. Двенадцать легионов утвердили владычество Савромака на берегах Кира. Евфрат охранялся храбрым Аринфеем. Сильная армия, под начальством дукса Траяна и короля аллеманнов Вадомера, расположилась лагерем на границах Армении. Но всем им было строго приказано не предпринимать никаких неприязненных действий, которые могли бы быть приняты за нарушение мирного договора, и таково было слепое повиновение одного из римских военачальников, что он с примерным терпением отступил под градом персидских стрел, в ожидании, что ему наконец дадут основательный повод отомстить за себя честной и законной победой. Однако эти предзнаменования скорой войны мало-помалу уступили место бесплодным и утомительным переговорам. Обе стороны поддерживали свои притязания взаимными обвинениями в вероломстве и честолюбии, и первоначальный трактат, как кажется, был написан в очень неясных выражениях, так как пришлось обратиться за разъяснениями к пристрастному свидетельству полководцев обеих наций, присутствовавших при переговорах ¹³⁹⁾. Вторжение готов и гуннов, которое вскоре вслед затем потрясло Римскую империю в самом ее основании, предало азиатские провинции в руки Сапора. Однако преклонные лета и, может быть, неудачи этого монарха

заставили его держаться новых для него принципов спокойствия и умеренности.

Его смерть, наступившая после семидесятилетнего царствования, все изменила и при персидском дворе и в персидской политике, и с тех пор внимание персов, вероятно, всего более было обращено на внутренние смуты и на отдаленный театр войны в Кармании ¹⁴⁰⁾. Воспоминания о старых обидах угасли в мирных наслаждениях. Армения и Иберия возвратились с взаимного, хотя и молчаливого, согласия обеих империй в свое прежнее положение сомнительного нейтралитета. В первые годы царствования Феодосия приезжал в Константинополь персидский посол для того, чтобы извиниться в непростительных делах предшествовавшего царствования и поднести императору в знак дружбы, или даже уважения, великолепные подарки, состоявшие из драгоценных камней, шелковых тканей и индийских слонов ¹⁴¹⁾.

Приключения Пары составляют один из самых поразительных и самых своеобразных эпизодов в общем ходе восточных дел в царствование Валента. Этот высокородный юноша, по совету своей матери Олимпиады, пробрался сквозь персидские войска, осаждавшие Артагерассу, и обратился с просьбой о помощи к восточному императору. Трусливый Валент то поддерживал Пару, то отзывал его из Армении, то восстанавливал его на престоле, то изменял ему. Надежды жителей Армении иногда оживлялись присутствием их законного государя, а министры Валента были довольны тем, что их нельзя было упрекнуть в нарушении мирного договора, пока их вассалу не дозволялось надеть на себя диадему и принять титул царя. Но им скоро пришлось раскаиваться в своей собственной опрометчивости. Персидский монарх разразился упреками и угрозами, и они сами убедились, что нельзя полагаться на склонного к жестокости и непостоянного Пару, который, из самых легких подозрений, жертвовал жизнью самых преданных своих слуг и вел тайную и постыдную переписку с убийцей своего отца и врагом своей родины. Под благовидным предлогом личного свидания с императором для совещаний об их общих интересах Пару убедили спуститься с гор, где он был окружен своими вооруженными приверженцами, и вверить свою самостоятельность и личную безопасность произволу вероломного двора. Царь Армении, — ибо он был царем и в своих собственных глазах и в

глазах всего народа, — был принят с надлежащим почетом правителями тех провинций, через которые проезжал; но когда он достиг Тарса, в Киликии, его дальнейшее следование было приостановлено под разными предложениями; за каждым его шагом стали следить с почтительной бдительностью, и он мало-помалу пришел к убеждению, что находится пленником в руках римлян. Пара подавил в себе чувство негодования, скрыл свои опасения и, втайне приготовившись к бегству, ускакал в сопровождении трехсот верных приверженцев. Офицер, стоявший на страже у дверей его комнаты, тотчас известил о его бегстве консуляра Киликии, который настиг Пару в городских предместьях и безуспешно пытался отговорить его от опрометчивой и опасной попытки. Один легион был отправлен в погоню за царственным беглецом; но преследование со стороны пехотинцев не могло быть страшно для легкого кавалерийского отряда, и лишь только этот последний пустил на воздух тучу стрел, пехотинцы поспешили отступить к воротам Тарса. После двух дней и двух ночей, проведенных в безостановочном движении вперед, Пара достиг со своими приверженцами берегов Евфрата; но переправа, которую им пришлось совершать вплавь, заставила их потерять много времени и была причиной гибели нескольких людей. О его бегстве было дано знать местному начальству, и две большие дороги, отделявшиеся одна от другой лишь промежутком в три мили, были заняты тысячей конных стрелков из лука, под начальством одного дукса и одного трибуна. Пара не мог бы устоять против столь превосходных сил, если бы случайно встретившийся доброжелательный путешественник не уведомил его об опасности и не указал ему средства к спасению. Кучка армянских всадников пробралась сквозь лесную чащу по узкой и почти непроходимой тропинке, и Пара оставил позади себя дукса и трибуна, терпеливо ожидавших его на большой дороге.

Они возвратились к императорскому двору, чтобы извиниться в своей оплошности и неудаче, и серьезно утверждали, что опытный в искусстве колдовства армянский царь прошел перед ними незамеченным благодаря тому, что и себя и своих приверженцев превратил в невидимок. По возвращении на родину Пара не переставал выдавать себя за друга и союзника римлян, но римляне нанесли ему такое глубокое оскорбление, которого нельзя было позабыть, и его смертная

казнь была втайне решена Валентом. Исполнение этого кровавого приговора было поручено вкрадчивой предусмотрительности дукса Траяна, который сумел втереться в доверие к легковверному монарху, чтобы выждать удобного случая, когда можно будет вонзить кинжал в его сердце. Пара был приглашен на римский банкет, устроенный с восточной роскошью и сластолюбием; стены зала оглашались приятной музыкой, и гости уже разгорячились от вина, когда военачальник удалился на одно мгновение; возвратившись, он обнажил свой меч и подал сигнал к убийству. Один здоровый и сильный варвар тотчас устремился на армянского царя, и, несмотря на то, что этот последний храбро защищал свою жизнь первым орудием, какое попало ему под руку, стол императорского военачальника обогрился царственной кровью гостя и союзника. Таковы были малодушные и низкие принципы римского управления, что, для достижения двусмысленных целей своей политики, оно бесчеловечно нарушало в глазах всего мира и правила международных сношений, и священные правила гостеприимства ¹⁴²⁾.

V. В мирный тридцатилетний промежуток времени римляне укрепили свои границы, а готы расширили свои владения. Победы короля остготов и самого благородного из представителей рода Амалов, великого Германариха ¹⁴³⁾, сравнивались его восторженными соотечественниками с подвигами Александра, с тем странным и почти невероятным различием, что воинственный гений готского героя, вместо того чтобы находить опору в энергии юности, обнаружился во всем своем блеске и с полным успехом лишь в самом последнем периоде человеческой жизни, — между восьмьюдесятью и ста десятью годами. Независимые племена, частью склоняясь на убеждения, частью преклоняясь перед силой, признали короля остготов за государя готской нации; вожди вестготов, или фервингов, отказались от царского титула и приняли более скромное название *судей*, а между этими судьями Атанарих, Фритигерн и Алавив славились всех более как по своим личным достоинствам, так и тем, что жили в соседстве с римскими провинциями. Эти домашние завоевания, увеличившие военное могущество Германариха, расширили его честолюбивые замыслы. Он напал на соседние северные страны, и двенадцать значительных племен, имена и места жительства которых не могут быть с точностью указаны, преклонились

одно вслед за другим перед военным могуществом готов ¹⁴⁴⁾. Герулы, жившие на болотистых землях подле Меотийского озера, славились своей силой и ловкостью, и варвары во всех своих войнах призывали к себе на помощь их легкую пехоту, достоинства которой ценились очень высоко. Но и храбрость герулов должна была преклониться перед непреклонной и упорной настойчивостью готов, и после кровопролитного сражения, в котором был убит их король, остатки этого воинственного племени перешли под знамя Германариха. Тогда он устремился на венедов, которые были неопытны в военном деле и были сильны только своим числом, так как покрывали обширные равнины современной нам Польши. Победоносные готы, не уступавшие им числом, одержали над ними верх благодаря решительным превосходствам военной опытности и дисциплины.

После покорения венедов завоеватель дошел, не встречая сопротивления, до границ страны эстов ¹⁴⁵⁾, — древнего народа, имя которого сохранилось до сих пор в названии Эстонии. Эти отдаленные обитатели берегов Балтийского моря процветали благодаря своим земледельческим занятиям, обогащались торговлей янтарем и посвятили себя странному поклонению матери богов. Но редкость железа заставляла эстских воинов довольствоваться деревянными дубинами, и покорение этой богатой страны приписывают не столько победам, сколько благоразумию Германариха. Его владения, простиравшиеся от Дуная до Балтийского моря, заключали в себе как первые поселения готов, так и их недавние приобретения, и он властвовал над большей частью Германии и Скифии с авторитетом завоевателя, а иногда и с жестокостью тирана. Но под его владычеством находилась такая часть земного шара, которая была неспособна увековечивать и прославлять величие своих героев. Имя Германариха почти совершенно предано забвению; о его подвигах знают очень немного, и сами римляне, как кажется, ничего не знали о расширении честолюбивой власти, которая была угрозой для свободы Севера и для спокойствия империи ¹⁴⁶⁾.

Готы питали наследственную привязанность к дому Константина, могущество и щедрость которого они не раз испытывали на самих себе. Они не нарушали мирных трактатов, и если какой-нибудь из их отрядов осмеливался перейти через римскую границу, они откровенно приписывали такой про-

тивозаконный поступок буйству варварской молодежи. Презрение к двум незнатного происхождения императорам, возведенным на престол по выбору, воодушевило готов смелыми надеждами, и в то время, как они помышляли о соединении всех союзных племен под одним национальным знаменем ¹⁴⁷⁾ для нападения на империю, они охотно согласились принять сторону Прокопия, чтобы разжечь возникшие между римлянами внутренние распри. В силу заключенного договора от них можно было требовать не более десяти тысяч вспомогательных войск, но вожди вестготов с такой горячностью одобрили задуманный план, что перешедшая Дунай готская армия достигала тридцати тысяч человек ¹⁴⁸⁾. Она подвигалась вперед с гордой уверенностью, что ее непреодолимое мужество решит судьбу Римской империи, а Фракийские провинции стонали под гнетом варваров, которые вели себя с наглостью повелителей и с необузданностью врагов. Но невоздержанность, с которой они удовлетворяли свои страсти, замедлила их движение, и прежде нежели до них дошло положительное известие о поражении и смерти Прокопия, они заметили из неприязненного к ним отношения местного населения, что и гражданская и военная власть снова перешла в руки его счастливого соперника. Цепь военных постов и укреплений, искусно расположенных Валентом или его полководцами, остановила их движение, отрезала им отступление и пресекла им доставку продовольствия. Свирепость варваров стихла от голода; они с негодованием побросали свое оружие к ногам победителя, предложившего им пищу и цепи; многочисленные пленные были размещены по всем восточным городам, и жители провинций, скоро свыкшиеся с их дикой наружностью, мало-помалу осмелились меряться силами с этими страшными врагами, одно имя которых так долго внушало им ужас. Скифский царь (а только один Германарих мог быть достоин столь высокого титула) был столько же огорчен, сколько раздражен этим национальным бедствием.

Его послы громко жаловались при дворе Валента на нарушение старинного и формального союза, так долго существовавшего между римлянами и готами. Они утверждали, что в точности исполнили обязанности союзников, придя на помощь к родственнику и преемнику императора Юлиана; они требовали немедленного возвращения их знатных соотечест-

венников, взятых в плен, и заявили весьма странное притязание, что их полководцы, проходя по территории империи во главе армии и с неприязненными намерениями, имели право на неприкосновенность и на привилегии послов. Вежливый, но решительный отказ на эти безрассудные требования был передан варварам главным начальником кавалерии Виктором, который при этом выразил с энергией и достоинством основательные жалобы восточного императора ¹⁴⁹⁾. Переговоры были прерваны, и полные мужества убеждения Валентиниана побудили его робкого брата отмстить за оскорбленное достоинство империи ¹⁵⁰⁾.

Блеск и важность подвигов, совершенных в этой войне с готами, прославлены одним современным историком ¹⁵¹⁾; но эти события едва ли были бы достойны внимания потомства, если бы они не были предвестниками приближавшегося упадка и разрушения империи. Вместо того чтобы вести германские и скифские племена к берегам Дуная или даже к воротам Константинополя, престарелый готский монарх отказался в пользу храброго Атанариха от опасностей и славы оборонительной войны с врагом, который такой слабой рукой управлял столь могущественным государством. Через Дунай был перекинут плашкоутный мост; присутствие Валента одушевляло войска, а его неопытность в военном деле возмещалась личной храбростью и благоразумным уважением к советам главных начальников кавалерии и пехоты, Виктора и Аринфея. Их искусство и опытность руководили военными действиями, но они не нашли возможности вытеснить готов из их сильных позиций в горах, а опустошение равнин заставило самих римлян с наступлением зимы уйти обратно за Дунай. Непрерывные дожди, от которых вода поднялась в реке чрезвычайно высоко, сделали необходимым прекращение военных действий и принудили императора Валента, в течение всего следующего лета, не выходить из своего лагеря в Маркианополе. Третий год войны был более благоприятен для римлян и более несчастлив для готов. Прекращение торговых сношений лишило варваров возможности получать предметы роскоши, которые уже сделались для них необходимостью, а опустошение очень значительного пространства территории грозило им ужасами голодной смерти. Атанарих, — потому ли, что был на это вызван, или потому, что его к этому принудили, — рискнул дать сражение в равнине и

проиграл его, а преследование побежденных отличалось особенным ожесточением вследствие того, что победоносные полководцы обещали щедрую награду за каждую голову гота, которая будет принесена в императорский лагерь. Изъявление варварами покорности смягчило гнев Валента и его советников; император с удовольствием выслушал льстивые и красноречивые представления константинопольского сената, который в первый раз принял участие в публичных прениях, и те же самые военачальники, Виктор и Аринфей, которые так успешно руководили военными действиями, были уполномочены установить мирные условия. Свобода торговли, которой до тех пор пользовались готы, была оставлена лишь за двумя придунайскими городами; опрометчивость их вождей была строго наказана прекращением выдачи им пенсий и субсидий, а исключение, которое было сделано в пользу одного Атанариха, было более выгодно, чем лестно, для вождей вестготов. Атанарих, как кажется, руководствовавшийся в этом случае своими личными соображениями, не дожидаясь приказаний своего государя, поддержал свое собственное достоинство и достоинство своего племени, когда министры Валента предложили ему личное с ними свидание. Он настаивал на своем заявлении, что не может, без нарушения своей клятвы, когда-либо ставить ногу на территорию империи, и более чем вероятно, что его уважение к святости клятвы подкреплялось недавними и пагубными примерами римского вероломства. Дунай, разделявший владения двух независимых наций, был избран местом для совещаний. Восточный император и вестготский вождь подъехали на своих лодках к середине реки в сопровождении одинаково многочисленной вооруженной свиты. После утверждения мирного договора и выдачи заложников Валент возвратился с триумфом в Константинополь, а готы оставались в покое около шести лет, — до тех пор, пока их не заставили устремиться на римскую империю бесчисленные сонмища скифов, по-видимому, вышедших из холодных северных стран¹⁵²⁾.

Западный император, предоставив своему брату нижнедунайские провинции, взял на себя оборону провинций рецийских и иллирийских, лежавших на протяжении стольких сот миль вдоль самой большой из европейских рек. Деятельная политика Валентиниана была постоянно направлена на то, чтобы воздвигать новые укрепления для защиты границ; но

злоупотребление этой политикой возбудило в варварах основательное раздражение. Квады стали жаловаться на то, что для постройки одной новой крепости была отведена земля, находившаяся на их территории, и эта жалоба была заявлена с такими благоразумными доводами и с такой умеренностью, что военный начальник Иллирии Эквиций согласился приостановить работы, пока не получит более точных приказаний от своего государя. Префект или, вернее, тиран Галлии, бесчеловечный Максимин, воспользовался этим удобным случаем, чтобы нанести вред своему сопернику и выдвинуть по службе своего сына. Вспыльчивый Валентиниан не выносил возражений и потому охотно поверил своему фавориту, что, если управление Валерией и производство работ будут поручены его сыну Марцеллину, императору уже не будут надоедать дерзкими протестами варваров. И римские подданные и германские туземцы были оскорблены заносчивостью молодого и неспособного министра, считавшего свое быстрое возвышение по службе за доказательство и награду своих высоких заслуг. Он принял скромную просьбу короля квадов Габиния, по-видимому, с некоторым вниманием, но под этой коварной учтивостью скрывался низкий и кровавый замысел, и легковерный король принял настоятельное приглашение Марцеллина приехать к нему на пир. Я решительно не знаю, как разнообразить описание подобных преступлений, или, вернее, не знаю, какими словами рассказать, что в течение одного и того же года, в двух отдаленных одна от другой частях империи, негостеприимный обеденный стол двух императорских полководцев был обрызган царской кровью двух гостей и союзников, безжалостно умерщвленных по приказанию этих военачальников и в их присутствии.

И Габиния и Пару постигла одна и та же участь; но вольные и отважные германцы отплатили за ужасную смерть своего государя совершенно иначе, чем раболепные армяне. Квады уже в значительной степени утратили то могущество, которое во времена Марка Антонина распространяло ужас до самых ворот Рима. Но у них еще не было недостатка ни в оружии, ни в храбрости, а их храбрость воодушевлялась отчаянием, и они получили в подкрепление от своих сарматских союзников отряд кавалерии. Убийца Марцеллин был так непредусмотрителен, что выбрал для совершения пре-

ступления ту минуту, когда самые храбрые ветераны были отозваны для подавления восстания Фирма и в провинции оставалось очень мало войск для защиты ее от ярости рассви-репевших варваров. Они вторглись в Паннонию во время уборки хлеба, безжалостно уничтожили все, чего не могли унести с собою, и частью не обратили никакого внимания на укрепления без солдат, частью разрушили их. Дочь императора Констанция и внучка великого Константина, принцесса Констанция с трудом успела спастись. Эта высокорожденная девушка, в своем детстве безвинно поддерживавшая восстание Прокопия, была теперь невестой наследника западной империи. Она проезжала через мирные провинции с блестящей, но безоружной свитой. Деятельное усердие местного предводителя Мессалы спасло ее от опасности, а республику от позора. Лишь только он узнал, что селение, в котором она остановилась для обеда, почти со всех сторон окружено варварами, он поспешно посадил ее на свою собственную колесницу и гнал лошадей во весь опор, пока не достиг ворот Сирмиума, находившегося на расстоянии двадцати шести миль. Даже в Сирмиуме нельзя бы было найти верного убежища, если бы квады и сарматы поспешили напасть на него, в то время как и среди должностных лиц и среди населения господствовало общее смятение. Их медленность дала преторианскому префекту Пробу достаточно времени, чтобы собраться с духом и ободрить граждан. Он искусно направил их ревностные усилия на исправление и увеличение укреплений, и благодаря его заботливости отряд стрелков из лука прибыл для защиты столицы иллирийских провинций. Испытав неудачу под стенами Сирмиума, варвары обратили свое оружие против главного начальника границы, которому они неосновательно приписывали умерщвление их короля. Эквиций мог вывести в поле только два легиона, но эти легионы состояли из ветеранов мизийских и паннонских отрядов. Упорство, с которым они оспаривали друг у друга пустые отличия ранга и старшинства, было причиной их истребления, так как в то время, как они действовали отдельно один от другого, сарматская конница напала на них врасплох и совершенно их уничтожила. Успех этого вторжения вызвал соревнование в живших подле границы племенах, и Мизия неизбежно была бы потеряна для империи, если бы дукс или военный начальник границы молодой Феодосий не обнару-

жил в победе над общественным врагом той неустрашимости, которая делала его достойным и его знаменитого отца, и его будущего величия ¹⁵³⁾.

Живший в ту пору в Трире, Валентиниан было глубоко огорчен постигшими Иллирию бедствиями, но позднее время года заставило его отложить до следующей весны исполнение его планов. Во главе почти всех галльских войск он двинулся от берегов Мозеля и на мольбы встретивших его на пути сарматских послов дал двусмысленный ответ, — что, лишь только прибудет на место действия, рассмотрит в чем дело и решит. По прибытии в Сирмиум он принял в аудиенции депутатов от иллирийской провинции, которые выразили ему свою признательность за счастье, которым наслаждались под прекрасным управлением преторианского префекта Проба ¹⁵⁴⁾. Польщенный этими изъявлениями преданности и признательности, Валентиниан имел неосторожность спросить у депутата от Эпира, — философа-циника, отличавшегося неустрашимой искренностью ¹⁵⁵⁾, — действительно ли он прислан по свободному выбору населения? "Меня неохотно прислал сюда со слезами и столами народ", — отвечал Ификл. Император ничего не возразил; но безнаказанность его министров установила пагубный принцип, что они могут угнетать подданных, не нарушая своих служебных обязанностей по отношению к самому монарху. Строгое расследование их образа действий успокоило бы умы недовольных, а наказание убийц Габиния было единственным средством снова приобрести доверие германцев и восстановить честь римского имени. Но высокомерному монарху не было знакомо то великодушие, которое осмеливается сознавать ошибки. Он позабыл о преступлении, которое вызвало вторжение квадов, помнил только обиду, нанесенную ему самому, и вступил на неприятельскую территорию с неутолимой жаждой крови и мщения. Страшные опустошения и неразборчивая резня, свойственная дикарям, оправдывались и в глазах императора и, может быть, в глазах всего мира, ужасным правом возмездия ¹⁵⁶⁾, и такова была дисциплина римлян, таков был ужас, овладевший варварами, что Валентиниан обратно перешел Дунай, не потеряв ни одного солдата. Так как он решился предпринять вторую кампанию для окончательного истребления квадов, то он избрал для своих зимних квартир Брегецио, на берегу Дуная, неподалеку от венгер-

ского города Пресбурга. В то время как военные действия были приостановлены по причине суровых холодов, квады смиренно попытались смягчить гнев победителя, и, вследствие настоятельной просьбы Эквиция, их послы были допущены к императору. Они приблизились к императорскому трону в смиренной позе просителей и, не осмеливаясь жаловаться на умерщвление их короля, клятвенно уверяли, что последнее вторжение было преступлением со стороны недисциплинированных негодяев, за которых не отвечает и которыми гнушается вся нация. Ответ императора был таков, что они не могли рассчитывать на его милосердие или сострадание.

Он порицал в самых неводержанных гневных выражениях их низость, неблагодарность и наглость. И в его глазах, и в его голосе, и в цвете его лица, и в его жестах выражалась его необузданная запальчивость, и в то время, как все его тело судорожно тряслось от гнева, один из кровеносных сосудов лопнул в его груди, и Валентиниан безмолвно упал на руки окружающих. Они постарались скрыть его положение от глаз толпы, но через несколько минут после того он испустил дух в мучительной агонии, сохраняя сознание до последней минуты и безуспешно пытаясь объявить свою последнюю волю военачальникам и министрам, окружавшим его ложе. Валентиниану было почти пятьдесят четыре года, и он процарствовал двенадцать лет без ста дней ¹⁵⁷⁾.

Один церковный историк серьезно уверяет, что Валентиниан был многоженец ¹⁵⁸⁾. "Императрица Севера, — как гласит эта басня, — приняла к себе в дом прекрасную Юстину, дочь одного итальянского предводителя; ее восхищение обнаженными прелестями Юстины, которую она часто видела в бане, было выражено в таких неумеренных и неосторожных похвалах, что император не устоял против желания ввести в свое брачное ложе вторую супругу и в публичном эдикте распространил на всех жителей империи ту же семейную привилегию, какую присвоил самому себе". Но и здравый смысл и свидетельство истории убеждают нас в том, что два брака Валентиниана, с Северой и с Юстиной, были заключены один после другого и что он воспользовался старинным разрешением развода, который еще допускался законами, хотя и был осужден церковью. Севера была мать Грациана, который, по-видимому, соединял в своем лице все права на то, чтобы сделаться преемником Валентиниана. Он был стар-

ший сын монарха, славное царствование которого оправдало свободный и достойный выбор его ратных товарищей. Когда ему было около девяти лет, царственный ребенок получил из рук своего нежного отца порфиру и диадему с титулом Августа; это избрание было торжественно утверждено согласием и одобрением галльских армий ¹⁵⁹⁾ и имя Грациана присовокуплялось к именам Валентиниана и Валента на всех правительственных актах. Своим бракосочетанием с внучкой Константина сын Валентиниана приобрел все наследственные права рода Флавиев, которые, в целом ряде трех императорских поколений, были освящены временем, религией и народной преданностью. Во время смерти своего отца Грациан был шестнадцатилетним юношей, и его личные достоинства уже оправдывали благоприятное о нем мнение армии и народа. Но Грациан спокойно жил в трирском дворце в то время, как Валентиниан неожиданно кончил жизнь в лагере под Брегецио, на расстоянии нескольких тысяч миль. Страсти, так долго сдерживавшиеся в присутствии повелителя, немедленно ожили между приближенными покойного императора; честолюбивое намерение царствовать от имени ребенка было искусно приведено в исполнение Меллободом и Эквицием, стоявшими во главе отряда иллирийских и италийских войск. Они сумели, под самыми благовидными предложениями, устранить популярных вождей и галльские войска, которые могли бы вступить за права законного преемника; они настояли на необходимости смелых и решительных мер, чтобы заглушить надежды внешних и внутренних врагов. Императрица Юстина, жившая в каком-то дворце почти в ста милях от Брегецио, была почтительно приглашена в лагерь со вторым сыном покойного императора. На шестой день после смерти Валентиниана этот малолетний принц, носивший одно имя с отцом и бывший в ту пору только четырехлетним ребенком, был представлен легионам матерью, которая держала его на руках, и при радостных возгласах армии был торжественно облечен титулами и отличиями верховной власти. Опасность неизбежной междоусобицы была устранена благоразумным и умеренным образом действий императора Грациана. Он охотно одобрил выбор армии, объявил, что всегда будет считать сына Юстины за брата, а не за соперника, и посоветовал императрице поселиться вместе с ее сыном Валентинианом в Милане, в прекрасной и мирной италий-

ской провинции, между тем как сам он примет на себя более трудную обязанность управления заальпийскими странами. Грациан скрывал свою досаду до тех пор, пока не нашел возможности безопасно наказать или удалить зачинщиков заговора, и хотя он всегда обходился со своим малолетним соправителем с нежностью и вниманием, он мало-помалу соединил, при управлении западной империей, обязанности опекуна с авторитетом монарха. Римский мир управлялся от имени Валента и двух его племянников, но слабый восточный император, унаследовавший первостепенное положение своего старшего брата, никогда не мог приобрести никакого влияния на управление ¹⁶⁰⁾ Западом.

---

1) На медалях Иовиан изображен победителем с лавровыми венками на голове, с распростертыми у его ног пленниками. Дюканж. *Famil. Byzantin.*, стр. 52. Лесть походит на безрассудное самоубийство; она убивает себя своими собственными руками. (Эти медали описаны Экгелем в *Num. Vet.* ч. VIII, стр. 147. Самые ранние из них, подобно медалям предшествовавших императоров, представляют стоящую на шаре фигуру Победы, впервые вычеканенную на римских монетах по приказанию Юлия Цезаря как символ верховного владычества. На последних монетах этого непродолжительного царствования крест заменил языческую богиню; стало быть, тот шар с утвержденной на нем эмблемой христианства, который употребляется при обрядах коронования новейших монархов, был впервые введен в употребление Иовианом. *Nunc primum apparet* — так выражается Экгель. Правда, такой же символ, по словам Никифора Каллиста (*Hist. Eccl.* кн. 7, гл. 49) находился в правой руке статуи Константина, поставленной на колонне из порфира. Но достоверность того, что касается креста, вообще сомнительна. Он называет шар *яблоком* *melon*; но следует заметить, что германцы также обозначают эту часть императорских регалий таким же названием *Reichsapfel*. Впрочем, слова Никифора не подкрепляются никаким другим историком. После него Прокопий (*De Aed. Just.*, кн. 1, гл. 2) и Свидас говорят о шаре с крестом в левой руке конной статуи Юстиниана, и говорят так, как будто этот символ верховного владычества никогда прежде того не украшал в этой форме ни одной статуи. Бесспорно, нет доказательств, чтобы он употреблялся ранее, чем на медалях Иовиана. — *Издат.*)

2) Иовиан возвратил церкви *ton archaion kosmon* — выражение сильное и понятное (Филосторгий, кн. 8, гл. 5, с *Диссертациями* Годефрау, стр. 329. Созомен, кн. 6, гл. 3). Новый закон, подвергавший наказанию похищение монашенок или вступление с ними в брак (*Код. Феод.* кн. 9, тит. 25, зак. 2) преувеличен Созоменом, который полагает, что влюбленный взгляд или сердечное прелюбодеяние наказывалось по евангельскому закону смертию.

3) Сравн. Сократа, кн. 3, гл. 25, и Филосторгия, кн. 8, гл. 6, с *Диссертациями* Годефруа, стр. 330.

4) Слово *небесные* слабо выражает нечестивую и чрезмерную лесть императора в отношении к архиепископу, *tes pro ton Theon ton olon homoiōseos*. (См. подлинное послание в произведениях Афанасия, том II, стр. 33.) Григорий Назианзин (*Orat.* 21, стр. 392) превозносит взаимную дружбу Иовиана и Афанасия. Архиепископу посоветовали предпринять его поездку египетские монахи (Тильмон, *Mém. Eccles.*, том VIII, стр. 221).

5) Ла-Блетери (*Hist. de Jovien*, том 1, стр. 121-148) очень живо описал Афанасия во время его пребывания при антиохийском дворе; он перевел описание странных и достоверных совещаний, происходивших между императором, египетским архиепископом и арианскими депутатами. Аббат недоволен грубыми шутками Иовиана, но находит справедливым его пристрастие к Афанасию.

6) Время его смерти неизвестно в точности (Тильмон, *Mém Eccles.*, том VIII, стр. 719-723). Но предположение, указывающее на 2-е мая 373 года, по-видимому всего более согласное и с историей и с здравым смыслом, подтверждается достоверною историей его жизни. (Маффеи, *Osservazioni Letterarie*, том III, стр. 81).

7) См. замечания Валуа и Жортена (*Замечан. о Церк. Ист.*, ч. IV, стр. 38) о подлинном письме Афанасия, которое сохранил Феодорит (кн. 4, гл. 3). В некоторых манускриптах это неблагоразумное обещание опущено; это, вероятно, сделано католиками из опасения уронить репутацию своего вождя как пророка.

8) Афанасий (*apud Theodoret.*, кн. 4, гл. 3) преувеличивает число православных, которые будто бы составляли целый мир *peri oligon tōn tō Aretu fronunton*. Это мнение оказалось верным через тридцать или сорок лет после того.

9) Сократ, кн. 3, гл. 24. Григорий Назианзин (*Orat.* 4, стр. 131) и Либаний (*Orat. Parentalis*, гл. 148, стр. 369) выражают настоящие чувства тех партий, к которым они принадлежали.

10) Фемистий, *Orat.* 5, стр., 63-71, изд. Гардуина, Париж, 1684. Аббат де-ла-Блетери основательно замечает (*Hist. de Jovien*, том 1, стр. 199), что Созомен позабыл упомянуть о всеобщей терпимости, а Фемистий об утверждении кафолической религии. Каждый из них отворачивался от того предмета, который ему не нравился, и уничтожал ту часть эдикта, которая, по его мнению, делала всего менее чести Иовиану. (Автор не отдает этой речи должной справедливости. Неандер (*Ист.*, ч. III, стр. 97) ценит ее высоко и по достоинству. Он говорит: "То были золотые слова, с которыми умеренный язычник Фемистий обратился к Иовиану при своем вступлении в звание консула; эти слова были сказаны с целью укрепить Иовиана в тех принципах, которыми признаются общие человеческие права и связанная с ними терпимость в делах религии и которые были высказаны Иовианом немедленно вслед за его вступлением на престол". Затем Неандер излагает эту речь в сокращении, которое заняло бы здесь слишком много места; но мы не можем отказать себе в удовольствии выписать следующее место: "Вам одним, — сказал оратор своему государю, — как кажется, известно, что монарх не может все приказывать своим подданным, что есть такие вещи, которые выше всяких стес-

нений, угроз и законов, — и тот, кто прибегнул бы в этих случаях к силе, отнял бы ту свободу, которая дана Богом каждому человеку. Законы Хеопса и Камбиза едва ли пережили тех, кто их издал. Но закон божеский и ваш закон останутся навсегда неизменными, — а именно тот закон, что душа каждого человека свободна в выборе своей собственной религии. Этого закона никогда не могли уничтожить ни насильственное отобрание имущества, ни смерть на кресте или костре. Вы, конечно, можете убить тело; но хотя бы вы и отняли у человека возможность выражать свою мысль, его душа восстанет против этого и унесет вместе с собою свою собственную волю, свободную от всяких стеснений, налагаемых властью". Эти слова, сказанные язычником в столь отдаленное от нас время, должны заставить краснеть многих христиан. — *Издат.*)

11) Иоанн Антиохийский in Excerpt. Valesian, стр. 845. Антиохийские пасквили могут быть приняты на основании самых легких свидетельств.

12) Сравн. Аммиана (XXV, 10), опускающего название батавов, с Зосимом (кн. 3, стр. 197), который переносит сцену действия с Рейна в Сирмиум.

13) Quos capita scholarum ordo castrensis appellat. Аммиан, XXV, 10* и Валуа ad locum.

14) Cujus vagitus, pertinaciter reluctantis, ne in curuli sella veheretur ex more, id quod mox accidit protendebat.** Август и его преемники почтительно испрашивали разрешения на возведение в консульское звание своих сыновей или племянников, еще не достигших установленного законом возраста. Но курульное кресло первого Брута еще никогда не было профанировано ребенком.

15) Дорожник Антонина определяет положение Дадазтаны в ста двадцати пяти римских милях от Никеи и в ста семидесяти милях от Анкиры. (Весселинг, Itinerar., стр. 142). Бордоский пилигрим, опуская некоторые промежуточные станции, уменьшает все это расстояние с двухсот сорока двух миль на сто восемьдесят одну милю. Весселинг, стр. 574.

16) См. Аммиана (XXV, 10), Евтропия (X, 18), которые, может быть, также находились на месте, Иеронима (том 1, стр. 26, ad Heliodorum), Орозия (VII, 31), Созомена (кн. 6, гл. 6), Зосима (кн. 3, стр. 197, 198) и Зонару (том II, кн. 13, стр. 28, 29). Нельзя ожидать, чтобы они были во всем согласны между собою, но мы не будем обсуждать их мелкие разномыслия.

17) Аммиан, откладывая в сторону свое обычное беспристрастие и здравый смысл, сравнивает смерть невинного Иовиана с смертью второго Африкана, возбудившего опасения и ненависть народной партии.

18) Златоуст, том 1, стр. 336-344, изд. Монфокона. Христианский оратор старается утешить вдову ссылками на несчастный конец некоторых знаменитых людей и замечает, что из девяти императоров (со

* Которые на военном языке зовутся "головами схол". — *Прим. ред.*

** Он плакал, упорно отбивался от того, чтобы его сажали на курульное кресло во время проезда, как требовал обычай, и это явилось знамением того, чему суждено было скоро случиться. — *Прим. ред.*

включением Цезаря Галла), царствовавших в его время, только два (Константин и Констанций) умерли естественною смертью. Такие слабые утешения еще никогда не осушили ни одной слезы.

19) Десяти дней, по-видимому, не могло быть достаточно и для совершения перехода и для избрания; но следует заметить: 1) что военачальники могли воспользоваться публичными почтовыми сообщениями и для себя самих, и для тех, кто их сопровождал, и для гонцов; 2) что войска, ради несценения тех городов, через которые они проходили, шли дивизиями и что голова колонны могла достичь Никеи в то время, как арьергард находился в Анкире.

20) Аммиан, XXVI, 1. Зосим, кн. 3, стр. 198. Филосторгий, кн. 8, гл. 8, и *Диссерт.* Годефруа, стр. 334. Филосторгий, по-видимому, добывший интересные и достоверные сведения, приписывает избрание Валентиниана префекту Саллюстию, главнокомандующему Аринфею, начальнику дворцовой прислуги Дагалайфу и патрицию Дациану, настоятельные рекомендации которых из Анкиры имели решающее влияние на исход выборов.

21) Аммиан (XXX, 7,9) и младший Виктор сообщили нам те подробности о наружности Валентиниана, которые служат натуральным предисловием и иллюстрацией для истории его царствования.

22) В Антиохии, когда ему пришлось подолгу сопровождать императора, отправлявшегося в языческий храм, он ударил жреца, который позволил себе окропить его очистительной водой (Созомен, кн. 6, гл. 6; Феодорит, кн. 3, гл. 15). Такая смелость могла быть Валентиниану к лицу, но она не оставляет места для гнусного доноса философа Максима, предполагающего более интимное оскорбление (Зосим, кн.4, стр. 200, 201).

23) Сократ, кн. 4. По словам Созомена (кн. 6, гл. 6) и Филосторгия (кн. 7, гл. 7, с *Диссертациями* Годефруа, стр. 293), этому предшествовала ссылка на Мелитену или в Фиваиду (первое вероятнее).

24) В длинном и неуместном отступлении (XXVI, 1 и Валуа ad locum) Аммиан опрометчиво предполагает, что ему понятен астрономический вопрос, непонятный для его читателей. Ценсорин (De Die Natali, гл. 20) и Макробий (Saturnal., кн. 1, гл. 12-16) говорят об этом предмете более рассудительно и более уместно. Название "високосный" (bissextilis), обозначающее неблагоприятный год (Августин, ad Ianuarium, epist. 119), происходит от *повторения* шестого дня мартовских календарей.

25) Первая речь Валентиниана оказывается в передаче Аммиана (XXVI,2) многословной, а в передаче Филосторгия (кн. 8, гл. 8) сжатой и лаконической.

26) Si tuos amas, Imperator optime, habes fratrem: si Rempubicam, quaere quem vestias. Аммиан, XXVI, 4. При дележе империи Валентиниан удержал этого беспристрастного советника при себе.

27) (Аммиан употребляет слова: itineribus citis, он говорит, что Валентиниан достиг Никомедии первого марта, то есть через три дня после своего избрания. — *Издат.*)

28) In suburbano (Аммиан, XXVI, 4). Знаменитое *Гебдомон*, или Марсово поле, находилось от Константинополя на расстоянии или семи стадий, или семи миль. См. Валуа и его брата ad loc. и Дюканжа Const., кн. 2, стр. 140 — 141, 172, 173.

29) *Participem quidem legitimum potestatis; sed in modum apparitoris morigerum, ut progrediens aperiet textus.* Аммиан, XXVI, 4.

30) Несмотря на свидетельства Зонары, Свидаса и Пасх. Хроники, Тильефон (*Hist. des Empereurs*, том V, стр. 671) не желает верить всем этим историям, *qui sont si avantageuses à un païen*.

31) Евнапий превозносит и преувеличивает страдания Максима (стр. 82, 83); однако он подтверждает тот факт, что этот софист или маг, бывший преступным фаворитом Юлиана и личным врагом Валентианиана, отделался уплатой небольшой денежной пени.

32) Ни на чем не основанное утверждение, будто все прежние должностные лица впали в немилость (Зосим, кн. 4, стр. 201), опровергнуто Тильефоном (том 5, стр. 21).

33) Аммиан, XXVI, 5.

34) Аммиан говорит в общих выражениях "*subagrestis ingenii, nec bellicis nec liberalibus studiis eruditus*". Аммиан, XXXI, 14. Оратор Фемистий с свойственной грекам заносчивостью говорит, что у него в первый раз родилось желание уметь говорить по-латыни, так как это был язык его государя, *ten dialekton kratouson*. *Orat.* 6, стр. 71.

35) Неопределенная степень родства или единокровности выражена словами *anepsios cognatus, consobrinus*. (См. Валуа *ad Ammian*; XXIII, 3). Может быть, мать Прокопия была сестрой матери Отступника Базилины и его дяди дукса Юлиана. Дюканж, *Fam. Byzantin.*, стр. 49.

36) Аммиан, XXIII, 3; XVI, 6. Он сообщает этот слух с большим к нему недоверием: "*susurravit obscurior fama; nemo enim dicti auctor exstitit verus*". Отсюда, по меньшей мере, видно что Прокопий был язычник. Однако его религия, как кажется, и не содействовала и не препятствовала его притязаниям. (Во время своего непродолжительного восстания Прокопий чеканил монеты, из которых некоторые сохранились до нашего времени. Ни на одной из них нет никаких языческих эмблем; а напротив того, на некоторых есть крест и *Лабарум* с христианской монограммой. Эггель, *Num. Vet.*, ч. VIII, стр. 157. — *Издат.*)

37) Он, между прочим, иногда скрывался в загородном доме еретика Евномия. Хозяин дома был в отсутствии; он был невинен и ничего об этом не знал; однако он с трудом избежал смертного приговора и был сослан в отдаленную часть Мавритании. (Филосторгий, кн.9, гл. 5-8, и *Диссертация*. Годефруа, стр. 369-378).

38) *Hormisdæ maturo juveni Hormisdæ regalis illius filio, potestatem proconsulis detulit; et civilia, more veterum, et bella recturo.* Аммиан, XXVI, 8. Персидский принц вышел из дела с честью и впоследствии (380 г. после Р.Х.) снова получил ту же чрезвычайную должность проконсула в Вифинии (Тильефон, *Hist. des Empereurs*, том V, стр. 204). Не знаю, оставила ли раса Сассана после себя потомство. Я нахожу одного папу (514), носившего имя Гормизда, но он был рядом из Фрузино, в Италии. (Pagi, *Brev. Pontific.*, том 1, стр. 247).

39) Эта малолетняя бунтовщица была впоследствии женой императора Грациана, но умерла в молодых летах, не оставив детей. См. Дюканжа *Fam. Byzantin.*, стр. 48-59.

40) "*Sequimini culminis summi prosapiam*", — говорил Прокопий, де-

лавший вид, будто презирает незнатное происхождение и случайное избрание паннонского выскочки. Аммиан, XXVI, 7.

41) Et dedignatus hominem superare certamine desplicabilem, auctoritatis et celsi fiducia corporis, ipsis hostibus, jussit, suum vincere rectorem: atque ita turmarum antesignanus umbratilis comprehensus suorum manibus. Физическая сила и красота Аринфея, — этого нового Геркулеса, — прославлены св. Василием, который полагает, что Бог создал в его лице неподражаемый образец человеческого совершенства. Живописцы и скульпторы не в состоянии верно изобразить его наружность, а историки казались баснописцами, когда описывали его подвиги (Аммиан, XXVI и Валуа ad loc.).

42) По словам Аммиана, это сражение происходило в Ликий, по словам Зосима, в Фиатире, — но эти два места находятся одно от другого на расстоянии ста пятидесяти миль. Но Фиатира alluitur Lyco (Плин. *Нат. Ист.*, V, 31. Целларий, *Geograph. Antuq.*, том II, стр. 79), а переписчики легко могли превратить малоизвестную речку в хорошо всем известную провинцию.

43) Приключения, узурпация и гибель Прокопия последовательно рассказаны Аммианом (XXIV, 6 — 10) и Зосимом (кн. 4, стр. 203-210). Эти писатели часто объясняют один другого и редко противоречат друг другу. Фемистий (Orat. 7, стр. 91, 92) присовокупляет льстивые похвалы, а Евнапий (стр. 83, 84) злобные насмешки. Смерть Прокопия иначе рассказана Сократом (Hist. Eccl., кн. 4, гл. 5). Он говорит, что Прокопий был привязан ногами к крепким древесным ветвям, которые были силою согнуты к одному месту, и что, когда перестали держать эти ветви, они пришли в прежнее положение, разорвав тело Прокопия в куски.

44) Либаний, de ulciscend. Julian. песе, гл. 9, стр. 158, 159. Этот софист оплакивает всеобщее безумие, но не порицает справедливости императоров (после их смерти).

45) Французские и английский юристы нашего времени допускают колдовство в *теории*, но не дозволяют его на *практике*. (Denisart, Recueil de Decisions de Jurisprudence, au mot Sorciers, том IV, стр. 553. *Комментарии* Блэкстона, ч. IV, стр. 60). Так как разум частного человека всегда предупреждает или опережает общественную мудрость, то Монтескье (Esprit des Loix, кн. 12, гл. 5,6) отвергает *существование* чародейства.

46) См. *Сочинения* Бейля, том III, стр. 567-589. Сочинения этого роттердамского скептика представляют, по обыкновению, странную смесь отрывочных знаний и живого остроумия.

47) Язычники делали различие между хорошим и дурным чародейством, между чародейством *теургическим* (белой магией) и *гетическим* (чернокнижием) (Hist. de l'Academie etc., том VII, стр. 25). Но они не были бы в состоянии защитить это неясное различие против остроумной логики Бейля. По системам иудейской и христианской, *все* демоны — адские духи и *всякое* сношение с ними есть идолопоклонство и вероотступничество, достойные смертной казни и вечных мучений.

48) Горациева Канидия (Carm., кн. 5, ода 5, с объяснениями Дасье и Санадона) не что иное, как вульгарная колдунья. Луканова Эрикфона (Pharsal., VI, 430-830) скучна, отвратительна, но иногда возвышен-

на. Она упрекает фурий за их медленность и грозит, в страшных по своей неясности выражениях, произнести их настоящие имена, обнаружить настоящие адские черты Гекаты, призвать к себе на помощь тайные силы, находящиеся *под* адом и пр.

49) Genus hominum potentibus infidum, sperantibus fallax, quod in civitate nostra et vetabitur semper et retinebitur. Тацит, *Ист.*, кн. 22. См. Августина de Civitate Dei, кн. 8, гл. 19, и *Код. Феодос.*, кн. 9, тит. 16 с комментарием Годефруа.

50) Гонение, которому подверглись жители Антиохии, было вызвано преступным совещанием. Двадцать четыре буквы были разложены вокруг магического треножника; прикрепленное к его центру движущееся кольцо указало первые четыре буквы в имени будущего императора — Ф.Е.О.Д. Феодор был казнен (может быть, вместе с многими другими, которым также принадлежали эти роковые буквы). Феодосий имел успех. Ларднер (*Языческие Свидетельства*, ч. IV, стр. 353-372) подробно и добросовестно расследовал этот неясный факт из царствования Валента.

51) Limus ut hic durescit, et haec ut cera liquescit
Uno eodemque igni...

Виргил. Bucolic. VIII, 80.

Devovet absentes, simulacraque cerea figit.

Овид., Epist. Hypsip. ad Jason, 91.

Такие нелепые чародейства, быть может, расстроили воображение и усилили болезнь Германика. Тацит. *Анналы.*, II, 69.

52) Гейнеций, Antiquitat. Juris Roman., том II, стр. 353 и сл. *Код. Феодос.*, кн. 9; тит. 7, с комментарием Годефруа.

53) Жестокие преследования, происходившие в Риме и Антиохии, описаны и, очень вероятно, преувеличены Аммианом (XXVIII, 1; XXIX, 1,2) и Зосимом (кн. 4, стр. 216-218). Философ Максим был, не без некоторого основания, привлечен к обвинению в чародействе (Евнапий in Vit. Sophist, стр. 88, 89), а юный Златоуст, которому случайно попала в руки одна из запрещенных книг, считал себя погибшим (Тильмон, Hist. des Empereurs, том V, стр. 340). (Эти преследования были косвенным образом направлены против язычества и, конечно, ускорили его окончательное исчезновение. Сумасбродства неоплатоников сделали из народной веры в чародейство орудие для поддержания старинных суеверий и вызвали такие злоупотребления, которые требовали вмешательства карающей руки правосудия. Но стараясь обуздать эти безрассудства, императоры вовлекли в общую с ними гибель и влияние философов, которые, в короткое царствование Юлиана, воодушевились новыми надеждами и которые еще были способны грозить безопасности императорского престола. Их книги были уничтожены, а сами профессора были сосланы. Удар, который был занесен над их жалкими иллюзиями, получил более широкое назначение и упал безразборчиво на более серьезные научные занятия. С этого времени философия стала быстро приходить в упадок. — *Издат.*)

54) См. шесть последних книг Аммиана и в особенности описание личности двух братьев — императоров (XXX, 8,9; XXXI, 14). Тильмон извлек из всех древних писателей (том V, стр. 12-18, стр. 127-133) все, что говорилось об их добродетелях и пороках.

55) Младший Виктор утверждает, что он был valde timidus; однако,

находясь во главе армии, он вел себя так, как прилично человеку, обладающему приличной долей мужества. Тот же историк старался доказать, что его гневная раздражительность была безвредна. Аммиан обнаруживает более беспристрастия и прозорливости, когда говорит: "incidentia crimina ad contemptam vel laesam principis amplitudinem trahens, in sanguinem saeviebat".

56) Cum esset ad acerbitatem naturae calore propensior... poenas per ignes augebat et gladios. Аммиан, XXX, 8; XXVII, 7.

57) Обвинение в корыстолюбии я перенес с Валента на его служителей. Жадность более свойственна министрам, чем монархам, в которых эта страсть обыкновенно гаснет вследствие того, что им принадлежит все.

58) Он иногда произносил смертные приговоры шутливым тоном: "Abi, Comes, et muta ei caput, qui sibi mutari provinciam cupit". Жертвами его ярости были: мальчик, который слишком рано выпустил борзую собаку; оружейный мастер, который сделал полированные латы несколькими гранями легче, чем было приказано, и т. п.;

59) Невинно погибшим в Милане были: один агент и три судебных пристава, которых Валентиниан приказал казнить за доставку законных вызовов к суду. Аммиан (XXVII, 7) высказывает странное предположение, что всякий, кто был несправедливо казнен, считался христианами за мученика. Его беспристрастное молчание не позволяет нам верить, что главный камергер Родан был сожжен живым за совершенные им притеснения. (*Пасх. Хрон.*, стр. 302).

60) Ut bene meritam in sylvas jussit abire innoxiam. Аммиан, XXIX, 3, и Валуа ad locum.

61) **Кодекс Юстиниана**, кн. 8, тит. 52, зак. 2. Unusquisque sobolem suam nutriat. Quod si exponendam putaverit animadversioni quae constituta est subiacebit. Я не намерен мешаться в спорах между Нудтом (Noodt) и Бинкершеком (Bynkershoek) о том, в какой мере и когда именно это бесчеловечное обыкновение было уничтожено законами, философией и развитием цивилизации.

62) Эти благотворные учреждения объяснены в **Кодексе Феодосия**, кн. 13, тит. 3. De Professoribus et Medicis и кн. 14, тит. 9. De Studiis liberalibus Urbis Romae. Кроме нашего обычного руководителя (Годефруа) нам может быть полезен Джанноне (Istoria di Napoli, том 1 стр. 105-111), изучивший этот интересный предмет с усердием и любознательностью писателя, который рассказывает историю своего собственного отечества.

63) **Кодекс Феодос.**, кн. 1, тит. 11 и Paratitlon Годефруа, который тщательно собрал здесь все, что есть замечательного в остальных частях кодекса.

64) Три строчки Аммиана (XXXI, 14) подтверждают все содержание речи Фемиствия (VIII, стр. 101-120), полной лести, педантизма и общих мест о нравственности. Красноречивый Томас (т. 1, стр. 366-396) нашел удовольствие в том, что восхвалял добродетели и гений Фемиствия, который не был недостойн того века, в котором жил. [Неандер (*Истор.*, ч. III, стр. 97), ссылаясь на Сократа и Созомена, утверждает, что Фемистий обратился к Валенту "почти с такими же словами, с какими обращался к Иовиану", и что он не только убеждал Валента оказывать терпимость по отношению к язычеству, но и "отговаривал

его от преследования христиан, придерживавшихся других мнений". До нас не дошло той речи, но два названных писателя употребляют такие выражения, которые доказывают, что такая речь действительно была произнесена. Сократ, IV, 32. Созомен, VI, 36. — *Издат.*

65) Зосим, кн. 4, стр. 202. Аммиан, XXX, 9. Уничтожив дорого стоившие злоупотребления, он, быть может, оказался достойным следующей похвалы: "in provinciales admodum parvus, tributorum ubique molliens sarcinas". Некоторые приписывали его воздержности корыстолюбия (Иерон. *Хрон.*, стр. 186).

66) Testes sunt leges a me in exordio imperii mei datae; quibus unicuique quod animo imbibisset colendi libera facultas tributa est. *Код. Феодос.*, кн. 9, тит. 16, зак. 9. К этому заявлению Валентиниана мы можем присовокупить различные свидетельства Аммиана (XXX, 9), Зосима (кн. 4, стр. 204) и Созомена (кн. 6, гл. 7, 21). Бароний, конечно, осуждал такую благоразумную веротерпимость (Annal. Eccles., 370 г., N 129-132; 376 г., N 3, 4).

67) Евдоксий был кроткого и робкого характера. Он, должно быть, был очень стар, когда совершал над Валентом обряд крещения (367 г.), так как изучал богословие, за пятьдесят пять лет перед тем, под руководством ученого и святого мученика Лукиана. Филосторг, кн. 2, гл. 14-16; кн. 4, гл. 4; Годефруа, стр. 82, 206 и Тильемен. Мем. Eccles. том V, стр. 474-480 и сл. [Евдоксий был епископом в Германии в 341 г., епископом в Антиохии в 358 г., а в 360 г. был переведен в Константинополь. Он аккуратно присутствовал на всех арианских соборах. Клин. F. R., II, 550, 559. — *Издат.*]

68) Григорий Назианзин (Orat, 25, стр. 432) нападает на склонность ариан к религиозным гонениям как на неопровержимое доказательство того, что они находились в заблуждении и были еретиками.

69) Этот очерк церковного управления Валента основан на сведениях, заимствованных от Сократа (кн. 4), Созомена (кн. 6), Феодорита (кн. 4) и обширных компиляций Тильемена (в особенности т. VI, VIII и IX).

70) Докт. Жортень (*Замечания о Церковной Истории*, ч. IV, стр. 78) уже высказал такое же подозрение.

71) Этот довод так ясен и силен, что Орозий (кн. 7, гл. 32, 33) прибегнул к предположению, будто гонения начались лишь после смерти Валентиниана. С другой стороны, Сократ полагает (кн. 3, гл. 32), что гонение утихло вследствие философской речи, которую произнес Фемистий в 374 году (Orat. 12, стр. 154), только на латинском языке. Эти противоречия ослабляют достоверность Валентова гонения и уменьшают его продолжительность.

72) Тильемен, от которого я заимствовал эти подробности, сократив их, извлек (Mèm. Ecclès. том VIII, стр. 153-167) самые достоверные подробности из панегириков двух Григориев, из которых один был брат Василия, а другой его друг. Из писем самого Василия (Дюпен, Bibliothèque Ecclesiastique, том II, стр. 155-180) не заметно, чтобы гонение было очень сильно.

73) Basilius Caesariensis episcopus Cappadociae clarus habetur... qui multa continentiae et ingenii bona uno superbiae malo perdidit. Это непочтительное выражение совершенно согласно со стилем и характером св. Иеронима. Его нет в *хронике* Иеронима, изданной Скалиге-

ром; но Исаак Воссий нашел его в некоторых старинных рукописях, которые не были исправлены монахами.

74) Это благотворительное заведение (обширное как город) превосходило пирамиды и вавилонские стены если не своими размерами, то своим достоинством. Оно было основано главным образом для прокаженных. (Григ. Назианзин, *Orat.* 20, стр. 439).

75) *Код. Феодос.*, кн. 12, тит. 1, зак. 63. Годафруа (том IV, стр. 409-413) исполняет роль и комментатора и адвоката. Тильемон (*Mem. Eccles.*, том VIII, стр. 808) *предполагает* существование второго закона для того, чтобы оправдать своих православных друзей, которые извратили смысл Валентова эдикта и уничтожили свободу выбора.

76) См. Анвиля *Description de l'Egypte*, стр. 74. Впоследствии я буду подробно говорить о монашеских учреждениях.

77) Сократ, кн. 4, гл. 24, 25. Орозий, кн. 7, гл. 33. Иероним, *Хрон.*, стр. 189 и том II, стр. 212. Египетские монахи совершали много чудес, доказывавших истину их веры. "Это правда, — говорит Жортен (*Примечания*, ч. IV, стр. 79), но где доказательства истины этих чудес?"

78) *Код. Феодос.*, кн. 16, тит. 2, зак. 20. Годафруа (том VI, стр. 49), по примеру Барония, беспристрастно собрал все, что высказано отцами церкви по поводу этого важного закона, дух которого воскрес, много времени спустя после того, в законах императора Фридриха II, Эдуарда I Английского и других христианских монархов, царствовавших после двенадцатого столетия. [Если бы читатель захотел знать истину, а не подыскивать доказательства для предвзятых мнений, то он пришел бы к убеждению, что со второго до шестнадцатого столетия вся история церкви состоит из подробностей борьбы, которая велась с целью или приобрести для церкви богатства, или разделять их, или увеличивать, или отбирать, или охранять. — *Издат.*]

79) Употребляемая мной выражения умеренны и слабы в сравнении с заносчивой бранью Иеронима [том I, стр. 13, 45, 144 и сл.]. Его самого упрекали в таком же преступлении, в каком он обвинял своих собратьев — монахов, и этот *Sceleratus* и *Versipellis* публично обвинялся в том, что был любовником вдовы Павлы [том II, стр. 363]. Он бесспорно был любим и матерью и дочерью, но он заявляет, что никогда не злоупотреблял своим влиянием для удовлетворения личных интересов или чувственных влечений.

80) *Pudet dicere, sacerdotes idolorum, mimi et aurigae, et scorta, haereditates capiunt: solis clericis ac monachis hac lege prohibetur. Et non prohibetur a persecutoribus, sed a principibus Christianis. Nec de lege queror; sed doleo cur meruerimus hanc legem.* Иероним (том I, стр. 13) осторожно намекает на то, какой тайной политики держался его покровитель Дамасий.

81) Три слова Иеронима *Sanctae memoriae Damasus* [том II, стр. 119] смывают в глазах Тильемона все возводимые на него обвинения и ослепляют благочестивые очи этого писателя [*Mem. Eccles.*, том VIII, стр. 386-424].

82) Сам Иероним вынужден сознаться, что "*crudelissimae interfectiones diversi sexus perpetratae*" [*in Chron.*, стр. 186]. Но подлинная *сатира* или петиция двух пресвитеров противной партии сохранилась неизвестно каким образом. Они утверждают, что двери

базилики были сожжены, а крыша была снята; что Дамасий вошел туда во главе своего духовенства, могильщиков, возниц и наемных гладиаторов, что никто из принадлежавших к *его* партии не был убит, но что там было найдено сто шестьдесят мертвых тел. Эта петиция напечатана у о. Сирмонда в первом томе его сочинений.

83) *Базилика* Сициния или Либерия, вероятно, то же, что церковь Santa Maria Maggiore на Эсквилинском холму. Бароний, 367 г., N 3 и Донат, Roma Antiqua et Nova, кн. 4, гл. 3, стр. 462. [Неандер, (*Ист.*, ч. III, стр. 314) говорит, что соперник Дамасия назывался Урсином или Урсицином. Сценой этого страшного побоища, вероятно, была та церковь, в которой он служил и которая называлась по его имени, так что Базилика Sicinini, может быть, была так названа по ошибке или, может быть, это название было сокращением слова Ursinini. — *Издат.*]

84) Враги Дамасия называли его Auriscalpius Matronarum, — женской ухверткой.

85) Григорий Назианзин [Orat. 32, стр. 526] описывает гордость и роскошь прелатов в императорских столицах, их золоченые колесницы, их горячих коней, их многочисленную свиту и пр. Толпа сторонилась перед ними, как перед дикими зверями.

86) Аммиан, XXVII, 3. Perpetuo Numini, versis que ejus cultoribus. Какая удивительная уступчивость со стороны политеиста! [На это место из Аммиана была сделана ссылка в одном из предшествовавших примечаний [гл. 23], так как в нем есть некоторые факты, объясняющие, почему Юлиан возненавидел христианскую иерархию. Ссора Дамасия и Урсиана была продолжением той, которая возникла от ссылки Либерия, рассказанной Гиббоном в главе 21-й, где он ссылается на других древних писателей, описывавших эту позорную борьбу из-за епископской власти. — *Издат.*]

87) Аммиан, отзываясь очень хорошо о его управлении [XXVII, 9], называет его "praeclare indolis gravitatisque, senator" [XXII, 7, и Валуа ad loc.] Интересная надпись [Грутер МСР. N 2] перечисляет на двух столбцах его религиозные и гражданские звания. На одном столбце он был первосвященником Солнца и Весты, Авгуром, Квиндецемвиром, Иерофантом и пр.; а на другом он был: 1. Квестор candidatus, но вероятнее titular. 2. Претор. 3. Корректор Тосканы и Умбрии. 4. Консуляр Лузитании. 5. Проконсул Ахаи. 6. Префект Рима. 7. Преторианский префект Италии 8. и Иллирии. 9. Консул по выбору; но он умер до начала 385 года. См. Тильемона Hist. des Empereurs, том V, стр. 241, 736.

88) Facite me Romanae urbis episcopum; et ero protinus Christianus. [Иерон., том II, стр. 165]. Более чем вероятно, что Дамасий не согласился бы купить этой ценой его обращение в христианство.

89) Аммиан, XXVI, 5. Валуа присовокупляет длинное и интересное примечание о государственном министре.

90) Аммиан, XXVII, 1. Зосим, кн. 4, стр. 208. Об унижении батавов умалчивает живший в то время солдат; он делает это из уважения к воинской чести, к которой относился равнодушно греческий ритор следующего столетия.

91) См. Анвиля Notice de l'Ancienne Gaule, стр. 587. Маску (*История*

древних германцев, VII, 1) ясно обозначает Мозель, которую Аммиан не называет по имени.

92) Эти битвы описаны Аммианом (XXVII, 2) и Зосимом (кн. 4, стр. 209), который полагает, что они происходили в присутствии Валентиниана.

93) *Studio solicitante nostrorum, occubuit*. Аммиан, XXVII, 10.

94) [Касательно места, где происходила эта битва, было высказано несколько различных мнений, которые приведены в примечании декана Мильмана; между прочими Гэфелин высказал в "Мемуарах Пфальцграфской Курфюрстской Академии" мнение, что эта битва происходила при Швейтцингене. Непонятно, как мог так ошибаться человек знакомый и с историей и с местностью. Путешественники, посещавшие ту местность, которая когда-то была Рейнским Пфальцграфством, видели сады Швейтцингена и знают, что они находятся между Гейдельбергом и Мангеймом. Не только там нет никакой горы, которая походила бы на описанный историком Солициниум, там даже вовсе нет никаких гор на пространстве нескольких миль. Такие горы есть неподалеку от Гейдельберга и в соседней с этим городом *Berg-Strasse*. — *Издат.*]

95) Экспедиция Валентиниана описана Аммианом [XXVII, 10] и воспета Авзонием [*Mosell.*, 421 и сл.], который имеет неблагоразумие предполагать, что римлянам были неизвестны истоки Дуная.

96) *Immanis enim natio, jam inde ab incunabulis primis varietate casuum imminuta; ita saepius adolescit, ut fuisse longis saeculis aestimetur intacta*. Аммиан, XXVIII, 5. Граф de-Buat [*Hist. des Peuples de l'Europe*, том IV, стр. 370] приписывает быстрое размножение аллеманнов тому обстоятельству, что они легко усыновляли иностранцев.

"Это объяснение, по словам Мальтуса, только переносит затруднение из одного места в другое. Оно ставит землю на черепаху, но не сообщает нам, на чем же держится черепаха. Для нас все еще остается неразрешенным вопрос, что такое было это неистощимое северное вместилище, откуда беспрестанно вытекал поток неустрашимых воинов? Не думаю, чтобы можно было допустить то разрешение, которое дает этой проблеме Монтескье [*Grandeur et Décadence des Romains*, гл. 16, стр. 187]. Затруднение исчезнет само собою, если мы применим к народам древней Германии тот факт, который подмечен в Америке и всем хорошо известен, — я хочу сказать, если мы предположим, что когда война и голод этому не препятствуют, население увеличивалось у них в таком размере, что удваивалось через двадцать пять или тридцать лет. Что такое применение уместно и даже необходимо, это видно из картины германских нравов, нарисованной Тацитом [*de Mor. German.* гл. 16, 18, 19, 20]. Столь благоприятные для размножения населения нравы, в соединении с той предприимчивостью и склонностью к переселению, которые устраняют опасения нужды, представляют картину такого общества, которое одарено непреодолимым стремлением к размножению. Они объясняют нам, где находился неистощимый источник тех армий и колоний, напор которых должна была выдерживать Римская империя и от которых она разрушилась. Нельзя предполагать, чтоб население Германии когда-либо переживало два следовавших один за другим периода своего удваивания или даже чтоб оно ког-

да-либо удвоилось в двадцать пять лет. Постоянные войны, жалкое состояние земледелия и в особенности существовавшее у многих племен странное обыкновение окружать себя пустыней решительно препятствовали такому размножению. Конечно, ни в какую эпоху эта страна не была густо населена, хотя в ней иногда и оказывался избыток населения... Но вместо того, чтоб расчищать свои леса, высушивать свои болота и делать свою почву способной удовлетворить нуждам увеличивающегося населения, они действовали под влиянием своих воинственных нравов и нетерпеливого характера и отправлялись искать в других странах съестных припасов, грабежа и славы". *Essai sur le principe de population*, том I, стр. 145 и сл. — Гизо].

[Следует заметить, что многолюдность этих скопищ, толкавших друг друга вперед, была, по-видимому, преувеличена. Об этом предмете можно найти некоторые основательные замечания в сочинении Маллэ "Северные Древности" [гл. 8, стр. 159, изд. Бона]. Также было бы ошибочно думать, что эти массы людей всегда выходили из Скандинавии или из северных прибалтийских стран [см. примечания к гл. 10]. Последний из упомянутых там писателей хотя и верил в эту гипотезу, однако допускал [стр. 163], что "ее трудно согласовать и с тем, что нам известно из истории о нравах, обычаях и принципах древних скандинавов, и с здоровыми политическими понятиями о том, что составляет истинное счастье народов". Эта басня была выдумана Кассиодором в его истории *De Rebus Geticis*; ее сохранил или вкратце изложил Иордан. С целью понравиться тогдашним властителям Италии и польстить гордости своих соотечественников, возвеличивая происхождение завоевателей Рима, он составил из никуда не годных материалов и вымыслов фантазии такую басню [Кассиод. *Variar.*, IX, 25. Иордан, гл. 4], которая была неизвестна Прокопию; а Прокопий писал в то же самое время или несколькими годами позже и не был в состоянии ничего сказать, кроме того, что готы пришли из-за Дуная [De Bell. Vandal., кн. 8, гл. 2]. Один уже тот факт, что племена, будто бы переселившиеся из Скандинавии, называли ее островом и Скандцией, указывает на ошибку и доказывает, как автор изучал Птолемея. Порядок, в котором племена появлялись одно вслед за другим, объясняет и причину, приводившую их в движение. Знакомство с соблазнявшей их добычей проникало все далее к северу и вызывало искателей приключений из стран все более и более отдаленных. Сначала вторгались в римские владения племена, жившие близ границ и в центре Германии. Затем более отдаленные народы стали присоединяться к ним с целью участия в добыче. Узнавши об этом, саксы с берегов Эльбы и Эйдера пустились на своих легких сеолен грабить беззащитные берега. За ними последовали энгелендеры, или англы, жившие по ту сторону Эйдера, а затем юты, жившие на верхней оконечности полуострова. Успех южных и западных соседей побудил датчан последовать их примеру, и после всех нортмены или норманны покинули свои скандинавские жилища и пустились на не способный оказывать сопротивление юг. Когда люди, которые писали жалкие летописи века, покрытого мраком невежества и наполненного народными бедствиями, узнали, что морские разбойники того времени всегда приходили с севера, они решили, что все те, которые

приходили прежде них, были родом из одной с ними страны. — *Издат.*

97) Аммиан, XXVIII, 2. Зосим, кн. 4, стр. 214. Младший Виктор упоминает о способности Валентиниана к механике: "nova arma meditari; fingere terra seu limo simulacra".

98) *Bellicosos et pubis immensae viribus affluentes; et ideo metuendos finitimis universis.* Аммиан, XXVIII, 5.

99) Я всегда склонен подозревать историков и путешественников в том, что они превращают частные факты в общие законы. Аммиан приписывает такое же обыкновение Египту, а китайцы приписывали его Татсину или Римской империи [*De Guignes, Hist. des Huns, том II, ч. 1, стр. 79*].

100) *Salinarum finiumque causa Allemannis saepe iurgabant.* Аммиан, XXVIII, 5. Очень может быть, что они спорили из-за обладания Sala, — реки, в которой находили соль и которая служила в древности предлогом для вражды. Тацит, *Анн.*, XIII, 57 и Липсий *ad loc.* [Сцена этих споров, как кажется, была ближе к Рейну. Есть соляные копи, принадлежащие курфюрсту Гессенскому в этом самом округе, в Хаунгейме, между Гиссенем и Франкфуртом-на-Майне. Война, о которой упоминает Тацит в указанном месте, происходила в царствование Нерона, с лишком за триста лет перед тем; она велась между хаттами, или гессами и германдурами, жившими на берегах Майна [Целларий, кн. 2, гл. 5, стр. 387]. Причиной вражды была река, в которой находили соль, и это была та самая река, которая, по мнению Липсия и Целлария, была Sala. Но ее положение в точности совпадает с положением Хаунгейма, и очень вероятно, что доставляющие в настоящее время большой доход обильные соляные источники, не будучи соединены в один подпочвенный пласт, представляли небольшие ручейки, которым давали название рек. Во времена Валентиниана ими, очевидно, пользовались с большим, чем прежде, искусством, так как они обратились в *Salinae* — солеварни, обладания которыми добывались в особенности те племена, которые, живя внутри страны, не имели возможности извлекать этот полезный продукт из морской воды, как это обыкновенно делалось в ту пору [Тит Лив., кн. 1, гл. 38, Плиний, *Hist. Nat.*, кн. 30, гл. 7]. Вследствие беспрестанных переселений аллеманны и бургунды заняли ту самую местность, на которой прежде ссорились из-за этого обладания хатты и германдуры. Соляные источники в Галле, которые в настоящее время текут под руслом Саалы [Мальте-Брен, ч. VII, стр. 46], находятся вблизи от Эльбы и слишком далеко от прежней римской границы, поэтому не могли быть поводом для которой-либо из тех войн, о которых говорят латинские историки. — *Издат.*]

101) *Jam inde temporibus priscis sobolem se esse Romanam Burgundii scilunt:* это неопределенное предание мало-помалу получило более правильную форму [Ороз., кн. 7, гл. 32]. Оно уничтожено неопровержимым авторитетом Плиния, который написал историю Друза и служил в Германии [Plin. *Secund. Epist.* 3, 5] через шестьдесят лет после смерти этого героя. *Germanorum genera quinque; Vindili, quorum pars Burgundiones, etc.* [*Hist. Natur.*, IV, 28]. [Хотя Верстеган легкомыслен и не заслуживает доверия в том, что касается исторических фактов, однако он наводит на некоторые полезные этимологические указа-

ния. В своем "Возрождении пришедшей в упадок интеллигенции" [стр. 15] он говорит, что латинские названия Burgundii или Burgundiones соответствовали германскому названию Burgwohner, — то есть обитателей закрытых или огороженных жилищ. Вначале они, вероятно, не составляли отдельного племени. В течение шестидесяти лет, следовавших за смертью Друза, сыновья, родившиеся от его солдат и германских женщин, могли склонить туземцев к возведению таких же укреплений, какие сооружались римскими гарнизонами. Эти укрепления могли получить то название, которое дошло до слуха Плиния и которому он придал латинскую форму, считая его за название народа. Отсюда могло возникнуть понятие о "воинственной и многочисленной нации". Она воспета в *Нибелунгах*, которые считаются многими за историю ее войны. Нибур полагает, что это было не что иное, как те ранние песнопения, "в которые вносятся исторический характер, но которые не имеют никакого права на авторитет летописей или на какую-либо "хронологическую определенность". *Лекции*, ч. 1, стр. 29, 85, 214. — *Издат.*]

102) Войны и мирные переговоры, касающиеся бургундов и аллеманнов, ясно изложены Аммианом Марцеллином [XXVIII, 5; XXIX, 4; XXX, 3]. Орозий [кн. 7, гл. 32] и *хроники* Иеронима и Кассиодора прибавляют к этим сведениям несколько указаний чисел и несколько подробностей. [Клинтон [F. R. I, 470-476] исправляет Иеронима и Кассиодора и устанавливает следующие числа: в 368 г. аллеманны ограбили Майнц и были наголову разбиты Валентинианом; в 369 г. Валентиниан укрепляет берега Рейна; в 370 г. он ищет союза с бургундами; в 371 г. он переходит через Рейн, проникает до *Matiacae Aquae* [Висбадена] и в том же году возвращается в Трир. — *Издат.*]

103) *Epi ton aukena tes Kimvrikes chersoneson Saxones*. По словам Птолемея, остатки кимвров жили на северной оконечности полуострова [Кимврский мыс Плиния, IV, 27]. В промежутке между *саксами* и кимврами он помещает шесть незначительных племен, которые соединились еще в шестом столетии под общим национальным названием *датчан*. См. Клюв. *German. Antiq.* кн. 3, гл. 21-23. [Уже было упомянуто о заблуждениях древних касательно Кимврского Херсонеса. Ни о какой другой части Европы их сведения не были столь сбивчивы и противоречивы. Они, как кажется, никогда не проникали туда сухим путем, так как на тамошних берегах не было янтаря, который мог бы привлекать туда торговцев, а римские армии никогда не переходили через Эльбу [Страбон, кн. 7., Целларий, кн. 2, гл. 5]. Знакомство их моряков с берегами полуострова было чрезвычайно поверхностно. Но их суда, должно быть, достигали самых дальних его оконечностей, хотя и не проходили через Зунд; иначе они не могли бы знать тамошних *Куммер* и, может быть, незначительных остатков раннего кельтического населения, которыми и было дано это название. Кроме этой *parva civitas*, на всем полуострове не жило, по словам Тацита, никого, кроме фозов, — народа, существование которого не было известно ни одному писателю, кроме Тацита. Сопоставляя позднейшие хорошо известные факты с сохранившимися там до сих пор названиями, мы приходим к убеждению, что за небольшим исключением этого отдаленного уголка весь этот перешеек не имел в ту пору других обитателей, кроме готов. Те из них, которые жили

всего более к северу, употребляли свое родовое название в форме областного наречия и сделали из него *Ютов* [Juten; здесь] произносилось как твердое у или как слегка гортанное g], так что новейшая Ютландия не более как другая Готландия. Средняя и самая узкая часть территории, где моря северное и восточное всего ближе сходятся одно с другим, называлось Engeland или узкая земля; отсюда ее жители получили название Engelanders, Engeland-Sachsen, Angles, а отсюда произошло и название Englishmen [англичане]. Одна часть их первоначального местопребывания между Шлейем и Балтийским морем до сих пор известна под названием Angeln [Мальте-Брен, ч. IX, стр. 17]; они основали королевство Восточной Англии там, где прежде господствовали британские икены, — а именно в другой *узкой земле* между морем и Метарисом [Уошем], которая простиралась тогда до Кембриджа; а половина острова, в завоевании которой они участвовали, получила название England. Ниже их жили саксы, которые хотя и не упоминаются Тацитом, но, по мнению древних географов [Целларий, кн. 2, гл. 5, 59], были тот самый народ, который он называет, — вследствие каких-нибудь ошибочных сведений, — фозами и который, по его словам, жил по ту сторону Эльбы [Герм., 36]. Некоторые полагали, что это были потомки колонии, высланной саками, — кочующим племенем, о котором упоминают Геродот, Страбон, Птолемей и другие древние писатели и которое будто бы владело вместе с массагетами по ту сторону Каспийского моря лесами и пещерами горы Имауса. Это — возможная, но, конечно, неразрешимая гипотеза. Верстеган [стр. 23], опираясь на почтенный авторитет Юста Липсия, производит их название от коротенького согнутого меча, который был главным их оружием и назывался Seaxen. Аделунг, в своем превосходном "Словаре" [ч. III, стр. 1559], упоминает об этом словопроизводстве, но находит более правильным производство их названия от слова Sass, местопребывание, хотя он и не объясняет, каким образом можно бы было различать племена одно от другого, так как все они имели какое-нибудь местопребывание. Его возражение, что Sachs будет во множественном числе Sächsen, а не Sachsen, не имеет никакого веса, когда относится к такой расе, которая была незнакома с грамматикой; он также полагает, что во времена Карла Великого, когда этот народ был на вершине своего могущества, это слово употреблялось в форме Sahs. Их ранняя история была до такой степени покрыта мраком, что Корвейский настоятель Видукинд полагает, будто они пришли из Британии в Германию ["Лекции" Нибура, I, 102, изд. Бона]. Даже Мальте-Брен высказывает два противоположных мнения о них. В одном месте [VII, 267] он говорит, что они происходили от хаттов и свевов, живших внутри и на юге Германии, а в другом [IX, 17] он говорит, что они составляли конфедерацию между Эльбой и Одером. О них упоминает прежде всех Птолемей [кн. 1, гл. II], который полагает, что они жили в южной части полуострова, в теперешней Голштинии, и вся позднейшая история подтверждает его мнение. Оттуда они впоследствии распространились по всей северной Германии от устьев Эльбы до Вислы, где и до сих пор сохранилось воспоминание об их владычестве и указания на его размеры в названиях округов Верхней и Нижней Саксонии. Поэтому Гиббон не имел надобности прибегать к помощи союзников с

датских островов и из Швеции для того, чтобы набрать те "бесчисленные сонмища", которые, под именем саксов, "господствовали над океаном". Даже нет никаких доказательств того, чтоб такие многочисленные толпы когда-либо выходили из своего отечества не поодиночке, а разом. Когда Хенгист и Хорса впервые высадились на наши берега, с ними было только три корабля [Chron. Saxon., 309. Изд. Бона]. Через пятьдесят лет после того [ib. 311] Кердик и его сын Кинрик привезли с собой только *uuf scyrvol of Saxons* для того, чтобы основать королевство Уессекское, а подкрепления, которые прибыли к ним на помощь через девятнадцать лет после того, уместались на трех судах [ib. 311]. Таким образом, нам становится понятным, как мало-помалу пополнялись новыми рекрутами ряды счастливых искателей приключений, и не прежде, как в следующем столетии, слава саксов побудила самых дальних датчан пуститься на такие же предприятия. При своем первом передвижении они, быть может, овладели никем не занятыми землями полуострова; но их имя произошло не отсюда — они принесли его с собою. Его происхождение так мало известно, что причудливые сочинители хроник прибегнули к королю Дану, существование которого так же сомнительно, как существование короля Брута в Британии. Юниус полагал, что слово *Denmark* есть не что иное, как легкое извращение слова *Tanne-mark* или *Firmarches*. Но ввиду свойств их страны и привычек населения можно полагать, что это название имеет более близкую связь с другим старинным словом, обозначавшим обширные приморские песочные холмы и сохранившимся в немецком слове *dünen*, в голландском — *Duunen* и в английском — *downs*; в некоторых из наших восточных провинций, когда-то всех чаще подвергавшихся нашествиям этих пиратов, это слово получило форму *denes* или *danes*. Это — более правильное и более ясное понятие о следовавших одних вслед за другими морских разбойниках, которые сначала опустошали берега Галлии и Британии, а кончили тем, что сделались постоянными их обладателями. — *Издат.*

104) Анвилль [Etablissement des Etats de l'Europe etc., стр. 19-26] обозначил широкие пределы Саксонии во времена Карла Великого.

105) Флот Друза потерпел неудачу в своей попытке пройти через *Зунд* или даже близко подойти к нему [Зунд называли Геркулесовыми столбами вследствие явного с ними сходства], и это морское предприятие никогда более не возобновлялось [Тацит de Moribus German., гл. 34]. Римляне познакомились с жившими по берегам Балтийского моря народами [гл. 44, 45] вследствие своих сухопутных путешествий в поисках янтаря.

106) *Quin et Armoricus Saxona tractus*

Sperabat; cui pelle salem sulcare Britannum

Ludus; et assuto glaucum mare findere lembo.

Сидон. in Panegy. Avit. 369.

Гений Цезаря, ради встретившейся надобности, принял за образец эти грубые, но легкие суда, также бывшие в употреблении у туземцев Бретани. [Comment. de Bell. Civil., 1, 51, и Гишардта *Nonveaux Mèmoires Militaires*, том II, стр. 41, 42]. Гений Цезаря пришел бы в удивление от теперешних британских судов. [Эти суда назывались на англосакском языке *seolen*, а на монашеском латинском *ciuli*, откуда [произнося с как *k*] мы заимствовали наше слово *kell*. На наших

восточных берегах им до сих пор называют небольшие парусные суда. Легкие торговые суда получили от порта Гулля название *Number kells*, которое в этой местности дается и мелким речным судам. Сам Гиббон был бы поражен не менее сильным удивлением, чем то, которое он приписывает гению Цезаря, — если бы он мог быть свидетелем тех усовершенствований в искусстве мореплавания, которые сделаны в сравнительно короткий промежуток времени между его эпохой и нашей. — *Издат.*

107) Лучший оригинальный рассказ о саксонских пиратах можно найти у Сидония Аполлинария [кн. 8, послан. 6, стр. 223, изд. Сирмонда], а лучший комментарий у аббата дю-Бо [*Hist. Critique de la Monarchie Francaise*, etc., том 1, кн. 1, гл. 16, стр. 148-155. См. также стр. 77, 78].

108) Аммиан [XXVIII, 5] извиняет такое вероломство по отношению к пиратам и разбойникам, а Орозий [кн. 7, гл. 32] более ясно обозначает их настоящую вину: *virtute atque agilitate terribiles*.

109) Симмах [кн. 2, Epist. 46] еще смеет произносить священные имена Сократа и философии. Епископ Клермонский Сидоний [кн. 8, Epist. 6] мог с *меньшей* непоследовательностью нападать на человеческие жертвоприношения, которые совершались у саксов.

110) В начале прошедшего столетия ученый Кемден был вынужден отвергнуть, с почтительным скептицизмом, басню о троянце *Бруте*, который теперь предан безмолвному забвению вместе с дочерью фараона *Скотой* и ее многочисленным потомством. Тем не менее я узнал, что между ирландскими туземцами еще есть поборники *Милетской колонии*. Народ, который недоволен своим настоящим положением, с жадностью хватается за всякие вымыслы касательно его прошлого или будущего величия.

111) Тацит, или скорее его тесть Агрикола, мог заметить, что у некоторых британских племен такое же телосложение, как у германцев или испанцев. Но их здравый и обдуманый приговор выражен в следующих словах: "*In universum tamen aestimanti Gallos vicinum solum occupasse credibile est. Eorum sacra deprehendas... sermo haud multum diversus*" [in Vit. Agricol., гл. 11]. Цезарь заметил, что они исповедовали одну и ту же религию [Comment. de Bello Gallico, VI, 13], а в его время выселения из бельгийской Галлии были недавним или, по меньшей мере, историческим фактом [V, 10]. Кемден, — этот британский Страбон, — скромно выяснил нашу подлинную древность [Britannia, ч. 1, Introduction, стр. 2-31]. Даже в тех из наших провинций, в которых сакский элемент особенно силен, некоторые из древнейших естественных памятников, как-то: реки и их слияния, носят названия настолько кельтические в своем корне, что они не оставляют никакого сомнения насчет того, кто были первые обитатели, давшие эти названия. Тот же факт так часто замечается в других местностях, что Ключье и Пеллутье видели в нем подтверждение того мнения древних писателей, что расы кельтская и готская составляли одну расу. Епископ Перси, в своем предисловии к сочинению Маллэ "Северные Древности" [стр. 3-5], указал на их заблуждение и на некоторые из его причин. Но он не объяснил с достаточной ясностью, почему первоначально населившая Европу раса естественным образом давала тем предметам такие названия, которые были усвоены ее

преемниками и таким образом сохранились до настоящего времени.

— *Издат.*]

112) Говоря о покрытых мраком древностях Каледонии, я принял в руководители двух ученых и остроумных горцев, которые по своему рождению и образованию особенно годны для этой роли. См. "Критические Рассуждения" докт. Джона Макферсона о происхождении, древностях и пр. каледонцев; Лондон, 1768, in 4-to; и "Введение в Историю Великобритании и Ирландии" Джемса Макферсона, Лондон, 1773, in 4-to, третье издание. Докт. Макферсон был христианским миссионером на острове Скай, и нашему веку делает честь тот факт, что сочинение, полное учености и критических замечаний, было написано на самом отдаленном из Гебридских островов.

113) [Здесь Гиббон позабывает настоящее происхождение слова Ирландия, на которое он намекает в начале своей первой главы [ч. 1, стр. 5]. Эрин не значит **зеленый**. Те ученые авторитеты, — на которые он ссылается в своих предшествующих примечаниях, соглашаясь с одним из них и опровергая другой, — хотя и расходятся между собой во многих пунктах, сходятся в том, что название Эрин значит **Западный остров**. Оно могло быть дано только кельтами, которые видели выдающиеся оконечности острова с востока, а когда они перенесли туда с собой это название, они, вероятно, нашли остров необитаемым и не могли побеждать его "миролюбивых дикарей". Ирландские антикварию слишком охотно ссылаются на некоторые признаки ранних посещений острова древними путешественниками и на некоторые лучи света, падавшие на этот темный период из монашеских келий, а отсюда делают заключение, что их отечество давно уже пользовалось просвещением. Если бы этот факт был верен, он служил бы самым строгим осуждением католической системы управления, при которой эта страна была низведена до своего теперешнего жалкого положения. — *Издат.*]

114) Ирландское происхождение скотов, уже почти забытое, стал снова отстаивать достопочтенный Уайтекер (Whitaker, Hist. of Manchester, ч. 1, стр. 430, 431 и Genuine History of the Britons asserted, etc., стр. 154-293). Однако он признает: 1. Что скоты, о которых говорит Аммиан Марцеллин (340 г. после Р. Х.), уже были постоянными обитателями Каледонии и что у римских писателей нет никаких намеков на то, что они переселились туда из какой-нибудь другой страны. 2. Что все рассказы о таких переселениях, повторявшиеся ирландскими бардами, шотландскими или английскими антикварию (Бухананом, Кемденом, Ушером, Штиллингфлитом и др.) совершенно баснословны. 3. Что те три ирландских племени, о которых упоминает Птолемей (150 г. после Р. Х.), были каледонского происхождения. 4. Что одна побочная ветвь каледонских принцев из дома Фингала приобрела и удержала владычество над Ирландией. После этих уступок остальные разногласия между Уайтекером и его противниками мелочны и не важны. "Подлинная История", которую он ведет от Оссианова двоюродного брата Фергуса, переселившегося (320 г. после Р. Х.) из Ирландии в Каледонию, построена на догадке, заимствованной из ирландских поэтических произведений, и на слабом свидетельстве Ричарда Чиренчестерского — монаха четырнадцатого столетия. Живой ум ученого и остроумного антикварию за-

ставил его позабыть о свойстве того вопроса, который он обсуждал с такой *горячностью* и разрешал с такой *безусловной* уверенностью.

115) Hyeme tumentes ac saevientes undas calcastis Oceani sub remis vestris;... insperatam imperatoris faciem Britannus expavit. Юлий Фирмик Матерн, de Errore Profan. Relig., стр. 164, изд. Гронов. ad calcem Minus. Fel. См. Тильемона (Hist. des Empereurs, том IV, стр. 336). [Рутупия, которую Гиббон назвал Сандвичской гаванью, находилась в Ричборо, как это доказывают сохранившиеся там остатки римского владычества. Этот важный пункт служил местом высадки для императоров и для их армий и господствовал над южным входом в канал между островом Thanet и материком. Находившийся на пути остров Thanet назывался по-британски Ruithin. (См. Ненния Hist. Brit., стр. 397, изд. Бона). Отсюда видно, что это был Антонинов Riduna (Itin. Marit.), который ошибочно принят Анвиллем (Notice de l'Ancienne Gaule, стр. 354) за Aurigini (Альдерней) и Бакстером (Gloss. Ant. Brit., стр. 202) за Rathlin на северном берегу Ирландии. — *Издат.*]

116) Либаний, Orat. Parent., гл. 39, стр. 264. Это интересное место ускользнуло от внимания наших британских антиквариев.

117) Каледонцы были очень жадны до *чужого* золота, лошадей, стекол и пр. См. докт. Блера "Диссертации об Оссиане", ч. II, стр. 343 и Макферсона "Введение", стр. 242-286.

118) Лорд Литтелтон рассказал подробно (History of Henry II. ч. 1, стр. 182), а сэр Давид Далримпл поверхностно (Annals of Scotland, ч. 1, стр. 69) о варварском вторжении скотов в такое время (1137 г. после Р. X), когда и законы и религия и общественная жизнь уже должны были смягчить их старинные нравы.

119) Attacotti bellicosa hominum patio. Аммиан, XXVII, 8. Кемден (Introduct., стр. 152) восстановил их настоящее название в тексте Иеронима. Отряды аттакоттов, которые видели Иеронима в Галлии, стояли впоследствии в Италии и Иллирии. (Notitia. S. 8, 39, 40).

120) Cum ipse adolescentulus in Gallia viderim Attacottos (or Scotos) gentem Britannicam humanis vesci carnibus; et cum per silvas poreorum greges, et armentorum pecudumque reperiant, pastorum nates et feminarum papillas solere abscindere; et has solas ciborum delicias arbitrari. Таково свидетельство Иеронима (том II, стр. 75), правдивость которого я не имею основания заподозривать. [Когда Иероним пишет о еретиках или язычниках, на него нельзя полагаться. За отсутствием более надежных авторитетов нет возможности верить, чтоб описанное здесь обыкновение могло быть терпимо в римской провинции. — *Издат.*]

121) Аммиан вкратце описал (XX, 1; XXVI, 4; XXVII 8; XXVIII, 3) весь ход британской войны.

122) Horrescit... ratibus... impervia Thule.

Ille... nec falso nomine Pictos

Edomuit. Scotumque vago mucrone secutus

Fregit Hyperboreas remis audacibus undas.

Клавдиан, in 3 Cons. Honorii, стих 53 и сл.

— Maduerunt Saxone fuso

Orcades; incaluit Pictorum sanguine Thule.

Scotorum cumulos flevit glacialis ferne.

In IV Cons. Hon., стих 31 и сл.

См. также Паката (in Panegyг. Vet., XII, 5). Однако нелегко определить настоящую цену лести и метафоры. Сравн. *британские* победы Болана (Стаций, Silv., V, 2) с его настоящим характером. (Тацит, in Vit. Agricol., гл. 16).

123) Аммиан часто упоминает об их "conciliуm annuиm, legitimuм, etc". Лепт и Сабрата уже давно в развалинах, но город Оза, — родина Апулея, — до сих пор процветает под именем *Триполи*. См. Целлария (Geograph. Antiqua, том II, ч. 2, стр. 81), Анвилля (Geographie Ancienne, том III, ч. 71, 72) и Мармоля (Afrique, том II, стр. 562).

124) Аммиан, XVIII, 6. Тильемон (Hist. des Empereurs, V, 25, 676) обсуждал хронологические затруднения, представляющиеся в истории дукса Романа.

125) Хронология у Аммиана нетверда и сбивчива; Орозий (кн. 7, гл. 33, стр. 551, изд. (Гаверкампа), как кажется, полагает, что восстание Фирма произошло после смерти Валентиниана и Валента. Тильемон (Hist. des Emper., том V, стр. 691) старается отыскать верный путь. На терпеливые и твердые ноги альпийских мулов можно полагаться, когда нужно взбираться по скользкой дороге. (Восстание Фирма произошло в 372 г., потому что Феодосий был занят в Германии в 371, а Ремигий погиб в 373 г., Клинт. F. R. I, 479. — *Издат.*)

126) Аммиан, XXIX, 5. Текст этой длинной главы (пятнадцать страниц in 4-to) извращен и обезображен, а самый рассказ сбивчив по недостатку хронологических и географических указаний.

127) Аммиан, XXVIII, 4. Орозий, кн. 7, гл. 33, стр. 551, 552. Иерон. in Chron., стр. 187.

128) Лев Африканский (в Viaggi di Ramusio, том I, листы 78-83) интересным образом описал и народ и страну, которые еще более подробно описаны в Afrique Мармоля, том III, стр. 1-54.

129) Благодаря более близкому знакомству с древней географией размеры этого необитаемого пояса были мало-помалу уменьшены с сорока пяти градусов широты до двадцати четырех или даже до шестнадцати. См. ученую и основательную заметку докт. Робертсона, *Ист. Амер.*, ч. 1, стр. 426.

130) Intra, si credere libet, vix jam homines et magis semiferi... Blemmyes, Satyri ect. Помпоний Мела, кн. 4, стр. 26, изд. Восс. in 8-vo. Плиний *философски* объясняет (VI, 36) встречающиеся в природе неправильности, которым он *легкомысленно* верил (V, 8).

131) Если сатир то же, что орангутанг или похожая на человека большая обезьяна (Бюффон, Hist. Nat., том XIV, стр. 43 и сл.), то весьма возможно, что животных этого рода показывали живыми в Александрии в царствование Константина. Тем не менее все-таки остается некоторое недоразумение относительно разговора, который происходил между св. Антонием и одним из таких благочестивых дикарей в пустыне Фиваиды (Иерон. in Vit. Paul. Eremit., том I, стр. 238).

132) Св. Антоний также встретился с одним из таких чудовищ, существование которых серьезно удостоверял император Клавдий. Это возбудило смех в публике, но его египетский префект был так ловок, что прислал искусственную подделку, которую выдавали за набальзамированный труп *гиппоцентавра* и которая потом хранилась в императорском дворце в течение почти целого столетия. См. Плиния

(Hist. Natur., VII, 3) и основательные замечания Фрепэ. (M^émoires de l'Acad., том VII, стр. 231 и сл.).

133) Басня о пигмеях имеет одинаковую древность с Гомером (*Илиада*, III, 6). Пигмеи индийские и эфиопские (trispithami) имели двадцать семь дюймов в высоту. Каждую весну их кавалерия (верхом на козлах и на баранах) выступала в боевом порядке для истребления журавлиных яиц — "aliter (говорит Плиний) futuris gregibus non resist". Их жилища строились из глины, перьев и яичной скорлупы. См. Плиния, VI, 35; VII, 2, и Страбона, кн. 2, стр. 121.

134) В третьей и в четвертой частях прекрасной *Histoire des Voyages* описано теперешнее положение негров. Жители морского побережья цивилизовались благодаря торговле с европейцами, а жители внутренних частей страны многое заимствовали от мавританских колоний.

135) *Histoire Philosophique et Politique etc.*, том IV, стр. 192.

136) Свидетельство Аммиана оригинально и решительно (XXVII, 12). Я справлялся с Моисеем Хоренским (кн. 3, гл. 17, стр. 249 и гл. 34, стр. 269) и Прокопием (de Bell. Persico, кн. 1, гл. 5, стр. 17, Лувр, изд.); но эти историки смешивают самостоятельные факты, повторяют рассказ об одних и тех же событиях и верят очень странным фактам; поэтому ими следует пользоваться с недоверием и осторожностью.

137) Может быть, Артагера, или Ардис, под стенами которого был ранен внук Августа, Кай. Эта крепость лежала кверху от Амиды, вблизи от одного из истоков Тигра. См. Анвилля *Geographie Ancienne*, том II, стр. 106.

138) Тильефон (Hist. des Empereurs, том V, стр. 701) доказывает, опираясь на хронологические данные, что Олимпиада была матерью Пары.

139) Аммиан (XXVII, 12; XXIX, 1; XXX, 1, 2) описал события персидской войны без указаний времени. Моисей Хоренский (*Ист. Арм.*, кн. 3, гл. 28, стр. 261; гл. 31, стр. 266; гл. 35, стр. 271) сообщает некоторые добавочные подробности; но все-таки очень трудно выделить правду из вымыслов.

140) Артаксеркс был преемник и брат (*двоюродный брат*) великого Сапора и вместе с тем опекун его сына Сапора III. (Агафий, кн. 4, стр. 136, изд. Лувр.) См. "Всеобщ. Ист.", ч. XI, стр. 86, 161. Авторы этого неудовлетворительного произведения составили историю династии Сассанидов с знанием дела и старанием; но они поступили неблагоприятно, разделяя описание римских и восточных событий на две отдельные истории.

141) Пакат in *Panegy. Vet.*, XII, 22 и Орозий, кн. 7, гл. 34. Ictumque tum foedus est, quo universus Oriens usque ad nunc (416 г. по Р. X.) tranquillissime fruitur.

142) См. у Аммиана (XXX, 1) описание приключений Пары. Моисей Хоренский называет его Тиридатом и рассказывает длинную и не совсем невероятную историю о его сыне Гнеле, который сделался впоследствии популярным в Армении и возбудил зависть в царствующем государе (кн. 3, гл. 31 и сл., стр. 253 и сл.).

143) Краткий очерк царствования и завоеваний Германариха представляет, по моему мнению, один из лучших отрывков, содержание

которых заимствовано Иорданом (гл. 28) из исторических рассказов о готах, написанных или Аблавием, или Кассиодором. (Нибур говорит в своих "Лекциях" (ч. III, стр. 317): "Трудно ответить на вопрос, действительно ли Германарих жил в то время, к которому относит его Иордан. Что касается меня, то я полагаю, что он жил гораздо ранее, но во всяком случае это была историческая личность". Эти недоумения возникли, как кажется, вследствие того, что говорилось о Германарихе в исландских сагах. Трудно понять, почему Нибур относится с недоверием или пренебрежением к свидетельству Аммиана Марцеллина, который был современником описываемых им событий и которого сам он, вскоре вслед затем (стр. 323), называет "очень добросовестным, умным и именно таким, каким всегда должен быть историк, — человеком опытным, так как он сам служил в военной службе". Имея в виду только это и откладывая в сторону другие авторитеты, на которые ссылается Гиббон, мы можем считать его рассказ вполне достоверным. Факты, сообщенные Аммианом, вероятно, были заимствованы и разукрашены Кассиодором и повторены его сократителем Иорданом. — *Издат.*)

144) De Buat (Hist. des Peuples de l'Europe, том VI, стр. 311-329) доискивается, — с большим старанием, но без успеха, — какие народы были покорены Германарихом. Он отвергает существование Vasinobroncae по причине чрезмерной длины этого названия. Однако этот французский посол, ездивший в Ратисбон или в Дрезден, должен был проезжать страну, где прежде жили Mediomatrici.

145) В издании Гроция (Иордан, стр. 642) стоит название Aestri. Но и здравый смысл и находящийся в Амвросианской библиотеке манускрипт восстановили название Aestii, нравы и местопребывание которых описаны Тацитом (*Германия*, гл. 45).

146) Аммиан замечает (XXXI, 3) в общих выражениях: Ermenriehti... nobilissimi regis, et, per multa variaque fortiter facta, vicinis gentibus formidati, etc.

147) Valens... docetur relationibus Ducum, gentem Gothorum, ea tempestate intactam ideoque saevissimam, conspirantem in unum, ad pervadendam parari collimitia Thraciarum. Аммиан, XXVI, 6.

148) De Buat (Hist. des Peuples de l'Europe, том VI, стр. 335) интересным образом выяснил настоящий численный состав этих вспомогательных войск. Те три тысячи, о которых говорит Аммиан, и те десять тысяч, о которых говорит Зосим, были только передовыми отрядами готской армии.

149) В отрывках Евнапия описаны и поход и следовавшие за ним переговоры. (Excerpt. Legat., стр. 18, изд. Лувр.) Провинциальные жители, впоследствии близко ознакомившиеся с варварами, нашли, что их сила более кажущаяся, чем действительная. Они были велики ростом, но ноги у них были неуклюжие, а плечи узкие.

150) Valens enim, ut consulto placuerat fratri, cujus regebatur arbitrio, arma concussit in Gothos ratione justa permotus. Аммиан (XXVII, 4) вслед затем описывает не страну готов, а спокойную и покорную Фракийскую провинцию, которая нисколько не пострадала от войны.

151) Евнапий in Excerpt. Legat., стр. 18, 19. Этот греческий софист, должно быть, считал за *одну и ту же* войну все события готской истории до побед Феодосия и до заключенного им мира.

152) Война с готами описана Аммианом (XXVII, 5), Зосимом (кн. 4, стр. 211-214) и Фемистием (Orat. 10, стр. 129-141). Оратор Фемистий был послан от Константинопольского сената с поручением поздравить победоносного императора и его рабское красноречие сравнило Валента на Дунае с Ахиллом на Скамандре. Иорнан умалчивает о войне, которая велась преимущественно вестготами и была бесславна для готской нации (Masco, История германцев, VII, 3).

153) Аммиан (XXIX, 6) и Зосим (кн. 4, стр. 219-220) тщательно описывают и начало и ход войны с квадами и сарматами.

154) Аммиан (XXX, 5), признавая личные достоинства Петрония Проба, порицает с основательным негодованием его тираническую систему управления. Когда Иероним перевел и стал продолжать "Хронику" Евсевия (380 г. по Р. Х.; см. Тильемона Mem. Eccles., том XII, стр. 53, 626), он высказал правду, или по меньшей мере общественное мнение, в следующих словах: "Probus P. P. Illyrici iniquissimis tributorum exactionibus, ante provincias quas regebat, quam a Barbaris vastarentur, erasit" (Хрон. изд. Скалиг., стр. 187 Animadvers., стр. 259). Этот святой впоследствии вступил в интимную и нежную связь с вдовой Проба, а в тексте имя Проба было заменено именем комита Эквиция хотя и неправильно, но не без всякого основания.

155) Юлиан (Orat., 6, стр. 198) описывает своего друга Ификла человеком добродетельным и достойным, но сделавшимся и смешным и несчастным вследствие того, что усвоил себе и манеру одеваться циников, и их привычки.

156) Аммиан, XXX, 5. Иероним, преувеличивая несчастья Валентиниана, отказывает ему даже в этом последнем утешении отместки. "Genitali vastato solo, et inultam patriam derelinquens". (Том 1, стр. 26.)

157) Относительно смерти Валентиниана см. Аммиана (XXX, 6), Зосима (кн. 4, стр. 221), Виктора (in Epitom.), Сократа (кн. 4, гл. 31) и Иеронима (in Chron., стр. 187 и том 1, стр. 26, ad Heliodor). В сообщаемых ими подробностях есть много противоречий, а Аммиан до такой степени увлекается красноречием, что впадает в бессмыслицы.

158) Сократ (кн. 4, гл. 31) единственный оригинальный писатель, подтверждающий этот нелепый рассказ, который до такой степени несогласен ни с законами, ни с нравами римлян, что едва ли стоил ученой диссертации Бонами (Mem. de l'Academie, том XXX, стр. 394-405). Однако я готов верить подробностям касательно бани, вместо того, чтобы верить Зосиму, который говорит, что Юстина была немолодая женщина и вдова Магненция. (Даже Бароний считает многоженство и эдикт Валентиниана за вымысел. По словам Эггеля (Num. Vet., стр. 149), Севера, перед вторым браком Валентиниана, была "repudiata vel mortua". — Издат.)

159) Аммиан (XXVII, 6) рассказывает, в какой форме происходило это военное избрание и в какой форме молодой принц был облечен в звание Августа. Валентиниан, как кажется, не спрашивал согласия римского сената и даже не известил его о случившемся.

160) Аммиан, XXX, 10. Зосим, кн. 4, стр. 222, 223. Тильмон доказал (Hist. des Empereurs, том V, стр. 707-709), что Грациан царствовал в Италии, Африке и Иллирии. Я постарался изобразить его власть над владениями его брата в таких же двусмысленных выражениях, какие употреблял он сам.

ГЛАВА XXVI

Нравы пастушеских народов. — Движение гуннов от Китая к Европе. — Бегство готов. — Они переходят Дунай. — Война с готами. — Поражение и смерть Валента. — Грациан возводит Феодосия в звание восточного императора. — Характер и успехи Феодосия. — Заключение мира и поселения готов.

На втором году царствования Валентиниана и Валента, утром двадцать первого июля, большая часть Римской империи была потрясена сильным и разрушительным землетрясением. Сотрясение распространилось на воды океана; Средиземное море внезапно отступило от берегов, которые вышли из-под воды; множество рыб было поймано руками; большие корабли садились на мель на тине, и глазам или, скорей, воображению любознательного наблюдателя ¹⁾ представилась интересная картина разнообразных долин и гор, никогда со времени образования земного шара не видевших солнечных лучей. Но вода скоро снова устремилась назад с неотразимым напором и наделала много бед на берегах Сицилии, Далмации, Греции и Египта; она взбрасывала большие суда на крыши домов или выбрасывала их на сушу на расстояние двух миль от берега; она уносила жителей вместе с их домами, а город Александрия увековечил ежегодной церемонией воспоминание о том ужасном дне, когда пятьдесят тысяч его жителей погибли от наводнения. Это общественное бедствие, преувеличенное рассказами, которые переходили из одной провинции в другую, поразило римских подданных удивлением и ужасом, а их испуганное воображение увеличивало действительные размеры этого временного несчастья. Они вспоминали о прежних землетрясениях, разрушивших города Палестины и Вифинии, считали эти страшные удары за предзнаменование еще более ужасных бедствий и, в своем трусливом тщеславии, принимали признаки разрушения империи за признаки приближающегося разрушения мира ²⁾. В то время было в моде приписывать всякое замечательное событие личной воле Божества; происходившие в природе перемены связывались невидимой цепью с нравственными и метафизическими понятиями людей, и самые прозорливые

богословы были способны, сообразно с характером своих предрассудков, различать, не произошло ли землетрясение от появления какой-нибудь ереси и не было ли наводнение неизбежным последствием размножения грехов и заблуждений. Не вдаваясь в рассмотрение основательности этих возвышенных умозрений, историк может ограничиться замечанием, которое, по-видимому, оправдывается опытом, — что люди имеют более основания опасаться страстей своих ближних, чем сотрясений, происходящих в природе ³⁾.

Пагубные последствия землетрясения или наводнения, урагана или извержения вулкана очень незначительны в сравнении с обыкновенными бедствиями войны, даже если принимать эти бедствия в уменьшенном размере, до которого они низведены благоразумием или человеколюбием тех европейских монархов, которые развлекаются в часы досуга или упражняют храбрость своих подданных практикой военного искусства. Но в наше время и законы и нравы охраняют жизнь и свободу побежденного солдата, и мирные граждане редко имеют повод жаловаться на то, что их личность или даже имущество что-либо потерпели от войны. А в бедственный период упадка Римской империи, начало которого может считаться с царствования Валента, и благосостояние и жизнь каждого гражданина подвергались опасности, и плоды искусств и усилий целого ряда веков были стерты с лица земли грубой рукой скифских и германских варваров. Нашествие гуннов толкнуло на западные провинции готскую нацию, которая в течение менее сорока лет передвинулась от берегов Дуная к берегам Атлантического океана и своими военными успехами расчистила путь для вторжения стольких племен, еще более диких, чем сами готы. Первоначальная причина этих передвижений скрывалась в отдаленных северных странах, и внимательное изучение пастушеской жизни скифов ⁴⁾ и татар ⁵⁾ раскроет нам причины таких опустошительных переселений.

Разнообразие характеров, которым отличаются цивилизованные народы земного шара, можно приписать пользованию и злоупотреблению рассудком, который придает столь разнообразные формы и столь искусственное содержание нравам и мнениям и европейцев и китайцев. Но влияние инстинкта более определено и более однообразно, чем влияние рассудка: гораздо легче уяснить наклонности четвероно-

гого, чем умозрения философа, и чем ближе подходит положение диких племен к положению животных, тем более похожи эти племена одно на другое и тем сильнее сходство между отдельными личностями. Однообразие и устойчивость их нравов суть естественные последствия несовершенства их способностей. При таком положении всеобщего равенства их нужды, желания и удовольствия остаются всегда неизменными, а влияние пищи и климата, над которым, при более совершенном состоянии общества, берут верх нравственные мотивы, способствует с чрезвычайной силой образованию и поддержанию национального характера варваров. Во все века обширные равнины Скифии или Татарики были населены кочующими племенами охотников и пастухов, которые были так склонны к праздности, что не хотели заниматься земледелием, и были такого беспокойного характера, что не хотели подчиняться стеснениям оседлой жизни. Во все века скифы и татары славились своей непреодолимой храбростью и быстрыми завоеваниями. Приходившие с севера пастухи не раз ниспровергали троны азиатских монархов, а их оружие распространяло ужас и опустошение по самым плодородным и самым воинственным странам Европы ⁶⁾. В этом случае, как и во многих других, здравомыслящий историк вынужден отказаться от приятной химеры и поневоле сознаться, что пастушеские нравы, которым обыкновенно приписывались самые привлекательные атрибуты миролюбия и невинности, гораздо более подходят к свирепым и жестоким привычкам военной жизни. Чтоб пояснить эту мысль, я рассмотрю три главных предмета в жизни пастушеских и воинственных народов: I. Их пищу. II. Их жилища. III. Их физические упражнения. Древние повествования подтверждаются опытом нашего времени ⁷⁾, и все равно, обратим ли мы наши взоры на берега Борисфена, на берега Волги или Селенги, нам повсюду представится картина одних и тех же природных нравов ⁸⁾.

I. Рожь или даже рис, составляющие обыкновенную и здоровую пищу цивилизованного народа, могут быть добываемы не иначе как терпеливым трудом землепашца. Некоторые из счастливых дикарей, живущих подле тропиков, получают обильную пищу от щедрот самой природы, но в северных странах нация из пастухов должна довольствоваться тем, что ей дают стада мелкого и крупного скота. Предостав-

ляю искусству и опытности врачей решить вопрос (если только они в состоянии решить его), в какой степени употребление животной или растительной пищи влияет на человеческий характер и не следует ли смотреть как на невинный и даже, может быть, полезный предрассудок на существующее обыкновение считать за синонимы слова "плотоядный" и "жестокосердый" ⁹⁾. Однако если мы допустим, что чувство сострадания ослабевает при виде совершаемых в домашней жизни жестокостей, то нам все-таки придется заметить, что отвратительные предметы, прикрываемые утонченным искусством европейцев, выставляются в палатке татарского пастуха во всей их отталкивающей наготы. Быка или барана убивает та же самая рука, из которой он привык получать свою ежедневную пищу, а его окровавленные члены подаются, после очень незначительной подготовки, на стол его бесчувственного убийцы. В воинской профессии, и в особенности во время движения многочисленной армии, исключительное употребление животной пищи, по-видимому, представляет очень солидные выгоды. Зерновой хлеб требует много места и легко портится, а те огромные его запасы, которые положительно необходимы для продовольствия наших войск, могут быть перевозимы с места на место лишь очень медленно и совокупными усилиями людей и лошадей. Но стада мелкого и крупного скота, сопровождающие татар во время похода, представляют верный и сам собою увеличивающийся запас мяса и молока; на невозделанных полях трава большей частью растет скоро и в изобилии, и немного найдется таких бесплодных пустырей, на которых не нашлось бы сколько-нибудь сносной пищи для сильного северного скота. Эти средства продовольствия оказываются тем более достаточными, что тратятся медленно благодаря неразборчивости вкуса татар и их терпеливой воздержности. Они безразлично питаются и мясом тех животных, которые были убиты для стола, и мясом тех, которые умерли от болезней.

Конину, употребление которой во все века и во всех странах запрещалось цивилизованными европейскими и азиатскими народами, они едят с особенной жадностью, а этот странный вкус способствует успеху их военных предприятий. За проворной скифской кавалерией, — даже в ее самых дальних и быстрых набегах, — всегда следует соразмерное число запасных лошадей, которые, смотря по надобности,

употребляются или на то, чтобы ускорять движения варваров, или на то, чтобы утолять их голод. Для храбрости и бедности находится немало различных ресурсов. Когда в окрестностях татарского лагеря уже уничтожен весь подножный корм, они закалывают большую часть своего скота и сохраняют его мясо или копченым, или высушенным на солнце. В случае неожиданной необходимости совершить быстрый переход они запасаются достаточным количеством маленьких кусочков сыра или, скорей, крепкого творога, который, по мере надобности, разводят в воде, и это непитательное кушанье в течение нескольких дней поддерживает в этих терпеливых воинах не только жизненные силы, но даже бодрость. Но за таким необыкновенным постом, который одобрили бы стойки и которому могли бы позавидовать отшельники, обыкновенно следует самое обжорливое удовлетворение аппетита. Вина более счастливых стран составляют самый приятный подарок и самый ценный продукт, какой только можно предложить татарам, а единственный образчик их собственного производства заключается в искусстве извлекать из кобыльего молока приходящий в брожение напиток, от которого происходит сильное опьянение. Подобно хищным животным, дикари и Старого и Нового света попеременно то терпят нужду, то наслаждаются избытком пищи, а их желудки привыкли выносить, без большого неудобства, противоположные крайности голода и невоздержности.

II. В века сельской и воинственной простоты народы, состоявшие из солдат и землепашцев, обыкновенно бывали разбросаны на поверхности обширной и возделанной страны, и нужно было немало времени, чтобы собрать воинственное юношество Греции или Италии под одно знамя для защиты собственных границ или для вторжения в территорию соседних племен. Развитие промышленности и торговли мало-помалу собирает значительное число людей в стенах одного города; но эти граждане уже перестают быть солдатами, так как искусства, украшающие и улучшающие положение гражданского общества, уничтожают привычки военной жизни. Но пастушеские нравы скифов, по-видимому, соединяли в себе разнородные выгоды и простоты и цивилизации. Люди, принадлежащие к одному и тому же племени, находятся постоянно в сборе, но собираются они в лагере, и врожденное мужество этих отважных пастухов воодушевляется

взаимной помощью и соревнованием. Жилища татар не что иное, как небольшие палатки овальной формы, в которых находит для себя холодное и грязное убежище молодежь обо-его пола. Дворцы богачей состоят из деревянных хижин такого размера, что их можно без большого труда ставить на широкие дроги и перевозить на двадцати или тридцати во-лах. Стада, пасшиеся весь день на близлежащих лугах, ук-рываются с приближением ночи в лагере. Необходимость предотвратить опасный беспорядок при таком частом скоп-лении людей и животных заставляет мало-помалу вводить в распределение, во внутренний порядок и в охрану лагерей нечто вроде военного искусства. Лишь только в каком-либо округе съеден весь подножный корм, племя или, скорей, ар-мия пастухов переходит в надлежащем порядке на свежие пастбища и таким образом приобретает в обыкновенных за-нятиях пастушеской жизни практическое знакомство с од-ной из самых важных и самых трудных военных операций. Выбор местности делается сообразно с временем года: в лет-нее время татары подвигаются к северу и раскидывают свои палатки на берегах какой-нибудь реки или, по меньшей ме-ре, вблизи какого-нибудь ручейка. Но зимой они возвраща-ются на юг и ставят свой лагерь позади какой-нибудь возвы-шенности, способной защищать их от ветров, которые ох-лаждаются, переносясь через открытую и замерзшую повер-хность Сибири. Такие привычки чрезвычайно хорошо прис-пособлены к тому, чтобы распространять между кочующими племенами склонность к переселениям и завоеваниям. Связь между населением и занимаемой им территорией так слаба, что может быть разорвана самой ничтожной случайностью. Родиной для настоящего татарина служит не земля, а лагерь. Внутри этого лагеря находятся и его семейство, и его товари-щи, и его имущество, и во время самых дальних переходов он постоянно окружен всем, что для него дорого, ценно или привычно. Жажда грабежа, опасение сделаться жертвой чье-го-либо нападения, желание отомстить за обиды, нетерпение сбросить с себя узы зависимости — вот те причины, которые во все века заставляли скифские племена смело проникать в какую-нибудь неизвестную им страну, где они надеялись найти более обильные средства продовольствия или менее страшных врагов. Перевероты, происходившие на севере, нередко решали судьбу юга, а при столкновениях между

враждовавшими народами победители и побежденные попеременно оттесняли друг друга или сами были оттеснены от пределов Китая до границ Германии ¹⁰⁾. Таким громадным переселениям, иногда совершавшимся почти с невероятной быстротой, благоприятствовали местные климатические условия. Холод в Татарии, как известно, более силен, чем в других странах умеренного пояса; эту необыкновенную суровость климата приписывают тому, что равнины возвышаются, — в особенности в восточном направлении, — более чем на полмили над уровнем моря, и тому, что почва глубоко пропитана селитрой ¹¹⁾. В зимнюю пору широкие и быстрые реки, которые изливают свои воды в Эвксинское, Каспийское и Ледовитое моря, крепко замерзают: поля покрываются снегом, и преследуемые или победоносные племена могут безопасно переходить со своими семействами, повозками и скотом через ровную и крепкую поверхность огромной равнины.

III. Пастушеская жизнь, в сравнении с трудами земледельца и промышленника, есть, бесспорно, жизнь праздная, а так как самые знатные из пастухов татарской расы возлагают на своих рабов домашний уход за скотом, то их досуг редко прерывается домашними заботами или усиленным трудом. Но этот досуг они не посвящают на спокойные наслаждения любовью и семейным счастьем, а употребляют с пользой на свирепые и кровожадные занятия охотой. Равнины Татарии питают сильную породу лошадей, которых нетрудно выездить для войны и охоты. Скифы всех возрастов всегда славилась как смелые и ловкие наездники и, вследствие постоянных упражнений, научались так крепко сидеть на лошади, что считались способными удовлетворять, не слезая с седла, все обычные житейские потребности — и есть, и пить, и даже спать. Они ловко владеют копьем, а длинный татарский лук натягивается необыкновенно туго, и тяжелая стрела попадает в цель безошибочно и с непреодолимой силой. Эти стрелы нередко направляются в безвредных животных, которые размножаются в степи в отсутствие самых страшных своих врагов, — в зайцев, коз, косуль, красных зверей, оленей, лосей и сайгаков. Энергия и выносливость как людей, так и лошадей постоянно развиваются в утомительном занятии охотой, а запасы дичи вносят в продовольствие татарского лагеря изобилие и даже некоторую роскошь. Но

подвиги скифских охотников не ограничиваются истреблением робких и безвредных животных; они смело идут навстречу кабану, в то время как тот с яростью устремляется на своего преследователя; они раздражают неповоротливого медведя и возбуждают ярость покоящегося в лесной чаще тигра. Где есть опасность, там есть и слава, и такая охота, которая представляет обширное поле для упражнения храбрости, может основательно считаться за подобие войны и за школу военного искусства. Состязания между охотниками, составляющие гордость и наслаждение татарских князей, служат полезными упражнениями для их многочисленной кавалерии. Огромное пространство, на котором есть дичь, обходят кругом на протяжении нескольких миль, и затем войска, составляющие кордон, медленно приближаются к одному общему центру; тогда окруженные со всех сторон животные делаются жертвами охотничьих стрел. При таком обходе, нередко продолжающемся несколько дней, кавалерия должна взбираться на возвышенности, переплывать реки, проходить через долины, не нарушая предписанного порядка, в котором должно происходить постепенное сосредоточение. Она приобретает привычку постоянно обращать свои взоры и направлять свои шаги к отдаленному предмету, сохранять промежутки между своими отрядами, замедлять или ускорять свои движения сообразно с движениями тех отрядов, которые находятся вправо и влево от нее, замечать и повторять сигналы, которые подаются вождями. Эти вожди учатся в такой практической школе исполнять самое важное требование военного искусства, — скорому и верному определению местности, расстояния и времени. Для настоящей войны нужна только одна перемена, — нужно употребить такое же терпение и мужество, такое же искусство и дисциплину не против зверей, а против людей; таким образом, охотничьи забавы служат прелюдией для завоевания империй ¹²⁾.

Политическое общество древних германцев было с виду добровольным союзом независимых воинов. Скифские племена, известные под новейшим названием *орд*, имели внешнюю форму многочисленных и размножившихся семейств, которые в течение многих поколений расплодились из одного и того же первоначального рода. Самые ничтожные и самые невежественные из татар сохраняют, с сознательной гордо-

стью, неоценимое сокровище своей генеалогии, и каковы бы ни были различия ранга, установленные неравным распределением собственности, они уважают, и в самих себе и одни в других, потомков первого основателя племени. До сих пор сохранившийся обычай усыновлять самых храбрых и самых надежных между пленниками поддерживает весьма правдоподобное предположение, что это необыкновенное расширение уз единокровия было, в значительной степени, продуктом легальной фикции. Но полезный предрассудок, освященный временем и общественным мнением, производит такое же действие, как истина; высокомерные варвары охотно повинуются главе рода, и их вождь, или *мурза*, пользуется, в качестве представителя их первого праотца, властью судьи в мирное время и властью главнокомандующего в случае войны. В первобытном положении пастушеских народов каждый из *мурз* (если нам будет дозволено употреблять это новейшее название) действовал как самостоятельный начальник многочисленного и отдельного семейства, а пределы их собственных территорий мало-помалу устанавливались или силой, или по взаимному согласию. Но беспрестанное влияние разнородных и непрерывно действовавших причин способствовало соединению кочующих орд в национальные общины под начальством верховных вождей. Слабые нуждались в поддержке, а сильные имели честолюбие властвовать; власть, которая есть результат объединения, подчиняла себе и соединяла разрозненные силы соседних племен, а так как побежденных охотно допускали к пользованию плодами победы, то самые храбрые вожди спешили и сами стать и поставить своих приверженцев под могущественное знамя объединившейся нации. Самый счастливый из татарских князей присваивал себе военное начальство, на которое ему давали право или превосходства личных достоинств, или сила. Его возводили на престол при одобрительных возгласах ему равных, и титул *хана* выражает на языке северной Азии весь объем царской власти. Права наследственного преемничества долго ограничивались кровным родством с основателем монархии, и в настоящую минуту все ханы, царствующие от Крыма до Китайской стены, происходят в прямой линии от знаменитого Чингиса ¹³⁾.

Но так как на татарском государе лежит неизбежная обязанность лично водить своих воинственных подданных на

поле брани, то наследственные права малолетних часто составляются без внимания; тогда меч и скипетр вручаются кому-нибудь из царских родственников, отличающемуся зрелостью возраста и мужеством. Для поддержания достоинства своего национального монарха и своих особых вождей племени собирают два различных и постоянных налога, каждый из которых равняется десятой части их собственности и их добычи. Татарский государь пользуется десятой частью богатств своего народа, а так как его собственные домашние богатства, состоящие из стад, увеличиваются в более широком размере, нежели у других, то он в состоянии поддерживать безыскусственный блеск своего двора, награждать самых достойных или самых любимых между своими приверженцами и поддерживать при помощи подарков покорность, которой не всегда мог бы добиться мерами строгости. Нравы его подданных, привыкших, подобно ему самому, к кровопролитиям и грабежу, могут извинять в их глазах такие отдельные акты тирании, которые возбудили бы ужас в цивилизованном народе; но власть деспота никогда не признавалась в степях Скифии. Непосредственная юрисдикция хана ограничивается пределами территории, на которой живет его племя, а пользование его царскими прерогативами было ограничено старинным учреждением национального совета. Татарский *курултай* ¹⁴⁾, или сейм, собирался регулярно весной или осенью посреди равнины, где принцы царствующей фамилии и мурзы различных племен могли удобно съехаться верхами со своей воинственной и многочисленной свитой, а честлюбивый монарх мог сделать смотр своим военным силам и узнать желания своих вооруженных подданных. В учреждениях скифских и татарских народов можно найти зародыши феодальной системы управления, но беспрестанные столкновения этих враждующих племен иногда оканчивались утверждением могущественной и деспотической империи. Победитель, обогатившийся податями, которые уплачивались ему зависимыми владетелями, и укрепивший при их содействии свою власть, распространил свои завоевания по Европе и Азии; северные пастухи подчинились стеснениям, налагаемым искусствами, законами и городской жизнью, а знакомство с роскошью, уничтожив свободу народа, подкопалось под основы престола ¹⁵⁾.

Воспоминания о прошлом не могли долго сохраняться при

частых и дальних переселениях необразованных варваров. Современные нам татары ничего не знают о завоеваниях своих предков ¹⁶⁾, а нашим знакомством с историей скифов мы обязаны их сношениям с учеными и образованными южными народами, с греками, персами и китайцами. Греки, которые плавали по Эвксинскому морю и основывали свои колонии вдоль его берегов, мало-помалу познакомились с одной частью Скифии, от берегов Дуная и границ Фракии до Меотийского озера, где господствовала вечная зима, и до Кавказских гор, которые назывались, на языке поэтов, крайними пределами земли. Они воспевали с простотой легковесия добродетели пастушеской жизни ¹⁷⁾ и относились с более основательными опасениями к могуществу и многочисленности тех воинственных варваров ¹⁸⁾, которые с презрением отразили громадные армии Гистаспова сына Дария ¹⁹⁾. Персидские монархи распространили свои завоевания на западе до берегов Дуная и границ европейской Скифии. Восточные провинции их империи подвергались нападениям азиатских скифов, этих диких обитателей равнин по ту сторону Окса и Яксарта, — двух больших рек, впадающих в Каспийское море. Продолжительная и достопамятная вражда Ирана с Тураном до сих пор служит темой для восточных историков и романистов; столь прославленная и, может быть, баснословная храбрость персидских героев Рустаана и Асфендиара оказалась в блестящем свете при обороне их страны против северных Афрасиабов ²⁰⁾, а непреклонное мужество тех же варваров противостояло, на той же почве, победоносным армиям Кира и Александра ²¹⁾. В глазах греков и персов настоящий объем Скифии ограничивался с востока горами Гималайскими или Кафскими, а их понятия о самых отдаленных и недоступных частях Азии были отуманены невежеством или перепутаны с вымыслами. Но эти недоступные страны были древним местопребыванием могущественного и образованного народа ²²⁾, который, по достойным вероятия преданиям, существует сорок веков ²³⁾ и который способен проследить свое прошлое почти за две тысячи лет ²⁴⁾ на основании непрерывного ряда свидетельств современных историков. Китайские летописи ²⁵⁾ объясняют положение и революции пастушеских племен, которых до сих пор можно обозначать неопределенными названиями скифов или татар и которые были то вассалами, то врагами, а иногда и завоевателя-

ми великой империи, политика которой всегда имела целью сдерживать слепую и стремительную храбрость северных варваров. От устья Дуная до океана, омывающего берега Японии, Скифия простирается в длину почти на сто десять градусов, которые в этой параллели равняются более чем пяти тысячам миль.

Широту этих громадных степей нельзя определить с такой же легкостью или с такой же точностью; но от сорокового градуса, прикасающегося к Китайской стене, мы можем с уверенностью подняться с лишком на тысячу миль к северу, пока наше дальнейшее движение не будет остановлено чрезмерным сибирским холодом. В этом ужасном климате, вместо оживленной картины татарского лагеря, представляется глазам дым, который выходит из-под земли или, скорее, из-под снега и обнаруживает место жительства тунгусов и самоедов; недостаток в лошадях и волах отчасти возмещается северными оленями и большими собаками, а завоеватели всего мира мало-помалу выродились в породу изуродованных и уменьшившихся ростом дикарей, которые дрожат от страха при виде оружия ²⁶⁾.

Гунны, сделавшиеся страшными для Римской империи в царствование Валента, были задолго перед тем страшны для китайской империи ²⁷⁾. Их древним и, может быть, первоначальным местом жительства была обширная, но вместе с тем безводная и бесплодная территория, лежащая непосредственно к северу от великой стены. Их место занято в настоящее время сорока девятью ордами или знаменами монголов, составляющими пастушеский народ, в котором около двухсот тысяч семейств ²⁸⁾. Но храбрость гуннов расширила узкие пределы их владений, и их грубые вожди, принявшие название *Танжу*, мало-помалу превратились в завоевателей и обладателей сильной империи. С восточной стороны их военные успехи были остановлены только океаном, а племена, разбросанные в небольшом числе между Амуром и оконечностью полуострова Кореи, были вынуждены стать под знамя гуннов. С западной стороны, у верховья Иртыша, в долинах Гималайских гор, они нашли для себя более широкое пространство и более многочисленных врагов. Один из военачальников, состоявших на службе у Танжу, покорил в одну экспедицию двадцать шесть народов; уйгуры ²⁹⁾, возвышавшиеся над другими татарскими племенами искусством письма,

были в числе его вассалов, и вследствие странной связи между человеческими деяниями, бегство одного из этих кочующих племен заставило победоносных парфян возвратиться из своего похода в Сирию ³⁰⁾. С северной стороны океан считался пределом могущества гуннов. Не имея ни врагов, которые могли бы воспротивиться их наступательному движению, ни свидетелей, которые могли бы сделать возражения на их хвастовство, они могли безопасно довершить действительное или воображаемое завоевание холодных сибирских стран и назначить Северное море отдаленной границей своих владений. Но название этого моря, на берегах которого патриот Сову вел жизнь пастуха и изгнанника ³¹⁾, может быть с большим вероятием отнесено к Байкалу, который, при своем обширном бассейне, имеющем в длину более трехсот миль, отвергает скромное название озера ³²⁾ и сообщается с северными морями длинным течением Ангары, Тунгуски и Енисея. Покорение стольких отдаленных народов могло льстить гордости Танжу, но храбрость гуннов могла найти для себя вознаграждение лишь в наслаждении богатствами и роскошью южной империи. В третьем столетии до Рождества Христова была выстроена стена длиной в тысячу пятьсот миль для защиты китайской границы от нашествия гуннов ³³⁾; это громадное сооружение, занимающее видное место на географической карте земного шара, никогда не доставляло невинственному народу безопасности. Кавалерия Танжу часто состояла из двух- или трехсот тысяч человек, которые были страшны необыкновенной ловкостью в стрельбе из лука и верховой езде, способностью выносить суровую погоду и невероятной быстротой своих переходов, для которых редко служили препятствием потоки или пропасти, самые глубокие реки или самые высокие горы. Они мгновенно рассыпались по всей стране и, благодаря скорости своего натиска, захватывали врасплох, приводили в изумление и сбивали с толку китайскую армию, державшуюся серьезно и тщательно выработанных тактических правил.

Император Гао цзы ³⁴⁾, — выслужившийся из солдат и возведенный на престол за свои личные достоинства, — выступил против гуннов с опытными войсками, вышколенными в междоусобных войнах китайцев. Но он был скоро окружен варварами и, выдержав семидневную осаду, был вынужден купить свою свободу позорной капитуляцией. Преемники

императора Гао цзы, посвящавшие свою жизнь мирным искусствам или наслаждениям внутри своих дворцов, преклонились перед более постоянным унижением. Они слишком поспешно сознались в недостаточности своих военных сил и укреплений. Их слишком легко убедили, что китайские солдаты, спавшие со шлемом на голове и с латами на спине, в то время, как звуки труб возвещали о приближающихся со всех сторон гуннах, будут совершенно истощены непрерывными усилиями бесполезных переходов ³⁵⁾. За временный и непрочный мир они обязались постоянно платить варварам золотом и шелковыми тканями, и в этом случае китайские императоры прибегли к такой же низкой уловке, как и римские императоры, прикрыв уплату настоящей дани названием подарков или субсидии. Но было еще одно более унижительное мирное условие, которое оскорбляло священные чувства, внушаемые человеколюбием и природой. Лишения дикарей, убивая в ранней молодости тех детей, которые появлялись на свет с болезненным или слабым телосложением, породили чрезвычайно большую численную несоразмерность между лицами обоего пола. Татары очень дурны собой и даже уродливы и смотрят на своих жен как на орудия для домашних работ, а между тем они чувствуют влечение к более изящной красоте. Поэтому китайцев обязали ежегодно доставлять гуннам известное число самых красивых девушек ³⁶⁾, а союз с высокомерными Танжу был обеспечен их бракосочетанием с настоящими дочерьми или с приемышами императоров, тщетно старавшимися избегать таких святотатственных союзов. Положение этих несчастных жертв описано в стихах одной китайской принцессой; она скорбит о том, что ее родители обрекли ее на отдаленную ссылку под властью варварского супруга; она жалуется, что кислое молоко ее единственный напиток, сырое мясо ее единственная пища, палатка ее единственный дворец, и затем выражает, с трогательной простотой, естественное желание превратиться в птичку, чтобы улететь назад на милую родину, о которой она постоянно думает и грустит ³⁷⁾.

Северные пастушеские народы два раза завоевывали Китай, а силы гуннов не уступали силам монголов или манчжур и давали им самые основательные надежды на успех. Но пятый император из могущественной династии Хань, У-ди ³⁸⁾, унизил их гордость и остановил их движение. Во время его продолжительного пятидесятичетырехлетнего царствования

ния варвары южных провинций подчинялись законам и нравам Китая, а старинные границы монархии были расширены от великой реки Хуанхэ до Кантонской гавани. Вместо того чтобы ограничиваться робкими операциями оборонительной войны, его полководцы проникли на несколько сот миль внутрь страны гуннов. В этих беспредельных пустынях не было возможности содержать запасные магазины и было трудно перевозить достаточное количество провианта; поэтому армиям У-ди не раз приходилось подвергаться невыносимым лишениям, и из ста сорока тысяч солдат, выступивших против варваров, только тридцать тысяч возвратились живыми и здоровыми к стопам своего повелителя. Впрочем, эти потери вознаграждались блестящими и решительными успехами. Китайские полководцы сумели воспользоваться превосходством, которое им доставляли: выносливость их войск, их военные повозки и содействие татарских вспомогательных войск. Лагерь Танжу был застигнут врасплох в то время, как там или спали, или предавались кутежу, и хотя монарх гуннов храбро пробился сквозь неприятельские ряды, он оставил на поле сражения более пятнадцати тысяч своих подданных. Однако эта славная победа, которой предшествовало и за которой следовало много других кровопролитных сражений, способствовала уничтожению могущества гуннов гораздо менее, чем успешная политика, направленная к тому, чтобы склонять подчиненные им племена к нарушению покорности. Самые значительные из этих племен, как восточных, так и западных, отвергли верховную власть Танжу частью из страха, который навели на них военные успехи императора У-ди, частью потому, что соблазнились его обещаниями. Признав себя союзниками или вассалами китайской империи, они сделались непримиримыми врагами гуннов, а лишь только этот высокомерный народ был вынужден довольствоваться своими собственными силами, он оказался столь малочисленным, что, пожалуй, мог бы уместиться внутри стен одного из больших и многолюдных китайских городов ³⁹⁾. Будучи покинут своими подданными и опасаясь междоусобицы, Танжу нашелся вынужденным отказаться от положения независимого монарха и ограничить свободу воинственного и храброго народа. Он был принят в тогдашней столице монархии Синь Ян войсками, мандаринами и самим

императором со всеми почестями, какими китайское тщеславие могло скрасить и прикрыть свой триумф ⁴⁰⁾.

Для его помещения был приготовлен великолепный дворец; его место было впереди всех принцев императорского дома, и терпение варварского государя было истощено церемониями банкета, в который входили восемь перемен блюд и девять музыкальных пьес. Но он выразил, стоя на коленях, свою почтительную преданность к китайскому императору, произнес от своего имени и за своих преемников клятву в ненарушимой верности и с признательностью принял печать, которая была ему дана как эмблема его зависимости. После этого унижительного изъявления покорности Танжу иногда нарушали долг преданности и пользовались благоприятными минутами для войны и грабежа, но монархия гуннов постепенно приходила в упадок до тех пор, пока внутренние раздоры не раздробили ее на два враждующих одно с другим отдельных племени. Один из государей этой нации, из страха и честолюбия, перешел на юг с восемью ордами, состоявшими из сорока или пятидесяти тысяч семейств. Он получил, вместе с титулом Танжу, достаточную территорию на границе китайских провинций, а его неизменно верная служба империи была обеспечена и его слабостью, и его желанием отомстить своим прежним соотечественникам. Со времени этого пагубного для них раздробления северные гунны, в течение почти пятидесяти лет, томились в своем бессилии, пока не были со всех сторон подавлены и внешними и внутренними врагами. Гордая надпись на колонне ⁴¹⁾, воздвигнутой на одном возвышении, давала знать потомству, что китайская армия проникла на семьсот миль внутрь их страны. Восточное татарское племя сиенпи ⁴²⁾ отплатило гуннам за вынесенные его предками обиды, и могущество Танжу, после тысяча трехсотлетнего владычества, было совершенно уничтожено в конце первого столетия христианской эры ⁴³⁾.

Участь побежденных гуннов была различна, смотря по их характеру и положению ⁴⁴⁾. Более ста тысяч человек, самых бедных и самых малодушных, остались на своей родине, отказались от своего имени и происхождения и смешались с победоносными сиенпиями. Пятьдесят восемь орд, состоявших почти из двухсот тысяч человек, желая более почетной зависимости, удалились на юг, стали искать покровительства у китайских императоров и получили позволение посе-

литься на крайней оконечности провинции Ханзи и территории Ортуса, с обязанностью охранять их. Но самые воинственные и самые сильные племена гуннов сохранили и в своем несчастье неустрашимость своих предков. Запад представлял открытое поприще для их храбрости, и они решились, под предводительством своих наследственных вождей, открыть и покорить какую-нибудь отдаленную страну, которая была до тех пор недоступна для воинственной предприимчивости сиенпиев и не подчинялась китайским законам ⁴⁵⁾. Они скоро перешли через Гималайские горы и за пределы китайской географии; тем не менее мы в состоянии различить два больших отряда этих страшных изгнанников, из которых одни направились к Оксу, а другие к Волге. Первая из этих колоний утвердила свое господство над плодородными и обширными равнинами Согдианы к востоку от Каспийского моря, где она сохранила название гуннов с эпитетом эвтали-тов или непталитов. Их нравы смягчились, и даже их наружность сделалась более красивой благодаря мягкости климата и их продолжительному пребыванию в цветущей провинции ⁴⁶⁾, которая, быть может, еще сохраняла воспоминание о греческом искусстве ⁴⁷⁾. Белые гунны — название, данное им вследствие перемены, происшедшей в их цвете лица, — скоро отказались от пастушеской жизни скифов. Горгона, впоследствии наслаждавшаяся непродолжительным величием под именем Каризмы, была резиденцией царя, спокойно управлявшего покорным народом. Их роскошь питалась трудами жителей Согдианы, и единственным остатком их древнего варварства был обычай, заставлявший тех, кто пользовался щедростью богача, ложиться живыми вместе с ним в могилу, иногда даже в числе человек двадцати ⁴⁸⁾. Соседство гуннов с персидскими провинциями вовлекало их в частые и кровопролитные столкновения с этой монархией. Но в мирное время они соблюдали договоры, а во время войны — правила человеколюбия, и их замечательная победа над Перозом, или Фирузом, обнаружила как умеренность, так и храбрость варваров. Второй отряд их соотечественников — гуннов, постепенно передвинувшийся на северо-запад, встретил на своем пути более препятствий и поселился в более суровом климате. Необходимость заставила их обменивать китайские шелковые ткани на сибирские меха; зачатки цивилизованной жизни совершенно изгладились, и врожденная

свирепость гуннов еще более усилилась вследствие их сношений с дикими племенами, которых основательно сравнивали с дикими степными животными. Их любовь к независимости заставила их отвергнуть наследственные права Тан-жу, и между тем как каждая орда управлялась своим особым мурзой, они решали на буйных сборищах те вопросы, которые касались всей нации. Их временное пребывание на восточных берегах Волги удостоверялось даже в тринадцатом столетии названием Великой Венгрии ⁴⁹⁾. В зимнее время они доходили со своими стадами до устья этой великой реки, а в своих летних экскурсиях они достигали того градуса широты, под которым лежит Саратов и, может быть, даже слияния рек, образующих Каму, таковы, по крайней мере, были недавние границы черных калмыков ⁵⁰⁾, состоявших в течение почти целого столетия под покровительством России, а потом возвратившихся на свои прежние поселения к границам китайской империи. Переселение и возвращение этих кочующих татар, насчитывавших во всем своем лагере пятьдесят тысяч палаток или семейств, знакомят нас с общим характером дальних переселений древних гуннов ⁵¹⁾.

Нет никакой возможности наполнить покрытый мраком промежуток времени, который начинается исчезновением приволжских гуннов из глаз китайцев и кончается появлением их перед глазами римлян ⁵²⁾. Есть, однако, некоторое основание предполагать, что та же самая сила, которая вытеснила их из родины, заставляла их подвигаться к пределам Европы. Могущество их непримиримых врагов сиенпиев, обнимавшее от востока к западу пространство более чем в три тысячи миль ⁵³⁾, должно быть, оттеснило их страхом такого грозного соседства, а прилив скифских племен неизбежно должен был или увеличить силу гуннов, или сузить их территорию. Грубые и малоизвестные названия этих племен оскорбили бы слух читателя, ничего не прибавив к его познаниям, но я не могу воздержаться от весьма естественного предположения, что северные гунны должны были значительно усилиться вследствие падения южной династии, которая в течение третьего столетия признавала над собою верховную власть Китая; что самые храбрые воины ушли отсюда с целью отыскать своих вольных и отважных соотечественников и что при постигшей всех их беде они позабыли о тех раздорах, которые побудили их раздробить свои силы в эпо-

ху благополучия ⁵⁴⁾. Гунны, вместе со своими стадами, своими женами и детьми, своей прислугой и союзниками, перешли на западный берег Волги и смело напали на страну аланов — пастушеского народа, занимавшего или опустошавшего скифские степи на огромном пространстве. Равнины между Волгою и Танаисом были покрыты палатками аланов, но название и нравы этого народа распространились по всему обширному пространству их завоеваний, и племена агатирсов и гелонов, имевших обыкновение раскрашивать свое тело, считались в числе их вассалов. К северу они проникали в холодные сибирские страны, населенные дикарями, которые привыкли, от ярости или от голода, питаться человеческим мясом; а в своих южных нашествиях они достигали пределов Персии и Индии. Благодаря примеси сарматской и германской крови черты лица у аланов сделались более красивыми, их смуглый цвет лица сделался более белым, а их волосы получили более светлый оттенок, какой редко встречается у татарской расы.

Они не были так уродливы и так грубы в обращении, как гунны, но не уступали этим свирепым варварам ни в храбрости, ни в любви к свободе, не допускавшей даже употребления на домашнюю службу рабов, ни в пылкости убеждения, что война и грабеж составляют наслаждение и славу человеческого рода. Воткнутый в землю обнаженный меч был единственным предметом их религиозного поклонения; кожа, содранная с черепа врага, была самым дорогим украшением их коней, и они смотрели с жалостью и презрением на тех малодушных воинов, которые терпеливо ожидали старческих недугов и мучительных предсмертных страданий ⁵⁵⁾. На берегах Танаиса военные силы гуннов и аланов вступили между собой в борьбу с одинаковым мужеством, но не с одинаковым успехом. Гунны осилили своих противников; царь аланов был убит, а остатки побежденного народа, будучи вынуждены выбирать между бегством и покорностью, разбрелись в разные стороны ⁵⁶⁾. Одна колония этих изгнанников нашла верное убежище в Кавказских горах между морями Эвксинским и Каспийским, где они до сих пор сохранили и свое имя и свою независимость. Другая колония, с более неустрашимым мужеством, проникла до берегов Балтийского моря, примкнула к северным племенам Германии и получила свою долю в добыче, захваченной в галльских и испан-

ских провинциях Римской империи. Но большая часть ала-нов приняла предложенный ей почетный и выгодный союз; тогда гунны, ценившие мужество побежденных врагов, предприняли соединенными силами нашествие на владения готов.

Великий Германарих, владения которого простирались от Балтийского моря до Эвксинского, наслаждался на склоне лет плодами своих побед и блестящей репутации, когда он был встревожен приближением неведомых врагов ⁵⁷⁾, которым его варварские подданные могли не без основания давать название варваров. Многочисленность гуннов, быстрота их движений и их жестокосердие привели в ужас готов, которые, при виде своих объятых пламенем жилищ и обгаренных кровью полей, преувеличивали силы врага. К этим действительным ужасам присоединялись удивление и отвращение, которое внушали гунны своим пронзительным голосом, своими странными телодвижениями и своей уродливостью. Этих скифских дикарей сравнивали (и это сравнение было довольно верно) с животными, когда они ходят на задних лапах, и с уродливыми *терминами*, которые часто ставились древними на мостах. Они отличались от других человеческих рас своими широкими плечами, приплюснутыми носами и глубоко ввалившимися маленькими черными глазами, а так как у них почти вовсе не росла борода, то между ними нельзя было найти ни мужественной юношеской красоты, ни почтенной наружности старцев ⁵⁸⁾. Им приписывали баснословное происхождение, соответствовавшее их наружности и нравам: рассказывали, что скифские ведьмы, изгнанные из общества за свое гнусное поведение, вступили в степях в любовную связь с адскими духами и что плодом этой отвратительной связи были гунны ⁵⁹⁾. За эту отвратительную и нелепую басню с жадностью схватилась легковверная ненависть готов; но, удовлетворяя их ненависть, она вместе с тем усиливала их страх, так как следовало полагать, что потомки демонов и ведьм унаследовали от своих прародителей не только их злобу, но и некоторую долю их сверхъестественного могущества. Германарих приготовился выступить против этих врагов со всеми военными силами готского государства, но он скоро заметил, что племена, находившиеся в вассальной от него зависимости, были раздражены угнетением, кото-

рому он их подвергал, и потому стали бы охотнее помогать гуннам, чем сражаться с ними.

Незадолго перед тем один из вождей роксоланов ⁶⁰⁾ покинул знамена Германариха, а этот жестокий тиран приказал привязать невинную жену изменника к диким лошадям, которые разорвали ее в куски. Братья этой несчастной женщины воспользовались благоприятной минутой для мщения. Престарелый готский монарх, которому они нанесли опасную рану кинжалом, прожил еще несколько времени в страданиях, но его недуги замедляли ход военных действий, а в высших сферах управления господствовали раздоры и зависть. Его смерть, происшедшая, как полагали, от самоубийства, оставила бразды управления в руках Витимера, который, при надежном содействии скифских наемников, поддерживал неравную борьбу с гуннами и аланами до тех пор, пока не был разбит и не лишился жизни в решительной битве. Остготы покорились своей участи, и представители царственной расы амалов впоследствии встречаются в числе подданных высокомерного Атиллы. Но жизнь малолетнего царя Витерика была спасена усилиями двух храбрых и преданных воинов Алафея и Сафракса, которые осторожно провели остатки нации остготов к Данасту, или Днестру, — значительной реке, в настоящее время отделяющей турецкие владения от российской империи. Осторожный Атанарих, заботившийся более о своей лично, чем об общей безопасности, раскинул лагерь вестготов на берегах Днестра с твердой решимостью отразить победоносных варваров, на которых он не считал благоразумным нападать. Обычную быстроту движений гуннов замедлили огромные обозы и многочисленные пленные, но благодаря своему военному искусству они обманули Атанариха и почти совершенно уничтожили его армию. В то время как вождь вестготов защищал берега Днестра, он был со всех сторон окружен многочисленной кавалерией, перешедшей реку вброд при лунном свете, и ему пришлось употребить в дело все свое мужество и искусство, чтобы совершить свое отступление к гористой местности. Этот неустрашимый полководец уже составил новый и весьма разумный план оборонительной войны, и те сильные окопы, которые он готовился возводить между горами, Прутом и Дунаем, оградили бы от опустошительных нашествий гуннов об-

ширную и плодородную территорию, которая носит в настоящее время название Валахии⁶¹⁾.

Но планы и надежды вождя вестготов были разрушены нетерпением его запуганных соотечественников, которые из страха воображали, что река Дунай была единственная преграда, способная защитить их от быстрого преследования и непреодолимой храбрости скифских варваров. Главные силы этого народа торопливо приблизились, под предводительством Фритигерна и Алавива⁶²⁾, к берегам этой великой реки и стали просить покровительства у римского восточного императора. Сам Атанарих, не желая нарушать данной им клятвы никогда не вступать на римскую территорию, удалился с отрядом верных приверженцев в гористую страну Кавкаландию, которую охраняли и, как кажется, почти совершенно скрывали от глаз непроходимые леса Трансильвании⁶³⁾.

После того как Валент окончил войну с готами, по-видимому со славой и успехом, он объехал свои азиатские владения и наконец избрал своей резиденцией столицу Сирии. Пять лет⁶⁴⁾, проведенных им в Антиохии, он употребил на то, что наблюдал, в безопасном отдалении, за враждебными замыслами персидского монарха, сдерживал опустошительные нашествия сарацинов и исавров⁶⁵⁾, укреплял веру в арианское богословие при помощи аргументов более действительных, чем доводы рассудка и красноречия, и успокаивал свою робкую недоверчивость, осуждая на казнь без разбора и невинных и виновных. Но внимание императора было внезапно поглощено важными известиями, полученными им от гражданских и военных должностных лиц, на которых была возложена оборона Дуная. Его уведомили, что север потрясен страшной бурей, что нашествие гуннов, — до тех пор никому не известной и уродливой породы дикарей, — ниспровергло могущество готов и что берег реки покрыт на расстоянии нескольких миль молящими о помощи толпами этого воинственного народа, доведенного до самого унижительного положения. С распростертыми руками и трогательными выражениями скорби готы громко оплакивали свои несчастья и свое опасное положение; они сознавали, что могли ожидать спасения только от милосердия римского правительства и самым торжественным образом заявляли, что, если великодушные императора дозволит им заняться обработкой невозделанных фракийских земель, они будут считать себя навсегда связан-

ными с империей узами долга и признательности, будут повиноваться ее законам и охранять ее границы. Эти уверения были подтверждены готскими послами, с нетерпением ожидавшими из уст Валента ответа, который должен был окончательно решить участь их несчастных соотечественников. Восточный император уже не мог руководствоваться мудростью и авторитетом своего старшего брата, который умер в конце предшествовавшего года; а так как бедственное положение готов требовало немедленных и решительных мер, то он не мог прибегнуть к любимому ресурсу людей слабых и робких, которые считают проволоочки и уклончивые ответы за доказательства самой глубокой мудрости. Пока люди будут увлекаться страстями и личными интересами, те же самые вопросы о войне и мире, о требованиях справедливости и политики, которые обсуждались в древности, часто будут предметами обсуждения и у новейших народов. Но самым опытным государственным людям нового времени никогда еще не приходилось разрешать вопросы, будет ли уместно или будет ли опасно принять или оттолкнуть бесчисленные толпы варваров, которые вынуждены отчаянием и голодом просить дозволения поселиться на территории цивилизованного народа.

Когда это важное предложение, находящееся в столь тесной связи с общественной безопасностью, было предоставлено рассмотрению министров Валента, они смутились и разошлись в мнениях; но они скоро сошлись на таком внушенном лезтью решении, которое удовлетворяло гордость, леность и корыстолюбие их государя. Украшенные титулами префектов и полководцев рабы умолчали или отозвались с пренебрежением об опасности этого национального переселения, нисколько не похожего на те колонии, которым иногда дозволялось селиться на крайних оконечностях империи. Они благодарили судьбу за то, что она присылала им из самых отдаленных стран земного шара многочисленную и непобедимую иностранную армию для защиты Валентова престола, и радовались тому, что впредь будут поступать в императорскую казну те громадные массы золота, которые ежегодно присылались жителям провинций взамен поставки рекрут. Просьба готов была уважена, и их предложение услуг было принято императорским двором; вместе с тем гражданским и военным управляющим фракийского диоцеза было немед-

ленно послано приказание сделать все нужные приготовления для переправы и для продовольствия многочисленного народа, пока не будет отведена для его поселения достаточная территория. Впрочем, щедрость императора сопровождалась двумя тяжелыми условиями, которые оправдывались со стороны римлян предусмотрительностью и на которые могли согласиться готы только под гнетом необходимости. Перед тем чтоб перейти Дунай, они должны были выдать свое оружие, и сверх того было условлено, что у них отберут детей для размещения по азиатским провинциям, где они получают приличное цивилизованным народам образование и вместе с тем будут служить заложниками в обеспечение преданности своих родителей.

В то время как готы еще не были уверены в благоприятном исходе переговоров, которые медленно велись на далеком от них расстоянии, они, из нетерпения, несколько раз делали опрометчивые попытки переправиться через Дунай без дозволения того правительства, которое они молили о помощи. За их движениями внимательно следили войска, расположенные вдоль берега, и самые передовые из их отрядов были отражены с значительными потерями; но таково было малодушие Валентовой политики, что храбрые офицеры, исполнившие свою обязанность, защищая страну, были наказаны за это потерей своих должностей и едва спасли свою жизнь. Наконец было получено императорское повеление переправить через Дунай всю готскую нацию ⁶⁶⁾; но его исполнение было делом тяжелым и трудным. В Дунае, который в этом месте имеет более мили в ширину ⁶⁷⁾, вода очень поднялась вследствие непрерывных дождей, и во время беспорядочной переправы много людей было унесено и потоплено быстрой стремительностью течения. Был заготовлен целый флот, состоявший из кораблей, шлюпок и лодок, которые день и ночь переезжали с одного берега на другой, а офицеры Валента следили с напряженным усердием, чтобы ни один из варваров, которым было суждено ниспровергнуть самые основы Римской империи, не остался на противоположном берегу. Было признано необходимым вести аккуратный счет перевозимым варварам; но те, кому это было поручено, с удивлением и ужасом отказались от такой нескончаемой и неисполнимой задачи ⁶⁸⁾, а главный историк той эпохи серьезно утверждает, что при виде бесчисленных готов можно было пове-

ритель существованию тех чудовищных армий Дария и Ксеркса, которые до тех пор считались пустыми выдумками легкой древности. По приблизительному расчету, число готовых воинов определяли в двести тысяч человек; а если к этой цифре прибавить соразмерное число женщин, детей и невольников, то в итоге этого громадного переселения получится около миллиона людей обоего пола и всех возрастов. Дети готов или, по меньшей мере, дети сколько-нибудь значительных лиц были отделены от толпы. Их немедленно отправили в отдаленные места, назначенные для их местопребывания и воспитания, а в то время как многочисленные толпы заложников или пленников проходили через города, их веселый вид и нарядная внешность, их здоровые и воинственные лица возбуждали в провинциальных жителях удивление и зависть. Но то условие, которое было самым оскорбительным для готов и самым важным для римлян, было обойдено самым позорным образом. Так как варвары смотрели на свое оружие как на почетное отличие и как на залог своей безопасности, то они готовы были предложить за него все, что только могло удовлетворить похоть или корыстолюбие императорских офицеров. Чтобы удержать свое оружие, надменные воины соглашались, хотя и неохотно, на бесчестье своих жен и дочерей; прелестями красивой девушки или красивого мальчика они покупали потворство инспекторов, которые иногда поглядывали с завистью на обшитые бахромой ковры и холстяные одежды своих новых союзников ⁶⁹⁾, или не исполняли своего долга из низкого желания снабдить свои фермы скотом, а свои дома рабами. Готам было дозволено войти в шлюпки с оружием в руках, а когда все их военные силы собрались на другом берегу реки, их громадный лагерь, раскинувшийся по долинам и холмам Нижней Мезии, принял грозный и даже враждебный вид. Вожди остготов Алафей и Сафракс, охранявшие своего малолетнего царя, появились вскоре вслед затем на северных берегах Дуная и тотчас отправили послов к антиохийскому двору, чтобы просить, с одинаковыми уверениями в преданности и признательности, такой же милости, какая была оказана вестготам. Решительный отказ Валента приостановил их движение и обнаружил сожаления, подозрения и опасения императорских советников.

Чтобы справляться с варварским народом, незнакомым ни

с дисциплиной, ни с привычками оседлой жизни, нужна была большая твердость и ловкость. Ежедневная доставка съестных припасов почти для целого миллиона новых подданных требовала постоянной бдительности и опытности и могла быть ежеминутно прервана какой-нибудь ошибкой или несчастной случайностью. Если бы готы заметили, что к ним относятся со страхом или с пренебрежением, то они из жалости или из негодования могли бы решиться на самые отчаянные предприятия, и безопасность империи, по-видимому, зависела как от благоразумия, так и от бескорыстия Валентовых военачальников. При таких критических обстоятельствах военное управление Фракией находилось в руках Лупицина и Максима — людей продажных, которые готовы были жертвовать общественной пользой малейшей надежде личной наживы и в оправдание которых можно бы было сослаться только на их неспособность понимать, к каким пагубным последствиям вела их безрассудная и преступная система управления. Вместо того чтобы исполнять приказания своего государя и удовлетворять в надлежащем размере требования готов, они стали облагать нужды голодных варваров неблагодарным и притеснительным налогом. Самая дурная пища продавалась по невероятно высокой цене, и вместо здоровых и питательных съестных припасов рынок наполнялся мясом собак и нечистых животных, павших от болезни. Чтобы добыть фунт хлеба, гот отказывался от обладания полезным рабом, которого он не был в состоянии прокормить, а небольшое количество говядины с жадностью покупалось за десять фунтов драгоценного металла, который сделался почти бесполезным ⁷⁰⁾. Когда они издержали все, что имели, они стали отдавать в обмен на съестные припасы своих сыновей и дочерей, и, несмотря на одушевлявшую каждого гота любовь к свободе, они подчинились тому унижительному принципу, что для их детей лучше кормиться в рабском состоянии, чем погибать от голода в беспомощной независимости. Тирания мнимых благодетелей, которые требуют признательности за услуги, уже изглаженные из памяти причиненным впоследствии вредом, способна внушить самую сильную ненависть, — и чувство озлобления мало-помалу распространялось по всему лагерю варваров, которые безуспешно ссылались на свое терпение и покорность и гром-

ко жаловались на негостеприимное обхождение своих новых союзников.

Перед их глазами расстилалась богатая и плодородная провинция, среди которой они терпели невыносимые лишения искусственной бесхлебицы. Но средства для спасения и даже для мщения находились в их распоряжении, так как жадность тиранов оставила в руках угнетенного народа его оружие. Громкие жалобы толпы, не привыкшей скрывать свои чувства, были первыми признаками готовившегося сопротивления; они встревожили робких и преступных императорских наместников Лупициния и Максима. Эти лукавые министры, прибегавшие в замене мудрых и благотворных принципов общей политики к изворотливым временным мерам, попытались удалить готов от их опасной стоянки на границах империи и рассеять по отдельным лагерям внутри провинции. Так как они сознавали, что не заслуживают ни уважения, ни доверия варваров, они стали со всех сторон собирать военные силы, чтобы быть в состоянии принудить к переселению народ, еще не отказавшийся от названия и обязанностей римских подданных. Но полководцы Валента, сосредоточивавшие все свое внимание на недовольных вестготах, имели неблагоразумие разоружить корабли и укрепления, составлявшие оборону Дуная. Этой пагубной оплошностью воспользовались Алафей и Сафракс, нетерпеливо выжидавшие удобной минуты, чтобы увернуться от преследования гуннов. При помощи добытых на скорую руку плотов и судов вожди остготов перевезли через Дунай, без всякого сопротивления, своего царя и свою армию и смело раскинули свой враждебный и независимый лагерь на территории Римской империи ⁷¹⁾.

Под именем судей Алавив и Фритигерн были вождями вестготов и в мирное и в военное время, а власть, которую они пользовались по рождению, была утверждена свободным одобрением нации. В эпоху спокойствия оба они пользовались и одинаковым рангом и одинаковою властью, но когда голод и притеснения вывели их соотечественников из терпения, Фритигерн, превосходивший своего товарища военными дарованиями, принял на себя главное военное начальство, которым был способен пользоваться для общего блага. Он сдерживал нетерпение вестготов до тех пор, пока обиды и оскорбления их тиранов не оправдают их сопротивления в об-

щем мнении; но он не был расположен жертвовать какими-либо существенными выгодами пустой похвальбе справедливостью и умеренностью. Сознывая, какую можно извлечь пользу из соединения всех готских сил под одним знаменем, он втайне поддерживал дружеские сношения с остготами, между тем как он заявлял о своей готовности слепо исполнять приказания римских военачальников, он медленно передвигал свою армию к главному городу Мезии Маркианополь, находившемуся на расстоянии почти семидесяти миль от берегов Дуная. На этом роковом месте разлад и взаимная ненависть разразились страшным кровопролитием. Лупициний пригласил готских вождей на роскошный пир, а их военная свита оставалась с оружием в руках у входа во дворец. Но в городские ворота никого не впускали, и варвары не были допущены до обильного рынка, на пользование которым они заявляли свое право и в качестве подданных и в качестве союзников. Их униженные просьбы были отвергнуты с наглостью и с насмешками, а так как их терпение истощилось, то между горожанами, солдатами и готами возникла сильная перебранка, сопровождавшаяся грозными укорами. Кто-то имел неосторожность замахнуться и нанести удар; тотчас был обнажен меч, и первая кровь, пролитая в этой случайной ссоре, сделалась сигналом продолжительной и опустошительной войны. Среди шума и кутежа Лупициния известили, через тайного посланца, что многие из его солдат убиты и что у некоторых других отнято оружие; а так как он был разгорячен вином и его сильно клонило ко сну, то он дал необдуманное приказание отмстить за убитых солдат умерщвлением стражи Фритигерна и Алавива. Пронзительные крики и предсмертные стоны известили Фритигерна об опасности, а так как он обладал геройским хладнокровием и неустрашимостью, то он тотчас понял, что он неминуемо погибнет, если даст время одуматься тому, кто так глубоко оскорбил его. "Пустяшная ссора, — сказал готский вождь твердым, но вежливым тоном, — как кажется, возникла между двумя нациями; но она может иметь самые опасные последствия, если мы не поспешим прекратить смятение, — если мы не успокоим нашу стражу насчет нашей безопасности и не сдержим ее нашим личным влиянием". При этих словах Фритигерн и его товарищи обнажили свои мечи, проложили себе путь сквозь толпу, собравшуюся во дворце, в улицах и

даже у ворот Маркианополя, и, вскочив на своих коней, быстро исчезли из глаз удивленных римлян.

Готские вожди были приветствованы в лагере неистовыми и радостными возгласами; немедленно было решено начать войну, и это решение было приведено в исполнение безотлагательно. Готы, по обычаю своих предков, развернули свои национальные знамена, и воздух огласился грубыми и заунывными звуками варварских труб ⁷²⁾. Слабодушный и преступный Лупиций, осмелившийся оскорбить грозного врага, но не умевший уничтожить его и все еще делавший вид, будто презирает его, выступил против готов во главе всех военных сил, какие только успел собрать. Варвары ожидали его приближения почти в девяти милях от Маркианополя, и в этом случае дарования их главнокомандующего взяли верх над лучшим вооружением и дисциплиною римских войск. Геній Фритигерна так искусно руководил храбростью готов, что одной энергической атакой они прорвали ряды римских легионов. Лупиций оставил на поле битвы свое оружие и знамена, своих трибунов и самых храбрых солдат, а бесполезная храбрость этих последних послужила лишь к тому, чтобы охранить позорное бегство их вожда. "Этот счастливый день положил конец бедствиям варваров и беззаботности римлян: с этого момента готы, отказавшись от ненадежного положения чужестранцев и изгнанников, присвоили себе характер граждан и повелителей, утвердили свое абсолютное господство над собственниками земли и сделались полными хозяевами северных провинций империи, граничивших с Дунаем". Так выражается готский историк ⁷³⁾, с грубым красноречием превозносящий славу своих соотечественников. Но варвары пользовались своею силой только для хищничества и разрушений. Так как императорские министры лишали их пользования и всеми благами, какие ниспосылает природа, и удовольствиями общественной жизни, то они выместили эту несправедливость на подданных императора, и преступления Лупиция были искуплены разорением мирных фракийских землепашцев, сожжением их селений и избиением или уводом в неволю их невинных семейств. Слух об одержанной готами победе скоро распространился по соседним провинциям, и между тем как он наполнял душу римлян ужасом и страхом, их собственная опрометчивость содействовала тому, что военные силы Фрити-

герна увеличились, а бедствия, которым подверглась провинция, сделались еще более тягостными. Незадолго перед великим переселением готов многочисленный готский отряд, состоявший под начальством Сверида и Колия, был принят под покровительство и на службу империи ⁷⁴⁾.

Этот отряд стоял лагерем под стенами Адрианополя, но министры Валента спешили отправить его за Геллеспонт из опасения, чтобы его не ввели в соблазн успехи и соседство его соотечественников. Почтительная покорность, с которой эти готы подчинились приказанию выступить в поход, может считаться за доказательство их верности, а их скромная просьба о снабжении их достаточным количеством провианта и об отсрочке выступления только на два дня была изложена в самых почтительных выражениях. Но главный начальник Адрианополя, раздраженный каким-то беспорядком, который они учинили в его загородном доме, отказал в этой просьбе и, вооружив против них население и рабочих многолюдного города, с угрозами потребовал их немедленно-го выступления. Пораженные удивлением варвары стояли, не говоря ни слова, пока их не вывели из терпения оскорбительные возгласы и метательные снаряды, которыми вооружилось население; а когда их терпение или презрительное пренебрежение истощилось, они обратили в бегство недисциплинированную толпу, нанесли немало позорных ран в спину своих бегущих врагов и отняли у них великолепное оружие ⁷⁵⁾, носить которое они не были достойны. Однородные обиды и одинаковая манера отвечать на них заставили этот победоносный отряд присоединиться к вестготам; войска Колия и Сверида выждали приближения великого Фритигерна, стали под его знамя и выказали свое усердие в осаде Адрианополя. Но из сопротивления гарнизона варвары должны были убедиться, что при нападении на правильные укрепления усилия одной храбрости без знания военного искусства редко бывают успешны. Их вождь сознался в своем заблуждении, снял осаду, объявил, что он *в мире с каменными оградами* ⁷⁶⁾, и выместил свою неудачу на соседних провинциях. Здоровые мастеровые, работавшие на фракийских ⁷⁷⁾ золотых приисках в пользу и под плетью бесчеловечного хозяина ⁷⁸⁾, предложили свои услуги Фритигерну, который с удовольствием принял это полезное подкрепление; эти новые союзники провели варваров по тайным тропинкам в те

убежища, где скрывались жители вместе со своим скотом и хлебными запасами. При помощи таких проводников готы проникали повсюду; сопротивление было бы губительно; бегство было невозможно, а терпеливая покорность беспомощной невинности редко находила пощаду у варварского завоевателя.

Во время этих хищнических набегов многие из готских детей, проданных в рабство, были отысканы и возвращены своим огорченным родителям; но эти нежные свидания, вместо того чтобы пробудить в душе готов чувства человеколюбия, лишь воспламеняли их врожденную свирепость жаждой отмщения. Они с напряженным вниманием выслушивали от возвратившихся из плена детей жалобы на гнусные жестокости, которые им приходилось выносить от сластолюбия или от гневных взрывов их хозяев, и они стали совершать точно такие же жестокости и точно такие же гнусности над сыновьями и дочерьми римлян ⁷⁹⁾. Неблагоразумие Валента и его министров открыло враждебному народу доступ в самое сердце империи; но вестготов еще можно было склонить к забвению прошлого мужественным сознанием своих прошлых ошибок и добросовестным исполнением прежде принятых на себя обязательств. Такие благотворные и кроткие меры, по-видимому, были согласны с робким характером восточного монарха; но только в этом одном случае Валент выказал себя храбрецом, а его неуместная храбрость оказалась пагубной и для него самого, и для его подданных. Он изъявил намерение двинуться с своей армией из Антиохии к Константинополю для того, чтобы подавить это опасное восстание, а так как ему были небезызвестны трудности такого предприятия, то он обратился с просьбой о помощи к своему племяннику, императору Грациану, располагавшему всеми военными силами Запада. Опытные войска, охранявшие Армению, были поспешно отозваны; эта важная граница была предоставлена на произвол Сапора, а руководство военными действиями против готов было поручено, на время отсутствия Валента, его заместителям Траяну и Профутуру — двум военачальникам, которые имели очень высокое и очень ошибочное мнение о своих собственных дарованиях. Когда они прибыли во Фракию, к ним присоединился комит дворцовой прислуги Рихомер, а пришедшие под его начальством западные вспомогательные войска состояли из галльских легио-

нов, между которыми до такой степени распространилась склонность к дезертирству, что они были сильны и многочисленны только с виду. На военном совете, на котором гордость заглушала голос рассудка, было решено действовать наступательно против варваров, расположившихся на обширных и плодородных лугах подле самого южного из шести устьев Дуная ⁸⁰⁾. Их лагерь был окружен укреплениями из повозок ⁸¹⁾, и они наслаждались плодами своей храбрости и награвленной добычей, полагая, что они вне всякой опасности внутри этого обширного огороженного места. В то время как они предавались шумному разгулу, бдительный Фритигерн следил за движениями римлян и предугадал их намерения.

Он заметил, что число неприятелей постоянно увеличивалось, а так как он догадывался, что они намереваются напасть на его арьергард, лишь только недостаток фуража заставит его перенести свой лагерь на другое место, то он отозвал все отряды, бродившие по окрестностям с целью грабежа. Лишь только они увидели пылающие вежи ⁸²⁾, они с невероятной скоростью повиновались поданному их вождем сигналу; лагерь наполнился толпами воинов; они с нетерпением требовали битвы, а их шумная горячность находила одобрение и поощрение со стороны вождей. Уже приближалась ночь, и обе армии готовились к битве, которая была отложена только до рассвета. Когда раздались звуки трубы, призывавшей к оружию, взаимная торжественная клятва укрепила в готах их мужественную решимость, а когда они двинулись навстречу врагу, грубые песни, превозносившие славу их предков, смешивались с свирепыми и неблагозвучными криками, представлявшими совершенную противоположность с искусственной гармонией римских воинственных возгласов. Фритигерн обнаружил в некоторой степени свое военное искусство, заняв одну возвышенность, которая господствовала над полем битвы; но кровопролитный бой, начавшийся на рассвете и окончившийся с наступлением ночи, поддерживался с обеих сторон упорными усилиями личной энергии, храбрости и ловкости. Армянские легионы поддерживали свою воинскую репутацию, но они были подавлены численным превосходством готов; левое крыло римлян было приведено в расстройство, и поле было усеяно их изуродованными трупами. Впрочем, эта частная неудача римлян вознаграждалась

успехами с другой стороны, и когда обе армии, с наступлением ночи, удалились в свои лагеря, ни одна из них не могла похвастаться ни славой, ни результатами решительной победы. Понесенные потери были особенно чувствительны для римлян, так как их армия была менее многочисленна; а готы были так удивлены и обескуражены этим энергическим и, быть может, неожиданным сопротивлением, что в течение целой недели не выходили из-за своих укреплений. Некоторые офицеры высшего ранга были похоронены с такими погребальными почестями, какие допускались местными условиями, но простые солдаты были оставлены на равнинах без погребения. Их трупы послужили пищей для хищных птиц, которым нередко случалось, в том веке, наслаждаться такими роскошными пирами; а через несколько лет после того их белые обглоданные кости, покрывавшие на большом пространстве поля, представили глазам Аммиана страшный памятник битвы при Саликах⁸³⁾.

Дальнейшее движение готов было приостановлено нерешительным исходом этого кровопролитного сражения, а императорские полководцы, опасаясь, что другая подобная битва совершенно истощит их армию, составили более благоразумный план истребить варваров под гнетом нужд столь многочисленного сборища. Они готовились запереть вестготов в узком углу между Дунаем, скифскою степью и Гемскими горами и держать их там до тех пор, пока неизбежное влияние голода не истощит их физических сил и душевной бодрости. Этот план приводился в исполнение с некоторой последовательностью и успехом: варвары уже почти истощили и свои собственные хлебные запасы, и то, что они собрали с полей, а главный начальник кавалерии Сатурнин направлял все свои усилия к тому, чтобы усилить и сузить сферу римских укреплений. Его труды были прерваны тревожным известием, что новые многочисленные толпы варваров перешли никем не защищаемый Дунай или для того, чтобы помочь Фритигерну, или для того, чтобы последовать его примеру. Основательное опасение, что он сам может быть окружен и разбит неизвестным ему неприятелем, заставило Сатурнина отказаться от осады готского лагеря; тогда раздраженные вестготы, выйдя из своего заключения, удовлетворили и свой голод и свою жажду мщения опустошениями плодородной страны, которая простирается с лишком на триста миль от

берегов Дуная до Геллеспонта ⁸⁴⁾. Прозорливый Фритигерн с успехом воспользовался страстями и интересами своих варварских союзников, которые из склонности к грабежу и из ненависти к римлянам поддержали красноречие его послов и даже предупредили его. Он вступил в тесный и выгодный союз с главными силами своих соотечественников, повиновавшихся Алафею и Сафраксу как опекунам их малолетнего царя; продолжительная неприязнь между соперничавшими племенами прекратилась благодаря сознанию общности их интересов; вся независимая часть нации стала под общее знамя, и вожди остготов, как кажется, преклонились перед превосходством гения вестготского вождя. Он приобрел содействие таифалов, воинская репутация которых была замарана гнусностью их семейных нравов. Каждый юноша, при своем вступлении в свет, соединялся узами достойной уважения дружбы и скотской любви с одним из воинов этого племени, и он не мог высвободиться из этого противоестественного союза до тех пор, пока не доказал своего мужества, убив без посторонней помощи огромного медведя или лесного кабана ⁸⁵⁾. Но самых могущественных союзников готы получили из лагеря тех врагов, которые выгнали их из родины. Распущенность дисциплины и обширность владений гуннов и аланов замедлили их завоевания и внесли смуту в дела их управления. Некоторые из их орд соблазнились щедрыми обещаниями Фритигерна, и быстрая кавалерия скифов придала новые силы и энергию стойкости готской пехоты. Сарматы, которые никогда не могли простить преемнику Валентиниана своего прежнего поражения, воспользовались общим смятением и усилили его, а вторжение аллеманнов в галльские провинции отвлекло и внимание и военные силы западного императора ⁸⁶⁾.

Одним из самых опасных последствий допущения варваров в армию и во дворец было то, что они поддерживали сношения с своими соотечественниками и, по неосторожности или с намерением, указывали им на слабые стороны Римской империи. Один из лейб-гвардейцев Грациана был родом аллеманн из племени лентиензов, живших по ту сторону Констанцкого озера. Семейные дела заставили его просить отпуска. Во время его непродолжительного пребывания в среде родственников и друзей ему пришлось удовлетворять их любознательные расспросы, и он из тщеславия старался уве-

речь их, что посвящен в государственные тайны и в замыслы своего государя. Узнав, что Грациан намеревается вести военные силы Галлии и Запада на помощь к своему дяде Валенту, неугомонные аллеманны решились воспользоваться такой благоприятной минутой для вторжения на римскую территорию. Несколько легких аллеманнских отрядов перешли в феврале по льду через Рейн, и это послужило прелюдией для более важной войны. Смелые надежды на грабеж и, может быть, на завоевания взяли перевес над соображениями, которые внушались робким благоразумием и обязанностью соблюдать международные обязательства. Из каждого леса, из каждого селения стали выходить толпы смелых удальцов; при приближении этой великой армии аллеманнов народный страх определял ее размеры в сорок тысяч человек, а после ее поражения тщеславная и левоверная лесть придворных преувеличила эти размеры до семидесяти тысяч человек. Легионы, получившие приказание отправиться в Паннонию, были немедленно отозваны или задержаны для защиты Галлии; военное командование было разделено между Наниеном и Меробавдом, а юный император хотя и уважал продолжительную опытность и бескорыстное благоразумие первого из них, однако был гораздо более склонен следовать советам его товарища, который горел нетерпением сразиться и которому было дозволено соединить в своем лице, по-видимому, несовместимые звания комита дворцовой прислуги и короля франков. Его противник, король аллеманнов Приарий, руководствовался или, скорей, увлекался такой же неразборчивой храбростью, а так как их войска были воодушевлены таким же, как их вождей, нетерпением сразиться, то они скоро встретились и вступили в бой подле города Аргентарии, или Кольмара ⁸⁷⁾, на альзасских равнинах.

Одержанную в этот день победу основательно приписывают метательным снарядам и искусным эволюциям римских солдат; аллеманнов, долго державшихся на своих позициях, римляне убивали с неумолимой яростью; только пять тысяч варваров спаслись бегством в леса и горы, а славная смерть их короля на поле битвы спасла его от упреков народа, всегда готового находить неудачную войну и несправедливой и плохо задуманной. После этой блистательной победы, обеспечившей спокойствие Галлии и поддержавшей честь римского

оружия, император Грациан, по-видимому, спешил отправиться в свою восточную экспедицию; но когда он приблизился к границам владений аллеманнов, он внезапно повернул влево, удивил их неожиданным переходом через Рейн и смело проник внутрь их страны. Варвары противопоставили ему природные препятствия и свое мужество; они отступали от одной горы до другой, пока не убедились в могуществе и настойчивости своего врага. Их изъявления покорности были приняты как доказательства не искреннего раскаяния, а бедственного положения и между их храброй и сильной молодежью были выбраны заложники в обеспечение их скромного поведения в будущем. Римские подданные, столько раз уже видевшие на опыте, что аллеманнов нельзя ни покорить силой, ни сдержать трактатами, едва ли могли рассчитывать на прочное и продолжительное спокойствие; но в доблестях своего юного монарха они усматривали залог продолжительного и счастливого царствования. Когда легионы взбирались на горы или влезали по лестницам не неприятельские укрепления, Грациан выказывал в передовых рядах свою храбрость, а украшенные позолотой латы его телохранителей были пробиты ударами, которые они получили в то время, как находились безотлучно подле своего государя. Будучи девятнадцатилетним юношей, сын Валентиниана, по-видимому, уже обладал дарованиями и политика и воина, а его личный успех в войне с аллеманнами считался за верное предзнаменование победы над готами ⁸⁸⁾.

В то время как Грациан наслаждался заслуженными рукоплесканиями своих подданных, император Валент, наконец перебравшийся из Антиохии с своим двором и армией в Константинополь, был принят населением как виновник общественного бедствия. Он только что успел отдохнуть дней десять в этой столице, как мятежные крики, раздававшиеся в ипподроме, принудили его выступить против варваров, которых он сам пустил в свои владения, а граждане, всегда оказывающиеся храбрецами вдали от действительной опасности, с уверенностью утверждали, что если бы их снабдили оружием, они взялись бы, без посторонней помощи, избавить провинцию от опустошений дерзкого врага ⁸⁹⁾. Бесплезные порицания невежественной толпы ускорили падение Римской империи; они заставили Валента действовать с отчаянной торопливостью, так как он не находил ни в своей

репутации, ни в себе самой никакой опоры против общего негодования. Успешные действия его военачальников скоро внушили ему презрение к могуществу готов, которые были в ту пору собраны Фритигерном в окрестностях Адрианополя. Храбрый Фригерид преградил путь тайфалам; король этих распутных варваров был убит на поле сражения, а умолявшие о пощаде побежденные были отправлены в Италию для возделывания земель, которые были отведены для их поселения на свободных территориях Модены и Пармы ⁹⁰⁾. Подвиги Себастиана ⁹¹⁾, незадолго перед тем поступившего на службу к Валенту и возведенного в звание главного начальника пехоты, были еще более блистательны и еще более полезны для государства. Он испросил позволение выбрать в каждом легионе по триста солдат, и этот самостоятельный отряд скоро приобрел тот дух дисциплины и ту воинскую опытность, которые были почти позабыты в царствование Валента. Благодаря энергии и искусству Себастиана многочисленный отряд готов был застигнут врасплох внутри своего лагеря, а громадная добыча, которая была у них отбита, наполнила город Адрианополь и соседнюю равнину. Блестящий рассказ этого полководца о совершенных им подвигах возбудил при императорском дворе зависть, и хотя он благоразумно предостерегал о трудностях войны с готами, его хвалили за храбрость, но его советов не послушались; Валент с гордостью и удовольствием слушал льстивые наущения дворцовых евнухов и горел нетерпением пожать в свою личную пользу лавры легкой и верной победы. Его армию усилил многочисленный отряд ветеранов, и его движение от Константинополя до Адрианополя было совершено с таким военным искусством, что он разрушил план варваров, которые хотели занять лежавшие на пути горные проходы, чтобы пресечь сообщения римской армии и захватывать ее обозы с провиантом. Лагерь Валента был раскинут под стенами Адрианополя и, по обычаю римлян, укреплен рвом и валом; затем был собран совет, на котором должна была решиться судьба императора и империи. Виктор, в котором уроки опыта смягчали врожденную запальчивость сармата, советовал быть осторожным и выжидать, а Себастиан доказывал с раболепным красноречием царедворца, что все предосторожности, обнаруживающие неуверенность в немедленной победе, недостойны мужества и величия их непобедимого монарха. Хитрости Фритигерна и

благоразумные советы западного императора ускорили гибель Валента.

Варварский главнокомандующий очень хорошо понимал, какую выгоду можно извлечь из мирных переговоров в то время, как ведется война, и послал в неприятельский лагерь христианского священнослужителя в качестве мирного посредника; но его цель заключалась только в том, чтобы выведать и разрушить планы неприятеля. Этот посол описал яркими и верными красками вынесенные готами бедствия и оскорбления и заявил от имени Фритигерна, что этот последний готов положить оружие или употреблять его впредь только для защиты империи, если его бездомным соотечественникам отведут спокойные поселения на заброшенных фракийских землях и снабдят их в достаточном количестве хлебом и скотом. Но посол шепотом присовокуплял с притворной доверчивостью, что раздраженные варвары едва ли примут эти благоразумные условия и что Фритигерн едва ли будет в состоянии заключить такой договор, если его настояния не будут поддержаны страхом, который может быть внушен приближением императорской армии. Почти в то же самое время комит Рихомер возвратился с запада с известием о поражении и усмирении аллеманнов; он сообщил Валенту, что его племянник идет форсированным маршем к нему на помощь во главе испытанных и победоносных галльских легионов, и умолял его от имени Грациана и республики не принимать никаких опасных и решительных мер, пока соединение двух императорских армий не обеспечит успеха войны. Но слабодушный восточный монарх руководствовался лишь пагубными иллюзиями, которые внушались ему гордостью и завистью. Он пренебрег докучливым советом, отверг унижительную помощь, сравнил в своем уме свое позорное или, по меньшей мере, неблестящее царствование со славой безбородого юноши и устремился на поле битвы, чтобы стяжать воображаемые трофеи, прежде нежели его союзник успеет захватить какую-нибудь долю в предстоящем триумфе.

Девятого августа (этот день должен быть обозначен в римском календаре ⁹²⁾ как один из самых несчастных) император Валент, оставив под сильным караулом свой багаж и военную казну, выступил из Адрианополя, чтобы напасть на готов, стоявших лагерем почти в двенадцати милях от города ⁹³⁾.

Вследствие ли ошибочных приказаний или вследствие недостаточного знакомства с местностью правое крыло, состоявшее из кавалерии, очутилось в виду неприятеля, между тем как левое крыло еще находилось в значительном от него расстоянии; в жгучую летнюю жару солдаты должны были ускорить свои шаги, и армия выстроилась в боевом порядке медленно и неправильно. Готская кавалерия была разослана по окрестностям за фуражом, и Фритигерн снова прибегнул к хитростям. Он отправил гонцов для мирных переговоров, делал миролюбивые предложения, требовал заложников и замедлял нападение, пока ничем не защищенные от солнечных лучей римляне не были истощены жаждой, голодом и крайней усталостью. Императора уговорили отправить посла в готский лагерь; один Рихомер имел смелость принять на себя это опасное поручение, и его усердие вызвало общее одобрение; надев на себя блестящие отличия своего звания, комит дворцовой прислуги уже проехал часть того расстояния, которое разделяло две армии, когда внезапно раздавшаяся боевая тревога заставила его возвратиться назад. Ибериец Бакурий, командовавший отрядом стрелков из лука и кирасир, торопливо и неблагоразумно начал атаку, а так как его отряд двинулся вперед в беспорядке, то ему пришлось отступить с потерями и позором. В тот же самый момент летучие эскадроны Алафея и Сафракса, возвращения которых с нетерпением ожидал готский главнокомандующий, спустились с холмов, с быстротою вихря пролетели по равнине и поддержали беспорядочное, но непреодолимое нападение всей варварской армии. Ход адрианопольской битвы, столь гибельной для Валента и для империи, может быть рассказан в немногих словах: римская кавалерия была обращена в бегство, а пехота была покинута, окружена и разбита наголову. Самых искусных эволюций, самой непоколебимой храбрости редко бывает достаточно для того, чтобы высвободить пехоту, окруженную на открытой равнине более многочисленной конницей; а теснимые неприятелем, объятые страхом войска Валента столпились на таком узком пространстве, что не могли развернуть свои ряды и даже не могли употреблять в дело свои мечи и дротики. Среди общего смятения, резни и ужаса император, покинутый своими телохранителями и, как полагали, раненный стрелой, искал защиты у так называемых *Lancearii* и *Mattarii*, которые еще держались на своей

позиции, по-видимому, в порядке и с твердостью. Его верные полководцы Траян и Виктор, заметив его опасное положение, громко воскликнули, что все потеряно, если не будет спасен император. Один отряд, воодушевленный их увещаниями, поспешил к нему на помощь; он нашел только массу изломанного оружия и изуродованных трупов, но не мог отыскать своего несчастного монарха ни между живыми, ни между убитыми.

Впрочем, их поиски и не могли быть успешны, если есть хоть доля правды в тех подробностях, с которыми описывают смерть императора некоторые историки. Служители Валента, как рассказывают, перенесли его с поля битвы в соседнюю хижину; там они постарались перевязать его рану и принять меры для его безопасности. Но это скромное убежище было тотчас окружено варварами; они пытались взломать двери, но когда на них стали сыпаться с кровли стрелы, они потеряли терпение, подложили огонь под груды сухого хвоста и сожгли хижину вместе с римским императором и его свитой. Валент погиб среди пламени; только один юноша успел выскочить в окно, чтобы сообщить эту печальную весть и известить готов, какого неоценимого пленника они лишились по своей собственной опрометчивости. Множество храбрых и лучших офицеров погибли в адрианопольской битве, которая по числу убитых равняется с поражением при Каннах, а по своим гибельным последствиям далеко превосходит его ⁹⁴⁾. В числе убитых оказались два главных начальника кавалерии и пехоты, два высших придворных сановника и тридцать пять трибунов, а смерть Себастиана могла считаться заслуженным наказанием за то, что он был виновником этого общественного бедствия. Более двух третей римской армии были уничтожены, а наступление ночи считалось за большое счастье, так как оно скрыло от глаз неприятеля бегущих римлян и благоприятствовало отступлению Виктора и Рихомера — единственных военачальников, сумевших, среди общего смятения, сохранить хладнокровное мужество и поддержать в своих войсках дисциплину ⁹⁵⁾.

В то время, как впечатления скорби и ужаса еще были свежи в умах, самый знаменитый ритор того времени сочинил надгробную речь для побежденной армии и для непопулярного монарха, трон которого уже был занят чужеземцем. "Немало таких людей, — говорит чистосердечный Либаний, — ко-

торые обвиняют императора в неблагоразумии, или таких, которые приписывают общественное бедствие недостатку храбрости и дисциплины в войсках. Что касается меня, то я отношусь с уважением к воспоминанию об их прежних подвигах, отношусь с уважением к славной смерти, поражавшей их в то время, как они храбро сражались, не покидая своих рядов; отношусь с уважением к полю битвы, обогренному их кровью и кровью варваров. Эти почтенные следы уже смыты дождями, но величественный памятник, состоящий из их костей, из костей полководцев, центурионов и храбрых воинов, более долговечен. Сам император сражался и пал в первых рядах армии. Окружающие предлагали ему самого быстрого коня из императорских конюшен, на котором он мог бы спастись от неприятельского преследования. Но они тщетно умоляли его сберечь свою дорогую жизнь для блага государства. Он не переставал возражать, что он недостойн того, чтобы пережить столько самых храбрых и самых преданных своих подданных, и великодушно похоронил себя под горами убитых. Не будем же приписывать победу варваров трусости, малодушию или неблагоразумию римских войск. И начальники и солдаты были одушевлены мужеством своих предков, которым они не уступали ни в дисциплине, ни в военном искусстве. Их благородная неустрашимость поддерживалась жадой славы, которая заставила их бороться в одно и то же время с жгучими солнечными лучами и с жаждой, с огнем и с мечом врагов и без ропота принять почетную смерть как единственное средство избежать бегства и позора. Гнев богов был единственной причиной торжества наших врагов". Беспристрастная история отвергнет этот панегирик в тех его частях, которые нельзя согласовать ни с характером Валента, ни с ходом сражения; но нельзя не воздать должной похвалы красноречию антиохийского софиста и в особенности его великодушию ⁹⁶⁾.

Готы очень возгордились такой блестящей победой, но они были разочарованы в своих корыстолюбивых надеждах при скорбном открытии, что самая значительная часть императорских сокровищ укрита в стенах Адрианополя. Они поспешили вступить в обладание этой наградой за свою храбрость, но остатки побежденной армии оказали мужественное сопротивление, которое было результатом их отчаянного положения и единственным для них средством спасения. Город-

ские стены и вал примыкавшего к ним лагеря были уставлены военными машинами, которые метали громадные камни и наводили страх на невежественных варваров не столько вредом, который они причиняли, сколько треском и быстротою своих выстрелов. И солдаты, и граждане, и жители провинции, и дворцовые служители принимали участие в обороне, ввиду общей для всех них опасности; они отбили неистовые нападения готов и не поддались ни на одну из их коварных уловок; после упорного сражения, продолжавшегося несколько часов, готы удалились в свои палатки, вынеся из этой попытки убеждение, что было бы благоразумнее следовать советам их прозорливого главнокомандующего, который не одобрял нападений на укрепления больших и многолюдных городов. После запальчивого и нерасчетливого избивения трехсот дезертиров, — смерть которых была полезным уроком для римских солдат, — готы с негодованием сняли осаду Адрианополя. Тогда театр войны и тревоги превратился в безмолвную пустыню; массы неприятеля внезапно исчезли; по тайным лесным и горным тропинкам стали пробираться напуганные беглецы, искавшие убежища в отдаленных иллирийских и македонских городах, а верные служители Валента, оберегавшие казну, стали осторожно разыскивать императора, смерть которого еще не была им известна. Армия готов устремилась, подобно потоку, от стен Адрианополя к предместьям Константинополя. Варвары были поражены внешним блеском восточной столицы, вышиною и обширностью ее стен, мириадами богатых и объятых ужасом граждан, стекавшихся на городском валу, и разнообразием видов на море и на сушу.

В то время, как они безнадежно глазели на недоступные для них красоты Константинополя, из города была сделана вылазка отрядом сарацин ⁹⁷⁾, очень удачно взятых Валентом к себе на службу. Скифская кавалерия не устояла против необыкновенной быстроты и стремительности арабских коней; их всадники были чрезвычайно искусны в эволюциях мелких стычек, а северные варвары пришли в удивление и в ужас от безжалостной свирепости варваров южных. Они видели, как один косматый и нагой араб, заколов кинжалом одного готского солдата, приложил свои губы к ране и стал с отвратительным наслаждением сосать кровь побежденного врага ⁹⁸⁾. Готская армия, везя с собой добычу, награбленную

в богатых предместьях Константинополя и в его окрестностях, медленно направилась от Босфора к горам, составляющим западную границу Фракии. Она свободно прошла через горное ущелье Сукчи, которое Мавр оставил незащищенным или из страха, или по своей неспособности, а затем, не имея основания ожидать какого-либо сопротивления со стороны разбитой и разбросанной восточной армии, она разбрелась по плодородной и хорошо возделанной стране до самых пределов Италии и Адриатического моря ⁹⁹⁾.

Римляне, рассказывавшие с таким хладнокровием и с такою краткостью об актах *праведливости*, которые совершались легионами ¹⁰⁰⁾, приберегали свои сожаления и свое красноречие для описания страданий, которые они сами испытали в то время, как победоносные варвары стали опустошать их провинции. Безыскусственный подробный рассказ (если бы таковой действительно существовал) о разорении только одного города и о бедствиях только одного семейства ¹⁰¹⁾ представил бы интересную и поучительную картину тогдашних нравов; но утомительное повторение бессодержательных и напыщенных жалоб истощило бы внимание самого терпеливого читателя. И светским и церковным писателям этой несчастной эпохи можно сделать почти в одинаковой степени упрек в том, что они воспламенялись национальной или религиозной враждой и что настоящий размер и колорит каждого предмета был извращен преувеличениями их фальшивого красноречия. Запальчивый Иероним ¹⁰²⁾ был вполне прав, когда он оплакивал ужасы, совершавшиеся готами и их варварскими союзниками в его родине Паннонии и на всем протяжении от стен Константинополя до Юлийских Альп; он был вполне прав, когда упрекал варваров в изнасиловании женщин, в убийствах, поджогах, а главное, в осквернении церквей, которые обращались ими в стойла для лошадей, и в презрительном обхождении с мощами святых мучеников. Но этот писатель, конечно, заходит за пределы того, что согласно с природой вещей и с историей, когда он утверждает, "что в этих опустошенных странах не осталось ничего, кроме неба и земли; что после разрушения городов и истребления человеческой расы земля покрылась густыми лесами и непроницаемым терновником и что с исчезновением зверей, птиц и даже рыб произошло на самом деле то всеобщее запустение, которое было предсказано пророком". Эти жалобы были выс-

казаны почти через двадцать лет после смерти Валента, а иллирийские провинции, через которые беспрестанно проходили взад и вперед варвары, представляли, и после десяти вековых опустошений, достаточно материалов для хищничества и разрушения. Даже если бы мы допустили, что значительная часть этой страны осталась без обработки и без населения, то последствия такого факта не были бы столь губительны для низших произведений животного царства.

Полезные и слабые животные, получающие свою пищу из рук человека, могли бы пострадать или погибнуть, лишившись его покровительства; но его враги или его жертвы — лесные звери — размножились бы, сделавшись полными хозяевами своих уединенных убежищ. Различные породы животных, населяющие воздух и воды, еще менее тесно связаны с судьбою человеческого рода, и в высшей степени вероятно, что дунайская рыба пришла бы в более сильный ужас при виде прожорливой щуки, чем при виде вторгнувшейся в страну готской армии.

Каковы бы ни были действительные размеры постигших Европу бедствий, было основание опасаться, что точно такие же бедствия обрушатся на мирные азиатские провинции. Сыновей готов предусмотрительно разместили по восточным городам и постарались, путем образования, смягчить врожденную свирепость их нрава. В течение двенадцати лет их число постоянно увеличивалось, а дети, посланные за Геллеспонт в эпоху первого переселения, уже достигли физической и душевной возмужалости ¹⁰³⁾. От них нельзя было скрыть событий готской войны, а так как эти отважные юноши не умели выражаться языком лицемерия, то они обнаруживали желание и, может быть, намерение подражать славному примеру своих отцов. Недоверие и подозрения провинциальных жителей, по-видимому, оправдывались опасностью их положения, а эти подозрения были приняты за бесспорное доказательство того, что азиатские готы составили тайный и опасный заговор против общественной безопасности. Смерть Валента оставила Восток без государя, и Юлий, занимавший важную должность главного начальника войск и пользовавшийся репутацией деятельного и способного начальника, счел своим долгом обратиться за указаниями к константинопольскому сенату, полагая, что, пока престол остается незанятым, в этом собрании народных представите-

лей сосредоточивается верховная власть. Лишь только он получил неограниченное право действовать так, как найдет более полезным для блага государства, он собрал высших военных начальников, чтобы вместе с ними принять тайные меры для приведения в исполнение своего кровавого замысла. Немедленно было опубликовано приказание, что в назначенный день вся готская молодежь должна собраться в главных городах тех провинций, где она жила; а так как был старательно распространен слух, что ее созывали для получения щедрых подарков землями и деньгами, то эта приятная надежда ослабила их раздражение и, быть может, приостановила развитие заговора. В назначенный день безоружная толпа готских юношей собралась на площадях или на форуме; улицы были заняты римскими войсками, а крыши домов покрыты стрелками из лука и пращниками. В один и тот же час во всех восточных городах был подан сигнал к избиению всех готов, и благодаря такой бесчеловечной предусмотрительности Юлия азиатские провинции освободились от внутреннего врага, который, может быть, через несколько месяцев прошел бы с огнем и мечом от Геллеспонта до Евфрата ¹⁰⁴⁾. Настоятельная необходимость охранить общественную безопасность, бесспорно, может служить оправданием для нарушения установленных законов. Но я не берусь решить, в какой мере это соображение или какое-либо другое может уничтожать натуральные обязанности, налагаемые человеколюбием и справедливостью.

Император Грациан уже значительно подвинулся вперед на пути к Адрианопольским равнинам, когда он узнал сначала из смутных слухов, а потом из более точных донесений Виктора и Рихомера, что его нетерпеливый соправитель был убит в сражении и что две трети римской армии уничтожены мечом победоносных готов. Хотя Грациан был вправе негодовать на опрометчивое и завистливое тщеславие своего дяди, в его благородной душе это чувство уступило место более нежным эмоциям скорби и сострадания; но и чувство жалости было скоро заглушено серьезными и тревожными заботами об опасном положении государства. Грациан не мог прийти вовремя, чтобы спасти своего несчастного соправителя, а чтобы отомстить за него, был слишком слаб; этот храбрый и скромный юноша сам сознавал, что он не в силах один поддержать разваливавшуюся империю. Германские варвары,

по-видимому, готовились обрушиться на галльские провинции, и внимание Грациана было поглощено заботами о целостности западной империи. В этом затруднительном положении управление Востоком и ведение войны с готами требовали, чтобы им всецело посвятил себя государь, одаренный и воинскими способностями, и способностями государственного человека. Подданный, которому вверили бы столь обширную власть, недолго оставался бы верным своему благодетелю, от которого его отделяло бы огромное расстояние; поэтому было принято благоразумное и мужественное решение: вместо того, чтобы подвергать себя такому унижению, привязать к себе нового соправителя узами признательности. Грациан желал, чтобы назначение нового императора было наградой за доблести, но девятнадцатилетнему монарху, выросшему на ступенях трона, было нелегко сделать правильную оценку дарований своих министров и полководцев. Он попытался беспристрастно взвесить их достоинства и недостатки, но, сдерживая опрометчивую самоуверенность честолюбцев, он относился с недоверием к робкой осмотрительности тех, кто отчаивался в спасении республики. Так как каждая минута промедления что-нибудь отнимала у могущества и у ресурсов будущего восточного монарха, то было бы неблагоприятно терять время в продолжительных колебаниях. Выбор Грациана наконец остановился на изгнаннике, отец которого, только за три года перед тем, потерпел, с его же одобрения, незаслуженную и позорную смертную казнь.

Великий Феодосий, имя которого занимает столь блистательное место в истории и так дорого для католической церкви ¹⁰⁵⁾, был вызван к императорскому двору, который мало-помалу удалился от границ Фракии в более безопасный Сирмиум. Через пять месяцев после смерти Валента император Грациан представил собравшимся войскам своего соправителя, а их повелителя, который, после скромного и, может быть, искреннего сопротивления, был вынужден принять, среди общих рукоплесканий, диадему, порфиру и одинаковый с Грацианом титул Августа ¹⁰⁶⁾. Провинции фракийская, азиатская и египетская, над которыми царствовал Валент, были подчинены новому императору, но так как на него было специально возложено ведение войны с готами, то иллирийская префектура была разделена на две части, и два

больших диоцеза, дакийский и македонский, были присоединены к владениям восточного императора ¹⁰⁷⁾.

Та же самая провинция и, может быть, тот же самый город ¹⁰⁸⁾, которые дали империи добродетельного Траяна и даровитого Адриана, были родиной другой испанской фамилии, которая царствовала в менее счастливую эпоху над разваливавшейся Римской империей в течение почти восьмидесяти лет ¹⁰⁹⁾. Она возвысилась из скромных муниципальных должностей благодаря предприимчивости старшего Феодосия, военные подвиги которого и в Британии и в Африке занимают одну из самых блестящих страниц в летописях Валентинианова царствования. Сын этого полководца, также называвшийся Феодосием, получил, во время своей молодости, прекрасное образование, но своей опытностью в военном искусстве был обязан нежной заботливости и строгой дисциплине своего отца ¹¹⁰⁾. Под руководством такого достойного вождя юный Феодосий искал славы и воинских познаний на самых отдаленных театрах военных действий, приучил себя выносить перемены времен года и различные климаты, выказал свое мужество и на море и на суше и изучил разнообразные способы ведения войны у скоттов, саксов и мавров. Частью его личные достоинства, частью рекомендация завоевателя Африки скоро возвысили его до самостоятельного командования; состоя в звании дукса Мезии, он разбил сарматскую армию, спас эту провинцию, приобрел любовь солдат и возбудил зависть при дворе ¹¹¹⁾. Его надежды на блестящую карьеру были разрушены опалой и казнью его знаменитого отца, и Феодосию было дано, в виде милости, дозволение жить частным человеком на его родине в Испании. Он обнаружил твердость и умеренность своего характера в том, что очень легко применился к условиям своего нового положения. Он делил свое время между городскими и деревенскими занятиями; в исполнении каких бы то ни было общественных обязанностей он выказывал такую же деятельность и такое же усердие, какими отличался на служебном поприще, а свои солдатские привычки к аккуратности он с пользою применил к улучшению своего большого наследственного имения ¹¹²⁾, находившегося между Вальядолидом и Сеговией, в самой середине плодородного округа, до сих пор славящегося необыкновенно изящной породой овец ¹¹³⁾. От невинных и скромных хозяйственных занятий Феодо-

сий, менее чем в четыре месяца, перешел к владычеству над восточной империей, и едва ли найдется во всемирной истории другой подобный пример и столь безукоризненного и столь блестящего возвышения. Государь, спокойно вступающий по наследству на отцовский престол, опирается на свои законные права, которые тем более застрахованы от всяких возражений, что они нисколько не зависят от его личных качеств. Подданный, достигающий, при монархическом или республиканском образе правления, верховной власти, иногда возвышается над себе равными или своим умом, или своими добродетелями, но его добродетель редко бывает не заражена честолюбием, а успех честолюбивого кандидата часто бывает запятнан преступным заговором или ужасами междоусобной войны. Даже при такой форме правления, которая дает царствующему государю право выбирать соправителя или назначать своего преемника, нередко случается, что его пристрастный выбор совершается под влиянием самых слепых страстей и падает на недостойного кандидата. Но самая завистливая злоба не может приписывать Феодосию, во время его скромной и уединенной жизни в Каухе, интриг, желаний или даже только надежд честолюбивого государственного человека, и самое имя этого изгнанника уже было бы давно позабыто, если бы его врожденные и выдающиеся добродетели не оставили глубокого впечатления при императорском дворе.

В эпоху благоденствия им пренебрегали, но в минуту серьезной опасности его высокие достоинства были всеми признаны и оценены. Какое доверие должен был питать Грациан к его честности, чтобы положиться на то, что этот преданный сын простит, ради интересов государства, умерщвление своего отца! Какое он должен был иметь высокое понятие о дарованиях сына, если надеялся, что один этот человек способен спасти и восстановить восточную империю. Феодосий был возведен в императорское звание на тридцать третьем году от рождения. Народ восхищался мужественной красотой его лица и его привлекательной величественной осанкой, которую сравнивали с портретами и медалями Траяна, а интеллигентные наблюдатели усматривали в качествах его сердца и ума более ценное сходство с самыми лучшими и самыми великими римскими монархами. Не без искренних сожалений я вынужден теперь расстаться с аккуратным и надеж-

ным руководителем, который написал историю своего собственного времени, не вдаваясь в предрассудки и страсти, обыкновенно заражающие ум современника. Аммиан Марцеллин, оканчивая свое полезное сочинение поражением и смертью Валента, предоставил описание более блестящих событий следующего царствования юношеской энергии и красноречию нового поколения¹¹⁴⁾. Но новое поколение пренебрегло его советом и не последовало его примеру¹¹⁵⁾, так что, при изучении царствования Феодосия, мы вынуждены довольствоваться пристрастным рассказом Зосима и отыскивать в нем истину при помощи неясных намеков, разбросанных в различных отрывках и хрониках, при помощи фигурных выражений поэтов и панегиристов и при ненадежном содействии церковных писателей, которые, увлекаясь пылом религиозных распрей, способны пренебрегать такими мирскими добродетелями, как искренность и умеренность. Сознывая эти неудобства, с которыми мне придется бороться почти при всем дальнейшем описании упадка и разрушения Римской империи, я должен буду подвигаться вперед нерешительными и робкими шагами. Тем не менее я могу решительно утверждать, что Феодосий не отомстил за адрианопольское поражение никакой замечательной или решительной победой над варварами, а вывод, который можно сделать из красноречивого молчания его продажных панегиристов, подтверждается соображениями, основанными на знакомстве с условиями того времени. Могущественное государственное здание, воздвигнутое трудами стольких веков, не могло бы рушиться от несчастного исхода одной битвы, если бы пагубное влияние воображения не преувеличило настоящих размеров этого общественного бедствия. Потеря сорока тысяч римлян, павших на адрианопольских равнинах, могла бы быть скоро заглажена набором новых рекрутов в многочисленных восточных провинциях, которые были населены столькими миллионами людей. Солдатская храбрость составляет самое дешевое и самое обыкновенное свойство человеческой природы, а оставшиеся в живых центурионы могли бы очень скоро сформировать солдат, достаточно подготовленных для борьбы с недисциплинированным неприятелем. Если варвары захватили лошадей и оружие своих побежденных врагов, то многочисленные каппадокийские и испанские конские заводы доставили бы достаточное количество лошадей для

сформирования новых эскадронов; находившиеся в империи тридцать четыре арсенала были наполнены оружием, годным и для нападения и для обороны, а богатства Азии еще могли доставить достаточные фонды для покрытия военных расходов.

Но впечатление, произведенное адрианопольской битвой на умы и варваров и римлян, придало победе первых и поражению последних размеры, которые выходили из пределов того, что может быть результатом только одного сражения. Кто-то слышал, как один из готских вождей заявил с наглым хладнокровием, что ему надоело убивать, но что он не мог понять, каким образом люди, бежавшие от него как стадо баранов, осмеливались оспаривать обладание своими сокровищами и своими провинциями ¹¹⁶⁾. И римские подданные и римские солдаты приходили в ужас при страшном имени готов, точно так же как готские племена приходили в ужас при имени гуннов ¹¹⁷⁾. Если бы Феодосий, торопливо собрав разбросанные военные силы, вывел их навстречу к победоносному врагу, его армия была бы побеждена своим собственным страхом, а его торопливость не имела бы оправдания в каких-либо шансах успеха. Но великий Феодосий, вполне заслуживший в эту критическую минуту такой эпитет, вел себя как непоколебимый и надежный охранитель государственной безопасности. Он избрал для своей главной квартиры столицу македонского диоцеза ¹¹⁸⁾ Фессалоники, откуда мог следить за беспорядочными движениями варваров и руководить операциями своих полководцев от ворот Константинополя до берегов Адриатического моря. Он усилил в городах укрепления и гарнизоны, а войска, снова подчинившиеся требованиям порядка и дисциплины, мало-помалу ободрились от уверенности в своей собственной безопасности. Из-за своих укреплений они нередко делали вылазки против варваров, которые опустошали окрестную страну, а так как их выводили на бой только тогда, когда на их стороне были выгоды местных условий и численного превосходства, то их попытки были большей частью успешны и они на собственном опыте скоро убедились в возможности побеждать своих *непобедимых* врагов. Отряды от этих самостоятельных гарнизонов стали мало-помалу соединяться в небольшие армии; такие же предусмотрительные меры принимались для приведения в исполнение обширного и хорошо задуманного плана

военных действий; с каждым днем силы и бодрость римской армии увеличивались, а искусство, с которым император распространял самые благоприятные слухи об успешном ходе войны, способствовало тому, что варвары стали менее самонадеянными, а его подданные воодушевились надеждой и мужеством. Если бы вместо этого слабого и неполного очерка мы могли подробно описать все распоряжения и военные действия Феодосия в течение четырех кампаний, его необыкновенно искусные распоряжения, конечно, были бы одобрены всяким, кому знакомо военное дело. Республика уже была раз спасена благоразумной медленностью Фабия; и хотя блестящие трофеи, приобретенные Сципионом на полях Замы, останавливают на себе внимание потомства, но лагерные стоянки и передвижения диктатора среди гор Кампании более достойны солидной и самостоятельной славы, которой полководец не обязан делиться ни с фортуной, ни со своими войсками. Таковы были и достоинства Феодосия; а физические страдания, которые причиняла ему продолжительная и опасная болезнь, не ослабляли его душевной энергии и не отвлекали его внимания от государственных забот ¹¹⁹⁾.

Избавление и спокойствие римских провинций ¹²⁰⁾ были делом не столько храбрости, сколько благоразумия; счастье содействовало благоразумию Феодосия, и он никогда не пропускал удобного случая, чтобы воспользоваться благоприятными обстоятельствами. Пока гениальные дарования Фритигерна поддерживали среди варваров единство и руководили их действиями, их силы не были недостаточны для завоевания обширной империи. Смерть этого героя — предместника и учителя знаменитого Алариха — избавила буйную толпу от невыносимого для нее ига дисциплины и благоразумия. Его власть сдерживала варваров, но теперь они предались внушениям своих страстей, а их страсти редко были однообразны или постоянны. Армия завоевателей раздробилась на множество бесчинных отрядов свирепых грабителей, а их слепая и прихотливая ярость была для них самих не менее губительна, чем для их врагов. Их пагубный нрав обнаруживался в разрушении всего, чего они не были в состоянии унести с собой или чем не умели воспользоваться, и они нередко сжигали с непредусмотрительной яростью жатву или хлебные запасы, в которых вскоре вслед затем сами нуждались

для своего собственного продовольствия. Дух раздора возник между независимыми племенами и народами, которых соединяли лишь очень слабые узы добровольного союза. Войска гуннов и аланов охотно помешали бы отступлению готов, не умевших с умеренностью пользоваться своими удачами; старинная зависть, которую питали друг к другу остготы и вестготы, снова оживилась, а их высокомерные вожди еще не позабыли обид и оскорблений, которыми они обменивались в то время, когда жили по ту сторону Дуная. Усиление внутренних раздоров ослабило менее сосредоточенные чувства национальной вражды, и военачальникам Феодосия было поручено купить щедрыми подарками и обещаниями отступление или содействие недовольной партии. Римляне приобрели отважного и преданного слугу в лице Модара, принца царской крови из рода Амалов. Этот знатный дезертир, скоро вслед затем получивший высший чин военачальника и важный военный пост, напал врасплох на своих соотечественников, погруженных в опьянение и сон, и, после страшного избиения удивленных готов, возвратился в императорский лагерь с огромной добычей, сопровождаемый четырьмя тысячами повозок ¹²¹⁾. В руках искусного политика самые разнородные средства могут с успехом служить для одной и той же цели; раздоры готов помогли ему обеспечить безопасность империи, а благодаря их соединению в одну нацию он окончательно восстановил в своих владениях внутреннее спокойствие.

Атанарих, который издали спокойно следил за этими необыкновенными событиями, наконец был вынужден военными неудачами выйти из своих мрачных убежищ в лесах Кавкаландии. Он без колебаний перешел через Дунай, и многие из подданных Фритигерна, уже сознававшие, как им невыгодна анархия, охотно согласились признать своим царем готского судью, знатное происхождение которого они уважали и с дарованиями которого они нередко знакомились на собственном опыте. Но преклонные лета охладили отвагу Атанариха, и вместо того, чтобы вести свой народ на поле брани и победы, он отнесся с благоразумной предупредительностью к предложению почетного и выгодного мирного договора. Феодосий, которому были хорошо известны и личные достоинства и влияние его нового союзника, согласился выехать к нему на встречу за несколько миль от Константи-

нополя и принял его в столице с доверием друга и с великолепием монарха. Варварский вождь рассматривал с большим вниманием различные предметы, возбуждавшие его любознательность, и наконец воскликнул с искренним и горячим восторгом: "Я вижу в этой удивительной столице такое величие, какого никогда не мог себе представить". Он восхищался и господствующим положением города, и крепостью и красотою городских стен и публичных зданий, и обширностью гавани, наполненной бесчисленными кораблями, и непрерывным наплывом отдаленных народов, и вооружением и дисциплиной войск. "Действительно, — продолжал Атанарих, — римский император — земной бог, и тот самонадеянный человек, который осмеливается поднять против него свою руку, поднимает руку на самого себя" ¹²²⁾. Готский царь недолго наслаждался этим великолепным и почетным приемом: так как воздержание не было в числе добродетелей его нации, то есть основание полагать, что его смертельная болезнь была результатом излишеств, которым он предавался на императорских банкетах. Но политика Феодосия извлекла из смерти его союзника более солидные выгоды, чем те, которых он мог бы ожидать от его преданности и услуг. Погребение Атанариха было совершено в столице Востока с соблюдением торжественных обрядов; в честь его был воздвигнут великолепный памятник, и вся его армия, подкупленная щедрой любезностью и выражениями скорби Феодосия, поступила на службу к римскому императору ¹²³⁾. Присоединение столь многочисленного отряда вестготов имело самые благотворные последствия, а совокупное влияние силы, рассудка и соблазна с каждым днем все усиливалось и расширялось. Каждый самостоятельный вождь спешил заключить отдельный договор из опасения, что, в случае упорства или замедления, он останется в одиночестве и что тогда он сделается жертвой гнева или правосудия победителя. Общая или, скорей, окончательная капитуляция готов состоялась через четыре года один месяц и двадцать пять дней после поражения и смерти императора Валента ¹²⁴⁾.

Придунайские провинции уже высвободились из-под тяжелого гнета гревтунгов ¹²⁵⁾ или остготов благодаря добровольному отступлению Алафея и Сафракса, которые были такого неусидчивого характера, что отправились искать нового поприща для грабежа и славы. Их опустошительное нашествие

было направлено к западу, но мы должны довольствоваться весьма неясными и неполными сведениями об их приключениях.

Остготы оттеснили некоторые германские племена внутрь галльских провинций, заключили и вскоре вслед затем нарушили мирный договор с императором Грацианом, проникли в неизвестные северные страны и, по прошествии с лишком четырех лет, возвратились с более многочисленными силами к берегам Нижнего Дуная. Их войска пополнились самыми свирепыми германскими и скифскими воинами, и римские солдаты или, по меньшей мере, римские историки не узнавали ни имени, ни наружности своих прежних врагов ¹²⁶⁾. Военачальник, командовавший на фракийской границе сухопутными и морскими военными силами, сообразил, что численное превосходство его армии может оказаться неблагоприятным для интересов государства и что варвары, опасаясь его флота и легионов, вероятно, отложат свой переход через реку до наступления зимы. Ловкие шпионы, которых он послал в готский лагерь, вовлекли варваров в пагубную для них западню. Готов уверили, что среди ночного спокойствия и мрака они могут напасть врасплох на погруженную в сон римскую армию, и вся эта легковверная масса людей стала торопливо переправляться через реку на трех тысячах лодок ¹²⁷⁾.

Самые отважные из остготов составляли авангард; в середине находились все остальные готские подданные и солдаты, а женщины и дети беззаботно следовали за ними позади. Для исполнения своего плана готы выбрали безлунную ночь и уже подъехали очень близко к южному берегу Дуная в полной уверенности, что им никто не помешает высадиться и что они нападут врасплох на римский лагерь. Но движение варваров было внезапно остановлено неожиданным препятствием — тройным рядом судов, крепко привязанных один к другому и представлявших неразрывную цепь, которая шла вдоль берега на протяжении двух с половиной миль. В то время, как они пытались проложить себе путь и вступили в неравную борьбу с неприятелем, их правое крыло было раздавлено непреодолимым натиском целого флота галер, быстро спустившегося вниз по реке благодаря совокупному действию весел и течения. Эти военные суда, благодаря своей тяжести и своей скорости, разбивали, топили и разгоняли то-

порные и легкие лодки варваров; храбрость этих последних не принесла им никакой пользы, и царь или главнокомандующий остготов Алафей погиб вместе с самыми храбрыми из своих воинов или от меча римлян, или в волнах Дуная. Последний отряд этого несчастного флота мог бы достичь противоположного берега, но отчаяние и беспорядок отняли у побежденных и способность действовать и способность мыслить, и они стали просить пощады. В этом случае, как и во многих других, очень трудно согласовать между собою страсти и предрассудки писателей того времени. Пристрастный и недоброжелательный историк, искажающий все дела царствования Феодосия, утверждает, что император не появлялся на поле сражения до тех пор, пока варвары не были побеждены мужеством и искусством Промота ¹²⁸). А льстивый поэт, воспевавший при дворе Гонория славные подвиги и отца и сына, приписывает эту победу личной распорядительности Феодосия и даже делает намек на то, что будто царь остготов был убит рукою самого императора ¹²⁹). Исторической истины, быть может, следует искать в середине между этими впадающими в крайности и противоречащими одно другому свидетельствами.

Подлинный текст договора, в котором отводились готам земли для поселения, определялись их привилегии и перечислялись их обязанности, мог бы многое объяснить в истории Феодосия и его преемников. При этих последних и дух и содержание этого странного соглашения сохранились не вполне ¹³⁰). Опустошения, причиненные войнами и тиранией, предоставили много плодородных, но невозделанных земель в пользование тем из варваров, которые не пренебрегали земледельческими занятиями. Многочисленная колония вестготов была поселена во Фракии; остатки остготов были перевезены во Фригию и Лидию; для удовлетворения их неотложных нужд их снабдили зерновым хлебом и скотом, а для поощрения их предприимчивости их освободили на известное число лет от уплаты податей. Варвары могли бы считать себя добровольными жертвами жестокой и коварной политики императорского правительства, если бы согласились на то, чтобы их разместили по различным провинциям. По их требованию им были предоставлены в исключительное распоряжение те селения и округа, которые были назначены для их местопребывания; они по-прежнему сохраняли и рас-

пространяли свои природные нравы и язык, отстаивали в недрах деспотизма свободу своего внутреннего управления и признавали над собою верховную власть императора, не подчиняясь низшей юрисдикции римских законов и должностных лиц. Наследственные вожди племен и родов могли по-прежнему управлять своими подчиненными и в мирное и в военное время; но звание царя было уничтожено, и готские военачальники назначались и сменялись по воле императора. Сорокатысячная готская армия постоянно состояла на службе у восточного императора, и эти надменные войска, присвоившие себе название *Foederati*, или союзников, отличались своими золотыми ожерельями, высоким жалованьем и чрезмерными привилегиями. К своей врожденной храбрости они присоединяли военную опытность и привычку к дисциплине, а в то время, как ненадежный меч варваров охранял империю или готовил ей новые опасности, последние искры военного гения окончательно угасали в душе римлян ¹³¹⁾.

Феодосий был так ловок, что убедил своих союзников, будто мирные условия, на которые его заставили согласиться осторожность и необходимость, были добровольным выражением его искреннего дружеского расположения к готской нации ¹³²⁾. Но он прибегал к иного рода объяснениям или оправданиям в ответ на жалобы народа, громко порицавшего такие постыдные и опасные уступки ¹³³⁾. Он выставял в самом ярком свете причиненные войной бедствия и преувеличивал первые симптомы, предвещавшие восстановление порядка, достатка и общественной безопасности. Защитники Феодосия могли, не без некоторого основания, утверждать, что не было никакой возможности истребить столько воинственных племен, доведенных до ожесточения утратой своей родины, и что истощенные провинции ожили благодаря свежему запасу солдат и земледельцев. Правда, варвары еще сохраняли свой суровый и грозный вид; но опыт прошлого времени позволял надеяться, что они приучатся к производительной деятельности и покорности, что их нравы смягчатся временем, воспитанием и влиянием христианства и что их потомство мало-помалу сольется с римским населением в одно целое ¹³⁴⁾.

Несмотря на эти благовидные аргументы и доверчивые ожидания, нетрудно было предвидеть, что готы еще долго будут врагами Римской империи и, может быть, скоро сдела-

ются ее завоевателями. Их грубое и дерзкое обхождение обнаруживало их презрение и к городским и к сельским жителям, которых они безнаказанно оскорбляли ¹³⁵⁾. Усердию и храбрости варваров Феодосий был обязан своими военными успехами; но их помощь была ненадежна, и нередко случалось, что в ту самую минуту, когда их услуги были всего более необходимы, они покидали римские знамена, увлекаясь своим вероломством и непостоянством. Во время междоусобной войны с Максимом готские дезертиры удалились в значительном числе в болотистые местности Македонии, опустошили окрестные провинции и заставили неустрашимого монарха рисковать своей личной безопасностью и употребить в дело все свои военные силы, чтобы потушить разгоравшееся пламя мятежа ¹³⁶⁾. Тревожное состояние умов поддерживалось сильным подозрением, что эти мятежи были результатом не случайного взрыва страстей, а тайных, хорошо обдуманных замыслов. Все были уверены в том, что готы подписали мирный договор с враждебной и коварной целью и что их вожди предварительно дали друг другу торжественную тайную клятву не считать себя связанными этим договором и, под маской преданности и дружбы, выжидать благоприятной минуты для грабежа, завоеваний и отмщения. Но так как варвары не были недоступны для чувства признательности, то некоторые из готских вождей искренно посвятили себя на службу империи или, по меньшей мере, на службу императору; вся нация мало-помалу разделилась на две партии, и немало софистических доводов было потрачено на обсуждение и сравнение обязательств, наложенных их первыми и вторыми клятвенными обещаниями. Те из готов, которые считали себя друзьями мира, справедливости и Рима, подчинялись влиянию Фравитты — храброго и достойного юноши, возвышавшегося над своими соотечественниками вежливостью в обхождении, благородством чувств и кроткими добродетелями общественной жизни. Но более многочисленная партия держалась за свирепого и вероломного Ариульфа, который старался воспламенять страсти своих воинственных приверженцев и отстаивал их независимость.

Однажды вожди обеих партий, собравшись на праздничный обед у императора, до того разгорячились вином, что позабыли обычные требования сдержанности и уважения и раскрыли, в присутствии Феодосия, пагубную тайну своих

внутренних раздоров. Император, сделавшийся невольным свидетелем этого необыкновенного спора, скрыл свои опасения и свое неудовольствие и поспешил распустить это буйное собрание. Фравитта, встревоженный и раздраженный наглостью своего соперника, удаление которого из дворца могло послужить сигналом для междоусобной войны, смело последовал за ним и, обнажив свой меч, положил Ариульфа мертвым к своим ногам. Сторонники двух вождей взялись за оружие, и верный приверженец Рима не устоял бы против численного превосходства врагов, если бы к нему не подоспели вовремя на помощь императорские телохранители¹³⁷⁾. Таковы были взрывы варварской ярости, бесчестившие дворец и обеденный стол римского императора, а так как один только Феодосий мог сдерживать заносчивых готов твердостью и умеренностью своего характера, то общественная безопасность, по-видимому, зависела от жизни и дарований одного человека¹³⁸⁾.

1) Такова дурная манера выражаться Аммиана (XXVI, 10), что нам не легко отличить в его рассказе факты от метафор. Однако он положительно утверждает, что видел разбитый кузов корабля, *ad secundum lapidem*, в Мефоне или Модоне, в Пелопоннесе.

2) Землетрясения и наводнения описаны с различными подробностями Либанием (*Orat. de ulciscenda Iuliani nece*, гл. 10 в *Bibl. Graec. Фабриция*, том VII, стр. 158, с ученым примечанием Олеария), Зосимом (кн. 4, стр. 221), Созоменом (кн. 6, гл. 2), Кедрином (стр. 310, 314) и Иеронимом (*in Chron.*, стр. 186 и том I, стр. 259 *in Vit. Hilarion*). Эпидавр был бы непременно поглощен водой, если бы его благоразумные граждане не посадили на берегу египетского монаха св. Илариона. Он сделал знамение креста; вздымавшиеся волны остановились, преклонились пред ним и отправились назад.

3) Перипатетик Дикеарх сочинил особый трактат, чтобы доказать эту очевидную истину, не делающую большой чести человеческому роду (Цицерон, *de Officiis*, II, 5.).

4) Первобытные скифы, о которых говорит Геродот (кн. 4, гл. 47-57, 99-101), жили между Дунаем и Меотийским озером внутри четырехугольника величиною в четыре тысячи квадратных стадий (четыреста римских миль). См. Анвилля *Mem. de l'Academie*, том XXXV, стр. 573-591. Диодор Сицилийский (том I, кн. 2, стр. 155, изд. Весселинга) проследил постепенное развитие и этого названия и этой нации. (Когда древние греки ознакомились со своими варварскими северными соседями, они нашли там народ, называвшийся *Guten* или *Gooten*. Мы постараемся проследить происхождение этого имени. При медленном развитии человеческого языка одна раса стала выражать сознание своей деятельности и силы в словах *go*, *good*, *God*. Некоторые из писателей, занимавшихся этимологией, отвергали

сродство этих слов, но они позабывали, что в первоначальных модуляциях голоса не было тонкого разнообразия и потому возникшие впоследствии видоизменения слов не могут считаться за опровержение их первоначального сродства. Из названных трех слов наши предки употребляли второе в форме *Guten* для обозначения самих себя из желания выразить сознание своей храбрости и коллективной силы. Греки не поняли смысла этого названия, не имевшего никаких письменных символов, и извратили его в *Kuten* и *Scuthai*, а отсюда и страна, где был найден этот народ, получила название *Scuthia*. По мере распространения знаний распространялось и знакомство с этим названием. Оно было постоянно связано с одним и тем же пространством территории, и всякое скитающееся племя, которому случалось на время там поселиться, безразлично называлось скифами. По мере того как *Guten* размножались и передвигались к западу, они делились на различные племена. Некоторые из этих племен удерживали свое общее название и переносили его с собою во время своих передвижений по Европе. Некоторые другие отличали себя эпитетами, в которых обозначались или их личные особенности, или их общественные нравы, или особенности занимаемой ими местности. По выходе из своего древнего рассадника они появились на театре исторических событий под этими различными наименованиями, стали вступать в борьбу то одни с другими, то со своими кельтскими предшественниками и словенскими преследователями и наконец столкнулись с могуществом Рима. Одним из самых выдающихся между этими племенами были свевы, название которых, имеющее коренное соотношение с германскими словами *Schweben* и *Schweifen*, значило *быстрые на ходу*. Но большая часть этих римских названий исчезла перед наименованиями, которые были приняты конфедерациями племен, как-то перед наименованиями: *аллеманны, германны, девты, или тевтоны и франки*. Из этих первых двух названий образовалось слово, которым обозначают в наше время жителей Германии у нас и во Франции; а из третьего образовалось слово *Deutshen*, которым они называют сами себя. Аделунг в своем "Лексиконе" (ч. III, стр. 1338) производит это последнее название от слова *Deut*, которое означало в старину близкое родство или дружбу, *einen nahen Verwandten oder Freund*, и употреблялось готами в форме *thlod*, а англосаксами в форме *theod* для обозначения сначала братского соединения, а потом целого народа. Отсюда название *Deuten*, которых римляне называли тевтонами, значит *союзники*, и всякая конфедерация племен, живших прежде того порознь, могла на время присваивать себе это название для того, чтобы отбросить его, когда союз прекратится. Хотя латинские писатели упоминают об этом лишь мимоходом, но необходимость в совокупном действии сохранила это название, — что видно уже из того, как оно упрочилось. Следует заметить, что многочисленные сонмища, угрожавшие Риму, были составлены из таких двух комбинаций. В одном из предшествовавших примечаний было сказано, что кимвры были союзом кельтских племен, а теперь для нас ясно, что и присоединившиеся к ним тевтоны были таким же сборищем готов. Это согласно со взглядом Плутарха, который (том I, стр. 411) называет их *смесью племен* и со взглядом Евтропия, который (кн. 5) говорит,

что они составили *заговор* с целью уничтожить римское могущество. Древние писатели, смотревшие на готов как на отдельную нацию, а не как на различные отрасли одной великой расы, придумали для них странные переселения и особую систему языческих понятий, но этим только сбили самих себя с толку и ввели других в заблуждение. Сквозь их противоречия и неясности мы могли расчистить себе путь только при свете новейших языков, а вопрос о готах стал освещаться лишь после того, как писал Гиббон. Иначе он не впал бы в заблуждение и не стал бы употреблять (как это делает в следующем примечании) безразлично названия *скифов* и *татар*. Эти две столь различные одна от другой расы не было бы ошибкой смешивать на том только основании, что в отдаленные периоды времени они встречаются на одних местах, в одной и той же стадии прогресса и с одними и теми же нравами. — *Издат.*)

5) *Татары*, или *тартары* составляли первобытное племя; они были соперниками монголов, а потом их подданными. В победоносных армиях Чингис-хана и его преемников татары составляли авангард; так как это название прежде других достигло слуха иностранцев, то его приписали всей нации (Фрерэ, в Hist. de l'Academie, том XVIII, стр. 60). Говоря обо всех или о некоторых пастушеских народах Европы и Азии, я безразлично употребляю названия *скифов* и *татар*. 6) Imperium Asiae ter quaesivere; ipsi perpetuo ab alieno imperio, aut invicti, aut intacti mansere. Со времен Юстина (II, 2) они увеличили это число. Вольтер в немногих словах (том X, гл. 64, Hist. Generale, стр. 156) описал татарские завоевания:

Oft o'the er trembling ations from afar
Has Scythia breathed the living cloud of war.

7) В четвертой книге Геродота есть интересное, хотя и не полное, описание скифов. Между новейшими писателями, которые описывали эти однообразные нравы, есть один — хан Ховарезма Абулгази Бахадур, который рассказывает то, что сам испытал; его "Генеалогическая История Татар" дополнена множеством объяснений французских и английских издателей. Карпино, Асцелин и Рубрук (в Hist. des Voyages, том VII) описывают монголов четырнадцатого столетия. Кроме них, я пользовался сочинениями Жербилона и других иезуитов (Description de la Chine par Du Halde, том IV), которые тщательно изучили китайскую Татарию, а также сочинением добросовестного и интеллигентного путешественника Белль д'Антермони (две части in 4-to, Глазго, 1763).

8) Узбеки более всех других отклонились от своих первобытных нравов: 1) тем, что перешли в магометанскую веру и 2) тем, что сделались владетелями городов и плодородной почвы великой Бухарии.

9) Il est certain, que les grands mangeurs de viande sont en general cruels et feroces plus que les autres hommes. Cette observation est de tous lieux, ex de tous les temps: la barbarie Anglaise est connue, etc. (Эмил Руссо, том 1, стр. 274). Что бы мы ни думали об основательности его замечания, мы не можем легко согласиться с основательностью приводимого им примера. Добродушные жалобы Плутарха и трогательный плач Овидия увлекают вслед за собой наш рас судок, возбуждая нашу чувствительность.

10) Открытие этих татарских переселений принадлежит г-ну de Guignes (Histoire des Huns, том 1, 2) — искусному и трудолюбивому

истолкователю китайского языка, познакомившему нас этим путем с новыми и важными сценами истории человеческого рода.

11) Миссионеры нашли в китайской Татарии, только в восьмидесяти милях от большой стены, равнину, возвышающуюся над уровнем моря на три тысячи геометрических шагов. Монтескье, и пользовавшийся и злоупотреблявший описаниями путешественников, приписывает происходившие в Азии перевероты тому важному обстоятельству, что там жара и холод, слабость и сила соприкасаются без всякого промежуточного умеренного пояса (*Esprit des Lois*, кн. 17, гл. 3).

12) Пети-де-ла Крюа (*Vie de Gengiscan*, кн. 3, гл. 7) описывает монгольскую охоту во всем ее блеске и объеме. Иезуиты Жербильтон и Вербиест сопровождали императора Ками в то время, когда он охотился в Татарии (*Du Halde, Description de la Chine*, том IV, стр. 81, 290 и сл., изд. in-folio). Внук этого императора Кинлонг, соединявший татарскую дисциплину с знанием китайских законов и с китайской ученостью, описывает (*Eloge de Moukden*, стр. 273-285), как поэт, удовольствия, которые он испытывал как охотник.

13) См. вторую часть "Генеалогической Истории Татар" и список ханов в конце жизнеописания Генгиса, или Чингиса. В царствование Тимура, или Тамерлана, один из его подданных, потомок Чингиса, еще носил царственное название хана, а завоеватель Азии довольствовался для самого себя титулом эмира или султана. Абулгази, ч. 5, гл. 4. Д'Эрбело, *Bibliothèque Orientale*, стр. 178.

14) См. сеймы древних гуннов (Де-Гинь, том II, стр. 26) и интересное описание тех сеймов, которые собирались при Чингисе (*Vie de Gengiscan*, кн. 1, гл. 6; кн. 4, гл. 2). О таких собраниях часто говорится в персидской истории Тимура, хотя они лишь утверждали приказания своего повелителя.

15) Монтескье старается объяснить никогда не существовавшее различие между свободой арабов и **вечным** рабством татар (*Esprit des Lois*, кн. 17, гл. 5; кн. 18, гл. 19 и сл.).

16) В двух первых частях своей "Генеалогической Истории" Абулгази-хан рассказывает нелепые вымыслы и предания татарских узбеков о тех временах, которые предшествовали царствованию Чингиса.

17) В тринадцатой книге "Илиады" Юпитер отворачивает свои взоры от кровавых полей Трои к равнинам Фракии и Скифии. Но сцены, которые представились его взорам, не отличались более мирным и невинным характером.

18) Фукидид, кн. 2, гл. 97.

19) См. четвертую книгу Геродота. Когда Дарий вступил в молдавскую степь, лежащую между Дунаем и Днестром, скифский царь прислал ему мышь, лягушку, птицу и пять стрел, — какая страшная аллегория!

20) Эти войны и эти герои могут быть отысканы, под своими наименованиями, в *Bibliothèque Orientale* у д'Эрбело. Они были воспеты в эпической поэме, состоящей из шестидесяти тысяч рифмованных куплетов, персидским Гомером Фирдоуси. См. "Историю" Надир-Шаха, стр. 145, 165. Публика должна сожалеть о том, что сэр Джонс прекратил свои исследования о восточной литературе.

21) Каспийское море, вместе с его реками и живущими вблизи от него племенами, тщательно описано в "Examen Critique des Histoires d'Alexandre", где делается сравнение настоящей географии с заблуждениями, вызванными тщеславием или невежеством греков.

22) Первоначальное место жительства этого народа, как кажется, находилось на северо-западе Китая, в провинциях Кенси и Канси. При двух первых династиях главный город все еще был подвижным лагерьм; селения были редки; под пастбищами было более земли, чем под хлебопашеством; охотой приказывали заниматься для того, чтобы очистить страну от диких зверей; Петчели (где находится Пекин) был пустыней, а южные провинции были заселены индийскими дикарями. Династия Хань (за 206 лет до Р. Х.) дала империи ее теперешние формы и размеры. (Цепь среднеазиатских гор и степи монгольские и татарские прекрасно описаны Гумбольдтом в его "Картинах Природы", стр. 3-5, изд. Бона. — *Издат.*)

23) Эра китайской монархии определялась различно, начиная с 2952 и до 2132 года до Р. Х., а 2637 год признан теперешним императором за начало настоящей эры. Эти разногласия происходят оттого, что неизвестно, как долго царствовали две первые династии и как велик был предшествовавший им вакантный промежуток времени, начинавшийся с исторических или баснословных сказаний об императоре Фоги или Гуан У-ди. Китайский историк Сыма Цянь ведет свою достоверную хронологию с 841 года до Р. Х. Тридцать шесть затмений, о которых говорит Конфуций (из которых проверены тридцать одно), были видимы между 722 и 480 годами до Р. Х. *Исторический* период Китая не древнее греческих Олимпиад.

24) После многих веков анархии и деспотизма царствование династии Хань (206 лет до Р. Х.) сделалось эпохой возрождения наук. Отрывки древней литературы были восстановлены; буквы были усовершенствованы и неизменно установлены; сохранение книг в будущем было обеспечено полезными изобретениями чернил, бумаги и искусства книгопечатания. За девяносто семь лет до Р. Х. Сыма Цянь издал первую историю Китая. Сто восемьдесят историков продолжали и дополняли его труд. Содержание их произведений дошло до нас, а самые замечательные из них хранятся в королевской французской библиотеке.

25) Французские миссионеры, жившие в Пекине, и французские писатели Фрерэ и де-Гинь познакомили нас с Китаем. Содержание трех предшествовавших примечаний заимствовано из Chou-King, изданного с предисловием и примечаниями де-Гиня, Париж, 1770; из Tong-Kien-Kang-Mou, переведенного о. Малья, под заглавием Hist. Generale de la Chine, том I, стр. 99-200; из Memoires sur la Chine, Paris. 1776, etc., том I, стр. 1-323; том II, стр. 5-364; из Histoire des Huns, том I, стр. 4-131; том V, стр. 345-362; и из Memoires de l'Academie des Inscriptions, том X, стр. 377-402; том XV, стр. 495-564; том XVIII, стр. 178-295; том XXXVI, стр. 164-238.

26) См. Histoire Generale des Voyages, том XVIII и "Генеалогическую Историю", ч. II, стр. 620-664.

27) Де-Гинь (том II, стр. 1-124) написал "Первоначальную историю древних Гионг-ну, или Гуннов". Китайская география их страны (том I, ч. 2, стр. 55-63), по-видимому, обнимает часть их завоеваний. (Гиб-

бон воспользовался с большим талантом и прозорливостью лучшими материалами, какие были, для изложения истории гуннов. Но позднейшие исследования сделали негодной его работу, ниспровергнув гипотезу де-Гиня, на которой она была основана. Однако те, которые разрушили это здание, не вполне сходятся между собой в том, чем следует заменить его. Многие согласны между собой в том, что гунны были "могущественное кочевое племя монгольской расы, совершенно отличное от южных азиатов и европейцев, и что они впервые появились, подобно другим народам, на равнинах Верхней Азии" (Лекции Нибура, ч. III, стр. 317, 330). Гумбольдт, в своих "Картинах Природы" (стр. 5), по-видимому, принимает теорию де-Гиня и ее красноречивое изложение Гиббоном, но впоследствии (стр. 81) склоняется к мнению Клапрота, который производит гуннов от "финской расы Уральских гор, к которой присоединились различные примеси германцев, турок и самоедов". Предмет этой истории имеет такую отдаленную связь с настоящим вопросом, что нет надобности жертвовать и трудом и местом для более подробного примечания. Для нас достаточно знать, что гунны вышли из тех же самых стран, из которых их предшественники высылали в том же направлении свои орды на Европу, так как были стеснены в своих переселениях океаном со всех сторон, кроме западной. По словам некоторых историков, они много выиграли от своего смешения с другими расами. — *Издат.*)

28) См. у Du Halde (том IV, стр. 18-65) подробное описание страны монголов с точной географической картой.

29) Уйгуры, или вигуры, делились на три ветви: охотников, пастухов и землепашцев, и этот последний класс был в презрении у двух первых. См. Абулгази, ч. 2, гл. 7.

30) *Memoires de l'Academie des Incriptions*, том XXV, стр. 17-33. Благодаря обширности своего кругозора де-Гинь сопоставил эти отдаленные одно от другого события.

31) Слава Сову, или Со-у, его личные достоинства и его странные приключения до сих пор еще воспеваются в Китае. См. *Eloge de Moukden*, стр. 20, и примеч., стр. 241-247; также *Memoires sur la Chine*, том III, стр. 317-360.

32) См. Isbrand Ides, в "Коллекции" Гарриса, ч. II, стр. 931; "Путешествия" Белля, ч. I, стр. 247-254, и Гмелина в *Hist. Generale des Voyages*, том XVIII, стр. 283-329. Они все упоминают о простонародном убеждении, что *священное море* сердится и становится бурным, если кто-либо осмелился назвать его *озером*. Эта грамматическая тонкость нередко возбуждает столкновения между нелепым суеверием моряков и нелепым упорством путешественников.

33) О сооружении Китайской стены говорят Дю-Гальд (том II, стр. 45) и де-Гинь (том II, стр. 59).

34) См. жизнеописание Лиеупанга, или Гао цзы, в *Hist. de la Chine*, изданной в Париже в 1777 г., том 1, стр. 442-522. Это обширное произведение есть перевод (о. Малья) *Tong-Kien-Kang-Mou*, — знаменитого сокращения обширной истории Семакуанга (1084 г. по Р. X.) и его продолжателей.

35) См. публичную и обширную памятную записку, представленную одним мандарином императору Вэнь ди (180-157 г. до Р. X.), у дю-

Гальда (том II, стр. 412-426); она находилась в сборнике государственных документов; на ней есть пометки, сделанные красным карандашом самим Ками (стр. 384-612). В другой памятной записке военного министра (Канг-Му, том II, стр. 555) есть интересные подробности о нравах гуннов.

36) Обязанность доставлять женщин считалось обычной статьей договоров и входила в счет подати (Hist. de la Conquete de la Chine par les Tartares Mantcheoux, том I, стр. 186, 187 с примечанием издателя).

37) Де-Гинь, Hist. des Huns, том II, стр. 62.

38) См. царствование императора У-ди в Канг-Му, том III, стр. 1-98. Его изменчивый и непостоянный характер, как кажется, описан беспристрастно.

39) Это выражение употребляется в памятной записке, представленной императору У-ди (Дю-Гальд, том II, стр. 417). Не впадая в преувеличения Марко Поло и Исаака Воссия, мы можем допустить, что Пекин имеет два миллиона жителей. Южные города, в которых находятся китайские мануфактурные заведения, еще более многочисленны.

40) См. Канг-Му, том III, стр. 150 и последующие события под соответствующими им годами. Это замечательное празднество воспето в Eloge de Moudou и объяснено в примечании о. Гобиля, стр. 89, 90.

41) Эта надпись была сочинена на самом месте президентом "Трибунала Истории", Панку (Канг-Му, том III, стр. 392). Подобные памятники были найдены во многих частях татарии (Hist. des Huns, том II, стр. 122).

42) Де-Гинь (том I, стр. 189) напечатал коротенькую статью о сиенпях.

43) Китайцы относят начало эры гуннов к тысяча двести десятому году до Рождества Христова. Но ряд их царей начинается лишь с 230 года (Hist. des Huns, том II, стр. 21-123).

44) Различные подробности касательно упадка и бегства гуннов рассказаны в Канг-Му, том III, стр. 88, 91, 95, 139 и сл. Немногочисленность каждой орды может быть приписана понесенным ими потерям и их раздорам.

45) Де-Гинь искусно проследил движение гуннов через обширные степи Татарии (том II, стр. 123, 277 и сл., 325 и сл.).

46) Султан Каризмы Мухаммед царствовал в Согдиане в то время, как в нее вторгся (1218 г. по Р.Х.) Чингис со своими монголами. Восточные историки (см. д'Эрбело, Petit-de-la-Croix и др.) описывают многочисленные города, которые он разорил, и плодородную страну, которую он опустошил. В следующем столетии те же самые провинции Хорезмия и Мавераннагр были описаны Абульфедой. (Нудсон, Seograph. Minor, том III.) В каком жалком положении находятся они теперь, можно видеть из "Генеалогической Истории Татар", стр. 423-469. (По словам Гумбольдта ("Картины Природы", стр. 80, 81) "северные" гунны — грубый пастушеский народ с очень смуглым цветом лица", составляли отдельную расу от южных гуннов, или гайятега, у которых был более красивый цвет лица, которые занимались земледелием или жили в городах и часто назывались белыми гуннами. — Издат.)

47) Юстин (XLI, 6) написал сокращенный рассказ о греческих царях

Бактрии. Их предприимчивости я приписываю открытие нового пути для торговли, на котором товары перевозились из Индии в Европу по Оксу, Каспийскому морю, Киру, Фазису и Эвксинскому морю. Другие сухопутные и морские пути находились во власти Селевкидов и Птолемеев (см. *L'Esprit des Lois*, кн. 21). (Клинтон (F. H. III, 315) составил рассказ о семи царях Бактрии на основании сведений, заимствованных от Юстина, Полибия, Страбона и Плутарха. — *Издат.*) 48) Прокопий, de Bell. Persico, кн. 1, гл. 3, стр. 9.

49) В тринадцатом столетии монах Рубрук, проезжавший через обширную равнину Кипсака во время своей поездки ко двору хана, заметил, что употреблялось название *Венгрии*, и нашел следы общего с европейскими жителями Венгрии языка и происхождения (*Hist. des Voyages*, том VII стр. 269).

50) Белль (ч. 1, стр. 29-34) и издатели "Генеалогической Истории" (стр. 539) описали волжских калмыков, живших в начале текущего столетия.

51) Это великое переселение трехсот тысяч калмыков, или торгутов, произошло в 1771 году. Назначенный служить надписью для одной колонны, подлинный рассказ царствующего императора Кинг-лонга был переведен пекинскими миссионерами (*Memoire sur la Chine*, том 1, стр. 401-418). Император старается выражаться сладким и привлекательным языком, приличным для Сына Небес и Отца своего народа.

52) (О гуннах Unnoi в первый раз упоминается в географической поэме, которую написал Дионисий из Шаракса или Периегеты (V. 730). Это, как полагают, тот самый Дионисий, который, как пишет Плиний (*Hist. Nat.*, VI, 27), сопровождал по приказанию Августа в качестве руководителя и наставника Гая Цезаря во время поездки этого последнего на Восток. Но из указанного места касательно гуннов Бернарди (ad Dionys. Perieg., стр. 514) делает заключение, что этот поэт жил не прежде третьего или четвертого столетия. Евстафий (ad Dionys. Perieg., стр. 173) полагает, что он жил или при Августе, или при Нероне. Стало быть, время его существования неизвестно в точности. Но так как он не упоминает о Константинополе, то, стало быть, он писал ранее 330 года по Р.Х. Клин. F.H. III, 576. — *Издат.*)

53) *Канг-Му* (том III, стр. 447) определяет объем их завоеваний в четырнадцать тысяч lis. По теперешним размерам двести lis (или, выражаясь с большей точностью, сто девяносто три) равняются одному градусу широты, и, стало быть, одна английская миля длиннее трех китайских. Но есть весьма веские доказательства того, что древние lis равнялись половине новейших. См. тщательные исследования Анвилля, который, как географ, был знаком со всеми веками и со всеми странами земного шара (*Memoires de l'Acad.*, том II, стр. 125-502. *Mesures Itineraires*, стр. 154-167).

54) См. *Histoire des Huns*, том II, стр. 125-144. Последующая история (стр. 145-277) трех или четырех династий, управлявших гуннами, ясно доказывает, что их воинственный характер не ослабел от продолжительного пребывания в Китае.

55) Utque hominibus quietis et placidis otium est voluptabile, ita illos pericula juvant et bella. Judicatur ibi beatus qui in proelio profuderit animam: senescentes etiam et fortuitis mortibus mundo digressos ut

- degeneres et ignavos conviciis atrocibus insectantir (Аммиан, XXXI, 2). Нельзя не иметь высокого мнения о победителях *таких* людей.
- 56) Касательно аланов см. Аммиана (XXXI, 2), Иордана (De Rebus Geticis, гл. 24), де-Гиня (Hist. des Huns, том II, стр. 279) и "Генеалогическую Историю Татар" (том II, стр. 617).
- 57) Так как мы имеем достоверные исторические сведения о гуннах, то было бы неуместно повторять или опровергать басни, которые представляют в ложном свете их происхождение и передвижения, описывают их переход через болота или через воды Меотийского озера в погоне за быками или оленями и рассказывают, что будто они открыли Индию (Зосим, кн. 4, стр. 224. Созомен, кн. 6, гл. 37. Прокопий, Hist. Miscell., гл. 5. Иордан, гл. 24. Crandeuret Decadence etc. des Romains, гл. 17).
- 58) Prodigiosae formae, et pandi; ut bipedes existimes bestias; vel quales in commarginandis pontibus effigiati stipites dolantur incompti. Аммиан, XXXI, 2. Иордан (гл. 24) описывает очень карикатурно наружность калмыков. Species pavenda nigredine... quaedam deformis offa, non facies, habensque magis puncta quam lumina. См. Бюффона Hist. Naturelle, том III, стр. 380).
- 59) Это отвратительное происхождение Иордан (гл. 24) описывает со злобой гота, но оно, быть может, было заимствовано из более привлекательной греческой басни (Геродот, кн. 4, гл. 9 и сл.).
- 60) Быть может, роксоланы были предками Ros, руссов (Анвилль, Empire de Russie., стр. 1-10), пребывание которых (862 г. по Р.Х.) вблизи от Великого Новгорода не могло быть очень отдалено от того места, которое, по словам равенского геодукса (IV, 12; IV, 46; V, 28, 30), занимали роксоланы (886 г. по Р.Х.). (Шлецер собрал много ценных сведений о ранней истории северных народов. Но в своих замечаниях о древних руссах он менее ясен, чем обыкновенно (Nordische Geschichte, ч. 1, стр. 222). Все, что он говорит, не подтверждает предположений Гиббона. Но неточность древней языческой номенклатуры дает нам право предполагать, что роксоланы были аланское племя, отличавшееся особым эпитетом, который сделался впоследствии самостоятельным названием размножившегося племени, а наконец и многочисленного народа. (См. об этом предмете Целлария, ч. 1, кн. 2, гл. 6, стр. 407. — *Издат.*)
- 61) Текст Аммиана, по-видимому, неполон или извращен; но самые свойства территории дают возможность объяснить и даже с некоторой точностью определить, какого рода окопы хотели возводить готы. Memoires de l'Academie etc., том XXVIII, стр. 444-462.
- 62) De Buat (Hist. des Peuples de L'Europe, том VI, стр. 407) возымел странную мысль, что Алавив и готский епископ Ульфила были одно и то же лицо и что внук одного каппадокийского пленника Ульфила сделался светским государем готов.
- 63) Аммиан (XXXI, 3) и Иордан (De Rebus Geticis, гл. 24) описывают разрушение готского владычества гуннами.
- 64) Хронология Аммиана неясна и неполна. Тильемон старался выяснить и в точности изложить летописи царствования Валента.
- 65) Зосим, кн. 4, стр. 223. Созомен, кн. VI, гл. 38. Исавры каждую зиму грабили по малоазиатским большим дорогам до окрестностей

Константинополя. Св. Василий, Epist. 250, у Тильемона в Hist. des Empereurs, том V, стр. 106.

66) Переправа через Дунай рассказана Аммианом (XXXI, 3,4), Зосимом (кн. 4, стр. 223, 224), Евнапием in Excerpt. Legat. (стр. 19,20) и Иорданом (гл. 25-26). Аммиан объявляет (гл. 5), что он понимает только "ipsas rerum digere summitates". Но он часто неправильно взвешивает их значение, а его многословная расплывчивость неприятным образом уравнивается его неуместной сжатостью.

67) Любопытнейший путешественник Chishull измерил ширину Дуная, через который он переезжал к югу от Бухареста неподалеку от впадения в него Аргиша (стр. 77). Он восхищался красотой и естественным плодородием Мизии и Болгарии.

68) Quem si scire velit, Libyci velit aequoris idem

Discere quam multae Zephyro turbentur arenae.

Аммиан внес в свою прозу эти строки Вергилия (Georgic, II, 105), которые были первоначально назначены поэтом для выражения невозможности сосчитать различные сорта вин. См. Плиния Hist. Natur., кн. 14.

69) Евнапий и Зосим тщательно перечисляют эти доказательства богатства и роскоши готов. Однако следует полагать, что это были мануфактурные произведения римских провинций, доставшиеся варварам в качестве военной добычи или приобретенные ими в мирное время в виде подарков или покупкой.

70) Decem libras; здесь подразумевается слово *серебро*. Иордан обнаруживает страсти и предрассудки гота. Раболепные греки Евнапий и Зосим скрывают тиранию римлян и говорят с отвращением о вероломстве варваров. Историк-патриот Аммиан слегка и неохотно касается этого отвратительного сюжета. Иероним, писавший почти на самом месте происшествия, ясен, хотя и краток. Per avaritiam Maximus ducis, ad rebellionem fame coacti sunt (in Chron).

71) Аммиан, XXXI, 4, 5.

72) Vexillis de more sublatis, auditisque triste sonantibus classicis. Атаин, XXXI, 5. Это то же, что rauta cornua Клавдиана (in Rufin. II, 57) и большие рога Ури или буйволов, еще так недавно бывшие в употреблении в швейцарских кантонах Ури и Унтервальдена (Зимлер de Republica Helvet., кн. 2, стр. 201, edit. Fuselin. Tigur. 1734). Об их военной трубе, хотя может быть и случайно, упоминается в подлинном рассказе о битве при Нанси (1477 г.): "Attendant le combat le dit corne par trois fois, tant que le vent du souffleur pouvoit durer: ce qui esbahit fort Monsieur de Bourgoigne; car deja a Morat l'avoit ouy (См. Pieces Justificatives в издании in 4-то сочинений Филиппа де-Комина, том III, стр. 493).

73) Иордан de Rebus Geticis, гл. 26, стр. 648, изд. Грота. Эти splendidi ranni (сравнительно они в самом деле таковы), без сомнения, заимствованы из более полных исторических сочинений Приска, Аблавия или Кассиодора. (Гиббон уже прежде высказал (ч. 1) общее и, как кажется, основательное мнение, что Иордан только составил сокращение из истории, написанной Кассиодором в двенадцати книгах, и сделал это с целью доставить удовольствие готам, победившим римлян. Оно помещено в бенедиктинском собрании произведений Кассиодора. — Издат.)

74) Cum populis suis longe ante suscepti. Нам неизвестны в точности ни время, ни подробности их переселения.

75) В Адрианополе находился императорский завод, на котором делали щиты и пр., а народом руководили Fabricenses — фабричные (Валуа ad Ammian XXXI, 6).

76) Pacem sibi esse cum parietibus memorans. Аммиан, XXXI, 7.

77) Эти прииски находились в стране бессов на хребте Родопских гор, которые тянутся между Филиппами и Филиппополем — двумя македонскими городами, получившими свое название и свое начало от отца Александра Великого. От этих Фракийских приисков он ежегодно получал стоимость, а не вес тысячи талантов (200 000 ф.стерл.); на этот доход он содержал фалангу и подкупал греческих ораторов. См. Диод. Сицил., том II, кн. 16, стр. 88, изд. Весселинга; *Комментарий* Годефруа к Кодексу Феодосия, том III, стр. 496, Целлария Geograph. Antiq., ч. 1, стр. 676, 857, Анвилля Geographie Ancienne, ч. 1, стр. 336.

78) Так как эти несчастные рабочие часто спасались бегством, то Валент издал строгие законы, которыми предписывалось силою вытаскивать их из тех мест, где они скрывались. *Код. Феод.*, кн. 10, тит. 19, зак. 5, 7.

79) См. Аммиана, XXXI, 5, 6. Историк готской войны напрасно тратит время и место на бесполезное перечисление прежних варварских нашествий.

80) *Дорожник* Антонина (стр. 226, 227, изд. Весселинга) указывает место этой битвы почти в шестидесяти милях к северу от Том, куда был сослан Овидий, а название Salices (ивы) указывает на характер местности.

81) Укрепления из повозок (Carrago) были обыкновенным способом обороны у варваров (Вегетий, de Re Militari, кн. 3, гл. 10. Валуа ad Ammian, XXXI, 7). Их потомки сохраняли это обыкновение и это название до пятнадцатого столетия. Тем, кто читал Фруассара и Комина, должны быть хорошо знакомы Chagroу, которыми окружала себя армия.

82) Statim ut accensi malleoli. Я принял в их буквальном значении слова "веха" или "факел", но я подозреваю, что это не более как одна из тех напыщенных метафор, одно из тех фальшивых украшений, которые беспрестанно обезображивают слог Аммиана.

83) Indicant nunc usque albentes ossibus campi. Аммиан, XXXI, 7. Историк, быть может, видел эти равнины или как солдат, или как путешественник. Но его скромность заставила его умолчать о его личных приключениях после войн Констанция и Юлиана с персами. Нам неизвестно, когда именно он оставил службу и удалился в Рим, где, как кажется, писал историю своего собственного времени.

84) Аммиан, XXXI, 8.

85) Hanc Taifalorum gentem turpem, et obscae vitae flagitiis ita accipimus mersam; ut apud eos nefandi concubitus foedere, copulentur mares puberes, aetatis viriditatem in eorum pollutis usibus consumpturi. Porro, si qui jam adultus aprum exceperit solus, vel interemit ursum immanem, colluvione liberatur incesti. Аммиан, XXXI, 9. Между греками, и в особенности между критянами, священные

узы дружбы скреплялись и пятались противоестественной любовью.

86) Аммиан, XXXI, 8,9. Иероним (том 1, стр. 26) перечисляет эти народы и описывает период двадцатилетних общественных бедствий. Это послание к Гелиодору было написано в 397 году (Тильмон, *Mem. Eccles.*, том XII, стр. 645).

87) Место сражения, называвшееся *Argentaria* или *Argentovaria*, с точностью определено Анвиллем (*Notice de l'Ancienne Gaule*, стр. 96-99) в двадцати трех галльских милях, или в тридцати четырех с половиной римских милях, к югу от Страсбурга. Из развалин этого города (*Argentaria*) возник вблизи от него город Кольмар.

88) Вдобавок к полному и беспристрастному рассказу Аммиана (XXXI, 10) можно найти некоторые подробности в "Извлечениях" Виктора, в "Хрониках" Иеронима и в "Истории" Орозия (кн. 7, гл. 33, стр. 552, изд. Гаверкампа).

89) *Moratus paucissimos dies, seditlone popularium levium pulsus*. Аммиан XXXI, 11. У Сократа (кн. 4, гл. 38) можно найти некоторые добавочные указания времени и некоторые новые подробности.

90) *Vivosque omnes circa Mutinam, Regiumque, et Parmam, Italica oppida, rura culturos exterminavit*. Аммиан, XXXI, 9. Через десять лет после поселения там тайфалов эти города и округа находились в самом жалком положении. См. Муратори, *Dissertazioni sopra le Antichita Italiane*, том. 1, *Dissertaz.* XXI, стр. 354 (По словам Виктора, (Epist. стр. 395) тайфалы еще жили во Фракии и Дакии, когда Грациан отозвал Феодосия из Испании, после смерти Валента. — *Издат.*)

91) Аммиан, XXXI, 11. Зосим, кн. 4, стр. 228-230. Этот последний говорит подробно об отдельных подвигах Себастиана, а о важной адрианопольской битве говорит в нескольких строках. По словам церковных писателей, ненавидевших Себастиана, похвалы Зосима тоже, что брань (Тильмон, *Hist. des Empereurs*, том V, стр. 121). Его предрассудки и невежество, конечно, делают его весьма плохим ценителем чужих достоинств.

92) Аммиан (XXXI, 12, 13) почти единственный писатель, который описывает приготовления и события, окончившиеся гибельной адрианопольской битвой. Нам случалось нападать на него за недостатки его слога, за беспорядочность и сбивчивость его рассказа; но теперь мы должны расстаться с этим беспристрастным историком, и наши упреки заглушаются сожалением о такой невознаградимой потере.

93) Различие между восемью милями, о которых говорит Аммиан, и двенадцатью, о которых говорит Идаций, может приводить в затруднение (Валуа *ad loc.*) только тех критиков, которые считают большую армию за математическую точку, у которой нет никакого пространства или размеров.

94) *Nec ullis aunalibus, praeter Cannensem pugnam, ita ad internecionem res legitur gesta* (Аммиан, XXXI, 13). По словам Полибия, с поля битвы при Каннах спаслись только триста семьдесят всадников и три тысячи пехотинцев; десять тысяч человек были взяты в плен, а убиты были пять тысяч шестьсот тридцать всадников и семьдесят тысяч пехотинцев (Полиб., кн. 3, стр. 371, изд. Казобона, in 8-vo). Ливий менее жестокосерден (XXII, 49): по его словам, убиты были только две тысячи семьсот всадников и сорок тысяч пехотин-

цев. Римская армия, как полагают, состояла из восьмидесяти семи тысяч двухсот человек (XXII, 36).

95) На эти события бросают слабый свет сочинения Иеронима (том 1, стр. 26 и *Хрон.*, стр. 188), Виктора (*Сократ.*), Орозия (кн.7, гл. 33, стр. 554), Иордана (гл. 27), Зосима (гл.7, стр. 230), Сократа (кн.47, гл. 38), Созомена (кн.6, гл. 40) и Идация (*Хрон.*). Но все они, вместе взятые, не перевешивают того, что мы знаем от одного Аммиана.

96) Либаний, *de ulciscend. Iulian.* песе, гл. 3, в *Biblioth. Graec.* Фабриция, том VII, стр. 146-148.

97) Валент снискал или, скорее, купил дружбу сарацинов, которые прежде того постоянно опустошали Финикию, Палестину и Египет. Незадолго перед тем был обращен в христианскую веру народ, которому было суждено впоследствии распространять иную религию (Тильмон, *Hist. des Empereurs*, том V, стр. 104, 106, 141, *Tem. Eccles.*, том VII, стр. 593).

98) *Crinitus quidam, nudus omnia praeter pubem, subraucum et lugubre strepens* (Аммиан XXXI, 16, и Валуа *ad loc.*). Арабы часто сражались голыми, что можно объяснить частью их знойным климатом, частью желанием выказать свою храбрость. Описание этого неизвестного дикаря есть живой портрет того Дерара, имя которого было так страшно для сирийских христиан. См. Оклей (*Ockley*) *Ист. Сарацинов*, ч. 1, стр. 72, 84, 87.

99) Нить этих событий еще можно проследить на последних страницах Аммиана (XXXI, 15, 16). Зосим (кн. 4, стр. 227, 231), к помощи которого нам приходится теперь прибегать, ошибочно полагает, что вылазка арабов произошла до смерти Валента. Евнапий (*in Excerpt. Legation.*, стр. 20) хвалит плодородие Фракии, Македонии и пр.

100) Заметьте, с каким равнодушием Цезарь рассказывает в своих "Комментариях о галльской войне", **что** он велел казнить всех членов венецианского сената, которые сдались ему безусловно, положившись на его милосердие (III, 16); **что** он старался истребить всю нацию Эбурунов (VI, 31); **что** сорок тысяч человек были избиты в Бурже основательно разгневавшимися его солдатами, которые не щадили ни возраста, ни пола (VII, 27) и пр.

101) Таков рассказ священников и рыбаков о разграблении Магдебурга, внесенный Гартом в его "Историю Густава Адольфа" (ч. 1, стр. 313-320) с некоторым опасением нарушить **достоинство** истории.

102) *Et vastatis urbibus hominibusque interfectis, solitudinem et raritatem beliarum quoque fieri, et volatilium, pisciumque: testis Illyricum est, testis Thracia, testis in quo ortus sum solum (Pannonia); ubi praeter coelum et terram, et crescentes vepres, et condensa sylvarum cuncta perierunt* (том VII, стр. 250 ad 1 cap. Sophonias и том 1, стр. 26.).

103) Евнапий (*in Excerpt. Legat.*, стр. 20) делает странное предположение, что юные готы выросли со сверхъестественной быстротой, и делает это для того, чтобы напомнить о вооруженных людях Кадма, вышедших из зубов дракона и пр. Такого было в те времена греческое красноречие.

104) Аммиан, очевидно, одобряет это избиение, "*efficacia velox et salutaris*", которым он заканчивает свое сочинение (XXXI, 16). Рассказ Зосима интересен и подробен (кн. 4, стр. 233-236), но этот писа-

тель ошибается в указании времени и старается отыскать причину, почему Юлий не посоветовался с императором Феодосием, который в ту пору еще не был восточным императором.

105) Жизнеописание Феодосия Великого было написано в прошлом столетии (Париж, 1679, in 4-to, 1680, in 12-mo) с целью возбудить в юном дофине усердие к католической вере. Автор этого жизнеописания, Флешье, бывший впоследствии епископом в городе Ним, был знаменитый проповедник; его рассказ украшен или обезображен церковным красноречием; свои сведения он заимствовал от Барония, а свои принципы от св. Амвросия и св. Августина.

106) О рождении, характере и возвышении Феодосия говорят: Пакат (in Panegyrg. Vet., XII, 10-12), Фемистий (Orat., 14, стр. 182), Зосим (кн. 4, стр. 231), Августин (de Civitat. Dei, V, 25), Орозий (кн. 7, гл. 34), Созомен (кн. 7, гл.2), Сократ (кн.5, гл.2), Феодорит (кн. 5, гл.5), Филосторгий (кн. 9, гл.17, с примечаниями Годефрау, стр. 393), Виктор в Epitome и "Хроники" Проспера, Идация и Марцеллина в Thesaurus Temporum Скалигера.

107) Тильемен, Hist. des Empereurs, том 5, стр. 716 и сл.

108) Italica, основанная Сципионом Африканским для его раненых итальянских ветеранов. Развалины этого города видны до сих пор почти в одной миле от Севильи, но на противоположном берегу реки. См. Hispania Illustrata Нония; это сочинение хотя и кратко, но может быть очень полезно; гл. 17, стр. 64-67.

109) Я разделяю мнение Тильемена (Hist. des Empereurs, том V, стр. 726), который не верит в генеалогию, хранившуюся в тайне до возведения Феодосия на престол. Даже после того молчание Паката перевешивает продажные свидетельства Фемистия, Виктора и Клавдиана, уверявших, будто род Феодосия одного происхождения с Траяном и Адрианом.

110) Пакат сравнивает (и, следовательно, отдает ему предпочтение) юношеское образование Феодосия с военным воспитанием Александра, Ганнибала и второго Африканского, которые, подобно ему, начали свою службу под начальством своих отцов (XII, 8).

111) Аммиан (XXIX,6) говорит по поводу этой победы: "Theodosius junior Dux Moesiae, prima etiam tum lanugine juvenis, princeps postea perspectissimus". О том же факте свидетельствуют Фемистий и Зосим; но Феодорит (кн.5, гл. 5), сообщая о нем некоторые интересные подробности, странным образом относит его ко времени междоусобия.

112) Пакат (in Panegyrg. Vet., XII, 9) предпочитает деревенскую жизнь Феодосия жизни Цинцинната; но первый вел эту жизнь по выбору, а второй по бедности.

113) Анвилль (Geographie Ancienne, том I, стр. 25) определил положение Каухи или Коки в провинции Старой Галиции, где, по словам Зосима и Идация, Феодосий родился и где находилось его наследственное имение.

114) Послушаем, что говорит сам Аммиан: "Haec, ut miles quondam et Graecus, a principatu Caesaris Nervae exorsus, adusque Valentis interitum, pro virium explicavi mensura: opus veritatem professum; nunquam, ut arbitror, sciens, silentio ausus corrumpere vel mendacio. Scribant reliqua potiores aetate, doctrinisque florentes. Quos id, si

libuerit, aggressuros, procudere linguas ad majores moneo stilos (Аммиан, XXXI, 16). Первые тринадцать книг, представлявшие поверхностный обзор событий за двести пятьдесят семь лет, утрачены; а последние восемнадцать книг, обнимающие собою лишь двадцатипятилетний период времени, представляют подробную и достоверную историю его собственного времени.

115) Аммиан был последний из римских подданных, написавший светскую историю на латинском языке. В следующем столетии на Востоке появилось несколько витиеватых историков, как-то: Зосим, Олимпиодор, Малх, Кандид и пр. См. *Воссия de Historicis Graecis*, кн. 2, гл. 18; *de Historicis Latinis*, кн. 2, гл. 10 и сл.

116) Златоуст, том 1, стр. 344, изд. Монфокона. Я рассмотрел и проверил это место, но без содействия Тильемона (*Hist. des Emp.*, том V, стр. 152) я никак не открыл бы исторического анекдота в странной смеси нравственных и мистических увещаний, с которыми антиохийский проповедник обращается к одной молодой вдове. (Почему для спасения столь могущественной империи не было достаточно ее громадных ресурсов, вверенных такому даровитому правителю, как Феодосий? Почему Рим, располагавший более обильными средствами, чем в эпоху более ужасных поражений при Фразимене и Каннах, не мог поправиться от этих несчастий? Потому что народ утратил свое мужество. В человеческом уме нет таких зачатков разрушения, которые, периодически развиваясь, уничтожили бы плоды прошлого. По самой природе вещей он стремится вперед; если же он идет вспять, это происходит лишь от внешнего давления. Не говоря уже о более отдаленной древности, мы можем указать на то, что он делал громадные успехи в течение восемнадцати столетий, начиная с раннего периода греческой истории и кончая веком Августа; затем он вступил в период постепенного упадка, и описываемая эпоха служит тому примером. "Пагубное влияние воображения" приобрело такую силу, которую оно может приобретать только при бессилии высших умственных способностей, а это бессилие было делом церковной иерархии. На его постоянно возраставшее высокомерие и преобладание уже сделаны были легкие указания на предшествующих страницах; но их должен постоянно иметь в виду тот, кто хочет понять исторические события этого периода. Влияние этого преобладания заметно во всех проявлениях общественного бессилия, в упадке талантов, в угасающем пламени гения. Литература служит выражением и отпечатком общего умственного уровня. Они приходят в упадок одновременно. Ослабевшая энергия откладывает в сторону перо, когда ей не дают никаких материалов ни плуг, ни молот, ни лопата каменщика, ни кисть живописца, ни меч, ни скипетр. А так и было с расслабленными людьми в последние дни Западной империи. Гибельные испарения, выходившие из тинистых болот епископского честолюбия, и грязная тряпина недоступных для ума религиозных споров совершенно отуманили умы того времени. Пользование и умственными и физическими способностями было парализовано, и люди сделались неспособными предусматривать неизбежные последствия совершающихся перед их глазами фактов. Ни один из древних греческих или римских гениальных правителей не допустил бы такого национального самоубийства, каким было поселение всего

готского племени внутри границы, охраняемой Дунаем. В этом случае безумное ослепление Валента и его советников служит свидетельством умственного упадка. Это зло будет развиваться перед нашими глазами в последующих исторических событиях и обнаружит те влияния, которые привели к падению римской империи и к следовавшему затем продолжительному преобладанию невежества и варварства. — *Издат.*)

117) Евнапий, in Excerpt. Legation., стр. 21.

118) См. "Хронологию Законов" Годефруа. *Код. Феодос.*, том 1. Prolegomen., стр. 99-104.

119) Писатели большей частью упорно утверждают, что Феодосий был болен и долго отдыхал в Фессалониках; Зосим делает это с целью уменьшить славу Феодосия; Иордан — для того, чтобы польстить готам, а церковные писатели для того, чтобы этим временем окрестить Феодосия.

120) Сравн. Фемистия (Orat. 14, стр. 181) с Зосимом (кн. 4, стр. 232), Иорданом (гл. 27, стр. 649) и растянутым комментарием de Buat (Hist. des Peuples etc., том VI, стр. 477-552). *Хроники* Идация и Марцеллина намекают в общих выражениях на "magna certamina, multaque praelia". Нелегко согласовать между собой эти два эпитета.

121) Зосим (кн. 4, стр. 232) называет его скифом; позднейшие греческие писатели, как кажется, привыкли называть этим именем готов. (См. объяснительное примечание по этому предмету на стр. 144. Различные формы и звуки голоса, употребляемые в наше время для произнесения этих двух названий, скрывают от глаз их первоначальное сходство. Зосим и позднейшие греческие писатели, быть может, еще замечали это сходство и, очевидно, знали о тождестве происхождения этих племен и о том, что они сначала жили на одних и тех же местах. Но они не обратили внимания на постепенность их переселений. — *Издат.*)

122) Читатель, вероятно, не будет недоволен, если я приведу подлинные слова Иордана или того автора, у которого он их списал: "Regiam urbem ingressus est, miransque: En, inquit, cerno quod saepe incredulus audiebam, famam videlicet tantae urbis. Et huc filluc oculos volvens, nunc situm urbis commeatumque navium, nunc moenia clara prospectans, miratur; populosque diversarum gentium, quasi fonte in uno e diversis partibus scaturiente unda, sin quoque militem ordinatum aspiciens. Deus, inquit, sine dubio est terrenus Imperator, et quisquis adversum eum manum moverit, ipse siu sanguinis reus existit". Иордан (гл. 28, стр. 65) затем описывает его смерть и похороны.

123) Иордан, гл. 28, стр. 650. Даже Зосим (кн. 4, стр. 246) вынужден похвалить великодушие Феодосия, делающее столько чести ему самому и столь полезное для общества.

124) Краткие, но достоверные указания, которые можно найти в Fasti Идация (*Хрон.* Скалигера, стр. 52), обезображены духом партии. Четырнадцатая речь Фемистия есть восхваление мира и консула Сатурнина (383 г. по Р.Х.). (Однако через шестнадцать лет после этой окончательной капитуляции вестготы оказались более могущественными, чем когда-либо, под предводительством своего царя Алариха. Как часто мы читаем в древней истории о поражении армии или покорении орды, возводимом в совершенное уничтожение независи-

мости или даже в совершенное истребление целого народа. Мы увидим далее, как постоянно появлявшиеся на сцене другие готы увеличили силы этого западного отряда и приняли его название. — *Издат.*)

125) (Название *Gruthungi* есть, очевидно, извращенное название *Guthungi* и *Guttones*; в этой последней форме оно появляется у других писателей и в другие времена; но все эти названия не что иное, как латинские видоизменения слова *Guten*. Это единственный удовлетворительный способ разрешения затруднений, возникающих из различных мнений об этом предмете, которые почти все приведены у Целлария, ч. 1, стр. 385, 406 и в примечании Бурмана к приведенным ниже строкам Клавдиана. — *Издат.*)

126) *Ethnos to Skipikhon pasin agnoston*. Зосим, кн. 4, стр. 152.

127) И здравый смысл и пример других дают мне право применять это индийское название к *monoxula* варваров — к этим лодкам, выдолбленным из одного дерева, *plethei monoxulon embibasantes* Зосим, кн. 4, стр. 253.

*Ausi Danubium quondam tranare Gruthungi
In lintres fregere nemus: ter mille ruebant
Per fluvium plenae cuneis immanibus alni.*

Клавдиан, in *IV Consul. Hon.* 623.

128) Зосим, кн. 4, стр. 252-255. Он слишком часто обнаруживает ограниченность своего ума, обезображивая самый серьезный рассказ примесью пустых и неправдоподобных подробностей.

129) — *Odothaei regis opima*

Retulit...

Стих 632.

Opima была та добыча, которую римский военачальник мог отнять только от неприятельского царя или полководца, убитого его собственной рукой; в блестящие времена Рима было только три таких примера.

130) См. Фемистия, *Orat.* 16, стр. 211. Клавдиан (in *Eutrop.*, кн. 2, 152) говорит о фригийской колонии:

*.... Ostrogothis colitur mistisque Gruthungis
Phryx ager .....*

и затем называет две реки в Лидии — Нактол и Герм.

131) Сравн. Иордана (гл. 20, стр. 27), который говорит о положении и числе готских *Foederati*, с Зосимом (кн. 4, стр. 258), который упоминает об их золотых ожерельях, и с Пакатом (in *Panegy. Vet.*, XII, 37), который, с притворной или безрассудной радостью, хвалит их храбрость и дисциплину.

132) *Amator pacis generisque Gothorum* — так выражается готский историк (гл. 29), изображающий свой народ невинными миролюбивыми людьми, которых трудно разгневать и которые с терпением выносят обиды. Ведь, по словам Тита Ливия, римляне завоевали весь мир с целью своей собственной защиты.

133) Кроме пристрастной брани Зосима (который всегда недоволен христианскими императорами), см. серьезные упреки, с которыми Синезий обращался к императору Аркадию. (*De Regno*, стр. 25, 26, изд. Петав.) Киренский епископ-философ находился довольно близко, чтобы быть в состоянии судить, и довольно далеко, чтобы не увлекаться страхом или лестью. (Эта речь была произнесена в 399 г., в

то время как, в качестве посла от Кирены, он подал новому императору обычный золотой венок. Он был возведен в звание епископа только через десять лет после того, и его епископской резиденцией была не Кирена, а Птолемида — новый город, находившийся в восьмидесяти двух милях от его родины. — *Издат.*)

134) Фемистий (Orat. 16, стр. 211, 212) написал тщательно обработанную и разумную апологию, в которой, впрочем, встречаются местами пустяшные вымыслы, свойственные греческим риторам. Орфей мог очаровывать *только* диких зверей Фракии, а Феодосий очаровывал мужчин и женщин, предки которых, в той же самой стране, разорвали Орфея в куски и пр.

135) Жители Константинополя получили только половину ежедневно раздававшихся им хлебных запасов в наказание за умерщвление одного готского солдата: kinuntos to Scythiconton — вот в чем заключалось преступление народа. Либаний, Orat. 12, стр. 394, изд. Мореля.

136) Зосим, кн. 4, стр. 267-271. Он рассказывает длинную и нелепую историю об отважном монархе, разъезжавшем по стране в сопровождении только пяти всадников, о шпионе, которого они поймали, били плетью и умертвили в хижине одной старухи и пр.

137) Сравн. Евнапия (in Excerpt. Legat., стр. 21, 22) с Зосимом (кн. 4, стр. 279). Несмотря на различие в подробностях и именах, они, без сомнения, рассказывают одну и ту же историю. Фравитта, или Травитта, был впоследствии консулом (401 г.) и верно служил старшему сыну Феодосия (Тильемон, Hist. des Empereurs, том V, стр. 467).

138) Les Goths ravagerent tout depuis le Danube jusqu' au Bosphore; exterminèrent Valens et son armée; et ne repassèrent le Danube, que pour abandonner l' affreuse solitude qu' ils avaient faite" (Oeuvres de Montesquieu, том III, стр. 479. Considerations sur les Causes de la Grandeur et de la Decadence des Romains, гл. 17) Монтескье, как кажется, не знал того, что готы, после поражения Валента, никогда не покидали римской территории. Уже прошло тридцать лет, говорит Клавдиан (de Bello Getico, 166 etc. A.D. 404).

Ex quo jam patrios gens haec oblita Triones,
Atque Jstrum transvecta semel, vestigia fixit
Threicio funesta solo.

Эта ошибка неизвинительна, так как она скрывает главную и непосредственную причину падения Западной римской империи.

ГЛАВА XXVII

Смерть Грациана. — Уничтожение арианства. — Св. Амвросий. — Первая междоусобная война с Максимом. — Характер, управление и покаяние Феодосия. — Смерть Валентиниана II. — Вторая междоусобная война с Евгением. — Смерть Феодосия.

Слава, приобретенная Грацианом, когда ему еще не было двадцати лет, не уступала славе самых знаменитых монархов. Его кротость и доброта доставили ему искренно преданных друзей; мягкая приветливость его обхождения доставила ему привязанность народа; литераторы, пользовавшиеся щедростью императора, прославляли его изящный вкус и красноречие; его храбрость и ловкость в военных упражнениях вызывали похвалы со стороны солдат, а духовенство считало смиренное благочестие Грациана за главную и самую полезную из его добродетелей ¹⁾. Победа при Кольмаре избавила Запад от грозного нашествия, а признательные восточные провинции приписывали заслуги Феодосия тому, кто был виновником его возвышения и тем обеспечил общественное спокойствие. Грациан пережил эти достопамятные события только четырьмя или пятью годами; но он также пережил свою собственную славу, и прежде, нежели он пал жертвой восстания, он в значительной мере утратил уважение и доверие своих подданных.

Замечательная перемена, происшедшая в его характере и в его поведении, не может быть приписана ни коварству льстецов, которыми сын Валентиниана был окружен с самого детства, ни сильным страстям, с которыми, по-видимому, была незнакома его юношеская кротость. Более внимательное изучение жизни Грациана, быть может, обнаружит нам настоящую причину того, что он не оправдал общих ожиданий. Его кажущиеся добродетели были не теми устойчивыми доблестями, которые создаются опытом и борьбой с невзгодами, а незрелыми искусственными плодами царственного воспитания. Заботливая нежность его отца была постоянно направлена к развитию в нем тех качеств, которые Валентиниан, может быть, тем более ценил, что сам был лишен их, и самые искусные преподаватели во всех науках и искусствах

трудились над развитием умственных и физических способностей юного принца ²⁾. Знания, которые они передали ему с большим трудом, выставлялись наружу с хвастовством и прославлялись с неумеренными похвалами. Его мягкий и податливый нрав легко воспринимал впечатления их разумных советов, а отсутствие в его душе страстей легко могло быть принято за силу ума. Его наставники мало-помалу возвысились до звания и влияния министров ³⁾, а так как они благо-разумно скрывали свое тайное влияние, то он, по-видимому, действовал с твердостью и благоразумием в самых трудных обстоятельствах своей жизни и своего царствования. Но влияние этого старательного обучения не проникало далее поверхности, и искусные наставники, с таким тщанием руководившие каждым шагом своего царственного воспитанника, не могли влить в его слабую и нерадивую душу тот энергический и самостоятельный принцип деятельности, в силу которого напряженное стремление к славе существенно необходимо для счастья и даже для существования героя. Лишь только время и обстоятельства удалили от его трона этих преданных советников, западный император мало-помалу низошел до уровня своих врожденных способностей, отдал бразды правления в руки честолюбцев, старавшихся их захватить, и стал проводить свое время в самых пустых развлечениях. И при дворе и в провинциях была введена публичная продажа милостей и правосудия в пользу недостойных представителей его власти, и всякое сомнение в их заслугах считалось за *святотатство* ⁴⁾. Совестью легковверного монарха руководили святые и епископы ⁵⁾, заставившие его подписать эдикт, который наказывал за нарушение, неуважение и даже незнание божеских законов как за уголовное преступление ⁶⁾. Между различными искусствами, в которых Грациан упражнялся в своей молодости, он выказывал особенную склонность и способность к верховой езде, к стрельбе из лука и к метанию дротика; эти способности могли бы быть полезными для воина, но они были употреблены на низкие занятия звериной травлей. Обширные парки были обнесены стенами для императорских развлечений и были наполнены различными породами животных, а Грациан, пренебрегая своими обязанностями и даже достоинством своего звания, проводил целые дни в том, что выказывал на охоте свою ловкость и отвагу. Тщеславное желание римского императора

отличиться в таком искусстве, в котором его мог бы превзойти самый последний из его рабов, напоминало многочисленным зрителям его забав о Нероне и Коммодe, но у целомудренного и воздержного Грациана не было их чудовищных пороков, и его руки обгалялись только кровью животных ⁷⁾.

Поведение Грациана, унижавшее его в глазах всего человечества, не помешало бы ему спокойно царствовать, если бы он не возбудил неудовольствия в армии. Пока юный император руководствовался внушениями своих наставников, он выдавал себя за друга и питомца солдат, проводил целые часы в фамильярных с ними беседах и, по-видимому, относился с внимательной заботливостью к здоровью, благосостоянию, наградам и отличиям своих верных войск. Но с тех пор, как Грациан предался своей страсти к охоте и стрельбе из лука, он, натурально, стал проводить свое время в обществе тех, кто был всех искуснее в его любимых развлечениях. Отряд аланов был принят в военную и внутреннюю дворцовую службу, а удивительная ловкость, которую эти варвары привыкли выказывать на беспредельных равнинах Скифии, нашла для себя более узкое поприще в парках Галлии и в отведенных для охоты огороженных местах. Грациан, восхищавшийся дарованиями и обычаями этих любимых телохранителей, вверил им одним охрану своей особы и, как будто нарочно стараясь оскорбить общественное мнение, часто появлялся перед солдатами и народом в одеянии и вооружении скифского воина — с длинным луком, гремучим колчаном и меховыми обшивками. Унизительный вид римского монарха, отказавшегося от одеяния и нравов своих соотечественников, возбуждал в душе солдат скорбь и негодование ⁸⁾. Даже германцы, входившие в столь значительном числе в состав римских армий, обнаруживали презрение при виде странных и отвратительных северных дикарей, которые в течение нескольких лет перекочевали с берегов Волги к берегам Сены. Громкий и вольнодумный ропот стал раздаваться в лагерях и в западных гарнизонах, а так как Грациан, вследствие своей кротости и беспечности, не постарался подавить первые проявления неудовольствия, то недостаток привязанности и уважения не был восполнен влиянием страха. Но ниспровержение установленного правительства всегда бывает результатом каких-нибудь более существенных и более наглядных причин, а трон Грациана охранялся и при-

вычками, и законами, и религией, и тем аккуратным равновесием между властями гражданской и военной, которое было введено политикой Константина. Нам нет надобности доискиваться, какие причины вызвали восстание Британии. Беспорядки обыкновенно возникают от какой-нибудь случайности, а случилось так, что семя мятежа упало на такую почву, которая чаще, чем всякая другая, производила тиранов и узурпаторов ⁹⁾, что легионы этого отдаленного острова давно были известны своей самонадеянностью и высокомерием ¹⁰⁾ и что имя Максима было провозглашено шумными, но единодушными возгласами и солдат и жителей провинции. Этот император или, верней, мятежник (так как его титул еще не был утвержден фортуной), был родом испанец; он был соотечественником, боевым товарищем и соперником Феодосия, к возвышению которого он отнесся не без некоторой зависти и недоброжелательства; уже задолго перед тем обстоятельства заставили его поселиться в Британии, и я был бы очень рад найти какое-нибудь подтверждение слухов, что он был женат на дочери богатого правителя Корнарвонширского ¹¹⁾. Но на положение, которое он занимал в провинции, нельзя смотреть иначе как на положение ссыльного и совершенно ничтожное, и если он занимал какую-либо гражданскую или военную должность, он во всяком случае не был облечен ни гражданской властью, ни властью военной ¹²⁾. Его дарования и даже его честность были признаны пристрастными писателями того времени, а только самые неоспоримые достоинства могли вынудить от них такое сознание в пользу побежденного Феодосиева врага. Быть может, неудовольствие Максима побуждало его порицать поведение его государя и поощрять, без всяких честолюбивых замыслов, ропот войск. Но, среди общего смятения, он из хитрости или из скромности отказывался от престола, и, как кажется, многие верили его положительному заявлению, что он против воли принял опасный подарок императорской порфиры ¹³⁾.

Но и отказаться от верховной власти было бы не менее опасно, а с той минуты, как Максим нарушил клятву верности своему законному государю, он не мог бы ни удержаться на престоле, ни даже сохранить свою жизнь, если бы ограничил свое скромное честолюбие узкими пределами Британии. Он принял отважное и благоразумное решение предупредить Грациана; британское юношество стало толпами стекаться

под его знамена, и он предпринял, со своим флотом и армией, нападение на Галлию, о котором впоследствии долго вспоминали как о переселении значительной части британской нации ¹⁴⁾. Император, спокойно живший в Париже, был встревожен приближением бунтовщиков и мог бы с большей славой употребить против них те стрелы, которые бесполезно тратил на львов и медведей. Но его слабые усилия обнаружили его упадок духа и безнадёжность его положения и лишили его тех ресурсов, которые он мог бы найти в содействии своих подданных и своих союзников. Галльские армии, вместо того чтобы воспротивиться наступлению Максима, встретили его радостными возгласами и изъявлениями преданности, а упрек в позорной измене своему долгу упал не на народ, а на самого монарха. Войска, на которых непосредственно лежала служба во дворце, покинули знамя Грациана, лишь только оно было развернуто вблизи от Парижа. Западный император бежал в направлении к Лиону в сопровождении только трехсот всадников, а лежавшие на его пути города, в которых он надеялся найти убежище или, по меньшей мере, свободный пропуск, познакомили его на опыте с той горькой истиной, что перед несчастливцами запираются все ворота. Впрочем, он еще мог бы безопасно добраться до владений своего брата и вскоре вслед затем возвратиться с военными силами Италии и Востока, если бы не послушался коварных советов правителя Лионской провинции. Грациан положился на изъявления сомнительной преданности и на обещания помощи, которая не могла быть достаточной; наконец прибытие Андрагафия, командовавшего кавалерией Максима, положило конец его недоумениям. Этот решительный военачальник исполнил, без угрызений совести, приказания или желания узурпатора. Когда Грациан окончил свой ужин, его предали в руки убийцы и даже не отдали его трупа, несмотря на настоятельные просьбы его брата Валентиниана ¹⁵⁾. За смертью императора последовала смерть одного из самых влиятельных его военачальников Меробавда, короля франков, сохранившего до конца своей жизни двусмысленную репутацию, которую он вполне заслужил своей хитрой и вкрадчивой политикой ¹⁶⁾. Быть может, эти казни были необходимы для общественного спокойствия; но счастливый узурпатор, власть которого была признана всеми западными провинциями, мог с гордостью ставить себе в заслугу тот лес-

тный для него факт, что, за исключением тех, кто погиб от случайностей войны, его торжество не было запятнано кровью римлян ¹⁷⁾.

Этот переворот совершился с такой быстротой, что Феодосий узнал о поражении и смерти своего благодетеля прежде, нежели успел выступить к нему на помощь. В то время как восточный император предавался или искренней скорби, или только официальному исполнению траурных обрядов, он был извещен о прибытии главного камергера Максима; а выбор почтенного старца для такого поручения, которое обыкновенно исполнялось евнухами, служил для константинопольского правительства доказательством степенного и воздержного характера британского узурпатора. Посол старался оправдать или извинить поведение своего повелителя и настоятельно утверждал, что Грациан был убит без его ведома или одобрения, вследствие опрометчивого усердия солдат. Но затем он, с твердостью и хладнокровием, предложил Феодосию выбор между миром и войной. В заключение посол заявил, что, хотя Максим, как римлянин и отец своего народа, предпочел бы употребить свои военные силы на защиту республики, он готов состязаться из-за всемирного владычества на поле брани, если его дружба будет отвергнута. Он требовал немедленного и решительного ответа; но в этом критическом положении Феодосию было чрезвычайно трудно удовлетворить и чувства, наполнявшие его собственное сердце, и ожидания публики. Повелительный голос чести и признательности громко требовал мщения. От Грациана он получил императорскую диадему; его снисходительность заставила бы полагать, что он помнит старые обиды, позабывая об оказанных ему впоследствии одолжениях, а если бы он принял дружбу убийцы, он считался бы участником в его преступлении. Даже принципам справедливости и интересам общества был бы нанесен губительный удар безнаказанностью Максима, так как пример успешной узурпации расшатал бы искусственное здание правительственной власти и еще раз навлек бы на империю преступления и бедствия предшествовавшего столетия. Но чувства признательности и чести должны неизменно руководить действиями граждан, а в душе монарха они иногда должны уступать место сознанию более важных обязанностей: и принципы справедливости и принципы человеколюбия допускают безнаказанность самого

ужасного преступника, если его наказание неизбежно влечет за собою гибель невинных. Убийца Грациана незаконно захватил власть над самыми воинственными провинциями империи, но эти провинции действительно находились в его власти; Восток был истощен неудачами и даже успехами войны с готами, и можно было серьезно опасаться, что, когда жизненные силы республики окончательно истощатся в продолжительной и губительной междуусобной войне, тот, кто выйдет из нее победителем, будет так слаб, что сделается легкой жертвой северных варваров. Эти веские соображения заставили Феодосия скрыть свой гнев и принять предложенный тираном союз. Но он потребовал, чтобы Максим довольствовался властью над странами, лежащими по ту сторону Альп. Брату Грациана было обеспечено обладание Италией, Африкой и западной Иллирией, и в мирный договор были включены некоторые особые условия с целью поддержать уважение к памяти и к законам покойного императора ¹⁸⁾. Согласно обычаям того времени, изображения трех императоров — соправителей были публично выставлены для внушения должного к ним уважения, но нет никакого серьезного основания предполагать, что в момент этого торжественного примирения Феодосий втайне помышлял о вероломстве и мщении ¹⁹⁾.

Пренебрежение Грациана к римским солдатам было причиной того, что он сделался жертвой их раздражения. Но за свое глубокое уважение к христианскому духовенству он был вознагражден одобрениями и признательностью могущественного сословия, которое во все века присваивало себе исключительное право раздавать отличия и на земле и на небесах ²⁰⁾. Православные епископы оплакивали и его смерть и понесенную ими самими невознаградимую потерю; но они скоро утешились, убедившись, что Грациан отдал восточный скипетр в руки такого монарха, в котором смиренная вера и пылкое религиозное рвение опирались на более обширный ум и более энергичный характер. Между благодетелями церкви Феодосий может считаться столь же знаменитым, как и Константин. Если этот последний имеет то преимущество, что он впервые водрузил знамение креста, зато его преемнику принадлежит та заслуга, что он уничтожил арианскую ересь и во всей Римской империи положил конец поклонению идолам. Феодосий был первый император, принявший

крещение с надлежащей верой в Троицу. Хотя он родился в христианском семействе, принципы или, по меньшей мере, обычаи того времени побудили его откладывать церемонию своего посвящения до тех пор, пока ему не напомнила об опасности дальнейшего отлагательства серьезная болезнь, грозившая его жизни в конце первого года его царствования. Прежде чем снова выступить в поход против готов, он принял таинство крещения ²¹⁾ от православного епископа Фессалоник Асхолия ²²⁾, и в то время, как император выходил из священной купели с пылким сознанием совершившегося в нем обновления, он диктовал торжественный эдикт, в котором объявлял, какие его собственные догматы веры, и предписывал, какую религию должны исповедовать его подданные. "Нам угодно (такова императорская манера выражаться), чтобы все народы, управляемые нашим милосердием и умеренностью, твердо держались той религии, которой поучал римлян св. Петр, которая верно сохранилась преданием и которую в настоящее время исповедуют первосвященник Дамасий и александрийский епископ Петр — человек апостольской святости. Согласно с учением апостолов и правилами евангелия, будем верить в единственную божественность Отца, Сына и Святого Духа, соединяющихся с равным величием в благочестивой Троице. Последователям этого учения мы позволяем принять название кафолических христиан, а так как всех других мы считаем за сумасбродных безумцев, то мы клеймим их позорным названием еретиков и объявляем, что их сборища впредь не должны присваивать себе почтенное название церквей. Кроме приговора божественного правосудия, они должны будут понести строгие наказания, каким заблагорассудит подвергнуть их наша власть, руководимая небесной мудростью" ²³⁾. Вера воина бывает чаще плодом полученных им внушений, нежели результатом его собственного исследования; но так как император никогда не переступал за ту грань православия, которую он так благоразумно установил, то на его религиозные мнения никогда не имели никакого влияния ни благовидные ссылки на подлинный текст св. Писания, ни вкрадчивые аргументы, ни двусмысленные догматы арианских законоучителей. Правда, он однажды выразил робкое желание побеседовать с красноречивым и ученым Евномием, жившим в уединении неподалеку от Константинополя. Но его удержа-

ли от этого опасного свидания просьбы императрицы Флакиллы, которая страшилась за спасение души своего супруга, а его убеждения окончательно окрепли благодаря такому богословскому аргументу, который не мог бы не подействовать даже на самую грубую интеллигенцию. Незадолго перед тем, он дал своему старшему сыну Аркадию титул и внешние отличия Августа, и оба монарха воссели на великолепном троне для того, чтобы принимать от своих подданных изъявления преданности. Епископ Икония Амфилохий приблизился к трону и, поклонившись с должным почтением своему государю, обошелся с царственным юношей с такой же фамильярной нежностью, с какой стал бы обходиться с сыном какого-нибудь плебея. Оскорбленный таким дерзким поступком, монарх приказал немедленно вывести вон неблаговоспитанного епископа. Но в то время, как телохранители выталкивали его, этот ловкий богослов успел выполнить свой план, громко воскликнув: "Таково, Государь, обхождение, предназначенное Царем Небесным для тех нечестивых людей, которые поклоняются Отцу, но не хотят признавать такого же величия в его Божественном Сыне". Феодосий тотчас обнял епископа города Икония и никогда не позабывал важного урока, преподанного ему в этой драматической притче ²⁴⁾.

Константинополь был главным центром и оплотом арианства, и в течение длинного сорокалетнего промежутка времени ²⁵⁾ вера монархов и епископов, господствовавших в столице Востока, отвергалась более чистыми христианскими школами — римской и александрийской. Архиепископский трон Македония, обрызганный столь огромным количеством христианской крови, был занят сначала Евдоксием, а потом Демофилом. В их епархию свободно стекались пороки и заблуждения из всех провинций империи; горячие религиозные споры доставляли новое развлечение для праздной лени столичных жителей, и мы можем поверить рассказу одного интеллигентного наблюдателя, который описывает шутливым тоном последствия их болтливости усердия. "Этот город, — говорит он, — наполнен мастеровыми и рабами, из которых каждый обладает глубокими богословскими познаниями и занимается проповедью и в лавке и на улицах. Если вы попросите одного из них разменять серебряную монету, он расскажет вам, чем отличается Сын от Отца; если вы спросите о

цене хлеба, вам на это ответят, что Сын ниже Отца, а когда вы спросите, готова ли баня, вам ответят, что Сын создан из ничего" ²⁶⁾. Еретики различных наименований жили спокойно под покровительством константинопольских ариан, которые старались привязать к себе этих ничтожных сектантов, между тем как с непреклонной строгостью употребляли во зло победу, одержанную над приверженцами Никейского собора. В царствование Констанция и Валента незначительные остатки приверженцев Номооусион'а были лишены права исповедовать свою религию и публично и частным образом, и один писатель заметил в трогательных выражениях, что это рассыпавшееся стадо, оставшись без пастуха, бродило по горам, рискуя быть съеденным хищными волками ²⁷⁾. Но так как их усердие, вместо того чтобы ослабевать, извлекало из угнетений новые силы и энергию, то они воспользовались первыми минутами некоторой свободы, наступившими со смертью Валента, для того, чтобы образовать правильную конгрегацию под руководством епископа. Два каппадокийских уроженца, Василий и Григорий Назианзин ²⁸⁾, отличались от всех своих современников ²⁹⁾ редким сочетанием светского красноречия с православным благочестием. Эти ораторы, которые сравнивали сами себя, а иногда были сравниваемы публикой с самыми знаменитыми из древних греческих ораторов, были связаны друг с другом узами самой тесной дружбы. Они с одинаковым усердием изучали в афинских школах одни и те же науки; они с одинаковым благочестием вместе удалились в пустыни Понта, и, по-видимому, последняя искра соревнования или зависти угасла в святых и благородных сердцах Григория и Василия. Но возвышение Василия из положения частного человека в звание архиепископа Кесарийского обнаружило в глазах всех и, может быть, в его собственных высокомерие его характера, и первая милость, которою он удостоил своего друга, была принята за жестокое оскорбление и, быть может, была оказана именно с целью оскорбить ³⁰⁾. Вместо того, чтобы воспользоваться высокими дарованиями Григория для замещения какой-нибудь важной должности, высокомерный Василий выбрал для него между пятьюдесятью епископствами своей обширной провинции ничтожную деревушку Сасиму ³¹⁾, в которой не было ни воды, ни зелени, ни общества, в которой скрещивались три большие дороги и через которую не было

других проезжих, кроме грубых и крикливых подводчиков. Григорий неохотно подчинился этой унижительной ссылке и был посвящен в звание сасимского епископа, но он публично заявил, что никогда не совершал этого духовного бракосочетания с такой отвратительной супругой. Впоследствии он согласился принять на себя управление церковью на своей родине, в городе Назианзе ³²⁾, где его отец был епископом в течение более сорока пяти лет. Но так как он считал себя достойным иных слушателей и иной сферы деятельности, то он из честолюбия, которое нельзя назвать неосновательным, принял лестное приглашение, с которым обратилась к нему константинопольская православная партия. Прибыв в столицу, он поселился в доме одного благочестивого и благотворительного родственника; ему отведена была большая комната для совершения богослужебных обрядов, и название "Анастасия" было выбрано для того, чтобы обозначать восстановление Никейского символа веры. Из этих тайных сходов впоследствии образовалась великолепная церковь, а легкомыслие следующего столетия охотно верило чудесам и видениям, свидетельствовавшим о присутствии или, по меньшей мере, о покровительстве Матери Божией ³³⁾. Кафедра "Анастасия" была сценой трудов и триумфов Григория Назианзина, и в течение двух лет он прошел через все испытания, которые составляют торжество или неудачу миссионеров ³⁴⁾. Раздраженные смелостью его предприятия, ариане стали обвинять его в том, что будто он проповедует учение о трех различных и равных божествах, и подстрекнули благочестивую чернь силой воспротивиться противозаконным собраниям еретиков Афанасиева учения. Из храма св. Софии вышла пестрая толпа "простых нищих, которые утратили всякое право на сострадание, монахов, которые имели вид козлов или сатиров, и женщин, которые ужаснее иных Иезавелей". Вломав двери "Анастасии" и вооружившись палками, камнями и головнями, они причинили немало вреда и пытались поступить еще хуже; а так как в этой свалке один человек лишился жизни, то Григорий был вызван на другой день к судье и утешал себя мыслью, что он публично засвидетельствовал о своей вере во Христа. После того, как его зарождавшаяся церковь избавилась от страха и опасности внешних врагов, ее стали позорить и тревожить внутренние раздоры. Один чужеземец, назвавшийся Максимом ³⁵⁾ и облекшийся в

плащ философа-циника, вкрался в доверие к Григорию, употребил во зло его благосклонное расположение и, вступив в тайные сношения с некоторыми египетскими епископами, попытался — путем тайного посвящения в епископский сан — занять место своего покровителя. Эти огорчения, быть может, иногда заставляли каппадокийского миссионера сожалеть о его прежнем скромном уединении. Но его труды вознаграждались ежедневно увеличивавшейся славой и расширением его конгрегации; он с удовольствием замечал, что его многочисленные слушатели удалялись с его проповедей или довольными красноречием проповедника ³⁶⁾, или убежденными в несовершенствах своих верований и обрядов ³⁷⁾.

Крещение Феодосия и его эдикт воодушевили константинопольских католиков радостными надеждами, и они с нетерпением ожидали результатов его милостивых обещаний. Их ожидания скоро исполнились. Лишь только император окончил кампанию, он совершил торжественный въезд в столицу во главе своей победоносной армии. На другой день после своего прибытия он вызвал к себе Демофила и предложил этому арианскому епископу выбрать одно из двух: или принять Никейский символ веры, или немедленно уступить православному духовенству свой епископский дворец, собор св. Софии и все константинопольские церкви. Религиозное усердие Демофила, — которое вызвало бы заслуженные похвалы, если бы проявилось в каком-нибудь из католических святых, — заставило его без колебаний предпочесть жизнь в бедности и в изгнании ³⁸⁾, и немедленно вслед за его удалением был совершен обряд очищения императорской столицы. Ариане могли, по-видимому, не без основания жаловаться на то, что незначительная конгрегация сектантов завладела сотней церквей, которых она не могла наполнить молящимися, между тем как для большей части населения был безжалостно закрыт доступ во все места, назначенные для богослужения. Феодосий не тронулся этими жалобами, а так как ангелы, охранявшие интересы католиков, были видимы только для тех, кто верил, то он из предосторожности подкрепил эти небесные легионы более надежным оружием мирской власти, приказав значительному отряду императорской гвардии занять церковь св. Софии. Если бы душа Григория была доступна для тщеславия, он должен бы был считать себя вполне счастливым, когда император повез его с триум-

фом по городским улицам и сам почтительно возвел его на архиепископский трон Константинополя. Но этот святой (еще не очистившийся от всех несовершенств человеческой натуры) был глубоко огорчен, когда убедился, что он вступил в управление своей паствой скорее как волк, чем как пастырь, что окружавший его блеск оружия был необходим для его личной безопасности и что на него одного сыпались проклятия многочисленных сектантов, которые, как люди и граждане, не могли считаться достойными его презрения. Он видел бесчисленные массы людей обоих полов и всякого возраста, теснившихся на улицах, в окнах и на крышах домов; до его слуха долетали громкие выражения ярости, скорби, удивления и отчаяния, и он сам искренно сознался, что, в достопамятный день его вступления в управление епархией, столица Востока имела внешний вид города, взятого приступом и находящегося во власти варварского завоевателя ³⁹⁾. Почти через шесть недель после того Феодосий объявил о своей решимости изгнать во всех своих владениях из церквей тех епископов и подчиненных им лиц духовного звания, которые будут упорно отказываться верить в догматы Никейского собора или, по меньшей мере, не захотят исповедовать их. С этой целью он дал своему заместителю Сапору самые широкие права, опиравшиеся и на общий закон, и на специально возложенное на него доверие, и на военные силы ⁴⁰⁾, и этот церковный переворот был совершен с такой осмотрительностью и с такой энергией, что религия императора была введена, без всяких смут и кровопролитий, во всех восточных провинциях. Если бы произведения арианских писателей не были истреблены ⁴¹⁾, мы, вероятно, прочли бы в них печальную историю гонения, которому подверглась церковь в царствование нечестивого Феодосия, а страдания ее святых мучеников, вероятно, возбудили бы сострадание в беспристрастном читателе. Но есть основание полагать, что при отсутствии всякого сопротивления не было надобности прибегать к насилиям и что ариане выказали в несчастье гораздо меньше твердости, чем православная партия в царствование Констанция и Валента. На характер и образ действий двух враждовавших между собою сект, как кажется, влияли одни и те же принципы, внушаемые природой и религией, но нетрудно заметить, что в их богословских понятиях было одно различие, от которого происходило различие в стойкости их

религиозных верований. И в школах и в храмах обе партии признавали божественность Христа и поклонялись ему; а так как в людях всегда существует склонность приписывать Божеству свои собственные чувства и страсти, то должно было казаться более благоразумным и почтительным преувеличивать, а не урезывать восхитительные совершенства Сына Божия. Последователи Афанасия с гордой самоуверенностью полагали, что они приобрели права на божеское милосердие, тогда как приверженцы Ария должны были втайне мучиться опасениями, что они провинились, быть может, в непростительном преступлении, не воздавая спасителю мира всех должных ему почестей. Мнения ариан могли удовлетворять холодный и философский ум, но Никейский догмат, носивший на себе печать более пылкой веры и благочестия, должен был одержать верх в таком веке, когда религиозное усердие было так сильно.

В надежде, что на собраниях православного духовенства будет раздаваться голос истины и мудрости, император созвал в Константинополе собор из ста пятидесяти епископов, которые без большого труда и без колебаний дополнили богословскую систему, установленную на Никейском соборе. Горячие споры четвертого столетия имели предметом преимущественно свойства Сына Божия, а разнообразные мнения касательно второго лица Троицы распространялись путем аналогии и на *третье* лицо ⁴²⁾. Однако победоносные противники арианства нашли нужным объяснить двусмысленные выражения некоторых уважаемых законоучителей, поддержать верования католиков и осудить непопулярную и безрассудную секту Македония, которая охотно допускала, что Сын единосущен с Отцом, а между тем опасалась, чтобы ее не обвинили в признании существования *Трех* Богов. Окончательным и единогласным решением была признана равная Божественность Святого Духа; это таинственное учение приняли все христианские народы и все христианские церкви, а их признательное уважение предоставило собравшимся по зову Феодосия епископам второе место между вселенскими соборами ⁴³⁾. Знание религиозной истины могло дойти до этих епископов по преданию или могло быть сообщено им путем вдохновения, но трезвая историческая осмысленность не позволяет нам придавать большой вес личному авторитету собиравшихся в Константинополе отцов церк-

ви. В такую эпоху, когда духовенство позорно отклонилось от примерной нравственной чистоты апостолов, самые недостойные из его членов и самые безнравственные всех усерднее посещали епископские собрания и вносили в них смуту. Столкновение и брожение стольких противоположных интересов и характеров воспламеняли страсти епископов, а их главными страстями были влечение к золоту и склонность к спорам. Многие из тех самых епископов, которые теперь одобряли православное благочестие Феодосия, не раз уже меняли свои верования и убеждения с предусмотрительной податливостью, и во время разнообразных переворотов, происходивших и в церкви и в государстве, религия их монарха служила руководством для их раболепной совести. Лишь только императоры переставали употреблять в дело свое преобладающее влияние, буйные члены соборов слепо увлекались нелепыми или эгоистичными мотивами гордости, ненависти и жажды мщения. Смерть, постигшая Мелетия во время заседаний Константинопольского собора, представляла чрезвычайно удобный случай для того, чтобы положить конец антиохийскому расколу, оставив его престарелого соперника Павлина спокойно окончить свою жизнь в епископском звании. И верования и добродетели Павлина были ничем не запятнаны. Но его поддерживали западные церкви; поэтому присутствовавшие на соборе епископы решились продлить раздор торопливым посвящением клятвопреступного кандидата ⁴⁴⁾ для того, чтобы не унижать мнимого достоинства Востока, который был возвеличен рождением и смертью Сына Божия. Такой несправедливый и неправильный образ действий вызвал протест со стороны самых почтенных членов собрания и заставил их удалиться, а шумное большинство, за которым осталось поле битвы, можно бы было сравнить с осами или с сороками, со стаей журавлей или со стадом гусей ⁴⁵⁾.

Иной мог бы подумать, что это неблагоприятное изображение церковного собора нарисовано пристрастной рукой какого-нибудь упорного еретика или какого-нибудь зложелательного неверующего. Но при имени чистосердечного историка, передавшего потомству эти поучительные факты, должен умолкнуть бессильный ропот суеверия и ханжества. Это был один из самых благочестивых и самых красноречивых епископов того времени; это был святой и ученый богослов; это

был бич ариан и столп православия; это был один из достойнейших членов Константинопольского собора, на котором он исполнял, после смерти Мелетия, обязанности председателя; одним словом, это был сам Григорий Назианзин. Тот факт, что с ним обошлись грубо и неблагородно ⁴⁶⁾, нисколько не ослабляет доверия к его свидетельству, а, напротив того, еще с большей ясностью доказывает, каков был дух соборных совещаний. Всеми были единогласно признаны права Константинопольского епископа, основанные на народном избрании и на одобрении императора. Тем не менее Григорий скоро сделался жертвой злобы и зависти. Его ревностные приверженцы, восточные епископы, будучи недовольны его умеренным образом действий по отношению к антиохийским делам, оставили его без поддержки в борьбе с партией египтян, которые оспаривали законность его избрания и упорно ссылались на вышедший из употребления церковный закон, запрещавший епископам переходить из одной епархии в другую. Из гордости ли или из смирения Григорий уклонился от борьбы, которая могла бы быть приписана его честолюбию или корыстолюбию, и публично предложил, — не без чувства негодования, — отказаться от управления церковью, которая была восстановлена и почти создана его усилиями. Его отставка была принята собором и императором с такой готовностью, какой он, по-видимому, не ожидал. В такое время, когда он мог надеяться, что скоро будет наслаждаться плодами своей победы, его епископский трон был занят сенатором Нектарием, который был случайно выбран только благодаря своему податливому характеру и своей почтенной наружности; новый архиепископ должен был отложить церемонию своего посвящения до тех пор, пока не был торопливо совершен над ним обряд крещения ⁴⁷⁾. После того как Григорий познакомился на опыте с неблагодарностью монархов и епископов, он снова удалился в свое каппадокийское уединение, где провел остальные восемь лет своей жизни в занятиях поэзией и в делах благочестия. Его имя было украшено титулом святого, но чувствительность его сердца ⁴⁸⁾ и изящество его гения озаряют более приятным блеском память Григория Назианзина.

Феодосий не удовольствовался тем, что ниспроверг наглое владычество ариан и отомстил за обиды, причиненные католикам религиозным усердием Констанция и Валента. Право-

славный император видел в каждом еретике бунтовщика против небесной и земной верховной власти и полагал, что каждая из этих властей имеет право суда над душой и телом виновных. Декреты Константинопольского собора установили правила веры, а духовенство, руководившее совестью Феодосия, научило его самым действительным способам религиозного гонения. В течение пятнадцати лет он обнародовал не менее пятнадцати эдиктов против еретиков ⁴⁹⁾, в особенности против тех из них, которые отвергали учение о Троице; а для того, чтобы отнять у них всякую надежду избежать наказания, он строго предписал, что в случае ссылки на какой-либо благоприятный для них закон или рескрипт судьи должны считать такие законы за противозаконные продукты или обмана, или подлога. Уголовные наказания были направлены против духовенства еретиков, против их собраний и их личности, а раздражительность законодателя обнаруживалась в витиеватости и несдержанности его выражений. I. Еретические законоучители, присвоившие себе священные титулы епископов или пресвитеров, не только лишались привилегий и жалованья, предоставленных православному духовенству, но подвергались сверх того ссылке и конфискации имущества, если осмеливались проповедовать учение или исполнять обряды своих *проклятых* сект. Денежному штрафу в десять фунтов золота (около 400 фунт. стерл.) подвергали всякого, кто осмелился бы совершать, принимать или поощрять еретическое посвящение в духовное звание, и правительство Феодосия основательно надеялось, что, когда будет истреблена раса пастырей, их беззащитная паства, или по невежеству или от голода, возвратится в лоно католической церкви. II. Строгое запрещение сходов было тщательно распространено на все те случаи, когда еретики могли бы собираться для поклонения Богу и Христу согласно с внушениями своей совести. Их религиозные сборища, — все равно, происходили ли они публично или втайне, днем или ночью, в городах или в селениях, — были запрещены эдиктами Феодосия, а здание или почва, служившие для этой противозаконной цели, отбирались и присоединялись к императорским поместьям. III. Предполагалось, что заблуждения еретиков могут происходить только от их упорного характера и что это упорство достойно строгого наказания. К церковным проклятиям присовокуплялось нечто вроде гражданского от-

лучения от общества, которое отделяло еретиков от их сограждан, налагая на них пятно позора, а такое различие, будучи установлено верховной властью, оправдывало или, по меньшей мере, извиняло оскорбления, которые они терпели от фанатической черни. Сектанты были мало-помалу лишены права занимать почетные или выгодные должности, и Феодосий полагал, что он поступил согласно с правилами справедливости, когда декретировал, что последователи Евномия, признававшие различие между свойствами Отца и свойствами Сына, не могут делать никаких завещаний и сами не могут ничего получать по завещаниям. Принадлежность к ереси манихеев считалась за такое ужасное преступление, которое могло быть искуплено только смертью преступника, и на такое же наказание смертной казнью осуждали *авдиан* или *квартодециман* ⁵⁰⁾, которые доходили до таких ужасов, что праздновали Пасху не в указанное время. Каждый римлянин имел право выступить публичным обвинителем, но должность *инквизитора*, — внушающая нам столь заслуженное отвращение, — была впервые установлена в царствование Феодосия. Впрочем, нас уверяют, что его уголовные законы редко применялись со всей строгостью и что благочестивый монарх, по-видимому, желал не столько наказывать своих провинившихся подданных, сколько исправлять их и действовать на них запугиванием ⁵¹⁾.

Теория гонений была установлена Феодосием, правосудие и благочестие которого восхвалялись святыми отцами христианской церкви; но применение этой теории к практике, в самом полном ее объеме, было делом его соперника и соправителя Максима, который был первым христианским монархом, проливавшем кровь своих христианских подданных за их религиозные мнения. Дело о присциллианистах ⁵²⁾, — новой еретической секте, вносившей смуту в испанские провинции, — было перенесено по апелляции из бордоского собора в императорскую консисторию, находившуюся в Трире, и, по приговору преторианского префекта, семь человек были преданы пытке и казнены смертью. Первым между ними был сам Присциллиан ⁵³⁾, епископ города Авилы ⁵⁴⁾ в Испании, украшавший преимущества рождения и богатства ораторскими дарованиями и ученостью. Два пресвитера и два диакона были казнены вместе со своим возлюбленным учителем, в котором они видели славного мученика; число

жертв было еще увеличено казнью поэта Латрониана, слава которого могла равняться со славой древних писателей, и казнью благородной бордоской матроны, вдовы оратора Делфидия, Евхрокии ⁵⁵⁾. Два епископа, принявшие мнения Присциллиана, были осуждены на далекую и печальную ссылку ⁵⁶⁾, а некоторая снисходительность была оказана менее важным преступникам за то, что они поспешили раскаяться в своем заблуждении. Если можно верить признаниям, которые были исторгнуты при помощи страха и физических мучений, и неопределенным слухам, которые распространялись злобой и легковерием, то ересь присциллианистов была сочетанием всякого рода гнусностей — и магии, и нечестия, и разврата ⁵⁷⁾. Присциллиана, странствовавшего по свету в обществе своих духовных сестер, обвиняли в том, что он молится совершенно голым посреди своей конгрегации, и с уверенностью утверждали, что плод его преступной связи с дочерью Евхрокии был уничтожен еще более отвратительным и преступным образом. Но тщательное или, верней, беспристрастное исследование откроет нам, что если присциллианисты и нарушали законы природы, то вовсе не распущенностью своего образа жизни, а его суровостью. Они безусловно отвергали наслаждения брачного ложа, вследствие чего спокойствие семейств нередко нарушалось разводами. Они предписывали или рекомендовали полное воздержание от всякой мясной пищи, а их беспрестанные молитвы, посты и всенощные бдения приучили их к строгому исполнению всех требований благочестия. Отвлеченные догматы секты касательно личности Христа и свойств человеческой души были заимствованы от гностиков и манихеев; но эта бесплодная философия, перенесенная из Египта в Испанию, не годилась для более грубых умов западного населения. Незнатные последователи Присциллиана страдали, влачили жалкое существование и мало-помалу исчезли; его учение было отвергнуто и духовенством и народом, но его смерть была предметом продолжительных и горячих споров, так как одни одобряли его смертный приговор, а другие находили его несправедливым. Мы с удовольствием можем остановить наше внимание на человеколюбивой непоследовательности двух самых знаменитых святых и епископов Амвросия Миланского ⁵⁸⁾ и Мартина Турского ⁵⁹⁾, вступившихся в этом случае за религиозную терпимость. Они сожалели о казненных в Трире

несчастных; они отказывались от всяких сношений с осудившими их епископами, и если Мартин впоследствии уклонился от такого благородного решения, зато его мотивы были похвальны, а его раскаяние было примерное. Епископы Турский и Миланский без колебаний осуждали еретиков на вечные мучения, но были поражены и возмущены кровавым зрелищем их земной казни, и искусственные богословские предрассудки не могли заглушить в них честных чувств, внушаемых самой природой. Скандальная неправильность, с которой велось дело о Присциллиане и его приверженцах, еще более расшевелила в душе Амвросия и Мартина чувства человеколюбия. Представители властей гражданской и церковной вышли из пределов своего ведомства. Светский судья позволил себе принять апелляцию и постановить окончательный приговор по такому делу, которое касалось религии и потому подлежало ведомству суда церковного. Епископы унизили самих себя, приняв на себя обязанности обвинителей в уголовном деле. Жестокосердие Ифация ⁶⁰⁾, который присутствовал при пытке еретиков и требовал их смертной казни, возбуждало всеобщее и основательное негодование, а пороки этого развратного епископа считались за доказательство того, что в своем усердии он руководствовался низкими мотивами, основанными на его личных интересах. После казни Присциллиана грубые попытки религиозных гонений были заменены усовершенствованными приемами инквизиционного суда, который распределил между властями церковной и светской предметы их ведомства. Обреченную на смерть жертву священники стали правильным порядком выдавать судье, который передавал ее палачу, а безжалостный приговор церкви, объяснявший духовное преступление виновного, священники стали излагать мягким языком сострадания и заступничества.

Между лицами духовного звания, прославившими царствование Феодосия, Григорий Назианзин отличался дарованиями красноречивого проповедника; репутация человека, одаренного способностью творить чудеса, придавала вес и достоинство монашеским добродетелям Мартина Турского ⁶¹⁾; но энергия и ловкость неустрашимого Амвросия ⁶²⁾ давали ему пальму первенства над остальными епископами. Он происходил от знатной римской семьи; его отец занимал в Галлии важную должность преторианского префекта, а сын,

после окончания курса наук, постепенно прошел через все степени гражданских отличий и наконец был назначен консуляром лигурийской провинции, которая заключала в своих пределах и императорскую миланскую резиденцию. Когда ему было тридцать четыре года и когда еще не было совершенно над ним таинство крещения, Амвросий, и к своему собственному удивлению и к удивлению всех, был внезапно превращен из губернатора в архиепископа. Без помощи, — как уверяют, — каких-либо хитростей или интриг все народонаселение единогласно приветствовало его титулом епископа; единодушные и настойчивые народных рукоплесканий приписывались сверхъестественному импульсу, и гражданский чиновник был вынужден принять на себя духовную должность, к которой он не был подготовлен ни привычками, ни занятиями своей прежней жизни. Но благодаря энергии своего ума он скоро сделался способным исполнять с усердием и благоразумием обязанности своей церковной юрисдикции, и между тем как он охотно отказывался от пустых и блестящих декораций земного величия, он для блага церкви снизошел до того, что согласился руководить совестью императоров и направлять администрацию империи. Грациан любил его и уважал как родного отца, а тщательно обработанный трактат о вере в Троицу был написан для назидания юного монарха. После его трагической смерти, в то время как императрица Юстина трепетала и за свою собственную безопасность и за безопасность своего сына Валентиниана, миланский архиепископ два раза ездил к трирскому двору с особыми поручениями. Он обнаружил одинаковую твердость и ловкость и в церковных и в политических делах и, благодаря своему влиянию и своему красноречию, как кажется, успел обуздать честолюбие Максима и обеспечить спокойствие Италии⁶³⁾. Амвросий посвятил свою жизнь и свои дарования на служение церкви. Богатства внушали ему презрение; он отказался от своей личной собственности и без колебаний продал освященную церковную посуду для выкупа пленных. И духовенство и жители Милана были привязаны к своему архиепископу, и он умел снискать уважение слабых императоров, не гоняясь за их милостями и не страшась их нерасположения.

Управление Италией и опекунская власть над юным императором натурально перешли в руки его матери Юстины, от-

личавшейся и своей красотой и своим умом; но она имела несчастье исповедовать арианскую ересь, живя среди православного населения, и старалась внушить своему сыну те же заблуждения. Юстина была убеждена, что римский император имеет право требовать, чтобы в его владениях публично исповедовали его религию, и полагала, что поступила очень умеренно и благоразумно, предложив архиепископу уступить ей пользование только одною церковью или в самом Милане, или в одном из его предместий. Но Амвросий принял за руководство совершенно иные принципы⁶⁴⁾. Он признавал, что земные дворцы принадлежат Цезарю, но на церкви смотрел как на дворцы Божьи и в пределах своей епархии считал себя законным преемником апостолов и единственным орудием воли Божией. Привилегии христианства, как мирские так и духовные, составляли исключительное достоинство истинных верующих, а Амвросий считал свои богословские мнения за мерило истины и православия. Он отказался от всяких переговоров или сделок с приверженцами сатаны и с скромной твердостью заявил о своей решимости скорее умереть мученическою смертью, чем согласиться на святотатство, а оскорбленная его отказом Юстина, считая такой образ действий за дерзость и бунт, опрометчиво решила опереться на императорские prerogatives своего сына. Желая публично совершить обряды говенья перед наступавшим праздником Пасхи, она вызвала Амвросия в заседание императорского совета. Он явился на это требование с покорностью верноподданного, но его сопровождала, без его согласия, бесчисленная толпа народа, которая стала шумно выражать свое религиозное рвение у входа во дворец; тогда испуганные министры Валентиниана, вместо того, чтобы произнести приговор о ссылке миланского архиепископа, стали униженно просить его воспользоваться своим влиянием для того, чтобы оградить личную безопасность императора и восстановить спокойствие в столице. Но обещания, которые были даны Амвросию и о которых он сообщил во всеобщее сведение, были скоро нарушены вероломным двором, и в течение тех шести самых торжественных дней, которые обыкновенно посвящаются христианами исключительно на дела благочестия, город судорожно волновался от взрывов мятежа и фанатизма. Дворцовым чиновникам было приказано приготовить для приема императора и его матери сначала Пор-

циеву базилику, а потом ту, которая была только что выстроена. Они поставили там, по обыкновению, императорский трон с великолепным балдахином и занавесами, но чтобы оградить себя от оскорбления черни, они нашли нужным окружить себя сильной стражей. Арианские священнослужители, осмеливавшиеся показываться на улицах, подвергались неминуемой опасности лишиться жизни, а Амвросию принадлежала та заслуга и честь, что он спасал своих личных врагов из рук разъяренной толпы.

Но в то самое время, как он старался сдерживать взрывы религиозного рвения, горячность его проповедей постоянно воспламеняла мятежный нрав миланского населения. Он непристойно применял к матери императора сравнения с характерами Евы, жены Иова, Иезавели и Иродиады, а ее желание получить церковь для ариан он сравнивал с самыми ужасными гонениями, каким подвергалось христианство во времена господства язычников. Меры, которые были приняты императорским двором, привели только к тому, что обнаружили зло во всем его объеме. На общества купцов и владельцев мастерских был наложен денежный штраф в двести фунтов золота; всем должностным лицам и низшим чиновникам судебного ведомства было приказано, от имени императора, не выходить из своих домов, пока не прекратятся беспорядки, и министры Валентиниана имели неосторожность публично признаться, что самые почтенные из миланских граждан привязаны к религии своего архиепископа. К нему еще раз обратились с просьбой восстановить спокойствие в стране благовременным исполнением воли своего государя. Ответ Амвросия был изложен в самых скромных и почтительных выражениях, но эти выражения можно было принять за объявление междуусобной войны: "Его жизнь и его судьба находятся в руках императора, но он никогда не изменит Христовой церкви и не унижит епископского достоинства. За такое дело он готов претерпеть все, чему бы ни подвергла его злоба демона, и он только желает, чтобы ему пришлось умереть в присутствии его верной паствы и у подножия алтаря; он не старался возбуждать народную ярость, но только один Бог мог бы смирить ее; он опасался сцен кровопролития и смут, которые казались неизбежными, и молил Бога, чтобы ему не пришлось быть свидетелем гибели цветущего города, которая, может быть, распространилась бы на

всю Италию" ⁶⁵). Упорное ханжество Юстины могло бы пошатнуть трон ее сына, если бы в этой борьбе с миланской церковью и миланским населением она могла положиться на слепое повиновение дворцовых войск. Значительный отряд готов получил приказание занять базилику, которая была предметом спора, а от арианских принципов и варварских нравов этих наемных чужеземцев можно было ожидать, что они будут готовы не колеблясь исполнять самые безжалостные приказания. Архиепископ встретил их у дверей храма и, грозно объявив приговор об их отлучении от церкви, спросил у них тоном отца и повелителя: для того ли, чтобы вторгаться в храмы Божии, молили они республику о гостеприимном покровительстве? Варвары остановились в нерешимости; несколько часов перерыва были употреблены на переговоры, и императрица, склоняясь на убеждения самых благоразумных между своими советниками, согласилась оставить в руках католиков распоряжение всеми миланскими церквями и скрыть до более благоприятного времени свои планы мщения. Мать Валентиниана никогда не могла простить Амвросию этого триумфа, а юный император гневно воскликнул, что его собственные служители готовы предать его в руки дерзкого попа.

Законы империи, из числа которых некоторые были подписаны именем Валентиниана, осуждали арианскую ересь и, по-видимому, оправдывали сопротивление католиков. По внушению Юстины был издан эдикт о религиозной терпимости, который был обнародован во всех провинциях, подчиненных миланскому правительству: тем, кто держался догматов, установленных на соборе в Римини, было дозволено свободно исповедовать свою религию, и император объявлял, что всякий, кто не захочет подчиняться этому священному и благотворному постановлению, будет наказан смертью как нарушитель общественного спокойствия ⁶⁶). Характер миланского архиепископа и его манера выражаться заставляют думать, что он скоро доставил арианским министрам достаточное основание или, по меньшей мере, благовидный предлог, чтобы обвинить его в нарушении закона, о котором он отзывался как о законе кровожадном и тираническом. Над ним был постановлен мягкий приговор о ссылке; ему было приказано немедленно выехать из Милана, но вместе с тем было дозволено избрать для себя место изгнания и взять с собой

известное число приверженцев. Но авторитет тех святых, которые проповедовали и применяли на деле принципы пассивного повиновения, не имел в глазах Амвросия обязательной силы, когда церкви угрожала крайняя и неминуемая опасность. Он смело отказался повиноваться, а его отказ был единогласно одобрен верующими⁶⁷⁾. Они поочередно охраняли особу своего архиепископа; они обнесли укреплениями собор и епископский дворец, а императорские войска, блокировавшие эти здания, не решились напасть на такие неприступные крепости. Масса бедных, живших щедрыми подавниями Амвросия, воспользовалась этим удобным случаем, чтобы выказать свое усердие и свою признательность, а для того, чтобы терпение его приверженцев не истощилось от продолжительности и однообразия ночных бдений, он ввел в миланских церквях громкое и правильное пение псалмов. В то время как он вел эту ожесточенную борьбу, ему дан был в сновидении совет взрыть землю на том месте, где более чем за триста лет перед тем были погребены смертные останки двух мучеников, Гервасия и Протасия⁶⁸⁾. Под мостовой подле церкви тотчас были открыты два цельных скелета⁶⁹⁾ с отделенными от туловища головами и с большим количеством вытекшей из них крови. Эти святые мощи были с большой торжественностью выставлены на поклонение народа, и все подробности этого счастливого открытия были удивительно хорошо приспособлены к задуманному Амвросием плану. Уверяли, что и кости мучеников, и их кровь, и их одежда были одарены способностью исцелять страждущих и что их сверхъестественная сила передавалась самым отдаленным предметам, ничего не утрачивая из своих первоначальных свойств. Необыкновенное исцеление одного слепого⁷⁰⁾ и вынужденные признания некоторых людей, одержимых бесом, по-видимому, служили доказательствами истинной веры и святости Амвросия, а достоверность этих чудес была засвидетельствована самим Амвросием, его секретарем Павлином и его последователем, знаменитым Августином, занимавшимся в ту пору в Милане изучением риторики. Здравый смысл нашего времени, быть может, одобрит неверие Юстины и арианского двора, подсмеивавшихся над театральными представлениями, которые устраивались по указаниям архиепископа и на его счет⁷¹⁾. Однако влияние этих чудес на умы народа было так быстро и так непреодолимо, что слабый

итальянский монарх сознался в своей неспособности бороться с любимцем небес. Земные власти также вступились за Амвросия; бескорыстный совет Феодосия был внушен благочестием и дружбой, а галльский тиран скрыл под маской религиозного усердия свои враждебные и честолюбивые замыслы ⁷²⁾.

Максим мог бы спокойно царствовать до конца своей жизни, если бы он удовольствовался владычеством над тремя обширными странами, составляющими в наше время три самых цветущих королевства в Европе. Но жадный узурпатор, честолюбие которого не облагораживалось жаждою славы и военных подвигов, смотрел на свое могущество только как на орудие своего будущего величия, а его первые успехи сделались непосредственной причиной его гибели. Сокровища, исторгнутые ⁷³⁾ им из угнетенных провинций галльских, испанских и британских, были употреблены на организацию и содержание многочисленной армии, набранной большей частью между самыми свирепыми германскими племенами. Завоевание Италии было целью его надежд и военных приготовлений, и он втайне замышлял гибель невинного юноши, управление которого внушало его католическим подданным и отвращение и презрение. Но так как Максим желал занять, без сопротивления, альпийские проходы, то он принял с коварной благосклонностью Валентинианова посла Домнина Сирийского и убедил его взять из Галлии в помощь значительный отряд войск для участия в войне, которая велась в Паннонии. Прозорливый Амвросий понял, что этими изъявлениями дружбы прикрывались враждебные замыслы ⁷⁴⁾; но Домнин был или подкуплен, или введен в заблуждение щедрыми милостями трирского двора, а миланское правительство упорно отклоняло всякие подозрения со слепой уверенностью, происходившей не от бодрости духа, а от страха. Походом союзных войск руководил посол, и он ввел их, без малейшего недоверия, внутрь альпийских крепостей. Но коварный тиран втихомолку следовал за ними со своей армией, и так как он старательно скрывал все свои движения, то блестящее от солнечных лучей оружие его воинов и пыль, которую подымала его кавалерия, были первыми вестниками о приближении неприятеля к воротам Милана. В этом критическом положении Юстине и ее сыну не оставалось ничего другого, как скорбеть о своей собственной непредусмотритель-

тельности и обвинять в коварстве Максима, — так как у них не было ни времени, ни средств, ни мужества, чтобы вступить в борьбу с галлами и германцами в открытом поле или внутри стен большого города, наполненного недовольными подданными. Бегство было единственным для них спасением, Аквилея была их единственным убежищем, а так как Максим уже вполне обнаружил свое врожденное коварство, то брат Грациана мог ожидать одинаковой с ним участи от руки того же убийцы. Максим с торжеством вступил в Милан, и хотя благоразумный архиепископ отказался от опасной и преступной дружбы с узурпатором, он косвенным образом содействовал успехам его оружия, внушая с церковной кафедры обязанность повиновения, а не сопротивления ⁷⁵). Несчастливая Юстина благополучно достигла Аквилеи; но она не полагалась на неприступность укреплений; она боялась осады и решилась искать покровительства великого Феодосия, славившегося во всех западных странах своим могуществом и своими доблестями. Императорское семейство село на втайне приготовленный для него корабль в одной из небольших гаваней Венецианской или Истрийской провинции, переплыло всю длину Адриатического и Ионического морей, обогнуло южную оконечность Пелопоннеса и после продолжительного, но благополучного плавания нашло отдых в Фессалоникийской гавани. Все подданные Валентиниана отказались от такого монарха, который своим отречением от престола снял с них клятву в верности, и если бы маленький городок Эмона, лежащий на окраине Италии, не дерзнул прервать ряд бесславных побед Максима, узурпатор достиг бы без всякой борьбы единоличного обладания всей Западной империей.

Вместо того чтобы пригласить своих царственных гостей переехать в константинопольский дворец, Феодосий, по каким-то неизвестным для нас соображениям, назначил им резиденцией Фессалоники, впрочем, эти соображения не искали ни из презрения, ни из равнодушия, так как он поспешил посетить их в этом городе в сопровождении большей части двора и сената. После первых нежных уверений в дружбе и сочувствии благочестивый восточный император вежливо заметил Юстине, что преступная привязанность к ереси иногда наказывается не только в будущей, но и в здешней жизни и что публичное исповедование Никейского догмата

было бы самым верным шагом к восстановлению ее сына на престоле, так как оно было бы одобрено и на земле и на небесах. Важный вопрос о мире и войне был передан Феодосием на рассмотрение состоявшего при нем совета, и те аргументы, в которых говорил голос чести и справедливости, приобрели, со времени смерти Грациана, новый вес и силу. Новые и многочисленные обиды присоединялись к изгнанию императорского семейства, которому сам Феодосий был обязан своим возвышением. Безграничного честолюбия Максима нельзя было обуздать ни клятвами, ни трактатами, и всякая отсрочка энергичных и решительных мер, вместо того чтобы упрочить благоденствия мира, лишь подвергла бы восточную империю опасности неприятельского нашествия. Перешедшие через Дунай варвары хотя и приняли на себя в последнее время обязанности солдат и подданных, но все еще отличались своей врожденной свирепостью, а военные действия, доставляя им случай выказать свою храбрость, вместе с тем уменьшили бы их число и избавили бы провинции от их невыносимого гнета. Несмотря на то, что эти благовидные и солидные резоны были одобрены большинством императорского совета, Феодосий все еще не решался обнажить меч для такой борьбы, которая не допускала никакого мирного соглашения; его благородная душа могла, без унижения для себя, тревожиться за безопасность его малолетних сыновей и за благосостояние его разоренного народа. Во время этих тревожных колебаний, в то время как судьба Римской империи зависела от решимости одного человека, прелести принцессы Галлы оказались чрезвычайно влиятельными ходатаями за ее брата Валентиниана ⁷⁶⁾. Сердце Феодосия тронулось слезами красавицы; его очаровали прелести юности и невинности; Юстина искусно воспользовалась зародившейся в нем страстью, и празднование императорской свадьбы сделалось залогом и сигналом междоусобной войны. Бессердечные критики, полагающие, что всякое любовное увлечение налагает неизгладимое пятно на память великого и православного императора, готовы в этом случае оспаривать сомнительное свидетельство историка Зосима. С моей стороны, я должен откровенно сознаться, что я с удовольствием нахожу или даже ищу в великих переворотах каких-нибудь следов кротких и нежных семейных привязанностей, а в толпе свирепых и честолюбивых завоевателей я с особенным удовольствием

отличаю того чувствительного героя, который принял свои воинские доспехи из рук любви. Союз с персидским царем был обеспечен мирным договором; воинственные варвары согласились служить под знаменем предприимчивого и щедрого монарха или, по меньшей мере, не переходить через границы его империи, и владения Феодосия огласились от берегов Евфрата до берегов Адриатического моря шумом военных приготовлений, и сухопутных и морских. Благодаря искусному распределению военных сил восточной империи они казались еще более многочисленными и отвлекали в разные стороны внимание Максима. Он имел основание опасаться, что отряд войск под предводительством неустрашимого Арбогаста направится вдоль берегов Дуная и смело проникнет сквозь Рецийские провинции в самый центр Галлии. В гаванях Греции и Эпира был снаряжен сильный флот, по-видимому, с той целью, что, лишь только победа на море откроет свободный доступ к берегам Италии, Валентиниан и его мать высадутся на этих берегах, немедленно вслед затем направятся в Рим и вступят в обладание этим главным центром и религии и империи. Между тем сам Феодосий выступил во главе храброй и дисциплинированной армии навстречу своему недостойному сопернику, который, после осады Эмоны, раскинул свой лагерь в Паннонии неподалеку от города Сиский, сильно защищенного широким и быстрым течением Савы.

Ветераны, еще не позабывшие того, как долго сопротивлялся тиран Максенций и какими большими он располагал средствами, могли ожидать, что им предстоят три кровопролитные кампании. Но борьба с узурпатором, захватившим, подобно Магненцию, верховную власть над Западом, окончилась без больших усилий в два месяца и на расстоянии только двухсот миль. Гений восточного императора, естественно, должен был одержать верх над слабодушным Максимом, который в этом важном кризисе обнаружил полное отсутствие воинских дарований и личного мужества; впрочем, Феодосий имел и то преимущество, что он располагал многочисленной и хорошо обученной кавалерией. Из гуннов, аланов, а по их примеру и из готов, были организованы эскадроны стрелков из лука, которые сражались сидя на конях и приводили в замешательство стойких галлов и германцев той быстротою движений, которою отличаются татары. После

утомительного длинного перехода в знойный летний день они устремились на покрытых пеною конях вплавь через Саву, переплыли реку в глазах неприятеля, тотчас вслед затем напали на войска, защищавшие противоположный берег, и обратили их в бегство. Брат тирана Марцеллин пришел на помощь к побежденным с отборными когортами, считавшимися за самую надежную силу западной армии. Прерванное наступлением ночи сражение возобновилось на следующий день, и, после упорного сопротивления, остатки самых храбрых войск Максима сложили свое оружие к ногам победителя. Феодосий не приостановил своего наступательного движения, чтобы выслушивать изъявления преданности от граждан Эмоны, а быстро подвигался вперед, чтобы окончить войну смертью или взятием в плен своего соперника, который бежал от него с быстротою страха. С вершины Юлийских Альп Максим спустился в итальянскую равнину с такой невероятной быстротой, что достиг Аквилеи в тот же день вечером; окруженный со всех сторон врагами, он едва успел запереть за собою городские ворота. Но эти ворота не могли долго противиться усилиям победоносного врага, а равнодушие, нерасположение и отчаяние солдат и населения ускорили гибель злосчастного Максима. Его стащили с трона, сорвали с него императорские украшения, мантию, диадему и пурпуровые сандалии и препроводили его как преступника в лагерь Феодосия, находившийся почти в трех милях от Аквилеи. Император вовсе не желал подвергать западного тирана оскорблениям и даже обнаружил некоторое сострадание к нему и склонность к помилованию, так как Максим никогда не был его личным врагом, а теперь внушал ему лишь презрение. Несчастья, которые могут постигнуть и нас самих, всего сильнее возбуждают наше сочувствие, и при виде распростертого у его ног гордого соперника победоносный император, естественно, должен был серьезно и глубоко призадуматься. Но слабую эмоцию невольной жалости заглушили в нем требования справедливости и воспоминания о Грациане, и он предоставил эту жертву усердию солдат, которые увели Максима силою с глаз императора и немедленно отрубили ему голову. Известие о его поражении и смерти было повсюду принято с искренней или притворной радостью; его сын Виктор, получивший от него титул Августа, был лишен жизни по приказанию или, быть может, рукою отваж-

ного Арбогаста, и все военные планы Феодосия были приведены в исполнение с полным успехом. Окончив междоусобную войны с меньшими затруднениями и меньшим кровопролитием, чем можно было ожидать, он провел зимние месяцы в своей миланской резиденции, занимаясь восстановлением порядка в опустошенных провинциях, а затем, в начале весны, совершил по примеру Константина и Констанция свой торжественный въезд в древнюю столицу Римской империи ⁷⁷⁾.

Оратор, который может, не подвергая себя опасности, хранить молчание, может также хвалить без затруднений и без отвращения ⁷⁸⁾. Потомство, конечно, отдаст Феодосию справедливость в том, что его характер ⁷⁹⁾ может служить предметом для искреннего и обширного панегирика. Благоразумие изданных им законов и его военные успехи внушали уважение к его управлению и его подданным и его врагам. Он отличался семейными добродетелями, которые так редко поселяются в царских дворцах. Феодосий был целомудрен и воздержан; он наслаждался, не впадая в излишества роскошного стола и приятного общества, а пыл его любовных страстей никогда не искал для себя удовлетворения вне его законных привязанностей. Его пышные императорские титулы украшались нежными названиями верного супруга и снисходительного отца; из почтительной привязанности к своему дяде Феодосий дал ему такое положение при дворе, которое могло бы принадлежать его отцу; он любил детей своего брата и своей сестры как своих собственных, и его заботливое внимание распространялось на самых отдаленных и незнатных родственников. Своих близких друзей он выбирал между теми людьми, которых он хорошо знал в то время, как жил частным человеком; сознание своих личных достоинств делало его способным пренебрегать случайными отличиями императорского величия, и он доказал на деле, что позабыл все обиды, нанесенные ему до его вступления на престол, но с признательностью вспоминал все оказанные ему услуги и одолжения. Он придавал своему разговору то игривый, то серьезный тон сообразно с возрастом, рангом или характером тех, кого он допускал в свое общество, а его приветливость в обхождении была отблеском его души. Феодосий уважал простоту хороших и добродетельных людей, щедро награждал за искусства и таланты, если они были полезны или даже

только невинны, и, — за исключением еретиков, которых он преследовал с неумолимой ненавистью, — обширная сфера его благодеяний ограничивалась лишь пределами человеческой расы. Управления огромной империей, конечно, достаточно для того, чтобы занимать время и упражнять дарования смертного; тем не менее деятельный монарх, вовсе не искавший репутации ученого, постоянно уделял несколько минут досуга на поучительное чтение. История, расширявшая приобретенные им на собственном опыте познания, была любимым предметом его занятий. Летописи Рима представляли ему, в длинный период тысячи ста лет, разнообразную и поразительную картину человеческой жизни, и было в особенности замечено, что, когда ему приходилось читать описание жестокостей Цинны, Мария или Суллы, он горячо высказывал свое благородное отвращение к этим врагам человечества и свободы. Его беспристрастное суждение о прошлых событиях служило руководством для его собственного образа действий, и он отличался тем редким достоинством, что его добродетели как будто умножались вместе с дарами, которыми его осыпала фортуна; эпоха его блестящих успехов была вместе с тем эпохой его умеренности, и его милосердие обнаружилось в самом ярком свете после опасностей и успешного исхода междуусобной войны. В первом пылу победы были перерезаны мавританские телохранители тирана, а некоторые из самых преступных его сообщников погибли от меча правосудия. Но император заботился не столько о наказании виновных, сколько о спасении невинных. Пострадавшие от восстания западные жители, которые сочли бы себя совершенно счастливыми, если бы получили обратно отнятые у них земли, были удивлены выдачей им таких сумм, которые покрывали понесенные ими убытки, и великодушный победитель позаботился даже о средствах существования престарелой матери Максима и о воспитании его дочерей ⁸⁰⁾. Такие нравственные совершенства почти оправдывают нелепое предположение оратора Паката, что, если бы старший Брут мог снова взглянуть на этот мир, этот суровый республиканец отрекся бы у ног Феодосия от своей ненависти к царям и искренно сознался бы, что такой монарх был самым надежным блюстителем благосостояния и достоинства римского народа ⁸¹⁾.

Однако проницательный взор основателя республики за-

метил бы два существенных недостатка, которые, вероятно, заглушили бы в нем эту минутную склонность к деспотизму. Прекрасные душевные качества Феодосия нередко расплывались от лени ⁸²⁾, а иногда воспалялись до гневного раздражения ⁸³⁾. Когда он стремился к какой-нибудь важной цели, его деятельность и мужество были способны к самым усиленным напряжениям, но лишь только цель была достигнута или опасность была устранена, герой впадал в бесславное бездействие и, забывая, что время монарха принадлежит его подданным, предавался невинным, но пустяшным удовольствиям роскошной дворцовой жизни. Феодосий был от природы нетерпелив и вспыльчив, а на таком посту, на котором он не мог встречать сопротивления пагубным последствиям своей раздражительности и даже едва ли мог услышать от кого-либо отсоветования, человеколюбивый монарх основательно тревожился сознанием и своих слабостей и своего могущества. Он постоянно старался сдерживать или направлять взрывы своих страстей, и успех его усилий увеличивал достоинства его милосердия. Но с трудом достигаемая добродетель, которая заявляет притязание на победу, может потерпеть и поражение, — и царствование мудрого и милосердного монарха опозорилось таким актом жестокости, который запятнал бы летописи Нерона или Домициана. Историк приходится отметить два случившихся в течение трех лет и, по-видимому, противоречащих одно другому деяния Феодосия — великодушное помилование антиохийских граждан и бесчеловечное избиение фессалоникского населения.

Жители Антиохии были такого беспокойного характера, что никогда не были довольны ни своим собственным положением, ни характером и управлением своих государей. Арианские подданные Феодосия сожалели о том, что у них отняли их церкви, а так как звание антиохийского епископа оспаривали друг у друга три соперника, то приговор, положивший конец их притязаниям, возбудил ропот в среде тех двух конгрегаций, которые не имели успеха. Требование войны с готами и неизбежные расходы, сопровождавшие заключение мира, заставили императора увеличить бремя налогов, а так как азиатские провинции не подвергались тем бедствиям, которые выпали на долю Европы, то они неохотно принимали участие в расходах. С наступлением десятого года царствования Феодосия готовилось обычное празднество,

которое было более приятно для солдат, получавших щедрые подарки, чем для подданных, добровольные приношения которых уже давно были превращены в чрезвычайный и обременительный налог. Эдикты о распределении этого налога прервали спокойствие и развлечения жителей Антиохии, и толпа просителей стала осаждать судейский трибунал, требуя в трогательных, но вначале почтительных, выражениях удовлетворения ее жалоб. Она мало-помалу дошла до раздражения вследствие высокомерия правителей, называвших ее жалобы преступным сопротивлением; ее сатирическое остроумие перешло в резкую и оскорбительную брань, а эта брань мало-помалу перешла с низших правительственных агентов на священную особу самого императора. Ее ярость, усилившаяся вследствие слабого сопротивления властей, обрушилась на изображения императорского семейства, выставленные на самых видных местах для народного поклонения. Толпа стащила с пьедесталов статуи Феодосия, его отца, его жены Флакиллы и двух его сыновей, Аркадия и Гонория, разбила их вдребезги или с презрением тащила по улицам; эти оскорбления императорского достоинства достаточно ясно обнаруживали преступные намерения черни. Смятение было тотчас прекращено прибытием отряда стрелков, и жители Антиохии имели достаточно времени размыслить о важности своего преступления и о его последствиях ⁸⁴⁾. Местный правитель, по обязанности своего звания, послал в Константинополь подробное описание случившегося, а дрожавшие от страха граждане, желая заявить константинопольскому правительству о сознании своей вины и о своем раскаянии, положились в этом на усердие своего епископа Флавиана и на красноречие сенатора Илария, — друга и, по всему вероятно, ученика Либания, гений которого оказался в этом печальном случае небесполезным для его страны ⁸⁵⁾. Но две столицы, Антиохия и Константинополь, были отделены одна от другой расстоянием в восемьсот миль, и, несмотря на быстроту почтовых сообщений, виновный город был наказан уже тем, что долго оставался в страшной неизвестности насчет ожидавшего его наказания. Доходившие до антиохийцев слухи возбуждали в них то надежды, то опасения; их приводили в ужас рассказы, что будто император, раздраженный оскорблением, которое было нанесено его собственным статуям и в особенности статуям горячо любимой им императ-

рицы, решился стереть с лица земли дерзкий город и истербить без различия возраста и пола его преступных жителей ⁸⁶⁾, из которых многие уже попытались из страха укрыться в горах Сирии и в соседних степях. Наконец, через двадцать четыре дня после восстания, военачальник Геллебик и министр двора Цезарий обнародовали волю императора и приговор над Антиохией. Эта гордая столица была лишена звания города; у нее отняли ее земли, ее привилегии и ее доходы и подчинили ее, под унижительным названием деревни, юрисдикции Лаодикеи ⁸⁷⁾. Бани, цирк и театры были закрыты, и, чтобы лишить жителей Антиохии не только развлечений, но и достатка, Феодосий строго приказал прекратить раздачу хлеба. Затем его уполномоченные приступили к расследованию виновности отдельных лиц — как тех, кто разрушал священные статуи, так и тех, кто этому не препятствовал. Окруженные солдатами трибуналы Геллебика и Цезария были поставлены посреди площади. Самые знатные и самые богатые антиохийские граждане приводились к ним закованными в цепи; производство следствия сопровождалось пытками, и приговоры постановлялись по личному усмотрению этих экстраординарных судей. Дома преступников были назначены в публичную продажу; их жены и дети внезапно перешли от избытка и роскоши к самой крайней нищете, и все ожидали, что кровавые казни завершат те ужасы ⁸⁸⁾, в которых антиохийский проповедник, красноречивый Златоуст, видел верное изображение последнего и всеобщего суда. Но уполномоченные Феодосия неохотно исполняли возложенное на них жестокое поручение; бедствия народа вызывали из их глаз слезы сострадания, и они с уважением выслушивали настоятельные мольбы монахов и пустынников, толпами спустившихся со своих гор ⁸⁹⁾. Геллебика и Цезария убедили приостановить исполнение их приговора, и было решено, что первый из них останется в Антиохии, а второй отправится со всевозможной поспешностью в Константинополь и осмелится еще раз испросить инструкций у своего государя. Гнев Феодосия уже стих; и епископ и оратор, которые были отправлены народом в качестве депутатов, были благосклонно приняты императором, который высказал упреки, более похожие на жалобы оскорбленной дружбы, нежели на суровые угрозы гордости и могущества. И городу и гражданам Антиохии было даровано полное прощение; двери тюрем

растворились; сенаторы, трепетавшие за свою жизнь, снова вступили в обладание своими домами и поместьями, и столица Востока снова стала наслаждаться прежним величием и блеском. Феодосий удостоил своих похвал константинопольский сенат, великодушно ходатайствовавший за своих антиохийских собратьев; он наградил Илария за его красноречие званием губернатора Палестины и отпустил антиохийского епископа с самыми горячими выражениями своего уважения и признательности. Тысяча новых статуй была воздвигнута милосердию Феодосия; одобрения его подданных были согласны с голосом его собственного сердца, и император признавался, что если отправление правосудия есть самая важная из обязанностей монарха, право миловать есть самое изысканное из его наслаждений ⁹⁰⁾.

Мятеж в Фессалониках приписывают более позорной причине, а его последствия были гораздо более ужасны. Этот главный город всех иллирийских провинций охраняли от опасностей войны с готами сильные укрепления и многочисленный гарнизон. У главного начальника этих войск Ботериха, который, судя по его имени, был из варваров, находился в числе его рабов красивый мальчик, возбуждавший грязные желания в одном из наездников цирка. Дерзкий и грязный любовник был заключен в тюрьму по приказанию Ботериха, который сурово отверг неотступные просьбы толпы, сожалевшей в день общественных игр об отсутствии своего любимца и полагавшей, что в наезднике искусство нужнее добродетели. Старые причины неудовольствия усилили раздражение народа, а так как гарнизон был ослаблен отправкой некоторых отрядов на театр итальянской войны и частыми дезертирствами, то он не был в состоянии защитить несчастного военачальника от ярости народа. Ботерих был умерщвлен вместе с несколькими из своих высших офицеров; народ тащил их обезображенные трупы по улицам, и живший в то время в Милане император был поражен известием о дерзости и жестокостях фессалоникского населения. Самый хладнокровный судья приговорил бы виновников такого преступления к строгому наказанию, а заслуги Ботериха, быть может, еще усилили в его государе чувства скорби и негодования. При горячности и вспыльчивости Феодосия ему казался слишком мешкотным обычный ход судебного производства, и он торопливо решил, что кровь его представителя должна

быть искуплена кровью виновного населения. Однако он еще колебался в выборе между милосердием и мщением, а епископ почти успел вымолить у него обещание общего помилования; но льстивые подстреканья его министра Руфина снова разожгли его гнев, и когда он, после отправки гонца с кровавыми приказаниями, попытался приостановить исполнение своего приговора, уже было поздно. Наказание римского города было безрассудно предоставлено неразборчивой ярости варваров, а приготовления к нему были сделаны с коварной хитростью тайного заговора. Жители Фессалоник были вероломным образом приглашены от имени императора на игры цирка, и такова была неутолимая жажда к развлечениям этого рода, что многочисленные зрители не обратили никакого внимания на те факты, которые должны бы были внушать им опасения и подозрения. Лишь только публика оказалась в полном сборе, солдатам, поставленным в засаде вокруг цирка, был подан сигнал не к началу игр, а к общей резне. Они в течение трех часов убивали всех без разбора, не делая никакого различия между иностранцами и местными жителями, между лицами различного возраста и пола, между невинными и виновными; число убитых, по самому умеренному расчету, определяют в семь тысяч, а некоторые писатели утверждают, что для успокоения души Ботериха было принесено в жертву более пятнадцати тысяч человек. Один заезжий торговец, вероятно не принимавший никакого участия в убийстве этого военачальника, предлагал свою собственную жизнь и все свое состояние за пощаду одного из двух своих сыновей; но в то время, как нежный отец колебался в выборе, не решаясь обречь другого сына на гибель, солдаты вывели его из этого затруднения, пронзив своими мечами разом обоих беззащитных юношей. Оправдание убийц, что они были обязаны представить предписанное число голов, только усиливает ужас совершенной по приказанию Феодосия резни, придавая ей внешний вид чего-то заранее хладнокровно обдуманного. Вина императора была тем более велика, что он подолгу и часто жила в Фессалониках. И положение несчастного города, и внешний вид его улиц и зданий, и даже одежда и черты лица многих из его жителей были ему хорошо знакомы, так что он мог живо представить себе то население, которое он приказал истребить⁹¹⁾.

Из почтительной привязанности к православному духо-

венству император питал любовь и уважение к Амвросию, который соединял в своем лице все епископские добродетели в их высшей степени. И друзья и министры Феодосия подражали примеру своего государя, и он заметил, скорей с удивлением, чем с неудовольствием, что о всех его тайных решениях немедленно извещают архиепископа, который руководствовался похвальным убеждением, что всякое распоряжение гражданской власти имеет какое-либо соотношение со славой Божией и с интересами истинной религии. В Каллинике — незначительном городке, лежащем на границе Персии, — монахи и чернь, разгоряченные и своим собственным фанатизмом, и фанатизмом своего епископа, сожгли дом, в котором собирались валентиниане, и еврейскую синагогу. Местный судья приговорил мятежного епископа к постройке новой синагоги или к уплате всех убытков, и этот умеренный приговор был утвержден императором. Но он не был утвержден миланским архиепископом ⁹²⁾. Амвросий продиктовал послание к императору, наполненное такими порицаниями и упреками, которые были бы более уместны, если бы над Феодосием был совершен обряд обрезания и если бы он отказался от религии, принятой вместе со святым крещением. Он находил, что терпимость по отношению к иудейской вере есть то же, что гонение на христианскую религию, смело заявлял, что и сам он, и всякий истинно верующий охотно присвоили бы себе заслугу подвига, совершенного епископом города Каллиника, и его мученический венец, и высказывал в самых трогательных выражениях сожаления, что исполнение приговора будет пагубно и для репутации и для спасения души Феодосия. Так как это интимное увещание не произвело того впечатления, какого ожидал архиепископ, то он обратился к императору ⁹³⁾ публично с церковной кафедры ⁹⁴⁾ и объявил, что не будет совершать служение перед алтарем до тех пор, пока не получит от Феодосия торжественного и положительного обещания оставить безнаказанными епископа и монахов Каллиника. Отречение Феодосия от его первого решения было искреннее ⁹⁵⁾, а во время его пребывания в Милане его привязанность к Амвросию постоянно усиливалась вследствие привычки проводить свое время вместе с ним в благочестивых и фамильярных беседах.

Когда Амвросий узнал о фессалоникской резне, его душа наполнилась ужасом и скорбью. Он удалился в деревню, что-

бы на свободе предаваться своей грусти и чтобы избежать встречи с Феодосием. Но так как архиепископ понимал, что робкое молчание сделает его сообщником преступления, он объяснил в частном письме к императору всю гнусность преступления, которое могло бы быть заглажено только слезами раскаяния. Епископская энергия Амвросия сдерживалась благоразумием, и он удовольствовался чем-то вроде косвенного отлучения от церкви ⁹⁶⁾, заявив императору, что вследствие полученного им в сновидении предостережения он впредь не будет совершать жертвоприношений ни от имени Феодосия, ни в его присутствии; вместе с тем он посоветовал императору ограничиваться одними молитвами и не приближаться к алтарю Христа или к св. Причастию с руками, еще запятнанными кровью невинного населения. Император был глубоко потрясен и угрызениями своей совести, и упреками своего духовного отца и, оплакав пагубные и неизгладимые последствия своей опрометчивой запальчивости, отправился, по своему обыкновению, в большой миланский собор, чтобы исполнить обряд говенья. Архиепископ, остановив его на паперти, объявил своему государю тоном и языком небесного посланца, что тайное раскаяние недостаточно для того, чтобы загладить публичное преступление и удовлетворить правосудие оскорбленного Божества. Феодосий со смирением возразил, что хотя он и провинился в человекоубийстве, но Давид, человек по сердцу Божию, провинился не только в смертоубийстве, но и в прелюбодеянии. "Вы подражали Давиду в его преступлении, подражайте же ему и в его покаянии", — отвечал непреклонный Амвросий. Суровые условия примирения и помилования были приняты, и публичное покаяние императора Феодосия внесено в летописи церкви как одно из самых славных для нее событий. В силу самых мягких правил церковного благочиния, какие были установлены в четвертом столетии, преступление человекоубийства заглаживалось двадцатилетним покаянием ⁹⁷⁾, а так как человеческая жизнь недостаточно продолжительна для того, чтобы можно было таким образом очиститься от всех убийств, совершенных в Фессалониках, пришлось бы не допускать убийцу до св. Причастия до самой его смерти. Но архиепископ, руководствуясь соображениями религиозной политики, обнаружил некоторую снисходительность к высокому сану кающегося, который готов был смиренно сложить к его

стопам свою диадему, а назидание публики также могло считаться веским мотивом в пользу того, чтобы сократить срок наказания. Поэтому было признано достаточным, чтобы римский император, сняв с себя все внешние отличия верховной власти, появился посреди миланской церкви в плачевной позе просителя и униженно молил со вздохами и слезами о прощении его грехов ⁹⁸⁾.

В этом духовном врачевании Амвросий попеременно употреблял то мягкие приемы, то строгие. По прошествии почти восьми месяцев Феодосий был снова принят в общество верующих, а эдикт, устанавливший тридцатидневный промежуток между постановлением смертного приговора и его исполнением, может считаться за ценный результат его покаяния ⁹⁹⁾. Потомство одобрило доблестную твердость архиепископа, и пример Феодосия может служить доказательством того, как благотворно влияние тех принципов, в силу которых монарха, не признающего над собою власти земных судей, можно заставить уважать законы и представителей невидимого Судьи. "Монарха," — говорит Монтескье, — который подчиняется влиянию надежд и опасений, внушаемых религией, можно сравнить со львом, который знает только голос своего сторожа и послушен только ему одному" ¹⁰⁰⁾. Поэтому действия царственных животных зависят от склонностей и интересов тех людей, которые приобрели такую опасную над ними власть, и то духовное лицо, которое держит в своих руках совесть монарха, может или воспламенять, или сдерживать его кровожадные страсти. Таким образом Амвросий, с одинаковой энергией и с одинаковым успехом, отстоял и принцип человеколюбия и принцип религиозных гонений ¹⁰¹⁾.

После поражения и смерти галльского тирана вся Римская империя оказалась во власти Феодосия. Над Востоком он властвовал по выбору Грациана, а над Западом — по праву завоевания, и проведенные им в Италии три года были с пользой употреблены на восстановление авторитета законов и на уничтожение тех злоупотреблений, которые безнаказанно совершались при узурпаторе Максиме и во время малолетства Валентиниана. Имя Валентиниана постоянно выставлось на официальных актах, но нежный возраст и сомнительные религиозные верования сына Юстины, по-видимому, требовали от православного опекуна особой предусмотрительности и заботливости. Феодосий мог бы устранить

этого несчастного юношу от управления империей и даже лишить его наследственных прав на престол, не подвергая себя опасностям борьбы и даже, быть может, не вызывая ропота неудовольствия. Если бы Феодосий принял в руководство свои личные интересы и политические расчеты, его друзья нашли бы оправдания для такого образа действий, но выказанное им в этом достопамятном случае великодушие вызвало горячее одобрение даже со стороны самых непримиримых его врагов. Он снова возвел Валентиниана на миланский престол и, ничего не требуя для самого себя ни в настоящем, ни в будущем, возвратил ему абсолютное владычество над всеми провинциями, которые были отобраны у него Максимом, прибавив к этим обширным наследственным владениям страны по ту сторону Альп, которые он отнял, вследствие успешной войны, у убийцы Грациана ¹⁰²). Довольный тою славою, которую он приобрел, отмстив за смерть своего благодетеля и освободив Запад от ига тирана, император возвратился из Милана в Константинополь и в спокойном обладании Востоком мало-помалу предался своей прежней склонности к роскоши и бездействию. Феодосий исполнил свои обязанности по отношению к брату Валентиниана и все, что внушала ему супружеская привязанность к его сестре, и потомство, восхищаясь чистым и необыкновенным блеском его царствования, должно также восхищаться беспримерным великодушием, с которым он воспользовался своей победой.

Императрица Юстина недолго пережила свое возвращение в Италию, и, хотя она была свидетельницей торжеств Феодосия, она была лишена всякого влияния на управление своего сына ¹⁰³). Пагубная привязанность к арианской секте, впитанная Валентинианом из ее примера и ее наставлений, была скоро изглажена наставлениями более православного воспитателя. Его усиливавшееся усердие к Никейскому догмату и его сыновняя почтительность к достоинствам и авторитету Амвросия внушили католикам самое благоприятное мнение о добродетелях юного повелителя Запада ¹⁰⁴). Они восхищались его целомудрием и воздержностью, его презрением к мирским развлечениям, его склонностью к деловым занятиям и его нежной привязанностью к двум его сестрам, которая, однако, оставляла неприкосновенной его беспристрастную справедливость и не вовлекала его в постановление нес-

праведливых приговоров даже над самыми последними из его подданных. Но этот прекрасный юноша, еще не достигши двадцатилетнего возраста, сделался жертвою измены, которая снова вовлекла империю в ужасы междуусобной войны. Храбрый воин из племени франков, Арбогаст ¹⁰⁵⁾, занимал второстепенный пост на службе у Грациана. После смерти своего государя он поступил на службу к Феодосию, способствовал своей храбростью и воинскими дарованиями низвержению тирана и, после окончательной победы, был назначен главным начальником галльских армий. Его замечательные дарования и кажущаяся преданность доставили ему доверие и монарха и народа; его безграничная щедрость подкупила в его пользу войска, и в то время, как все считали его за опору государства, этот смелый и вероломный варвар втайне решился или сделаться главою Западной империи, или разрушить ее. Главные должности в армии были розданы франкам; приверженцы Арбогаста пользовались всеми отличиями и должностями гражданского управления; развитие заговора удалило от Валентиниана всех преданных ему служителей, и слабый император, будучи лишен возможности получать извне какие-либо сведения, мало-помалу низошел до зависимого и опасного положения пленника ¹⁰⁶⁾. Хотя его негодование могло бы быть приписано опрометчивости и нетерпению юности, оно происходило, скорей, от благородного мужества монарха, сознававшего, что он не недостоин престола. Он втайне пригласил миланского архиепископа принять на себя роль посредника, который был бы порукой за его искренность и за его личную безопасность. Он известил восточного императора о своем беспомощном положении и объявил, что, если Феодосий не поспешит к нему на помощь, он будет принужден спасаться бегством из своего дворца или, скорей, из своего тюремного заключения в Виенне, в Галлии, где он имел неосторожность поселиться посреди приверженцев враждебной партии. Но помощь была сомнительна, и ждать ее пришлось бы очень долго; а так как император терпел каждый день новые обиды и ни от кого не получал ни помощи, ни доброго совета, то он опрометчиво решился немедленно вступить в борьбу со своим всесильным военачальником. Он принял Арбогаста сидя на своем троне, и когда комит приблизился к нему с некоторой почтительностью, вручил ему бумагу, которая увольняла его от всех его должно-

стей. "Моя власть, — возразил Арбогаст с дерзким хладнокровием, — не зависит от улыбки или от нахмуренных бровей монарха", и презрительно бросил бумагу на пол. Разгневанный монарх, ухватившись за меч одного из своих телохранителей, старался вытащить его из ножен, и пришлось прибегнуть к некоторому насилию, чтобы помешать ему употребить это оружие против своего врага или против самого себя. Через несколько дней после этой необыкновенной ссоры, ясно обнаружившей и раздражительность и бессилие несчастного Валентиниана, он был найден задушенным в своей комнате, а Арбогаст постарался прикрыть свою явную виновность и распространить слух, что юный император сам с отчаяния лишил себя жизни ¹⁰⁷⁾. Тело Валентиниана было перевезено с приличной пышностью в миланский склеп, а архиепископ произнес надгробную речь, в которой восхвалял его добродетели и оплакивал его несчастья ¹⁰⁸⁾. В этом случае Амвросий из человеколюбия дозволил себе странное нарушение своей богословской системы: желая утешить плачущих сестер Валентиниана, он положительно уверял их, что их благочестивый брат без всяких затруднений допущен в жилище вечного блаженства, несмотря на то, что над ним не было совершено таинство крещения ¹⁰⁹⁾.

Арбогаст предусмотрительно подготовил успех своих честолюбивых замыслов, и провинциальные жители, в груди которых угасло всякое чувство патриотизма и преданности, ожидали со смиренной покорностью нового повелителя, который будет возведен, по выбору франка, на императорский престол. Возвышению самого Арбогаста препятствовали сохранившиеся в его душе предрассудки, и этот здравомыслящий варвар нашел более удобным властвовать от имени какого-нибудь покорного римлянина. Он возложил императорскую мантию на ритора Евгения ¹¹⁰⁾, которого он уже прежде того возвысил из звания своего домашнего секретаря в звание министра двора. И состоя на частной службе при комите и занимая государственную должность, Евгений умел заслужить его одобрение своей преданностью и своими дарованиями; его ученость и красноречие в соединении с чистотою его нравов внушали к нему уважение в народе, а то, что он, по видимому, неохотно вступил на престол, могло считаться за доказательство его душевных качеств и умеренности. Послы от нового императора были немедленно отправлены к Феодо-

сию, чтобы сообщить ему с притворной скорбью о неожиданном приключившейся смерти Валентиниана; не называя имени Арбогаста, они просили восточного императора признать своим законным соправителем почтенного гражданина, единогласно призванного на престол и западными армиями и западными провинциями ¹¹¹⁾. Феодосий был основательно возмущен вероломством варвара, в один момент уничтожившего плоды его усилий и одержанной перед тем победы, а слезы страстно любимой супруги ¹¹²⁾ побуждали его отмстить за смерть ее несчастного брата и еще раз восстановить силу оружия поправленное величие императорского престола. Но так как вторичное завоевание Запада было делом трудным и опасным, то он отпустил Евгеньевых послов с великолепными подарками и с двусмысленным ответом и затем употребил почти два года на приготовления к междуусобной войне. Прежде чем принять какое-либо окончательное решение, благочестивый император пожелал узнать волю небес, а так как распространение христианства наложило печать молчания на прорицалища Дельфийское и Додонское, то он обратился за советом к одному египетскому монаху, который славился тем, что творил чудеса и предсказывал будущее. Один из любимых евнухов Константинопольского дворца, Евтропий, отправился морем в Александрию, а оттуда поднялся вверх по Нилу до города Ликополя, или города волков, внутрь Фиваиды ¹¹³⁾. Неподалеку от этого города, на вершине высокой горы, святой Иоанн ¹¹⁴⁾ построил собственными руками скромную келью, в которой прожил более пяти лет, ни разу не отворив своей двери, ни разу не видев ни одной женщины и ни разу не поев такой пищи, которая готовится на огне или каким-либо другим искусственным способом. Пять дней в неделе он проводил в молитвах и размышлениях, но по субботам и воскресеньям он отворял небольшое окно и давал аудиенцию толпе просителей, стекавшихся туда со всех концов христианского мира. Феодосиев евнух почтительно подошел к этому окну, предложив вопросы касательно исхода междуусобной войны, и скоро возвратился в Константинополь с благоприятным предсказанием, воодушевившим императора уверенностью в кровопролитной, но неминуемой победе ¹¹⁵⁾. Исполнению этого предсказания способствовали все средства, какие только может подготовить человеческая предусмотрительность. Деятельность двух высших воена-

чальников, Стилихона и Тимазия, была направлена на исполнение римских легионов рекрутами и на восстановление в них дисциплины. Сильные отряды варваров приготовились к выступлению под знаменами своих национальных вождей. Иберы, арабы и готы, с удивлением поглядывавшие друг на друга, стали под знамена одного и того же монарха, и знаменитый Аларих приобрел в школе Феодосия те военные познания, которые он впоследствии употребил на разрушение Рима ¹¹⁶⁾.

Западный император или, правильное говоря, его полководец Арбогаст знал по ошибкам и по неудачам Максима, как опасно растягивать линию обороны перед искусным противником, который может по своему произволу усиливать или приостанавливать свои нападения, направлять их на один пункт или разом на несколько пунктов ¹¹⁷⁾. Арбогаст занял позицию на границе Италии; войскам Феодосия он дозволил без сопротивления занять Паннонские провинции до подножия Юлийских Альп и даже оставил незащищенными горные проходы или по небрежности, или, быть может, с коварным расчетом. Спустившись с гор, Феодосий не без удивления увидел сильную армию из галлов и германцев, покрывавшую своими палатками равнину, которая простирается до стен Аквилеи и до берегов Фригиды ¹¹⁸⁾, или Холодной реки ¹¹⁹⁾. На узком театре войны, окаймленном Альпами и Адриатическим морем, не было достаточно места для искусных военных эволюций; Арбогаст был слишком горд, чтобы просить помилования; его преступление не допускало надежды на примирение, а Феодосий горел нетерпением поддержать свою военную славу и наказать убийц Валентиниана. Не взвесив естественных и искусственных препятствий, которые ему приходилось преодолеть, восточный император немедленно напал на укрепления своего противника и, предоставив готам самый опасный пост, считавшийся вместе с тем и самым почетным, втайне желал, чтобы кровопролитная битва уменьшила и заносчивость и число этих завоевателей. Десять тысяч варварских союзников, вместе с предводителем иберов Бакурием, храбро пали на поле битвы. Но их кровь не дала победы; галлы удержались на своих позициях, и наступившая ночь прикрыла беспорядочное бегство или отступление Феодосиевых войск. Император удалился на соседние горы, где провел тревожную ночь без сна, без прови-

зии и без всякой надежды на успех ¹²⁰⁾, кроме той, которую дает решительным людям в самые критические минуты презрение к фортуне и к жизни. Победа Евгения праздновалась в его лагере с дерзким и разнузданным весельем, между тем как деятельный и бдительный Арбогаст тайне отрядил значительный отряд войск с приказанием занять горные проходы в тылу у восточной армии с целью окружить ее со всех сторон. На рассвете Феодосий понял, как опасно и безвыходно его положение; но его опасения рассеялись с получением от начальника этих войск уведомления, что они не желают дальше служить под знаменем тирана. Император без всяких колебаний согласился на все те почетные и выгодные отличия, которые они выговорили себе в награду за свое вероломство, а так как трудно было достать чернил и бумаги, то он утвердил этот договор подписью в своей собственной записной книжке. Это благовременное подкрепление ободрило его солдат, и они с уверенностью снова напали на лагерь тирана, на права и военные успехи которого, по-видимому, не полагались высшие из его военачальников. В то время как битва была в самом разгаре, внезапно поднялась с востока одна из тех свирепых бурь ¹²¹⁾, которые так часты в Альпах. Феодосиева армия занимала такую позицию, что была защищена от ярости ветра, который нес облака пыли в лицо неприятеля, расстраивал его ряды, вырывал из его рук оружие и отбрасывал в сторону или назад его дротики. Этим случайным преимуществом искусно воспользовался Феодосий; суеверный страх галлов увеличил в их глазах свирепость бури, и они не краснея преклонились перед невидимой небесной силой, по-видимому, ратовавшей за благочестивого императора. Его победа была решительна, а смерть двух его соперников соответствовала различию их характеров. Ритор Евгений, едва не достигший всемирного владычества, был вынужден молить императора о пощаде, и в то время, как он лежал распростертым у ног Феодосия, безжалостные солдаты отрубили ему голову. Арбогаст, проиграв сражение, в котором он исполнял обязанности и солдата и предводителя, бродил несколько дней по горам. Но когда он убедился, что его дело окончательно проиграно и что нет возможности спастись бегством, этот неустрашимый варвар последовал примеру древних римлян и вонзил свой меч в свою собственную грудь. Судьба империи была решена в небольшом уголке Италии;

законный представитель Валентинианова рода обнял миланского архиепископа и милостиво принял от западных провинций изъявления покорности. Эти провинции участвовали в преступном восстании, между тем как один только неустрашимый Амвросий не признавал власти счастливого узурпатора. Он отверг подарки Евгения с такой смелостью, которая была бы гибельна для всякого другого, не захотел вступить с ним ни в какие сношения и удалился из Милана, чтобы избежать отвратительного лицемерия тирана, падение которого он предсказывал в сдержанных и двусмысленных выражениях. Заслуги Амвросия были оценены по достоинству победителем, которому союз с церковью обеспечивал преданность народа, и милосердие Феодосия приписывают человеколюбивому посредничеству миланского архиепископа ¹²²⁾.

После поражения Евгения и заслуги и власть Феодосия были охотно признаны всеми жителями Римской империи. Все, что он до тех пор сделал, внушало самые приятные надежды на будущее, а возраст императора, еще не перешедший за пятьдесят лет, по-видимому, расширял перспективу общего благополучия. Поэтому его смерть, приключившаяся лишь через четыре месяца после его победы, считалась за неожиданное и пагубное событие, одним разом разрушившее надежды подраставшего поколения. Зародыш болезни втайне развивался от его склонности к удобствам жизни и к роскоши ¹²³⁾. Он не был в состоянии вынести внезапного и резкого перехода от дворцовой жизни к лагерной, и усиливавшиеся симптомы водяной предвещали скорый конец императора. Мнения, а может быть, и интересы публики одобряли разделение империи на Восточную и Западную, и два царственных юноши, Аркадий и Гонорий, уже получившие от своего отца титул Августа, должны были занять престолы константинопольский и римский. Эти принцы не принимали никакого участия ни в опасностях междоусобной войны, ни в доставленной ею славе ¹²⁴⁾, но лишь только Феодосий восторжествовал над своим недостойным соперником, он призвал своего младшего сына к пользованию плодами победы, и Гонорий получил из рук своего умирающего отца скипетр Запада. Прибытие Гонория в Милан праздновалось великолепными играми в цирке, и хотя сам император сильно страдал от постигшей его болезни, он захотел содействовать своим присут-

ствием общему веселью. Но его силы окончательно истощились от сделанного им усилия, чтобы присутствовать на утреннем представлении. В течение остальной части дня Гонорий занимал место своего отца, а в следовавшую затем ночь великий Феодосий испустил дух. Несмотря на вражду, возбужденную недавней междуусобицей, его смерть оплакивали все. Варвары, которых он победил, и духовенство, которое подчинило его своему влиянию, превозносили в громких и искренних похвалах те достоинства покойного императора, которые были самыми ценными в их глазах. Римлян пугала перспектива слабого и обуреваемого раздорами управления, и все печальные события, случившиеся в царствование Аркадия и Гонория, напоминали им о понесенной ими невозвратимой утрате.

Отдавая полную справедливость добродетелям Феодосия, мы вместе с тем не скрывали и его недостатков — его склонности к лени и того жестокосердого деяния, которое омрачило славу одного из величайших римских монархов. Но тот историк, который постоянно старался запятнать репутацию Феодосия, преувеличил и его недостатки и их вредные последствия; он смело утверждает, что все классы подданных подражали изнеженности своего государя; что всякого рода разврат пятнал и общественную и частную жизнь и что слабых преград, устанавливаемых законами и приличиями, было недостаточно для того, чтобы сдерживать развитие нравственной распущенности, приносившей, не краснея, в жертву все требования долга и личной пользы для удовлетворения низкой склонности к праздности и к чувственным наслаждениям ¹²⁵). Жалобы писателей на происшедшее в их время усиление роскоши и безнравственности обыкновенно служат выражением их собственного характера и положения. Немного таких наблюдателей, которые смотрят на общественные перевороты ясным и широким взглядом и которые способны раскрыть тонкие и тайные пружины, дающие однообразное направление слепым и причудливым страстям множества отдельных личностей. Если действительно есть основание утверждать, что сластолюбие римлян было более постыдно и безнравственно в царствование Феодосия, нежели во времена Константина или Августа, то эту перемену нельзя приписывать каким-либо полезным улучшениям, мало-помалу увеличившим сумму национального богатства. Длинный пе-

риод общественных бедствий и упадка должен был приостановить развитие промышленности и уменьшить народное богатство, и безнравственная роскошь могла быть лишь последствием той отчаянной беспечности, которая наслаждается настоящим, устраниая от себя заботу о будущем. Необеспеченность собственности отнимала у подданных Феодосия охоту браться за те трудные предприятия, которые требуют немедленных расходов, но доставляют выгоды лишь в более или менее отдаленном будущем. Частые случаи гибели и разорения побуждали их не заботиться о сбережении наследственного достояния, которое ежеминутно могло сделаться добычей хищных готов. Безрассудная расточительность, которой люди предаются среди общего смятения, возбуждаемого кораблекрушением или осадой, может служить объяснением развития роскоши среди бедствий и тревог приходившей в упадок нации.

Изнеженность и сластолюбие, развратившие нравы при дворе и в городах, влили тайный и пагубный яд в лагерь легионов, на распущенность которых указывает военный писатель, тщательно изучивший основные принципы старинной римской дисциплины. Вегетий делает основательное и важное замечание, что со времен основания Рима до царствования императора Грациана пехота всегда носила латы. Вследствие ослабления дисциплины и отвычки от военных упражнений солдаты утратили и способность и охоту выносить лишения военной службы; они стали жаловаться на тяжесть лат, которые редко надевали, и мало-помалу добились разрешения отложить в сторону и свои кирасы и свои шлемы. Тяжелое оружие их предков — коротенький меч и страшный *pilum*, подчинивший им весь мир, — выпало из их слабых рук. Так как с употреблением лука несовместимо пользование щитом, то они неохотно выходили на поле битвы; им приходилось или выносить страдания от множества ран, или избегать их постыдным бегством, и они всегда были расположены отдавать предпочтение тому, что было всего более позорно. Кавалерия готов, гуннов и аланов поняла выгоды панцирей и ввела их у себя в употребление, а так как она отличалась необыкновенной ловкостью в употреблении метательного оружия, то она легко одерживала верх над обнаженными и дрожащими от страха легионными солдатами, у которых голова и грудь ничем не были защищены от стрел

варваров. Потеря армий, разрушение городов и унижение римского имени тщетно напоминали преемникам Грациана о необходимости возвратить пехоте шлемы и панцири. Изнеженные солдаты пренебрегали и своей собственной обороной и защитой своего отечества; их малодушную небрежность можно считать за непосредственную причину разрушения империи ¹²⁶⁾.

---

1) Посвященный богине победы алтарь, на котором сенаторы обыкновенно жгли ладан, был снова поставлен Юлианом на прежнее место в здании сената. Иовиан и Валентиниан оставили его там нетронутым, но Грациан приказал вынести его оттуда. Грациан был также первый из императоров, отказавшийся от одевания верховного жреца, которое до тех пор считалось одной из принадлежностей императорского звания (Зосим, кн. 4, гл. 36). Впрочем, самый титул, как кажется, был удержан и им и его преемниками; так думает Экгель, написавший об этом предмете особую диссертацию. (Num. Vet., ч. 8, стр. 380-390). Изложив возникавшие по этому поводу нарекания, Экгель приходит к заключению, что христианские императоры принимали этот титул как верховные начальники собственной церкви, "quod iste titulus includeret summum in Christianorum ecclesias regimen atque imperium". — *Издат*)

2) Валентиниан обращал менее внимания на религию своего сына, так как поручил образование Грациана Авзонию, открыто исповедовавшему языческую религию. (Mem. de l' Academie des Inscriptions, том XV, стр. 125-138). Слава, которую приобрел Авзоний как поэт, доказывает дурной вкус того времени. (Над религиозным образованием Грациана по меньшей мере наблюдал миланский архиепископ Амвросий, в особенности заботившийся о том, чтобы вырвать его из сетей арианства, в которые попали и его отец и его младший брат. С этой целью он написал для Грациана трактат о Троице и сделался его духовным наставником. По мнению Нибура (*Лекции*, ч. III, стр. 316), Валентиниан ошибся в выборе наставника для своего сына, потому что сам был без всякого образования. "Он воображал, что нашел в Авзонии превосходного наставника для Грациана, и ошибся точно так же, как ошибся Антонин в выборе Фронтоня". Этого последнего Нибур осуждал (стр. 233) за его систему воспитания, так как "он заставлял своего ученика читать различных авторов только ради их фраз и гоняться только за одними словами, как он сам в этом сознавался". Этим подтверждается то поверхностное влияние разумных советов, которое было так скоро заглушено в Грациане светскими развлечениями. Но у самого Авзония, как кажется, не было никаких твердо установленных принципов. В то время как он читал в Бордо и Тулузе лекции о риторике, быстрое и легкое течение его речи доставило ему известность, благодаря которой его имя дошло до Валентиниана. Его поэтические произведения вялы, а его изложение своих убеждений так неопределенно, что некоторые, заодно с Гиббоном, считают его за явного язычника, а некоторые другие находят в

его произведениях не менее убедительные доказательства того, что он был христианин. Тритемий возвел его в звание бордоского епископа, а Винет причислил его к лику святых. Бесспорно, были и такие произведения святых, которые были ниже самых дурных произведений Авзония. Бэйль нашел этот предмет достойным довольно длинного рассуждения, в котором доказывает, что этот поэт не был язычником, ясно излагает противоположные мнения и аргументы и кончает свое последнее примечание следующими словами: "отзывы об Авзонии очень разнообразны; одни говорят, что он вовсе не был христианином, а другие утверждают, что его имя стоит в списке причисленных к лику святых". Поэтому Гиббон не должен бы был выражаться так положительно. — *Издат.*)

3) Авзоний был возведен в звание преторианского префекта Италии (377 г.) и Галлии (378 г.), а в конце концов был облечен званием консула (379 г.). Он выразил свою признательность за эти отличия в раболепном и пошлом произведении (*Actio Gratiarum*, стр. 699-736), которое наполнено лелью, но тем не менее пережило много других лучших произведений.

4) *Desputare de principali judicio non oportet. Sacrilegii enim instar est dubitare, an is dignus sit, quem elegerit imperator.* *Кодекс* Юстиниана, кн. 9, тит. 29, зак. 2. Этот удобный закон ожил и был обнародован слабым миланским правительством после смерти Грациана.

5) Амвросий написал, для его поучения, богословский трактат о вере в Троицу, а Тильемон (*Hist. des Empereurs*, том V, стр. 158, 159) приписывает влиянию этого архиепископа изданные Грацианом законы против веротерпимости.

6) *Qui divinae legis sanctitatem nesciendo omittunt, aut negligendo violant et offendunt, sacrilegium committunt.* *Кодекс* Юстиниана, кн. 9, тит. 29, зак. 1. Впрочем, в издании этого ясного закона должен иметь свою долю заслуги и Феодосий.

7) Аммиан (XXXI, 10) и младший Виктор признают добродетели Грациана и винят его в извращении вкуса или, скорей, скорбят об этом. Унизительное сравнение с Коммодом смягчено словами "*licet Incruentus*"; а Филосторгий (кн. 10, гл. 10) и Годафруа (стр. 412) смягчили подобной оговоркой сравнение с Нероном.

8) Зосим (кн. 4, стр. 247) и младший Виктор приписывают происшедший переворот милостивому расположению Грациана к аланам и неудовольствию римских войск. *Dum exercitum negligeret, et paucos ex Alanis, quos ingenti auro ad se transtulerat, anteferebat veteri ac Romano militi.*

9) "*Britanna, fertilis promincia tyrannorum*" — это замечательное выражение было употреблено Иеронимом во время его полемики с Пелагием; его различным образом объясняли наши антиквари и во время своих споров. Перевороты прошедшего столетия, по-видимому, оправдывают слова Боссюэ: "*cette ile, plus orageuse que les mers qui l'entourent*". (Гиббон придал слову *tyrannorum* такое значение, которое не подтверждается греческими и латинскими писателями (см. часть 1, гл. 10, стр. 360, *примеч.*) и которого, как кажется, не имел в виду Иероним, когда употреблял это слово в применении к тому разряду людей, к которому принадлежит Константин Великий. — *Издат.*)

10) Зосим говорит о британских солдатах: *ton allon apanton pleon authadejai kai phymo nicomenous*.

11) Дочь Евдды (Eudda) Елена. Ее гробницу и теперь можно видеть в Керсегонте (Caersegont) подле Кернарвона. ("Ист. Англии" Карта (Carte), ч.1, стр. 168, из *Mona Antiqua* Роуланда). Осторожный читатель, быть может, не удовольствуется таким Валлийским свидетельством.

12) Кемден (ч.1, введ., стр. 101) производит его в губернаторы Британии, а за этим отцом наших древностей, по обыкновению, идет его слепое потомство. Пакат и Зосим постарались уничтожить это заблуждение или этот вымысел, и я становлюсь под охрану их положительных утверждений. *Rigali habitu exulem suum, illi exules orbis induerunt* (In Panegy. Vet. 7 XII, 23); а греческий писатель выражается еще менее двусмысленно: *antos* (Максим) *de oude eis archen hentimon hetychē proelphon*. (Кн. 4, стр. 248).

13) Сульпиций Север, Dialog. 2, 7. Орозий, кн. 7, гл. 34, стр. 556. Оба они признают (Сульпиций был его подданным) его невинность и достоинства. Довольно странно то, что о Максиме менее лестно отзывался Зосим, который был пристрастным недругом его соперника.

14) Архиепископ Usher (Antiquitat. Britan. Eccles., стр. 107, 108) старательно собрал легенды, бывшие в ходу на острове и на континенте. Все переселение состояло из тридцати тысяч солдат и ста тысяч плебеев, поселившихся в Бретани. Их будущие невесты, — св. Урсула с одиннадцатью тысячами благородных девиц и шестьюдесятью тысячами плебеек, — сбились пути, высадились в Кельне и были безжалостно умерщвлены гуннами. Но плебейки не участвовали в почестях мученичества, и — что еще более удивительно, — Иоанн Трительный позволяет себе упомянуть о *детях* этих британских *девушек*. (Ученые того времени принимали такие басни с большим легковерием. Кемден приводит их в большом числе (*Введение* к изданию Gough, стр. 87), но, отложив в сторону их сомнительное свидетельство, он не в состоянии решить, были ли армориканские британы колонией ветеранов, поселенной Константином, или покинувшими свои знамена солдатами Максима, или беглецами, укрывавшимися от саксов. Он приходит только к тому заключению, что, судя по сходству языка и названия, они были переселенцами из древней Британии; более вероятно, что точно так же, как британские кельты отступили перед саксами в свои западные убежища, и галльские кельты удалились перед франками на ту территорию, где они были ограждены с трех сторон морем и которая, вероятно, давно уже получила, благодаря сродству рас, название, соответствующее названию соседнего острова. Названия Корнуэльса и Уэльса (Cornugallia и Gallia) имеют точно такую же аналогию с названием древней Галлии. — *Издат.*)

15) Зосим (кн. 4, стр. 248, 249) перенес смерть Грациана из Лугдунума в Галлии (Лиона) в Сингидунум, в Мезию. Некоторые указания могут быть заимствованы из "Хроник", а у Созомена (кн. 7, гл. 13) и Сократа (кн. 5, гл. 11) немало выдумок. Свидетельство Амвросия самое достоверное (том 1, Enarrat. in Psalm. LXI, стр. 961, том II, Epist. 24, стр. 888 и сл. и de obitu Valentinian Consolat., N 28, стр. 1182).

16) Пакат (XII, 28) хвалит его за неизменную преданность, тогда как в

"Хронике" Проспера говорится о его вероломстве как о причине гибели Грациана. Амвросий, пользуясь удобным случаем, чтобы оправдать самого себя, порицает лишь казнь Валлиана, верно служившего Грациану (том II, Epist. 24, стр. 891, изд. Бенедикт).

17) Он заявлял, что "nullum ex adversariis nisi in acie occubuisse. (Сульп. Север, in vit. B. Martin., гл. 23). Оратор Феодосия неохотно хвалит его милосердие и этим заставляет думать, что эти похвалы основательны. Si cui ille, pro ceteris sceleribus suis, minus crudelis fuisse videtur. Panegy. Vet. XII 28.

18) Амвросий упоминает о Грациановых законах, "quos non abrogavit hostis." (Том II, Epist. 17, стр. 827).

19) Зосим, кн. 4, стр. 251, 252. Мы можем не доверять его отвратительным подозрениям, но мы не можем отвергать мирного договора, о котором друзья Феодосия или совершенно позабыли, или упоминали только слегка.

20) Служивший для них оракулом, епископ миланский отводит для своего воспитанника Грациана высокое и почетное место на небесах (том II, de Obit. Val. Consol., стр. 1193).

21) Касательно крещения Феодосия см. Созомена (кн. 7, гл. 4), Сократа (кн. 5, гл. 6) и Тильемона (Hist. des Empereurs, том 5, стр. 728).

22) Асколий, или Асхолий, был почтен дружбой и похвалами Амвросия, который называет его "murus fidei atque sanctitatis" (том II, Epist. 15, стр. 820), а затем хвалит его за быстроту, с которой он побывал в Константинополе, в Италии и пр. (Epist. 16, стр. 822), — хотя такое качество не свойственно ни *стене*, ни *епископу*.

23) *Кодекс* Феод. кн. 16, тит. 1, зак. 2 и *комментарий* Годефруа, том VI, стр. 5-9. Этот эдикт удостоился самых горячих похвал от Барония, — "auream sanctionem, edictum pium et salutare. — Sic itur ad astra.

24) Созомен, кн. 7, гл. 6. Феодорит кн. 5, гл. 16. Тильмон (Mem. Eccles., том VI, стр. 627, 628) недоволен выражениями "неблаговоспитанный епископ", "незначительный город". Тем не менее я позволю себе думать, что и епископ Амфилохий и город Иконий не имели большой важности для Римской империи. (Амфилохий был более высокого о себе мнения, так как считал себя столпом церкви. Между деятельными епископами того времени он отличался своей враждой к еретикам, усердно посещал собиравшиеся для борьбы с ними соборы и председательствовал в 383 г. на соборе в Сиде для того, чтобы осудить безрассудных странствующих монахов, которые носили почти совершенно забытое в настоящее время название мессалиан. — *Издат.*)

25) Созомен, кн. 7, гл. 5. Сократ, кн. 5, гл. 7. Марцеллин., in Chron. Эти сорок лет должны считаться с того времени, как был избран или, скорее, силой втерся Евсевий, искусно променявший никомедийское епископство на константинопольское.

26) См. *Примечания* Жортена к Церковной Истории, ч. IV, стр. 71. В тридцать третьей речи Григория Назианзина действительно встречаются подобные и даже еще более странные идеи; но я до сих пор не мог отыскать подлинных выражений этого замечательного места, которое я привожу, полагаясь на аккуратного и добросовестного ученого.

27) См. тридцать вторую речь Григория Назианзина и описание его

собственной жизни, которое он изложил в тысяча восьмистах ямбических стихах; но всякий доктор охотно преувеличивает опасность болезни, которую ему удалось вылечить.

28) Я сознаю, что я многим обязан двум биографиям Григория Назианзина, которые были написаны с совершенно различными целями, — одна Тильеконом (Mem. Eccles., том IX, стр. 305-560, 692-731), а другая Ле-Клерком (Bibliothèque Universelle, том XVIII, стр. 1-128).

29) Если Григорий Назианзин сам не просчитал тридцати лет в своей собственной жизни, то он, должно быть, родился в одно время со своим другом Василием, около 329 г. Нелепая хронология Свидаса была охотно принята, потому что прикрывала скандальное поведение Григориева отца, который был также святой, а сделавшись епископом, производил на свет детей (Тильеконом, Mem. Eccles., том IX, стр. 693-697).

30) Поэма Григория, в которой он рассказывает свою жизнь, заключает в себе несколько прекрасных строк (том II, стр. 8), которые вырвались из глубины души и выражают мучительную скорбь об утраченной дружбе:

...ponoi kionoi logōn,
Omōstegos te kai synestios bios,
Nous eisien ampsoin...
Pieskedastai panta karriptaí kanai,
Lyrāi pserousi tas palaías elpidos.

Елена обращается с такими же трогательными жалобами к своей подруге Гермии ("Сон в летнюю ночь"):

Is all the counsel that we two have shared,
The sister's vows, etc.

Шекспир не читал поэмы Григория Назианзина, так как он не знал греческого языка, но его родной язык, — язык природы, — один и тот же и в Каппадокии и в Британии.

31) Это неблагоприятное описание Сасимы сделано Григорием Назианзином (том II, de Vita Sua, стр. 7, 8). Ее точное положение в сорока девяти милях от Археланды и в тридцати двух от Тианы, определено в "Дорожнике" Антонина (стр. 144, изд. Весселинга.).

32) Григорий обессмертил имя Назианзина; но Плиний (VI, 3), Птолемей и Иерокл (Itinerar., изд. Весселинга, стр. 709) называют родной город Григория греческим или латинским именем Диокесарии (Тильеконом, Mem. Eccles., том IX, стр. 692). Он, как кажется, находился на границе Исаурии.

33) См. Дюканжа, Constant. Christiana, кн. 4, стр. 141, 142. Выражение Созомена Theia dynamis (кн. 7, гл. 5) истолковывают в смысле Девы Марии.

34) Тильеконом (Mem. Eccles., том IX, стр. 432 и сл.) старательно собрал и объяснил ораторские и поэтические выражения самого Григория, имеющие связь с этим предметом.

35) Григорий произнес речь (том I, Orat. 23, стр. 409) в похвалу Максима, но после их ссоры имя Максима было изменено в Герона (см. Иеронима, том I, in Catalog. Script. Eccles., стр. 301). Я лишь слегка касаюсь этих ничтожных личных ссор.

36) Под скромной эмблемой сновидения Григорий (том II, песнь 9, стр. 78) описывает свой собственный успех с удовольствием, более приличным мирянину. Впрочем, из его фамильярной беседы с од-

ним из его слушателей, св. Иеронимом (том I, Epist. ad Nepotian, стр. 14), можно заключить, что проповедник хорошо понимал настоящую цену рукоплесканий толпы.

37) *Lachrymae auditorum laudes tuae sint* — таков остроумный и благоразумный совет св. Иеронима.

38) Сократ (кн. 5, гл. 7) и Созомен (кн. 7, гл. 5) рассказывают об основанных на Евангелии ответах Демофила и о его поведении, не прибавляя ни одного слова похвалы. Он, по словам Сократа, находил, что весьма трудно *сопротивляться* всемогущим людям; но *подчиниться* им было легко и было бы выгодно.

39) См. Григория Назианзина, том II, de Vitasua, стр. 21, 22. В назидание потомству епископ константинопольский рассказывает о необычайном чуде. В ноябре месяце утро было туманно, но солнце вышло из-за туч, когда процессия вступила в церковь.

40) Из трех церковных историков один Феодорит (кн. 5, гл. 2) упомянул об этом важном поручении, возложенном на Сапора, а Тилье-мон (Hist. des Empereurs, том V, стр. 728) основательно относит его не к царствованию Грациана, а к царствованию Феодосия.

41) Я не причисляю сюда Филосторгия, хотя он и упоминает (кн. 9, гл. 19) об изгнании Демофила. Сочинения этого подражавшего Евномия историка были тщательно просеяны сквозь православное решето.

42) Ле-Клерк сообщил нам интересное извлечение (Bibliothèque Universelle, том XVIII, стр. 91-105) из богословских речей, произнесенных Григорием Назианзином в Константинополе против последователей Ария, Евномия, Македония и др. Обращаясь к последователям Македония, признававшим божественность Отца и Сына, но отвергавшим божественность Святого Духа, он говорит, что их можно было называть безразлично и *триипостасниками* и *двуйпостасниками*. Григорий сам был отчасти триипостасником, а его небесная монархия была похожа на хорошо организованную аристократию.

43) Первый вселенский собор, заседавший в Константинополе, властвует теперь в Ватикане; но папы долго колебались, а их колебания смущают и почти совершенно сбивают с толку смиренного Тильемона (Mem. Eccles., том IX, стр. 499, 500).

44) Перед смертью Мелетия шесть или восемь из самых популярных лиц духовного звания в его епархии, и в том числе Флавиан, *клятвенно* отказались от звания антиохийского епископа только для того, чтобы не нарушать спокойствия (Созомен, кн. 7, гл. 3, 11. Сократ, кн. 5, гл. 5). Тилье-мон считает своим долгом не верить этим фактам, но он признается, что есть некоторые обстоятельства в жизни Флавиана, по-видимому несогласные с похвалами Златоуста и с характером святого (Mem. Eccles., том X, стр. 541).

45) См. Григория Назианзина de Vita sua, том II, стр. 25-28. Из его прозы и из его стихов видно, что он думал вообще и в частности о духовенстве и о его собраниях (том I, Orat. I, стр. 33; Epist. 55, стр. 814; том II, *песнь* 10, стр. 81). На эти места Тилье-мон делает только легкие намеки, а Ле-Клерк подробно цитирует их. (На следующее место в *Посл.* 55 ad Procor. Тилье-мон, без сомнения, смотрел искаса; но его мог бы очень кстати цитировать Гиббон. "Я такого характе-

ра, — пишет Григорий, — что не решаюсь говорить правду на епископских собраниях, потому что до сих пор еще не видел пользы ни от одного из них, — до сих пор еще ни разу не присутствовал на таком соборе, который сделал бы более для уничтожения зла, чем для его усиления. В них господствует неописанная жажда споров и господства". — *Издат.*)

46) См. de Vita sua, том II, стр. 28-31. Речи четырнадцатая, двадцать седьмая и тридцать вторая были произнесены в различные периоды этих раздоров. Заключение последней из них (том I, стр. 528), в котором Григорий торжественно прощается с людьми и с ангелами, со столицей и с императором, с Востоком и с Западом, трогательно и даже возвышенно. (Нередко случается, что нам указывают на редкие примеры умеренности и добродетельной жизни как на доказательства нравственных достоинств целого класса людей и требуют от нас, чтобы мы уважали всех членов этого класса, набрасывая покрывало на тысячу примеров противоположных крайностей, в которых именно и выражается настоящий его характер. То, что Демофил без сопротивления отказался от звания Константинопольского архиепископа, а Григорий с достоинством сам сложил с себя это звание — это не более как случайно блеснувшие сквозь ноябрьский туман солнечные лучи, которые приятны для глаз, но не могут считаться за предвестников наступающего лета. Если мы хотим изучить настоящий характер древней церковной иерархии, мы найдем его в жадности, с которой добивались в ту пору епископских должностей, в бесчинствах и насилиях, совершавшихся с целью устранить соперников, в упорстве, с которым держались за эти должности, в лукавстве или в наглom высокомерии, с которым епископы пользовались своей властью. Этим духом епископы заразили подвластное им духовенство и внесли его во все составные части правительственной системы. Точно таким же образом нам указывают на разные специальные случаи в доказательство того, что та же власть иногда охраняла угнетенных, сдерживала увлечения тиранов или поощряла ученые занятия, и от нас требуют, чтобы мы мерили ее влияние на эту мерку. Но настоящие и полезные знания приобретаются не таким путем. Мы должны окидывать взором целую эпоху, изучать ее общий характер, наблюдать, что способствовало или препятствовало его развитию, и затем определять причины обнаружившихся последствий. Чтобы понять излагаемые здесь события, необходимо вывести наружу господствовавшие в ту пору влияния, как бы они ни были прикрыты своими собственными складками; тогда только мы откроем настоящих виновников добра или зла. Частные отклонения и личные исключения не должны отвлекать наше внимание от преобладавших тенденций. — *Издат.*)

47) Причудливое посвящение Нектария засвидетельствовано Созоменом (кн. 7, гл. 8); но Тильемон замечает (Mem. Eccles., том 9, стр. 719): "Après tout, ce narré de Sozomène est si honteux pour tous ceux qu'il y mêle, et surtout pour Theodose, qu'il vaut mieux travailler a le détruire, qu a le soutenir" — какое удивительное правило для критика!

48) Я этим хочу сказать, что таков был его природный характер, когда его не раздражало или не воспламеняло религиозное рвение. Из

своего уединения он убеждал Нектария преследовать Константинопольских еретиков.

49) См. *Код*. Феодосия, кн. 16, тит. 5, зак. 6-23 с комментариями Годефруа на каждый закон и его общий перечень или *Paratitlon*, том VI, стр. 104-110.

50) Они, подобно евреям, праздновали Пасху в четырнадцатый день первого месяца после весеннего равноденствия и, таким образом, не подчинялись ни римской церкви, ни Никейскому собору, назначившим празднование Пасхи на воскресенье. "Древности" Бингама, кн. 20, гл. 5, ч. II, стр. 309. Изд. in folio.

51) Созомен, кн. 7, гл. 12.

52) См. "Священную Историю" Сульпиция Севера (кн. 2, стр. 437-452, изд. Lugd. Bat. 1647), писателя точного и самостоятельного. Докт. Ларднер (*Credibility etc.*, ч. 2, том IX, стр. 256-350) обсуждал этот предмет с большим знанием, здравым смыслом и умеренностью. Тильмон (*Mem. Eccles.*, том VIII, стр. 491-527) сгреб в одну кучу все нечистоты, оставшиеся от отцов церкви; какой полезный подметальщик!

53) Сульпиций Север говорит об этом архиеретике с уважением и состраданием: "*Felix profecto, si non pravo studio corrupisset optimum ingenium, prorsus multa in eo animi et corporis bona cerneret*" (*Hist. Sacra*, кн. 2, стр. 439). Даже Иероним (том 1, in *Script. Eccles.*, стр. 302) отзывается с умеренностью о Присциллиане и Латрониане.

54) Это епископство (находящееся в Старой Кастилии) приносит в настоящее время двадцать тысяч дукатов ежегодного дохода (*География* Бюшинга, ч. 2, стр. 308), и, стало быть, тот, кто стоит в его главе, едва ли может сделаться основателем какой-нибудь новой ереси.

55) *Exprobrabatur mulieri viduae nimia religio, et diligentius culta divinitas* (Пакат in *Panegy. Vet.*, 12, 29). Таковы были понятия хотя и необразованного, но гуманного политеиста.

56) Один из них был сослан "in Syllinam insulam quae ultra Britanniam est". Каково, должно быть, было в старину положение утесов Сциллы! (*Британия* Кемдена, ч. 2, стр. 1519).

57) Скандальные клеветы Августина, папы Льва и др., которым Тильмон верит как ребенок, но которые Ларднер отвергает как взрослый человек, могут возбуждать некоторые подозрения, благоприятные для более древних Гностиков.

58) Амвросий, том 2, *Послан.* 24. стр. 891.

59) В "Священной Истории" и в "Жизнеописании св. Мартина" Сульпиций Север выражается с некоторой осмотрительностью, но в "Диалогах" он высказывается с большей свободой (III, 15). Впрочем, и собственная совесть укоряла Мартина, и ангел делал ему упреки, так что впоследствии он уже не мог творить чудеса с прежней легкостью.

60) И католический пресвитер (Сульп. Сев., кн. 2, стр. 448) и языческий оратор (Пакат, in *Panegy. Vet.*, XII, 29) отзываются с одинаковым негодованием о характере и поведении Идация. (Два главных зачинщика этого гонения Идаций, или Адаций, и Урзаций были, через пять лет после того, разжалованы из епископского звания и лишены общения с церковью. Клинт. *F.R.I.*, стр. 519; II, стр. 447. — *Издат.*)

61) "Жизнеописание св. Мартина" и "Диалоги" касательно его чудес содержат такие факты, в которых видно самое грубое невежество, а написаны они таким слогом, который достоин века Августина. Сочетание изящного вкуса со здравым смыслом так естественно, что меня всегда удивляют подобные контрасты.

62) Краткая и поверхностная биография св. Амвросия, написанная его диаконом Павлином (Appendix ad edit. Benedict., стр. 1-15), имеет достоинство личного свидетельства. Тильмон (Mem. Eccles., том X, стр. 78-306) и бенедиктинские издатели (стр. 31-63) внесли свое обычное усердие в исследования об этом предмете.

63) Сам Амвросий (том 2, *Посл.* 24, стр. 888-891) передал императору очень оживленное описание своего посольства.

64) Его собственное описание своих принципов и образа действий (том 2, *Посл.* 20-22, стр. 852-880) представляет один из самых интересных памятников церковной древности. Там есть два письма к его сестре Марцеллине, прошение к Валентиниану и проповедь de Basilicis non tradendis.

65) Кардинал Ретц получил от королевы такое же послание с просьбою усмирить возникшие в Париже смуты, но он отвечал, что уже не в силах этого исполнить: "A quoi j'ajoutai tout ce que vous pouvez vous imaginer de respect, de douleur, de regret, et de soumission, etc. (Memoires, том 1, стр. 140). Конечно, я не могу делать сравнения между условиями и людьми двух различных эпох, но сам помощник епископа как будто хотел подражать (стр. 84) св. Амвросию.

66) Один Созомен (кн. 7, гл. 13) облек этот ясный факт в неясный и сбивчивый рассказ.

67) Excubabat pia plebs in ecclesia mori parata cum episcopo suo... Nos adhuc frigidi excitabamur tamen civitate attonita atque turbata. Август. *Испов.*, кн. 9, гл. 7.

68) Тильмон, Mem. Eccles., том II, стр. 78-498. Много церквей в Италии, Галлии и пр. были посвящены этим никому не известным мученикам, из которых св. Гервасий, как кажется, был менее счастлив, чем его товарищ.

69) Invenimus mirae magnitudinis viros duos, ut prisca aetas ferebat; том II, epist. 22, стр. 875. Величина этих скелетов была удачным образом или искусственно приспособлена к народному предрассудку о постепенном уменьшении человеческого роста, — предрассудку, который сохранялся во все века со времен Гомера.

Grandiaque effossis mirabitur ossa sepulchris.

70) Амврос., том II, epist. 22, стр. 875. Августин, *Испов.*, кн. 9, гл. 7. De Civitat. Dei, кн. 22, гл. 8. Павлин, in Vita St. Ambros., гл. 14, in Append. Benedict., стр. 4. Слепец назывался Севером; он прикоснулся к одежде святых, сделался зрячим и посвятил остаток своей жизни (по меньшей мере двадцать пять лет) служению церкви. Я рекомендовал бы это чудо нашим протестантским богословам, если бы оно не служило доказательством не только правильности Никейского символа веры, но и святости мощей.

71) Павлин, in Vit. St. Ambros., гл. 5, in Append. Benedict., стр. 5.

72) Тильмон, Mem. Eccles., том X, стр. 190-750. Он из пристрастия допускает посредничество Феодосия, но без всякого основания от-

вергает посредничество Максима, хотя оно и удостоверено Проспером, Созоменом и Феодоритом.

73) Скромное порицание Сульпиция (*Dialog.*, III, 15) наносит более глубокую рану, чем слабая декламация Паката (*XII*, 25, 26).

74) *Esto tutior adversus hominem, paci involucra tegentem* — таково было благоразумное предостережение, высказанное Амвросием (том II, стр. 891) после его возвращения из второй поездки.

75) Бароний (387 г. после Р.Х. N 63) относит к этой эпохе общественных бедствий некоторые из проповедей, в которых архиепископ выражал свое смирение.

76) Бегство Валентиниана и любовь Феодосия к его сестре рассказаны Зосимом (кн. 4, стр. 263, 264). Тильемен, ссылаясь на некоторые слабые и двусмысленные свидетельства, относит второй брак Феодосия к более ранней эпохе его жизни (*Hist. des Empereurs*, том V, стр. 740) и этим способом опровергает "*ces contes de Zosime, qui seraient trop contraires à la piété de Theodose*". (По словам Марцеллина, Галла посетила Константинополь в то время, как консулами были Гонорий и Эводий, а именно в 386 году, то есть за год до вторжения Максима. Выражение Марцеллина "*altera uxor*", очевидно, относится не к этому времени, а к тому, что произошло впоследствии. Во время этого посещения Феодосий, незадолго перед тем похоронивший свою первую жену Элию Флакиллу, был очарован прелестями юной сестры Валентиниана. Она возвратилась к своей матери, но когда Феодосий узнал об их бегстве из Италии, он поспешил к ним навстречу в Фессалоники и вступил в брак, которого давно желал. Этим объясняется его образ действий, который приписывается Гиббоном "каким-то неизвестным для нас соображениям". — *Издат.*)

77) Кроме некоторых отрывочных указаний на эту междоусобную войну, попадающихся в хронике и в церковной истории, мы находим некоторые неполные о ней сведения у Зосима (кн. 4, стр. 259-267), Орозия (кн. 7, гл. 35) и Паката (*Panegy. Vet.*, XII, 30-47). Амвросий (том II, *epist.* 40, стр. 952, 953) делает не совсем ясные намеки на хорошо известный факт неожиданно захваченного магазина, на сражение при Петовио, на победу в Сицилии, быть может одержанную на море, и пр. Авзоний (стр. 256, изд. Толля) поздравляет Аквилею с выпавшим на ее долю счастьем и хвалит поведение ее населения. (Максим носил свою пурпуровую мантию в течение пяти лет. Пакат, в своей хвалебной речи к Феодосию, обозначает эту продолжительность незаконно присвоенной власти натянутым, но довольно верным выражением "*lustrale justitium*". — *Издат.*)

78) *Quam promptum laudare principem tam tutum sibicisse de principe*. (Пакат in *Panegy. Vet.*, XII, 2). Латин-Пакат-Дренаний, родом из Галлии, произнес эту речь в Риме (338 г.). Он был впоследствии африканским проконсулом, а его друг Авзоний хвалит его как поэта, уступающего одному Virgiliu. См. Тильемена *Hist. des Empereurs*, том V, стр. 303. (Клинтон (*F. R.* I, стр. 579) полагает, что эта речь была произнесена в промежутке времени между 13 июня и 1 сентября 389 г. Она была произнесена перед сенатом и в присутствии Феодосия, который посетил Рим, как говорит Гиббон, весной того года. — *Издат.*)

79) См. прекрасный портрет Феодосия, нарисованный младшим Вик-

тором; здесь штрихи определены, но краски не всегда верны. Похвалы Паката слишком не точны, а Клавдиан постоянно как будто боится превознести отца в ущерб сыну.

80) Амвросий, том II, epist. 40, стр. 955. Пакат, или по недостатку интеллигентности или по недостатку мужества, умалчивает об этом похвальном поступке. (Это похвальное дело едва ли могло приобрести публичную известность в то время, как произносил свои речи Пакат. Амвросий писал в более поздний период времени. — *Издат.*)

81) Пакат in Panegy. Vet., XII, 20.

82) Зосим, кн. 4, стр. 271, 272. Его свидетельство носит на себе в этом случае отпечаток искренности и правдивости. Он отмечает эти переходы от лени к деятельности не как порок, а как странность в характере Феодосия.

83) Эту вспыльчивость признает и оправдывает Виктор. "Sed habes, — говорит Амвросий в пристойных и благородных выражениях, обращаясь к своему государю, — naturae impetum, quem si quis levire velit, cito vertes ad misericordiam: si quis stimulet, in magis exsuscitas, ut eum revocare vix possis" (том II, epist. 51, стр. 998). Феодосий (Клавд. in 4-to Cons. Hon. 266 etc.) увещал своего сына сдерживать свою раздражительность.

84) И христиане и язычники сходились между собою в убеждении, что антиохийский мятеж был возбужден демонами. Громадного роста женщина, говорит Созомен (кн. 7, гл. 23), расхаживала по улицам с бичом в руке. Один старик, говорит Либаний (Orat. 12, стр. 396), превратился сначала в юношу, потом в маленького мальчика и пр.

85) Зосим, в своем коротеньком и недобросовестном повествовании (кн. 4, стр. 258, 259), конечно, впадает в ошибку, посылая самого Либания в Константинополь. Из собственных речей Либания видно, что он в то время не выезжал из Антиохии.

86) Либаний (Orat. 1, стр. 6, изд. Венет.) объявляет, что в такое царствование опасения резни были неосновательны и нелепы, в особенности в отсутствие императора, — так как его присутствие, по словам этого красноречивого раба, могло бы послужить санкцией для самой кровавой расправы.

87) Лаодикея находилась на берегу моря в шестидесяти пяти милях от Антиохии (Норрис, Epoch. Syro-Maced., *Диссерт.* 3, стр. 230). Антиохийцы были оскорблены тем, что зависевший от Антиохии город Селевкия осмелился ходатайствовать за них.

88) Так как этот мятеж произошел в праздник Пасхи, который не имеет определенного дня, то, чтобы определить в точности его день, необходимо предварительно определить год. После тщательных исследований Тильмон (Hist. des Emper., том V, стр. 741-744) и Монфокон (Chrysostom., том XIII, стр. 105-110) отнесли мятеж к 387 году.

89) Златоуст противопоставляет их мужество, не подвергавшее их большой опасности, трусливому бегству киников.

90) Антиохийский мятеж описан живо и почти драматично двумя ораторами, и каждое из этих описаний представляет некоторый интерес и не лишено достоинств. См. Либания (Orat. 14, 15, стр. 389-420, изд. Мореля. Orat. 1, стр. 1-14. Венет. 1754) и двадцать проповедей св. Иоанна Златоуста de Statuis (том II, стр. 1-225, изд. Монфоко-

на). Я не заявляю притязаний на близкое знакомство с произведениями Златоуста, но Тильефон (Hist. des Empereurs, том V, стр. 263-283) и Германт (Vie de St. Chrysostome, том 1, стр. 137-224) читали их с благочестивой любознательностью и усердием.

91) Амвросий (том 2, Посл. 51, стр. 998), Августин (de Civitat. Dei, V, 26) и Павлин (in Vit. Ambros., гл. 24) говорят об этих фактах в неопределенных выражениях, отзывающихся ужасом и состраданием. Эти факты выясняются не всегда согласными между собою свидетельствами Созомена (кн. 7, гл. 25), Феодорита (кн. 5, гл. 17), Феофана (Chronograph. стр. 62), Кедрина (стр. 317) и Зонары (том 2, кн. 13, стр. 34). Один Зосим, этот пристрастный недруг Феодосия, умалчивает о самом отвратительном из всех его деяний по непонятной для нас причине.

92) Все это дело изложено у Амвросия (том 2, Посл. 40, 41, стр. 946-956) и у его биодукса Павлина (гл. 23). Бэйль и Барбейрак (Morale des Pères, гл. 17, стр. 325 и сл.) основательно порицают архиепископа.

93) Hodie, episcopo, de me proposuisti. Амвросий скромно в этом сознался; но он сделал строгий выговор начальнику кавалерии и пехоты Тимазию, который осмелился сказать, что монахи Каллиника заслуживали наказания.

94) Его проповедь была странной аллегорией на посох Иеремии, на миндальное дерево, на женщину, которая обмывала и мазала маслом ноги Христа. Но заключение проповеди состояло из прямых и личных намеков.

95) Однако через пять лет после того, когда Феодосий был далеко от своего духовного руководителя, он не мешал иудеям исповедовать их религию и не позволял разрушать их синагоги (*Код. Феод.*, кн. 16, тит. 8, зак. 9, с комментарием Годефруа, том VI, стр. 225).

96) Амвросий, том 2, *Посл.* 51, стр. 997-1001. Его послание не что иное, как жалкая рапсодия на возвышенный сюжет. Амвросий действовал лучше, чем писал. В его произведениях нет ни вкуса, ни таланта; в них нет ни пылкости Тертуллиана, ни многословного изящества Лактанция, ни живого остроумия Иеронима, ни серьезной энергии Августина.

97) По правилам церковного благочиния, установленным св. Василием (Сапон. 56), человекоубийца должен был в течение *четырёх* лет носить траур, в течение *пяти* лет не говорить ни слова, в течение *семи* лет лежать распростертым и в течение *четырёх* лет стоять на ногах. У меня в руках и подлинник (Беверидж, Пандект., том 2, стр. 47-151) и перевод (Chardon, Hist. des Sacremens, том IV, стр. 219-277) *Канонических Посланий* св. Василия.

98) О покаянии Феодосия свидетельствуют: Амвросий (том VI, de Obit. Theodos., гл. 34, стр. 1207), Августин (de Civitat. Dei, V, 26) и Павлин (in Vit. Ambros., гл. 24). Сократ ничего об этом не знает; Созомен (кн. 7, гл. 25) очень краток, а подробным рассказом Феодорита (кн. 5, гл. 18) можно пользоваться лишь с осторожностью.

99) *Код. Феод.*, кн. 9, тит. 40, зак. 13. Трудно с точностью определить время и подробности издания этого закона, но я готов одобрить результаты добросовестных исследований Тильефона (Hist. des Empereurs, том V, стр. 721) и Пажи (Critica, том I, стр. 578.).

100) Un prince qui aime la religion, et qui la craint, est un lion qui cede a la main qui le flatte, ou a la voix qui l'appaise. *Esprit des Lois*, кн. 24 гл. 2.

101) (Католическая иерархия в своем наступательном движении всегда придерживалась постепенности, но, раз заняв позицию, смело удерживала ее за собою. Таким же образом действовал и Амвросий в своих сношениях с несколькими императорами. Грациан, вступив на престол, лишил языческое духовенство обычной выдачи казенного содержания и некоторых других привилегий. Некоторые из членов римского сената отправили Симмаха с поручением ходатайствовать за обиженных и просить об отмене сурового декрета. Тогда Амвросий представил императору возражения против этого ходатайства, изложенные римским епископом Дамасием, и уговорил его отвергнуть прошение нечестивцев. Такое же прошение было подано при восшествии на престол Валентиниана II. Тогда Амвросий сделал еще один шаг вперед. "Если вы уступите, — сказал он, обращаясь к юному монарху и к его советникам, — тогда *мы, епископы, не допустим этого*. Если после этого вы придете в церковь, вы не найдете там ни одного священника, а если бы и нашли, то он не позволит вам приблизиться к нему" (*Симмах*, кн. 2, *Посл.* 7, кн. 10. *Посл.* 61. Амврос., *Посл.* 57). Гиббон доказал, что дальнейшие шаги Амвросия были еще более смелы. От победы над слабым юношей и женщиной он дошел до борьбы с более мужественным характером Феодосия. Такие же ужасные преступления, как фессалоникская резня, нередко или оставлялись духовенством без внимания, или санкционировались его одобрением, или поощрялись его мстительностью, — смотря по обстоятельствам. Но в этом деле Амвросий видел удобный случай, чтобы выставить напоказ свою силу и этим увеличить могущество всего духовного сословия. Покаяние Феодосия подготовило унижение германского императора Генриха. Если такой человек, как Феодосий, который был способен держать в своей руке скипетр всего мира и на время поддерживать разрушавшуюся империю, нисходил с высоты своего величия и смиренно преклонялся перед епископом, вооруженным лишь угрозами искаженной религии, то нетрудно себе представить, до какого униженного положения довела эта же суровая власть низшие классы общества. Голос, обрекающий на вечные мучения тех, кого он устраняет от религиозных обрядов, уничтожает в людях всякую энергию и делает их неспособными к житейским трудам. Пораженные ужасом и обессиленные, они уже не в состоянии ни предотвратить общественное бедствие, ни совершить какой-нибудь доблестный подвиг, а когда приходит время действовать по зову и в интересах их повелителей, все их усилия ограничиваются лишь бесплодными жалобами или временными пароксизмами безумной ярости. Именно таково было положение римского мира пятнадцать столетий тому назад. — *Издат.*)

102) touto peri pous evregetas kathekon edoxen einai — такова жалкая похвала, высказанная самим Зосимом (кн. 4. стр. 267). Аврустин употребляет более удачное выражение: "Valentinianum.... misericordissima veneratione restituit".

103) Созомен, кн. 7, гл. 14. Его хронология очень неточна.

104) См. Амвросия (том 2. de Obit. Valentinian, гл. 15 и сл., стр. 1178; гл. 36 и сл., стр. 1184). Когда молодой император давал пиры, он сам

почти ничего не ел; он не захотел смотреть на красивую актрису и пр. Так как он приказал убить диких зверей, назначенных для охоты, то со стороны Филосторгия (кн. 11, гл. 1) неблагородно винить его в склонности к забавам этого рода.

105) Зосим (кн. 4, стр. 275) хвалит Феодосиева врага, но его ненавидят Сократ (кн. 5, гл. 25) и Орозий (кн. 7, гл. 35.).

106) Григорий Турский (кн. 2, гл. 9, стр. 165, во второй части "Историков Франции" сохранил интересный отрывок Сульпиция Александра — историка гораздо более циничного, нежели он сам.

107) Годефруа (Dissertat. ad Philostorg., стр. 429-434) старательно собрал все подробности о смерти Валентиниана II. Разнообразные мнения о ней и незнание современных писателей доказывают, что она была тайной.

108) De Obitu Valentinian., том II, стр. 1173-1196. Он был принужден выражаться сдержанно и неясно, тем не менее он выражается более смело, чем кто-либо из мирян, и так, как не осмелилось бы выражаться никакое другое лицо духовного звания.

109) См. Гл. 51, стр. 1188; гл. 75, стр. 1193. Дом-Шардон (Hist. des Sacremens, том 1, стр. 86), признавая, что Амвросий самым энергическим образом отстаивал *необходимость* крещения, старается согласить эти противоречия.

110) Quem sibi Germanus famulum delegerat exul — таково презрительное выражение Клавдиана (4 Cons. Hon. 74). Евгений исповедовал христианскую религию; но так как он был грамматик, то весьма правдоподобно, что он был тайне привязан к язычеству (Созомен, кн. 7, гл. 22. Филосторг., кн. 11, гл. 2), а этого было достаточно, чтобы расположить в его пользу Зосима (кн. 4, стр. 277). (Нибур (Лекц., ч. 3, стр. 321) говорит, что Евгений был "из высших царедворцев, а именно был tribunus notariorum, то есть чем-то вроде члена совета". Феодорит (Hist. Eccl., кн. 5, гл. 24) говорит, что во главе его армии носили статую Геркулеса, так как это было то божество, на покровительство которого он полагался. Но Эггель доказывает, что ни на одной из медалей, вычеканенных в течение его непродолжительного царствования, нет ни этого языческого изображения, ни какого-либо другого. (Num. Vet., ч. 8, стр. 167) — *Издат.*)

111) Зосим (кн. 4, стр. 278) упоминает об этом посольстве, но, ничего не сказав о том, к чему оно привело, переходит к другому сюжету.

112) (Зосим, кн. 4, стр. 277). Потом он говорит (стр. 80), что Галла умерла от родов, и намекает на то, что скорбь ее супруга была чрезвычайно сильна, но непродолжительна.

113) Ликополь то же, что теперешний город Сеута, или Озиот, находящийся в провинции Саид; он величиною с Сен-Дени, ведет выгодную торговлю с Сеннааром и имеет очень пригодный источник, "cujus potu signa virginitalis eripiuntur." Анвилль, Description de l'Egypte, стр. 181; Абульфеда, Descript. Aegypt., стр. 14 и интересные *Примечания* (стр. 25-92) его издателя Михаэлиса.

114) Биография Иоанна Ликопольского, написанная двумя его друзьями, Руфином (кн. 2, гл. 1, стр. 449) и Палладием (Hist. Lausiaca, гл. 43, стр. 738), находится у Росвейда в его полном собрании "Vitae Patrum". Тильмон (Mem. Ecclès., том 10, стр. 718, 720) уяснил хронологию этих событий.

115) Созомен, кн. 7, гл. 22. Клавдиан (in Eutrop., кн. 1, стр. 312) упоминает о поездке евнуха, но презрительно насмехается над египетскими сновидениями и над нильскими прорицателями.

116) Зосим, кн. 4, стр. 280. Сократ, кн. 7, 10. Сам Аларих (de Bell. Getico, 524) охотнее входит в подробности своих первых подвигов против римлян.

.... Tot Augustos Hebro qui teste fugavi.

Однако и он не был так тщеславен, чтобы упоминать о *нескольких* обращенных в бегство императорах.

117) Клавдиан (in 4-to Cons. Honor. 77 и сл.) сопоставляет военные планы обоих узурпаторов:

..... Novitas audere priori

Suadebat; cautumque dabant exempla sequentem.

Hic nova moliri praeceps; hic quaerere tuta

Providus. Hic fuis; collectis viribus ille.

Hic vagus excurrens; hic intra claustra reductus,

Dissimiles; sed morte pares.

118) Фригид — небольшая, но достопамятная речка в Горетцкой области, называемая теперь Випао, — впадает в Сонций или Лизонцо, выше Аквилеи, в нескольких милях от Адриатического моря. См. Анвилля, "Cartes anciennes et modernes", и "Italia Antiqua" Ключье (том 1, стр. 188).

119) Натянутое остроумие Клавдиана невыносимо: по его словам, снег окрасился в красный цвет; холодная река испускала пар, а канал был бы завален трупами, если бы вода в нем не поднялась от потоков крови.

120) Феодорит утверждает, что св. Иоанн и св. Филипп появились на конях перед императором, неизвестно, во время ли его бдения или во время его сна, и пр. Это было первое появление святых под видом рыцарей, сделавшееся впоследствии столь частым в Испании и во времена Крестовых походов.

121) Te propter gelidis Aquilo de monte procellis
Obruit adversas acies; revolutaque tela
Vertit in auctores, et turbine reppulit hastas.
O nimium dilecte Deo, cui fundit ab antris
Aeolus armatas hyemes; cui militat Aether,
Et conjurati veniunt ad classica venti.

Эти знаменитые стихи Клавдиана (in 3-to Cons. Honor. 93 etc., А.Д. 396) цитированы его современниками Августином и Орозием, которые уничтожают языческую божественность Эола и присовокупляют некоторые подробности со слов очевидцев. Через четыре месяца после этой победы Амвросий сравнивал ее с чудесными победами Моисея и Иисуса Навина.

122) Подробности этой междоусобной войны извлечены из сочинений Амвросия (том II, epist. 62, стр. 1022), Павлина (in Vit. Ambros гл. 26-34), Августина (de Civitat. Dei, V, 26), Орозия (кн. 7, гл. 35), Созомена (кн. 7, гл. 24), Феодорита (кн. 5, гл. 24), Зосима (кн. 4, стр. 281, 282), Клавдиана (in 3-to Cons. Honor. 63-105; in 4-to Cons. Honor. 70-117) и из "Хроник", изданных Скалигером.

123) Эту болезнь Сократ (кн. 5, гл. 26) приписывал усталости, причиненной войной, а Филосторгий (кн. II, гл. 2) считал ее результатом сластолюбия и невоздержности, за что Фоций назвал его бесстыдным лжецом (Годефруа, Диссерт., стр. 438).

124) Зосим полагает, что Гонорий, будучи еще ребенком, сопровождал своего отца (кн. 4, стр. 280). Однако слова "quanto flagrant pectora voto" были все, что лезть дозволила современному поэту, ясно упоминающему об отказе императора и о поездке Гонория *после* победы (Клавдиан, in 3 Cons. 78-125). (Зосим и Марцеллин говорят, что Гонорий сопровождал своего отца. Сократ (V, 25, 26), Созомен (VII, 24), Филосторгий (XI, 2), Амвросий (Concio de Obit. Theod., стр. 122) подтверждают вышеприведенные слова Клавдиана, а также то, что он говорит в 4 Cons. Нон. 353-387. — *Издат.*)

125) Зосим, кн. 4, стр. 244.

126) Вегеций, de Re Militari, кн. 1, гл. 10. Ряд упоминаемых им общественных бедствий заставляет нас думать, что *герой*, которому он посвятил свое сочинение, был последний и самый бесславный из Валентинианов.

ГЛАВА XXVIII

Окончательное уничтожение язычества. —
Христиане вводят у себя поклонение святым и
мощам.

Уничтожение язычества в век Феодосия представляет едва ли не единственный пример совершенного искоренения древних и общепринятых суеверий, а потому должно считаться за весьма замечательное явление в истории человеческого ума. Христиане, и в особенности христианское духовенство, с нетерпением выносили безжалостные проволоочки Константина и равную для всех веротерпимость старшего Валентиниана; они не могли считать свое торжество полным и обеспеченным, пока их противникам еще было дозволено существовать. Влияние, которое было приобретено Амвросием и его собратьями на юность Грациана и на благочестие Феодосия, было употреблено на то, чтобы влить принципы религиозного гонения в душу их царственных приверженцев. Они установили следующие два благовидных принципа религиозной юриспруденции, из которых сделали прямой и немилосердный вывод, направленный против тех подданных империи, которые не переставали держаться религиозных обрядов своих предков: *что* судья в некоторой степени виновен в тех преступлениях, которые он не старается запрещать или наказывать; и *что* идолопоклонническое поклонение баснословным богам и настоящим демонам есть самое ужасное преступление против верховного величия Создателя. Духовенство необдуманно и, может быть, ошибочно применяло законы Моисея и примеры из иудейской истории ¹⁾ к кроткому и всемирному господству христианства ²⁾. Оно внушило императорам желание поддержать и свое собственное достоинство и достоинство Божества, и римские храмы были разрушены почти через шестьдесят лет после обращения Константина в христианскую веру.

Со времен Нумы до царствования Грациана у римлян непрерывно сохранялись различные коллегии жреческого сословия ³⁾. Верховной юрисдикции пятнадцати *Понтификов* были подчинены все предметы и лица, посвященные на служение богам, и этот священный трибунал разрешал разнообразные вопросы, беспрестанно возникавшие в такой религи-

озной системе, которая не имела точной определенности и основывалась лишь на традициях. Пятнадцать важных и ученых *авгуров* наблюдали за течением планет и направляли деятельность героев сообразно с полетом птиц. Пятнадцать хранителей Сивиллиных книг (их название *Quindecimvir* происходило от их числа) иногда читали в этих книгах историю будущего и, как кажется, совещались с ними насчет таких событий, в которых главную роль играла случайность. Шесть *весталок* посвящали свою девственность на охрану священного огня и никому не известных залогов прочного существования Рима, которых ни один смертный не мог созерцать безнаказанно ⁴⁾. Семь *эпулонов* приготовляли столы для богов, руководили торжественной процессией и наблюдали за обрядами ежегодного празднества. Три *фламина* Юпитера, Марса и Квирина считались специальными служителями трех самых могущественных богов, пекшихся о судьбе Рима и вселенной. Царь *жертвоприношений* был представителем Нумы и его преемников при исполнении тех религиозных обязанностей, которые могут быть совершаемы не иначе как царственными руками. Братства *салиев*, *луперкалов* и др. исполняли, с полной уверенностью заслужить милость бессмертных богов, такие обряды, которые не могли не вызывать улыбки на устах всякого здравомыслящего человека. Приобретенное римскими жрецами влияние на дела государственного управления мало-помалу исчезло с утверждением монархии и с перенесением столицы в другое место. Но достоинство их священного характера еще охранялось местными законами и нравами; в столице, а иногда и в провинциях они, — и в особенности те их них, которые принадлежали к коллегии понтификов, — по-прежнему пользовались правами своей церковной и гражданской юрисдикции. Их пурпуровые одеяния, парадные колесницы и роскошные пиры возбуждали удивление в народе; освященные земли и государственная казна доставляли им достаточные средства и для роскоши, и для покрытия всех расходов религиозного культа.

Так как служба перед алтарями не была несовместима с командованием армиями, то римляне, после своего консульства и после своих триумфов, искали звания понтификов или *авгуров*; места Цицерона ⁵⁾ и Помпея были заняты в четвертом столетии самыми влиятельными членами сената, а знат-

ность их происхождения придавала новый блеск их жреческому званию. Пятнадцать священнослужителей, составлявших коллегию понтификов, пользовались более высоким рангом, потому что считались товарищами своего государя, а императоры все еще снисходили до того, что облакались в одеяния, присвоенные званию верховного понтифика. Но когда на престол вступил Грациан, потому ли, что он был добросовестнее своих предместников, или потому, что был просвещеннее их, он решительно отказался от этих символов нечестия ⁶⁾, стал употреблять доходы жрецов и весталок на нужды государства или на нужды церкви, отменил их почетные отличия и привилегии и окончательно разрушил старинное здание римских суеверий, которое поддерживали убеждения и привычки одиннадцати столетий. Язычество все еще было государственной религией для сената. Залы или храмы, где он собирался, были украшены статуей и алтарем Победы ⁷⁾, — величественной женщины, которая стояла на шаре в развевающемся одеянии, с распушенными крыльями и с лавровым венком в протянутой вперед руке ⁸⁾. Сенаторы давали на алтаре этой богини клятву, что будут соблюдать законы императора и империи, и приносили ей в жертву вино и ладан, прежде чем приступать к публичным совещаниям ⁹⁾. Удаление этого древнего монумента было единственной обидой, нанесенной Констанцием суеверию римлян. Альтарь Победы был восстановлен Юлианом; Валентиниан выносил его присутствие, но Грациан из религиозного усердия снова приказал вынести его из сената ¹⁰⁾. Однако император все еще щадил статуи богов, которые служили предметом поклонения для народа; для удовлетворения народного благочестия еще существовали четыреста двадцать четыре храма или капеллы, и не было в Риме такого квартала, в котором деликатность христиан не была бы оскорблена дымом идолопоклоннических жертвоприношений ¹¹⁾.

Но в римском сенате христиане составляли самую малочисленную партию ¹²⁾ и только своим отсутствием могли выражать свое неодобрение хотя и легальным, но нечестивым решениям большинства. В этом собрании последняя искра свободы на минуту ожила и разгорелась под влиянием религиозного фанатизма. Четыре депутации были посланы одна вслед за другой к императорскому двору ¹³⁾ с поручением изложить жалобы жрецов и сената и просить о восстановлении

алтаря Победы. Руководство этим важным делом было возложено на красноречивого Симмаха ¹⁴⁾, — богатого и знатного сенатора, соединявшего в своем лице священный характер понтифика и авгура с гражданскими должностями африканского проконсула и городского префекта. Симмаха воодушевляло самое пылкое усердие к интересам умиравшего язычества, и его религиозные противники сожалели о том, что он тратил понапрасну свой гений и ронял цену своих добродетелей ¹⁵⁾. До нас дошла петиция, которую подал императору Валентиниану этот оратор, хорошо сознававший трудность и опасность принятого им на себя поручения. Он тщательно старается не касаться таких предметов, которые могли бы иметь какую-нибудь связь с религией его государя, смиренно заявляет, что его единственное оружие просьбы и мольбы, и искусно заимствует свои аргументы скорей из школы риторики, чем из школ философии. Симмах старается пленить воображение юного монарха описанием атрибутов богини Победы: он намекает на то, что конфискация доходов, посвященных на служение богам, была мерой недостойной его великодушия и бескорыстия, и утверждает, что римские жертвоприношения утратят свою силу и влияние, если не будут совершаться и на счет республики и от ее имени. Оратор находит опору для суеверия даже в скептицизме. Великая и непостижимая *тайна* вселенной, говорит он, не поддается человеческим исследованиям.

Но там, где разум не в состоянии руководить нами, следует брать в руководители обычай; оттого-то каждая нация, по видимому, удовлетворяет требованиям благоразумия, неизменно придерживаясь тех обрядов и убеждений, которые уже освящены веками. Если эти века были увенчаны славой и благоденствием, если благочестивые люди нередко получали те блага, которых они просили у алтарей богов, то тем более представляется уместным твердо держаться таких же благотворных обычаев и не подвергать себя неизвестным опасностям, которые могут быть последствием всякого опрометчивого нововведения. Доказательства, основанные на древности и на успехе, красноречиво говорили в пользу той религии, которая была установлена Нумой, а затем оратор выводит на сцену самый Рим или тот небесный гений, который был его хранителем, и заставляет его защищать свое собственное дело перед трибуналом императоров: "Великие

государи и отцы отечества! пожалейте и пощадите мои преклонные лета, которые до сих пор непрерывно текли в благоденствии. Так как я в этом не раскаиваюсь, то позвольте мне не отказываться от моих старинных обрядов. Так как я родился свободным, то позвольте мне наслаждаться моими домашними учреждениями. Моя религия подчинила весь мир моей власти. Мои обряды удалили аннибала от стен города и галлов из Капитолия. Неужели моим седым волосам будет суждено выносить такое ужасное унижение? Мне неизвестно новое учение, которое меня заставляют принять, но я хорошо знаю, что тот, кто берется исправлять старость, принимает на себя неблагодарный и бесславный труд¹⁶⁾". Опасения народа добавили к этой речи то, о чем оратор умолчал из осторожности, и те бедствия, которые постигли разрушавшуюся империю или угрожали ей в будущем, единогласно приписывались язычниками новой религии Христа и Константина.

Решительное и искусное противодействие миланского архиепископа расстроило планы Симмаха и предохранило императоров от обманчивого красноречия римского оратора. В этой полемике Амвросий снисходил до того, что говорил языком философа и спрашивал с некоторым презрением, почему находят нужным приписывать победы римлян воображаемой и невидимой силе, тогда как для них служат удовлетворительным объяснением храбрость и дисциплина легионов. Он основательно подсмеивается над нелепым уважением к старине, которое клонится лишь к тому, чтобы отнять всякую охоту к улучшениям и чтобы снова ввергнуть человеческий род в его первоначальное варварство. Мало-помалу переходя от этих соображений к более возвышенному богословскому стилю, он объявляет, что одно христианство есть учение истинное и ведущее к вечному спасению и что все виды политизма влекут их обманутых последователей путями заблуждения в пропасть вечной гибели¹⁷⁾.

Эти аргументы оказались в устах любимого прелата достаточно убедительными для того, чтобы предотвратить восстановление алтаря Победы, но в устах завоевателя они оказались гораздо более сильными и успешными, и богам древности пришлось цепляться за колеса триумфальной колесницы Феодосия¹⁸⁾. В полном собрании сената император, согласно с древними республиканскими порядками, предложил на разрешение важный вопрос: поклонение ли Юпитеру или пок-

лонение Христу должно быть религией римлян? Допущенная им с виду свобода мнений была уничтожена надеждами и опасениями, которые внушало его личное присутствие, а самоправная ссылка Симмаха служила предостережением, что было бы опасно противиться желаниям монарха. После отобрания голосов оказалось, что Юпитер был осужден и низложен очень значительным большинством, и можно только удивляться тому, что нашлись такие смелые сенаторы, которые заявили своими речами и подачей своих голосов о своей привязанности к интересам уволенного божества¹⁹⁾. Торопливый переход сената в новую веру следует приписать или сверхъестественным причинам, или низким личным расчетам, и многие из этих невольных новообращенных обнаруживали, при всяком удобном случае, свое тайное желание сбросить с себя маску гнусного лицемерия. Но по мере того, как судьба древней религии становилась все более и более безнадежной, они мало-помалу укреплялись в новых верованиях; они преклонялись перед авторитетом императора, следовали за модой того времени и сдавались на просьбы своих жен и детей²⁰⁾, совестью которых руководили римские священники и восточные монахи. Назидательному примеру рода Анициев скоро последовала и остальная знать; Басси, Павлины, Гракхи приняли христианскую веру, а "светила мира, члены почтенного собрания Катонов (таковы высокопарные выражения Пруденция), горели нетерпением снять с себя свои жреческие одеяния и сбросить с себя кожу древнего змия для того, чтобы облечься в белые как снег одеяния невинности, готовой принять крещение, и для того, чтобы унижить гордость консульских fasces перед гробницами мучеников"²¹⁾.

И граждане, жившие плодами своего труда, и чернь, жившая общественными подаяниями, стали наполнять церкви Латерана и Ватикана беспрестанным наплывом усердных новообращенных. Сенатские декреты, которыми воспрещалось поклонение идолам, были утверждены общим согласием римлян²²⁾; блеск Капитолия угас, и пустые языческие храмы были обречены на разрушение и пренебрежение²³⁾. Рим преклонился перед Евангелием, а его пример увлек за собою завоеванные им провинции, еще не утратившие уважения к его имени и авторитету.

В своих стараниях изменить религию Вечного города импе-

раторы, из сыновней преданности, действовали с некоторой осторожностью и мягкостью. Но к предрассудкам провинциальных жителей эти абсолютные монархи не относились с такой же деликатностью. Усердие Феодосия снова с энергией принялось за благочестивые труды, которые были прерваны в течение почти двадцати лет со смерти Констанция²⁴⁾, и довело их до конца. В то время как этот воинственный государь еще боролся с готами не для славы, а для спасения республики, он позволил себе оскорбить значительную часть своих подданных такими деяниями, которые, быть может, доставляли ему покровительство Небес, но которые, с точки зрения человеческого благоразумия, должны казаться опрометчивыми и неуместными. Успех его первой попытки против язычников поощрил благочестивого императора возобновить и усилить его эдикты о гонениях: те же самые законы, которые сначала были обнародованы в восточных провинциях, были распространены, после поражения Максима, на всю Западную империю, и каждая из побед православного Феодосия содействовала торжеству христианской и католической веры²⁵⁾. Он напал на суеверия в самом их основании, запретив употребление жертвоприношений, которое он признавал столько же преступным, сколько гнусным, и хотя его эдикты особой строгостью осуждали лишь нечестивую любознательность, которая рассматривает внутренности жертв²⁶⁾, но все его дальнейшие разъяснения клонились к тому, чтобы отнести к тому же разряду преступлений общее употребление *закланий*, составлявшее сущность языческой религии.

Так как храмы были воздвигнуты для совершения жертвоприношений, то на хорошем монархе лежала обязанность удалить от своих подданных опасный соблазн, который мог вовлекать их в нарушение изданных им законов. На восточного преторианского префекта Цинегия, а впоследствии и на двух высших должностных лиц Западной империи, Иовия и Гаоденция, было возложено поручение закрывать храмы, отбирать или уничтожать орудия идолопоклонства, отменять привилегии жрецов и конфисковать освященную собственность в пользу императора, церкви или армии²⁷⁾. На этом пункте могло бы остановиться дело разрушения, и обнаженные здания, уже более не употреблявшиеся на поклонение идолам, могли бы быть защищены от разрушительной ярости

фанатизма. Многие из этих храмов были самыми великолепными памятниками греческой архитектуры, и сам император был заинтересован в том, чтобы его города не утрачивали своего прежнего блеска и чтобы его собственность не уменьшалась в цене. Эти величественные здания могли бы быть оставлены неприкосновенными как прочные трофеи торжества христианства. При упадке искусств они могли бы быть с пользою превращены в лавки, в мастерские или в места публичных собраний, а после того как их стены были бы очищены священными обрядами, в них можно бы было допустить поклонение истинному Божеству, чтобы загладить грехи идолопоклонства. Но пока они существовали, язычники ласкали себя тайной надеждой, что какой-нибудь счастливый переворот, какой-нибудь новый Юлиан восстановит алтари богов, а настоятельные просьбы, с которыми они беспрестанно обращались к императору ²⁸⁾, усиливали усердие, с которым христианские реформаторы безжалостно вырывали самые корни суеверий. Законы, издававшиеся императорами, обнаруживают некоторые признаки более мягких чувств ²⁹⁾, но их хладнокровных и вялых усилий было недостаточно для того, чтобы остановить поток энтузиазма и хищничества, ярость которого направляли или, скорей, усиливали духовные начальники церкви. В Галлии турский ³⁰⁾ епископ св. Мартин, став во главе своих преданных монахов, уничтожал идолы, храмы и освященные деревья в своей обширной епархии, а здравомыслящий читатель сам в состоянии решить, совершал ли Мартин эту тяжелую работу при помощи какой-нибудь чудотворной силы или при помощи земных орудий.

В Сирии божественный и восхитительный Марцелл ³¹⁾, — как называет его Феодорит, — воодушеваясь апостольским рвением, решился срыть до основания великолепные храмы в диоцезе Апамеи. Искусство и прочность, с которыми был построен храм Юпитера, сначала не поддавались его усилиям; это здание стояло на возвышении; с каждой из четырех его сторон высокие своды поддерживались пятнадцатью массивными колоннами, имевшими в окружности по шестнадцати футов, а огромные камни, из которых были сложены эти колонны, были крепко связаны между собою свинцом и железом. Чтобы разрушить храм, были безуспешно употреблены в дело самые крепкие и самые острые орудия. Наконец нашли нужным подвести подкоп под колонны, которые раз-

рушились, лишь только были уничтожены огнем временные деревянные подпорки в вырытом подземелье, а трудности этого предприятия описаны в аллегорическом рассказе о мрачном демоне, который замедлял работы христианских инженеров, но не был в состоянии им воспрепятствовать. Возгордившись этой победой, Марцелл лично выступил на бой с силами ада; многочисленный отряд солдат и гладиаторов шел под знаменем епископа и разрушал один вслед за другим деревенские храмы в диоцезе Апамеи. Всякий раз как встречалось сопротивление или угрожала опасность, этот поборник религии, не бывший в состоянии, по причине своей хромоты, ни сражаться, ни спастись бегством, укрывался в таком месте, до которого не долетали стрелы. Но именно такая предусмотрительность и была причиной его смерти: он был застигнут врасплох и убит отрядом доведенных до отчаяния поселян, а провинциальный собор без всяких колебаний решил, что святой Марцелл пожертвовал своею жизнью на служение Богу. Монахи, с неистовым бешенством стремившиеся из своих пустынь для участия в этой работе, отличились и своим усердием и своей исправностью. Они навлекли на себя ненависть язычников, а некоторые из них подверглись заслуженным упрекам в корыстолюбии и невоздержности, — в корыстолюбии, которое они удовлетворяли благочестивым грабежом, и в невоздержности, которой они предавались на счет населения, безрассудно восхищавшегося лохмотьями, в которые они были одеты, их громким пением псалмов и искусственной бледностью³²⁾. Только немногие храмы уцелели благодаря или опасениям, или продажности, или изящному вкусу, или благоразумию гражданских и церковных правителей. Храм небесной Венеры в Карфагене, занимавший вместе с отведенной для него освященной почвой округность в две мили, был благоразумно превращен в христианскую церковь³³⁾, и такое же посвящение спасло от разрушения величественное здание римского Пантеона³⁴⁾. Но почти во всех римских провинциях армия фанатиков без авторитета и дисциплины нападала на мирных жителей, и развалины самых красивых памятников древности до сих пор свидетельствуют об опустошениях, причиненных теми варварами, которые одни только имели время и желание совершать опустошения, требовавшие стольких усилий.

Окидывая взором эту обширную картину разрушения,

зритель останавливает свое внимание на развалинах храма Сераписа в Александрии³⁵⁾. Серапис, как кажется, не принадлежал к числу туземных богов или чудовищ, выросших из плодородной почвы суеверного Египта³⁶⁾. Первый из Птолемеев получил в сновидении приказание перевезти этого таинственного иностранца с берегов Понта, где он долго служил предметом поклонения для жителей Синопа; но понятия о его атрибутах и власти были так неточны, что возник спор о том, что он изображал, блестящее ли светило дня или же мрачного повелителя подземных стран³⁷⁾. Египтяне, будучи упорно привязаны к религии своих предков, не захотели впускать это чужеземное божество внутрь своих городов³⁸⁾. Но услужливые жрецы, прельстившись щедрыми подарками Птолемеев, без сопротивления признали над собою власть понтийского бога; они снабдили его почетной и национальной генеалогией, и этот счастливый узурпатор занял свое место на престоле и в ложе Озириса³⁹⁾, супруга Изиды и небесного египетского монаха. Александрия, заявлявшая притязания на особое с его стороны покровительство, гордилась названием города Сераписа. Его храм⁴⁰⁾, соперничавший своим великолепием и роскошью с Капитолием, был воздвигнут на широкой вершине искусственного холма, возвышавшегося на сто шагов над уровнем соседних частей города, а пустое пространство внутри холма охранялось прочными арками и разделялось на склепы и подземные апартаменты. Освященное здание было окружено четырехугольным портиком; великолепные залы и изящные статуи свидетельствовали об успехах искусств; а сокровища древней учености хранились в знаменитой Александрийской библиотеке, восставшей из пепла с новым блеском⁴¹⁾. После того как языческие жертвоприношения были строго запрещены эдиктами Феодосия, они все еще дозволялись в городе и храме Сераписа, а эта странная снисходительность опрометчиво приписывалась суеверному страху самих христиан, будто бы опасавшихся уничтожения тех старинных обрядов, которые одни могли обеспечивать разлитие Нила, плодородие Египта и снабжение Константинополя хлебом⁴²⁾.

В эту пору ⁴³⁾ архиепископский престол Александрии был занят постоянным врагом спокойствия и добродетели Феофилом⁴⁴⁾; это был дерзкий и злой человек, руки которого пачкались попеременно то в золоте, то в крови. Почести, ко-

торые воздавались Серапису, возбудили в нем благочестивое негодование, а оскорбления, которые он нанес старинной капелле Бахуса, убедили язычников, что он замышляет более важное и более опасное предприятие. В шумной столице Египта самого незначительного повода было достаточно для того, чтобы вызвать междоусобную войну. Приверженцы Сераписа, которые были гораздо слабее и малочисленнее своих противников, взялись за оружие по наущению философа Олимпия⁴⁵⁾, убеждавшего их пожертвовать своею жизнью для защиты алтарей богов. Эти языческие фанатики засели в храме или, вернее, в крепости Сераписа, отразили осаждающих смелыми вылазками и энергическим сопротивлением и нашли в своем отчаянном положении утешение в том, что совершали страшные жестокости над своими христианскими пленниками. Благодаря благоразумным усилиям местных властей было заключено перемирие до получения от Феодосия ответа, который должен был решить судьбу Сераписа. Обе партии собрались безоружными на главной площади, и там был публично прочитан рескрипт императора. Когда был объявлен приговор о разрушении александрийских идолов, христиане стали громко выражать свою радость, а несчастные язычники, перешедшие от ярости к упадку духом, торопливо и молча удалились и стали искать в бегстве и в неизвестности средства укрыться от мстительности своих врагов. Феофил приступил к разрушению храма Сераписа, не встречая никаких других препятствий, кроме тех, которые находил в тяжести и прочности материалов, из которых был выстроен храм; однако эти препятствия оказались до такой степени непреодолимыми, что он нашел вынужденным оставить в целости фундамент и довольствоваться обращением верхней части здания в груды развалин, которые вскоре после того были частью свезены для того, чтобы очистить место для церкви, воздвигнутой в честь христианских мучеников. Драгоценная александрийская библиотека была частью расхищена, частью уничтожена, и лет через двадцать после того вид пустых полок возбуждал сожаление и негодование в тех посетителях, у которых ум еще не был совершенно омрачен религиозными предрассудками⁴⁶⁾.

Произведения древних писателей, частью погибшие безвозвратно, конечно, могли бы быть изъяты из гибели язычества для наслаждения и назидания потомства, а религиозное

усердие или корыстолюбие архиепископа ⁴⁷⁾ могло бы удовольствоваться богатой добычей, которая была наградой за его победу. Между тем как золотые и серебряные изображения богов и сосуды обращались в слитки, а менее ценные предметы с презрением разбивались в куски и выбрасывались на улицу, Феофил старался вывести наружу плутни и пороки служителей идолов, их ловкость в употреблении магнита, их тайные способы вводить людей внутрь пустой статуи и их скандальное злоупотребление доверием благочестивых мужей и легковерию женщин ⁴⁸⁾. Обвинения этого рода, по-видимому, заслуживают некоторого доверия, так как их нельзя назвать несовместимыми с коварным и корыстным духом суеверия. Но тот же самый дух одинаково склонен к низкой привычке оскорблять павшего врага и клеветать на него, и наше доверие естественным образом сдерживается тем соображением, что гораздо легче сочинить скандальную историю, чем обманывать людей постоянно повторяющейся плутней. Колоссальная статуя Сераписа ⁴⁹⁾ была вовлечена в гибель его храма и его религии. Множество искусственно прикрепленных одна к другой досок из различных металлов составляли величественную фигуру божества, с обеих сторон прикасавшегося стен святилища. Внешний вид Сераписа, его сидячее положение и скипетр, который он держал в левой руке, представляли большое сходство с обыкновенными изображениями Юпитера. Он отличался от Юпитера тем, что у него на голове была корзина или хлебная мера, и тем, что он держал в правой руке аллегорическое чудовище, имевшее голову и туловище змея с тремя хвостами, на конце которых были головы собачья, львиная и волчья. Существовало общее убеждение, что, если бы чья-либо нечестивая рука осмелилась оскорбить величие этого бога, и небо и земля мгновенно превратились бы в первобытный хаос. Один неустрашимый солдат, воодушеваясь религиозным усердием и вооружившись тяжелой боевой секирой, взлез по лестнице, и даже собравшаяся толпа христиан с тревогой ожидала исхода этой борьбы ⁵⁰⁾.

Солдат направил сильный удар в щеку Сераписа; щека, отвалившись, упала, но гром не грянул, и как на небесах, так и на земле все оставалось в прежнем порядке и спокойствии. Победоносный солдат повторил удары; громадный идол упал и разбился в куски, и его члены народ с позором потащил по

улицам Александрии. Его изуродованный остов был сожжен в амфитеатре при радостных криках черни, и многие язычники обратились в христианство от того, что убедились в бессилии своего бога-покровителя. Самые популярные религии, доставляющие народу видимые и материальные предметы для поклонения, имеют то достоинство, что они приспособляются к чувствам человеческого рода и усваивают их себе; но это достоинство находит противовес в разнообразных и неизбежных случайностях, которым подвергается вера идолопоклонника. Почти невозможно, чтобы при всяком расположении ума он сохранял свое безотчетное уважение к идолам или к мощам, которых нельзя отличать ни зрением, ни осязанием от самых обыкновенных произведений искусства или природы; если же в минуту опасности их тайная и чудотворная сила не в состоянии спасти их самих, он не обращает никакого внимания на пустые оправдания священнослужителей и сам смеется и над предметом своей суеверной привязанности и над своим собственным безрассудством⁵¹⁾. После гибели Сераписа язычники еще питали надежду, что Нил откажет нечестивым повелителям Египта в ежегодном разливе своих вод, а чрезвычайное замедление этого разлива, по-видимому, свидетельствовало о гневе речного бога. Но вслед за этим замедлением последовало быстрое возвышение воды. Она внезапно поднялась до такой необыкновенной высоты, что недовольная партия с радостью ожидала наводнения; но вода мало-помалу снова понизилась до того уровня, который необходим для оплодотворения почвы, — то есть до шестнадцати локтей или почти до тридцати английских футов⁵²⁾.

Языческие храмы во всей Римской империи или были покинуты, или были разрушены, но изобретательное суеверие язычников все еще старалось уклоняться от исполнения тех законов Феодосия, которыми строго запрещались все жертвоприношения. Деревенские жители, пользуясь тем, что они были далеко от глаз недоброжелателей и любопытных, скрывали свои религиозные сходки под видом увеселительных собраний. В дни торжественных праздников они собирались в большом числе под широкой тенью каких-нибудь освященных деревьев; там убивались и жарились овцы и быки, и эти деревенские удовольствия освящались курением фимиама и пением гимнов в честь богов. Но так как при этом никакая

часть животных не сжигалась, так как тут не было алтаря, чтобы принимать кровь жертв, не было ни предварительного принесения в жертву соленых пирогов, ни заключительной церемонии возлияний, то язычники утверждали, что, присутствуя на таких празднествах, они не заслуживают ни упрека, ни наказания за совершение запрещенных жертвоприношений⁵³⁾.

Но какова бы ни была достоверность этих фактов или основательность приводимых в их пользу аргументов⁵⁴⁾, все эти пустые отговорки должны были умолкнуть перед последним эдиктом Феодосия, который нанес суеверию язычников смертельный удар⁵⁵⁾. Этот запретительный закон изложен в самых безусловных и ясных выражениях. "Нам желательно и угодно, — говорит император, — чтобы никто из наших подданных, — все равно, будь он должностное лицо или простой гражданин, будь он высокого или самого низкого ранга и положения, — не позволял себе в городах или в каких-либо других местах поклоняться неодушевленным идолам, закладывая в их честь невинные жертвы". Совершение жертвоприношений и гадание по внутренностям жертв были признаны (каков бы ни был их мотив) государственными преступлениями, которые может загладить только смерть преступника. Те из языческих обрядов, которые казались менее кровавыми и менее отвратительными, были запрещены как в высшей степени оскорбительные для истины и чести религии; в особенности осуждались освещение храмов, гирлянды, курение ладана и возлияния вина, и такое же строгое запрещение было наложено на безвредные притязания домашних гениев и пенатов. Совершение которого-либо из этих нечестивых и противозаконных обрядов подвергало виновного отобранию дома или имения, где они были совершены; если же он, для избежания конфискации, выбирал чужую собственность театром своих нечестивых дел, с него безотлагательно взыскивали тяжелую пеню в двадцать пять фунтов золота или более чем в тысячу фунтов стерлингов. Не менее значительная пеня налагалась за потворство тайным врагам христианской религии, которые небрежно исполняли свою обязанность обнаруживать или наказывать тех, кто провинился в идолопоклонстве. Таким-то духом нетерпимости были проникнуты законы Феодосия, которые нередко применя-

лись со всей строгостью его сыновьями и внуками при громких и единодушных одобрениях всех христиан⁵⁶⁾.

При таких жестоких императорах, как Деций и Диоклетиан, христианство преследовалось как восстание против древней и наследственной религии империи, а неразрывное единство и быстрые успехи католической церкви усиливали неосновательные подозрения, что это была тайная и опасная политическая партия. Но для оправдания тех христианских императоров, которые нарушали и законы человеколюбия и законы евангельские, нельзя ссылаться на такие же опасения и такое же невежество. Опыт многих веков уже обнаружил и бессилие и безрассудство язычества; свет разума и веры уже доказал большей части человеческого рода негодность идолов, и тем, кто еще не отказывался от приходившей в упадок секты, можно бы было позволить наслаждаться в спокойствии и неизвестности исполнением религиозных обрядов их предков. Если бы язычники были воодушевлены таким же непреклонным рвением, каким отличались первые верующие, то торжествующей церкви пришлось бы запятнать себя кровью, а мученики Юпитера и Аполлона, быть может, воспользовались бы удобным случаем, чтобы со славой принести у подножия их алтарей в жертву и свою жизнь и свое состояние. Но такое непреклонное рвение не было свойственно развязному и беспечному характеру политеизма. Жестокие удары, которыми православные монархи не раз поражали язычество, оказывались бесполезными вследствие мягкости и податливости тех, в кого они были направлены, и готовность язычников к повиновению предохранила их от уголовных наказаний и денежных штрафов, установленных кодексом Феодосия⁵⁷⁾. Вместо того чтобы заявлять, что власть их богов выше власти императора, они с жалобным ропотом отказывались от тех священных обрядов, которые были осуждены их государем. Если в порыве страсти или в надежде, что их никто не выдаст, они увлекались желанием удовлетворить свое любимое суеверие, их смиренное раскаяние обезоруживало строгость христианских судей, и, чтобы загладить свою опрометчивость, они редко отказывались подчиниться правилам Евангелия, хотя и делали это с тайным отвращением.

Церкви стали наполняться все увеличивавшимися толпами таких недостойных новообращенных, принявших господст-

вующую веру из мирских побуждений, а в то время, как они благочестиво подражали позам верующих и читали одни с ними молитвы, они удовлетворяли свою совесть молчаливым и искренним взыванием к богам древности⁵⁸⁾. Если у язычников не было достаточно терпения, чтобы страдать, то у них также не было достаточно мужества, чтобы сопротивляться, и рассеянные по империи миллионы людей, оплакивавших разрушение своих храмов, преклонились без борьбы перед фортуной своих противников. Имени императора и его авторитета было достаточно для того, чтобы смирить сирийских крестьян⁵⁹⁾ и александрийскую чернь, возбужденных к восстанию яростью нескольких фанатиков. Западные язычники не принимали никакого участия в возведении на престол Евгения, но их пристрастная привязанность к этому узурпатору причинила ему вред, возбудив отвращение к его личности. Духовенство горячо напало на него за то, что к преступлению восстания он присовокупил преступление вероотступничества, что он дозволил восстановить алтарь Победы и что он выставил на поле битвы идолопоклоннические символы Юпитера и Геркулеса напротив непобедимого знамения креста. Но тщетные надежды язычников были скоро разрушены поражением Евгения, и они сделались жертвами гнева победителя, который старался заслужить милость небес искоренением идолопоклонства⁶⁰⁾. Нация рабов всегда готова восхвалять милосердие своего повелителя, если в злоупотреблении абсолютною властью он не доходит до крайних пределов несправедливости и угнетения. Феодосий, бесспорно, мог предложить своим языческим подданным выбор между крещением и смертью, и красноречивый Либаний восхвалял умеренность монарха, который никогда не предписывал своим подданным положительным законом принять и исповедовать религию своего государя⁶¹⁾.

Исповедование христианства не считалось необходимым условием для пользования гражданскими правами, и не было наложено никаких особых стеснений на тех, кто легковерно принимал вымыслы Овидия и упорно отвергал чудеса Евангелия. И дворец, и школы, и армия, и сенат были наполнены явными и усердными язычниками; они безразлично удостаивались всех как гражданских, так и военных отличий.

Феодосий доказал свое благородное уважение к добродетели и гению тем, что возвел Симмаха⁶²⁾ в консульское звание,

питал личную привязанность к Либанию⁶³⁾ и от этих двух красноречивых защитников язычества никогда не требовал ни того, чтобы они изменили свои религиозные убеждения, ни того, чтобы они их скрывали. Язычники пользовались самой неограниченной свободой в устном и письменном выражении своих мнений; дошедшие до нас отрывки исторических и философских сочинений Евнапия, Зосима⁶⁴⁾ и фанатических проповедников Платонова учения содержат самые яростные нападки на убеждения и образ действий их победоносных противников. Если эти смелые пасквилы пользовались публичностью, то мы должны рукоплескать здравому смыслу христианских монархов, смотревших с презрительной улыбкой на эти последние усилия суеверия и отчаяния⁶⁵⁾. Но императорские законы, запрещавшие совершение языческих жертвоприношений и обрядов, приводились в исполнение с суровой строгостью, и с каждым часом ослабевало влияние религии, опиравшейся скорее на обычаи, чем на аргументы. Благочестие поэта или философа может втайне питаться молитвами, размышлениями и научными занятиями, но публичное богослужение, по-видимому, служит единственным прочным фундаментом для религиозных чувств народа, извлекающих свою силу из подражания и из привычки. Прекращение этого публичного богослужения может, в течение нескольких лет, совершить трудное дело национального перерождения. Воспоминание о прежних богословских мнениях не может долго сохраняться без искусственной помощи священнослужителей, храмов и священных книг⁶⁶⁾. Невежественная народная масса, постоянно волнуемая безотчетными надеждами и опасениями суеверия, легко поддается влиянию своих начальников, которые советуют ей обращаться со своими мольбами к богам нового времени, и она мало-помалу проникается пылким усердием к поддержанию и распространению нового учения, которое она сначала приняла лишь из настоящей потребности в какой-нибудь религии. Поколение, выросшее после издания императорских законов, было привлечено в лоно католической церкви, и падение язычества совершилось так быстро и так спокойно, что только через двадцать восемь лет после смерти Феодосия его слабые и ничтожные остатки уже не были заметны для глаз законодателя⁶⁷⁾.

Софисты описывают гибель языческой религии как страш-

ное и поразительное чудо, которое покрыло землю мраком и восстановило древнее господство хаоса и ночи. Они рассказывают торжественным и патетическим слогом, что храмы превратились в гробницы и что святые места, украшенные статуями богов, были осквернены мощами христианских мучеников. "Монахи, — эта раса грязных животных, которым Евнапий хотел бы отказать в названии людей, — были творцами нового богослужения, которое заменило постигаемые умом божества самыми низкими и презренными рабами. Посоланные и маринованные головы этих гнусных негодяев, подвергшихся за свои многочисленные преступления заслуженной и позорной смертной казни, их тела, еще носящие на себе следы плетей и пыток, которым они подвергались по приговорам судей, — таковы те боги, которых производит земля в наше время, таковы те мученики и высшие посредники, передающие Божеству наши молитвы и просьбы; их гробницы считаются теперь священными предметами народного поклонения"⁶⁸). Не сочувствуя злорадству софиста, мы все-таки находим естественным его удивление при виде переворота, вследствие которого эти низкие жертвы римских законов были возведены в звание небесных и невидимых покровителей Римской империи. Время и успех превратили признательное уважение христиан к мученикам за веру в религиозное поклонение, и такие же почести воздавались самым знаменитым святым и пророкам. Через сто пятьдесят лет после славной смерти св.Петра и св.Павла, могилы или, верней, трофеи этих религиозных героев украшали Ватикан и дорогу в Остию⁶⁹). В том веке, который следовал за обращением Константина в христианство, и императоры, и консулы, и начальники армий с благочестием посещали могилы людей, из которых один делал палатки, а другой был рыбак ⁷⁰), а кости этих людей были почтительно сложены под алтарями Христа, на которых епископы царственного города постоянно совершали бескровные жертвоприношения⁷¹). Новая восточная столица, у которой не было своих собственных старинных трофеев, присвоила себе те, которые нашла в подчиненных ей провинциях. Тела св.Андрея, св. Луки и св.Тимофея, покоившиеся в неизвестности в течение почти трехсот лет, были с торжественной пышностью перевезены в церковь Апостолов, построенную Константином на берегу Фракийского Босфора ⁷²). Почти через пятьдесят лет после того те же

берега были удостоены присутствия израильского судьи и пророка Самуила. Его прах, положенный в золотую вазу и прикрытый шелковым покрывалом, переходил из рук одних епископов в руки других. Народ встретил его мощи с такой же радостью и почтительностью, с какой встретил бы самого пророка, если бы он был жив; толпа зрителей образовала непрерывную процессию от Палестины до ворот Константинополя, и сам император Аркадий, во главе самых знатных членов духовенства и сената, выехал навстречу к своему необыкновенному гостю, всегда заявлявшему основательное притязание на царские почести⁷³⁾. Пример Рима и Константинополя укрепил верования и правила благочиния католической церкви. Поклонение святым и мученикам, после слабого и бесплодного ропота со стороны нечестивого рассудка⁷⁴⁾, утвердилось повсюду, и во времена Амвросия и Иеронима сложилось убеждение, что для святости христианских церквей всегда будет чего-то недоставать, пока они не будут освящены какой-нибудь частицей мощей, способных укреплять и воспламенять благочестие верующих.

В длинный тысячадвухсотлетний период времени, протекший с воцарения Константина до реформации Лютера, поклонение святым и мощам искажило чистую и цельную простоту христианской религии, и некоторые признаки нравственной испорченности можно заметить даже в первых поколениях, усвоивших и лелеявших это вредное нововведение.

I. Духовенство знало по опыту, что мощи святых были более ценны, чем золото и драгоценные камни⁷⁵⁾; поэтому оно старалось размножать эти церковные сокровища. Без всякого уважения к правде или к правдоподобию оно стало придумывать имена для скелетов и подвиги для имен. Славу апостолов и святых людей, подражавших их добродетелям, оно омрачило религиозными вымыслами. К непобедимому сонму настоящих и первобытных мучеников оно присовокупило мириады мнимых героев, которые существовали только в воображении лукавых или легковверных составителей легенд, и есть основание подозревать, что не в одной только Турской епархии поклонялись праху преступника, принимая его за прах какого-то святого⁷⁶⁾. Суеверное обыкновение, клонившееся к тому, чтобы умножать соблазны для плутов и для людей легковверных, мало-помалу затмило в христианском мире и свет истории и свет разума.

II. Но распространение суеверий было бы менее быстро и менее успешно, если бы духовенство не прибегало, для укрепления веры в народе, к помощи видений и чудес, удостоверявших подлинность и чудотворную силу самых подозрительных мощей. В царствование Феодосия Младшего Лукиан⁷⁷⁾, бывший пресвитером в Иерусалиме и священником в деревне Кафаргамал, почти в двадцати милях от города, рассказал странный сон, который заглушил в нем все сомнения, повторившись кряду три субботы. Среди ночной тишины перед ним предстал почтенный старец с длинной бородой, в белом одеянии и с золотым посохом в руке; он назвал себя Гамалиелем и поведал удивленному пресвитеру, что его собственное тело было втайне погребено на соседнем поле вместе с телами его сына Абиба, его друга Никодима и первого христианского мученика — знаменитого Стефана. К этому он присовокупил с некоторым нетерпением, что пора освободить и его самого и его товарищей из их мрачной тюрьмы, что их появление облегчит постигшие мир бедствия и что они поручают Лукиану известить иерусалимского епископа об их положении и желаниях. Сомнения и затруднения, замедлявшие исполнение этого важного предприятия, были мало-помалу устранены новыми видениями, и указанное место было взрыто епископом в присутствии бесчисленного множества зрителей. Гробы Гамалиеля, его сына и его друга найдены один подле другого; но когда был вынут четвертый гроб, заключавший в себе смертные останки Стефана, земля затряслась и распространился запах, похожий на тот, который бывает в раю и мгновенно излечивший различные недуги, которыми страдали семьдесят три из присутствовавших.

Товарищей Стефана оставили в их мирной резиденции в Кафаргамале, но мощи первого мученика были перенесены с торжественной процессией в церковь, построенную в честь его на горе Сион, а мельчайшим частицам этих мощей, каплям крови⁷⁸⁾ или оскребкам костей стали приписывать почти во всех римских провинциях божественную и чудотворную силу. Серьезный и ученый Августин⁷⁹⁾, в оправдание которого, ввиду превосходства его ума, едва ли можно ссылаться на легкоеверие, удостоверил бесчисленные чудеса, которые совершались в Африке мощами св. Стефана, и этот удивительный рассказ вставлен в тщательно обработанное сочинение Гиппонского епископа "О Граде Божиим", которое долж-

но было служить прочным и бессмертным доказательством истины христианства. Августин торжественно заявляет, что он выбрал только те чудеса, которые были публично удостоверены или теми, кто испытал на самих себе чудотворную силу мученика, или теми, кто видел ее собственными глазами. Многие из чудес были опущены или позабыты, а на долю Гиппона их досталось менее, нежели на долю других провинциальных городов. Тем не менее епископ перечисляет более семидесяти чудес, из которых три заключались в воскрешении мертвых, происшедшем в течение двух лет в пределах его собственной епархии⁸⁰⁾. Если бы мы приняли в расчет все епархии и всех святых христианского мира, нам было бы нелегко подвести итог всем вымыслам и заблуждениям, вытекавшим из этого неисчерпаемого источника. Но нам, конечно, будет дозволено заметить, что в этом веке суеверий и легковерия чудеса утрачивали право и на это название и на какое-либо достоинство, так как совершались слишком часто и потому едва ли могли считаться за уклонения от общих неизменных законов природы.

III. Бесчисленные чудеса, для которых постоянно служили театром могилы мучеников, разоблачали в глазах благочестивого верующего действительное положение и устройство невидимого мира, и его религиозные теории, по-видимому, были построены на прочном фундаменте фактов и опыта. Каково бы ни было положение, в котором находились души обыкновенных смертных в длинный промежуток времени между разложением и воскресением их тел, для всякого было очевидно, что более возвышенные души святых и мучеников не проводят этот период своего существования в безмолвном и бесславном усыплении⁸¹⁾. Для всякого было очевидно, что эти святые и мученики наслаждаются живым и деятельным сознанием своего блаженства, своих добродетелей и своего могущества и что они уже уверены в получении вечной награды (хотя при этом не осмеливались с точностью обозначать ни место их пребывания, ни характер их блаженства). Обширность их умственных способностей превосходила все, что доступно для человеческого воображения, так как было доказано на *опыте*, что они были способны слышать и понимать различные просьбы своих многочисленных поклонников, которые, в один и тот же момент, но из самых отдаленных одна от другой частей света, взывали о помощи к Стефану или к Мартину⁸²⁾. Доверие тех, кто обращался к ним с

мольбами, было основано на убеждении, что святые, царствовавшие вместе с Христом, взирали с состраданием на землю, что они были горячо заинтересованы в благополучии католической церкви и что всякий, кто подражал им в вере и благочестии, был для них предметом самой нежной заботливости. Правда, иногда случалось, что их доброжелательство бывало внушено соображениями менее возвышенными: они с особенной любовью взирали на те места, которые были освящены их рождением, их пребыванием, их смертью, их погребением или обладанием их мощами.

Такие низкие страсти, как гордость, корыстолюбие и мстительность, казалось бы, должны быть недоступны для небесных духов; тем не менее сами святые снисходили до того, что с признательностью одобряли щедрые приношения своих поклонников и грозили самыми страшными наказаниями тем нечестивцам, которые что-нибудь похищали с их великолепных раков или не верили в их сверхъестественную силу⁸³⁾. Действительно, со стороны этих людей было бы ужасным преступлением и вместе с тем весьма странным скептицизмом, если бы они упорно отвергали доказательства такой божественной силы, которой были вынуждены подчиняться все элементы, все виды животного царства и даже едва уловимые и невидимые для глаз движения человеческой души⁸⁴⁾. И молитвы и оскорбления имели, по убеждению христиан, немедленные и даже мгновенные последствия; это служило для них вполне достаточным доказательством милостей и авторитета, которыми пользовались святые перед лицом верховного Бога, и, по-видимому, было бы совершенно излишним допытываться, были ли они обязаны всякий раз ходатайствовать перед престолом Всеблагого, или же им было дозволено пользоваться вверенною им властью по внушениям своей собственной благости и справедливости. Воображение, достигшее путем тяжелых усилий до созерцания и обожания Всеобщей Причины, с жадностью ухватило за более низкие предметы обожания, так как они более соразмерны с грубостью его понятий и с ограниченностью его способностей. Возвышенное и безыскусное богословие первых христиан мало-помалу извратилось, и небесная монархия, уже опутанная разными метафизическими тонкостями, была обезображена введением популярной мифологии, клонившейся к восстановлению многобожия⁸⁵⁾.

VI. Так как предметы религиозного поклонения мало-по-

малу низводились до одного уровня с воображением, то были введены такие обряды и церемонии, которые всего сильнее действовали на чувства толпы.

Если бы в начале пятого столетия ⁸⁶⁾ Тертуллиан и Лактанций ⁸⁷⁾ могли восстать из мертвых и присутствовать при праздновании какого-нибудь популярного святого или мученика ⁸⁸⁾, они были бы поражены удивлением и негодованием при виде тех нечестивых зрелищ, которые заменили чистое и духовное богослужение христианских конгрегаций. Лишь только растворились бы церковные двери, они были бы поражены курением ладана, ароматом цветов и блеском лампад и восковых свеч, разливавших, среди белого дня, роскошный, вовсе не нужный и, по их мнению, святотатственный свет. Если бы они направились к балюстраде алтаря, им пришлось бы проходить сквозь распростертую толпу молящихся, состоявшую большею частью из чужеземцев и пилигримов, которые приходили в город накануне праздников и уже находились в состоянии опьянения от фанатизма, а может быть, и от вина. Эти благочестивые люди осыпали поцелуями стены и пол священного здания, а их горячие мольбы, независимо от того, какие слова произносились в ту минуту священнослужителями, были обращены к костям, к крови или праху святого, по обыкновению прикрытым от глаз толпы полотняным или шелковым покрывалом. Христиане посещали могилы мучеников в надежде получить, благодаря их могущественному заступничеству, разного рода духовные, но в особенности мирские блага. Они молили о сохранении их здоровья или об исцелении их недугов, о том, чтобы их жены нарождали им детей, или о том, чтобы их дети были здоровы и счастливы. Когда они пускались в далекое или опасное странствование, они просили святых мучеников быть их руководителями и покровителями во время пути, а если они возвращались домой, не претерпев никаких бед, они снова спешили к могилам мучеников для того, чтобы выразить свою признательность мощам этих небесных патронов. Стены были увешаны символами полученных ими милостей, — сделанными из золота или серебра глазами, руками и ногами, а назидательные произведения живописи, которые неизбежно должны были скоро сделаться предметами неблагодарного или идолопоклоннического поклонения, представляли фигуру, атрибуты и чудеса святого. Один и тот же пер-

вообразный дух суеверия должен был наводить, в самые отдаленные один от другого века и в самых отдаленных одна от другой странах, на одни и те же способы обманывать людей легковверных и действовать на чувства толпы⁸⁹⁾; но следует чистосердечно сознаться, что священнослужители католической церкви подражали тому нечестивому образцу, который они старались уничтожить. Самые почтенные епископы пришли к тому убеждению, что невежественные поселяне охотнее откажутся от языческих суеверий, если найдут какое-нибудь с ними сходство и какую-нибудь за них замену в христианских обрядах. Религия Константина менее чем в одно столетие довершила завоевание всей Римской империи, но сами победители были мало-помалу поработаны коварством своих побежденных соперников⁹⁰⁾.

---

1) Св. Амвросий (том II, de Obit. Theodos., стр. 1208) особенно хвалит и рекомендует для подражания усердие Иисуса Навина в уничтожении идолопоклонства. Выражения Юлия Фирмика Матерна о том же предмете (de Errore Profan. Relig., стр. 467, изд. Гронов.) благочестиво бесчеловечны: "Nec filio jubet (закон Моисеев) parci, nec fratri, e per amatam conjugem gladium vindicem ducit" и пр.

2) Бэйль (том II, стр. 406 в своем *Commentaire Philosophique*) оправдывает эти не терпящие иноверия законы и ограничивает их силу временным царствованием Иеговы над иудеями. Эта попытка похвальна.

3) См. очерки римской иерархии у Цицерона (de Legibus, II, 7, 8), Ливия (1, 20), Дионисия Галикарнасского (кн. 2, стр. 119-291, изд. Гудсона), Бофора (Republique Romaine, том 1, стр. 1-90) и Мойля (ч. 1, стр. 10-55). Последний из этих писателей был английский виг и вместе с тем римский антикварий. (Хотя эти коллегии постоянно сохранялись, они не всегда состояли из одного и того же числа членов. Вместе с политическими переворотами и они подвергались различным изменениям. Нума учредил должности четырех понтификов и четырех авгуров, из которых двое были для Рамнов или латинского племени и столько же для Тициев или сабинского племени и составляли, вместе взятые, первую римскую знать. В силу Огульниева закона, так названного по имени его составителей К. и Кн. Огульния, бывших народными трибунами, в 453 г. от основания Рима, вместо каждых из этих двух членов коллегии стали назначать по девяти, вследствие присоединения четырех плеб; над жрецами стали назначать верховного понтифика, а над авгурами начальника Коллегии. Не прежде, как лет через 220 после того их число было увеличено Суллой, во время его диктаторства, до пятнадцати. (В 673 г. от основ. Р. *Лекции* Нибура, ч. 1, стр. 124, 130, 523; ч. II, стр. 389.) Весталок было шесть со времен второго Тарквиния, который или прибавил две к назначенным Нумой, как утверждает Ливий, или уменьшил их до этого числа, как утверждает Фест. Первое братство, или коллегия

Салиев, учрежденная Нумой, состояла из двенадцати членов, называвшихся Палатинами вследствие того, что их постоянное местопребывание было на Палатинском холму. Тулл Гостилий прибавил к ней вторую коллегию Салиев, называвшихся *Collini* или *Quirinales*, потому что поселилась на Квиринальском холму. Два первоначальных братства Луперков назывались *Fabii* и *Quinctiliani* по имени двух своих первых председателей. Юлий Цезарь прибавил к ним третье, которое назвал *Julii* в честь своего собственного рода. — *Издат.*)

4) Эти мистические и, может быть, воображаемые символы породили различные басни и догадки. Палладиум, как кажется, состоял из небольшой статуи (имевшей три с половиной локтя в высоту), изображавшей Минерву с копьем и прялкой; она обыкновенно ставилась в *seria*, т.е. в бочку, и другая такая же бочка ставилась рядом, чтобы охранить статую от любопытства и святотатства. См. Мезериака (*Comment. sur les Epitres d'Ovide*, том 1, стр. 60-66) и Липсия (том III, стр. 610, de *Uestâ* и пр., гл. 10.)

5) Цицерон или откровенно сознается (*ad Atticum*, кн. 2, *Посл.* 5), или косвенно намекает (*ad Familiar.*, кн. 15, *Посл.* 4), что его высшее желание достигнуть звания авгура. Плиний с гордостью следует по стопам Цицерона (кн. 4, *Посл.* 8), а эту нить традиций можно бы было продолжить, опираясь на исторические факты и на сведения, доставляемые памятниками. (Эти коллегии лишь стояли во главе тех учреждений, которые вызывали гонения со стороны их христианских соперников по тем мотивам, о которых уже было говорено в прежних подстрочных примечаниях. Отсюда видно, какие доходы и какую роскошь они старались сохранить, и также видно, какие были у них многочисленные связи с влиятельными семьями, которых они заинтересовали в своем деле. К этому следует прибавить разбросанные по всей империи многочисленные корпорации такого же рода, их многочисленных приверженцев, их низших служителей и толпу тех, кто жил и богател поставкой материалов для богослужения, которое требовало более всякого другого денежных доказательств благочестия. Приняв все это в соображение, мы придем к тому заключению, что вражду язычников к христианству следует приписывать скорее меркантильным, чем религиозным мотивам. — *Издат.*)

6) Зосим, кн. 4, стр. 249-250. Я опустил нелепый каламбур на словах *Pontifex* и *Maximus*.

7) Эта статуя была перевезена из Тарента в Рим, поставлена Цезарем в *Curia Julia* и украшена Августом египетской добычей.

8) Пруденций (кн. 2 *in initio*) сделал очень неудовлетворительное описание Победы, но любознательный читатель найдет более точное описание в "Древностях" Монфокона (том I, стр. 341).

9) См. Светония (*in August.*, гл. 35) и вступление к Панегирику Плиния.

10) Эти факты признаются адвокатами обеих партий, и Симмахом и Амвросием.

11) *Notitia Urbis*, более близкая к нам по времени, чем царствование Константина, не находит ни одной христианской церкви, которую стоило бы назвать при перечислении городских зданий. Амвросий (том II, *epist.* 17, стр. 825) оплакивает происходившие в Риме публич-

ные скандалы, которые беспрестанно оскорбляли зрение, слух и обоняние верующих.

12) Амвросий постоянно утверждает, наперекор со здравым смыслом (Сочинения Мойля, ч. 2, стр. 147), что христиане имели большинство в сенате.

13) *Первая* из них (382 г.) была отправлена к Грациану, который отказал ей в аудиенции. *Вторая* (384) была отправлена к Валентиниану в то время, как шла борьба между Симмахом и Амвросием. *Третья* (388 г.) была отправлена к Феодосию, а четвертая (392) к Валентиниану. Ларднер (*Языческие Свидетельства*, ч. 4, стр. 372-399) ясно изложил ход этого дела.

14) Симмах, который был облечен всеми гражданскими и церковными отличиями, придает императору двойной характер верховного понтифика (Pontifex Maximus) и Главы сената (Princeps Senatus). См. пышную надпись во главе его произведений.

15) Точно будто, говорит Пруденций (in Symmach., кн. 1, 630), для того, чтобы копаться в грязи, следует употреблять орудия из золота и слоновой кости. Даже святые, и такие святые, которые принимали участие в этой полемике, относились к этому противнику с уважением и вежливостью.

16) См. пятьдесят четвертое послание в десятой книге Симмаха. В форме и распределении своих десятитомных посланий он подражал Плинию Младшему; по уверению его друзей, у него был такой же богатый и цветистый слог, как у Плиния, или даже еще лучше (Макроб. Saturnal., кн. 5, гл. 1). Но плодовитость Симмаха дает лишь голые листья без плодов и даже без цветов. Из его многословной корреспонденции нельзя извлечь ни много фактов, ни много мыслей.

17) См. Амвросия (том II, Epist. 17, 18, стр. 825-833). Первое из этих посланий есть краткое предостережение, а второе — формальное возражение на петицию или *пасквиль* Симмаха. Те же мысли более подробно выражены в поэзии Пруденция, если только она достойна такого названия; Пруденций написал свои две книги против Симмаха (404 г.) в то время, как этот сенатор еще жил. Очень странно то, что Монтеские (Considerations etc., гл. 19, том III, стр. 487) опустил из виду двух главных противников Симмаха и занимается обсуждением косвенных возражений Орозия, св. Августина и Сальвиана. (Гиббон позабывает сделанную Валентиниану угрозу остановить его при входе в церковь и не допустить его до исполнения религиозных обрядов. — *Издат.*)

18) См. Пруденция (in Symmach., кн. I, 545 и сл.). Христианский писатель, согласно с язычником Зосимом (кн. 4, стр. 283), полагает, что это посещение Феодосия произошло после *второй* междуусобной войны: "gemini bis victor caede tyranni". (Кн. I, 410). Но и время посещения и подробности более подходят к его первому триумфу.

19) Пруденций доказывает, что убеждение сената было выражено легальным большинством, и затем (609 и сл.) говорит:

Adspice quam pleno subsellia nostra Senatu
Decernant infame Jovis pulvinar, et omne
Idolium longe purgata ex urbe fugandum.
Qua vocat egregii sententia Principis illuc
Liberam, cum pedibus, tum corde, frequentia transit.

Зосим приписывает сенаторам языческое мужество, которое было

уделом лишь немногих из них. (В примечании к этому месту декан Мильман говорит, что Беньо (Beugnot) сомневается в достоверности всего этого свидетельства. Неандер держится середины (*Ист. Христ.*, ч.3, стр. III), которая, вероятно, всего ближе к истине. Он говорит: "Когда Феодосий вступил в 394 г., после смерти Евгения, в Рим, он произнес перед собравшимся сенатом речь, в которой приглашал язычников, пользовавшихся свободным исповедованием своей религии в короткое царствование Евгения, отказаться от идолопоклонства и принять ту веру, которая одна может доставить им прощение грехов. Несмотря на все их протесты, Феодосий отнял у язычников то, что им было дано Евгением". Пренебрегая свидетельством Пруденция, Неандер принимает свидетельство Зосима, не допускающее никакого другого толкования, но вместе с тем признает, что "в этом случае он подозрительный свидетель", и потому отвергает все, что говорит Зосим о мужестве языческих сенаторов. Неандер также подозревает, что все, "что говорит лже-Проспер (*de promiss. et predict. Dei*, ч. 3,38) о позорной ссылке Симмаха, есть басня". — *Издат.*)

20) Иероним указывает на понтифика Альбина, который был окружен столькими детьми и внуками, перешедшими в христианство, что их было бы достаточно для того, чтобы обратить в христианство самого Юпитера; какой бы это был удивительный новообращенный! (Том 1, *ad Lactam*, стр.54).

21) *Exultare Patres videas, pulcherrima mundi
Lumina; Conciliumque senum gestire Catonum
Candidiore toga niveum pietatis amictum
Sumere; et exuvias deponere pontificales.*

Фантазия Пруденция разогрелась и сделалась более возвышенной вследствие победы.

22) Пруденций, описав обращение сената и народа в христианство, с уверенностью и некоторым основанием делает вопрос:

*Et dubitamus adhuc Romam, tibi, Christe, dicatam
In leges transisse tuas?*

23) Иероним с торжеством говорит о разорении Капитолия и других римских храмов (Том 1, стр.54; том II, стр.95).

24) Либаний (*Orat. pro Templis*, стр.10, Женев. 1634, изданная Джемсом Годефруа и теперь чрезвычайно редкая) обвиняет Валентиниана и Валента в том, что они запретили жертвоприношения. Может быть, восточный император и давал некоторые частные приказания в этом смысле, но что он не издавал общего закона по этому предмету, доказывается молчанием кодекса и свидетельством церковной истории.

25) См.его законы в *Код.* Феод., кн.16, тит.10, зак. 7-11.

26) Жертвоприношения Гомера не сопровождалось никакими рассматриваниями внутренностей. См.Феифия *Antiquitat. Homer.*, кн. 1, гл.10,16. Тосканцы, у которых впервые появились *гаруспиции*, ввели их между греками и римлянами (Цицерон, *de Divinatione*, II, 23).

27) Зосим, кн. 4, стр.245-249. Феодорит, кн.5, гл.21. Идаций in *Chron. Prosper. Aquitan.*, кн.3, гл.38, *apud Baronium*, *Annal. Eccles.* A.D. 389, N 52. Либаний (*pro Templis*, стр.10) старается доказать, что приказания Феодосия не были ни настоятельны, ни положительны. (Которая из трех партий имела самую большую долю в добыче и обнаружива-

ла самую большую к ней жадность? Усиливавшаяся католическая иерархия считала себя обокраденной, если что-либо оставалось в руках у ее языческих соперников, и потому не только обзывала такие действия нечестивыми и святотатственными, но требовала тех доходов, которые она старалась отклонить от их прежнего течения. Духовенство управляло совестью императоров, диктовало их декреты, придавало этим декретам такой смысл, что под их покровителем могло совершать акты насилия, присваивало себе право приводить таким образом искаженные законы в исполнение, водило бесчинные толпы на грабеж и разрушение языческих храмов, еврейских синагог и еретических церквей, а когда правительство находилось вынужденным останавливать и наказывать такие безобразия, оно останавливало действие правосудия. Когда Феодосий обнаруживал склонность к милосердию, "его желания встречали противодействие в могущественном влиянии епископов" (Неандер, *Ист. Христ.*, ч.3, стр.105). Гиббон приводит в пример отмену приговора над "мятежным прелатом" и монахами Каллиника в Месопотамии, которых с успехом защищал могущественный Амвросий Миланский и против святости нарушенных ими законов, и против осудившего их императора. Между тем это зло приняло такие размеры, что через пять лет после того Феодосий был вынужден издать закон (*Кодекс*, кн.16, тит. 8, кн.9), назначавший наказания для тех, кто "совершал от имени христианства такие противозаконные расхищения". Мирские интересы, прикрывавшиеся маской религии, иногда находили для себя выгодным не только оставлять языческие храмы в целости, но даже поддерживать совершавшееся в них богослужение. Между христианскими землевладельцами были такие, которые позволяли своим крестьянам совершать жертвоприношения, потому что языческие храмы были обложены налогами, доставлявшими доход землевладельцам. Неандер, *Ист. Христ.*, ч.3, стр.113. — *Издат.).*

28) Код Феод., кн. 16, тит.10, зак. 8,18. Есть основание полагать, что этот эдесский храм предполагалось, по желанию Феодосия, сохранить для какого-нибудь мирского употребления, но он очень скоро был обращен в груды развалин (Либаний, *pro Templis*, стр.26, 27, и примечания Годефруа, стр.59.).

29) См. интересную речь Либания "Pro Templis", произнесенную или, скорей, написанную около 390 г. Я с большой пользой справлялся с текстом и замечаниями докт. Ларднера (*Языческие Свидетельства*, ч.IV, стр.135-163). (Неандер полагает, что Либаний "едва ли осмелился бы произнести перед императором" такую речь, которая, по всему вероятию, "была произнесена или *написана* только как образчик риторического искусства". *Ист. Христ.*, ч.3, стр.107. — *Издат.)*

30) См. *Жизнеописание Мартина*, написанное Сульпицием Севером, гл.9-14. Однажды этот святой (как мог бы сделать Дон Кихот) принял невинные похороны за идолопоклонническую процессию и неосмотрительно сотворил чудо.

31) Сравн. Созомена (кн. 7, гл.15) с Феодоритом (кн. 5, гл.21). Они сообщают все подробности и о крестовом походе Марцелла, и о его смерти.

32) Либаний, "Pro Templis", стр.10-13. Он раздражается бранью против одетых в черные одеяния христианских монахов, которые едят

больше, чем слоны. Бедные слоны оказываются воздержными животными.

33) Проспер, Aquitan, кн. 3, гл.38, apud Baronium, Annal. Eccles. A.D. 389, N 58 и сл. Этот храм был в течение некоторого времени заперт, и доступ к нему зарос терновником.

34) Донат, Roma Antiqua, кн. 4, гл.4, стр.468. Это освящение было совершено папою Бонифацием IV. Мне неизвестно, благодаря какому стечению благоприятных обстоятельств Пантеон оставался в целости в течение более двухсот лет после царствования Феодосия.

35) Софроний написал вскоре после того отдельную историю (Иерон. in Script. Eccles. том I, стр.303), которая доставила материалы Сократу (кн.5, гл.16), Феодориту (кн.5, гл.22) и Руфину (кн. 2, гл.22). Однако последний из них, находившийся в Александрии и до и после описываемых здесь событий, может считаться за подлинного очевидца.

36) Жерар Воссий (Opera, том V, стр.80 и de Idololatria, кн. 1, гл. 29) старается поддержать странное мнение отцов церкви, что патриарху Иосифу поклонялись в Египте так же, как быку Апису и богу Серапису.

37) Origo dei nondum nostris celebrata. Aegyptiorum antistites sic memorent, etc. Тацит, *Истор.*, IV, 83. Греки, посещавшие Египет, также не были знакомы с этим новым божеством.

38) Макробий, Saturnal, кн.1, гл.7. Этот факт служит очевидным доказательством его иностранного происхождения.

39) В Риме Изиды и Серапис были соединены в одном и том же храме. Первенство, предоставленное царице, по-видимому, служит указанием на неравенство ее союза с понтийским иноземцем. Но превосходство женского пола было в Египте и гражданским и религиозным установлением (Диодор Сицил., том 1, кн. 1, стр.31, изд. Весселинга), и такой же порядок соблюдается в трактате Плутарха об Изиде и Озирисе, которого он отождествляет с Сераписом.

40) Аммиан (XXII, 16). Expositio totius Mundi (стр. 8, в Geograph. Minor. Гудсона, том III) и Руфин (кн.2, гл.22) превозносят Serapeum как одно из чудес света.

41) См. Memoires de l'Acad. des Inscriptions, том IX, стр.397-416. Старая библиотека Птолемея вся сгорела во время экспедиции Цезаря против Александрии. Марк Антоний отдал всю Пергамскую Коллекцию (двести тысяч томов) Клеопатре в основание *НОВОЙ* Александрийской библиотеки.

42) Либаний (pro Templis, стр.21) неблагоприятно раздражает своих христианских повелителей этим оскорбительным замечанием.

43) Мы можем делать выбор между годом, на который указывает Марцеллин (389), и тем, на который указывает Проспер (391). Тильмон предпочитает (Hist. des Empereurs, том V, стр.310-756) первое из этих указаний, а Пажи второе. (Клинтон (F.R. 1, 522) называет 390 год. — *Издат.*)

44) Тильмон Mem.Eccles. том XI, стр.441-500. Двусмысленное положение Феофила, — который, в качестве друга Иеронима был *святой*, а в качестве недруга Златоуста был *дьявол*, — придает его отзывам нечто вроде беспристрастия; однако в общем выводе весы склоняются не на его сторону. (Некоторые из церковных писателей

опасались, что, выставя Феофила в его настоящем свете, они уронят кредит Иеронима. Даже Мозгейм заботился о его репутации и почти ничего не сообщает о нем, кроме рассказа о его походе против отряда бродячих монахов, вставших в некоторые еретические мнения из уважения к Оригену. Впрочем, его английский переводчик говорит в подстрочном примечании, что Феофил был "человек энергический, деятельный и отважный, но при этом был коварен, неразборчив на средства, хитер и честолюбив". Неандер всех добросовестнее в своем отзыве; он говорит (*Ист. Христ.*, ч.3, стр.108), что "это был человек совершенно светский, что он не питал большого или сердечного участия к религии Христа и что его система управления его епархией нисколько не была рассчитана на то, чтобы созидать храм Божий в сердцах людей". — *Издат.*)

45) Ларднер (*Языческие Свидетельства*, ч.IV, стр.411) цитирует прекрасный отрывок из произведений Свидаса или, скорей, из произведений Дамасия; там благочестивый и добродетельный Олимпий выставлен не воином, а пророком.

46) *Nos vidimus librorum, quibus direperts, exinanita ea a nostris hominibus, nostris temporibus memorant* (Орозий, кн.6, гл.15, стр.421. изд. Гаверкампа). Хотя Орозий был ханжа и любил споры, он, по-видимому, краснеет от стыда при виде такого опустошения. (Через двести сорок лет после этих событий научные сокровища Александрии были истреблены другим варваром. Но те, которые считают произведенное сарацинами опустошение за одну из причин наступивших вслед затем "веков мрака", умалчивают об опустошении, которое было ранее того произведено псевдохристианским епископом. — *Издат.*)

47) Евнапий, в жизнеописании Антонина и Эдесия, выражает свое отвращение к святотатственному хищничеству Феофила. Тильмон (*Mem. Eccles.*, том XIII, стр.453) цитирует послание Исидора Пелусиота, который упрекает епископа в идолопоклонническом поклонении золоту, *auri sacra fames*.

48) Руфин говорит об одном жреце Сатурна, который, разыгрывая роль одного из языческих богов, обращался фамильярно с несколькими знатными благочестивыми дамами; но он выдал сам себя в момент страстного увлечения, не будучи в состоянии изменять тон своего голоса. Достоверный и беспристрастный рассказ Эсхина (см. Бэйля *Dictionnaire Critique, Scamandre*) и приключения Мунда (Иосиф, *Antiquitat. Judaic.*, кн.18, гл.3, стр.877, изд. Гаверкампа) могут служить доказательством того, что такие любовные мошенничества часто совершались с успехом.

49) См.изображения Сераписа у Монфокона (том 2, стр.297); но описание Макробия (*Saturnal.* кн.1, гл.20) более живописно и более удовлетворительно.

50) *Sed fortes tremuere manus, motique verenda
Majestate loci, si robora sacra ferirent
In sua credebant redivivas membra secures.*

(Лукан, III, 429). "Правда ли, — спросил Август у одного итальянского ветерана, у которого он ужинал, — что тот человек, который нанес первый удар золотой статуе Анаитиды, тотчас лишился зрения и жизни?" — "Это был я, — отвечал ветеран, хорошо сохранивший зрение, — и вы теперь ужинаете, сидя на одной из ног богини" (Плиний, *Нат. Ист.*, XXXIII, 24).

51) История реформации представляет много примеров внезапных переходов от суеверия к презрению. (Когда Бонифаций срубил "Громовый Дуб" германских язычников, произошла такая же сцена. Нейандер. *Ист. Христ.*, ч.3, стр.109. — *Издат.*)

52) Созомен, кн.7, гл.20. Я несколько увеличил этот размер. Тот же размер наводнения и, стало быть, та же величина локтя существовали без изменения со времен Геродота. См. Фрерэ в *Mem. de l'Academie des Inscriptions*, том XVI, стр. 344-353. Смешанные произведения Грива (Greave), ч.1, стр.233. Египетский локоть равняется почти двадцати двум дюймам на английскую меру. (Докт. Лепсий открыл в июле 1843 г. на одном утесе подле Семнэ надпись, которая доказывает, что Нил "с лишком четыре тысячи лет тому назад подымался с лишком на двадцать четыре фута выше, чем теперь". (*Письма из Египта* и пр., стр.239, изд. Бона). См. также замечания Л.Горнера касательно этого открытия и возражение докт. Лепсия (ib., стр.530). Этот факт очень важен и, по-видимому, служит доказательством постепенного понижения уровня Средиземного моря, в которое Нил вливает свои воды. (См. 1 ч. этой Истории, стр. 287, *Примеч.* и "Картины Природы" Гумбольдта, стр.264, изд. Бона. — *Издат.*)

53) Либаний (*Pro Templis*. стр.15-17) вступает за них с мягкостью и вкрадчивостью ритор. С древнейших времен такие празднества вносили оживление в жизнь поселян, а из празднеств в честь Бахуса (*Georgic.*, II, 380) возник в Афинах театр. См. Годефруа, *ad. loc.* Liban. и *Код.* Феодос., том VI, стр.284. (При всех своих нелепостях древнее язычество имело то достоинство, что оно было веселой религией. Его обряды перемешивались с пением, танцами и пирами, и на некоторых из жрецов не лежало никаких других обязанностей, кроме обязанности руководить этими удовольствиями. Жертвоприношения служили прелюдией к тому, что накрывались длинные столы и все садились за пир или по случаю какой-нибудь публичной радости, или благодаря гостеприимству частных людей. Когда Гораций пригласил римлян отпраздновать победу при Акции (*Сарт.* 1, 37), это празднование заключалось в танцах и пиршествах внутри храмов; когда он пригласил Мецената справить вместе с ним поминки о том дне, когда он спасся от упавшего на него дерева (*Сарт.* III, 8), был приготовлен алтарь из дерна для курения ладана и для принесения в жертву белой козы; такой же алтарь (*Сарт.* IV, 11), обвитый гирляндами, был приготовлен для принесения в жертву ягненка, когда он пригласил Филлиса отпраздновать вместе с ним день рождения его патрона. Таким образом, совершение жертвоприношений поддерживало привязанность древних народов к их языческому богослужению даже после того, как вполне обнаружилась неспособность этой религии удовлетворять новым требованиям времени. Это было в особенности заметно на деревенском населении. И причиной этого было не столько вошедшее в пословицу отвращение его к нововведениям, не столько вытекавшее из его рабского состояния отсутствие образования, сколько желание сохранить свои "деревенские праздники", которые справлялись не иначе как вместе с богослужением в храмах. В своей уединенной домашней жизни оно было лишено тех развлечений, которые городской житель находил в цирках и различных играх и зрелищах, а потому оно еще более ценило то,

что доставляло ему отдых от труда и развлечение. Благодаря этим добавочным удовольствиям и благодаря доходам, которые оно доставляло многим лицам, совершение жертвоприношений поддерживало существование суеверий, но не в этом заключалась его жизненная сила. Пока оно поддерживалось получаемым от государства содержанием и обладанием освященными землями, оно никогда не нуждалось в жрецах, которые придавали бы ему приличный внешний вид и собирали бы у подножия идолов их поклонников. Смертельный удар был нанесен этому обыкновению тем, что была прекращена выдача из казны содержания, и тем, что были отобраны освященные земли. — *Издат.*)

54) Гонорий не запрещал этих деревенских праздников. (A.D. 399). "Absque ullo sacrificio, atque ulla superstitione damnabili". Но через девять лет после того он нашел нужным возобновить и строго исполнять это запрещение (*Код. Феодос. кн. 16, тит. 10, зак. 17, 19*).

55) Код. Феодос., кн. 16, тит. 10, зак. 12. Жортен (*Примеч. к Церк. Ист.*, ч.IV, стр.134) с приличной строгостью порицает и слог и содержание этого тиранического закона.

56) Такое обвинение не должно быть возводимо опрометчиво; но оно подтверждается авторитетом Августина, который обращается к донатистам со следующими словами: "Quis nostrum, quis vestrum non laudat leges ab imperatoribus datas adversus sacrificia paganorum? Et certe longe ibi poena severior constituta est; illius quippe impletatis capitale supplicium est". Epist. 93, N 10; цитировано ле-Клерком (Bibliothèque Choisie, том VIII, стр.277), который присовокупляет некоторые основательные замечания о религиозной нетерпимости торжествующих христиан.

57) Орозий, кн.7, гл.28, стр.537. Августин (Ennarat. in Psalm. CXL, apud Ларднер, "Языческие Свидетельства", ч.IV, стр.458) издевается над их трусостью. "Quis eorum comprehensus est in sacrificio (cum his legibus ista prohiberentur) et non negavit?"

58) Либаний (Pro Templis, стр. 17, 18) говорит без порицаний об этой лицемерной покорности как о театральном представлении.

59) Либаний в заключение своей апологии (стр.32) объявляет императору, что если он не даст положительного приказа разрушать языческие храмы, то владельцы их сами будут защищать и свои права и законы.

60) Павлин, in Vit. Ambros., гл.26; Августин, de Civitat. Dei, кн. 5, гл.26. Феодорит, кн.5, гл.24.

61) Либаний указывает, в какой форме Феодосий мог бы издать эдикт о гонении (Pro Templis, стр.32): это была опрометчивая шутка, а попытка была бы опасна. Иные монархи последовали бы его совету.

62) Denique pro meritis terrestribus aequa rependens
Munera, sacricolis summos impertit honores

.....
Ipse magistratum tibi consulis, ipse tribunal
Contulit.

Пруденц. in Symmach. 1, 617 и сл.

(Здесь будет кстати напомнить читателю о сомнениях, высказанных Неандером касательно ссылки Симмаха. Он не только был консулом в 391г., но также был, в различные периоды своей жизни, городским

префектом, корректором в Лукании и Брутии, проконсулом в Африке и занимал сверх того некоторые другие должности, о которых упоминается в одной надписи, сделанной его сыном (Клинт. F.R. 1, 523). — *Издат.*

63) Либаний (Pro Templis, стр. 32) гордится тем, что Феодосий оказывал такое отличие человеку, который даже в его *присутствии* стал бы клясться Юпитером. Но это *присутствие*, как кажется, было не более как риторической фигурой.

64) Зосим, который сам себя называл комитом и экс-адвокатом казначейства, поносит в пристрастных и непристойных выражениях христианских монархов и даже отца своего государя. Это произведение, должно быть, тайно ходило по рукам, так как оно не подверглось нападкам со стороны церковных историков до Евагрия (кн. 3, гл.40-42), жившего в конце шестого столетия.

65) Однако африканские язычники жаловались на то, что в то время они не могли не стесняясь возражать на сочинение Августина, и сам Августин (V, 26) не опровергает этого обвинения.

66) Испанские мавры, в течение более ста лет втайне сохранявшие магометанскую религию под тиранией инквизиции, пользовались кораном и исключительным употреблением арабского языка. См. у Геддеса (*Смешанные произведения*, ч.1, стр.1-198) интересное и добросовестное описание их изгнания.

67) Paganos qui supersunt, guanguam jam nullos esse credames, etc. *Код.* Феодос., кн. 16, тит. 10, зак. 22, год 423 по Р.Х. Младший Феодосий впоследствии сознавался, что его мнение было в некоторой степени преждевременным.

68) См. Евнапия в жизнеописании софиста Эдезия; а в жизнеописании Евстафия он предсказывает гибель язычества, kai ti myfoides, kai haeides skotos tyrannesei ta epi qes kallista.

69) Кай (apud. Euseb. Hist. Eccles., кн. 2, гл.25), — римский пресвитер, живший во времена Зефирина, в 202-219, — свидетельствует ранее всех других об этих суеверных обыкновениях.

70) Златоуст. "Quod Christus sit Deus"; том 1, нов. изд. N 9. Я обязан этой цитатой пастырскому посланию Бонифация XIV по поводу юбилея 1750 года. См. интересные и занимательные письма г-на Шэ (Chais), том 3.

71) Male facit ergo Romanus episcopus? qui, super mortuorum hominum, Petri et Pauli, secundum nos, ossa veneranda... offert Domino sacrificia, et tumulos eorum, Christi arbitratur altaria (Иероним, том II, advers. Vigilant. стр.153).

72) Иероним (том II, стр.122) свидетельствует об этих перенесениях мощей, оставленных без внимания церковными историками. Страдания св. Андрея в Патрах описаны в послании ахайского духовенства; Бароний (Annal. Eccles. A.D. 60, N 34) допускает достоверность этого послания, а Тильемон отвергает ее. Св.Андрей был признан духовным основателем Константинополя (Mem. Eccles., том 1, стр.321-322, 588-594).

73) Иероним (том II, стр.122) высокопарно описывает перенесение останков Самуила, о котором упоминают все хроники того времени.

74) Пресвитер Вигилианций — этот протестант того времени — с энергией, хотя и безуспешно, протестовал против монашеских суе-

верий, против мощей, против святых, против постов и пр.; за это Иероним сравнивал его с Гидрой, с Цербером, с центavraми и пр. и считал его за орган демона (том II, стр.120-126). Кто познакомится с полемикой, которая велась между св. Иеронимом и Вигилиянием, и прочтет рассказ св.Августина о чудесах св.Стефана, тот скоро составит себе ясное понятие о духе отцов церкви.(Эта полемика заслуживает особого внимания, так как она служит иллюстрацией для самых характеристических особенностей того времени и для некоторых других интересных фактов. Вигилияний провинился в смертном грехе, потому что не разделял мнений Иеронима о безбрачии духовенства, о некоторых пунктах церковного благочиния и о тех предметах, о которых упоминает Гиббон. За это этот еретик был выставлен в самом черном цвете, какой только может быть придуман изобретательностью полемизаторов. Хотя он занимал в ту пору духовную должность в Испании, он был родом из Конвен — галльского округа, находившегося у подножия Пиренеев и носящего в настоящее время название Cominges. Существовало предание, что Помпей, возвращаясь из своего успешного похода в Испанию, водворил на этом месте колонию из своих пленников и дал ей упомянутое латинское название. Юлий Цезарь (De Bell. Civ., кн.3, гл.17) сделал неясный намек на договор, заключенный с какими-то необузданными бандитами, которые жили в пустынных местах среди Пиренеев.

В горячности полемического азарта Иероним воспользовался этими фактами для яростного нападения на своего противника: "Вигилияний достоин своего происхождения от сборища негодяев, которых Кн. Помпей поселил в Пиренейских горах, возвращаясь для празднования завоевания Испании, и которых он собрал в один город, получивший от него название Convenae" (Иерон. adv. Vig., том 1, стр.589). Это словоизвержение разгневавшегося святого было принято нашими классическими критиками, и между прочими Удендорпом и Анвиллем, за основательное историческое удостоверение такого факта, который был незнаком прежним писателям. Ни Страбон, ни Плиний ничего не слышали о таком происхождении Конвен. Первый из них собрал и записал все бывшие в ходу предания о ранней истории племен и городов; но об этом предмете он не говорит ни слова. Впрочем, он употребил одно выражение, которое, как кажется, может объяснить нам настоящее происхождение названия Конвен, так как он, вероятно, путешествовал по той стране. Он называет этот город (кн.4) *ton Konouenon synkeydon*; его издатели и комментаторы не знали, как объяснить это выражение, и предлагали сделать в нем некоторые изменения. Оно означает *confluvium*, слияние вод. В той местности очень много потоков, которые сбегают с высот Пиренеев и соединяются, образуя исток Гаронны. Целларий (том 1, стр.145) упоминает об *Aquae Convenarum* и о потоках, которые образуются в этой местности. Поэтому не следовало полагаться на те обманчивые доводы, на которые ссылался Иероним для удовлетворения своей злобы; латинское название *Convenae* и французское — *Cominges*, очевидно, были извращением слов *Coman* или *Covan*, которыми кельтские жители обозначили в той стране *слияние вод*. Их язык дал название и той реке, которая образовалась из этого слияния, так как *Гаронна* по-ихнему *Garwan* (см. *Gaillie Dietionary* Армст-

ронга), то есть *бурливые воды*, которые так живо и характеристично описаны Помпонием Мелой (кн. 3, гл.20. — *Издат.*).

75) Бособр (Hist du Manicheisme, том II, стр.648) придал мирское значение благочестивому замечанию смиренного духовенства, которое тщательно сохраняло мощи мученика св. Поликарпа.

76) Мартин Турский (см. его "Жизнеописание", написанное Сульпицием Севером, гл.8) вырвал это сознание из уст мертвого человека. Можно допустить, что ошибка была естественна, а ее открытие приписывают чуду. Но что из двух должно было случаться чаще?

77) Лукиан написал на греческом языке свой оригинальный рассказ, который был переведен Авитом и издан Баронием (Annal Eccles. A.D. 415, N 7-16). Бенедектинские издатели сочинений св. Августина поместили в конце сочинения "О граде Божиим" два различных текста с множеством вариантов. Ложь всегда отличается неясностью и непоследовательностью. Самые неправдоподобные части этой легенды были сглажены и смягчены Тильеконом (Mem Eccles. том II, стр.9 и сл.).

78) Налитая в склянку кровь св. Стефана ежегодно делалась жидкой в Неаполе, пока не была заменена кровью св. Януария (Рюинар, Hist. Persecut Vandal., стр.529).

79) Августин написал двадцать две части своего сочинения "О граде Божиим" в течение тринадцати лет, с 413 по 426 г. (Тильеком, Mem. Eccles., том XIV, стр.608 и сл.). Его ученость часто заимствована у других, а его аргументы большею частию принадлежат ему самому; но в целом его сочинение имеет достоинство великолепно задуманного плана, который исполнен с энергией и не без таланта. (Клинтон доказывает, что Августин был занят этим сочинением в течение семнадцати лет, с 411 по 428 год. См. F.H.I., стр.291; F.R.I., стр.465. — *Издат.*)

80) См. "О Граде Божиим" Августина, кн. 22, гл.22 и *Приложение*, заключающее две книги о чудесах св.Стефана и написанное епископом Узалиса Эводиом. Фрекульф (apud Баснаж Hist des Juifs, том VIII, стр.249) сохранил следующую галльскую или испанскую поговорку: "Кто будет уверять, что читал о всех чудесах св.Стефана, тот солжет".

81) Бурнэ (de Statu Mortuorum, стр.56-84) собрал мнения тех отцов церкви, которые утверждали, что человеческая душа спит или покоится до дня последнего суда. Затем он указывает (стр.91 и сл.), какие могли бы произойти неудобства, если бы она пользовалась более деятельным и более сознательным существованием.

82) Вигилианций помещал души пророков и мучеников или в лоне Авраама (in loco refrigerii), или под алтарем Божиим. Nec posse suis tumultis et ubi voluerunt adesse praesentes. Но Иероним (том II, стр.122) сырово порицает это *богохульство*. Tu Deo leges pones? Tu apostolis vincula injicies, ut usque ad diem judicii teneantur custodia, nec sint cum Domino suo; de quibus scriptum est, Sequuntur Agnum quocumque vadit. Si Agnus ubique, ergo, et hi qui cum Agno sunt, ubique esse credendi sunt. Et cum diabolus et daemones toto vagentur in orbe, etc.

83) Флери, Discours sur l'Hist. Ecclesiastique, III, стр.80.

84) На острове Минорке мощи св.Стефана обратили в христианство, в течение одной недели, пятьсот сорок жидов, впрочем, при помо-

щи некоторых благотворных строгостей, как-то: сожжение синагоги, изгнание упорных неверующих в горы, где им приходилось умирать с голоду, и пр. См. подлинное письмо Севера, бывшего епископом Минорки (ad calcem St. Augustin. de Civ.Dei) и основательное замечание Баснажа (том VIII, стр.245-251).

85) Юм (Essays, ч.2, стр.434), как настоящий философ, обращает внимание на натуральный прилив и отлив политеизма и деизма. (Такие переходы нельзя назвать натуральными движениями человеческого ума. Его стремление всегда вперед; если же он приостанавливается или отступает назад, то это всегда бывает результатом внешнего давления. Хотя бы он некоторое время и противился этому давлению безуспешно, он в конце концов все-таки одержит верх. — *Издат.*)

86) Д'Обинье (см. его собственные "Мемуары", стр.156-160) чисто-сердечно предлагал, с одобрения протестантского духовенства, принять за руководство верования первых четырех столетий. Кардинал Дю-Перрон выторговал еще сорок лет, на которые противная сторона имела неблагоразумие согласиться. Однако ни та ни другая сторона не могла бы удовольствоваться этой нелепой сделкой.

87) Способ поклонения, которого держались и которому поучали Тертуллиан, Лактанций, Арнобий и др., до такой степени чист и духовен, что их декламации против язычников иногда затрагивали священные обряды иудеев.

88) Манихей Фавст обвиняет католиков в идолопоклонстве: "Vertitis idola in martyres... quos votis similibus colitis". Бособр (Hist. Critique du Manichéisme, том II, стр.629-700), который, будучи протестантом, был вместе с тем философом, описал с беспристрастием и знанием дела введение *христианского идолопоклонства* в четвертом и пятом столетиях.

89) От Японии до Мексики повсюду встречаются одни и те же суеверия, которые не могли быть результатом подражания. Варбуртон схватился за эту мысль, но исказил ее, сделав ее слишком всеобщей и безусловной (Divine Legation, ч.IV, стр.126 и сл.).

90) Подражание язычеству служит сюжетом для интересного письма, написанного докт. Миддлтоном из Рима. Возражения Варбуртона заставили его связать (стр.120-132) историю обеих религий и доказать древность христианской копии. (Порабощение ума, к которому стремилась церковная иерархия в течение трех столетий, начинает теперь быстро обнаруживать свои неизбежные последствия. Такие грубые заблуждения и такие бесстыдные обманы были возможны только там, где отсутствие образования и тупоумное невежество подготовили к ним расслабленные умы. Это были заклепки и болты той пагубной цепи, с помощью которой руководившееся мирскими целями духовенство влекло порабощенные умы в варварство, из которого они старались выйти в течение восемнадцати столетий. Нибур имел полное основание сказать в заключение своего обзора наук и искусств во времена Феодосия (*Лекции*, ч.3, стр.327): "Невежество и равнодушие к литературе все более и более усиливались в среде высших классов общества, а воспоминания о старых временах совершенно утратились". Вот почему целое поколение было воспитано в таком повиновении своим поработителем, в таком умственном

бессилии и в такой беспомощности, что оказалось неспособным защищать свою родину и самих себя и смиренно преклонилось перед суровыми, грубыми, но мужественными врагами. Не следует забывать, что все это происходило задолго до вторжения тех необразованных народов, которых неосновательно выдавали за виновников мрака, в который человечество погрузилось на следующие тысячу лет. — *Издат.*)

Глава XXIX

Окончательное разделение Римской империи между сыновьями Феодосия. — Царствование Аркадия и Гонория. — Управление Руфина и Стилихона. — Восстание и поражение Гильдона в Африке.

Гений Рима умер вместе с Феодосием, который был последним из преемников Августа и Константина, появлявшихся на полях брани во главе своих армий, и власть которого была всеми признана на всем пространстве империи. Однако память о его доблестях некоторое время охраняла слабую и неопытную юность двух его сыновей. После смерти своего отца Аркадий и Гонорий были провозглашены, с единодушного одобрения всего мира, законными императорами Востока и Запада, и клятва в верности была с жаром принесена лицами всех званий: и сенаторами старого и нового Рима, и духовенством, и судьями, и солдатами, и народом. Аркадий, которому было в ту пору почти восемнадцать лет, родился в Испании, в скромном жилище частного человека. Но он получил царское воспитание в константинопольском дворце, и вся его бесславная жизнь прошла в этой мирной и великолепной столице, из которой он, по-видимому, царствовал над Фракией, Малой Азией, Сирией и Египтом, от Нижнего Дуная до пределов Персии и Эфиопии. Его младший брат Гонорий принял на одиннадцатом году от рождения номинальное управление Италией, Африкой, Галлией, Испанией и Британией, а войска, охранявшие границы его владений, имели дело, с одной стороны, с каледонцами, а с другой, с маврами. Обширная и населенная воинственным народом иллирийская префектура была разделена между двумя братьями; провинции Норик, Паннония и Далмация по-прежнему входили в состав Западной империи, но два больших округа, дакийский и македонский, охрана которых была поручена Грацианом Феодосию, были навсегда присоединены к Восточной империи. Граница Европы немногим отличалась от той, которая отделяет в настоящее время германцев от турок, и при этом окончательном и неизменном разделении Римской империи были добросовестно взвешены и уравновешены выгоды территории, богатства, населенности и во-

енной силы. Наследственный скипетр сыновей Феодосия, по видимому, принадлежал им и по праву рождения и по воле их отца; и полководцы и министры уже привыкли чтить в лице двух царственных юношей императорское достоинство, а опасный пример нового избрания не напоминал армии и народу об их правах и могуществе. Ни неспособность Аркадия и Гонория к делам управления, ни общественные бедствия их царствования не могли заглушить в сердцах их подданных глубоко запечатлевшиеся чувства преданности. Римские подданные, не переставая чтить личность или, скорей, имена своих государей, обратили свою ненависть на бунтовщиков, восстававших против верховной власти, и на министров, которые ею злоупотребляли¹⁾. Феодосий омрачил блеск своего царствования возвышением Руфина — отвратительного фаворита, который даже в веке гражданских и религиозных раздоров заслужил от всех партий обвинение во всевозможных преступлениях. Движимый сильным честолюбием и корыстолюбием²⁾, Руфин покинул свою родину в глухом уголке Галлии³⁾, чтобы искать счастья в столице Востока; будучи одарен бойким и находчивым красноречием⁴⁾, он с успехом подвизался на адвокатском поприще, а успех в этой профессии открыл ему доступ к самым почетным и важным государственным должностям. Он достиг шаг за шагом до звания министра двора.

При исполнении своих разнообразных обязанностей, столь существенно связанных со всей системой гражданского управления, он приобрел доверие монарха, который скоро заметил его усердие и деловые способности, но долго ничего не знал о его гордости, злости и сребролюбии. Эти пороки были скрыты под маской глубокого лицемерия⁵⁾; его страсти умолкали лишь для того, чтобы потакать страстям его повелителя; однако при страшном избиении жителей Фессалоник, жестокосердый Руфин разжигал гнев Феодосия, но не последовал примеру императора и не раскаялся. Он смотрел на все человечество с высокомерным презрением и никогда не прощал самой легкой обиды; а тот, кто был его личным врагом, утрачивал в его мнении все права, приобретенные своими заслугами. Главный начальник пехоты Промот спас империю от вторжения остготов, но Руфин с негодованием выносил первенство соперника, к характеру и убеждениям которого он питал презрение, и в публичном заседании совета

выведенный из терпения воин нанес фавориту удар в наказание за его непристойное высокомерие. Об этом акте насилия было доложено императору как о таком оскорблении, которого он не мог простить из уважения к собственному достоинству. Промот подвергся опале и ссылке; ему было приказано немедленно отправиться на службу на берега Дуная, а смерть этого военачальника (хотя он был убит в стычке с варварами) приписывалась коварству Руфина⁶⁾. Принесением в жертву героя Руфин удовлетворил свою жажду мщения, а отличия консульского звания еще более раздули его тщеславие; но его могущество было и неполно и непрочно, пока важные должности префектов восточного и константинопольского были заняты Татианом⁷⁾ и его сыном Прокулом, которые своим совокупным влиянием некоторое время сдерживали притязания и влияние министра двора. Оба префекта были обвинены в хищничестве и лихоимстве во время заведования министерствами юстиции и финансов. Суд над этими высокими преступниками император поручил особой комиссии; несколько судей были назначены для того, чтобы можно было разделить между ними виновность и порицания в несправедливости, но право постановить приговор было предоставлено одному председателю комиссии, а этим председателем был сам Руфин. Отставленный от должности восточного префекта отец был заключен в тюрьму; но его сын спасся бегством, зная, что не много найдется министров, способных доказать свою невинность, когда судьей над ними назначен их недруг; тогда Руфин, не довольствуясь гибелью того из двух министров, который был менее для него ненавистен, прибегнул к самым низким и неблагородным хитростям. Следствие производилось, по-видимому, с таким беспристрастием и такой мягкостью, что Татиан льстил себя надеждой на благоприятный исход дела; его уверенность была усилена формальными заявлениями и вероломными клятвами председателя, который дозволил себе замешать в это дело священное имя самого Феодосия, и несчастный отец наконец склонился на убеждения вызвать частным письмом бежавшего сына. Прокул был тотчас арестован и с такой торопливостью подвергнут допросу, осужден и обезглавлен в одном из константинопольских предместий, что не успел прибегнуть к милосердию императора. Без всякого сострадания к сенатору-консуляру жестосердые судьи Татиана заставили

его присутствовать при казни сына; на его собственную шею была надета роковая веревка, но в ту минуту, когда он ждал и, может быть, желал смерти, чтобы скорей избавиться от своих страданий, ему было дозволено провести остальные годы старости в бедности и в изгнании⁸⁾.

Для наказания двух префектов, быть может, и нашлось бы какое-нибудь оправдание в их собственных ошибках или заблуждениях, а неприязнь, которую питал к ним Руфин, можно приписать свойственной всем честолюбцам зависти и недоверчивости. Но Руфин обнаружил мстительность, несовместимую ни с благоразумием, ни со справедливостью, когда лишил их родину Ликийю ранга римской провинции, заклеил позором ее невинное население и объявил, что соотечественники Татиана и Прокула всегда будут считаться неспособными занимать какие-либо почетные или выгодные должности под императорским управлением⁹⁾. Впрочем, самые преступные предприятия не могли отвлечь нового восточного префекта (так как Руфин тотчас заменил своего соперника в его почетных должностях) от исполнения религиозных обязанностей, которое считалось в ту пору существенно необходимым для спасения души. В одном из предместий Халкидона, прозванном "Дубом", он построил роскошную виллу и рядом с нею великолепную церковь, которая была освящена во имя апостолов св.Петра и св. Павла и в которой правильно организованное общество монахов постоянно занималось молитвами и покаянием. Почти все восточные епископы были созваны для того, чтобы торжественно совершить и освящение церкви и крещение ее основателя. Эта двойная церемония отличалась необыкновенной пышностью, и когда Руфин очистился в купели от всех совершенных им до той поры преступлений, какой-то почтенный египетский отшельник опрометчиво предложил высокомерному и честолюбивому министру принять на себя обязанности его крестного отца¹⁰⁾. Личные достоинства Феодосия налагали на его министра обязанность лицемерить, которая иногда прикрывала, а иногда и сдерживала злоупотребление властью, и Руфин опасался вывести из усыпления нерадивого монарха, который еще был способен проявить те дарования и добродетели, которым он был обязан императорским престолом¹¹⁾. Но сначала отсутствие, а потом смерть императора укрепили абсолютную власть Руфина над личностью и владениями Арка-

дия — слабого юноши, к которому надменный префект относился не как к своему государю, а как к своему воспитаннику. Не обращая никакого внимания на общественное мнение, он с тех пор стал предаваться своим страстям без угрызений совести и без всякого с чьей-либо стороны сопротивления, а его злобная и корыстолюбивая душа была недоступна для тех страстей, которые могли бы содействовать его собственной славе или счастью народа. Его алчность¹²⁾, по-видимому, преобладавшая в его развратной душе над всеми другими чувствами, притягивала в его руки богатства Востока при помощи разнообразных вымогательств, как частных, так и общих, — при помощи притеснительных налогов, позорных взяток, чрезмерных денежных штрафов, несправедливых конфискаций, принудительных или подложных завещаний, отнимавших законное наследство у детей чужеземцев или его личных врагов, и заведенной им в константинопольском дворце публичной продажи правосудия и милостей. Честолюбец жертвовал большею частию своего наследственного состояния, чтобы купить этой ценой почетную и выгодную должность управляющего какой-нибудь провинции; жизнь и состояние несчастных жителей предоставлялись произволу того, кто давал высшую цену, а чтобы успокоить общее раздражение, иногда приносился в жертву какой-нибудь непопулярный преступник, наказание которого было выгодно только для его сообщника и его судьи — восточного префекта. Если бы алчность не была самая слепая из всех человеческих страстей, мотивы такого образа действий Руфина могли бы возбудить в нас любопытство, и мы постарались бы доискаться, с какой целью он нарушал все принципы человеколюбия и справедливости, накапливая такие громадные богатства, которых он не мог бы истратить на себя, если б не совершал никаких безрассудств, и которых он не мог бы сохранить, не подвергаясь опасности. Быть может, он воображал, что делает это для пользы своей единственной дочери, которую он намеревался выдать замуж за своего царственно-го воспитанника и сделать восточной императрицей. Быть может, он обманывал самого себя, думая, что его алчность доставит ему средства для удовлетворения его честолюбия. Он желал утвердить свое высокое положение на таком прочном и самостоятельном фундаменте, который не зависел бы от прихоти юного императора, а между тем он не старался

приобрести любовь солдат и народа щедрой раздачей тех сокровищ, которые он накопил таким трудом и такими преступлениями.

Чрезмерная бережливость Руфина лишь навлекла на него зависть и обвинения в том, что его богатства нечестно нажиты; его подчиненные служили ему без преданности, и общая к нему ненависть сдерживалась лишь раболепным страхом. Участь, постигшая Лукиана, дала знать всему Востоку, что хотя его префект стал менее усердно заниматься делами, он еще был неутомим в удовлетворении своей мстительности. Сын префекта Флоренция, тирана Галлии и Юлианова врага, Лукиан употребил значительную часть своего наследственного состояния, нажитого хищничеством и лихоимством, на то, чтобы купить дружбу Руфина и важную должность восточного комита. Но новый сановник имел неосторожность уклониться от принципов двора и того времени; он оскорбил своего благодетеля контрастом справедливой и воздержной администрации и не захотел совершить одной несправедливости, которая могла бы доставить выгоды дяде императора. Аркадия было нетрудно убедить, что ему нанесено оскорбление, которое нельзя оставлять безнаказанным, и восточный префект решил лично привести в исполнение жестокое отмщение, которое он задумал против неблагодарного делегата, которому он уделил часть своей власти. Он проехал, не останавливаясь, семь или восемь сотен миль, отделяющих Константинополь от Антиохии, прибыл в столицу Сирии во время мертвой ночной тишины и навел страх на жителей, не знавших цели его приезда, но хорошо знавших его характер. Комита пятнадцати восточных провинций притащили, как самого низкого преступника, на суд к Руфину. Несмотря на самые ясные доказательства его бескорыстия и несмотря на то, что не нашлось ни одного человека, который обвинил бы его в противном, Лукиан был приговорен, почти без всякого судебного разбирательства, к жестокому и позорному наказанию. По приказанию и в присутствии тирана исполнители его воли били Лукиана по шее кожаными ремнями, на конце которых был прикреплен свинец, а когда этот несчастный упал от боли в обморок, его унесли на закрытых носилках для того, чтобы негодующее население не могло видеть его агонии. Лишь только Руфин совершил этот бесчеловечный поступок, который был единственной целью его поездки, он

возвратился из Антиохии в Константинополь, сопровождаемый тайными и безмолвными проклятиями испуганного народа, а его торопливость была усилена надеждой, что можно будет немедленно приступить к бракосочетанию его дочери с императором Востока¹³⁾.

Но Руфин скоро узнал по опыту, что предусмотрительный министр должен постоянно опутывать своего царственного пленника крепкими, хотя и не заметными для глаз узами привычки и что его достоинства, а тем более оказанное ему милостивое доверие, очень скоро изглаживаются в его отсутствие из памяти слабого и своенравного государя. В то время как префект удовлетворял в Антиохии свою жажду мщения, заговор любимых евнухов, под руководством главного придворного Евтропия, поколебал его влияние в константинопольском дворце. Заговорщики убедились, что Аркадий не чувствовал любовного влечения к дочери Руфина, которая была избрана ему в невесты без его согласия, и постарались заменить ее прекрасной Евдокией, дочерью состоявшего на римской службе франкского военачальника Бото¹⁴⁾, которая воспитывалась, после смерти своего отца, в семействе сыновей Промота. Юный император, целомудрие которого строго охранялось заботливыми попечениями его воспитателя Арсения¹⁵⁾, с жадностью прислушивался к лукавым и льстивым описаниям прелестей Евдокии: он с пылом страсти любовался на ее портрет и понимал необходимость скрывать свои любовные замыслы от министра, так сильно заинтересованного в том, чтобы они не были приведены в исполнение. Вскоре после возвращения Руфина о предстоящей церемонии императорского бракосочетания было объявлено жителям Константинополя, которые приготовились приветствовать возвышение дочери префекта притворными выражениями радости. Блестящие ряды евнухов и придворных вышли со свадебной пышностью из ворот дворца, неся на руках диадему, одеяния и драгоценные украшения будущей императрицы. Торжественная процессия шла по улицам, которые были украшены гирляндами и наполнены зрителями; но когда она поравнялась с домом сыновей Промота, главный евнух почтительно вошел в него, надел на прекрасную Евдокию императорские одеяния и с торжеством проводил ее до дворца и до спальни Аркадия¹⁶⁾. Тайна и успех, с которыми был веден этот заговор против Руфина, сделались неисчерпаемым ис-

точником насмешек над министром, который не сумел убе- речья от обмана, находясь на таком посту, где искусство об- манывать и притворяться считается за самое выдающееся до- стоинство. С негодованием и страхом смотрел он на торжест- во честолюбивого евнуха, втайне снискавшего милостивое расположение его государя, а унижение его дочери, интере- сы которой были неразрывно связаны с его собственными, ос- корбляло отцовскую нежность или, по меньшей мере, гор- дость Руфина. В ту самую минуту, когда он надеялся сде- латься родоначальником длинного ряда монархов, посторон- няя девушка, воспитанная в доме его непримиримых врагов, делается супругой императора; к тому же Евдокия скоро проявила такой здравый смысл и такую энергию, которые упрочили влияние ее красоты на ум ее молодого и влюблен- ного супруга. Император, конечно, скоро стал бы ненави- деть, бояться и стараться погубить могущественного поддан- ного, которого он оскорбил, а сознание своих преступлений лишало Руфина надежды найти безопасность или спокойст- вие в уединенной жизни частного человека. Однако в его ру- ках еще была такая сила, что он мог бы отстоять свое досто- инство и даже раздавить своих врагов. Префект еще пользо- вался неограниченной властью над гражданским и военным управлением Востока, а если бы он решился употребить в де- ло свои сокровища, они могли бы доставить ему надлежащие средства для исполнения самых преступных замыслов, какие только могут быть внушены доведенному до отчаяния мини- стру гордостью, честолюбием и желанием отомстить за себя. Характер Руфина, по-видимому, придавал вероятие обвине- ниям, что он замышлял гибель своего государя с целью за- нять после его смерти вакантный престол и что он втайне по- ошрял гуннов и готов вторгнуться в империю, чтобы этим усилить внутреннюю неурядицу. Хитрый префект, проведен- ший всю свою жизнь в дворцовых интригах, отражал ковар- ные происки евнуха Евтропия таким же оружием, но он со- вершенно оробел при известии о приближении более грозно- го соперника — военачальника или, скорей, повелителя За- падной империи великого Стилихона ¹⁷⁾.

Высокое счастье быть воспетым поэтом, способным прос- лавлять подвиги героев, выпало на долю Ахилла и возбужда- ло зависть в Александре, а Стилихон наслаждался им в та- кой мере, которой едва ли можно было ожидать при упадке

творческого гения и искусства. Преданная ему муза Клавдиана ¹⁸⁾ всегда была готова клеймить вечным позором его врагов Руфина и Евтропия и описывать самыми блестящими красками победы и доблести своего могущественного благодетеля. При обзоре такого периода, который беден достоверными источниками, мы вынуждены освещать летописи царствования Гонория сатирами или панегириками современно-го писателя; но так как Клавдиан, как кажется, пользовался самыми широкими привилегиями и поэта и царедворца, то мы должны прибегнуть к помощи критики, чтобы перевести язык вымысла и преувеличения на правдивую и безыскусственную историческую прозу. Его молчание касательно рода Стилихона может быть принято за доказательство того, что его патрон и не мог и не желал хвастаться длинным рядом знаменитых предков, а легкое упоминание о том, что отец Стилихона был офицером варварской кавалерии, находившейся на службе у Валента, по-видимому, подтверждает мнение, что полководец, так долго командовавший римскими армиями, происходил от дикого и вероломного племени вандалов ¹⁹⁾.

Если бы Стилихон на самом деле и не обладал внешними отличиями физической силы и высокого роста, самый льстивый бард не осмелился бы утверждать, в присутствии стольких тысяч очевидцев, что он был выше древних полубогов и что, когда он величаво проходил по улицам столицы, удивленная толпа сторонилась перед чужеземцем, который, будучи частным человеком, держал себя с величием героя. С ранней молодости он посвятил себя военному ремеслу; он скоро отличился на поле битвы своим благоразумием и мужеством; восточные всадники и стрелки из лука восхищались его необыкновенной ловкостью, и при каждом повышении его по службе общее мнение предупреждало и одобряло выбор монарха. Феодосий возложил на него заключение мирного договора с персидским монархом; при исполнении этого важного поручения он поддержал достоинство римского имени, а когда он возвратился в Константинополь, его заслуги были награждены близким родственным союзом с императорским семейством. Феодосий, из братской привязанности, принял на себя обязанности родного отца по отношению к дочери своего брата Гонория; красота и совершенства Серены ²⁰⁾ были предметом общих похвал при раболепном дво-

ре, и Стилихон был предпочтен всем соперникам, из честолюбия добивавшимся руки принцессы и милостивого расположения ее приемного отца ²¹⁾.

Уверенность, что муж Серены будет верным слугой монарха, принявшего его в свое родство, побудила императора возвысить положение Стилихона и употребить в дело его благоразумие и неустрашимость. Пройдя должности начальника кавалерии и главы дворцовой прислуги, Стилихон возвысился до звания главного начальника всей кавалерии и пехоты римской или, по меньшей мере, Западной империи ²²⁾, и даже его враги признавались, что он никогда не продавал на вес золота наград, принадлежавших заслугам, и никогда не присваивал жалованья и денежных раздач, которые назначались солдатам ²³⁾. Мужество и искусство, с которыми он впоследствии защищал Италию от нападений Алариха и Радагайса, оправдали славу его ранних подвигов и в таком веке, который был менее нашего взыскателен в вопросах чести и личного достоинства, римские полководцы могли охотно уступить первенство ранга превосходству гения ²⁴⁾. Стилихон оплакивал смерть своего соперника и друга Промота и отомстил за нее, а умерщвление нескольких тысяч спасавшихся бегством бастарнов выдается поэтом за кровавую жертву, которую римский Ахилл принес манам другого Патрокла. Доблести и победы Стилихона навлекли на него ненависть Руфина, и клевета, быть может, достигла бы своей цели, если бы нежная и бдительная Серена не оберегала своего супруга от внутренних врагов в то время, как он побеждал на поле битвы врагов империи ²⁵⁾. Феодосий не переставал поддерживать недостойного министра, усердию которого он поручил управление дворцом и всем Востоком; но когда он выступил в поход против тирана Евгения, он захотел разделить с своим преданным полководцем труды и трофеи междоусобной войны, а в последние минуты своей жизни умирающий монарх возложил на Стилихона заботу о своих сыновьях и о республике ²⁶⁾. Ни честолюбие, ни дарования Стилихона не были ниже такой важной задачи, и он заявил притязание на звание регента обеих империй на время малолетства Аркадия и Гонория ²⁷⁾. Первые дела его управления или, верней, его царствования обнаружили энергию и предприимчивость человека, достойного верховой власти. Он перешел через Альпы среди зимы, спустился по Рейну от крепости Базеля

до болот Батавии, осмотрел положение гарнизонов, сдержал предприимчивость германцев и, утвердив вдоль берегов реки прочный и почетный мир, возвратился с невероятной быстротой в миланский дворец ²⁸⁾. И личность и двор Гонория подчинялись главному начальнику Запада, а европейские армии и провинции без колебаний повиновались законной власти, которой Стилихон пользовался от имени их юного государя. Только два соперника не признавали прав Стилихона и вызывали его на мщение. В Африке мавр Гильдон удерживал надменную и опасную независимость, а константинопольский министр присвоил себе такую же власть над восточным императором и Восточной империей, какая принадлежала Стилихону на Западе.

Беспристрастие, которого желал держаться Стилихон в качестве опекуна над обоими монархами, заставило его поровну разделить оставшиеся после покойного императора оружие, драгоценные камни, мебель и великолепный гардероб ²⁹⁾. Но самую важную часть наследства составляли многочисленные легионы, когорты и римские или варварские эскадроны, соединившиеся под знаменем Феодосия вследствие успешного окончания междоусобной войны.

Эти разнохарактерные отряды европейцев и азиатов, еще так недавно воспламенявшиеся взаимной враждой, преклонились перед авторитетом одного человека, а введенная Стилихоном строгая дисциплина оберегала граждан от хищничества своевольных солдат ³⁰⁾. Однако, желая как можно скорее избавить Италию от присутствия этих страшных гостей, которые могли бы сделаться полезными лишь на границах империи, он уважил основательные требования Аркадиева министра, объявил о своем намерении лично отвести на место восточные войска и ловко воспользовался слухами о мятеже готов, чтобы скрыть свои тайные замыслы, внушенные и честолюбием и жадой мщения ³¹⁾. Преступная душа Руфина была встревожена приближением воина и соперника, ненависть которого он вполне заслужил; его страх все усиливался; он соображал, как мало времени ему остается жить и наслаждаться своим величием, и прибегнул, как к последнему средству спасения, к вмешательству императора Аркадия. Стилихон, как кажется, подвигавшийся вперед вдоль берегов Адриатического моря, уже был недалеко от города Фессалоники, когда получил безусловные приказания императора,

который отзывал восточные войска и объявлял ему, что, если он сам приблизится к столице, византийский двор сочтет это за неприязненное действие. Поспешное и неожиданное повиновение западного военачальника убедило всех в его преданности и умеренности, а так как он уже заручился привязанностью восточных войск, то он поручил им исполнение своего кровавого замысла, который мог быть осуществлен в его отсутствие с меньшей опасностью и, быть может, с меньшим позором. Стилихон передал главное начальство над восточными войсками готу Гайне, на преданность которого он твердо полагался, и был, по меньшей мере, уверен, что смелый варвар не откажется от своего намерения из страха или от угрызений совести. Солдат было не трудно склонить к наказанию того, кто был врагом Стилихона и Рима, и такова была общая ненависть, которую внушил к себе Руфин, что роковая тайна, вверенная тысячам солдат, хранилась в продолжение длинного перехода от Фессалоник до ворот Константинополя.

Лишь только они решились убить Руфина, они стали льстить его гордости; честолюбивый префект увлекся надеждой, что эти могущественные союзники, быть может, согласятся возложить на его голову диадему, а сокровища, которые он стал раздавать слишком поздно и не совсем охотно, принимались этими негодующими людьми скорей за оскорбление, чем за подарок. Войска остановились на расстоянии одной мили от столицы, на Марсовом поле, перед Гебдомонским дворцом, и, согласно с старинным обыкновением, император появился в сопровождении своего министра для того, чтобы почтительно приветствовать силу, поддерживавшую его трон. В то время как Руфин проезжал вдоль рядов, скрывая под притворной приветливостью свое врожденное высокомерие, правое и левое крыло мало-помалу сомкнулись, так что обреченная на смерть жертва оказалась окруженной со всех сторон. Руфин еще не успел сообразить, как опасно его положение, когда Гайна подал сигнал к убийству; один из самых смелых и на все готовых солдат вонзил свой меч в грудь преступного префекта; Руфин со стоном упал к ногам испуганного императора и испустил дух. Если бы минутные предсмертные страдания могли искупать преступления всей жизни или если бы оскорбления, наносимые бездыханному трупу, могли возбуждать в нас сострадание, наше человеко-

любие, быть может, было бы возмущено отвратительными сценами, которыми сопровождалось умерщвление Руфина. Его изуродованное тело было предоставлено зверской ярости жителей обоего пола, которые толпами стеклись из всех частей города для того, чтобы попирать ногами бранные останки надменного министра, так еще недавно наводившего на них страх одним своим взглядом. Его правую руку отрезали и в насмешку несли по улицам Константинополя как будто для сбора пожертвований в пользу алчного тирана, голова которого была надета на длинное копье и выставлена перед публикой ³²⁾. По бесчеловечным правилам, существовавшим в греческих республиках, его невинное семейство должно было понести вместе с ним наказание за его преступления. Но жена и дочь Руфина были обязаны своим спасением влиянию религии. Ее святилище охранило их от яростного бешенства народа, и им было дозволено провести остальную жизнь в делах христианского благочестия в мирном убежище Иерусалима ³³⁾.

Раболепный панегирист Стилихона превозносит со свирепым восторгом отвратительное дело, которое хотя, быть может, и удовлетворяло требования справедливости, но нарушало все законы природы и общества, унижало величие монарха и снова подавало опасный пример солдатского своеволия. Созерцание порядка и гармонии, господствующих во всей вселенной, убедило Клавдиана в существовании Божества, но безнаказанность, порока, по-видимому, была несовместима с нравственными атрибутами этого Божества, и одна только гибель Руфина была способна рассеять религиозные сомнения поэта ³⁴⁾. Но если умерщвление префекта и могло считаться отмщением за честь Провидения, оно не много содействовало благосостоянию народа. Менее чем через три месяца после того принципы нового управления сказались в странном эдикте, который отбирал в государственную казну все состояние Руфина и, под страхом строгих наказаний, запрещал подданным Восточной империи предъявлять какие-либо иски к имуществу грабившего их тирана ³⁵⁾. Даже Стилихон не извлек из умерщвления своего соперника той пользы, какую ожидал, и хотя он удовлетворил свою жажду мщения, он обманулся в своих честолюбивых расчетах. Слабому Аркадию нужен был властелин, носящий название фаворита; но он, естественно, предпочитал раболеп-

ное ухаживание евнуха Евтропия, успевшего внушить ему доверие, в том, что касалось его домашней жизни, а суровый гений чужеземного полководца внушал императору страх и отвращение. Меч Гайны и прелести Евдокии поддерживали влияние главного камергера до тех пор, пока их не разъединила борьба из-за власти; вероломный гот, получив главное военное командование на Востоке, изменил, без угрызений совести, интересам своего благодетеля, и те же самые войска, которые незадолго перед тем убили Стилихонова врага, стали защищать против того же Стилихона самостоятельность константинопольского престола. Фавориты Аркадия стали вести тайную и непримиримую войну против грозного героя, который хотел быть правителем и защитником обеих римских империй и обоих сыновей Феодосия. Путем тайных и коварных интриг они постоянно старались лишить его доверия монарха, уважения народа и дружбы варваров. На жизнь Стилихона не раз покушались наемные убийцы, а константинопольский сенат склонился на убеждения издать декрет, который объявлял его врагом государства и приказывал конфисковать его обширные поместья в восточных провинциях. В такое время, когда разрушение Римской империи могло бы быть приостановлено лишь прочным согласием и взаимным содействием всех народов, мало-помалу вошедших в ее состав, подданные Аркадия и Гонория научились от своих правителей относиться друг к другу безучастно и даже враждебно, научились радоваться бедствиям одни других и считать своими верными союзниками варваров, которых они подстрекали к вторжению на территорию своих соотечественников ³⁶⁾.

Итальянские уроженцы делали вид, будто презирают раболепных и изнеженных византийских греков, которые усвоили себе одеяние и незаконно присвоили звание римских сенаторов ³⁷⁾, а греки, со своей стороны, еще не позабыли, с какой ненавистью и каким презрением долго относились их образованные предки к грубым жителям Запада. Разъединение между двумя правительствами, которое скоро привело к разъединению между двумя нациями, дает мне право приостановить на время изложение византийской истории и описать, без перерыва, постыдное, но достопамятное царствование Гонория.

Осторожный Стилихон, вместо того чтобы навязываться со

своим покровительством к монарху и к народу, которые отталкивали его от себя, благоразумно оставил Аркадия на произвол его недостойных фаворитов, а его нежелание вовлекать две империи в междуусобную войну свидетельствует о сдержанности министра, так часто выдававшего в блестящем свете свое мужество и свои воинские дарования. Но если бы Стилихон долее оставлял безнаказанным восстание Африки, он рисковал бы безопасностью столицы и унизил бы величие западного императора перед своенравной наглостью мавританского бунтовщика. Брат тирана Фирма Гильдон (38) получил в награду за свою притворную преданность огромное состояние, которое было отобрано у его семейства в наказание за измену; продолжительная и полезная служба в римских армиях возвысила его до звания военного комита; близорукая политика Феодосиева двора усвоила вредный принцип опираться на интересы влиятельных семейств для того, чтобы поддерживать легальное правительство, и брат Фирма был назначен главным начальником войск в Африке. Из честолюбия он присвоил себе безотчетное и бесконтрольное заведование юстицией и финансами и в течение своего двенадцатилетнего управления удерживал за собою должность, с которой нельзя было его сместить, не подвергаясь опасностям междуусобной войны. В течение этих двенадцати лет африканская провинция стонала под владычеством тирана, по-видимому, соединявшего в себе бесчувственность иностранца с пристрастием и мстительностью, которые бывают последствием внутренних раздоров. Исполнение законов часто заменялось употреблением яда, а если дрожавшие от страха гости, приглашенные к столу Гильдона, позволяли себе обнаружить свои опасения, такая дерзкая подозрительность лишь разжигала его ярость и он громко призывал палачей.

Гильдон удовлетворял попеременно то свое корыстолюбие, то свои похоти (39), и если его дни были страшны для богатей, его ночи были не менее страшны для мужей и отцов семейств. Самые красивые из их жен и дочерей, удовлетворив страсть тирана, делались жертвами отряда свирепых варваров и убийц, набранных между черными или смуглыми жителями пустыни, которых Гильдон считал единственной опорой своей власти. Во время междуусобной войны между Феодосием и Евгением комит или, верней, государь Африки держался гордого и подозрительного нейтралитета, отказал обе-

им борющимися сторонам в помощи войсками или кораблями, выжидал приговора фортуны и поберег для победителя свои притворные уверения в преданности. Такие уверения не удовлетворили бы повелителя Римской империи, но смерть Феодосия, а затем слабость и раздоры его сыновей упрочили власть мавра, который снизошел до того, что в доказательство своей умеренности воздержался от употребления диадемы и не переставал доставлять в Рим обычную подать, заключающуюся в хлебных запасах. При всяком дележе империи пять африканских провинций всегда присоединялись к владениям западного императора, и Гильдон изъявил готовность управлять этой обширной страной от имени Гонория; но когда он ознакомился с характером и с намерениями Стилихона, он решился признать над собой верховую власть более отдаленного от него и более слабого монарха. Министры Аркадия приняли сторону вероломного мятежника, а обманчивая надежда присоединить к Восточной империи многочисленные африканские города побудила их заявить такие притязания, которых они не были в состоянии поддержать ни аргументами, ни оружием ⁴⁰⁾.

Стилихон твердо и решительно отверг притязания византийского двора и затем предал африканского тирана суду того трибунала, который когда-то был судьей над царями и народами всего мира; таким образом, после продолжительного перерыва снова ожило в царствование Гонория воспоминание о республике. Император сообщил римскому сенату подробное и пространное описание жалоб местного населения и преступлений Гильдона и предложил членам этого почтенного собрания произнести приговор над бунтовщиком. Они единогласно признали Гильдона врагом республики, и сенатский декрет придал законную санкцию римскому оружию ⁴¹⁾. Народ, еще не позабывший, что его предки были властителями всего мира, порадовался бы с сознательной гордостью этому напоминанию о старинных вольностях, если бы давно уже не привык предпочитать обеспеченную доставку хлеба мимолетным мечтам о свободе и величии. Но продовольствие Рима зависело от урожая в Африке, а объявление войны, очевидно, привело бы к голоду. Председествовавший на сенатских совещаниях префект Симмах сообщил министру свои основательные опасения, что, лишь только мстительный мавр запретит вывоз хлеба, спокойствию и, быть может,

безопасности столицы будет угрожать ярость мятежной черни, раздраженной голодом ⁴²⁾. Предусмотрительный Стилихон немедленно принял самые действительные меры для удовлетворения народных нужд. Обильные запасы хлеба, заготовленные внутри галльских провинций, были нагружены на суда, спущены вниз по быстрому течению Роны и затем доставлены морем из Роны в Тибр. В течение всей африканской войны хлебные магазины Рима были постоянно наполнены, его достоинство было избавлено от унижительной зависимости, и умы громадного населения были успокоены уверенностью в безопасности и достатке ⁴³⁾.

Стилихон возложил защиту римских интересов и ведение африканской войны на предприимчивого полководца, горевшего нетерпением выместить на тиране свои личные обиды. Дух раздора, господствовавший в семействе Набала, возбудил непримиримую вражду между двумя его сыновьями, Гильдоном и Маскецелем ⁴⁴⁾. Узурпатор преследовал с неумолимой яростью своего младшего брата, наводившего на него страх своим мужеством и дарованиями, и Маскецель, не будучи в состоянии бороться с ним, искал убежища при миланском дворе; там получил он страшное известие, что двое его невинных и беззащитных детей были умерщвлены их бесчеловечным дядей. Горесть отца умолкла только перед жадой мщенья. Бдительный Стилихон уже собирал морские и военные силы Западной империи и решился лично выступить против тирана в случае, если бы он был способен оказать упорное сопротивление. Но так как Италия требовала его присутствия и так как было бы опасно ослаблять пограничные гарнизоны, он нашел более уместным, чтобы Маскецель попытался исполнить трудную задачу во главе отборного отряда галльских ветеранов, служивших незадолго перед тем под знаменем Евгения. Эти войска, призванные доказать перед целым миром, что они способны ниспровергнуть трон узурпатора, точно так же, как они были способны его поддерживать, состояли из легионов *Юпитерского*, *Геркулианского* и *Августова*, из *нервийских* союзников, из солдат, выставлявших на своих знаменах изображение льва, и из тех отрядов, которые носили многообещающие названия *Счастливых* и *Непобедимых*. Но так был незначителен их состав или так велика была трудность пополнять их новыми рекрутами, что эти семь отрядов ⁴⁵⁾, пользовавшиеся на рим-

ской службе большими отличиями и прекрасной репутацией, представляли не более пяти тысяч человек ⁴⁶⁾.

Флот, состоявший из галер и транспортных судов, вышел в бурную погоду из гавани Пизы, в Тоскане, и направился к маленькому острову Капрарии, получившему это название от своих первоначальных обитательниц, диких коз, место которых было в ту пору занято новой колонией, имевшей странную и дикую внешность. "Весь этот остров, — говорит один остроумный путешественник того времени, — наполнен или, скорей, осквернен людьми, которые избегают дневного света. Они сами себя называют *монахами*, или отшельниками, потому что живут в уединении и не хотят, чтобы кто-нибудь был свидетелем того, чем они занимаются. Они не ищут даров фортуны из опасения утратить их и, чтобы избежать несчастий, добровольно обрекают себя на жизнь в нищете. Как нелеп их вкус! Как извращен их разум! Разве может бояться несчастий тот, кто не способен наслаждаться радостями человеческой жизни. Или это меланхолическое сумасбродство происходит от физической болезни, или же сознание своей виновности заставляет этих несчастных людей подвергать себя тем мучениям, на которые правосудие обрекает беглых рабов" ⁴⁷⁾. Таково было презрение светского должностного лица к монахам Капрарии, в которых благочестивый Маскецель видел избранных служителей Божьих ⁴⁸⁾. Некоторые из них согласились на его просьбу отплыть вместе с ним, и, в похвалу римскому полководцу, было замечено, что он проводил дни и ночи в молитвах, посте и пении псалмов. Благочестивый военачальник, которому такие подкрепления, по-видимому, внушили уверенность в победе, обошел опасные скалы Корсики, проплыл вдоль восточного берега Сардинии и уберег свои суда от стремительности южных ветров, бросив якорь в безопасной и обширной гавани Кальяри, на расстоянии ста сорока миль от берегов Африки ⁴⁹⁾.

Гильдон приготовился отразить нападение со всеми военными силами Африки. Щедрыми подарками и обещаниями он старался укрепить сомнительную преданность римских солдат и в то же время привлекал под свои знамена отдаленные племена Гетулии и Эфиопии. Он сделал смотр своей семидесятитысячной армии и хвастался с той опрометчивой самонадеянностью, которая служит предвестницей беды, что его многочисленная кавалерия растопчет войска Маскецеля

под ногами своих коней и засыплет тучами жгучего песку уроженцев холодных стран Галлии и Германии ⁵⁰⁾. Но мавр, командовавший легионами Гонория, был хорошо знаком с нравами своих соотечественников и потому не боялся бесчинных скопищ полуодетых варваров, у которых левая рука была прикрыта вместо шлема одним плащом, которые оставались совершенно безоружными, после того как они пустили правой рукой свои дротики, и у которых лошади не были приучены выносить стеснение узды или повиноваться ее движениям. Со своими пятью тысячами ветеранов он стал лагерем в виду более многочисленного неприятеля и после трехдневного отдыха подал сигнал к решительной битве ⁵¹⁾. Выехав вперед с предложениями мира и помилования, Маскецель повстречался с одним из передовых африканских знаменосцев и на его отказ подчиниться ударил его мечом по руке. Удар был так силен, что рука и знамя опустились, и это воображаемое изъявление покорности было поспешно повторено всеми знаменосцами вдоль неприятельских рядов. По этому сигналу недовольные когорты провозгласили имя своего законного государя; варвары, пораженные удивлением при виде измены своих римских союзников, обратились в бегство и рассеялись, по своему обыкновению, в совершенном беспорядке, и Маскецель одержал легкую победу почти без пролития крови ⁵²⁾.

Тиран бежал с поля битвы к морскому берегу и бросился на небольшой корабль в надежде безопасно добраться до какого-нибудь из портов дружески расположенной к нему Восточной империи; но сильный противный ветер загнал его назад в гавань города Табраки ⁵³⁾, признавшего вместе с остальной провинцией верховенство Гонория и власть его заместителя. В доказательство своего раскаяния и преданности жители задержали Гильдона и заключили его в тюрьму, а его собственное отчаяние спасло его от невыносимого унижения предстать перед оскорбленным и победоносным братом ⁵⁴⁾. И пленники и добыча были отправлены к императору; но Стилихон, умеренность которого всего ярче обнаруживалась в счастье, все еще хотел сообразоваться с законами республики и предоставил римскому сенату и народу постановление приговора над самыми знатными преступниками ⁵⁵⁾. Их суд производился публично и торжественно, но при пользовании своим устарелым и непрочным правом судьи заботились

главным образом о том, чтобы не остались безнаказанными африканские чиновники, прекратившие доставку хлеба в Рим. Богатая и преступная провинция испытала на себе всю строгость императорских министров, которые, очевидно, находили свой интерес в том, чтобы увеличивать число сообщников Гильдона, и хотя один из эдиктов Гонория, по-видимому, сдерживал злобное усердие сыщиков, другой эдикт, изданный через десять лет после того, приказывал продолжать и возобновлять судебное преследование за преступления, которые были совершены во время общего восстания ⁵⁶⁾. Те из приверженцев тирана, которые спаслись от ярости и солдат и судей, могли находить некоторое для себя утешение в участии, постигшей его брата, которому римское правительство никогда не могло простить оказанной им государству громадной услуги. После того как Маскецель окончил важную войну в одну зиму, он был принят при миланском дворе с громкими выражениями одобрения, с притворной признательностью и с тайной завистью ⁵⁷⁾, а его смерть, происшедшая, быть может, от какого-нибудь несчастного случая, приписывалась преступлению Стилихона. Мавританский принц, сопровождая главного повелителя Запада при переезде через один мост, был внезапно сброшен с своей лошади в реку; услужливая торопливость лиц его свиты была сдержана безжалостной и коварной улыбкой, которую они заметили на лице Стилихона, и в то время, как они медлили поданием помощи, несчастный Маскецель утонул ⁵⁸⁾.

Радость, доставленная африканской победой, сопровождалась бракосочетанием императора Гонория с его двоюродной сестрой, дочерью Стилихона Марией, и этот почетный родственный союз, по-видимому, давал могущественному министру отцовские права над покорным юношей, который находился под его опекой. Муза Клавдиана не молчала по случаю этого счастливого события ⁵⁹⁾: он с жаром воспевал на различные тоны и счастье царственных супругов и величие героя, устроившего их брак и поддерживавшего их трон. Старинные греческие басни, уже не внушавшие почти никакого религиозного уважения, были спасены от забвения гением поэзии.

И описание Кипрской рощи, служившей приютом для гармонии и любви, и торжественное шествие Венеры по ее родным волнам, и кроткое влияние, разливавшееся от ее при-

существования в миланском дворце, — все это выражало понятные для всех веков естественные сердечные чувства приятным языком аллегорического вымысла. Но любовное нетерпение, которое Клавдиан приписывает молодому императору ⁶⁰⁾, должно было вызывать улыбку на устах царедворцев, а прекрасной императрице (если допустить, что она действительно была прекрасна) страстность ее любовника не могла внушать ни сильных опасений, ни больших надежд. Гонорию было только тринадцать лет; мать его супруги Серена успела, при помощи хитростей или убеждений, отсрочить довершение этого брака; Мария умерла девственницей после того, как провела десять лет в замужестве, а целомудрие императора охранялось холодностью его темперамента или, быть может, слабостью его сложения ⁶¹⁾. Его подданные, внимательно изучавшие характер своего юного монарха, пришли к убеждению, что у Гонория не было страстей, а следовательно, не было и дарований и что его слабый и вялый нрав делал его неспособным и к исполнению обязанностей его высокого положения, и к наслаждению удовольствиями его возраста. В ранней молодости он упражнялся с некоторым успехом в верховой езде и в стрельбе из лука, но он скоро отказался от этих утомительных занятий, и откармливание домашних птиц сделалось серьезной и ежедневной заботой западного монарха ⁶²⁾, передавшего бразды правления в твердые и опытные руки своего опекуна Стилихона. История всей его жизни подтверждает подозрение, что этот родившийся на ступенях трона наследник был воспитан хуже самого последнего из живших в его владениях крестьян и что его честолубивый министр не пытался пробудить в нем мужество или просветить его разум даже тогда, когда он пережил годы юности ⁶³⁾. Предместники Гонория имели обыкновение воодушевлять мужество легионов своим примером или, по меньшей мере, своим присутствием, а места, которыми помечены их декреты, свидетельствуют о том, что они беспрестанно разъезжали по всем провинциям своей империи. Но сын Феодосия провел свою сонливую жизнь пленником в своем дворце, чуждавшимся всего, что касалось его отчизны, и терпеливо, даже равнодушно взиравшим на бедствия Западной империи, на которую беспрестанно нападали варвары и которую они в конце концов разрушили. В богатой событиями истории его двадцативосьмилетнего царствования

нам редко представится необходимость называть имя императора Гонория.

1) (После того как в течение стольких веков смуты почти не прекращались и миллионы людей гибли от внутренних раздоров, мы наконец видим, что римляне достигли внутреннего спокойствия, которое представляло приятный контраст с их прошлыми волнениями. Однако не требуется большой прозорливости, чтобы уяснить их настоящее положение и причину этой перемены. Мы не найдем здесь таких уроков практической мудрости, которые могли бы научить нас, каким путем предотвращаются общественные бедствия. Мы усматриваем лишь беспечное равнодушие, которое предоставляло события их натуральному течению, не заботясь об их последствиях. Нибур выразил это немногими словами в своих *Лекциях* (ч.3, стр.330): "Вымерли не только литература и творчество гения, но даже мужество; итальянцы превратились просто в беспомощную массу людей". Так выродились в течение четырехсот лет потомки всемирных завоевателей и наставников. Однако в течение всего этого периода между ними распространяла свое влияние религия, которая должна была сделать их лучшими и которая, в противоречие с этими неопровержимыми фактами, многими неосновательно выдавалась и еще более неосновательно считалась за орудие действительно происшедшего улучшения. Почему она не исполнила своего высокого назначения и почему ее дальнейшие шаги ознаменовались не успехами добродетели, а постоянно возрастающей нравственной испорченностью, — это задача, разрешение которой есть дело истории. Нельзя сказать, чтобы до той поры какой-нибудь языческий завоеватель ниспроверг учреждения гражданского общества или чтобы масса населения была развращена изнеженностью высших классов. Это последнее зло, — как объясняет Гиббон в одной из следующих глав (XXXI), — ограничивалось сравнительно небольшой сферой, в среде которой христианство не было в состоянии уничтожить тех пороков, которые он всего строже порицает. Все это подтверждает высказанную в предшествующих примечаниях мысль, что причину столь сильного упадка следует искать лишь в тираническом угнетении властолюбивою иерархией всякой свободы мысли и умственной деятельности. Доказательства этой истины будут так часто встречаться при дальнейшем ходе событий, что было бы слишком утомительно указывать на каждое из них. Тем не менее мы будем останавливать наше внимание на некоторых из них, так как это составляет самую важную и до сих пор оставшуюся в пренебрежении истину, которая представляется нашему уму при изучении падения Римской империи и следовавших затем европейских событий. — *Издат.*)

2) Алект, завидуя общественному благополучию, созывает адское собрание. Мегера рекомендует своего воспитанника Руфина и побуждает его на преступные дела, и т.д. Но между вдохновением Клавдиана и вдохновением Вергилия такая же разница, как и между характерами Турна и Руфина.

3) Не подлежит сомнению (Тильмон, *Hist. des Empereurs*, том V, стр.770), что (как бы Де-Марка не стыдился за своего соотечествен-

ника) Руфин родился в Элюзе, которая была главным городом Новемпопулании, а теперь небольшая деревушка в Гасконии (Анвилль, Notice de l'Ancienne Gaule, стр.289).

4) Филосторгий, кн. II, гл.3, с *Диссерт.* Годефрау, стр.440.

5) Свидас так характеризует его глубокое лицемерие. Bafugnomon anthropos kai krypsinoos.

6) Зосим, кн.4, стр.272, 273.

7) Зосим, описывая гибель Татиана и его сына (кн.4, стр.237,274), свидетельствует об их невинности, и даже этого свидетельства достаточно для того, чтобы опровергнуть обвинения их врагов (*Код.* Феодосия, том IV стр.489), которые утверждают, что они угнетали Curiae. Сношения Татиана с арианами в бытность его египетским префектом (373 г.) заставляют Тильемона верить, что он совершал всевозможные преступления. (Hist. des Empereurs, том V, стр.360. Mem. Eccles., том VI, стр.589).

8) ....Juvenum rorantia colla

Ante patrum vultus stricta cecidere securi.

Ibat grandaevus nato moriente superstes

Post trabeas exsul.

In Rufin, l. 248.

Факты, приводимые Зосимом, объясняют *намеки* Клавдиана, но его классические переводчики не имели никакого понятия о четвертом столетии. *Роковую веревку* я отыскал, при помощи Тильемона, в одной проповеди св. Астерия Амасийского.

9) Этот отвратительный закон изложен и отменен Аркадием (396г.) в *Кодексе* Феодосия, кн.9, тит. 38, зак.9. Его смысл объяснен Клавдианом (in Rufin. l. 234) и Годефрау (том III, стр.279) и вполне ясен.

.....Exscindere cives

Funditus; et nomen gentis delere laborat.

Недоумения Пажи и Тильемона могли возникнуть только от их заботливости о репутации Феодосия.

10) Ammonius... Rufinum propriis manibus suscepit sacro fonte mundatum. См. Росвейда Vitae Patrum, стр.947. Созомен (кн.8, гл.17) упоминает о церкви и о монастыре, а Тильефон (Mem. Eccles., том IX, стр.593) упоминает о собрании епископов, на котором св.Григорий Нисский играл видную роль.

11) Монтескье (Esprit des Lois, кн. 12, гл. 12) хвалит один из законов Феодосия, адресованный к префекту Руфину (кн.9, тит. 4, leg. unic.) с целью ослабить преследования за изменнические или святотатственные выражения. Притеснительное узаконение всегда служит доказательством существования тирании, но достойный похвалы эдикт может быть только выражением благовидных чувств или бесплодных желаний монарха или его министров. Эта печальная истина, полагаю, может служить верным руководством для критики. (Это был замечательный закон для такого века, в котором преобладала тирания, но он вместе с тем доказывает, как в ту пору пренебрегали народом, который утратил всякую энергию. Этот закон гласил, что если оскорбительные слова были сказаны необдуманно, к ним следует относиться с пренебрежением; если они были сказаны по глупости, о них следует сожалеть; если же они были сказаны с намерением оскорбить, их следует прощать. "Si id ex levitate processerit,

contemnendum est; si ex insania, miseratione dignissimum; si ab injuria, remittendum". — *Издат.*)

12) .....fluctibus auri
Expleri calor ille nequit...

.....
Congestae cumulantur opes; orbisque rapinas
Accipit una domus.

О таком характере (Клавдиан in Rufin. I. 184-220) Руфина свидетельствуют: Иероним, который был беспристрастным очевидцем (dedecus insatiabilis avaritiae, том I, ad Heliodor., стр.26), Зосим (кн. 5, стр.286) и Свидас, который списывал с истории Евнания.

13) .....Caetera segnis;
Ad facinus velox; penitus regione remotas
Impiger ire vias.

Этот намек Клавдиана (in Rufin. I. 241) объясняется подробным рассказом Зосима (кн.5, стр.288, 289).

14) Зосим (кн.4, стр.243) хвалит мужество, благоразумие и бескорыстие франка Бото. См. Тильемона Hist. des Empereurs, том V, стр.771. (Ее имя писалось на монетах Eudocia, и ему предпосылалось название Aelia (Екгель, Num. Vet., ч.VIII, стр.170). Имя Eudoxia было принято Афинаидой после ее вступления в брак с Феодосием II, как это будет видно из главы 32. Гиббон, по примеру других писателей, смешивал эти два имени. Но против него свидетельствуют монеты, как это доказано ученым исследователем этого вопроса в упомянутом выше произведении. Бото был сотоварищем Аркадия по званию консула в 385 г. — *Издат.*)

15) Арсений спасся бегством из константинопольского дворца и провел пятьдесят пять лет самой суровой жизни в египетских монастырях. См. Тильемона, Mem. Eccles., том XIV, стр. 676-702 и Флери, Hist. Eccles., том V, стр. 1 и сл. Но этот последний, по недостатку достоверных источников, относился с излишним доверием к легенде Метафраста.

16) Эта история доказывает (Зосим, кн.5, стр.290), что древние брачные обряды исполнялись восточными христианами и после уничтожения идолопоклонства и что невесту *силою* уводили из дома ее родителей в дом ее будущего супруга. Наши брачные обряды не так деликатны, так как они требуют ясного и публичного согласия со стороны девушки.

17) Зосим (кн. 5, стр. 290), Орозий (кн. 7, гл. 37) и "Хроника" Марцеллина. Клавдиан (in Rufin., II, 7-100) живо описывает и затруднительное положение и преступления префекта.

18) Стилихон постоянно служит, прямо или косвенно, темой для Клавдиана. В поэме о первом консульстве Стилихона есть недостаточно ясные сведения о молодости и частной жизни героя (35-140).

19) Vandalorum, imbellis, avarae, perfidae et dolosae, gentis genere editus (Орозий, кн. 7, гл. 38). Иероним (том 1, ad Gerontiam, стр. 93) называет его полуварваром. (Мы не должны слепо верить тому, что рассказывали церковные писатели о характере готских племен, в особенности когда эти племена еще не перешли в христианство или если и перешли, то приняли арианское учение. — *Издат.*)

20) В одной недоконченной поэме Клавдиан нарисовал привлекательный и, может быть, льстивый портрет Серены. Эта любимая пле-

мянница Феодосия, точно так же, как и ее сестра Ферманция, родилась в Испании; отсюда обе они были перевезены в ранней молодости с надлежащим почетом в Константинополь.

21) Нет возможности решить, удочерил ли Феодосий Серену легальным образом или только в переносном смысле (См. Ducange, *Fam. Byzant.*, стр. 75). Одна старинная надпись дает Стилихону следующий странный титул: *Progener Divi Theodosii*.

22) Клавдиан (*Laus Serenae*, 190-193) выражает поэтическим языком и "*dilectus equorum*" и "*gemino mox idem culmine, duxit agmina*". Надпись присовокупляет, "комит дворцовой прислуги"; это была важная должность, которую Стилихон должен был из предусмотрительности удержать за собой в то время, как находился на вершине своего могущества.

23) Прекрасные стихи Клавдиана (in 1 Cons. Stilich., II, 113) обнаруживают его гениальный талант, но честность Стилихона (в делах военного управления) гораздо прочнее удостоверена невольным свидетельством Зосима (кн. 5, стр. 345).

24) .....*Si bellica moles
Ingrueret, quamvis annis et jure minori,
Cedere grandaevos equitum peditumque magistros
Adspiceres.*

Клавдиан, *Laus Seren.*, стр. 196 и сл.

Генералы нашего времени сочли бы такую покорность или за героический патриотизм, или за достойную презрения низость.

25) Сравн. поэму о первом консульстве (1.95 — 115) с *Laus Serenae* (227-237, где она, к сожалению, прерывается). Там проглядывает глубокая закоренелая злоба Руфина.

26) .....*Quem fratribus ipse
Discedens, clypeum defensoremque dedisti.*

Однако это назначение (4 Cons. Hon. 432) не было публичным (3 Cons. Hon., 142) *cunctos discedere... jubet*, а потому может возбуждать сомнения. Зосим и Свидас дают Стилихону и Руфину один и тот же титул *Епитроποι*, то есть опекунов или поверенных.

27) Римские законы различали два вида **малолетства**, из которых одно оканчивалось по достижении четырнадцатилетнего возраста, а другое по достижении двадцати пяти лет. Первое подчинялось **опекуну** или охранителю личности, а второе **куратору** или управителю имениями (Гейнеций, *Antiquitat. Rom. ad Jurisprud. pertinent.*, кн. 1, тит. 22, 23, стр. 218-232). Но эти легальные понятия никогда не применялись в точности к учреждениям избирательной монархии.

28) См. Клавдиана (1 Cons. Stilich., 1. 188-242); однако и он вынужден допустить, что для поездки из Милана в Лейден и обратно требовалось более двух недель.

29) 1 Cons. Stilich., II, 88-94. Не только одеяния и диадема покойного императора, но даже его шлемы, рукоятки мечей, перевязи, кirasы и пр. были украшены жемчугом, изумрудом и бриллиантами.

30) .....*Tantoque remoto
Principe, mutatas orbis non sensit habenas.*

Эту высокую похвалу (1 Cons. Stil., 1, 149) можно объяснить опасениями умирающего императора (de Bell. Gildon., 229-301) и тем спокойствием и порядком, которые господствовали после его смерти (1 Cons. Stil., 1. 150-168).

31) Поход Стилихона и смерть Руфина описывают: Клавдиан (in *Rufin.*, кн. 2., 101-453), Зосим (кн. 5, стр. 296, 297), Созомен (кн. 8, гл. 1), Сократ (кн. 6, гл. 1), Филосторгий (кн. 11, гл. 3, и Годефрау, стр. 441) и "Хроника" Марцеллина.

32) *Вскрытие* трупа Руфина, которое Клавдиан совершает с безжалостным хладнокровием анатома (in *Rufin.*, II, 405-415), было также описано Зосимом и Иеронимом (том 1, стр. 26).

33) Язычник Зосим упоминает о святилище и об их пилигримстве. Сестра Руфина Сильвания, жившая постоянно в Иерусалиме, прославилась в истории монастырей. 1) Эта прилежная девица прочла со вниманием и даже несколько раз истолкователей Библии, Оригена, Григория, Василия и др., — всего до пяти миллионов строк. 2) Когда ей было шестьдесят лет, она могла похвастаться, что никогда не мыла ни рук, ни лица, ни какой-либо другой части тела, кроме кончиков пальцев перед тем, чтобы принимать св. Причастие. См. *Vitae Patrum.*, стр. 779-977.

34) См. превосходное вступление к его нападкам на Руфина, которое так интересно разобрал скептик Бэйль в *Dictionnaire Critique*, *Rufin*, *Not. E.*

35) См. в *Кодексе* Феодосия, кн. 9, тит. 42, зак. 14, 15. Новые министры, с жадностью, которая доказывала их непоследовательность, старались присвоить достояние своего предместника и обеспечить свою будущность.

36) См. Клавдиана, (1 *Cons. Stilich.*, кн. 1, 275, 292, 296; кн. 2, 83) и Зосима, кн. 5, стр. 302.

37) Возведение евнуха Евтропия в звание консула вызывает Клавдиана на размышления об унижении нации (кн. 2, 134):

..... *Plaudentem cerne senatum*

Et Bysantinos procures, Graiosque Quirites:

O patribus plebes, O digni consule patres.

Первые симптомы зависти и раздора между старым и новым Римом, между греками и латинянами достойны внимания.

38) Клавдиан, быть может, преувеличивал преступления Гильдона, но мавританское происхождение Гильдона, те из его поступков, которые достоверно известны, и жалобы св. Августина могут служить оправданием резких нападок поэта. Бароний (*Annal. Eccles. A.D.* 398, N 35-56) описал африканское восстание с талантом и ученостью.

39) *Instat terribilis vivis, morientibus haeres.*

Virginibus raptor thalamis obscoenus adulter.

Nulla quies: oritur praeda cessante libido.

Divitibusque dies, et nox metuenda maritis.

..... *Mauris clarissima quaeque*

Fastidita datur.

Бароний с тем большей строгостью осуждает безнравственность Гильдона, что его жена, дочь и сестра отличались примерной нравственностью. Чтобы сдержать нравственную распущенность африканских солдат, был издан особый императорский закон.

40) *Inque tuam sortem numerosas transtulit urbes.*

Клавдиан (*de Bel. Gildonico*, 230-324) касался с политической осмотрительностью интриг византийского двора, о которых также упоминает Зосим (кн. 5, стр. 302).

41) Симмах (кн. 7, *посл.* 4) описывает судебные формы сената, а

Клавдиан (I Cons. Stilich., кн. 1, 325 и сл.) как будто вдохновляется древним римским мужеством.

42) Клавдиан выражает эти жалобы Симмаха в речи, которую произносит богиня Рима перед тронном Юпитера (de Bell. Gildon. 28-128).

43) См. Клавдиана (In Eutrop., 1. 401 и сл.; I Cons. Stil., кн. I, 306 и сл.; 2 Cons. Stilich., 91 и сл.).

44) Он был в зрелом возрасте, так как прежде того (A.D. 373) служил против своего брата Фирма (Аммиан, XXIX, 5). Клавдиан, будучи знаком с духом миланского двора, останавливается более на недостатках Маркецеля, чем на его заслугах (de Bell. Gild. 389-414). Эта мавританская война не была достойна ни Гонория, ни Стилихона и пр.

45) Клавдиан, Bell. Gild. 415-423. Перемены в военной организации позволяли ему безразлично употреблять названия *легион*, *когорты*, *манипула*. См. Notitia Imperii, s. 38-40.

46) Орозий (кн. 7, гл. 36, стр. 565) относится к этому расчету с сомнением (ut ajunt), которое едва ли может быть согласовано с словами Зосима *opinor adras* (кн. 5, стр. 303). Однако Клавдиан, вслед за разными декламациями касательно солдат Кадма, откровенно признается, что Стилихон послал небольшую армию из опасения, чтобы бунтовщик не спасся бегством, *ne timeare times* (I Cons. Stilich., кн. 4, 311 и сл.).

47) Клавдиан, Rutil. Numatian. Itinerar., 1, 439-448. Он впоследствии (515-526) упоминает об одном религиозном сумасброде, жившем на острове Горгоне. За такие нечестивые замечания комментатор Рутилия Барфий называет его и его сообщников "*rabiosi canes diaboli*". Тильмон (Mem. Eccles., том XII, стр. 471) с большим спокойствием замечает, что неверующий поэт хвалит, когда хочет хулить.

48) Орозий, кн. 7, гл. 36, стр. 564. Августин хвалит двоих из этих диких святых с острова Диких Коз (*Посл.* 81, *arud.* Тильмон, Mem. Eccles., том XIII, стр. 317, и Бароний, Annal. Eccles. A.D. 398, N 51).

49) На этом пункте оканчивается первая книга о войне с Гильдоном. Остальная часть поэмы Клавдиана утрачена, и нам неизвестно, *как и где* армия благополучно высадилась на берегу Африки.

50) Один Орозий служит порукой за достоверность этого рассказа. О самоуверенности Гильдона и о множестве служивших под его знаменами варваров говорит Клавдиан (I Cons. Stil., кн. 1, 345-355).

51) Св. Амвросий, умерший почти за год перед тем, указал путем видения время и место победы. Маскецель впоследствии рассказал об этом видении Паплину, который был первым биографом святого и от которого эти сведения могли дойти до Орозия.

52) Зосим (кн. 5, стр. 303) полагает, что сражение было упорно, но рассказ Орозия, по-видимому, прикрывает действительные события под формой чуда.

53) Табрака находилась между двумя Гиппонами (Целларий, том II, ч. 2, стр. 112; Анвилль, том II, стр. 84). Орозий ясно назвал место, где происходило сражение, но мы не в состоянии с точностью определить его географическое положение.

54) О смерти Гильдона упоминает и Клавдиан (I Cons. Stil., 1, 357) и лучшие его толкователи Зосим и Орозий.

55) Клавдиан (2 Cons. Stilich. 99-119) описывает их суд (*tremuit quos Africa nuper, cernunt rostra reos*) и восхваляет восстановление древ-

него учреждения. Здесь-то он высказывает знаменитую мысль, столь приятную для приверженцев деспотизма:

..... Nunquam libertas gravior exstat
Quam sub rege pio.....

Но свобода, зависящая от монаршей благосклонности, едва ли достойна этого названия.

56) См. *Код.* Феодосия, кн. 9, тит. 39, зак. 3; тит. 40, зак. 19.

57) Силихон, требовавший своей доли во всех победах Феодосия и его сына, особенно настаивал на том, что Африка была снова подчинена империи благодаря мудрости *его* советов. (См. надпись, которую цитирует Бароний.)

58) Я смягчил рассказ Зосима, так как он показался бы неправдоподобным, если бы был воспроизведен во всей своей суровой простоте (кн. 5, стр. 303). Орозий обвиняет победоносного полководца (стр. 538) в нарушении прав, которыми пользуются святилища.

59) Клавдиан, в качестве поэта, увенчанного лаврами, написал серьезную и тщательно обработанную свадебную песнь в триста сорок строк и, кроме того, несколько веселых Фесценнин, которые пелись в более вольном тоне в ночь бракосочетания.

60) ...Calet obvius ire
Jam princeps, tardumque cupit discedere solem.
Nobilis haud aliter sonipes.

(de Nuptiis Honor. et Mariae, 287); еще менее сдержанно выражается он в Фесценнинах (112-126):

Dices O quoties, hoc mihi dulcius
Quam flavos decles vincere Sarmatas.

.....
Tum victor madido prosillas toro,
Nocturni referens vulnera proelii.

61) См. Зосима, кн. 5, стр. 333.

62) Прокопий de Bello Gothico, кн. 1, гл. 2. Описывая образ жизни Гонория, я опустил странную и поистине неправдоподобную сказку, которую рассказывает греческий историк.

63) Наставления Феодосия или, скорее, Клавдиана (4-to Cons. Honor., 214-418) могли бы служить прекрасным руководством для будущего монарха великой и свободной нации. Но они были вовсе не по силам Гонорию и его выродившимся подданным. (Мы усматриваем здесь новое доказательство той небрежности воспитания, которая породила невежество, легковерие и варварство следующих веков. — *Издат.*)

ГЛАВА XXX

Восстание готов. — Они грабят Грецию. — Два нашествия Алариха и Радагайса на Италию. — Они отражены Стилихоном. — Германцы вторгаются в Галлию. — Узурпация Константина на Западе. — Опала и смерть Стилихона.

Если римские подданные могли не сознавать, чем они были обязаны великому Феодосию, то им очень скоро пришлось понять, с каким трудом мужество и дарования их покойного императора поддерживали непрочное и разваливавшееся здание республики. Он кончил жизнь в январе, а прежде конца зимы того же года вся готская нация взялась за оружие ¹⁾. Эти варварские союзники развернули свое самостоятельное знамя и смело обнаружили свои враждебные замыслы, уже давно таившиеся в их свирепой душе. Их соотечественники, обреченные условиями последнего мирного договора на мирную и трудовую жизнь, покинули свои земледельческие занятия при первом звуке военных труб и с жаром снова взялись за оружие, которое было отложено ими в сторону поневоле. Преграда, которую представлял им Дунай, оказалась бессильной; дикие скифские воины вышли из своих лесов, а необыкновенная суровость зимы дала поэту повод заметить, что "их тяжелые повозки катились по широкой ледяной поверхности негодующей реки" ²⁾. Несчастное население провинций на юге от Дуная подверглось тем бедствиям, с которыми его воображение уже почти освоилось в течение последних двадцати лет, а разнохарактерные отряды варваров, безразлично присваивавших себе громкое название готов, рассеялись в беспорядке по всей стране от лесистых берегов Далмации до ворот Константинополя ³⁾. Прекращение или уменьшение субсидии, которая получалась готами от предусмотрительной щедрости Феодосия, послужило благовидным предлогом для их восстания; эта обида казалась им тем более невыносимой, что они питали презрение к невоинственным сыновьям Феодосия, а их раздражение было усилено слабостью или вероломством Аркадиева министра. Частые посещения Руфином лагеря варваров и его старание подражать их манере носить оружие и одеваться считались дос-

таточным доказательством его преступных сношений, а эти общественные враги щадили, среди всеобщего опустошения, поместья непопулярного префекта или из чувства признательности, или из политических расчетов. Готы уже не увлекались слепыми и бешеными страстями своих вождей, а подчинялись руководству отважного и опытного Алариха. Этот знаменитый полководец происходил от знатного рода Балтиев ⁴⁾, уступавшего лишь царственному величию рода Амалов; он просил, чтобы ему вверили командование римскими армиями, и, раздраженный отказом, решил доказать императорскому правительству, как неблагоразумно его упорство и как велика понесенная им утрата. Если Аларих и помышлял о завоевании Константинополя, то он был настолько благоразумен, что скоро отказался от такого неисполнимого предприятия.

Среди разделенного на партии двора и недовольного населения Аркадий был сильно встревожен восстанием готов; но недостаток благоразумия и мужества возмещался силой городских укреплений, и, конечно, как со стороны моря, так и со стороны материка столица была вполне ограждена от бессильных и пускаемых наудачу стрел варваров. Аларих не захотел снова опустошать беззащитные и разоренные страны Фракии и Дакии и решил искать более обильного источника славы и добычи в такой провинции, которая до тех пор еще ни разу не испытала на себе бедствий войны ⁵⁾.

Характер гражданских и военных властей, на которые Руфин возложил управление Грецией, подтверждал общее подозрение, что он изменнически предал в руки готов древнюю отчизну свободы и знаний. Проконсул Антиох был недостойным сыном почтенного отца, а командовавший местными войсками Геронтий был более способен исполнять притеснительные распоряжения тирана, чем защищать с мужеством и искусством страну, замечательно укрепленную руками самой природы. Аларих прошел, не встречая сопротивления, через равнины Македонии и Фессалии до подножья Эты, представлявшей ряд крутых и покрытых лесом гор, почти непроходимых для кавалерии. Эти горы тянулись от востока к западу до берега моря, оставляя между образуемой ими пропастью и Малийским заливом промежуток в триста футов, который местами суживался до того, что по нему могла бы проехать только одна повозка ⁶⁾. В этом узком Фермо-

пильском ущелье, прославленном самоотверженной преданностью Леонида и трехсот спартанцев, искусный полководец мог бы остановить или истребить готов, а при виде этого священного места, быть может, зажглась бы в груди выродившихся греков хоть какая-нибудь искра воинственного пыла. Войска, которым была поручена охрана Фермопильского прохода, отступили по данному им приказанию, не пытаясь остановить или замедлить наступательное движение Алариха ⁷⁾; тогда плодоносные поля Фокиды и Беотии покрылись массами варваров, которые убивали всех мужчин, способных носить оружие, и захватывали красивых женщин вместе с добычей и скотом, найденными в преданных огню селениях. Путешественники, посещавшие Грецию через несколько лет после того, находили глубокие и кровавые следы готского нашествия, а Фивы были обязаны своим спасением не столько крепости своих семи ворот, сколько горячей торопливости Алариха, спешившего овладеть Афинами и важной Пирейской гаванью. Та же торопливость побудила его предложить капитуляцию, чтобы избежать задержки и опасностей осады, а лишь только афиняне услышали голос готского герольда, они без труда склонились на убеждения выдать большую часть своих сокровищ в виде выкупа за город Минервы и за его жителей. Договор был утвержден торжественными клятвами и в точности соблюдался обеими сторонами. Готский вождь вступил в город в сопровождении немногочисленной избранной свиты; он освежил себя ванной, принял приглашение на роскошный пир, устроенный начальником города, и старался доказать, что ему не чужды нравы образованных народов ⁸⁾. Тем не менее вся территория Аттики от мыса Суния до города Мегары была как громом поражена от его появления, и сами Афины, — по выражению одного современного философа, — походили на окровавленную и пустую внутри кожу убитой жертвы. Расстояние между Мегарой и Коринфом едва ли было много длиннее тридцати миль, но до сих пор сохранившееся за ним между греками название *дурной дороги* доказывает, что или оно было от природы непроходимо для неприятельской армии, или что его сделали непроходимым. Густые и мрачные леса горы Киферона покрывали внутренность страны, а Скиронийские скалы тянутся до самого берега и висят над узкой тропинкой, извивающейся вдоль морского берега на протяжении более шести миль ⁹⁾.

Проход под этими утесами, внушавший во все века столь сильное отвращение, оканчивался Коринфским перешейком, и небольшой отряд непоколебимых и неустрашимых солдат мог бы с успехом оборонять временные укрепления в пять или шесть миль между морями Ионическим и Эгейским. Города Пелопоннеса, полагавшиеся на созданные самой природой укрепления, не заботились о поддержании своих старинных стен, а корыстолюбие римских губернаторов истощило силы этой несчастной провинции и предало ее в руки врага ¹⁰⁾. Коринф, Аргос и Спарта отдались готам без сопротивления, и самыми счастливыми из их жителей были те, которых смерть избавила от необходимости быть свидетелями рабства их семейств и разрушения их городов ¹¹⁾. Вазы и статуи были распределены между варварами соразмерно с ценностью материала, а не с ценностью работы; пленные женщины подчинились законам войны; их красота служила наградой за храбрость, и греки, в сущности, не могли жаловаться на такое злоупотребление, которое оправдывалось примером героических времен ¹²⁾. Потомки этого необыкновенного народа, считавшего мужество и дисциплину за самые надежные укрепления Спарты, уже позабыли благородный ответ, данный одним из их предков более страшному завоевателю, чем Аларих: "Если ты бог, то ты не будешь делать зла тем, кто никогда не причинял тебе никакой обиды; если же ты человек, то подходи — ты найдешь людей, которые ни в чем тебе не уступят" ¹³⁾. Готский вождь продолжал свое победоносное шествие от Фермопил до Спарты, не встречая ни одного противника между смертными; но один из защитников издыхавшего язычества положительно утверждал, что стены Афин охранялись богиней Минервой с ее страшной Эгидой и гневной тенью Ахилла ¹⁴⁾ и что завоеватель был испуган появлением враждебных греческих божеств. В веке чудес, быть может, было бы несправедливо опровергать притязания Зосима, заявленные им для общей пользы; тем не менее нельзя не заметить, что ум Алариха вовсе не был подготовлен к тому, чтобы подчиняться наяву или во сне влиянию греческих суеверий. Песни Гомера и слава Ахилла, вероятно, никогда не доходили до слуха необразованного варвара, а христианская вера, которую он усердно исповедовал, научала его презирать созданных воображением римских и афинских богов. Нашествие готов не только не поддержало язычества, но,

напротив того, хотя и случайно, содействовало искоренению его последних остатков, и мистерии Цереры, существовавшие в течение тысячи восьмисот лет, не пережили разрушения Элевсина и бедствий Греции ¹⁵⁾.

Народ, который уже не мог полагаться ни на свое оружие, ни на своих богов, ни на своего государя, возложил свои последние надежды на могущественного западного военачальника, и Стилихон, которому не позволили отразить завоевателей Греции, выступил с целью наказать их ¹⁶⁾. В итальянских портах был снаряжен многочисленный флот, и войска, после непродолжительного и благополучного переезда через Ионическое море, высадились на перешейке неподалеку от развалин Коринфа. Лесистая и гористая Аркадия, служившая баснословной резиденцией для Пана и дриад, сделалась театром продолжительной и нерешительной борьбы между двумя полководцами, которые не были недостойны один другого. Искусство и настойчивость римлянина наконец одержали верх, и готы, значительно ослабленные болезнями и дезертирством, мало-помалу отступили к высоким горам Фоллоя, находившимся вблизи от устьев Пеней и на границах Элиды, — священной страны, которая в былое время была незнакома с бедствиями, причиняемыми войной ¹⁷⁾. Лагерь варваров был немедленно осажден; воды реки ¹⁸⁾ были направлены в другое русло, а в то время, как готы сильно страдали от жажды и голода, вокруг них были возведены сильные укрепления с целью воспрепятствовать их бегству. Приняв такие предосторожности, уверенный в победе Стилихон удалился от места военных действий, чтобы насладиться своим триумфом, глядя на театральные представления греков и на их сладострастные танцы; тогда его солдаты покинули свои знамена и разбрелись по владениям своих союзников, у которых отобрали все, что было спасено от хищнических рук неприятеля. Аларих, как кажется, воспользовался этой благоприятной минутой для исполнения одного из тех смелых предприятий, в которых дарования военачальника обнаруживаются более ярко, нежели среди суматохи сражений. Чтобы вылезти из своей пелопоннеской тюрьмы, ему нужно было пробиться сквозь окружавшие его лагерь окопы, совершить трудный и опасный переход в тридцать миль до Коринфского залива и затем перевезти свои войска, пленников и добычу через рукав моря, который даже в узком промежутке

между Риумом и противоположным берегом имеет не менее полумили в ширину ¹⁹⁾. Аларих, должно быть, действовал с благоразумием, предусмотрительностью и быстротой, так как римский полководец с удивлением узнал, что готы, сделав тщетными все его усилия, овладели важной Эпирской провинцией. Эта проволочка военных действий дала Алариху достаточно времени, чтобы заключить мирный договор, о котором он втайне вел переговоры с константинопольскими министрами. Высокомерные приказания, полученные Стилихоном от его врагов, и опасения междоусобной войны заставили его удалиться из владений Аркадия и уважить в лице недруга Рима союзника и слугу восточного императора.

Греческий философ ²⁰⁾, посетивший Константинополь вскоре после смерти Феодосия, публично высказал свои либеральные мнения об обязанностях монархов и о положении римской республики. Синезий упоминает и скорбит о злоупотреблениях, вкравшихся в военную службу вследствие неблагоразумной снисходительности покойного императора. И граждане и подданные откупались от обязанности защищать свою родину, охрана которой была вверена оружию наемных варваров. Скифские выходцы занимали и унижали высшие должности в империи; их свирепая молодежь, гнушавшаяся благотворными узами закона, заботилась о том, чтобы присваивать себе богатство, а не просвещение народа, который был для нее предметом презрения и ненависти, а могущество готов было скалой Тантала ²¹⁾, постоянно грозившей спокойствию и безопасности государства, на которое она рано или поздно должна была обрушиться. Меры, которые рекомендовал Синезий, были внушены смелым и благородным чувством патриотизма. Он умолял императора вдохнуть мужество в его подданных примером собственных доблестей, изгнать роскошь из императорского двора и военного лагеря, заменить наемных варваров людьми, заинтересованными в защите законов и собственности, потребовать в столь опасную для государства минуту, чтобы ремесленники покинули свои мастерские и философы свои школы, пробудить беспечных граждан из их сладкого усыпления и для охранения земледелия вложить оружие в руки трудолюбивых землепашцев. Он убеждал Феодосиева сына стать во главе этой армии, которая была бы достойна имени римлян и выказала бы свойственное им мужество, выступить навстречу варварам, у

которых не было никакой стойкости, и не складывать оружия до тех пор, пока они не будут загнаны вглубь скифских степей или пока они не будут низведены до такого же положения позорного рабства, в какое у лакедемонян были поставлены пленные илоты ²²⁾.

Правительство Аркадия одобряло усердие Синезия и хвалило его красноречие, но оставило без внимания его советы. Философ, обращавшийся к восточному императору на языке рассудка и добродетели, на котором было бы уместнее выражаться перед царями Спарты, быть может, не придавал своим советам такой практической формы, в которой были бы приняты в соображение характер и условия того времени. Может быть, министры, редко прерывавшие свои деловые занятия размышлением, из гордости находили нелепым и химерическим всякое предложение, превосходившее меру их дарований и уклонявшееся от служебных форм и прецедентов. В то время как речи Синезия и истребление варваров были предметами общих толков, в Константинополе был издан эдикт, возводивший Алариха в звание главного начальника восточной Иллирии. Жители римских провинций и союзники, верно исполнявшие условия мирных договоров, с основательным негодованием узнали, что за разорение Греции и Эпира назначена такая щедрая награда. Готского завоевателя стали принимать как законного начальника в тех самых городах, которые он незадолго перед тем осаждал. Его власти были подчинены и отцы, чьих сыновей он умертвил, и мужья, чьих жен он обесчестил, а успех его восстания разжигал честолюбие в каждом из вождей чужеземных наемников. Употребление, которое сделал Аларих из своего нового назначения, доказывало твердость и прозорливость его политики. Четырем складам всякого рода оружия, находившимся в Марге, Рациарии, Наиссе и Фессалониках, он разослал приказания снабдить его войска чрезвычайными запасами щитов, шлемов, мечей и дротиков; таким образом, несчастные жители провинций были принуждены ковать орудия своей собственной гибели, а варвары устраняли единственный недостаток, нередко делавший тщетными все усилия их храбрости ²³⁾. Знатное происхождение Алариха, блеск его прежних подвигов и надежды, которые внушало его честолюбие, — все это мало-помалу соединило разбросанные силы нации под его победоносным знаменем, и, с единодушно-

го одобрения варварских вождей, главный начальник Иллирии, согласно с древним обычаем, был поднят на щите и торжественно провозглашен царем вестготов ²⁴⁾. Вооружившись этой двойной властью и утвердившись на границе между двумя империями, он стал продавать свои обманчивые обещания попеременно то Аркадию, то Гонорию ²⁵⁾, пока наконец не обнаружил и не привел в исполнение своего замысла напасть на Западную империю. Принадлежавшие к Восточной империи европейские провинции уже были совершенно истощены; ее провинции азиатские были недоступны, а Константинополь уже отразил его нападение. Но он соблазнялся славой, красотой и богатствами Италии, которую уже посетил два раза, и втайне льстил себя надеждой, что ему удастся водрузить знамя готов на стенах Рима и обогатить свою армию добычей, накопленной тремястами триумфами ²⁶⁾.

Недостаток в достоверных фактах ²⁷⁾ и неточность указаний времени ²⁸⁾ не дают нам возможности подробно описать первое вторжение Алариха в Италию. Ему, как кажется, понадобилось много времени для перехода, быть может из Фессалоник, через воинственную и враждебную Паннонию до подножия Юлийских Альп, для перехода через горы, которые охранялись сильными отрядами и укреплениями, для осады Аквилеи и для завоевания провинций Истрийской и Венецианской. Следует предположить, что царь готов или подвигался вперед с крайней осмотрительностью и медленностью, или отступил к берегам Дуная для пополнения своей армии новыми толпами варваров, прежде чем снова попытаться проникнуть в сердце Италии. Так как эти важные события не поддаются старательным исследованиям историка, то да будет ему дозволено остановить мимоходом свое внимание на влиянии, которое оказал поход Алариха на судьбу двух незначительных личностей, — одного аквилейского пресвитера и одного веронского земледельца. Ученый Руфин, получив от своих врагов приглашение явиться на собор в Риме ²⁹⁾, благоразумно предпочел опасности городской осады в той надежде, что яростно нападавшие на Аквилею варвары избавят его от такого же жестокого приговора, какой состоялся над другим еретиком, который был наказан плетью по требованию тех же епископов и осужден на вечную ссылку на необитаемом острове ³⁰⁾. *Престарелый* ³¹⁾ пресвитер, который провел свою скромную и невинную жизнь в ок-

рестностях Вероны, был незнаком ни с распрями царей, ни с распрями епископов; его удовольствия, его желания и познания ограничивались узкой сферой доставшейся ему от отца фермы, и в своих преклонных летах он ходил, опираясь на палку, по тому же самому саду, в котором он играл, когда был ребенком. Но и это скромное деревенское счастье (которое Клавдиан описывает так верно и с таким чувством) не спаслось от бедствий войны. Его деревья, эти выросшие вместе с ним друзья ³²⁾, могли сделаться жертвами всеобщего опустошения; какой-нибудь отряд готской кавалерии мог стереть с лица земли и его домик и его семью, и Аларих был достаточно могуществен для того, чтобы разрушить это благополучие, которого он не был способен ни вкушать сам, ни доставить другим. "Молва, — говорит поэт, — обвив свои черные крылья ужасом, возвестила о приближении варварской армии и распространила смятение по всей Италии"; опасения каждого усиливались соразмерно с его состоянием, а самые боязливые, уже сложившие на суда самые ценные вещи, помышляли о бегстве на остров Сицилию или на африканский берег. Общее бедствие усиливалось от опасений и упреков, которые внушались суеверием ³³⁾. Каждый час порождал какой-нибудь страшный рассказ о необычайных и зловещих происшествиях; язычники оплакивали пренебрежение к предзнаменованиям и прекращение жертвоприношений, но христиане еще находили для себя некоторое утешение в могущественном заступничестве святых и мучеников ³⁴⁾.

Император Гонорий возвышался над своими подданными столько же своим рангом, сколько тем, что был трусливее их всех. Будучи воспитан в гордости и роскоши, он никак не мог подозревать, что существует на земле какая-либо власть, которая осмелится нарушить спокойствие Августова преемника. Льстецы скрывали от него неминуемую опасность, пока Аларих не подступил к миланскому дворцу. Но когда шум военной тревоги дошел до слуха юного императора, он не бросился к оружию с тем мужеством или даже с той опрометчивостью, какие свойственны его летам, но вместо того охотно послушался тех трусливых советников, которые предлагали перевезти его священную особу вместе с его верными слугителями в какое-нибудь безопасное и отдаленное убежище внутри галльских провинций.

Один Стилихон ³⁵⁾ имел достаточно мужества и авторите-

та, чтобы воспротивиться такой мере, которая отдала бы Рим и Италию в руки варваров; но так как дворцовые войска были незадолго перед тем отправлены к границам Реции, а набор новых рекрут был бы очень мешкотным и ненадежным ресурсом, то западный военачальник мог только обещать, что, если миланский двор удержится на своем месте в его отсутствие, он скоро возвратится с такой армией, которая будет способна сразиться с готским царем. Не теряя ни минуты (в то время как каждая минута была так дорога для общественной безопасности), Стилихон переехал через озеро Ларий, поднялся на покрытые льдом и снегом Альпы среди сурового холода тамошней зимы и своим неожиданным появлением обуздал врагов, нарушавших спокойствие Реции ³⁶). Варвары или, быть может, какие-нибудь аллеманнские племена преклонились перед твердостью вождя, еще выражавшегося повелительным тоном, а то, что он выбрал между ними для римской службы самых храбрых юношей, было принято за доказательство его уважения и благосклонности. Когорты, избавившись от соседства врага, поспешили стать под знамена империи, и Стилихон разослал находившимся на западе войскам приказание выступить усиленным маршем на защиту Гонория и Италии. Прирейнские крепости остались без гарнизонов, и безопасность Галлии охранялась только честностью германцев и страхом римского имени. Даже те легионы, которые охраняли стену, построенную в Британии против северных каледонцев, были поспешно отозваны ³⁷), и многочисленный отряд аланской конницы согласился вступить на службу к императору, с нетерпением ожидавшему возвращения своего генерала. В этом случае Стилихон выказал всю свою предусмотрительность и энергию, но вместе с тем обнаружилась и слабость разваливавшейся империи. Римские легионы, уже задолго перед тем утратившие и прежнюю дисциплину, и прежнее мужество, были истреблены в междуусобицах и в войнах с готами, и чтобы собрать армию для защиты Италии, пришлось обессилить провинции и подвергнуть их неминуемой опасности.

Когда Стилихон, по-видимому, оставил своего государя беззащитным в миланском дворце, он, вероятно, рассчитал, сколько времени ему придется быть в отсутствии, в каком расстоянии находится неприятельская армия и какие препятствия могут замедлить ее приближение. Он главным об-

разом рассчитывал на итальянские реки, на Адиг, Минчий, Ольбио и Аддую, которые превращаются в широкие и стремительные потоки, в зимнюю пору вследствие дождей, а весной вследствие таяния снегов. Но на этот раз стояла чрезвычайно сухая погода, и готы могли беспрепятственно переходить через широкое и каменистое русло рек, по которому бежала тоненькая струя воды. Сильный готский отряд овладел мостом через Аддую и обеспечил переход через эту реку, а когда Аларих приблизился к стенам или, скорей, к предместьям Милана, он мог похвастаться тем, что видел бегущего перед ним римского императора. Гонорий торопливо отступил к Альпам в сопровождении нескольких министров и евнухов с целью укрыться в городе Арле, который нередко служил резиденцией для его царственных предшественников. Но едва успел Гонорий ³⁸⁾ перейти через По, как его застигла готская кавалерия ³⁹⁾, и крайняя опасность заставила его на время укрыться за укреплениями города Асты, находившегося в Лигурии или в Пьемонте на берегу Танара ⁴⁰⁾. Готский царь тотчас начал и неумоимо вел осаду незначительного города, заключавшего в своих стенах такую ценную добычу и, по видимому, неспособного к продолжительному сопротивлению; если же впоследствии император имел смелость утверждать, что его душа никогда не была доступна для страха, то ему едва ли поверили даже его царедворцы ⁴¹⁾. Когда Гонорий был доведен до последней крайности и его положение сделалось почти безнадежным, а варвары уже сделали ему оскорбительное предложение сдаться на капитуляцию, он был обрадован известием о приближении и наконец появлением героя, которого он так долго ожидал. Во главе отборного и неустрашимого авангарда Стилихон переправился вплавь через Аддую для того, чтобы не терять времени на атаку моста; переход через По был гораздо менее рискованным и менее трудным предприятием, а успех, с которым он пробился сквозь готский лагерь под стенами Асты, оживил надежды и восстановил честь Рима.

Вместо того чтобы захватить пленника, который был бы наградой за их победы, варвары были мало-помалу окружены со всех сторон западными войсками, которые выходили одни вслед за другими из всех альпийских проходов; их лагерь должен был сузиться; их обозы перехватывались, и римляне стали возводить ряд укреплений так, что осаждавшие

превратились в осажденных. Был созван военный совет из длинноволосых готских вождей и престарелых воинов, закутанных в меха и носивших на своих суровых лицах следы полученных в бою ран. Они взвесили славу, которую доставило бы им упорство в их предприятии, и выгоды, которые доставило бы им спокойное пользование награбленной добычей, и решили, что всего благоразумнее отступить, пока еще можно. На этих важных совещаниях Аларих обнаружил ту отвагу, которая привела его к завоеванию Рима: напомнив своим соотечественникам об их подвигах и замыслах, он закончил свою энергичную речь торжественным и положительным заявлением, что он решился найти для себя в Италии или царство, или могилу ⁴²⁾. Распушенность дисциплины всегда подвергала варваров опасности быть застигнутыми врасплох, но Стилихон задумал напасть на перешедших в *христианство* готов не в то время, когда они предавались разгулу и кутежу, а в то время, когда они благочестиво праздновали Пасху ⁴³⁾. Выполнение этого замысла или как его называло духовенство, этого святотатства было возложено на Саула, варвара и язычника, впрочем, пользовавшегося хорошей репутацией между заслуженными полководцами Феодосия. Лагерь готов, раскинутый Аларихом неподалеку от Полленции ⁴⁴⁾, был приведен в смятение неожиданным и стремительным нападением императорской кавалерии; но неустрашимое мужество их вождя тотчас восстановило между ними порядок и указало каждому свое место; а лишь только они пришли в себя от удивления, их врожденное мужество почерпнуло новые силы в благочестивой уверенности, что Бог христиан поможет им. В этой битве, долго остававшейся нерешительной благодаря одинаковой с обеих сторон храбрости и переменчивости счастья, вождь аланов, скрывавший в своей маленькой фигуре дикаря благородное сердце, доказал неосновательность недоверия к его преданности тем, что храбро сражался и пал, защищая республику; а память об этом великодушном варваре сохранилась в стихах Клавдиана не вполне, так как воспевавший его доблести поэт не назвал его имени. Вслед за его смертью эскадроны, которыми он командовал, пришли в расстройство и обратились в бегство, а поражение того фланга, на котором находилась эта кавалерия, решило бы сражение в пользу Алариха, если бы Стилихон не повел немедленно в атаку римскую и варварскую пехоту. Искусст-

во полководца и мужество солдат преодолели все препятствия. К вечеру этого кровопролитного дня готы отступили с поля битвы; укрепления, которыми был обнесен их лагерь, были взяты приступом, а последовавшее вслед затем разграбление этого лагеря и избиение готов послужили неполным искуплением за бедствия, причиненные ими римским подданным ⁴⁵⁾. Великолепная добыча, награбленная в Коринфе и Аргосе, обогатила ветеранов западной армии; взятая в плен жена Алариха, с нетерпением помышлявшая об обещанных ей мужем римских драгоценностях и знатных прислужницах ⁴⁶⁾, была вынуждена просить пощады у врага, смотревшего на нее с презрением, а многие тысячи пленников, с которых были сняты готские цепи, стали разносить по итальянским провинциям похвалы своему геройскому освободителю. Поэт Клавдиан, быть может, бывший в этом случае отголоском общественного мнения, сравнивал победу Стилихона ⁴⁷⁾ с победой Мария, который на той же территории атаковал и уничтожил другую армию северных варваров. Громадные кости и пустые шлемы кимвров и готов легко могли быть смешаны следующими поколениями, и потомство могло бы воздвигнуть один монумент в память двух знаменитых полководцев, одолевших на одном и том же достопамятном поле битвы двух самых страшных врагов Рима ⁴⁸⁾.

Клавдиан ⁴⁹⁾ истощил все свое красноречие на то, чтобы воспеть победу при Полленции как одно из самых славных событий в жизни его патрона; но его пристрастная муза, как бы неохотно, расточает более искренние похвалы характеру готского царя. Правда, он клеймит Алариха позорными названиями грабителя и разбойника, на которые имеют полное право завоеватели всех веков; но Стилихонов поэт вынужден сознаться, что Аларих обладал тем непреклонным мужеством, которое возвышается над всеми невзгодами и извлекает из несчастья новые ресурсы. После совершенного уничтожения его пехоты он спасся или, вернее, отступил с поля битвы с большей частью своей кавалерии, которая осталась целой и невредимой. Не теряя ни минуты на оплакивание непоправимой утраты стольких храбрых ратных товарищей и предоставив победоносному врагу, ничем не стесняясь, заковывать в цепи захваченные ими изображения готского царя ⁵⁰⁾, он принял отважное решение проникнуть через незащищенные апеннинские проходы, опустошить плодоносную терри-

торию Тосканы и победить или умереть перед воротами Рима. Неутомимая деятельность Стилихона спасла столицу, но он не захотел доводить врага до отчаяния и вместо того, чтобы ставить судьбу государства в зависимость от случайностей новой битвы, предложил варварам купить их отступление. Мужественный Аларих отвергнул бы с презрением и неодобрением такие мирные условия; он не принял бы ни позволения отступить, ни ежегодной пенсии; но он пользовался ограниченной и непрочною властью над самостоятельными вождями, которые возвысили его над равными с ним по рангу военачальниками лишь для того, чтобы он был *их* слугою; еще менее были они расположены следовать за полководцем, потерпевшим неудачу, и многие из них вовлеклись в тайные переговоры с министром Гонория в видах ограждения своих личных интересов. Готский царь подчинился воле своего народа, утвердил мирный договор с западной империей и перешел обратно через По с остатками блестящей армии, которую он привел в Италию.

Значительная часть римских военных сил не переставала следить за всеми его движениями, а Стилихон, поддерживавший тайную переписку с некоторыми из варварских вождей, получал точные сведения обо всем, что затевалось в лагере Алариха или на происходивших у него совещаниях. Из желания ознаменовать свое отступление каким-нибудь блестящим подвигом готский царь задумал занять важный город Верону, господствующий над главным проходом Рецийских Альп, и, пройдя по территории тех германских племен, союз с которыми мог бы восстановить его истощенные силы, проникнуть со стороны Рейна в богатые и не приготовленные к обороне галльские провинции. Не подозревая, что измена уже расстроила его отважный и хорошо задуманный план, он приблизился к горным проходам, которые уже были заняты императорскими войсками, и там подвергся почти одновременному нападению и с фронта, и с флангов, и с тыла. В этом кровопролитном сражении, происходившем неподалеку от стен Вероны, готы понесли почти такие же тяжелые потери, как и во время поражения при Полленции, а их храбрый царь, спасшийся благодаря скорости своего коня, был бы или убит, или взят в плен, если бы запальчивая отвага алан не расстроила план римского военачальника. Аларих укрыл остатки своей армии на соседних утесах и с непреклонным му-

жеством приготовился выдержать осаду против более многочисленного врага, который окружил его со всех сторон. Но он не был в состоянии бороться с разрушительным влиянием голода и болезней и не мог остановить беспрестанного дезертирства своих нетерпеливых и своенравных варваров. В этой крайности он все-таки нашел средство к спасению или в своем собственном мужестве, или в умеренности своего противника, и в отступлении царя готов все видели спасение Италии ⁵¹⁾. Однако народ и даже духовенство, несмотря на свою неспособность сколько-нибудь основательно судить о необходимости мира или войны, громко порицали политику Стилихона, который столько раз побеждал и окружал непримиримого врага республики, но всякий раз выпускал его на свободу. Когда общество избавилось от неминуемой опасности, первые минуты обыкновенно посвящаются выражениям признательности и радости, но затем начинают усердно работать зависть и клевета ⁵²⁾.

Римские граждане были поражены удивлением, узнав о приближении Алариха, а торопливость, с которой они принялись за исправление городских стен, свидетельствовала и о наведенном на них страхе и об упадке империи. После отступления варваров Гонорию посоветовали принять почтительное приглашение сената и отпраздновать в царственном городе счастливую эпоху победы над готами и его шестого консульства ⁵³⁾. Предместия и улицы, от Мильвийского моста до Палатинского холма, были усыпаны римскими жителями, которые только три раза в течение ста лет были удостоены присутствия своих государей. В то время как все взоры были устремлены на колесницу, на которой Стилихон занимал заслуженное им место рядом с его царственным питомцем, население восхищалось блеском триумфа, который не был запятнан, как триумф Константина или Феодосия, кровью, пролитою в междоусобицах. Торжественное шествие прошло под высокой аркой, нарочно воздвигнутой на этот случай; но менее чем через семь лет завоевавшие Рим готы могли бы прочесть, — если только они были способны прочесть, — великолепную надпись на этом монументе, свидетельствовавшую о полном поражении и истреблении их нации ⁵⁴⁾. Император пробыл в столице несколько месяцев, и каждый его шаг был рассчитан на то, чтобы снискать привязанность духовенства, сената и народа. Духовенство было очень доволь-

но его частыми посещениями раки апостолов и щедрыми подарками. С сенатом, — который во время триумфального шествия был избавлен от унижительной обязанности идти пешком впереди императорской колесницы, — император обходился с такой же скромной почтительностью, с какой всегда относился Стилихон к этому собранию. Народ был польщен приветливостью Гонория и его неоднократным присутствием на играх цирка, которые были устроены на этот раз с великолепием, достойным их царственного зрителя. Лишь только оканчивалось состязание в езде на колесницах, декорации цирка внезапно изменялись; охота на диких зверей представляла разнообразное и блестящее зрелище, а затем следовал воинский танец, который, судя по описанию Клавдиана, имел некоторое сходство с новейшими турнирами.

Во время этих игр в честь Гонория римский амфитеатр был в последний раз опозорен бесчеловечными боями гладиаторов ⁵⁵⁾. Первому христианскому императору принадлежит честь издания первого эдикта, порицавшего тех, кто изощряется в искусстве проливать человеческую кровь, и тех, кто находит в этом забаву ⁵⁶⁾; но этот благотворный закон выражал лишь желания монарха; он не искоренил застарелого зла, низводившего цивилизованную нацию до одного уровня с дикими людоедами. Несколько сот, а может быть, и несколько тысяч несчастных убивались ежегодно в больших городах империи, и в декабре, который преимущественно перед другими месяцами посвящался на бои гладиаторов, римляне все еще наслаждались этим кровавым и варварским зрелищем. Среди общей радости, возбужденной победою при Полленции, один христианский поэт обратился к императору с увещаниями искоренить своею собственною властью отвратительный обычай, так долго не подчинявшийся голосу человеколюбия и религии ⁵⁷⁾. Трогательные настояния Пруденция не были так успешны, как благородное мужество Телемаха — азиатского монаха, смерть которого была для человечества более полезна, чем его жизнь ⁵⁸⁾. Римлян раздражило то, что были прерваны их забавы, и они побили камнями смелого монаха, вошедшего на арену для того, чтобы разлучить сражавшихся гладиаторов. Но ярость народа скоро утихла; он почтил память Телемаха, удостоившегося звания мученика, и безропотно подчинился законам Гono-

рия, навсегда отменявшим человеческие жертвоприношения в амфитеатре. Те из граждан, которые держались за нравы своих предков, быть может, приводили в свое оправдание то соображение, что последние остатки воинственного духа сохранялись в этих школах бесстрашия, приучавших римлян равнодушно смотреть на кровь и презирать смерть; но это был неосновательный и варварский предрассудок, так благородно опровергнутый мужеством древних греков и современных нам европейцев ⁵⁹⁾.

Опасность, которой подвергался император, живя в беззащитном миланском дворце, побудила его искать убежища в одной из неприступных итальянских крепостей, где он мог бы жить спокойно даже в том случае, если бы окрестная страна была затоплена потоком варваров. На берегу Адриатического моря, в десяти или двенадцати милях от самого южного из семи устьев реки По, фессалийцами была в древности основана колония Равенна ⁶⁰⁾, которую они впоследствии уступили жителям Умбрии. Август, заметив, какие выгоды представляет эта местность, приказал выстроить, на расстоянии трех миль от старого города, обширную гавань, в которой могли помещаться двести пятьдесят военных судов. Это заведение, заключавшее в себе арсеналы и склады, бараки для войск и дома для рабочих, получило свое начало и свое название от того, что служило постоянной стоянкой для римского флота; промежуточное пространство покрылось домами и жителями, и три обширных и многолюдных равеннских квартала мало-помалу образовали один из самых важных городов Италии. По вырытому при Августе главному каналу воды реки По протекали широким потоком посреди города до входа в гавань; те же воды наполняли глубокие рвы, которыми были обнесены городские стены; они распределялись при помощи множества небольших каналов, по всем частям города, разделяя их на небольшие острова, между которыми не было другого способа сообщений, кроме лодок и мостов; дома Равенны были построены на деревянных сваях, и по своему внешнему виду город, должно быть, имел сходство с теперешней Венецией.

Окрестная местность состояла, на протяжении многих миль, из глубоких и непроходимых болот, а искусственное шоссе, соединявшее Равенну с континентом, было нетрудно защитить от неприятельской армии или разрушить при ее

приближении. Впрочем, между этими болотами были местами разбросаны виноградники, и даже после того, как почва была истощена четырьмя или пятью уборками винограда, город был более обильно снабжен вином, чем пресной водой ⁶¹⁾. Воздух вместо того, чтобы быть пропитанным вредными и заразительными испарениями низменной и болотистой местности, был такой же чистый и здоровый, как в окрестностях Александрии, а это странное преимущество приписывалось регулярным приливам и отливам Адриатического моря, которые промывали каналы, не позволяли воде портиться от застоя и каждый день приносили в самую середину Равенны суда из соседних стран. Вследствие постепенного удаления моря от берегов нынешняя Равенна находится на расстоянии четырех миль от Адриатики, и еще в пятом или шестом столетии христианской эры гавань Августа превратилась в красивый фруктовый сад, а то место, где прежде становился на якорь римский флот, было покрыто уединенной сосновой рощей ⁶²⁾. Даже эта перемена привела к тому, что крепость сделалась еще более неприступной, так как мелководие служило достаточной охраной от больших неприятельских кораблей. Искусство и труд усовершенствовали естественные выгоды такого положения, и девятнадцатилетний западный император, заботившийся только о своей личной безопасности, навсегда укрылся за стенами и болотами Равенны. Примеру Гонория последовали его слабые преемники — готские цари и экзархи, впоследствии занимавшие трон и дворец императоров, и до половины восьмого столетия Равенна считалась центром правительственной власти и столицей Италии ⁶³⁾.

Опасения Гонория не были лишены основания, а принятые им предосторожности не были бесполезны. В то время как Италия радовалась своему избавлению от готов, поднялась страшная буря между германскими народами, подчинившимися непреодолимому напору, который, по-видимому, достиг до них мало-помалу, начавшись с восточной оконечности Азиатского континента. Китайские летописи, с содержанием которых нас познакомили трудолюбивые ученые нашего времени, раскрывают нам тайные и отдаленные причины падения Римской империи. Обширная территория, лежащая к северу от великой стены, подпала, после бегства гуннов, под власть победоносных сиемпиев; они по временам распадалась на самостоятельные племена, а по временам соединя-

лись под управлением одного верховного вождя, пока наконец не приобрели более прочного устройства и более страшного могущества, усвоив себе название *Тона*, или властелинов мира. Эти *Тона* скоро заставили пастушеские народы восточной степи преклониться перед превосходством их военных сил; они вторглись в Китай в эпоху его слабости и внутренних раздоров, и в конце концов эти счастливые татары, усвоив себе законы и нравы побежденного ими народа, основали императорскую династию, царствовавшую над северными провинциями монархии в течение более ста шестидесяти лет. За несколько поколений до их вступления на китайский престол, один из принцев *Тона* принял на службу в свою кавалерию раба по имени Моко, который прославился своей храбростью, но из страха какого-то наказания покинул свое знамя и отправился бродить по степи во главе сотни последователей. Эта кучка хищников и изгнанников разрослась до того, что образовала сначала лагерь, потом племя и, наконец, многочисленный народ, принявший название геугов, а его наследственные вожди, составлявшие потомство раба Моко, заняли место в ряду скифских монархов. Самый знаменитый между его преемниками Тулун прошел в своей юности школу несчастья, которая есть школа героев. Он мужественно боролся с невзгодами, свергнул иго надменных *Тона* и сделался законодателем своей нации и завоевателем Татарию. Его войска были разделены на отряды в сто и в тысячу человек; трусов побивали камнями; храбрость награждалась самыми блестящими почестями, а Тулун, будучи достаточно сведущим человеком, чтобы презирать ученость Китая, заимствовал от него только те искусства и учреждения, которые были согласны с военным духом его собственного управления. Свой палатки он переносил в зимнее время на юг, а летом раскидывал на плодоносных берегах Селенги. Его завоевания простирались от Кореи далеко за реку Иртыш. Он победил живших на севере от Каспийского моря гуннов, а принятый им новый титул Хана, или Кагана, был выражением славы и могущества, доставленных ему этой достопамятной победой ⁶⁴⁾.

Нить событий прерывается или, верней, скрывается от наших глаз, в то время как она проходит между Волгой и Вислой по покрытому мраком пространству, отделявшему крайние пределы китайской географии от географии римской.

Тем не менее знакомство с нравами варваров и с тем, как совершались прежние переселения, дает нам право полагать, что гунны, теснимые геугами, постарались избежать неприятного соседства с победителями. Страны, прилегающие к Эвксинскому морю, уже были заняты родственными им племенами, и их торопливое бегство, скоро превратившееся в отважное нападение, естественно должно было направиться к богатой и плоской равнине, по которой тихо течет Висла до своего впадения в Балтийское море. Нашествие гуннов снова встревожило и взволновало Север, а отступавшие перед ними племена неизбежно должны были обрушиться всею своею тяжестью на границы Германии ⁶⁵⁾. Жители тех стран, которые, по мнению древних, были населены свевами, вандалами и бургундами, или решились уступить спасавшимся бегством сарматам свои леса и болота, или, по меньшей мере, постарались избавиться от излишка своего населения, направив его на римские провинции ⁶⁶⁾. Почти через четыре года после того, как победоносный Тулун принял титул Хана геугов, другой варвар — надменный Радагаст, или Радагайс ⁶⁷⁾, двинулся с северных оконечностей Германии, дошел почти до самых ворот Рима и, умирая, предоставил остаткам своей армии довершить разрушение Западной империи. Вандалы, свевы и бургунды составляли главную силу этой страшной армии, но аланы, нашедшие гостеприимный прием в своих новых местах жительства, присоединили свою ловкую кавалерию к тяжелой пехоте германцев, а готские искатели приключений стали стекаться в таком числе под знамена Радагайса, что некоторые историки называли его царем готов. Двенадцать тысяч воинов, отличавшихся знатностью своего рождения или своими воинскими подвигами, блестили в его авангарде ⁶⁸⁾, а все сборище, заключавшее в себе не менее двухсот тысяч людей, носивших оружие, вероятно, доходило до четырехсот тысяч человек, так как к нему присоединились женщины, дети и рабы. Это громадное переселение началось от тех самых берегов Балтийского моря, откуда мириады кимвров и тевтонов устремились на Рим и на Италию в блестящие времена республики. После удаления этих варваров их родина, сохранившая на себе следы их величия, — длинные окопы и гигантские молы ⁶⁹⁾ — оставалась в течение нескольких веков обширной и мрачной пустыней, пока там снова не размножился человеческий род естественным

путем рождений и пока оставленное вакантным место не было наполнено приливом новых пришельцев. Народы, которые в наше время захватили бы такие земельные пространства, которых они не в состоянии обрабатывать, скоро нашли бы себе помощь в трудолюбивой бедности своих соседей, если бы европейские правительства не оберегали прав верховной власти и прав частной собственности.

Международные сношения были в ту пору так поверхностны и непрочны, что равеннский двор мог ничего не знать о происшедших на севере переворотах до тех пор, пока черные тучи, собравшиеся на берегах Балтийского моря, не разразились грозой над берегами Нижнего Дуная. Если министры западного императора и прервали его забавы извещением о приближающейся опасности, то он ограничился ролью виновника и зрители борьбы ⁷⁰⁾. Охрана Рима была поручена благоразумию и мечу Стилихона; но до такой слабости и до такого истощения дошла империя, что не было возможности ни восстановить укрепления на Дунае, ни сделать какое-либо энергическое усилие, чтобы предотвратить вторжение германцев ⁷¹⁾.

Все надежды бдительного Гонориева министра ограничились обороной Италии. Он еще раз оставил провинции беззащитными, отозвал оттуда все войска, стал торопливо производить набор новых рекрутов, — причем был вынужден прибегать к строгим мерам, так как население из трусости уклонялось от военной службы, — придумал самые действенные средства, чтобы прекратить дезертирство и снова привлечь в ряды армии тех, кто их покинул, и, наконец, обещал свободу и по две золотых монеты каждому рабу, который поступит в рекруты ⁷²⁾. Благодаря этим усилиям он с трудом набрал между подданными великой империи армию из тридцати или сорока тысяч человек, которую во времена Сципиона или Камилла тотчас снарядили бы вольные граждане, жившие на римской территории ⁷³⁾. Тридцать Стилихоновых легионов были усилены большим отрядом варварских вспомогательных войск; преданные ему аланы были лично привязаны к нему, а отряды гуннов и готов, выступивших в поход под знаменами своих туземных князей Гульдина и Сара, желали воспротивиться честолюбивым замыслам Радагайса и из личных расчетов и из жажды мщения. Король союзных германцев перешел, без всякого сопротивления, Альпы, По и

Апеннины, минуя, с одной стороны, неприступный дворец Гонория, безопасно погрузившийся в равеннские болота, а с другой стороны, лагерь Стилихона, выбравшего для своей главной квартиры Тицинум или Павию и, по-видимому, уклонявшегося от решительной битвы, пока не соберутся ожидаемые им издалека войска. Многие города Италии были ограблены и разрушены, а осада Флоренции ⁷⁴⁾ Радагайсом составляет одно из самых древних событий в истории этой знаменитой республики, сдержавшей своим мужеством не дисциплинированную ярость варваров и замедлившей их наступательное движение. Когда они были еще в ставосьмидесяти милях от Рима, сенат и народ трепетали от страха и тревожно сравнивали опасность, которой они избегли, с теми новыми опасностями, которые им угрожали. Аларих был христианин и воин; он был вождем дисциплинированной армии, был знаком с законами войны, уважал святость договоров и нередко сходиллся с подданными империи в одних лагерях и в одних церквях. А свирепый Радагайс не был знаком ни с нравами, ни с религией, ни даже с языком цивилизованных южных народов. Его врожденная свирепость усиливалась от варварских суеверий, и существовало общее убеждение, что он обязался торжественной клятвой обратить Рим в груды камней и пепла и принести самых знатных римских сенаторов в жертву на алтарях тех богов, которых можно умиротворить только человеческой кровью. Общая опасность, которая должна бы была заглушить все внутренние распри, обнаружила неизлечимое безрассудство религиозных партий. Угнетенные приверженцы Юпитера и Меркурия уважали в непримиримом враге Рима усердного язычника; они громко заявляли, что их пугают не столько военные успехи Радагайса, сколько замышляемые им жертвоприношения, и втайне радовались бедствиям своего отечества, которые могли считаться обвинительным приговором над религией их христианских противников ⁷⁵⁾.

Флоренция была доведена до последней крайности, и ослабевшее мужество граждан поддерживалось только авторитетом св. Амвросия, который обещал им в сновидении скорое освобождение ⁷⁶⁾. Они вдруг увидели с высоты своих стен знамена Стилихона, который во главе всех своих сил пришел на выручку верного города и вскоре вслед затем обратил его окрестности в могилу варварской армии. Кажущиеся проти-

воречия между теми писателями, которые различно описывали поражение Радагайса, можно согласовать, не искажая их свидетельств. Орозий и Августин, которые были тесно связаны друг с другом узами дружбы и религии, приписывают эту удивительную победу не столько человеческой храбрости, сколько покровительству небес ⁷⁷⁾. Они решительно устраняют всякую мысль об удаче и даже о кровопролитии и положительно утверждают, что римляне, в праздности наслаждавшиеся в своем лагере полным достатком, видели, как изнуренные голодом варвары умирали на крутых и бесплодных холмах Фезул, возвышающихся над городом Флоренцией. К их нелепому уверению, будто ни один солдат христианской армии не был не только убит, но даже ранен, следует относиться с безмолвным пренебрежением; но остальная часть рассказа Августина и Орозия может быть согласована с ходом войны и с характером Стилихона. Так как он сознавал, что командует *последней* армией республики, то благоразумие не позволяло ему подвергать ее в открытом поле неистовому натиску германцев.

Он снова прибегнул, в более широком размере и с более блистательным результатом, к той методе окружать неприятеля сильными окопами, которую он уже два раза употреблял против царя готов. Даже самые необразованные римские военачальники были знакомы с примером Цезаря и с укреплениями Диррахия, которые соединяли двадцать четыре башни непрерывными рвами и валом на протяжении пятнадцати миль и представляли образец таких окопов, с помощью которых можно запереть и выморить голодом самую многочисленную варварскую армию ⁷⁸⁾. Римские войска утратили не столько усердие, сколько мужество своих предков; если же низкая и тяжелая работа оскорбляла гордость солдат, то Тоскана могла доставить много тысяч крестьян, готовых если не сражаться, то трудиться для спасения своей родины. Заключение точно в тюрьме, масса лошадей и людей ⁷⁹⁾ постепенно гибла не столько от меча, сколько от голода; но в то время, как производилась эта обширная работа, римляне подвергались частым нападениям со стороны выведенного из терпения неприятеля. Отчаяние, вероятно, заставляло голодных варваров яростно нападать на укрепления, которыми окружал их Стилихон, а римский военачальник, вероятно, по временам удовлетворял запальчивость своих храбрых со-

юзников, которые горели нетерпением взять приступом лагерь германцев; эти обоюдные попытки, быть может, и были причиной тех упорных и кровопролитных сражений, которые украшают рассказ Зосима и "Хроники" Проспера и Марцеллина ⁸⁰⁾. Внутри Флоренции были своевременно доставлены подкрепления и запасы провианта, и страдавшая от голода армия Радагайса была в свою очередь осаждена. Гордый монарх стольких воинственных народов, лишившись своих самых храбрых воинов, был доведен до того, что должен был или сдаться на капитуляцию, или положиться на милосердие Стилихона ⁸¹⁾. Но смерть царственного пленника, который был позорно обезглавлен, запятнала триумф Рима и христианства, а торопливость, с которой была совершена его казнь, была достаточным мотивом для того, чтобы заклеить победителя обвинением в хладнокровной и предумышленной жестокости ⁸²⁾. Те изнуренные голодом германцы, которые спаслись от ярости римских союзников, были проданы в рабство по низкой цене одной золотой монеты за каждого; но многие из этих несчастных чужеземцев погибли от непривычных для них пищи и климата, и было замечено, что их бесчеловечные покупщики, вместо того чтобы пожинать плоды их труда, были скоро вынуждены делать расходы на их погребение. Стилихон уведомил императора и сенат о своем успехе и вторично заслужил славное название Спасителя Италии ⁸³⁾.

Блеск этой победы и в особенности слухи о чуде породили неосновательное мнение, будто вся армия или, скорей, вся нация германцев, пришедшая с берегов Балтийского моря, погибла под стенами Флоренции. В действительности такова была участь самого Радагайса, его храбрых и верных товарищей и более чем трети разнохарактерного сборища свевов и вандалов, аланов и бургундов, ставших под знамя этого военачальника ⁸⁴⁾. Мы можем удивляться тому, что можно было набрать такую армию, но причины ее распада очевидны и убедительны: они заключались в высокомерии тех, кто отличался знатностью происхождения, в наглости тех, кто кичился своей храбростью, во взаимной зависти начальников, в отсутствии субординации и в упорной борьбе мнений, интересов и страстей стольких королей и вождей, не привыкших ни к уступчивости, ни к повиновению. После поражения Радагайса две трети германской армии, должно быть сос-

тоявшие более чем из ста тысяч человек, еще оставались с оружием в руках или между Апенниннами и Альпами, или между Альпами и Дунаем. Неизвестно, пытались ли они отомстить за смерть своего вождя; но их порывистая ярость была скоро направлена в другую сторону предусмотрительным и мужественным Стилихоном, который противился их наступательному движению, облегчал им отступление, считал безопасность Рима и Италии за главную цель своих усилий и слишком равнодушно жертвовал богатствами и спокойствием отдаленных провинций⁸⁵⁾. Варвары приобрели от присоединившихся к ним паннонских дезертиров знакомство с местностью и с путями сообщения, и замысел Алариха вторгнуться в Галлию был приведен в исполнение остатками великой армии Радагайса⁸⁶⁾.

Однако если они рассчитывали на содействие германских племен, живших на берегах Рейна, то они обманулись в своих ожиданиях. Аллеманны держались пассивного нейтралитета, а франки выказали свое усердие и мужество, защищая империю. Во время своей быстрой поездки вниз по Рейну, которая была первым делом его управления, Стилихон напрягал все свои усилия к тому, чтобы упрочить союз с воинственными франками, и к тому, чтобы удалить от границы непримиримых врагов спокойствия и республики. Один из франкских королей, по имени Маркомер, был публично уличен перед трибуналом римского судьи в нарушении мирного договора. Он был присужден хотя и не к тяжелой, но к отдаленной ссылке в тосканскую провинцию, а к этому унижению королевского достоинства подданные Маркомера отнеслись с таким равнодушием, что казнили смертью буйного Сунно, который попытался отомстить за своего брата, и с покорностью подчинились князю, который был возведен на престол по выбору Стилихона⁸⁷⁾. Когда северные пришельцы обрушились на границы Галлии и Германии, франки смело напали на вандалов, которые, позабыв уроки прошлого, еще раз отделились от своих варварских союзников. Вандалы жестоко поплатились за свою опрометчивость и вместе со своим вождем Годегизелем легли в числе двадцати тысяч на поле битвы. Весь этот народ был бы истреблен, если бы пришедшие к нему на помощь эскадры аланов не устремились на франкскую пехоту, которая после славного сопротивления была вынуждена отказаться от неравной борьбы. Побе-

доносные союзники продолжали свое наступательное движение, и в последний день года, в такую пору, когда воды Рейна обыкновенно замерзают, они, не встречая сопротивления, вступили в незащищенные галльские провинции. Это достопамятное вступление свевов, вандалов, аланов и бургундов в Галлию, из которой они впоследствии никогда не уходили обратно, может считаться за уничтожение римского владычества в странах по ту сторону Альп, и те преграды, которые так долго отделяли дикие народы земного шара от народов цивилизованных, были с этой роковой минуты скрыты до основания ⁸⁸⁾.

В то время как спокойствие Германии было обеспечено преданностью франков и нейтралитетом аллеманнов, римские подданные, не подозревавшие, какие угрожают им бедствия, наслаждались таким спокойствием и благосостоянием, какое редко выпадало на долю пограничного населения Галлии. Их стада паслись на лугах варваров; их охотники проникали, без всякого страха или опасности, в самую глубь Герцинского леса ⁸⁹⁾. Берега Рейна, подобно берегам Тибра, были с обеих сторон усеяны красивыми домами и хорошо возделанными полями, и поэт, спускавшийся вниз по этой реке, мог задаться вопросом, на которой стороне находится территория римлян ⁹⁰⁾. Эта сцена спокойствия и достатка внезапно изменилась в пустыню, и только по дымящимся развалинам можно было отличить пустыню, созданную руками природы, от той, которая была делом человеческих рук. Цветущий город Майнц подвергся неожиданному нападению и был разрушен, и несколько тысяч христиан были безжалостно убиты в церкви. Вормс пал после продолжительной и упорной осады; Страсбург, Шпейер, Реймс, Дорник, Аррас и Амьен подпали под жестокое иго германцев, и всеистребляющее пламя войны разлилось от берегов Рейна почти по всем семнадцати провинциям Галлии. Варвары сделались хозяевами этой богатой и обширной страны до берегов океана, до Альп и Пиренеев, и гнали перед собой смешанную толпу епископов, сенаторов и молодых девушек, уносивших с собой домашнюю утварь и алтари ⁹¹⁾. Лица духовного звания, которым мы обязаны этими неполными сведениями об общественных бедствиях, воспользовались этим удобным случаем, чтобы призывать христиан к раскаянию в грехах, навлекших на них гнев Верховного Судии, и к отрече-

чению от преходящих благ этого жалкого и обманчивого мира. Но так как учение Пелагия ⁹²⁾, пытавшегося проникнуть в тайну благодати и предопределения, скоро сделалось самым серьезным предметом занятий для латинского духовенства, то Провидение, ниспославшее, предвидевшее или допустившее такие нравственные и физические страдания, было опрометчиво подвергнуто суду несовершенно и обманчиво-го человеческого разума. Преступления и несчастья страдальцев самоуверенно сравнивались с преступлениями и несчастьями их предков, а Божеское Правосудие подвергалось нападкам за то, что оно не исключило из общей гибели слабую, невинную и младенческую часть человеческого рода. Эти пустые спорщики просмотрели неизменный закон природы, который назначает спокойствие в удел невинности, достаток в удел трудолюбия, а безопасность в удел храбрости. Трусливая и эгоистическая политика равеннского двора могла отозвать Палатинские легионы для обороны Италии; остатки постоянно находившихся в Италии войск могли оказаться недостаточными для такой трудной задачи, а варварские вспомогательные войска могли предпочесть своеволие и грабеж выгодам умеренного и постоянного жалованья. Но галльские провинции были наполнены отважной и здоровой молодежью, которая могла бы с успехом защищать свои жилища, семейства и алтари, если бы она была способна не бояться смерти. Близкое знакомство с местностью дало бы ей возможность противопоставлять врагу беспрестанные и непреодолимые препятствия, а плохое вооружение варваров и отсутствие между ними дисциплины устранили единственный мотив, которым можно бы было объяснить завоевание многолюдной страны немногочисленной неприятельской армией. Когда Карл V вторгся во Францию, он спросил у одного пленника: сколько дней пути от границы до Парижа? "Дней двенадцать, но придется выдержать столько же сражений" ⁹³⁾. Таков был благородный ответ на высокомерный вопрос этого честолюбивого монарха. Но подданные Гонория не отличались тем мужеством, какое воодушевляло подданных Франциска I, и менее чем через два года разбросанные отряды прибалтийских дикарей, по всему вероятию вовсе не страшных своим числом, дошли без боя до подножия Пиренеев ⁹⁴⁾.

В первые годы царствования Гонория бдительный Стили-

хон с успехом защищал отдаленный британский остров от его постоянных врагов, приходивших то морем, то с гор, то с берегов Ирландии ⁹⁵⁾. Но эти неусидчивые варвары, естественно, воспользовались тем, что война с готами заставила римлян отозвать войска, которые защищали стену и занимали военные посты. Если же иным легионным солдатам дозволялось возвращаться туда из итальянской экспедиции, то их невымысленные рассказы о дворе и характере Гонория неизбежно должны были ослаблять узы преданности и разжигать дух мятежа в британской армии. Прихотливое своеволие солдат перешло в такие же восстания, какие вспыхивали в царствование Галлиена, а те несчастные или, быть может, честолюбивые кандидаты, на которых падал их выбор, делались сначала орудиями, а в конце концов жертвами их страстей ⁹⁶⁾. Марк был первым из таких кандидатов, возведенным на престол в качестве законного императора Британии и всего Запада. Но вскоре после того солдаты убили его, нарушив добровольно принесенную ему клятву в верности, а их недобрительные отзывы о его характере, как кажется, могли бы служить для него такой надгробной надписью, которая сделала бы ему честь. Вслед затем они нарядили в диадему и в пурпуровую мантию Грациана, но по прошествии четырех месяцев Грациан подвергся одной участи со своим предшественником. Воспоминание о великом Константине, возвышением которого и церковь и империя были обязаны британским легионам, послужило для них оригинальным мотивом для третьего избрания. Они отыскиали в рядах армии простого солдата, называвшегося Константином, и, по своему буйному легкомыслию, уже возвели его на престол, когда заметили, что он не способен поддерживать славу такого блестящего имени ⁹⁷⁾.

Однако владычество Константина оказалось более прочным, чем скоротечные царствования Марка и Грациана, а его управление даже было более успешным. Сознывая, что было бы опасно оставлять войска в бездействии внутри их лагерей, уже два раза оскверненных убийствами и мятежами, он решился предпринять завоевание западных провинций. Он высадился в Булони с незначительной армией и, употребив несколько дней на отдых, обратился к тем городам Галлии, которые не подпали под иго варваров, с требованием признать его своим законным государем. Они подчинились

ему без всякого сопротивления. Пренебрежение, с которым относилось к ним равеннское правительство, освобождало их покинутое на произвол судьбы население от принесенной им клятвы в верности; их несчастье заставляло их соглашаться на всякую перемену без опасений и даже с некоторой надеждой улучшить свое положение, и они могли ласкать себя мыслью, что войска, авторитет и даже одно имя римского императора, избравшего своим местопребыванием Галлию, охраняют эту несчастную страну от ярости варваров. Первые успешные действия Константина против отдельных отрядов германцев были до того преувеличены лестью, что выдавались за блестящие и решительные победы, но скоро были низведены до своей настоящей стоимости дерзостью соединенных неприятельских сил. Затеянные им переговоры доставили ему непродолжительное и непрочное перемирие; если же некоторые варварские племена, прельстившиеся его щедрыми подарками и обещаниями, взялись защищать Рейн, то эти дорого стоившие и ненадежные договоры не восстановили безопасности галльской границы и привели лишь к тому, что унизили достоинство монарха и истощили последние средства государственной казны. Тем не менее мнимый избавитель Галлии возгордился этим воображаемым триумфом и направился в южные провинции навстречу более настоятельной и более личной опасности. Готу Сару было приказано положить голову мятежника к стопам императора Гонория, и военные силы Британии и Италии были недостойным образом истощены на эту внутреннюю распрю. Лишившись двух самых храбрых своих полководцев, Юстиниана и Невигаста, — из которых первый пал на поле сражения, а второй был вероломно умерщвлен во время мирного совещания, — Константин укрылся за укреплениями Виенны. Императорская армия в течение семи дней безуспешно нападала на этот город и наконец, будучи вынуждена торопливо отступить, покрыла себя позором, купив право свободного перехода через Альпы у тамошних грабителей и разбойников ⁹⁸). Эти горы сделались границей между владениями двух монархов-соперников, а для охранения ее с обеих сторон были поставлены войска, которые могли бы быть с большей пользой употреблены на защиту Римской империи от германских и скифских варваров.

По сию сторону Пиренеев для честолюбия Константина мог-

да бы служить оправданием угрожавшая ему неминуемая опасность; но его владычество скоро упрочилось завоеванием или, скорее, покорностью Испании, которая, подчиняясь влиянию привычной субординации, приняла законы и должностных лиц от галльской префектуры. Единственное сопротивление, встреченное Константином, было вызвано не правительственной властью и не мужеством народа, а личным усердием и личными интересами семейства Феодосия. Четыре брата ⁹⁹⁾, состоявшие в родстве с покойным императором и получившие от него на своей родине почетные должности и обширные поместья, решились из чувства признательности пожертвовать своим состоянием для пользы его сына. После неудачной попытки отразить нашествие во главе стоявших в Лузитании войск они удалились в свои поместья; там они собрали и вооружили на собственный счет значительный отряд рабов и приверженцев и смело направились к Пиренеям с целью занять тамошние укрепленные походы. Это внутреннее восстание встревожило и смутило монарха Галлии и Британии, и он был вынужден вступить в переговоры с некоторыми отрядами варварских вспомогательных войск с целью привлечь их к участию в испанской войне. Эти отряды носили название *Гонориевских*, которое должно бы было напоминать им об обязанности не изменять их законному государю, и если можно допустить, что *скотты* подчинились влиянию пристрастной привязанности к британскому монарху, то *мавры* и *маркоманны* могли соблазниться только расточительной щедростью узурпатора, раздававшего варварам военные и даже гражданские должности в Испании. Девять *Гонориевских* ¹⁰⁰⁾ отрядов, следы существования которых нетрудно найти в военных учреждениях Западной империи, не могли превышать пяти тысяч человек; однако и эта незначительная сила оказалась достаточной для окончания войны, угрожавшей владычеству и личной безопасности Константина. Набранная из крестьян, армия родственников Феодосия была окружена в Пиренеях и уничтожена; двум братьям удалось спастись морем в Италию или на восток; остальные двое, после некоторой отсрочки, были казнены в Арелате, и если Гонорий мог оставаться нечувствительным к общественному бедствию, он, может быть, не остался равнодушным к личным несчастьям своих великодушных родственников ¹⁰¹⁾. Таковы были ничтожные военные силы, решившие

вопрос о том, кому должны принадлежать западные европейские провинции от стены Антонина до Геркулесовых столбов. Не подлежит сомнению, что мирные и военные события того времени утрачивали свое важное значение под пером тогдашних историков, которые, вследствие узости и неправильности своей точки зрения, не вникали ни в причины, ни в последствия совершавшихся перед их глазами важных переворотов. Вследствие совершенного упадка народной силы исчезли последние ресурсы деспотического правительства, а доходов с истощенных провинций уже было недостаточно для того, чтобы оплачивать военную службу недовольного и малодушного населения.

Льстивый поэт, приписывавший победы при Полленции и Вероне неустрашимости римлян, посылает в погоню за торопливо удалявшимся от пределов Италии Аларихом массу созданных его фантазией самых отвратительных привидений, какие только могли бродить вокруг варварской армии, доведенной до крайнего истощения войной, голодом и болезнями ¹⁰²). В этой неудачной экспедиции царь готов действительно, должно быть, потерпел значительные потери, и его измученные войска нуждались в отдыхе для того, чтобы можно было приступить к пополнению их численного состава и снова внушить им бодрость.

Несчастья доставили Алариху случай выказать его военные дарования, и слава его подвигов привлекала под знамя готов жаждавших грабежа и завоеваний храбрых варварских воинов, рассеянных на всем пространстве от Эвксинского моря до берегов Рейна. Он успел внушить к себе уважение самому Стилихону и скоро вступил с ним в дружеские сношения. Отказавшись от службы у восточного императора, Аларих заключил с равеннским двором мирный договор, в силу которого он назначался главным начальником римских армий во всей Иллирийской префектуре в тех настоящих и старинных ее пределах, на которые заявлял притязание министр Гонория ¹⁰³). Грозное нашествие Радагайса, как кажется, приостановило исполнение этого честолюбивого замысла, о котором было или положительно условлено в статьях мирного договора, или же только упоминалось мимоходом, а нейтралитет готского царя, пожалуй, можно сравнить с равнодушием Цезаря, который, во время заговора Катилины, отказался и от содействия врагу республики и от борьбы с

ним. После поражения вандалов Стилихон снова заявил свои притязания на восточные провинции, назначил туда гражданских должностных лиц для заведования юстицией и финансами и объявил, что с нетерпением ждет той минуты, когда поведет соединенные армии римлян и готов к воротам Константинополя. Однако и благоразумие Стилихона, и его отвращение к междоусобным войнам, и хорошо ему известное истощение государственных сил заставляют нас полагать, что целью его политики было не столько внешнее завоевание, сколько внутреннее спокойствие и что он заботился главным образом о том, чтобы дать войскам Алариха занятие вдалеке от Италии. Такого намерения нельзя было долго скрывать от прозорливого готского царя, который не переставал поддерживать подозрительную и, может быть, изменническую переписку с двумя соперничавшими правительствами, тянул, как недовольный наемник, свои нерешительные военные действия в Фессалии и Эпире и скоро возвратился оттуда с требованием чрезвычайных наград за свои бесполезные заслуги. Из своего лагеря подле Эмочы ¹⁰⁴⁾ на границе Италии он послал западному императору длинный список обещаний, расходов и требований, просил немедленного удовлетворения и ясно намекал на опасности, которые могут быть последствием отказа. Впрочем, хотя его поведение было неприязненно, его выражения были приличны и почтительны. Он смиренно выдавал себя за друга Стилихона и слугу Гонория, предлагал немедленно выступить во главе своих войск против галльского узурпатора и просил, чтобы ему предоставили какую-нибудь из провинций Западной империи для поселения на ней готской нации.

Тайные политические переговоры между двумя государственнымими людьми, старавшимися обмануть друг друга и весь мир, остались бы навсегда скрытыми от нас непроницаемым мраком кабинетных совещаний, если бы прения народного собрания не бросили несколько лучей света на переписку Алариха со Стилихоном. Необходимость найти какую-нибудь искусственную опору для правительства, вступавшего в переговоры со своими собственными подданными не из умеренности своих принципов, а из сознания своего бессилия, мало-помалу привела к тому, что восстановила авторитет римского сената, и министр Гонория почтительно обратился

за советами к законодательному собранию. Стилихон созвал сенат во дворце Цезарей, изложил в тщательно обработанной речи настоящее положение дел, предложил ему на рассмотрение требования готского царя и предоставил на его усмотрение выбор между миром и войной. Сенаторы, точно будто внезапно пробудившиеся из четырехсотлетнего усыпления, вдохновились в этом важном случае, по-видимому, не столько мудростью, сколько мужеством своих предшественников. Частью произнесенными речами, частью шумными возгласами они заявили, что считают унижительным для римского достоинства покупать у варварского царя непрочное и позорное перемирие и что великодушный народ всегда предпочтет возможность гибели неизбежному бесчестью.

Министр, миролюбивые намерения которого были поддержаны голосами немногих раболепных и продажных приверженцев, попытался успокоить общее раздражение следующей апологией не только своего собственного поведения, но и требований, заявленных готским царем: "уплате субсидии, возбуждающей в римлянах негодование, не следует придавать гнусный характер подати или выкупа, исторгнутого угрозами варварского врага. Аларих честно поддерживал основательные притязания республики на захваченные константинопольскими греками провинции: он скромно просил приличной и условленной награды за свои услуги; если же он не продолжал начатого предприятия, то его отступление было совершено в исполнение решительных, хотя и изложенных в частном письме, приказаний самого императора". Не желая скрывать ошибок своих собственных родных, Стилихон сознавался, что "такие противоречивые приказания были даны вследствие ходатайства Серены. Его жена была глубоко огорчена раздорами между двумя царственными братьями — сыновьями ее приемного отца, и внушаемые природой чувства слишком легко одержали в ней верх над суровыми требованиями общественной пользы". Эти благовидные доводы, слабо прикрывавшие тайные интриги равеннского дворца, были поддержаны авторитетом Стилихона и, после горячих прений, были неохотно одобрены сенатом. Шумные протесты тех, кто говорил голосом мужества и свободы, умолкли, и сумма в четыре тысячи фунтов золота была назначена, под названием субсидии, на обеспечение спокойствия Италии и на приобретение дружбы готского царя. Только один из са-

мых знатных членов сената, по имени Лампадий, упорствовал в своем разномыслии; он громким голосом воскликнул: "Это договор не о мире, а о рабстве" ¹⁰⁵⁾ — и, чтобы избежать опасности, которую навлекла на него такая смелая оппозиция, поспешил укрыться в святилище христианской церкви.

Но владычество Стилихона приближалось к концу, и гордый министр мог заметить по некоторым признакам, что ему грозит в недалеком будущем опала. Благородная отвага Лампадия вызвала одобрение, а сенат, так долго и с таким терпением выносивший рабство, с пренебрежением отверг унижительное для него предложение мнимой свободы. Войска, все еще гордившиеся названием и прерогативами римских легионов, были оскорблены пристрастным расположением Стилихона к варварам, а жители приписывали пагубной политике министра те общественные бедствия, которые были естественным последствием их собственного малодушия. Тем не менее Стилихон еще мог бы не обращать внимания на жалобы народа и даже на неудовольствие солдат, если бы он сохранил свое влияние на слабый ум своего питомца. Но почтительная привязанность Гонория перешла в чувство страха, в подозрительность и в ненависть. Лукавый Олимпий ¹⁰⁶⁾, скрывавший свои пороки под маской христианского благочестия, втайне подорвал доверие к благодетелю, которому он был обязан своей почетной должностью при императорском дворе. Доверчивому императору, уже достигшему двадцатичетырехлетнего возраста, Олимпий объяснил, что он не имеет никакого веса и авторитета в делах управления, и искусно встревожил его робкую и беспечную душу, описав ему яркими красками замыслы Стилихона, будто бы намеревавшегося убить своего государя с честолюбивой целью возложить диадему на голову своего сына Евхерия. По наущению своего нового фаворита, император принял тон самостоятельности и достоинства, а его министр с удивлением заметил, что и при дворе и в правительственных сферах принимаются такие тайные решения, которые несогласны ни с его интересами, ни с его намерениями. Вместо того, чтобы жить в Риме, Гонорий объявил о своем намерении возвратиться в более безопасную равеннскую резиденцию. При первом известии о смерти своего брата Аркадия он задумал посетить Константинополь и, в качестве опекуна, ввести порядок в управление провинциями малолетнего Феодосия ¹⁰⁷⁾. Этот странный

и внезапный порыв к деятельности был сдержан указаниями на трудности и расходы, сопряженные с такой дальней поездкой; но император остался непоколебим в опасном намерении посетить лагерь подле Павии, в котором были собраны не любившие Стилихона римские войска и его варварские союзники. Преданный Стилихону римский адвокат, умный и прозорливый Юстиниан, убеждал его воспротивиться поездке, которая могла быть пагубна и для его репутации и для его личной безопасности. Его настойчивые, но бесплодные усилия привели лишь к тому, что укрепили влияние Олимпия, и предусмотрительный юрист отвернулся от своего патрона, считая его гибель неизбежной.

Во время проезда императора через Болонью Стилихон умирил мятеж телохранителей, втайне возбужденный им самим из политических расчетов; он сообщил мятежникам полученное им приказание подвергнуть казни каждого десятого солдата и приписал их помилование своему заступничеству. После прекращения этих беспорядков Гонорий в последний раз обнял министра, которого он уже считал за тирана, и направился к лагерю близ Павии, где был встречен выражениями преданности со стороны войск, собранных там для войны с Галлией. В четвертый день утром он произнес заученную им воинственную речь в присутствии солдат, которых Олимпий подготовил своими благосклонными посещениями и коварными беседами к совершению кровавого замысла. По данному сигналу они умертвили преданных Стилихону лучших военачальников, какие состояли на императорской службе, двух преторианских префектов, галльского и италийского, двух главных начальников кавалерии и пехоты, министра двора, квестора, казначея и комита дворцовой прислуги. Многие другие лишились жизни, и немало домов было ограблено; неистовый мятеж свирепствовал до наступления ночи, и дрожавший от страха Гонорий, которого видели на улицах Павии без императорской мантии и диадемы, склонившись на убеждения своего фаворита, осудил память убитых, публично признал невинность убийц и похвалил их преданность. Известие о совершенных в Павии убийствах возбудило в душе Стилихона основательные и мрачные опасения, и он немедленно созвал в болонский лагерь совет из тех союзных вождей, которые были лично к нему привязаны и которые неизбежно были бы вовлечены в его гибель. Все

собравшиеся настойчиво потребовали войны и мщения; они хотели, не теряя ни одной минуты, выступить под знаменем героя, так часто водившего их к победе, застигнуть врасплох, захватить и уничтожить преступного Олимпия и его выродившихся римлян и затем, быть может, возложить диадему на главу их оскорбленного полководца.

Вместо того чтобы исполнить план, который мог бы найти для себя оправдание в успехе, Стилихон колебался до тех пор, пока не погиб безвозвратно. Он еще не знал, что случилось с императором, не полагался на преданность своих собственных приверженцев и с ужасом помышлял о пагубных последствиях того, что он поведет против итальянской армии, итальянского населения буйные толпы варваров. Союзники, выведенные из терпения его трусливыми и нерешительными отсрочками, торопливо удалились под впечатлением и страха и негодования. Один из готских воинов, по имени Сар, даже между варварами славившийся своей физической силой и храбростью, внезапно напал в полночь на лагерь своего благодетеля, разграбил обоз, разбил наголову охранявших его особу верных гуннов и проник в палатку, где встревоженный министр сидел погружившись в размышления об опасностях своего положения. Стилихон с трудом спасся от меча готов и, обнародовав последнее и благородное воззвание к городам Италии с увещанием запираť свои ворота перед варварами, он из доверия или с отчаяния укрылся в Равенне, которая уже находилась в руках его врагов. Олимпий, присвоивший себе все права, принадлежавшие Гонорию, был тотчас извещен о том, что его соперник нашел убежище у алтаря одной христианской церкви. Этот низкий и жестокосердый лицемер не был доступен ни состраданию, ни угрызениям совести, но из благочестия постарался не нарушать привилегий святилища, а обойти их. Комит Гераклиан в сопровождении военного отряда появился на рассвете у входа в равеннскую церковь; епископ удовлетворился торжественной клятвой, что данное императором поручение заключается лишь в приказании арестовать Стилихона; но лишь только несчастный министр переступил за порог святилища, ему было предъявлено повеление о его немедленном предании смертной казни. Стилихон безропотно выслушал оскорбительные обвинения в измене и посягательстве на жизнь своего родственника, сдержал неуместное усердие своих приверженцев,

пытавшихся спасти его, и с мужеством, достойным последнего римского полководца, подставил свою шею под меч Гераклиана ¹⁰⁸). Раболепные царедворцы, так долго с подобострастием преклонявшиеся перед фортуной Стилихона, стали издеваться над его падением, а самые дальние родственные связи с западным военначальником, так еще недавно открывавшие путь к богатству и почестям, или настойчиво отвергались теми, кто когда-то ими гордился, или навлекали на них жестокие наказания. Его семейство, связанное с семейством Феодосия тройными узами родства, могло бы позавидовать положению последнего крестьянина. Его сын Евхерий был задержан в то время, как пытался спастись бегством; а вскоре вслед за смертью этого невинного юноши состоялся развод с Фермацией, которая заняла место своей сестры Марии и, подобно ей, сохранила на императорском брачном ложе свою девственность ¹⁰⁹).

Олимпий с неутолимой злобой преследовал тех из друзей Стилихона, которым удалось спастись во время павийской резни, и прибегал к самым утонченным жестокостям, чтобы вынудить от них признание в измене и святотатственном заговоре. Они умирали, не сказав ни слова; их непоколебимое мужество оправдало выбор ¹¹⁰) их патрона и может считаться за доказательство его невинности, а та деспотическая власть, которая отняла у него жизнь без суда и заклеила его память без доказательств, не в состоянии оказать какое-либо влияние на беспристрастный приговор потомства ¹¹¹). Заслуги Стилихона велики и очевидны, а его преступления, в том виде как на них неясно намекают лезть и ненависть, по меньшей мере сомнительны и неправдоподобны. Почти через четыре месяца после его смерти был издан от имени Гонория эдикт о восстановлении между двумя империями свободных сношений, которые были так долго прерваны *общественным врагом* ¹¹²). Министр, слава и могущество которого зависели от благосостояния государства, подвергся обвинению в том, что он изменнически предал Италию варварам, которых он побеждал и при Полленции, и при Вероне, и под стенами Флоренции. Приписываемый ему замысел возложить диадему на голову его сына Евхерия не мог бы быть приведен в исполнение без подготовки и без сообщников, а честолюбивый отец, конечно, не оставлял бы будущего императора до его двадцатилетнего возраста в скромном звании трибуна нота-

риусов. Злобный соперник Стилихона нападал даже на его религиозные чувства. Духовенство от всего сердца радовалось удачному и почти сверхъестественному избавлению церкви от ее врага и утверждало, что, в случае вступления на престол Евхерия, его первым делом было бы восстановление идолов и гонение христиан. Однако сын Стилихона был воспитан в христианской вере, которую его отец всегда исповедовал и усердно поддерживал ¹¹³⁾. Великолепное ожерелье Серены было снято со статуи Весты ¹¹⁴⁾, и язычники проклинали память нечестивого министра, по приказанию которого были преданы пламени Сивиллины книги, служившие для римлян оракулами ¹¹⁵⁾. Все преступление Стилихона заключалось в его высокомерии и могуществе. Его благородное нежелание проливать кровь своих сограждан, как кажется, содействовало успеху его недостойного соперника, а на личность Гонория пал тот позор, что потомство даже не удостоило его упреков в низкой неблагодарности к человеку, который опекал его юность и оберегал империю.

Между многочисленными приверженцами павшего министра, славившимися в свое время богатством и заслугами, нас всех более интересует знаменитый поэт Клавдиан, который пользовался милостивым расположением Стилихона и был вовлечен в гибель своего патрона. Почетные звания трибуна и нотариуса определяли его положение при императорском дворе; своим браком с одной богатой наследницей из африканской провинции ¹¹⁶⁾ он был обязан могущественному покровительству Серены, а Клавдианова статуя, воздвигнутая на форуме Траяна, свидетельствовала о разборчивости вкуса и о щедрости римского сената ¹¹⁷⁾. Когда прославление Стилихона стало считаться за преступление, Клавдиан навлек на себя вражду одного влиятельного и безжалостного царедворца, которого он оскорбил невоздержностью своего остроумия. Он сопоставил в колкой эпиграмме противоположные характеры двух преторианских префектов Италии и указал на контраст между безвредной беспечностью философа, иногда проводящего в дремоте или в научных трудах часы, назначенные для деловых занятий, и корыстным прилежанием жадного министра, неутомимо гонящегося за незаконными или нечестивыми денежными выгодами. "Как было бы полезно для населения Италии, — продолжает Клавдиан, — ес-

ли бы Маллий постоянно бодрствовал, а Адриан постоянно спал!" ¹¹⁸⁾

Дремота Маллия не была нарушена этим дружелюбным пожеланием, но жестокосердный Адриан выжидал возможности отомстить за себя и без больших усилий убедил врагов Стилихона принести для него такую ничтожную жертву, как жертва заносчивого поэта. Клавдиан скрывался во время революционных смут, а затем, повинувшись не столько голосу чести, сколько голосу благоразумия, обратился к оскорбленному префекту, в форме послания, с мольбами и со смиренным отречением от высказанного мнения. Он скорбел в жалобном тоне о пагубной нескромности, в которую был вовлечен своей раздражительностью и безрассудством, указывал, как на достойный подражания пример, на милосердие богов, героев и львов и выражал надежду, что великодушный Адриан не захочет раздавить беззащитного и ничтожного врага, который и без того уже достаточно унижен опалой и бедностью и глубоко огорчен ссылкой, пытками и смертью самых дорогих своих друзей ¹¹⁹⁾. Каков бы ни был успех этих просьб и каковы бы ни были подробности остальной его жизни, положительно известно одно, — что по прошествии нескольких лет могила сравнивала министра с поэтом; но имя Адриана почти совершенно предано забвению, тогда как произведения Клавдиана читаются с удовольствием во всех странах, сохранивших или приобретших знакомство с латинским языком. Если мы правильно взвесим его достоинства и его недостатки, то мы должны будем сознаться, что Клавдиан и не удовлетворяет и не поработает нашего ума. Нам было бы нелегко цитировать из его произведений такой отрывок, к которому шел бы эпитет возвышенного и патетического, или указать такой стих, который трогает нас до глубины сердца или расширяет пределы нашей фантазии. Мы напрасно стали бы искать в поэмах Клавдиана удачной изобретательности, или искусного изложения интересной фабулы, или верного и живого описания характеров и положений, взятых из действительной жизни. Для пользы своего патрона он сочинял панегирики и сатиры, а цель, для которой писались эти раболопные произведения, лишь усиливала в нем природную склонность выходить из пределов того, что правдиво и натурально. Впрочем, эти недостатки в некоторой степени возмещались поэтическими достоинствами Клавдиана. Он был

одарен редкой и драгоценной способностью облагораживать самые низкие сюжеты, украшать самые бесцветные и разнообразить самые монотонные: его колорит, в особенности в описательной поэзии, мягок и блестящ, и он редко пропускает случай выказать и даже употребить во зло преимущества развитого ума, богатой фантазии, легкого и по временам энергичного слога и непрерывного потока благозвучной версификации. К этим отличиям, не зависящим ни от каких случайных условий времени и места, мы должны присовокупить то специальное достоинство, которое истекало из неблагоприятных для Клавдиана условий его рождения. В эпоху упадка и искусств и самой империи получивший греческое образование египетский уроженец ¹²⁰⁾ приобрел в зрелых годах такое умение владеть латинским языком ¹²¹⁾, что превзошел всех своих слабых современников и после трехсотлетнего промежутка времени стал наряду с поэтами Древнего Рима ¹²²⁾.

---

1) О восстании готов и блокаде Константинополя ясно упоминают Клавдиан (in Rufin., кн. 2, 7-100), Зосим (кн. 5, стр. 292) и Иордан (de Rebus Geticis, гл. 29). (Стилихон нашел Фессалию уже ограбленной готами во время весны, наступившей после смерти Феодосия. (Клавд. in Rufin. II, 36-43). — *Издат.*)

2) .....Alii per terga ferocis
Danubii solidata ruunt; expertaque remis
Frangunt stagna rotis.

Клавдиан и Овидий часто потешают свою фантазию, прибегая к метафорам, основанным на различии между водой в жидком состоянии и водой замерзшей. На эти легкие упражнения они потратили немало остроумия.

3) Иероним, том 1, стр. 26. Чтобы утешить своего друга, епископа города Алтинума Гелиодора, лишившегося своего племянника Непоциана, он перечисляет все общественные и частные бедствия того времени. См. Тильемона Mem. Eccles., том XII, стр. 200 и сл.

4) Baltha (смелый): origo mirifica, по выражению Иордана (гл. 29). Этот знаменитый род долго процветал во Франции, в готской провинции Септимании или Лангедоке под извращенным именем Ваух; а одна ветвь этого рода впоследствии поселилась в королевстве Неаполитанском. (Гроций in Prolegom. ad Hist. Gothic., стр. 53). Владельцы Бо, подле Арля, и семидесяти девяти подвластных им поместий, были независимы от графов Прованских (Longuerue, Description de la France, том 1, стр. 357). (Готское название Baltha приняло на немецком языке форму bald, которая в более раннюю пору значила то же, что англосаксонское слово beald или английское bold. (Словарь Аделунга, 1, 622). Переходя через различные видоизменения разговорного языка, оно приняло значение наречия *скоро*

и сохранило его до сих пор. Имя столь знаменитого в скандинавской мифологии Одинова сына Бальда, без сомнения, происходило из того же источника. Отец императрицы Евдокии, называвшийся Bauto, вероятно, принадлежал к тому же роду. Таким путем создавались названия кланов или племен. Если бы Balti были так же знамениты во времена Тацита и Плиния, их сочли бы за одну из германских наций. — *Издат.*

5) Зосим (кн. 5, стр. 293-295) наш лучший руководитель при описании нашествия на Грецию, но указания и намеки Клавдиана также проливают свет на эти события.

6) Сравн. Геродота (кн. 7, гл. 176) и Ливия (XXXVI, 15). Этот узкий проход, вероятно, расширяли следовавшие затем завоеватели.

7) Он прошел, по словам Евнапия (in Vit. Philosoph., стр. 93, edit. Commelin, 1596), через ущелье, *dia ton pylon* (Фермопилы) *parelthen, hosper dia stadion, kai hippokrotou pediou trekon*.

8) Под влиянием того, что писали Иероним и Клавдиан (in Rufin. кн. 2, стр. 192), я прибавил несколько темных красок к рассказу Зосима, который старался представить бедствие Афин менее ужасным, чем оно было на самом деле.

Nec fera Cecropias traxissent vincula matres.

Синезий (Epist. 156, стр. 272, издан. Петав.) замечает, что Афины, бедствия которых он приписывает алчности проконсула, славились в ту пору не столько своими философскими школами, сколько своей торговлей медом. (Необходимо отмечать все черты готского характера, так как он имел громадное влияние на судьбы Европы. В уважении, которое выказал Аларих к древней отчизне знаний, не видно признаков того закоснелого равнодушия к высшим достоинствам просвещенного ума, в котором обвиняли всю его нацию. Нас приучили соединять с именем готов понятие о варварстве, невежестве и обо всем, что препятствует человеческому прогрессу; нас также приучили верить, что завоеватели Рима подвергли весь образованный мир разорению и опустошению, от которых он мог поправиться только после тысячелетних усилий. Это обвинение не согласно со всеми историческими фактами; сверх того, оно не может быть согласовано с человеческой натурой и с тенденциями человеческого ума. Мы повсюду замечаем, что менее цивилизованные победители усваивают нравы и познания более цивилизованных побежденных.)

Graecia capta ferum victorem cepit et artes

Intulit agresti Latio — (Гор. Epist. II, кн. 156).

Это свидетельствует такой писатель, который познакомился с этой истиной на собственном опыте и сам воспользовался ее выгодами. И готская нация подчинялась тому же закону. Но при самом вступлении в лоно просвещения она подверглась тому пагубному влиянию, которое еще задолго до ее появления на историческом поприще начало налагать оковы на человеческий ум; она также подпала под иго церковного деспотизма, введенного теми, кто извращал дух христианства; а между тем именно ей неосновательно приписывали все последствия этого зла. Отсюда истекают два явления, придающие этой эпохе особый интерес: во-первых, вредное усиление духовного гнета и, во-вторых, развитие умственной деятельности среди готов, которые сначала попали под этот гнет, но потом стали проявлять свою энергию и постарались освободиться от него путем продолжи-

тельной борьбы, которая наконец привела к Реформации. Девятая глава "Истории Средних Веков" Галлама начинается здоровыми замечаниями о симптомах общественного упадка в этот промежуток времени. Но автор останавливается на этих второстепенных причинах упадка, хотя они "не дают совершенно удовлетворительного вывода и не вполне объясняют, отчего произошла такая печальная перемена". Если бы он сделал еще один шаг вперед и изучил историю церкви, к которой светские писатели относятся так невнимательно и с которой он, по собственному признанию (стр. 309), был мало знаком, тогда он заметил бы, что все эти симптомы упадка были или орудиями, или последствиями тирании церковной иерархии. Эта иерархия начала свою деятельность с того, что стала распространять вокруг себя умственное омрачение. По мере того как усиливалось ее влияние, туман стал сгущаться и наконец превратился в совершенный мрак. — *Издат.*)

9) .....Vallata mari Scironia rupes,

Et duo continuo connectens aequora muro

Isthmos.....Клавдиан de Bell. Getico, 188.

Скиронийские скалы описаны Павзанием (кн. 1, гл. 44, стр. 107, изд. Куна) и нашими новейшими путешественниками Уилером (Wheler, стр. 436) и Чендлером (Chandler, стр. 298). Адриан провел там дорогу для экипажей. (Здесь мы видим, что греки преклоняются перед завоевателями с таким же, как римляне, беспомощным бессилием. По этому поводу говорилось, что это две старые и отжившие нации. Но такое же бессилие заметно во вновь организовавшихся обществах, еще не достигших значительной степени просвещения. И те провинциальные жители, предки которых боролись с возраставшим могуществом Рима и сдерживали его честолюбие, также преклонились перед плохо вооруженными и недисциплинированными варварами, и даже почти без всякого сопротивления. Только при помощи наемных варваров удавалось организовать те армии, которые защищали тень империи, мелькавшую внутри стен Равенны и Константинополя. Повсюду, где утверждалось влияние церковной иерархии, она вносила одинаковое одряхление. Некоторые из готов, правда, уже приняли христианскую веру, но их обращение в эту веру было неполное и не привело к образованию какой-либо правильной формы церковного управления. Когда же они подчинились такой систематической форме, они также впали в нравственное бессилие. Преклонение перед светской тиранией имеет свои пределы. Но духовный тиран, злоупотребляющий священным именем Бога, присваивает себе такую страшную власть, которая убивает все человеческие способности. Он отуманивает рассудок с целью убить его и поражает как паралич с целью наживы. Это обвинение очень важно, но основательность его может быть доказана. Самый лучший способ поддерживать религию заключается в том, чтобы уличать тех, кто извращает ее дух. — *Издат.*)

10) Клавдиан (in Rufin., кн. 2, 186 и de Bello Getico, 611 и сл.) описывает, хотя и с жаром, но не совсем ясно, эти сцены грабежа и разрушения.

11) Tris makares Danaoi kai tetrakis, и т.д. Эти прекрасные стихи Гомера (*Одисс.* кн. 5, 306) были записаны одним из взятых в плен коринфских юношей, и слезы Муммия могут служить доказательством то-

го, что, хотя грубый завоеватель не мог по достоинству оценить оригинальное произведение искусства, он был одарен самыми чистыми инстинктами изящного вкуса и сердечной добротой (Плутарх, *Symposiac.*, кн. 9, том II, стр. 737, edit. Wechel).

12) Гомер часто описывает примерное терпение тех захваченных в плен женщин, которые отдавали свои прелести и даже свои сердца убийцам своих отцов, братьев и пр. Такая же страсть (Эрифила к Ахиллу) описана с удивительной изысканностью Расином.

13) Плутарх (in *Pyrrho*, том II, стр. 471, изд. Бриана) приводит подлинный ответ на Лаконском диалекте. Пирр напал на Спарту с двадцатью пятью тысячами пехотинцев, двумя тысячами всадников и двадцатью четырьмя слонами, а защита этого неукрепленного города служит похвалой законам Ликурга, даже в последнем периоде их упадка.

14) Может быть такой, какой она так хорошо изображена Гомером (*Илиада* XX, 164).

15) Евнапий намекает (in *Vit. Philosoph.*, стр. 90-93) на то, что толпа монахов изменила Греции и последовала за готами.

16) Касательно похода Стилихона в Грецию сравн. добросовестный рассказ Зосима (кн. 5, стр. 295, 296) с интересным и подробным, но льстивым рассказом Клавдиана (1 *Cons. Stilich.*, кн. 1, 172-186; 4 *Cons. Hon.* 459-487). Так как исход этого предприятия не был успешен, то он искусно оставляется в тени.

17) Войска, проходившие через Элиду, должны были откладывать в сторону свое оружие. Эта безопасность обогатила местное население, занимавшееся земледелием. Но богатство породило в них гордость; они стали пренебрегать своей привилегией и дали Полибию повод посоветовать им снова запереться в своем заколдованном круге. См. ученое и умное рассуждение об Олимпийских играх, которое Вест (West) предпослал своему переводу сочинений Пиндара.

18) Клавдиан (in 4 *Cons. Hon.* 480) намекает на этот факт, но не называет имени реки; может быть, это был Алфей (1 *Cons. Stil.* кн. 1, стр. 185).

.....Et Alpheus Geticis angustus acervis
Tardior ad Siculos etiamnum pergit amores.

Но я все-таки стою за Пеней — неглубокий поток, который бежит по широкому и глубокому руслу через Элиду и впадает в море под Килленой. Он был соединен с Алфеем для очищения Авгиевых конюшен (Целларий, том 1, стр. 760. *Путешествия* Чендлера, стр. 286).

19) Страбон, кн. 8, стр. 517. Плиний, *Hist. Natur.*, IV, 3. Уилер, стр. 308. Чендлер, стр. 275. Они с различных пунктов измеряли расстояние между двумя материками.

20) Синезий провел три года (397-400) в Константинополе в качестве депутата, посланного Киреной к императору Аркадию. Он поднес императору золотой венок и произнес в его присутствии поучительную речь "de Regno" (стр. 1-32, изд. Петав., Париж 1612). Философ был назначен епископом Птолемаиды в 410 г. и умер около 430 года. См. Тильемона *Met. Eccles.*, том XII, стр. 499-554, 683-685. (О Синезии было с похвалой упомянуто во 2-м томе этой "Истории" на стр. 395. Выражение епископа Варбуртона "не малый безумец" оказывается в настоящем случае уместным и верным, так как Синезий выказал себя энтузиастом, слишком мало знакомым с жизнью, потому

неспособным указать настоящую причину того зла, которое он оглаживал. Когда он неохотно принял епископское звание, он с удовольствием исполнял свои обязанности по отношению к своей спокойной и отдаленной епархии, граничившей с африканской степью; он не подражал примеру своего покровителя Феофила и не искал для себя никаких мирских выгод. Его успешное пользование своей духовной властью в борьбе с "маленьким тираном" Андроником возбуждает в нас сожаление о том, что отлучение от церкви, которое он употребил в дело в этой борьбе с большой пользой, вообще употреблялось только в интересах деспотизма, мщения и корыстолюбия. — *Издат.*)

21) (Если бы Синезий посетил Константинополь, будучи епископом, он вероятно, не осмелился бы сделать эту ссылку на басню, сюжет которой взят из языческого Тартара. В своем переводе этого места Гизо заменил хорошо известного лидийского монарха Флегием — мифическим царем Лапифов. Оба они были созданы фантазией древних поэтов для того, чтобы наглядно изобразить, что нанесенные богам оскорбления наказываются опасностью быть раздавленным висящей над головой скалой. Что касается Флегия, то сказание о нем так неясно, что ни Virgilius, ни Павзаний, ни Стаций ничего не говорят об упомянутом наказании; в статье Бэйля также ничего о нем не говорится. По-видимому, Гизо не имел никакого основания отклоняться от текста Синезия и метафоры Гиббона. — *Издат.*)

22) Синезий, *de Regno*, стр. 21-26.

23) ..... qui foedera rumpit

Ditatur: qui servat, eget: vastator Achivae
Gentis, et Epirum nuper populatus inultam
Praesidet Illyrico; jam, quos obsedit, amicos
Ingreditur muros; illis responsa daturus
Quorum conjugibus potitur, natosque peremit.

Клавдиан *In Eutrop.* кн. 2, стр. 212. Аларих доказал искусство своей политики (*de Bell. Getic* 533-543) тем употреблением, которое он сделал из своей власти над Иллирией.

24) Иордан, гл. 29, стр. 651. Готский историк присовокупляет с несвойственным ему одушевлением: "Cum suis deliberans suasit suo labore quaerere regna, quam alienis per otium subjacere".

25) ..... Discors odiisque anceps civilibus Orbis

Non sua vis tutata diu, dum foedera fallax
Ludit, et alternae perjuria vendidat aulae.

Клавдиан *de Bell. Get.* 565.

26) *Alpibus Italiae ruptis penetrabis ad Urbem.*

Это достоверное предсказание было сделано Аларихом или, по крайней мере, Клавдианом (*de Bell. Getico*, 547) за семь лет до самого события. Но так как оно не осуществилось в тот срок, который был опрометчиво назначен, то переводчики передавали его в двусмысленном значении. (О великолепии Рима и о богатстве провинций знали те племена, которые толпились подле границ империи. Присвоить их себе было постоянно целью этих племен. Потерпев неудачу в своих первых попытках, они все-таки не теряли из виду своей добычи; а когда Рим сделался неспособным оказывать им сопротивление, рассказы об успехе нашествий стали переходить из уст в уста, достигли самых отдаленных стран и внушили желание получить свою

долю добычи. Таково простое и естественное объяснение сильного напора бесчисленных орд, устремившихся на империю со всех сторон: и из холодных и гористых северных стран, и из песчаных равнин востока. Увеличение населения постоянно увеличивало силы потока, медленно подвигавшегося к западу. В течение почти четырех столетий он находился на границах империи почти непреодолимые преграды, но когда эти преграды были преодолены, "поток разлился со стремительной силой" и стал все быстрее прокладывать себе путь вперед. Если мы отбросим искусственные украшения истории, то излагаемые здесь факты представятся нам в своем натуральном свете; тогда мы поймем причины событий и не будем отыскивать их среди утесов Скандинавии или за китайской стеной. — *Издат.*)

27) Лучшими источниками сведений служат для нас девятьсот семьдесят стихов Клавдиана в его поэме "О Гетской войне" и начало той поэмы, в которой воспевается шестое консульство Гонория. Зосим хранит молчание, и мы принуждены довольствоваться теми клочками или, вернее, крохами, которые находим у Орозия и в Хрониках.

28) Несмотря на грубые ошибки Иордана, который смешивает между собой войны Алариха в Италии (гл. 29), указываемое им время консульства Стилихона и Аврелиана (400 год после Р. Х.) точно и достоверно. Из произведений Клавдиана (Тильмон, *Hist. des Emp.*, том V, стр. 804) положительно известно, что битва при Полленции происходила в 403 году; но мы не знаем, что происходило в этот промежуток времени.

29) *Tantum Romanae urbis iudicium fugis, ut magis obsidionem barbaricam, quam pacatae urbis iudicium velis sustinere* (Иероним, том II, стр. 239). Руфин понимал опасность своего положения; *мирный* город, в который его приглашали приехать, был взволнован происками злобной Марцеллы и других членов Иеронимовой партии. (Церковные распри того времени часто выводят Иеронима перед нами на сцену не в благоприятном для него свете. Он ближе, чем все другие отцы церкви, был знаком с языческой литературой. Но его благочестие позволяло ему пользоваться ею только тогда, когда он мог сделать из нее орудие для нападений на соперников, и в этих случаях он прибегал к ее помощи без всяких колебаний. Polemica была пищей для его души и поддерживала в нем ту язвительность, которой проникнуты его сочинения. Некоторые из протестантов отзывались о нем так, как он того стоил. Мозгейм говорит: "Раздражительность, с которой Иероним относился к тем, кто не разделял его мнений, его жажда славы, его желчный и необузданный нрав, его неосновательные нападки на добрых и невинных людей и другие недостатки его характера немало унижали его в глазах тех судей, которые не были ни недобросовестными, ни некомпетентными" (*Institutes of Ecc. Hist.*, ч. 1, стр. 336). Однако эти самые свойства в связи с дарованиями и познаниями возвышали его в глазах церковной иерархии, и он был самым действительным ее орудием для возбуждения той неумолимой вражды, благодаря которой "всякий, кто смотрел с отвращением на распространение суеверий и восставал против общего направления умов, получал за свои усилия только ту награду, что его клеймили позором" (*Ib.*, стр. 363). Двумя такими жертвами были Руфин и Иовиниан. Первый из них был сначала ин-

тимным другом того, кто впоследствии так поносил его. Но эти узы дружбы были разорваны оттого, что Руфин имел непростительную смелость держаться самостоятельных убеждений. Мозгейм говорит (ib., стр. 340): "Руфин занимал бы не последнее место между латинскими писателями четвертого столетия, если бы он не имел несчастья быть во вражде с влиятельным и злоязычным Иеронимом". И он и Иовиниан также были виновны в том отвратительном преступлении, что подкрепляли свои возражения против усиливавшихся злоупотреблений ссылками на авторитет Оригена, которого, несмотря на его важные заслуги, стали считать еретиком с тех пор как иерархия заимствовала от философии все, что было можно, и опасалась ее дальнейшего вмешательства. Римский собор под председательством чванного Дамасия, и миланский под председательством коварного и надменного Амвросия осудили их нечестивые учения, а императорские декреты назначили наказания виновным. Руфин спасся от своих гонителей, но Иовиниан был менее счастлив: как человек, недостойный общения с людьми, он был сослан на остров Боа. Эти меры насилия были внушены главным образом гневными декламациями Иеронима. — *Издат.*)

30) Это был враг постов и безбрачия Иовиниан, которого преследовал и оскорблял свирепый Иероним (*Примечания* Жортена, ч. IV, стр. 104 и сл.). См. подлинный эдикт о его изгнании в *Кодексе* Феодосия, кн. 16, тит. 5, зак. 43.

31) Эта эпиграмма (de Sene Veronensi qui suburbium nusquam egressus est) принадлежит к числу самых ранних и самых приятных произведений Клавдиана. В подражании Коулея (издание Герда, ч. II, стр. 241) попадают некоторые натуральные и удачные штрихи, но оно гораздо ниже оригинального портрета, очевидно написанного с натуры.

32) Ingentem meminit parvo qui germine quercum,
Aequaevumque videt consenuisse nemus.

.....
A neighbouring wood born with himself he sees,
And loves his old contemporary trees.

В этих стихах Коулей, быть может, превзошел оригинал, а так как английский поэт был хороший ботаник, то он скрыл дубы под более общим выражением.

33) Клавдиан, de Bell. Get. 192-266. Его могут находить растянутым, но страх и суеверие занимали важное место в воображении итальянцев.

34) Бароний приводит (Annal. Eccles. A. D. 403, N 51) отрывок из сочинений Павлина, из которого видно, что смятение распространилось по всей Италии до города Нолы в Кампании, где поселился на постоянное жительство этот знаменитый кающийся.

35) "Solus erat Stilicho etc." — таков похвальный о нем отзыв Клавдиана (de Bell. Get. 267), который не делает исключения даже в пользу императора. Каким ничтожным должен был казаться Гонорий своим окружающим!

36) Внешний вид страны и отвага Стилихона хорошо описаны в de Bell. Get. 340-363. (Озеро Ларий (Malte-Brun, том VII, стр. 625) носит теперь название Комского озера, а округ, в котором оно находится, входил в состав Цизальпинской Галлии. Название Ларий, вероятно,

произошло от кельтского слова *Lar*, означающего обширную гладкую поверхность. Ливий (кн. 5, гл. 34, 35) и Юстин (кн. 20, гл. 5) упоминают о многих городах, основанных галлами на севере Италии и вдоль Адриатического моря до Анконы, где, по словам Помпония Мелы (кн. 2, гл. 4), находилась граница, отделявшая латинские народы от галльских. Она, вероятно, пролегла вдоль реки Эза, которая впадает там в море и близ устья которой находилась Камерта, где галлы потерпели поражение от римлян (Полибий, кн. 2, гл. 19). Поэтому, когда новейшие путешественники находят, что в некоторых деревнях Ломбардии до сих пор говорят на кельтском диалекте, им нет надобности предполагать, что жители тех деревень происходят от кимбров, поселившихся там после поражения, нанесенного им Марием. — *Издат.*)

37) *Venit et extremis legio praetenta Britannis
Quae Scoto dat frena truci.*

De Bell. Get. 416.

Однако для самого быстрого перехода от Эдинбурга или Ньюкасла до Милана потребовалось бы больше времени, чем сколько длилась, по словам Клавдиана, война с готами. Всякому путешественнику должен быть памятен внешний вид Ломбардии (см. Фонтенеля, том V, стр. 279), который так часто изменяется от случайного и неожиданного изобилия вод. Австрийцы стояли перед Генуей на высохшем русле реки Польцеверы. "*Ne sarebbe, — говорит Муратори, — mai passato per mente a que buoni Allemanni, che quel picciolo torrente potesse, per così dire, in un instante cangiarsi in un terribil gigante*" (Annal. d'Italia, том XVI, стр. 443. Милан, 1753, изд. in 8-vo). (Гиббон не совсем правильно употребляет названия этих рек, так как две из них он называет их старинными именами, а две другие новыми; он должен бы был однообразно придерживаться или тех, или других. Адиг назывался прежде Афезисом, а Олио Оллием; Минчий называют теперь Минчио, а Аддую Аддой. — *Издат.*)

38) Клавдиан не дает ясного ответа на наш вопрос: где находился сам Гонорий? Но его бегство доказывается его преследованием, и мой взгляд на войну с готами оправдывается итальянскими критиками Сигонием (том I, ч. 2, стр. 369. de Imp. Occident. кн. 10) и Муратори (Annali d'Italia, том IV, стр. 45). (Декан Мильман обращает наше внимание на то, что Лебо в своей *Histoire du Bas Empire* совершенно иначе описывает эти события. Там говорится, что Гонорий не выезжал из Милана, что Стилихон обманул Алариха, заключив с ним мирный договор с целью неожиданно напасть на него, и что результат этого нападения был нерешительный. Лебо как историк невысоко ценится даже между его собственными соотечественниками. Хотя Гизо и упоминает о нем в своем предисловии, но в своих подстрочных примечаниях никогда не делает на него ссылок. В *Biographie Universelle* говорится, что он не всегда точен и прозорлив, и автор присовокупляет к этим словам замечание: "*Gibbon, qui a depuis traite le même sujet, a laisse bien derriere lui l'historien Francais*" (том XXIII, стр. 480). Что касается вопроса, о котором здесь идет речь, то Лебо отбрасывает свидетельство современных поэтов как недостойное доверия, а между тем придерживается Иордана, который, будучи готом, считается им в этом вопросе не заслуживающим доверия писателем. Поэтому он ни разу не упоминает об Асти, хотя Клавдиан

навлек бы на себя насмешки, отнеся к Полленции слова: "moenia vindicis Astae", если бы там ничего не случилось; он также не считает, чтобы отступление Алариха из Италии было решительным доказательством неуспеха. — *Издат.*)

39) Одну из дорог можно проследить по Itinirarius (стр. 98, 288, 294, с примечаниями Весселинга). Аста находилась в нескольких милях справа.

40) Аста, или Асти, была римской колонией; теперь это главный город красивой провинции, доставшейся в шестнадцатом столетии герцогу Савойским (Leandro Alberti, Descrizione d'Italia, стр. 382).

41) Nec me imor impulit ullus. Он мог этим хвастаться в следующем году в Риме, когда находился в пятистах милях от места опасности (6 Cons. Hon., 449).

42) Hanc ego vel victor regno, vel morte tenebo
Victus, humum.....

Речи (de Bell. Get., 479-549) готского Нестора и Ахилла выразительны, характерны, приспособлены к обстоятельствам и, может быть, не менее подлинны, чем речи у Ливия.

43) Орозий (гл. 7, гл. 37) оскорблен нечестьем римлян, напавших на столь благочестивых христиан в день Пасхи. Однако в то самое время у раки св. Фомы Эдесского возносились мольбы о гибели арианского разбойника. См. Тильемона (Hist., des Emp., том V, стр. 529), который цитирует проповедь, ошибочно приписываемую Златоусту.

44) Следы развалин Полленции находятся в двадцати пяти милях к юго-востоку от Турина. Находящийся в тех же окрестностях Urbs служил местом охоты для королей Ломбардии, а протекающая там небольшая речка оправдывала предсказание "penetrabilis ad urbem" (Клюв. Ital. Antiq., том I, стр. 83-85).

45) Орозий употребляет двусмысленные выражения, стараясь уверить, что римляне были разбиты. "Pugnantes vicimus, victores victi sumus". Проспер (in Chron.) говорит, что эта битва была нерешительная и кровопролитная; но готские писатели Кассиодор (in Chron.) и Иордан (de Reb. Get., гл. 29) заявляют притязание на решительную победу.

46) Demens Ausonidum gemmata monilia matrum,
Romanasque altâ famulas cervice petebat.
De Bell. Get. 627.

47) Клавдиан (de Bell. Get. 580-647) и Пруденций (in Symmach., кн. 2, 694, 719) воспевают без всяких двусмысленностей победу римлян при Полленции. Они оба были поэты и оба были пристрастны, но и самый подозрительный свидетель заслуживает некоторого доверия, когда его пристрастие сдерживается недавними и всем известными фактами.

48) Заключительные выражения Клавдиана энергичны и изящны; но когда он говорит, что битвы с кимврами и с готами происходили на одном и том же месте, он как поэт придерживается (точно то же представляют и Philippi Вергилия; Georgic. 1, 490) неточных географических понятий. Верчелли и Полленция находятся один от другого на расстоянии шестидесяти миль; но расстояние еще увеличится, если кимвры были разбиты на обширной и бесплодной равнине близ Вероны (Маффей, Verona Illustrata, ч. 1, стр. 54-62).

49) Клавдианом и Пруденцием следует пользоваться с большой ос-

моторительностью, если мы хотим не впасть в их преувеличения, а хотим извлекать из их произведений правильное понимание исторических событий.

50) Et gravant en airain ses frères avantages

De mes états conquis enchaîner les images.

У римлян было обыкновение во время триумфов выставлять изображения царей и провинций. Даже бюст Митридата, имевший в высоту двенадцать футов, был сделан из массивного золота (Freinsheim. Supplement. Livian. 103. 47). (Расин, описав римское триумфальное шествие, имел в виду напомнить вышеприведенными стихами о существовании обычая чеканить в воспоминание о победах медали, на которых закованные в цепи или связанные пленники изображали завоеванные провинции. Это делалось очень часто. По случаю победы над готами, как говорит Экгель, была также вычеканена медаль; на ней была надпись *Triumfator Gent. Barb.* и была изображена фигура слабого и невоинственного Гонория в воинственной позе и "*juxta captivus*". Num. Vet., ч. VIII, стр. 173. — *Издат.*)

51) В произведениях Клавдиана о войне с готами и о шестом консульстве Гонория изложены в неясной между собой связи события, касающиеся поражения Алариха и понесенных им потерь.

52) *Taceo de Alarico... saepe victo, saepe concluso, semperque dimisso.* Орозий, кн. 7, гл. 37, стр. 567. Клавдиан (6 Cons. Hon., 320) задерживает занавес, нарисовав изящный портрет.

53) В остальной части Клавдиановой поэмы о шестом консульстве Гонория описаны: путешествие императора, триумф и игры цирка (360-660).

54) Эту надпись можно найти в "Истории Древних Германцев" Маску, VIII, 12. Подлинные выражения положительны и неосторожны: "*Getarum nationem in omne aevum domitam, etc.*". (Эта смешная выставка высокопарных преувеличений, нередко встречающаяся у древних, служит доказательством того, что нельзя искать верного изложения фактов даже в публичных надписях или официальных объявлениях. Это предостерегает нас от таких же привычек, существующих между писателями. Победы и поражения у них нередко преувеличиваются, число участвовавших в сражениях или увеличивается, или уменьшается; армия, по их словам совершенно уничтоженная, или народ, по их словам стертый с лица земли, снова появляются по прошествии нескольких лет и в свою очередь истребляют своих истребителей. Последующие события доказывают нам неосновательность таких преувеличений. Когда готы овладели Римом, они оставили в целости хвастливую надпись, возвещавшую об их истреблении; они удовлетворялись тем, что своим присутствием опровергли ее. Гонориева арка "еще существовала в четырнадцатом столетии, но затем, к сожалению, была разрушена"; к этим словам Нибур (*Лекции*, ч. III, стр. 303) присовокупляет: "Есть другой памятник того же времени, — надпись на *Porta S. Lorenzo*, на которой можно прочесть имя Стилихона, восстановившего городские стены, "*egestis immensis ruderibus*". — *Издат.*)

55) Касательно интересного, хотя и отвратительного вопроса о гладиаторах см. две книги *Сатурналий* Липсия, который, в качестве знатока древности, склонен одобрять все древние обычаи (том III, стр. 483-545).

56) *Код.* Феодосия, кн. 15, тит. 12, зак.1. Комментарий Годефруа дает обильные материалы (том V. стр.396) для истории гладиаторов.

57) См. заключение речи Пруденция (in Symmach., кн.2, 1121-1131), который, без сомнения, читал красноречивую брань Лактанция. (Divin. Institut., кн.6, гл.20). Поборники христианства не щадили этих кровавых игр, которые входили в состав религиозных празднеств язычества.

58) Феодорит, кн. 5, гл.26. Я желал бы убедиться в достоверности рассказа о св. Телемахе. Но не было построено ни одной церкви, не было воздвигнуто ни одного алтаря в честь единственного монаха, умершего мученической смертью из человеколюбия.

59) *Crudele gladiatorum spectaculum et Inhumanum nonnullis videri solet, et haud scio an ita sit, ut nunc fit* (Цицерон, *Tusculan. II*, 17). Он слегка порицает злоупотребление этими играми и горячо отстаивает их употребление: "*oculis nulla poterat esse fortior contra dolorem et mortem disciplina*". Сенека (epist. 7) обнаруживает человеколюбие. (Неосновательность этого предрассудка не менее ясно видна из того факта, что мужество давно уже исчезло, а обычай, будто бы поддерживавший это мужество, все еще существовал. Эта склонность к боям гладиаторов была самым черным пятном на характере римского народа. Вместо того чтобы внушать ему мужество и храбрость, они научали его варварству и убийствам. Греки, отличаясь более геройской храбростью, были вместе с тем менее мстительны и жестокосерды; во время происходивших у них внутренних переворотов влиятельные политические партии не употребляли в дело "*enses conditi*" для совершения безжалостных избиений. Здесь мало заметно преобразовательное влияние христианства. В течение четырехсот лет оно не было способно уничтожить эти отвратительные зверства. Однако в этот период времени его проповедники воздвигли такое могущественное здание, для которого требовалось гораздо более труда и настойчивого усердия. Если бы духовенство постаралось укротить дурные страсти с таким же рвением, с каким оно поработило рассудок, оно внушило бы своим ученикам отвращение к кровавым обычаям, а епископы уже давно вынудили бы от императоров запрещение отвратительных зрелищ. — *Издат.*)

60) Это описание Равенны заимствовано из произведений Страбона (кн.5, стр. 327), Плиния (III, 20), Стефана Византийского (Sub voce, *Ravenna*, стр.651, изд.Беркел.), Клавдиана (in 6 Cons. Honor., 494 и сл.), Сидония Аполлинария (кн.1, посл.5. 8), Иордана (de Reb. Get. Гл.29), Прокопия (de Bell. Cothic. кн. 1, гл. 1, стр. 309, Лувр. изд) и Ключ. (Ital. Antiq., том 1, стр. 301-307). Тем не менее нам был бы очень полезен какой-нибудь местный антикварий и было бы желательно иметь хорошую топографическую карту.

61) Марциал (*эпиграм.* 3,56,57) рассказывает в шутку, как один плут обманул его, продав ему вина вместо воды; но он серьезно заявляет, что колодезь ценится в Равенне дороже виноградного сада. Сидоний выражает сожаление о том, что в городе нет фонтанов и водопроводов, и относит недостаток в пресной воде к числу местных неудобств, каковы кваканье лягушек, страдания от комаров и т.п.

62) Рассказ о Феодоре и Гонории превосходно изложен Драйде-ном, который заимствовал его от Боккаччо (*Giornata 3, novell. 8*); мес-

том действия служил лес в Chlassi; это название было извращением слова Classis, обозначавшего место стоянки флота, которое вместе с промежуточной улицей или предместьем Via Caesaris составляло *тройной* город Равенну. (*Классы* Сервия Туллия (Ливий, кн.1, гл.43) были *назначенные* или *избранные* разряды населения klesels a kalein, которые были распределены сообразно со своим состоянием. Нибур дает нам в своих "Лекциях" (ч.1, стр.711) много сведений по этому предмету. Эти *классы* образовали первоначальную римскую армию, и потому это слово стало употребляться для обозначения военных отрядов. Когда римляне научились сражаться на море, они распространили это название на свои флоты и скоро стали употреблять его исключительно в этом смысле, так что оно утратило свое прежнее значение. Август предпринял устройство гавани и стоянки для флота в Равенне, как кажется, не столько потому, что был поражен выгодами местности, сколько потому, что отсюда было недалеко до берегов, где жили либурны, где (как было уже прежде замечено) строились его любимые суда и где обучались самые лучшие из его моряков. Нельзя положительно утверждать, что своим здоровым воздухом эта местность обязана ежедневным морским приливам и отливам, "которые промывали каналы и не позволяли воде портиться от застоя". Приливы Средиземного моря так незначительны, что некоторые вовсе не признают их существования. Сам Гиббон заметил (гл. 35), что "Адриатическое море слабо подражает приливам океана". Но юго-восточный ветер, "dux inquieti turbidus Hadriae", гонит перед собою волны и этим возвышает уровень залива, в особенности в его северной оконечности. Но этот уровень понижается, когда ветер принимает другое направление. Таким образом, изменчивые движения воздуха и различные степени их стремительности производят почти такое же действие, как приливы, но только без такой же правильности в промежутках времени. — *Издат.*)

63) Начиная с 404 года эдикты, входящие в состав *Кодекса* Феодосия, постоянно помечены Константинополем и Равенной. См. *Хронологию* законов Годефруа, том 1, стр. 148 и сл.

64) См. Hist. des Huns Де-Гиня, том 1, стр. 179-189, том II, стр. 295, 334-338. (То, что мы сказали в одном из предыдущих примечаний (гл.26) о неосновательности гипотезы Де-Гиня, могло бы быть уместно и здесь. От этой гипотезы можно отказаться без сожаления, так как все варвары, нападавшие на Римскую империю, подчинялись таким естественным импульсам, что нет никакой надобности доискиваться отдаленных и чрезвычайных причин их неусидчивости. — *Издат.*)

65) Прокопий (de Bell, Vandal., кн. 1, гл.3, стр. 182) упоминает о переселении от Меотийского залива к северу Германии, которое он приписывает голоду. Но его взгляды на древнюю историю отуманены невежеством и заблуждениями. (В этом виновен не один Прокопий, так как мы не можем полагаться в том, что касается этого предмета, ни на одного из древних писателей. Меотийский залив и по своему географическому положению, и по тому, что нам известно из истории, был тем пунктом, где сходились и расходились потоки переселенцев; поэтому там одни племена сменялись другими и в их названиях существует большая путаница. Это была родина самых древних

баснословных сказаний и источник возникших впоследствии заблуждений, в котором иногда нет никакой возможности доискаться истины. — *Издат.*)

66) Зосим (кн.5, стр. 331) употребляет общие выражения, говоря о племенах, живших по ту сторону Дуная и Рейна. Места их жительства и, следовательно, их названия нетрудно угадать по тем эпитетам, которые им придавались древними писателями.

67) Имя Радагаста было названием местного божества аботритов (в Мекленбурге). Весьма естественно, что герой мог усвоить имя своего бога-покровителя, но нельзя предположить, чтобы варвары стали поклоняться не имевшему успеха герою как богу (См. "Историю Германцев" Маску, VIII, 14). (Трудно поверить, чтобы даже в те времена варварский герой мог присвоить название божества или сам сделаться предметом обоготворения; также трудно поверить, чтобы такое отдаленное и малоизвестное племя, как аботриты (если оно действительно существовало, в чем можно сомневаться), выслало от себя вождя для нашествия на Италию. История упоминает о нем только через четыреста лет после того, как его имя впервые встречается у Эйнхарда (Vit. et Gest. Car. Mag; гл. 15). Латинские летописцы упоминают об аботритах, или ободритах, а Адам Бременский подробно описывает их войны со времен Карла Великого до начала тринадцатого столетия; их имя окончательно исчезло в эту пору, то есть почти за сто лет до того времени, когда писал названный автор. История, написанная Адамом Бременским, помещена в тщательно составленном сокращении в Allgemeine Encycl opädie (Sec. 3, 1-er Theil), изданной профессорами университета в Галле Эршем и Грубером. Между богом этого народа и вождем Радагайсом не было решительно никакой связи. Если бы Гиббон писал несколькими годами позже, он заимствовал бы свои сведения из лучших источников, чем "История" Маску. Незадолго до него один мекленбургский богослов по имени Masch издал и посвятил мекленбургской уроженке, английской королеве Шарлотте, свое сочинение: "Мифологические Древности аботритов" (Gottesdienstlichen Alterthumer der obotriten). Художник Воген украсил эту книгу гравюрами, изображавшими некоторые из священных предметов, откопанных на том месте, где, как полагают, находился древний храм Ретры. В том числе был один топорный идол, на котором было вырезано имя Радагаста и который, как кажется, был главным предметом религиозного поклонения. Но автор не допускает (стр.52) и мысли о том, чтобы можно было смешивать это божество с исторической личностью Радагайса. Этот последний, очевидно, был не что иное, как начальник смешанного отряда хищников, и его имя Радагаст, вероятно, произошло от соединения двух слов, которые часто встречаются в следующие века в разнородных между собою сочетаниях. Первое из этих слов было, бесспорно, готское слово Rada — советовать или указывать; второе, как кажется, близко подходит к первоначальной форме слова Geist. Читатель, который сопоставит замечания Аделунга об этом слове (Wörterbuch, 2, стр.508) с его замечаниями о словах gar, gähren и gähst (ib., стр. 385, 407, 421), вероятно, убедится, что Радагаст было вполне готское имя, приличное для вождя и означавшее *дающего советы* или *двигателя* или, проще, *советника*. — *Издат.*)

68) Олимпиодор (apud Photium, стр.180) употребляет греческое слово, которое не дает нам никакого ясного понятия. Я полагаю, что там находились принцы и знать вместе с их верными товарищами, рыцари и их оруженосцы — как их назвали бы через несколько сот лет после того.

69) Тацит "de Moribus Germanorum", гл.37. (Здесь Гиббон соединил два события, которые отделены одно от другого промежутком времени более чем в пятьсот лет. То место, в котором Тацит связывает эти события, составляет одно из самых темных и неясно понимаемых в произведениях писателя, который так хорошо излагал то, что понимал, что внушил незаслуженное доверие и к тому, что он говорил о предметах ему непонятных. Он был вовсе незнаком с Германией по ту сторону Эльбы, а заблуждения, в которые он впал, говоря о ней, вызвали бесконечную полемику между германскими и датскими антиквариями. Эта полемика подробно изложена Ж.-П. Анкерсеном в его Vallis Herthae Deae et Origines Daniae (стр.52-62).

Все, что говорится со слов Тацита о "длинных окопах и гигантских молах", вероятно, должно быть отнесено к сооружениям, воздвигнутым на берегах Эльбы "in utraque ripa" различными племенами в видах самообороны. Когда римляне узнали по слухам, что на самой отдаленной оконечности полуострова некоторыми мореплавателями была открыта "parva civitas", носившая название, схожее с кимврами, игравшими за несколько лет перед тем столь важную роль в их летописях, они пришли к убеждению, что это были остатки великого народа, который возвел эти громадные сооружения и потом покинул свою родину, которая обратилась в "обширную и мрачную пустыню". Однако берега Балтийского моря не высылали ни кимвров, ни тевтонов, с которыми успешно боролся Марий (см. Nördische Geschichte Шлецера, стр.166), ни приверженцев Радагаста, которых разбил наголову Стилихон. Первые из них, — как уже было замечено ранее, — были двумя кельтскими или готскими союзами племен, которые были остановлены в своем движении к западу оружием римской республики и соединились вместе с целью проложить себе силою путь или получить дозволение поселиться на новых землях. Вторая варварская армия состояла из тех шаяк, которые в течение многих веков бродили вдоль пограничной линии, преграждавшей им доступ в империю, и по временам пытались прорваться сквозь нее, а по временам вступали в борьбу одни с другими. Шмидт (Geschichte der Deutschen, 1-er Band, стр.150) говорит, что армия Радагайса, или Радагаста была набрана главным образом между Рейном и Дунаем. Все эти варвары прельстились добычей, которую привезла с собою армия Алариха, несмотря на свои неудачи, и соединили свои силы с целью достигнуть такой же награды. Не следует упускать из виду того факта, что на известном расстоянии от атакованных пунктов всегда находились достаточные для такого предприятия массы людей, которых нужно было только воодушевить одною общою целью; эта точка зрения согласна с предшествовавшими и последующими фактами, которые служат самым лучшим разъяснением всего, что может показаться непонятным или удивительным. — *Издат.*)

70) ... Cujus agendi

Spectator vel causa fui.

Клавдиан, 6 Cons. Hon. 439.

Таковы были скромные выражения Гонория, когда он говорил о войне с готами, которую видел на более близком расстоянии.

71) Зосим (кн. 5, стр. 331) переносит войну и победу Стихихона за Дунай; это странное заблуждение стараются неправильно и не вполне исправить тем, что вместо Istrou читают Arnon (Тильемон, Hist. des Empereurs, том V, стр. 804). Из необходимости я пользуюсь услугами Зосима, хотя не питаю к нему ни уважения, ни доверия.

72) *Кодекс* Феодосия, кн. 7, тит. 13, зак. 16. Время издания этого закона (А. D. 406, Мая 18) служит и для меня и для Годефруа (том II, стр. 387) указанием на то, в каком году произошло нашествие Радагайса. Тильемон, Пажи и Муратори предпочитают предшествующий год, но ведь они обязаны быть вежливыми и почтительными к св. Павлину Ноланскому. (Клинтон ясно доказывает, что нашествие Радагайса произошло в 405 г. (F.R.I., 564). — *Издат.*)

73) Вскоре после взятия Рима галлами сенат собрал десять легионов, три тысячи всадников и сорок две тысячи пехотинцев; это были такие военные силы, которых город не мог бы выставить во времена Августа (Ливий, VII, 25). Этот факт может удивить антиквария, на его причины ясно указал Монтескье.

74) Макиавелли объяснил — по меньшей мере с точки зрения философа — происхождение Флоренции, которая, ради торговых выгод, мало-помалу спустилась с утесов Фезулы к берегам Арно (Istoria Fiorentina, том 1, кн. 2, стр. 36. Лондон. 1747). Триумвиры выслали колонию во Флоренцию, которая при Тиберии (Тацит, Annal., 1, 79) приобрела и название *цветущего* города. См. Ключ. Ital. Antiq., том I, стр. 507 и сл. (Нибур (*Лекции*, ч. 2, стр. 385), на основании старинного варианта в третьей речи Цицерона против Катилины (VI, 14), приходит к заключению, что Флоренция была одной из военных колоний Суллы. Фронтин (De Colon., стр. 112) служит авторитетом для тех, которые полагают, что она была основана триумвирами (Lege Julia). — *Издат.*)

75) Однако Радагайс поклонялся Тору и Водину, и его Юпитер вовсе не был похож ни на Юпитера олимпийского, ни на Юпитера Капитолийского. Податливый характер политеизма мог уживаться с этими разнородными божествами, но настоящие римляне питали отвращение к человеческим жертвоприношениям Галлии и Германии.

76) Павлин (In. Vit. Ambros., гл. 50) рассказывает эту историю, о которой он узнал из уст благочестивой флорентийской матроны Пансофии. Однако архиепископ скоро отказался от деятельного участия в мирских делах и никогда не был популярным святым.

77) Августин, de Civitat. Dei, V, 23. Орозий, кн. 7, гл. 37, стр. 567 — 571. Два друга писали в Африке через десять или двенадцать лет после победы, а их авторитету слепо подчинялся Исидор Севильский (in Chron., стр. 713, изд. Гроц.). Сколькими интересными фактами мог бы Орозий наполнить те места, которые он посвящает благочестивым бессмыслицам!

78) Franguntur montes, planumque per ardua Caesar
Ducit opus: pandit fossas, turritaque summis
Disponit castris jugis, magnoque recessu
Amplexus fines; saltus nemorosaque tesqua
Et silvas, vastaque feras indagine claudit.

Однако простое изложение истины (Цезарь, de Bell. Civ., III, 44) гораздо выше многословия Лукана (Pharsal., кн. 6, 29-63).

79) Риторические выражения Орозия: "In arido et aspero montis jugo" и "in unum ac parvum verticem" не идут к описанию лагерного расположения большой армии. Но Фезулы, находящиеся только в трех милях от Флоренции, были достаточно обширны для того, чтобы быть главной квартирой Радагайса, которая, вероятно, была окружена вместе со всей армией римскими окопами.

80) См. Зосима, кн. 5, стр. 331 и *Хроники* Проспера и Марцеллина.

81) Олимпиодор (apud Photium, стр. 180) употребляет такое выражение (prosetairisato), которое заставляет предполагать существование прочного и дружественного союза и еще усиливает преступность Стилихона. Но слова Орозия "paulisper detentus, deinde interfectus" уже достаточны для того, чтобы внушать отвращение.

82) Благочестиво-бесчеловечный Орозий приносит в жертву и царя и народ, и Агага и амалекитян, без всяких признаков сострадания. Кровожадный убийца кажется мне менее отвратительным, чем хладнокровно одобряющий его безжалостный историк.

83) А что же случилось с музой Клавдиана? Впала ли она в дремоту или, быть может, была дурно оплачена? Мне кажется, что седьмое консульство Гонория (A.D. 407) могло бы быть сюжетом прекрасной поэмы. Прежде нежели стало для все ясно, что нет возможности спасти государств, Стилихона можно бы было прозвать четвертым (после Ромула, Камилла и Мария) основателем Рима.

84) Следующие слова в "Хронике" Проспера: "In tres partes, per diversos principes, divisus exercitus" — ослабляют доверие к совершившемуся подле Флоренции чуду и устанавливают связь между событиями, происходившими в Италии, Галлии и Германии.

85) Орозий и Иероним положительно обвиняют его в том, что он поощрял вторжение: "Excitatae a Stilichone gentes" и т.д. Они, конечно, подразумевали *косвенное* поощрение. Он спас Италию за счет Галлии.

86) Граф Бюа (Buat) полагает, что вторгнувшиеся в Галлию германцы составляли остальные *две трети* армии Радагайса. См. Histoire Ancienne des Peuples de l'Europe (том VII, стр. 87-121, Париж, 1772); с этим ученым сочинением я познакомился лишь в 1777 году. Но уже в 1771 году та же самая мысль была выражена в черновом очерке этой "Истории". Впоследствии я нашел подобное мнение у Маску (VIII, 15). Такое сходство мнений, установившееся без предварительного взаимного обмена мыслей, придает вес нашему взгляду на этот предмет.

87) .....Provincia missos

Expellet citius fasces, quam Francia reges
Quos dederis.

Клавдиан (1 Cons. Stil., кн. 1, 235 и сл.) ясен и удовлетворителен. С этими королями франков не знаком Григорий Турский; но автор Gesta Francorum упоминает и о Сунно и о Маркомере и считает последнего за отца Фарамунда (том II, стр. 543). Он, по-видимому, пользовался хорошими материалами, но не понимал их.

88) См. Зосима (кн. 6, стр. 373), Орозия (кн. 7, гл. 40, стр. 576) и *Хроники*. Григорий Турский (кн. 2, гл. 9, стр. 165, во второй части "Историков Франции") сохранил для нас очень ценный отрывок Рената

Профутура Фригерида, тройное имя которого доказывает нам, что он был христианин, римский подданный и полуварвар.

89) Клавдиан (1 Cons. Stil., 1, 221 и сл., II, 186) описывает спокойствие и благосостояние жителей галльской границы. Аббат Дюбуа (Hist. Critique etc., том I, стр. 174) заменяет слово *Albis* словом *Alba* (названием ничтожного ручейка в арденнских горах) и распространяется о том, как было бы опасно посылать галльские стада за *Эльбу*. Как это бессмысленно! На языке поэтов названия Эльба и Герцинский лес относятся ко всякой реке и ко всякому лесу в Германии. Клавдиан не выдерживает строгой критики наших антиквариев. (В некоторых из предшествовавших подстрочных примечаний уже были указаны и исторические и географические заблуждения, которые были результатом того, что поэтические названия принимались в их буквальном смысле. — *Издат.*)

90) *Geminasque viator*

Cum videat ripas, quae sit Romana requirat.

(В этих словах Клавдиана мы находим удостоверение очень важного факта. Готские племена заимствовали ту цивилизацию, которая была у них перед глазами. Однако, когда они окончательно поселились в отнятых у империи провинциях, их обвиняли в том, что они уничтожили не только все памятники искусства, но даже все следы цивилизации. Это неправдоподобно. Готам было так свойственно стремление к лучшему, что они не могли уничтожать те средства к улучшению, которые были в их власти, и не могли отказываться от пользования ими. — *Издат.*)

91) Иероним, том I, стр. 93. См. в первой части "Историков Франции" (стр. 777-782) точные извлечения из поэмы *de Providentia Divina*, и Сальвиана. Анонимный поэт сам находился в плену вместе со своим епископом и своими согражданами.

92) Учение Пелагия, впервые возбуждавшее горячие споры в 405 г. по Р. Х., было осуждено в течение следовавших затем десяти лет и в Риме и в Карфагене. Св. Августин принял участие в борьбе и вышел из нее победителем, но греческая церковь приняла сторону его противников, а народ (что довольно странно) вовсе не вмешивался в спор, который был выше его понимания. (Винновник этой ереси был, как утверждают, родом из Уэльса; он назывался Морганом, то есть "родившимся вблизи от моря", а это имя было превращено в греческие *Pelagios*. Хотя он прогневил самых надменных отцов церкви тем, что отвергал врожденную испорченность человеческой природы и ссылаясь на Оригена, однако существует подозрение, что он был автором некоторых комментариев и посланий, которые приписываются Иерониму и Августину и помещены в числе их произведений (Мозгейм, *Inst. Hist. Eccl.*, ч. I, стр. 498 и примечание). Миряне не принимали участия в этом споре, потому что он не был связан с защитой или приобретением какой-нибудь выгодной епископской должности; а только такая цель и могла волновать их умы. Духовенство, сделавшееся с этого времени главным летописцем "общественных бедствий", усердно старалось скрыть от потомства свою долю виновности в этих бедствиях. Происшедший под его суровым владычеством упадок умственных способностей и энергии, упадок образования и измельчание талантов выставляются ими за благочестивую по-

корность перед религией, предписывающей смирение. Когда они расстроили этим способом социальную систему, они сбросили с себя бремя обвинений и взвалили его на неповинных в этом деле варваров, которые не были в состоянии отражать такие нападки. — *Издат.)*

93) См. *Memoires de Guillaume du Bellay*, кн. 6. На французском языке колкость этого ответа более поразительна, так как слово *journee* имеет двойное значение: оно значит и день пути и день битвы.

94) Здесь опять неуместно выражение "прибалтийские дикари". Неподалеку от Рейна было достаточно искателей приключений для такого нашествия, и они ни за что не дозволили бы чужеземцам получить свою долю в добыче, на которую они так давно метили. В легкости, с которой эти недисциплинированные сборища наводнили и подчинили себе Галлию, и в бездействии "отважной и здоровой молодежи" мы усматриваем новую иллюстрацию той причины, которой следует приписывать разрушение Римской империи. Здесь перед нами не отжившее и одряхлевшее общество, а народ в полном цвете сил, преклоняющийся без всякой борьбы перед завоевателем. Такие явления возможны только тогда, когда человек утратил чувство собственного достоинства и когда скованный ум не в состоянии ни мыслить, ни действовать; тогда беспечный глупец отказывается от самозащиты и сложа руки ждет оков рабства или меча убийцы. — *Издат.)*

95) Клавдиан (1 *Cons. Stil.*, II, 250). Существует предположение, что ирландские скотты нападали с моря на западные берега Британии и заняли их; и нельзя отказывать в некотором доверии Неннию и ирландским преданиям. "История Англии" Карта, т. I, стр. 169; "Первоначальная История Британцев" Уайтекера, стр. 199). Существовавшие в девятом столетии шестьдесят шесть жизнеописаний св. Патрика, должно быть, заключали в себе столько же тысяч вымыслов; тем не менее мы можем поверить тому, что при одном из этих ирландских вторжений будущий апостол был уведен в плен (Ашер, *Antiquit. Eccles. Britann.*, стр. 431 и Тильемон, *Mem. Eccles.*, том XVI, стр. 456-782 и сл.).

(Древние поэты только излагали господствовавшие в их времена мнения и рисовали факты в общих чертах. Ничем не прикрашенные описания и точные сведения должны быть извлекаемы из побочных источников для исправления и дополнения тех поверхностных очерков. Цитированное здесь место из Клавдиана подало нашим летописцам и антиквариям повод восхвалять заслуги Стилихона как последнего римлянина, заботившегося об охране Британии. Но он, как кажется, ни разу не посетил нашего острова, а только приказал воздвигнуть новые укрепления для его защиты. Гильдас, в переводе Гигдена, помещенном в его "Полихрониконе" (кн. 4, гл. 32), утверждает, что римляне исправляли в то время стену Севера и "в разных местах строили башни на утесах подле морского берега для того, чтобы можно было не бояться прибытия и высадки чужеземцев и врагов". Между этими нарушителями спокойствия истощенной провинции самыми страшными, как кажется, были саксы. "*Inde hostis Saxonicus timebatur*" — так выражается Ричард Чиренчестерский в своих *Commentarioli Geographici de Situ Britanniae* (кн. 2, гл. 1, стр. 77); и против этих врагов, как кажется, были направлены все меры

предосторожности, которые принимал Стилихон. Все это подтверждается остатками римских сооружений, которые до сих пор сохранились на берегах, всего чаще подвергавшихся нападениям этих хищников, и которые в этих местах были построены с большим тщанием, чем где-либо. Некоторым из них даны названия, заимствованные из *Notitia Imperii* и из *Itinerarium Antonini*; но всего вероятнее, что они были воздвигнуты не прежде времен Стилихона. Приключения ирландского апостола, по-видимому, неправильно поняты Гиббоном. По словам Неандера (*Ист. Христ.*, ч. 3, стр. 173), в собственной "Исповеди" Патрика "нет ничего сверхъестественного, и все, что в ней говорится, может быть без труда объяснено психологическими принципами", а все существующие на его счет предания и выдумки, "вероятно, исходили от английских монахов". Он был родом из Шотландии, его имя было Succuth; родился он в деревне Боннавен, которая, в воспоминание о нем, называется теперь Киркпатриком и находится между Дамбертоном и Глазго. После того как он был увезен пиратами на юг Ирландии, его бегство и дальнейшие странствования могут быть легко очищены от всего легендарного и баснословного, и не было надобности ни в каком сверхъестественном вмешательстве, чтобы внушить ему желание сделаться проповедником христианства в такой стране, которая вовсе не была знакома с христианством. После своего возвращения он попытался исполнить свое призвание на небольшом острове, который до сих пор носит его имя и находится неподалеку от занимающегося рыбной ловлей города Скерри, к северу от Дублинской бухты. Встретив там сопротивление, он успешно высадился в деревне Кольп, на южном берегу Бойна, подле Дрогеды, и нашел там более счастья. В те дни не одни варвары занимались морскими разбоями. Сохранилось гневное письмо, в котором Патрик требует освобождения нескольких членов церкви, схваченных и отведенных пленниками в Уэльс; похититель их был британец и христианин. — *Издат.*)

96) О британских узурпаторах упоминают: Зосим (кн. 6, стр. 371-375), Орозий (кн. 7, гл. 40, стр. 576, 577), Олимпиодор (*apud Photium*, стр. 180, 181), церковные историки и "Хроники". Латинские писатели ничего не говорят о Марке.

97) "*Cum in Constantino in constantiam execrarentur*" (Сидоний Аполлинарий, кн. 5, посл. 9, стр. 139, edit. secund. Sirmond). Однако Сидоний воспользовался этой игрой слов, чтобы запятнать монарха, который оскорбил его деда.

98) Зосим называет их багаудами; быть может, эти последние по своему характеру не были так отвратительны. (См. Дюбуа, *Hist. Critique*, том I, стр. 203, и 1-ю часть этой "Истории", стр. 449); мы еще будем иметь случай говорить о них. (Гиббон был прав, полагая, что они не были так отвратительны. Он неправильно объясняет смысл их названия. Дюканж не говорит, что это название означает "шумное сборище"; он говорит, что оно означало просто "сборище, *hominum collectio*". На гельском языке слово *Bagaid* (см. Армстронга) значит *куча* или *группа*. Поэтому багауды были просто "соучастники". Они восстали из нежелания выносить гнет денежных взысканий и отстояли свою независимость, которой пользовались умеренно. По крайней мере они не совершали никаких жестокостей, обыкновенно по-

лучающих историческую известность. Их обвиняли в разных насилиях, будто бы совершенных ими во время их борьбы с Максимом, но эти насилия, вероятно, были так же преувеличены, как и насилия, совершенные Максимом при подавлении их восстания. Они по временам напоминают о себе, и это продолжается до тех пор, пока Галлия не перестала быть римской провинцией. Отсюда мы усматриваем, что дух самообороны еще не совсем угас в ту пору. — *Издат.*)

99) Бериниан, Дидим, Феодосий и Лагодий назывались бы, при дворах нашего времени, принцами крови, но в то время они не отличались от остальных подданных никакими рангами или привилегиями.

100) Эти Honoriane или Honoriaci состояли из двух отрядов скоттов, или аттакоттов, двух отрядов мавров, двух отрядов маркоманнов, из Викторцев, Аскариев и Галликанов (Notitia Imperii, отд. 38, изд. Лаб.). Они входили в состав шестидесяти пяти Auxilia Palatina и, по словам Зосима, назывались en te aule taxeis (кн. 6, стр. 374). (Слово "Палатин", которому придают теперь такое высокое значение, было очень незнатного происхождения. Слово palus означало деревянный заступ, который употреблялся самыми древними латинскими землепашцами и втыкался в землю для обозначения размера ежедневной работы или границ владения. Потом этим словом стали обозначать кол, который для той же цели вбивался в землю так крепко, чтобы его нельзя было вытащить, и дошел до нас в английской форме pale. Ряды таких кольев служили оградой для жилищ и прилегающей к этим жилищам земли; вот почему первый из семи римских холмов, который был занят постоянными жителями, получил название Palatinus, то есть обнесенный кольями, и сделался "местом пребывания самой знатной патрицианской трибы" (*Лекции* Нибура, ч. 1, стр. 115). Отсюда жилища этих триб получили название palatia, которым впоследствии стали обозначать вообще жилища царствующих особ. С течением времени лица, занимавшие в этих palatia официальные должности, стали называться *палатинами*, и тем же названием стали обозначаться предоставленные им привилегии и земли. Готы заимствовали для всех этих предметов названия из латинского языка, откуда и произошли теперешние немецкие слова Pfahl, Pallast и Pfalz. Интересно проследить историю этих слов у Дюканжа и Аделунга. Слово Pfahlburger было позднейшего происхождения и не должно быть смешиваемо с населением Пфальца. — *Издат.*)

101) (Константин увековечил воспоминание об этих победах на своих медалях; его изображение окружено победными надписями и эмблемами, а его нога поставлена на выю взятых в плен врагов. Эггель, Num. Vet., ч. VIII, стр. 177. — *Издат.*)

102) Comitatur euntem

Pallor, et atra fames; et saucia lividus ora
Lectus; et inferno stridentes agmine morbi.

Клавдиан, in 6 Cons. Hon. 321 и сл.

103) Граф de-Buat (His. des Peuples de l'Europe, том VII, гл. 3-8, стр. 69-206) постарался разъяснить эти тайные сделки; но его трудолюбивая аккуратность может иногда утомлять читателя.

104) См. Зосима, кн. 5, стр. 334, 335. Он прерывает свой скудный рассказ для того, чтобы изложить басню об Эмоне и о корабле Арго, который был перетащен от этого города сухим путем до Адриатического моря. Созомен (кн. 8, гл. 25; кн. 9, гл. 4) и Сократ (кн. 7, гл. 10) бро-

сают на этот предмет слабый и сомнительный свет, а Орозий (кн. 7, гл. 38, стр. 571) невыносимо пристрастен.

105) Зосим, кн. 5, стр. 338, 339. Он приводит слова Лампадия на том языке, на каком они были произнесены: "Non est ista *paх*, sed *paсtio servitutis*", а затем переводит их, для удобства своих читателей, на греческий язык.

106) Он был родом с берегов Эвксинского моря и занимал важную должность *lampras de strateias en tuis basileios hexomenois*. Его образ действий объясняет его характер, о котором Зосим говорит (кн. 5, стр. 340) с явным удовольствием. Августин уважал Олимпия за его благочестие и называл его истинным сыном церкви (Бароний, *Annal. Eccles. A.D. 408, N 19* и сл. Тильмон, *Mem. Eccles.* том XIII, стр. 467, 468). Но похвалы, которые так неуместно расточал африканский святой, истекали, быть может, столько же из его невежества, сколько из его склонности к лести.

107) Зосим, кн. 5, стр. 338, 339. Созомен, кн. 9, гл. 4. Сам Стилихон предлагал съездить в Константинополь с целью отклонить Гонория от такого бесполезного предприятия. Восточная империя не подчинилась бы его воле, а завоевать ее он не был в состоянии.

108) Зосим (кн. 5, стр. 336-345) пространно, но не ясно рассказывает историю опалы и казни Стилихона. Олимпиодор (*apud Phot.*, стр. 177), Орозий (кн. 7, гл. 38, стр. 571, 572), Созомен (кн. 9, гл. 4) и Филосторгий (кн. 11, гл. 3; кн. 12, гл. 2) сообщают некоторые дополнительные сведения.

109) Зосим, кн. 5, стр. 33. Тильмон (*Hist. des Empereurs*, том V, стр. 557) усматривает скандал в бракосочетании христианина с двумя родными сестрами и полагает, что папа Иннокентий I должен бы был или протестовать или дать особое на этот предмет разрешение.

110) Зосим (кн. 5, стр. 346) говорит с похвалой о двух его друзьях, — Петре, который был начальником школы нотариусов, и Девтерии, который был главным камергером. Стилихон подчинил своему влиянию императорскую опочивальню, и нас удивляет то, что при таком слабом государе это влияние не спасло его от гибели.

111) Орозий (кн. 7, гл. 38, стр. 571, 572), как кажется, повторял содержание тех лживых и злобных манифестов, которые распространялись новой администрацией по всем провинциям.

112) См. *Кодекс* Феодосия, кн. 7, тит. 16, зак. 1; кн. 9, тит. 42, зак. 22. Стилихона клеймят названием *praedo publicus*, который употреблял свои богатства *ad omnem ditandam, inquietandamque barbariem*.

113) Сам Августин был доволен целесообразными законами, которые были изданы Стилихоном против еретиков и идолопоклонников и которые до сих пор можно видеть в *Кодексе*. Он просил Олимпия только о подтверждении этих законов (Бароний, *Annal. Eccles. A.D. 408, N 19*).

114) Зосим, кн. 5, стр. 351. Дурной вкус того времени обнаружился в нелепой пышности, с которой украшались статуи.

115) См. Рутилия Нумациана (*Itinerar.*, кн. 2, 41 — 60), написавшего несколько изящных и выразительных стихов под влиянием религиозного энтузиазма. Стилихон также снял золотые доски, украшавшие двери Капитолия, и прочел вырезанную под ними пророческую надпись (Зосим, кн. 5, стр. 352). Все эти рассказы нелепы; но обвине-

ние в *нечестии* придает вес и достоверность похвалам, с которыми, как бы против воли, отзывается Зосим о его добродетелях.

116) На свадьбе Орфея (какое скромное сравнение!) все части одаренной жизнью природы доставили свои разнообразные дары и сами боги обогатили своего любимца. У Клавдиана не было ни стад, ни виноградников, ни оливковых деревьев. Его богатая невеста получила все это по наследству. Но он отправился в Африку с рекомендательным письмом от Серены, которая была его Юноной, и имел успех (Epist. 2 ad Serenam).

117) Клавдиан отнесся к этому почету как человек, сознающий, что достоин его (In praefat. Bell. Get). Подлинная надпись, сделанная на мраморе, была найдена в Риме в пятнадцатом столетии, в доме Помпония Лэта. Поэт, гораздо более замечательный, чем Клавдиан, имел право на то, чтобы литераторы, соотечественники и современники воздвигли ему статую при его жизни. Но это было не более, как благородное намерение! (Клавдиан был удостоен этой чести за свою поэму De Bello Gildonico. Но подлинность открытой надписи весьма сомнительна. Помпоний Лэт был очень ученый человек; он родился, как полагают, в 1425 г. и происходил путем незаконного рождения от знатной неаполитанской фамилии Сан-Северини. О нем можно найти некоторые сведения в первом примечании ко второй главе "Истории Льва Десятого" Roscoe (ч. I, стр. 438, Бон); но там ничего не говорится о возводимом на него обвинении, будто он ввел всех в заблуждение поддельной надписью. Впрочем, он был так простодушен и честен, что не был в состоянии совершить такого поступка. Это был оригинальный энтузиаст, легко подчинявшийся чужой воле; ловкие мошенники склоняли его на приобретение настоящих или мнимых остатков древности такой высокой ценой, что он совершенно разорился и кончил свою жизнь в приюте для бедных. Этим путем он приобрел и то, что выдавалось за пьедестал Клавдиановой статуи. Надпись, в том виде, как ее сохранил Ключеве, помещена в Testimonia, предпосланные Бурмановскому изданию сочинений Клавдиана. Почти каждая строчка этой надписи содержит веские доказательства того, что ее нельзя считать за подлинную. — *Издат.*)

118) См. эпиграмму 30.

Mallius indulget somno noctesque diesque:

Insomnis Pharius sacra, profana, rapit:

Omnibus, hoc, Italiae gentes, exposcite votis,

Mallius ut vigilet, dormiat ut Pharius.

Адриан был родом из Фара (подле Александрии). См. описание его общественной деятельности у Годефруа, *Код.* Феодосия, том VI, стр. 364. Маллий не всегда спал; он написал несколько изящных диалогов о греческих системах натуральной философии (Клавд. in Mall. Theodor. Cons. 61-112).

119) См. первое послание Клавдиана. Однако там местами проглядывают ирония и негодование, в которых сказывается его собственное отвращение к тому, что он писал.

120) Национальное тщеславие пыталось сделать из него флорентинца или испанца. Но первое послание Клавдиана доказывает, что он был родом из Александрии (Фабриций, *Biblioth. Latin.*, том III, стр. 191-202, изд. Эрнести).

121) Его первые латинские стихи были написаны во время консульства Пробина, A.D. 395.

Romanos bibimus primum, te consule, fontes,
Et Latiae cessit Graia Thalia togae.

Кроме сохранившихся до сих пор греческих эпиграмм, латинский поэт описал на греческом языке древности Тарса, Аназарба, Берита, Никеи и пр. Утрата хороших поэтических произведений пополняется легче, чем утрата оригинальных исторических произведений.

122) Страда (Prolusion, V, VI) считает его способным соперничать с пятью сочинителями героических поэм: Лукрецием, Вергилием, Овидием, Луканом и Стацием. Завзятый льстец Балтазар Кастильоне был его патроном. У него было много страстных поклонников. Однако разборчивые критики обвиняют его в избытке чужеземных цветов, вырастающих на его латинской почве. (К оценке, которую делает Гиббон, не лишним будет присовокупить отзыв Нибура: "Александрейский Грек Клавдиан сначала писал по-гречески. Не много найдется поэтов, писавших на иностранном языке так же хорошо, как он. Он владел этим языком в совершенстве; по всему видно, что, освоившись с латинским языком, он полюбил его как свой родной. Это был настоящий поэтический талант, хотя и зараженный жеманством позднейших греческих поэтов; он был необыкновенно сведущ в мифологии и обладал большой легкостью и блеском в выражениях". (Лекции, ч. III, стр. 324). Декан Мильман ссылается на помещенную в Quarterly Review статью Beugnot: l'histoire de la Destruction du Paganisme en Occident; там цитируются некоторые места из сочинений Клавдиана в доказательство его "необыкновенного религиозного равнодушия". Нибур называет его "языческим греком" и говорит, что "приписываемая ему поэма о чудесах Христа" была написана Мерободом. Не подлежит сомнению, что Клавдиан пользовался чудесами языческой мифологии с такой нестесняемостью, которая в ту пору должна была казаться христианам непростительной. Но поэты понимают религию по-своему и, пренебрегая ее земными формальностями, прибегают к ним только для иллюстрации своих собственных высших идей. — *Издат.*)

ГЛАВА XXXI

Вторжение Алариха в Италию. — Нравы римского сената и народа. — Рим осажден три раза и наконец разграблен готами. — Смерть Алариха. — Готы удаляются из Италии. — Падение Константина. — Варвары занимают Галлию и Испанию. — Независимость Британии.

Неспособность слабого и сбившегося с толку правительства нередко принимает такой же внешний вид и порождает такие же последствия, как изменнические сношения с общественным врагом. Если бы сам Аларих участвовал в совещаниях, которые происходили между министрами Гонория, он, вероятно, присоветовал бы им те самые меры, которые были ими приняты ¹⁾. Даже весьма вероятно, что царь готов не совсем охотно согласился бы на казнь грозного противника, одержавшего над ним верх и в Италии и в Греции. Но их предприимчивая и корыстная ненависть напрягла все свои усилия к тому, чтобы достигнуть опалы и гибели великого Стилихона. Храбрость Сара, его воинская репутация и личное или наследственное влияние, которым он пользовался между варварскими союзниками, служили для него рекомендацией лишь в глазах тех патриотов, которые питали презрение или ненависть к таким низким людям, какими были Турпилион, Варан и Вигилянций. Но хотя эти военачальники выказали себя недостойными названия воинов ²⁾, настоятельные просьбы новых фаворитов Гонория доставили им места начальников кавалерии, пехоты и дворцовых войск. Готский царь охотно подписался бы под эдиктом, который был внушен простодушному и благочестивому императору религиозным фанатизмом Олимпия. Гонорий устранил от всех государственных должностей противников католической церкви, отверг услуги тех, кто не придерживался его религии, и опрометчиво разжаловал многих из своих самых храбрых и самых способных офицеров за то, что они исповедовали языческую религию, или за то, что они разделяли убеждения ариан ³⁾.

Аларих одобрил бы и, быть может, присоветовал бы эти меры, столь выгодные для врагов империи; но можно усом-

ниться в том, согласился ли бы этот варвар, из личных интересов, на то бесчеловечное и безрассудное дело, которое было совершено по инициативе императорских министров или, по меньшей мере, с их одобрения. Те из чужеземных союзников, которые были лично преданы Стилихону, оплакивали его смерть; но их жажда мщения сдерживалась основательными опасениями за безопасность их жен и детей, живших заложниками в укрепленных городах Италии, где были также сложены самые ценные их пожитки. В один и тот же час и как бы по данному сигналу города Италии были опозорены одними и теми же отвратительными сценами убийства и грабежа, причем были истреблены и семейства и имущество варваров. Доведенные до отчаяния такой обидой, которая могла бы вывести из терпения самых кротких и смиренных людей, они с негодованием и надеждой обратили свои взоры на лагерь Алариха и единодушно поклялись довести до конца справедливую и неумолимую борьбу с вероломной нацией, так бессовестно нарушившей законы гостеприимства. Безрассудное поведение Гонориевых министров не только лишило республику тридцати тысяч самых храбрых ее солдат, но обратило их в ее врагов; таким образом, эта грозная армия, которая была способна одна обеспечить успешный исход войны, доставила военным силам готов перевес над военными силами римлян. В умении вести переговоры точно так же, как и в умении руководить военными действиями Аларих обнаруживал свое превосходство над противником, который беспрестанно колебался в своих намерениях по недостатку определенной цели и последовательности. Из своего лагеря на границе Италии Аларих внимательно следил за дворцовыми переворотами, наблюдал за тем, как усиливался дух крамолы и общего недовольства, и старался выдавать себя не за варварского завоевателя, а за друга и союзника великого Стилихона, доблестям которого он мог воздавать заслуженную дань похвал и сожалений с тех пор, как перестали его бояться. Недовольные неотступно убеждали готского царя вторгнуться в Италию, а их настояния подкреплялись его желанием отмстить за нанесенные ему личные обиды, так как он имел полное основание быть недовольным императорскими министрами, которые уклонялись от уплаты четырех тысяч фунтов золота, назначенных римским сенатом частью в виде награды за его заслуги, частью для того, чтобы укро-

тить его ярость. При своей сдержанности и твердости он выражался с притворной умеренностью, которая содействовала успеху его замыслов. Он требовал только того, на что имел полное право; но он самым решительным образом утверждал, что лишь только будет удовлетворен, немедленно удалится. Он не полагался на честное слово римлян, если не будут присланы в его лагерь заложниками сыновья двух высших государственных сановников, Эция и Язона, но взамен их предлагал выдать несколько самых знатных готских юношей. Скромность Алариха была принята равеннскими министрами за несомненное доказательство его слабости и трусливости. Они не нашли нужным ни вступать в переговоры о мирном трактате, ни готовиться к войне и с опрометчивой самонадеянностью, истекавшей лишь из совершенного непонимания угрожавшей государству неминуемой опасности, пропустили те решительные минуты, когда еще можно было сделать выбор между миром и войной.

В то время как они упорно бездействовали в ожидании удаления варваров из Италии, Аларих смело и быстро перешел через Альпы и через По, мимоходом ограбил города Аквилею, Алтинум, Конкордию и Кремону, усилил свою армию присоединением к ней тридцати тысяч союзников и, не встречая никакого сопротивления, дошел до тех болот, которые охраняли неприступную резиденцию западного императора. Вместо того, чтобы бесполезно тратить свое время на осаду Равенны, благоразумный готский военачальник дошел до Римини, распространил свои опустошения вдоль берегов Адриатического моря и задумал овладеть древней повелительницей мира. Один итальянский отшельник, который даже между варварами снискал себе уважение своим религиозным рвением и святостью, вышел навстречу к победоносному монарху и смело объявил ему, что небесный гнев разразится над тем, кто угнетает эту землю; но сам святой был приведен в замешательство заявлением Алариха, что какая-то непонятная сверхъестественная сила заставляет его идти на Рим. Он чувствовал, что у него достаточно гения и фортуны для самых трудных предприятий, а энтузиазм, который он внушал готам, заглушал народное и почти суеверное уважение к величию римского имени. Его войска, воодушевившись надеждой добычи, прошли по Фламиниевой дороге, заняли незащищенные проходы Апеннин ⁴⁾, спустились в бога-

тые равнины Умбрии и в то время, как они стояли лагерем на берегах Клитумна, могли вволю закалывать и пожирать белых как молоко быков, которые в течение стольких веков предназначались исключительно на жертвоприношения по случаю римских триумфов ⁵⁾. Маленький городок Нарни спасся благодаря своему положению на высокой горе и буре, кстати разразившейся громом и молнией; готский царь пренебрег этой ничтожной добычей, продолжал с неослабной энергией свое наступательное движение и, пройдя под величественными арками, украшенными отнятой у варваров добычей, стал лагерем под стенами Рима ⁶⁾.

В течение шестисот девяноста лет столица империи ни разу не была оскорблена присутствием чужеземного врага. Неудачная экспедиция Ганнибала ⁷⁾ лишь показала во всем его блеске мужество сената и народа, — того сената, который был скорей унижен, чем возвеличен, когда его сравнивали с собранием царей, и того народа, которому посол Пирра приписывал неистощимые ресурсы Гидры ⁸⁾. Во время Пунических войн каждый сенатор должен был предварительно прослужить известное число лет в армии или на второстепенных, или на высших должностях, а потому те декреты, которые возлагало временное командование армией на бывших консулов, цензоров или диктаторов, доставляли республике храбрых и опытных военачальников. В начале этих войн римский народ состоял из двухсот пятидесяти тысяч граждан, достигших того возраста, когда человек способен носить оружие ⁹⁾. Пятьдесят тысяч уже лишились жизни, защищая отечество, а для двадцати трех легионов, стоявших лагерями в Италии, Греции, Сардинии, Сицилии и Испании, требовалось около ста тысяч человек. Но в Риме и на прилегающей к нему территории еще было налицо такое же число граждан, одушевленных таким же неустрашимым мужеством и с ранней молодости освоившихся и с военной дисциплиной и с военными упражнениями. Ганнибал был удивлен твердостью сената, который ожидал его приближения, не делая никаких распоряжений ни о прекращении осады Капуи, ни об отозвании рассеянных вне Рима отрядов. Он расположился лагерем на берегах Аниона, на расстоянии трех миль от города, и вскоре вслед затем узнал, что земля, на которой он раскинул свою палатку, была продана с публичного торга по обыкновенной цене и что в противоположные ворота вышел из горо-

да отряд войск, посланный на подкрепление легионов в Испанию ¹⁰⁾. Он довел своих африканцев до ворот Рима, где нашел готовые его встретить три армии; но Ганнибал побоялся вступить в битву, из которой мог бы выйти победителем только в том случае, если бы истребил всю неприятельскую армию до последнего человека, и его торопливое отступление было признанием непреодолимого мужества римлян.

С тех пор непрерывавшийся ряд сенаторов сохранял название и призрак республики и выродившиеся подданные Гонория из честолюбия вели свое происхождение от тех героев, которые отразили нападение Ганнибала и подчинили себе все народы земного шара. Иероним, руководивший совестью благочестивой Павлы ¹¹⁾ и описавший ее жизнь, тщательно перечисляет мирские отличия, которые достались ей по наследству и к которым она относилась с пренебрежением. Генеалогия ее отца Рогата, восходившая до Агамемнона, по видимому, доказывала ее греческое происхождение; но ее мать Безилла включала в список своих предков Сципионов, Павла Эмилия и Гракхов, а ее муж Токсотий вел свое царственное происхождение от родоначальника Юлиев Энея. Тщеславие богачей, желавших принадлежать к знати, удовлетворялось этими надменными притязаниями. Поощряемые одобрением своих паразитов, они без большого труда вводили в заблуждение толпу и находили для себя некоторую поддержку в издавна установившемся обыкновении вольноотпущенных и клиентов знатных семейств присваивать себе имена патронов. Но многие из этих семейств мало-помалу вымерли или вследствие внешних насилий, или вследствие внутреннего упадка, и нисходящее в прямой линии потомство двадцати поколений было бы легче отыскать среди Альпийских гор или в мирной уединенной Апулии, чем в Риме, который постоянно был театром славы, опасностей и непрерывных переворотов. Во все царствования и из всех провинций империи отважные искатели приключений стекались в Рим, достигали высокого положения своими талантами или своими пороками, захватывали римские богатства, почетные отличия и дворцы и обращались или в притеснителей, или в покровителей тех жалких и смиренных потомков консульских родов, которые, быть может, ничего не знали о том, как были славны их предки ¹²⁾.

Во времена Иеронима и Клавдиана сенаторы единогласно

признавали первенство за родом Анициев, а беглый обзор его истории уяснит нам, какова была древность тех знатных семейств, которые заявляли притязания лишь на второстепенное положение ¹³⁾.

В первые пять столетий существования Рима имя Анициев было неизвестно; они, как кажется, были родом из Пренеста, и честолюбие этих новых граждан долго удовлетворялось плебейскими отличиями народных трибунов ¹⁴⁾. За сто шестьдесят восемь лет до начала христианской эры этот род был облагорожен возведением в преторское звание Аниция, который со славою окончил иллирийскую войну покорением всей нации и взятием в плен ее вождя ¹⁵⁾. После триумфа этого полководца, консульское звание три раза отмечало преемственность рода Анициев в отдаленные одна от другой эпохи ¹⁶⁾. Со времен Диоклетиана и вплоть до окончательного разрушения Западной империи блеск этого имени не уступал в мнении народа блеску императорского достоинства ¹⁷⁾. Различные отрасли, к которым оно перешло, соединяли путем бракосочетаний или по наследству богатства и титулы родов Анициев, Петрониев и Олибриев, и в каждом поколении число лиц, удостоившихся консульского звания, увеличивалось благодаря завещанным предками притязаниям ¹⁸⁾. Аниции отличались и своим благочестием и своим богатством; они прежде всех других римских сенаторов перешли в христианство, и есть основание полагать, что Аниций Юлиан, бывший впоследствии консулом и римским префектом, загладил свою привязанность к партии Максенция тем, что поспешил принять религию Константина ¹⁹⁾. Родоначальник Анициев Проб увеличил своей предприимчивостью доставшееся ему по наследству большое состояние; он разделял с Грацианом отличие консульского звания и четыре раза занимал важную должность преторианского префекта ²⁰⁾. Его огромные поместья были разбросаны по всему обширному пространству римских владений, и хотя способ их приобретения мог вызывать подозрения и порицания, щедрость и пышность этого счастливого сановника внушали его клиентам признательность, а иностранцам удивление ²¹⁾. Уважение римлян к памяти Проба было так велико, что по желанию сената двое его сыновей были в ранней молодости назначены консулами; летописи Рима не представляют другого примера таких необыкновенных отличий ²²⁾.

Богатство и великолепие мраморов, украшавших дворец Анициев, вошли в пословицу ²³⁾, а римские аристократы и сенаторы старались, по мере сил, подражать этому знаменитому роду. В подробном описании Рима, составленном в царствование Феодосия, значатся тысяча семьсот восемьдесят домов, служивших постоянным местопребыванием для богатых и знатных граждан ²⁴⁾. Многие из этих великолепных жилищ почти оправдывали преувеличенное выражение поэта, что Рим вмещал в себе бесчисленное множество дворцов и что каждый дворец был величиною с целый город, так как внутри его можно было найти все, что удовлетворяло требованиям пользы и роскоши — и рынки, и ипподромы, и храмы, и фонтаны, и бани, и портики, и тенистые рощи, и птичники ²⁵⁾. Историк Олимпиодор, описывая положение Рима в то время, как он был осажден готами ²⁶⁾, замечает, что некоторые из самых богатых сенаторов получали со своих поместьев ежегодный доход в четыре тысячи фунтов золота, то есть более чем в сто шестьдесят тысяч фунтов стерлингов, не считая запасов хлеба и вина, которые равнялись своей стоимостью третьей части названной суммы. В сравнении с такими громадными состояниями средний доход сенаторов в тысячу или в полторы тысячи фунтов золота мог считаться едва достаточным для поддержания достоинства их ранга, которое требовало больших расходов на общественные нужды и на представительство. В царствование Гонория были примеры таких тщеславных и гонявшихся за популярностью аристократов, которые устраивали в годовщину своего преторства празднества, продолжавшиеся целую неделю и стоившие более ста тысяч фунтов стерлингов ²⁷⁾. Имена римских сенаторов, до такой степени превышавшие размеры частных владений нашего времени, находились не в одной Италии. Их владения простирались далеко за моря Ионическое и Эгейское и достигали самых отдаленных провинций; так, например, город Никополь, основанный Августом с целью увековечить воспоминание о победе при Акциуме, составлял собственность благочестивой Павлы ²⁸⁾, а Сенека замечает, что реки, когда-то служившие границами между враждующими нациями, теперь протекают по владениям простых граждан ²⁹⁾. Римляне, смотря по вкусу или по обстоятельствам, или обрабатывали свои земли руками своих рабов, или отдавали их в аренду за условленную цену. Древние экономисты нас-

тоятельно рекомендовали употреблять первый из этих двух способов повсюду, где он применим на практике; если же сам владелец не мог наблюдать за своими имениями по причине их отдаленности или обширности, то они отдавали предпочтение привязавшемуся к почве и заинтересованному в хорошем урожае наследственному арендатору над наемником, который относится к делу небрежно, а иногда и недобросовестно ³⁰⁾.

Богатая аристократия громадной столицы, никогда не гонявшаяся за военной славой и редко занимавшаяся делами гражданского управления, естественно, посвящала свой досуг домашним занятиям и развлечениям. На занятие торговлей римляне всегда смотрели с презрением; но начиная с первых веков республики сенаторы стали увеличивать и свои состояния и число своих клиентов благодаря тому, что стали заниматься выгодным ремеслом ростовщиков, а устарелые законы, которыми запрещался этот способ наживы, или обходились, или не исполнялись по взаимному согласию и в интересах обеих сторон ³¹⁾. В Риме, должно быть, всегда находились огромные сокровища или в ходячей монете, или в форме золотой и серебряной посуды, а во времена Плиния там было немало таких буфетов, в которых было больше массивного серебра, чем сколько было привезено Сципионом из завоеванного им Карфагена ³²⁾. Аристократы, тратившие свои состояния на чрезмерную роскошь, большую часть считали себя бедняками среди окружавшего их блеска и жили в праздности среди непрерывных удовольствий. Их желания постоянно удовлетворялись усилиями тысячи рук, трудами многочисленных домашних рабов, работавших из страха наказания, и различных мастеровых и торговцев, находивших для себя более сильное поощрение в надежде наживы. Древним были незнакомы многие из тех удобств жизни, которые были введены или усовершенствованы благодаря успехам промышленности, а изобилие стекла и белья доставило новейшим народам Европы более существенный комфорт, чем тот, который доставляла римским сенаторам вся их утонченная или сластолюбивая роскошь ³³⁾. Их расточительность и их нравы были предметом подробного и тщательного исследования; но так как это исследование надолго отклонило бы меня от цели этого сочинения, то я ограничусь достоверным описанием Рима и его жителей, которое относится

преимущественно к периоду готских нашествий. Аммиан Марцеллин, имевший благоразумие поселиться в столице империи как в самом удобном месте для того, кто пишет историю своего собственного времени, примешивал к рассказу о публичных событиях живое описание тех сцен, которые беспрестанно происходили перед его глазами. Здравомыслящий читатель не всегда будет доволен резкостью его порицаний, выбором подробностей и способом выражения; он, может быть, подметит тайные предубеждения и личную неприязнь, вредно влиявшие на характер самого Аммиана; но он, без сомнения, прочтет с философской любознательностью интересное и оригинальное описание римских нравов ³⁴⁾.

"Величие Рима — так выражается историк — было основано на редком и почти невероятном сочетании добродетели и счастья. Длинный период его младенчества прошел в трудной борьбе с италийскими племенами, которые жили в соседстве с возникавшим городом и в постоянной с ним вражде. В период юношеской силы и горячности он выдержал бурю войн, перенес свое победоносное оружие за моря и горы и с торжеством возвратился домой украшенным лаврами, которые были собраны со всех стран земного шара. Наконец, приближаясь к старости и по временам побеждая одним страхом, который наводило его имя, он стал искать счастья в удобствах и покое. Почтенный город, попиравший выю самых гордых наций и установивший такую систему законов, которая должна была вечно быть на страже справедливости и свободы, удовольствовался тем, что, подобно предусмотрительному и зажиточному отцу, возложил на своих любимых сыновей — Цезарей заботу об управлении своей обширной отчиной ³⁵⁾. Прочное и глубокое спокойствие — такое, каким наслаждались в царствование Нумы, — наступило вслед за смутами республики. Перед Римом все еще преклонялись, как перед царем всего мира, а покоренные народы все еще чтили имя римского народа и величие сената. Но это старинное величие, продолжает Аммиан, унижено и запятнано поведением некоторых аристократов, которые, не заботясь ни о своем собственном достоинстве, ни о достоинстве своего отечества, предаются без всякой меры порокам и безрассудствам. Они соперничают друг с другом в пустом чванстве титулами и прозвищами и выбирают для себя или придумывают самые пышные и звучные названия Ребурра или Фабуния,

Пагония или Тарразия ³⁶⁾ с целью внушать простолюдинам удивление и уважение. Из тщеславного желания увековечить память о себе они изображают себя в бронзовых и мраморных статуях и только тогда бывают довольны, когда эти статуи обкладываются досками из золота, — а это почетное отличие было впервые оказано консулу Ацилию после того, как он одолел царя Антиоха благодаря своему мужеству и благоразумию. Тщеславие, с которым они стараются выказывать и, быть может, преувеличивать громадность доходов со своих имений, разбросанных по всем провинциям Востока и Запада, возбуждает основательное негодование во всяком, кто еще не позабыл, что их бедные и непобедимые предки не отличались от самых простых солдат ни изяществом своего стола, ни пышностью своих одеяний. Но теперешняя знать измеряет величие своего положения и свое значение вышиною своих колесниц ³⁷⁾ и тяжестью своих великолепных убранных. Ее длинные шелковые и пурпуровые одежды развеваются от ветра, а в то время как они распахиваются, искусственно или случайно, они открывают нашим взорам нижнюю часть платья, состоящую из богатых туник, на которых вышиты фигуры различных животных ³⁸⁾. В сопровождении свиты из пятидесяти слуг они проезжают по улицам с такой скоростью, с какой ездят на почтовых, и так, что мостовая трясется, а примеру сенаторов смело следуют матроны и знатные дамы, беспрестанно разъезжающие в закрытых колесницах по громадному пространству, занимаемому городом и предместьями.

Когда эти знатные особы удостаивают своим посещением общественные бани, они при самом входе туда принимают громкий и дерзкий повелительный тон и захватывают в свое исключительное пользование те удобства, которые предназначены для римского народа. Если в этих местах, куда сходятся люди всякого звания, они встречают одного из тех презренных людей, которые служат для них орудиями для их развлечений, они выражают им свое милостивое расположение нежным обниманием; но они надменно уклоняются от приветствий тех сограждан, которые допускаются лишь к целованию их руки или их колен. Лишь только они освежились ванной, они снова надевают свои кольца и другие внешние отличия своего звания, выбирают по своему вкусу одежды из такого гардероба, которого было бы достаточно для двенад-

дати человек, и сохраняют до самого отъезда тот надменный тон, который, пожалуй, можно бы было извинить в великом Марцелле после того, как он овладел Сиракузами. Правда, эти герои иногда совершают более трудные подвиги: они посещают свои имения в Италии и доставляют себе удовольствие охотой, причем труд и усталость выпадают лишь на долю их рабов ³⁹⁾. Если им случится в жаркий день переплыть на их раскрашенных галерах через Лукринское озеро ⁴⁰⁾ до их роскошных вилл, расположенных на берегу моря близ Путеоли и Каеты ⁴¹⁾, они сравнивают эту экспедицию с походами Цезаря и Александра. Однако если муха осмелится сесть на шелковые складки их позолоченных балдахин, если луч солнца случайно проникнет в какую-нибудь едва заметную скважину, они жалуются на свое невыносимое положение и в трогательных выражениях сожалеют о том, что не родились в стране киммерийцев ⁴²⁾, где царствует вечный мрак. Во время этих загородных поездок ⁴³⁾ вся домашняя прислуга сопровождает своего господина. Подобно тому, как искусный военачальник распределяет по местам кавалерию и пехоту, тяжеловооруженные войска и те, которые вооружены легко, и назначает, кому быть в авангарде, кому в арьергарде, начальники домашней прислуги, вооруженные хлыстом в знак предоставленной им власти, расставляют и приводят в порядок многочисленную свиту рабов и служителей. Багаж и гардероб едут впереди, а непосредственно вслед за ними идет масса поваров и низших должностных лиц, состоящих при кухне или прислуживающих за столом. Главный отряд состоит из массы рабов, к которой присоединяются праздные плебеи и клиенты. Шествие замыкается отрядом евнухов, которые расставлены по старшинству лет, начиная со старых и кончая молодыми. Их многочисленность и уродство возбуждают отвращение в зрителях, которые готовы проклинать память Семирамиды, придумавшей это бесчеловечное средство заглушать требования природы и уничтожать в самом зародыше надежды будущих поколений. В отправлении домашнего правосудия римские аристократы обнаруживают необыкновенную чувствительность ко всему, что касается их собственной личности, но к остальным представителям человеческого рода относятся с презрительным равнодушием.

Если они прикажут принести теплой воды, а раб замешкается в исполнении этого приказанья, его тотчас наказывают

тремьястами ударами плети; но если раб совершит преднамеренное убийство, его повелитель кротко заметит ему, что он большой негодяй и что ему не избежать наказания, если такое преступление повторится. Гостеприимство когда-то принадлежало к числу римских добродетелей, и каждый чужеземец находил помощь в несчастьи и щедрые награды, если отличался личными достоинствами. А в настоящее время, если какой-нибудь чужеземец, даже из тех, которые занимают не последнее место в обществе, входит в первый раз в дом одного из высокомерных и богатых сенаторов, его сначала принимают с такими дружескими приветствиями и с таким сердечным участием, что он уходит очарованным приветливостью своего знатного друга и сожалеет только о том, что так долго откладывал свою поездку в Рим — этот натуральный центр не только верховной власти, но и хороших манер. Будучи уверен в хорошем приеме, он повторяет свое посещение на следующий день и с прискорбием замечает, что хозяин дома уже позабыл и его личность, и его имя, и название того места, откуда он прибыл. Если, несмотря на это, он будет настойчиво продолжать свои посещения, он мало-помалу поступит в разряд клиентов и получит дозволение усердно и бесполезно ухаживать за надменным патроном, которому незнакомо чувство признательности или дружбы и который едва снисходит до того, чтобы замечать его прибытие, уход или возвращение. Когда богач устраивает публичное увеселение для народа ⁴⁴⁾ или готовит с чрезмерной и вредной роскошью банкет у себя дома, выбор гостей составляет предмет серьезных забот. Люди скромные, воздержные и ученые редко предпочитают, а те, кому поручено составлять списки приглашенных, обыкновенно руководствуются личными интересами и вносят в эти списки неизвестные имена самых недостойных людей. Но самыми обыкновенными и самыми интимными собеседниками вельмож бывают те паразиты, которые занимаются самым выгодным из всех ремесел — ремеслом льстецов, которые горячо одобряют каждое слово и каждый шаг своего бессмертного патрона, которые с восторгом осматривают его мраморные колонны и разноцветные полы его апартаментов и усердно прославляют роскошь и изящество, которые он привык считать неотъемлемою частью своих личных достоинств. За столом римлян птицы, *squirrels* ⁴⁵⁾ (белки) и рыбы необыкновенной величи-

ны обращают на себя общее внимание; чтобы удостоверить их вес, приносят весы, и в то время, как более рассудительные гости отворачиваются от этой скучной сцены, нарочно приглашенные нотариусы составляют акт в удостоверение такого необыкновенного события. Другой способ втираться в дома и в общество знати заключается в специальном занятии игрой, которой дают более приличное название забавы. Сообщников соединяют прочные и неразрывные узы дружбы или, верней, заговора, а высшая ловкость в метании *tesseraria* или костей (почти то же, что игра в шашки или в триктрак ⁴⁶⁾) открывает верный путь к богатству и известности. Если знатоку этой высокой науки приходится сидеть за ужином или в обществе ниже какого-нибудь должностного лица, он обнаруживает в манере себя держать такое же удивление и негодование, какое мог бы выразить Катон, когда прихотливый народ не захотел выбрать его в преторы. Приобретение знаний редко интересует аристократов, ненавидящих все, что может причинять им усталость, и пренебрегающих выгодами образования; сатиры Ювенала и много-речивые баснословные рассказы Мария Максима ⁴⁷⁾ — единственные книги, которые ими читаются. Библиотеки, доставшиеся им в наследство от предков, всегда закрыты как гробницы, и в них никогда не проникает дневной свет ⁴⁸⁾.

Но дорогие театральные инструменты — флейты, громадные лиры и гидравлические органы — фабрикуются для их употребления, и в римских дворцах постоянно слышится гармония вокальной и инструментальной музыки. В этих дворцах звукам отдается предпочтение перед здравым смыслом, а заботы о теле считаются более важными, чем заботы об уме. Всеми считается за благотворное правило, что самое легкое подозрение в прилипчивой болезни освобождает от обязанности посещать самых близких друзей, и даже служители, посылаемые из приличия справиться о положении больного, возвращаются домой не иначе, как после предварительного очищения ванной. Однако эта себялюбивая и малодушная деликатность совершенно исчезает, когда разыгрывается более сильная страсть любостяжания. Ради денежной выгоды богатый и страдающий подагрой сенатор готов доехать даже до Сполето; и высокомерие и чувство собственного достоинства откладываются в сторону, когда является надежда получить что-либо по наследству или даже по заве-

панию, а богатый бездетный гражданин — самый могущественный человек во всем Риме. Эти люди очень хорошо владеют искусством добиваться подписания выгодного для них завещания, а иногда и искусством ускорять наступление того момента, когда оно приводится в исполнение; случалось даже, что в одном и том же доме, но в различных комнатах муж и жена, с похвальным желанием пережить один другого, призывали своих поверенных и в одно и то же время делали совершенно противоположные распоряжения на случай своей смерти. Нужда в деньгах, которая бывает неизбежным последствием чрезмерной роскоши и как бы наказанием за нее, нередко заставляет вельмож прибегать к самым унижительным приемам. Когда им нужно сделать заем, они выражаются тем низким и умоляющим тоном, каким выражаются рабы в комедиях; но когда от них требуют возврата ссуды, они принимают царственный трагический тон, приличный потомкам Геркулеса. Если это требование повторяется, они поручают одному из своих самых надежных льстецов обвинить докучливого кредитора в отравлении или в занятиях магией, и этому несчастному редко удастся избежать тюрьмы, если он не распишется в получении всего долга. К этим порокам, унижающим нравственный характер римлян, присоединяется ребяческая склонность к суевериям, унижающая их разум. Они с доверием выслушивают предсказания гаруспициев, которые находят во внутренностях убитых животных указания на ожидающее их в будущем величие и благосостояние, и между ними найдется немало таких, которые не войдут в ванну, не сядут на стол и не поедут в гости, не справившись, по всем правилам астрологии, с положением Меркурия и с внешним видом Луны ⁴⁹⁾. Нельзя не подивиться тому, что это странное легкоеверие нередко встречается у таких нечестивых скептиков, которые или сомневаются в существовании небесной силы, или совершенно его отвергают".

В многолюдных городах, служащих центром для торговли и промышленности, средние классы населения, которые добывают средства существования ловкостью или трудом своих рук, обыкновенно составляют всех быстрее размножающуюся, самую полезную и в этом смысле самую почтенную часть городской общины. Но римские плебеи, гнушавшиеся такими сидячими и низкими занятиями, с самых древних времен

изнемогали под бременем долгов и лихвенных процентов, а землепашцы были вынуждены прекращать возделывание своих полей в то время, как несли военную службу ⁵⁰⁾. Итальянские земли были первоначально разделены между семействами свободных и бедных владельцев, но затем мало-помалу перешли в руки аристократов или путем покупки, или путем самовольного захвата, и в том веке, который предшествовал падению республики, насчитывалось только две тысячи граждан, обладавших независимыми средствами существования ⁵¹⁾. Тем не менее, пока от выбора народа зависели раздача государственных должностей и назначение как начальников легионов, так и администраторов богатых провинций, чувство гордости в некоторой мере облегчало гнет материальных лишений, а народные нужды удовлетворялись честолюбивыми кандидатами, старавшимися закупить продажное большинство голосов в тридцати пяти трибах или ста девианоста трех центуриях, на которые делилось римское население. Но когда расточительное простонародье неблагоразумно выпустило из своих рук не только *пользование* своим правом, но и передачу его *по наследству*, оно низошло, под управлением Цезарей, до положения низкой и презренной черни, которая совершенно вымерла бы очень скоро, если бы она беспрестанно не пополнялась отпущенными на волю рабами и приливом чужеземцев. Еще во времена Адриана римские уроженцы основательно жаловались на то, что в столице стекались пороки со всего мира и нравы самых несхожих между собою народов. Невоздержность галлов, лукавство и непостоянство греков, дикая закоснелость египтян и иудеев, раболепие азиатов и разнузданное распутство сирийцев перемешивались в разнохарактерной толпе, которая под высокопарным и ложным наименованием римлян осмеливалась презирать своих сограждан и даже своих монархов за то, что они жили вне пределов *вечного города* ⁵²⁾.

Но имя этого города все еще произносилось с уважением, частые бесчинства его своенравного населения оставались безнаказанными, а преемники Константина, вместо того чтобы раздавить последние остатки демократии под тяжестью военного деспотизма, держались кроткой политики Августа, стараясь облегчать нужды бесчисленных бедняков и доставлять им развлечения ⁵³⁾.

I. Чтобы доставить праздным плебеям более удобств, еже-

месячная раздача хлеба в зерне была заменена ежедневной раздачей печеного хлеба; было устроено множество печей, которые содержались на счет казны, и каждый гражданин, снабженный особым билетом, всходил в назначенный час по ступенькам той лестницы, которая была назначена для жителей его квартала или его участка, и получал или даром, или за самую низкую цену кусок хлеба весом в три фунта для прокормления своего семейства. II. Леса Лукании, кормившие своими желудями огромные стада диких свиней ⁵⁴⁾, доставляли, в виде подати, обильные запасы дешевого и питательного мяса. В течение пяти месяцев в году самым бедным гражданам постоянно раздавали соленую свинину, и ежегодное потребление этого мяса в такую эпоху, когда столица империи уже утратила свой прежний блеск, было определено эдиктом Валентиниана Третьего в три миллиона шестисот двадцать восемь тысяч фунтов ⁵⁵⁾. III. В силу вкоренившихся у древних народов обычаев, растительное масло требовалось не только для ламп, но и для бань, и ежегодная подать, которая была наложена на Африку в пользу Рима, достигала трех миллионов фунтов, что составляло на английскую меру до трехсот тысяч галлонов. IV. Заботливость, с которой Август старался снабжать столицу достаточными запасами зернового хлеба, ограничивалась этим необходимым для человеческого пропитания продуктом, а когда народ стал громко жаловаться на дороговизну и недостаток вина, прокламация, изданная этим серьезным реформатором, напомнила его подданным, что нет никакого основания жаловаться на жажду, с тех пор как водопроводы Агриппы стали доставлять в город столько обильных потоков чистой и здоровой воды ⁵⁶⁾. Эта суровая воздержность мало-помалу исчезла, и хотя великодушное намерение Аврелиана ⁵⁷⁾, как кажется, не было приведено в исполнение во всем своем объеме, употребление вина сделалось для всех доступным на очень легких условиях. Заведование общественными винными погребами было возложено на высокопоставленное должностное лицо, и сбор винограда в Кампании был в значительном размере предназначен для счастливых обитателей Рима.

Великолепные водопроводы, основательно заслуживавшие похвал самого Августа, снабжали в громадном изобилии водой построенные им во всех частях города *Thermae*, или бани. Насчитывалось более тысячи шестисот мраморных ска-

меек в банях Антонина Каракаллы, которые были открыты в назначенные часы для всех без разбора — и для сенаторов и для простолюдинов, а в банях Диоклетиана насчитывали таких скамеек более трех тысяч ⁵⁸⁾. Стены высоких апартаментов были покрыты мозаиками, подражавшими живописи и изяществом рисунка и разнообразием красок; там обращали на себя внимание инкрустации египетского гранита на дорогом зеленом мраморе, получавшемся из Нумидии; непрерывная струя горячей воды лилась в обширные бассейны через широкие отверстия, сделанные из массивного серебра, и самый последний из римлян мог ежедневно покупать за небольшую медную монету пользование такой роскошью и такими удобствами, которые могли бы возбудить зависть в азиатских монархах ⁵⁹⁾. Из этих великолепных дворцов толпами выходили грязные и оборванные плебеи, у которых не было ни башмаков, ни плащей, которые шатались целые дни по улицам и на форуме, чтобы собирать новости и заводить споры, которые проматывали на игру скудные средства существования своих жен и детей и проводили ночи в трактирах и непотребных домах, предаваясь самому грубому разврату ⁶⁰⁾.

Но самыми приятными и самыми роскошными забавами служили для праздной толпы публичные игры и зрелища. Христианские императоры отменили бесчеловечные бои гладиаторов, но для римского населения цирк все еще был чем-то вроде его собственного дома; оно все еще смотрело на цирк как на храм и как на седалище республики. Нетерпеливые толпы спешили занимать места лишь только начинало рассветать, и многие проводили бессонные и тревожные ночи под соседними портиками. Зрители, иногда доходившие числом до четырехсот тысяч человек, с напряженным вниманием следили с утра до вечера за лошадьми и колесницами, не обращая никакого внимания на то, что их печет солнце или мочит дождь; они волновались то надеждами, то страхом в ожидании, что успех выпадет на долю тех, кому они доброжелательствуют, и можно бы было подумать, что от исхода скачек зависит благополучие Рима ⁶¹⁾. Такое же чрезмерное увлечение вызывало их возгласы и рукоплескания, когда они смотрели на травлю диких зверей и на какое-либо другое театральное представление. В наших столицах такие представления заслуживают того, чтобы их считали за школу изящного вкуса и даже добродетели. Но трагическая и комическая

муза римлян, почти всегда стремившаяся лишь к подражанию аттическому гению ⁶²⁾, почти совершенно умолкла со времени падения республики ⁶³⁾, и ее место было занято непристойными фарсами, сладострастной музыкой и роскошной сценической обстановкой. Пантомимы ⁶⁴⁾, сохранявшие свою известность со времен Августа вплоть до шестого столетия, выражали, без употребления слов, баснословные предания о богах и героях древности, а совершенства, до которых было доведено это искусство, иногда обезоруживали суровую взыскательность философа и всегда вызывали со стороны народа одобрение и восторг. Обширные и роскошные римские театры содержали три тысячи танцовщиц и три тысячи певцов вместе с начальниками различных хоров. Эти артисты пользовались таким общим сочувствием, что в неурожайные годы, когда из города высылали всех чужеземцев, они награждались за доставляемое публике удовольствие тем, что не подчинялись закону, строго применявшемуся ко всем профессорам свободных искусств ⁶⁵⁾. Рассказывают, что сумасбродная любознательность Элиогабала попыталась доискаться настоящей цифры римского населения по количеству паутины. Более рациональный метод исследования не был бы недостойн самых мудрых императоров, которые легко могли бы разрешить вопрос, столь важный для римского правительства и столь интересный для следующих поколений. Рождение и смерть граждан аккуратно записывались в регистрах, и если бы который-нибудь из древних писателей сообщил нам результаты этих ежегодных отчетов или только среднюю цифру, мы были бы в состоянии сделать удовлетворительный расчет, который уничтожил бы преувеличения критиков и, может быть, подтвердил бы умеренные и правдоподобные догадки философов ⁶⁶⁾.

Самые старательные исследования доставили нам лишь следующие сведения, которые, несмотря на свою поверхностность и неполноту, бросают некоторый свет на вопрос о населенности Древнего Рима. I. Когда столица империи была осаждена готами, окружность стен была аккуратно измерена математиком Аммонием и определена им в двадцать одну милю ⁶⁷⁾. Не следует забывать, что город имел форму почти правильного круга, а эта геометрическая фигура, как известно, заключает внутри себя более широкие пространства, чем всякая другая. II. Славившийся во времена Августа ар-

хитектор Витрувий, свидетельство которого имеет в настоящем случае особый вес и авторитет, замечает, что бесчисленные жилища римского населения непременно распространились бы далеко за пределы города, но что недостаток свободной для возведения построек земли, со всех сторон окруженной садами и виллами, внушил очень простую, но не совсем удобную на практике мысль делать на домах надстройки ⁶⁸⁾. Но высота этих зданий, нередко строившихся на скорую руку и из плохого материала, была причиной частых несчастий, и потому эдиктами Августа и Нерона неоднократно было предписано, чтобы строившиеся внутри римских стен частные дома не возвышались над землею более, чем на семьдесят футов ⁶⁹⁾. Ювенал ⁷⁰⁾, как кажется на основании собственного опыта, скорбел о лишениях бедных граждан и давал им благотворный совет как можно скорее бежать от римской копоты, так как в небольших италийских городах можно купить красивый и удобный домик за ту самую цену, которую они ежегодно платят за темную и скверную квартиру. Отсюда следует заключить, что наемная плата за квартиры была чрезмерно велика; богачи приобретали за огромные суммы землю, на которой строили свои дворцы и разводили сады, но главная масса римского населения теснилась на небольшом пространстве, и, подобно тому, как это делается в наше время в Париже и в других городах, в различных этажах и квартирах одного и того же дома размещалось по несколько плебейских семейств. IV. В описании Рима, составленном в царствование Феодосия, число домов во всех четырнадцати городских кварталах определено в сорок восемь тысяч триста восемьдесят два ⁷¹⁾. Они делились на два разряда, — на *domus* и *insulae*, которые вмещали в себя все столичные жилища всякого рода, начиная с мраморного дворца Анициев с многочисленными помещениями для вольноотпущенных и рабов и кончая высоким и узким домиком, в котором поэт Кодр и его жена нанимали чердак под самой крышей. Если мы примем ту же среднюю цифру, которая, при таких же условиях, была принята для вычисления парижского населения ⁷²⁾, и если мы допустим, что на каждый дом приходилось круглым числом по двадцати пяти жителей, то население Рима определится в миллион двести тысяч человек, и эта цифра не покажется нам чрезмерной для столицы могущественной империи, хотя бы она и превышала число

населения в самых больших городах современной нам Европы⁷³⁾.

Таково было положение Рима в царствование Гонория, в то время, как готская армия предприняла осаду⁷⁴⁾ или, верней, блокаду города. Благодаря искусному распределению своих многочисленных отрядов, с нетерпением ожидавших той минуты, когда их поведут на приступ, Аларих окружил со всех сторон городские стены, прервал всякие сообщения с окрестностями и бдительно наблюдал за прекращением плавания по Тибру, так как этим путем римляне получали самые обильные запасы съестных припасов. В первую минуту и знать и простой народ были поражены удивлением и негодованием при мысли, что низкий варвар осмеливается так дерзко поступать со столицей мира; но несчастье скоро смирило их гордость, а их малодушная ярость обрушилась не на неприятеля, стоявшего с оружием в руках, а на беззащитную и невинную жертву. В лице Серены римляне могли бы уважать племянницу Феодосия и тетку царствующего императора, одно время заменявшую ему родную мать; но они ненавидели вдову Стилихона и с легковерным пристрастием поверили клеветникам, обвинявшим ее в тайной и преступной переписке с готским полководцем. Движимые такой же безрассудной яростью, какая овладела народом, или увлеченные ею против воли, сенаторы осудили Серену на смерть, не потребовав никаких доказательств ее виновности. Серену с позором удавили, а ослепленный народ дивился тому, что эта жестокая несправедливость не имела немедленным последствием отступление варваров и освобождение города. Этот несчастный город испытал на себе сначала недостаток в съестных припасах, а в конце концов и все ужасы голода.

Ежедневная раздача трех фунтов печеного хлеба была уменьшена до полуфунта, до третьей доли фунта и наконец совершенно прекратилась, а цена на зерновой хлеб все росла, быстро увеличиваясь в ужасающей пропорции. Самые бедные из граждан, не будучи в состоянии приобретать покупкой необходимое пропитание, обращались к ненадежной благотворительности богачей, и в течение некоторого времени общественные нужды облегчались человеколюбием вдовы императора Грациана Леты⁷⁵⁾, постоянно жившей в Риме и употреблявшей на вспоможение несчастным царские доходы, которые она ежегодно получала от признательных пре-

емников ее супруга. Но этих частных и временных пожертвований не было достаточно для прокормления многочисленного населения, и голод наконец проник в мраморные дворцы самих сенаторов. Привыкшие к удобствам и роскоши, богачи обоего пола поняли тогда, как мало нужно человеку, чтобы удовлетворять требования природы, и стали расточать свои бесполезные сокровища на добывание такого грубого и скудного продовольствия, от которого в прежнее время отвернулись бы с презрением. Пища, самая отвратительная на вкус и на вид, продукты самые нездоровые и вредные пожирались с жадностью и были предметом ожесточенных споров между людьми, доведенными голодом до иступления. Существовало подозрение, что некоторые несчастные с отчаяния питались мясом убитых товарищей, и ходили рассказы о том, что даже матери ели мясо своих убитых детей (какая страшная борьба должна была происходить между двумя самыми могущественными инстинктами, вложенными природой в человеческую душу) ⁷⁶). Много тысяч римских жителей погибло в своих домах или на улицах от недостатка пищи, а так как находившиеся вне городских стен общественные кладбища были в руках неприятеля, то воздух заразился от зловония, которое издавали гнившие и остававшиеся без погребения трупы, и к бедствиям, происходившим от голода, присоединилась зараза от прилипчивых болезней. Неоднократно получавшиеся от равеннского двора обещания скорой помощи в течение некоторого времени поддерживали в римлянах бодрость, но когда исчезла последняя надежда на человеческую помощь, они соблазнились предложениями сверхъестественного избавления. Тосканские прорицатели, движимые или лукавством, или фанатизмом, уверили городского префекта Помпейяна, что при помощи таинственных заклинаний и жертвоприношений они могут вызвать из туч молнию и направить этот небесный огонь на лагерь варваров ⁷⁷). Об этом важном секрете сообщили римскому епископу Иннокентию, и на преемника св. Петра пало, быть может, совершенно неосновательное обвинение, что он предпочел спасение республики строгому соблюдению правил христианской религии. Но когда этот вопрос поступил на рассмотрение сената и когда было поставлено неременным условием, чтобы жертвоприношения совершались в Капитолии под руководством и в присутствии должностных лиц, большинство

членов этого почтенного собрания, из опасения прогневить Бога или императора, отказались от участия в таком деянии, которое, по-видимому, было бы почти равносильно публичному восстановлению язычества ⁷⁸⁾.

Римлянам не оставалось ничего другого, как положиться на милосердие или, по меньшей мере, на умеренность готского царя. Сенат, взявший, при таких критических обстоятельствах, бразды правления в свои руки, назначил двух послов для ведения переговоров с неприятелем. Это важное поручение было возложено на испанского уроженца, сенатора Василия, выказавшего свои дарования в качестве провинциального администратора, и на главного трибуна нотариусов Иоанна, отличавшегося ловкостью дельца и давнишними близкими сношениями с готским царем. Когда их допустили до личного свидания с Аларихом, они объявили, — более высокомерным тоном, чем какой был приличен в их жалком положении, — что римляне твердо решились не унижать своего достоинства ни в мире, ни в войне и что, если Аларих откажет им в приличной капитуляции, он может подать сигнал для приготовления к борьбе с бесчисленным населением, которое привыкло владеть оружием и воодушевлено мужеством отчаяния. "Чем гуще трава, тем легче ее косить" — таков был краткий ответ варвара, а эта грубая метафора сопровождалась громким презрительным смехом, выражавшим пренебрежение к угрозам народа, который уже был расслаблен роскошью, прежде нежели зачах от голода. Затем он соблаговолил определить размер выкупа за то, что удалится от стен Рима: он потребовал *все* золото и серебро, которое находится в городе, все равно, составляет ли оно собственность государства или частных лиц; *всю* ценную движимость и *всех* рабов, которые в состоянии доказать, что имеют право называться *варварами*. Уполномоченные сената позволили себе спросить скромным и умоляющим тоном: "Если таковы, о царь! ваши требования, то что же намерены вы оставить нам самим?" — "Вашу жизнь", — отвечал надменный завоеватель. Они содрогнулись от ужаса и удалились. Однако прежде чем они удалились, победитель согласился на непродолжительное перемирие, которое дало возможность вести переговоры с большим хладнокровием.

Суровость Алариха мало-помалу смягчилась; он значительно уменьшил свои немилосердные требования и в конце

концев согласился снять осаду, если ему немедленно доставят пять тысяч фунтов золота, тридцать тысяч фунтов серебра, четыре тысячи шелковых одеяний, три тысячи кусков тонкого алого сукна и три тысячи фунтов перцу ⁷⁹⁾. Но общественная казна была истощена; ежегодные доходы с больших поместий, находившихся частью в Италии, частью в провинциях, задерживались вследствие войны; золото и драгоценные камни были отданы, во время голода, в обмен за самые грубые съестные припасы; скупцы все еще упорно скрывали свои сокровища, и единственным ресурсом для спасения города от неминуемой гибели оказались некоторые остатки военной добычи, посвященной на богослужебные обряды. Лишь только римляне удовлетворили хищнические требования Алариха, они получили возможность снова наслаждаться спокойствием и изобилием съестных припасов. Некоторые из городских ворот были отворены с надлежащими предосторожностями; готы перестали препятствовать доставке съестных припасов водою и сухим путем; граждане толпами устремились на вольный рынок, который был открыт в предместьях в течение трех дней; а в то время как торговцы, задумавшие это выгодное дело, наживали значительные барыши, продовольствие городского населения было обеспечено на будущее время обширными запасами, сложенными и в общественные и в частные хлебные амбары. В лагере Алариха соблюдалась более строгая дисциплина, чем какой можно было ожидать, и этот благоразумный варвар доказал свое уважение к трактатам тем, что подвергнул строгому наказанию отряд своевольных готов, которые оскорбили нескольких римских граждан на дороге в Остию. Его армия, обогатившись собранною со столицы данью, медленно направилась в красивую и плодородную тосканскую провинцию, где он предполагал провести зиму, и под его знаменами нашли для себя убежище сорок тысяч варваров, только что высвободившихся из своих цепей и горевших нетерпением отмстить, под предводительством своего великого освободителя, за оскорбления и унижения, вынесенные во время их тяжелого рабства. Почти в то же самое время он получил более лестные для него подкрепления, состоявшие из готов и гуннов, которых брат его жены Атаульф ⁸⁰⁾ привел, вследствие его настоятельных требований, от берегов Дуная к берегам Тибра и которые, не без усилий и не без потерь, проложили себе

путь сквозь более многочисленные императорские войска. Победоносный полководец, соединявший отвагу варвара с искусством и дисциплиной римского военачальника, очутился во главе стотысячной армии, и в Италии стали произносить со страхом и с уважением грозное имя Алариха ⁸¹⁾.

Говоря о военных подвигах завоевателя Рима, от которых нас отделяют четырнадцать столетий, мы могли бы довольствоваться их описанием, не вдаваясь в исследование их политических мотивов. Хотя Алариху, по-видимому, все удавалось, он как будто сознавал в себе какую-то тайную слабость или какой-то внутренний недостаток, или, быть может, он обнаруживал притворную сдержанность с целью ввести в заблуждение и обезоружить легковверных министров Гонория. Готский царь неоднократно заявлял, что желал бы, чтобы его считали за друга мира и римлян. По его настоятельному требованию три сенатора были отправлены к равеннскому двору для того, чтобы ходатайствовать о взаимной выдаче заложников по заключении мирного договора, а условия, которые он определил с достаточной ясностью во время ведения переговоров, могли внушать недоверие к его искренности только потому, что могли казаться несоответствующими его блестящей фортуне. Варвар все еще добивался звания главного начальника западных армий, требовал ежегодной субсидии зерновым хлебом и деньгами и включал Далмацию, Норик и Венецию в пределы своего нового царства, которое господствовало бы над важными сообщениями между Италией и Дунаем. На случай, если бы эти скромные условия были отвергнуты, Аларих, обнаруживал готовность отказать от своих денежных требований и даже довольствоваться одним истощенным и обедневшим Нориком, который постоянно подвергался нашествиям германских варваров ⁸²⁾. Но надежды на мир были уничтожены безрассудным упорством или корыстолюбивыми расчетами министра Олимпия. Не обратив никакого внимания на спасительные советы сената, он отослал послов с военным конвоем, который был слишком многочислен для почетной охраны и слишком слаб для обороны. Шесть тысяч далматов, составлявшие цвет императорских легионов, двинулись, по его приказанию, из Равенны в Рим по открытой местности, усеянной мириадами варваров. Эти храбрые войска были изменническим образом окружены со всех сторон и поплатились своей жизнью за

безрассудство министра; их предводитель Валент спасся бегством с поля битвы в сопровождении сотни солдат, а один из послов, уже не имевший права ставить себя под охрану международных законов, был вынужден заплатить за свою свободу выкуп в тридцать тысяч золотых монет. Однако Аларих вместо того, чтобы оскорбиться этим проявлением бессильной ненависти, немедленно возобновил свои мирные предложения, а отправленное сенатом второе посольство, отличавшееся особым авторитетом и достоинством благодаря участию в нем римского епископа Иннокентия, охранялось от могущих встретиться на пути опасностей отрядом готских солдат ⁸³⁾.

Олимпий ⁸⁴⁾, может быть, еще долго издевался бы над основательным негодованием народа, громко называвшего его виновником общественных бедствий; но под его влияние подкопалась дворцовая интрига. Любимые евнухи вручили власть над Гонорием и над империей в руки преторианского префекта Иовия — недостойного министра, не искупившего ошибок и несчастий своего управления даже личной привязанностью к императору. Изгнание или бегство преступного Олимпия сохранило его жизнь для новых превратностей фортуны: он пережил в неизвестности все неудобства бродячей жизни, еще раз достиг власти и вторично впал в немилость; ему отрезали уши, и он испустил дух под ударами плети, а его позорная смерть доставила приятное зрелище друзьям Стилихона. После удаления Олимпия, отличавшегося сильным религиозным фанатизмом, язычники и еретики избавились от бестактного закона, устранявшего их от государственных должностей. Храбрый Генерид ⁸⁵⁾, который был родом варвар и держался религии своих предков, был вынужден снять с себя воинскую перевязь, и, хотя сам император неоднократно уверял его, что под тот закон не подходят люди его звания и с его достоинствами, он не захотел воспользоваться сделанным в его пользу изъятием и оставался в немилости до тех пор, пока не добился от доведенного до крайности римского правительства общей меры, удовлетворявшей требованиям справедливости. Когда он снова был назначен главным начальником войск в Далмации, Паннонии, Норике и Реции, под его управлением точно будто снова ожили и дисциплина и дух республики. Его войска, привыкшие к праздности и к нужде, снова принялись за военные

упражнения и стали получать достаточное содержание, а его личная щедрость нередко доставляла средства для наград, в которых отказывала жадность или бедность равеннского двора. Храбрость Генерида, наводившая страх на соседних варваров, была самым надежным оплотом иллирийской границы, а его бдительная заботливость доставила империи подкрепление из десяти тысяч гуннов, которые прибыли к границам Италии с таким запасом съестных припасов и с такими стадами овец и волов, которых было бы достаточно не только на время похода, но и для заведения колонии. Но двор Гонория и высшие правительственные сферы были по-прежнему сценой бессилия и раздоров, лихоимства и анархии. По внушению префекта Иовия гвардейцы взбунтовались и потребовали казни двух военачальников и двух главных евнухов. Первые, положившиеся на вероломное обещание, что их жизнь находится вне всякой опасности, были посажены на корабль и тайным образом умерщвлены, а наказание евнухов, благодаря милостивому к ним расположению императора, ограничилось их безопасной ссылкой в Милан и в Константинополь. Евнух Евсевий и варвар Аллобих вступили в заведование императорской опочивальней и в командование гвардией, а взаимная зависть этих двух второстепенных должностных лиц сделалась причиной гибели и того и другого.

По приказанию комита дворцовой прислуги первый камергер был забит до смерти палками в присутствии удивленного императора, а когда Аллобих был вскоре вслед затем умерщвлен во время публичной процессии, Гонорий в первый раз в своей жизни выказал некоторые признаки мужества и гнева. Однако перед своим падением Евсевий и Аллобих имели свою долю участия в разрушении империи, так как противились заключению договора, о котором Иовий, — из личных, а может быть, из преступных расчетов, — вел переговоры с Аларихом на свидании под стенами Римини. В отсутствие Иовия императора уговорили принять надменный тон непоколебимого мужества, который не соответствовал ни его положению, ни его характеру, и подписанное именем Гонория письмо было немедленно отправлено к преторианскому префекту с дозволением свободно располагать средствами государственной казны, но с решительным запрещением унижать военное достоинство Рима перед надменными требованиями варвара. Содержание этого письма было по неосмот-

рительности сообщено Алариху, и готский царь, державший себя во время переговоров сдержанно и прилично, высказал в самых оскорбительных выражениях свое негодование против тех, кто без всякой причины оскорблял и его самого и его нацию. Происходившие в Римини переговоры были тотчас прерваны, а префект Иовий, по возвращении в Равенну, был вынужден одобрять и даже поддерживать господствовавшие при дворе мнения. По его совету и по его примеру главные гражданские и военные сановники должны были приносить клятву, что при каких бы то ни было обстоятельствах и при каких бы то ни было предложениях они будут вести постоянную и непримиримую войну против врага республики. Это опрометчивое обязательство сделалось непреодолимой преградой для каких бы то ни было новых переговоров. Министры Гонория, как рассказывают, громко заявляли, что если бы они клялись одним именем Божества, они могли бы сообразоваться с требованиями общественной безопасности и положить в спасении своей души на небесное милосердие; но они клялись над священной головой самого императора, они прикасались, во время торжественной церемонии, до августейшего седалища величия и мудрости, и нарушение их клятвы навлекло бы на них мирские наказания за святотатство и мятеж ⁸⁶⁾.

В то время как император и его двор наслаждались с упорным высокомерием безопасностью, которую доставляли им равеннские болота и укрепления, они оставляли Рим почти совершенно беззащитным перед разгневанным Аларихом. Однако он все еще обнаруживал такую искреннюю или притворную умеренность, что в то время, как подвигался со своей армией по Фламиниевой дороге, посылал одного вслед за другим епископов с новыми мирными предложениями и умолял императора спасти столицу от огня и меча варваров ⁸⁷⁾. Впрочем, это неминуемое общественное бедствие было предотвращено не мудростью Гонория, а благоразумием или человеколюбием готского царя, который прибегнул к более мягкому, хотя и одинаково успешному способу завоевания. Вместо того чтобы нападать на столицу, он направил свои усилия на пристань Остию, которая была одним из самых смелых и самых удивительных произведений римского великолепия ⁸⁸⁾. Случайности, от которых постоянно зависело ничем не обеспеченное продовольствие столицы во время

зимней навигации, внушили гению первого Цезаря полезную мысль, которая была приведена в исполнение в царствование Клавдия. Искусственные молы, образуя узкий вход в гавань, выдвигались далеко в море и отталкивали яростно набегавшие волны, между тем как самые большие корабли безопасно стояли на якоре внутри глубокого и обширного бассейна, в который вливался северный рукав Тибра почти в двух милях от древней колонии Остии ⁸⁹⁾. Римский порт мало-помалу разросся до размеров епископской столицы ⁹⁰⁾, где африканский зерновой хлеб складывался в обширные магазины для прокормления столичного населения. Лишь только Аларих овладел этим важным пунктом, он потребовал от столицы безусловной сдачи и подкрепил свое требование положительным заявлением, что в случае отказа или даже замедления немедленно будут уничтожены запасы, от которых зависит жизнь римского населения. Гордость сенаторов должна была смириться перед воплями этого населения и перед страхом голода; они без сопротивления согласились на предложение посадить нового императора на престол недостойного Гонория, а выбор готского завоевателя облек в порфиру городского префекта Аттала. Признательный монарх немедленно назначил своего покровителя главным начальником западных армий; Атаульф, возведенному в звание комита дворцовой прислуги, было поручено охранять особу Аттала, и два враждебных народа, по-видимому, соединились самыми тесными узами дружбы и союзничества ⁹¹⁾.

Городские ворота открылись, и новый римский император, окруженный со всех сторон отрядом готов, направился с шумной торжественностью во дворец Августа и Траяна. Распределив между своими любимцами и приверженцами гражданские и военные должности, Аттал созвал сенат и объявил ему в пышной и цветистой речи о своей решимости восстановить величие республики и снова присоединить к империи Египет и восточные провинции, когда-то признававшие над собой верховную власть Рима. Эти нелепые обещания внушали всякому благоразумному гражданину основательное презрение к личности узурпатора, который не обнаружил никаких воинских дарований и возвышение которого было самой глубокой и самой позорной раной, какую когда-либо наносила республике дерзость варваров.

Но чернь со своим обычным легкомыслием радовалась пе-

ремене повелителя. Общее неудовольствие было благоприятно для Гонориева соперника, и те сектанты, которые были угнетены притеснительными императорскими эдиктами, ожидали некоторой поддержки или, по меньшей мере, терпимости со стороны такого монарха, который был воспитан на своей родине в Ионии в языческих суевериях и впоследствии получил таинство крещения из рук арианского епископа ⁹²). Первые дни царствования Аттала были ясны и счастливы. Доверенное лицо было послано с незначительным отрядом войск в Африку, чтобы увериться в покорности этой провинции; большая часть Италии преклонилась из страха перед могуществом готов, и если Болонья оказала энергическое и успешное сопротивление, зато Миланское население, быть может недовольное отсутствием Гонория, громко одобрило выбор римского сената. Аларих во главе сильной армии довел своего царственного пленника почти до самых ворот Равенны, и торжественное посольство, в состав которого входили главные министры, — преторианский префект Иовий, начальник кавалерии и пехоты Валент, квестор Потамий и главный нотариус Юлиан, — было допущено с воинственной пышностью внутрь готского лагеря. От имени своего государя эти послы соглашались признать законность избрания его соперника и разделить как итальянские, так и западные провинции между двумя императорами. Их предложения были отвергнуты с презрением, и к этому отказу присоединилось оскорбительное милосердие Аттала, соблаговолившего обещать, что, если Гонорий немедленно сложит с себя порфиру, ему будет дозволено провести остальную жизнь в спокойной ссылке на каком-нибудь отдаленном острове ⁹³). Действительно, таково было отчаянное положение Феодосиева сына в глазах тех, кому всего лучше были знакомы его силы и ресурсы, что его министр Иовий и его полководец Валент не оправдали возложенного на них доверия, бесчестно покинули знамя своего несчастного благодетеля и посвятили свою изменническую преданность на служение его более счастливому сопернику. Пораженный известием о такой домашней измене, Гонорий стал дрожать от страха при приближении каждого слуги и при приезде каждого гонца. Он опасался, чтобы какие-нибудь тайные враги не скрывались в его столице, в его дворце и даже в его спальне, и в равеннской гавани были заготовлены суда для перевозки уволенного от дол-

жности императора во владения царствовавшего на Востоке его малолетнего племянника.

Но есть провидение (по крайней мере так думает историк Прокопий)⁹⁴⁾, которое печется о простаках и безумцах, а за Гонорием, конечно, нельзя бы было не признать особых прав на его покровительство. В то время, как он по неспособности принять какое-либо благоразумное и отважное решение, готовился с отчаяния к постыдному бегству, в равеннскую гавань неожиданно прибыло подкрепление из четырех тысяч ветеранов. Император поручил охрану городских стен и ворот этим храбрым чужеземцам, преданность которых не была поколеблена придворными интригами, и с той минуты его сон уже не прерывался тревожными мыслями об опасности, которой угрожали ему внутренние враги. Полученные из Африки благоприятные известия произвели внезапный переворот и в общественном мнении, и в положении дел. Войска, посланные в эту провинцию Атталом, были разбиты; их начальники были умерщвлены, а деятельное усердие Гераклиана доказало и его собственную преданность императору, и преданность населения. Он прислал значительную сумму денег, с помощью которой была упрочена привязанность императорской гвардии, а благодаря предусмотрительности, с которой он прекратил вывоз зернового хлеба и оливкового масла, в среде римского населения стал чувствоваться голод, возникли волнения и обнаружилось общее неудовольствие. Неудачный исход африканской экспедиции сделался источником взаимных жалоб и пререканий между приверженцами Атталы, и его покровитель мало-помалу охладил к интересам такого монарха, у которого не было ни умения повелевать, ни готовности повиноваться. Самые неблагоприятные меры принимались без ведома Алариха или наперекор его указаниям, а упорный отказ сената допустить участие хотя бы только пятисот готов в морской экспедиции обнаружил такую подозрительность и такое недоверие, которые были и неблагоприятны и неблагоприятны. Неудовольствие готского царя было усилено коварными происками Иовия, который был возведен в звание патриция и впоследствии оправдывал свою двойную измену бесстыдным заявлением, что он *притворным* образом покинул Гонория только для того, чтобы вернее погубить узурпатора. На обширной равнине подле Римини, в присутствии бесчисленного сбора римлян и

варваров, с недостойного Аттала были публично сняты диадема и порфира, и Аларих отослал эти царские отличия к сыну Феодосия как залог мира и дружбы ⁹⁵). Возвратившиеся к своему долгу офицеры были восстановлены в своих должностях, и даже самое позднее раскаяние милостиво награждалось, а разжалованный римский император, заботившийся не столько о своем достоинстве, сколько о сохранении своей жизни, вымолил позволение следовать за готским лагерем в свите высокомерного и своенравного варвара ⁹⁶).

Низложением Аттала было устранено единственное серьезное препятствие к заключению мира, и Аларих приблизился к Равенне на расстояние трех миль с целью положить конец нерешительности императорских министров, которые стали держать себя с прежней самоуверенностью с той минуты, как им снова улыбнулась фортуна. Его негодование воспламенилось от полученного им известия, что один из соперничавших с ним готских вождей Сар, — личный враг Атаульфа и наследственный недоброжелатель рода Балтиев, — был принят в императорском дворце. Этот бесстрашный варвар вышел из ворот Равенны во главе трехсот приверженцев, напал врасплох на значительный отряд готов, разбил его наголову, возвратился в город с триумфом и позволил себе оскорбить своего противника, выслав герольда, который публично объявил, что преступление Алариха сделало его навсегда недостойным дружбы императора и союза с ним ⁹⁷). За свои заблуждения и безрассудство равеннский двор поплатился в третий раз бедствиями, обрушившимися на Рим. Готский царь, уже не скрывавший своей жажды грабежа и мщения, появился во главе своей армии под стенами столицы, и объятый ужасом сенат, не рассчитывавший ни на какую помощь извне, приготовился к отчаянному сопротивлению в надежде по крайней мере замедлить гибель города. Но он был не в состоянии уберечься от заговора рабов и слуг, которые желали успеха варварам или потому что были одного с ними происхождения, или потому что находили в этом свой интерес. В полночь Саларийские ворота были тайком открыты, и жители проснулись при страшном звуке готских труб. Через тысячу сто шестьдесят три года после основания Рима этот царственный город, подчинивший себе и просветивший значительную часть человеческого рода, сделался жертвой необузданной ярости германских и скифских варваров ⁹⁸).

Впрочем, прокламация, изданная Аларихом при вступлении в завоеванный город, обнаруживает некоторое уважение к законам человеколюбия и к религии. Он поощрял своих солдат не стесняясь забирать сокровища, составлявшие награду за их храбрость, и обогащаться добычей, собранной с привыкшего к роскоши и изнеженного народа; но вместе с тем он убеждал их щадить жизнь тех, кто не оказывает никакого сопротивления, и относиться с уважением к храмам апостолов св.Петра и св.Павла как к неприкосновенным святыням. Среди ужасов ночной сумятицы некоторые из исповедовавших христианскую религию готов выказали религиозное усердие новообращенных, а некоторые примеры необыкновенного с их стороны благочестия и воздержности рассказаны и, быть может, разукрашены усердием церковных писателей ⁹⁹⁾. В то время как варвары бродили по городу в поисках за добычей, один из их вождей вломился в скромное жилище одной престарелой девы, посвятившей свою жизнь на дела христианского благочестия. Он тотчас потребовал, — впрочем, вежливым тоном, — чтобы она принесла ему все золото и серебро, которое находится в ее доме, и был крайне удивлен готовностью, с которой она привела его в великолепный склад дорогих вещей из массивного серебра самой изящной работы. В то время как варвар любовался этим ценным приобретением, его восторг был прерван следующим строгим предостережением: "Это освященные сосуды, принадлежащие св.Петру; если вы осмелитесь прикоснуться к ним, вы совершите святотатство, которое останется на вашей совести, а что касается меня, то я не должна братья за хранение того, чего не в состоянии защищать". Пораженный религиозным страхом, готский вождь отправил к Алариху гонца с известием о найденном сокровище и получил в ответ приказание перенести в церковь апостола все освященные сосуды и украшения в целости и немедленно. Вдоль всего расстояния, отделяющего оконечность Квиринальского холма от Ватикана, многочисленный отряд готов в боевом порядке и с блестящим на солнце оружием сопровождал по главным улицам столицы своих благочестивых соотечественников, которые несли на своих головах священные золотые и серебряные сосуды, а к воинственным возгласам варваров присоединялось пение псалмов. Из соседних домов толпы христиан присоединялись к этой религиозной процессии, и

множество беглецов всякого возраста и звания и даже различных сект воспользовались этим случаем, чтобы укрыться в безопасном и гостеприимном святилище Ватикана. Ученое сочинение "О Граде Божиим" было, по признанию самого св.Августина, написано для того, чтобы объяснить цели Провидения, допустившего разрушение римского величия. Он с особым удовольствием превозносит это достопамятное торжество Христа и глумится над своими противниками, требуя, чтобы они указали другой подобный пример взятого приступом города, в котором баснословные боги древности оказались бы способными защитить или самих себя, или своих заблуждавшихся поклонников ¹⁰⁰⁾.

Несколько редких и необыкновенных примеров варварской добродетели во время разграбления Рима вполне достойны вызванных ими похвал. Но в священном вместилище Ватикана и апостольских церквей могла укрыться лишь очень небольшая часть римского населения; многие тысячи варваров и в особенности служившие под знаменами Алариха гунны были незнакомы с именем Христа или, по меньшей мере, с его религией, и мы вправе полагать, без нарушения любви к ближнему и беспристрастия, что в те часы дикой разнузданности, когда все страсти воспаляются и всякие стеснения устраняются, поведение исповедовавших христианство готов редко подчинялось правилам Евангелия. Те писатели, которые были особенно склонны преувеличивать их человеколюбие, откровенно признаются, что они безжалостно убивали римлян ¹⁰¹⁾ и что городские улицы были усеяны мертвыми телами, остававшимися без погребения во время всеобщего смятения.

Отчаяние граждан иногда переходило в ярость, а всякий раз, как варвары были раздражены сопротивлением, они убивали без разбора и слабых, и невинных, и беззащитных. Сорок тысяч рабов удовлетворяли свою личную злобу без всякой жалости или угрызений совести, и когда-то сыпавшиеся на них позорные удары плети были смыты кровью виновных и ненавистных семейств. Римские женщины и девушки подвергались пыткам, более страшным для их целомудрия, чем сама смерть, и благородное мужество одной из них описано церковным историком для назидания потомства ¹⁰²⁾. Одна знатная римлянка, отличавшаяся необыкновенной красотой и православием своих религиозных убеждений, возбуди-

ла страсть в одном молодом готе, о котором предусмотрительный Созомен поспешил заметить, что он был привязан к арианской ереси. Выведенный из терпения ее упорным сопротивлением, он обнажил свой меч и с запальчивостью влюбленного слегка ранил ее в шею. При виде крови героиня не смутилась и по-прежнему отталкивала его от себя так, что он наконец прекратил свои безуспешные усилия, с уважением отвел ее в ватиканское святилище и дал шесть золотых монет церковным сторожам с тем условием, чтобы они возвратили ее мужу, не подвергая никаким оскорблениям. Но такие примеры мужества, с одной стороны, и великодушия, с другой, встречались не часто. Грубые солдаты удовлетворяли свои чувственные влечения, не справляясь с желаниями или с обязанностями попавшихся в их руки женщин, и впоследствии казуисты серьезно занимались разрешением щекотливого вопроса: утратили ли свою девственность те несчастные жертвы, которые упорно сопротивлялись совершенному над ними насилию? ¹⁰³⁾ Впрочем, римлянам пришлось выносить и такие потери, которые были более существенны и имели более общий характер. Нельзя предполагать, чтобы все варвары были во всякое время способны совершать такие любовные преступления, а недостаток или юности, или красоты, или целомудрия охранял большую часть римских женщин от опасности сделаться жертвами насилия. Но корыстолюбие — страсть ненасытная и всеобщая, так как богатство доставляет обладание почти всеми предметами, которые могут служить источником наслаждения для самых разнообразных человеческих вкусов и наклонностей.

При разграблении Рима отдавалось основательное предпочтение золоту и драгоценным камням как таким предметам, которые имеют самую высокую цену при самом незначительном объеме и весе; но когда самые торопливые из грабителей завладели этими удобопереносимыми сокровищами, тогда очередь дошла до роскошной и дорогой утвари римских дворцов. Посуда из массивного серебра и пурпуровые и шелковые одежды складывались грудками на повозки, которые всегда следовали за готской армией во время похода; самые изящные произведения искусства уничтожались или по небрежности, или с намерением; статуи растапливались для того, чтобы можно было унести драгоценный металл, из которого они были вылиты, и нередко случалось,

что при дележе добычи сосуды разбивались на куски ударом боевой секиры. Приобретение богатства только разжигало алчность варваров, прибегавших то к угрозам, то к ударам, то к пыткам, чтобы вынудить от своих пленников указание тех мест, где они скрыли свои сокровища ¹⁰⁴⁾. Бросавшиеся в глаза роскошь и расточительность принимались за доказательства большого состояния; наружная бедность приписывалась скупости, а упорство, с которым иные скряги выносили самые жестокие мучения, прежде чем указать свое тайное казнохранилище, было гибельно для бедняков, которых забивали до смерти плетью за то, что они не хотели указать, где находятся их мнимые сокровища. Римские здания потерпели некоторые повреждения от готов, но эти повреждения были очень преувеличены. При своем вступлении в город через Саларийские ворота они зажгли соседние дома для того, чтобы осветить себе путь и отвлечь внимание жителей; пламя, которого некому было тушить среди ночной суматохи, уничтожило несколько частных домов и публичных зданий, а развалины Саллюстиева дворца ¹⁰⁵⁾ еще во времена Юстиниана служили величественным памятником готского нашествия ¹⁰⁶⁾. Однако один из современных историков заметил, что огонь едва ли мог уничтожить громадные балки из литой меди и что человеческих усилий было недостаточно для того, чтобы разрушить фундамент древних построек. Впрочем, может быть, и была некоторая доля правды в его благочестивом утверждении, что небесный гнев восполнил то, чего не в состоянии была довершить ярость варваров, и что молния обратила в прах и римский форум и украшавшие его статуи богов и героев ¹⁰⁷⁾.

Каково бы ни было число всадников и плебеев, погибших во время всеобщей резни, нас уверяют, что только один сенатор лишился жизни от неприятельского меча ¹⁰⁸⁾. Но было бы нелегко определить число людей знатных и богатых, которые были внезапно низведены до жалкого положения рабов и изгнанников. Так как варвары нуждались не столько в рабах, сколько в деньгах, то они довольствовались умеренным выкупом за своих небогатых пленников, а этот выкуп нередко уплачивался добрыми друзьями или сострадательными чужеземцами ¹⁰⁹⁾. Пленники, проданные с публичного торга или по частным сделкам, имели законное право снова пользоваться той прирожденной свободой, которую граждане не

могли ни утрачивать, ни отчуждать ¹¹⁰⁾. Но так как они скоро поняли, что отстаивание свободы поставило бы их жизнь в опасность, потому что готы стали бы убивать бесполезных пленников, которых нельзя продавать, то благоразумное изменение, внесенное в гражданское законодательство, обязало их исполнять рабские обязанности в течение умеренного пятилетнего срока и зарабатывать те деньги, которые были заплачены за их выкуп ¹¹¹⁾. Народы, вторгнувшиеся в Римскую империю, загнали в Италию целые толпы голодных и напуганных провинциальных жителей, боявшихся не столько рабства, сколько голодной смерти.

Бедствия, постигшие Рим и Италию, заставили жителей искать для себя самых привлекательных, самых безопасных и самых отдаленных убежищ. В то время как готская кавалерия распространяла ужас и опустошения вдоль морского побережья Кампании и Тосканы, маленький островок Игилий, отделявшийся от Аргентарийского мыса узким каналом, успел или отразить их враждебные попытки, или уклониться от них; таким образом, неподалеку от Рима, в густых лесах этой уединенной местности, нашли себе безопасное убежище многие из римских граждан ¹¹²⁾. Сенаторские семьи, владевшие большими поместьями в Африке, укрывались в этой гостеприимной провинции, если только они имели достаточно благоразумия, чтобы заблаговременно спастись от гибели, постигшей их родину. К числу самых замечательных между такими беглецами относилась благочестивая вдова префекта Петрония Проба ¹¹³⁾. После смерти своего мужа, который был в свое время самым могущественным из всех римских подданных, она осталась во главе рода Анициев и из своего личного состояния покрыла расходы, с которыми было сопряжено последовательное возведение трех ее сыновей в консульское звание. Когда столица была осаждена и взята готами, Проба с христианской покорностью вынесла потерю своих громадных богатств, села на небольшой корабль, с которого видела, как горел ее дворец, и высадилась на африканском берегу вместе со своей дочерью Лэтой и своей внучкой, знаменитой девицей Деметрией. Благосклонная щедрость, с которой эта матрона раздавала доход со своих поместьев и вырученные от их продажи суммы, облегчала страдания изгнанников и пленников. Однако семейство самой Пробы не избегло хищнических притеснений со стороны комита Ге-

раклиана, который удовлетворял сластолюбие или корыстолюбивые расчеты сирийских купцов, продавая им в супружество девушек из самых знатных римских семей. Итальянские беглецы рассеялись по различным провинциям вдоль берегов Египта и Азии до Константинополя и Иерусалима, и деревня Вифлеем, служившая уединенным местопребыванием для св. Иеронима и его послушниц, наполнилась нищими обоого пола и всех возрастов, возбуждавшими общее сострадание напоминанием о своем прежнем достатке ¹¹⁴⁾. Страшная катастрофа, постигшая Рим, поразила всю империю удивлением, к которому примешивались скорбь и ужас. При виде такого резкого перехода от величия к разорению все оплакивали и даже преувеличивали бедствия, постигшие царственный город, а духовенство, применявшее к этим событиям возвышенные метафоры восточных пророчеств, нередко пыталось выдавать гибель столицы за разрушение всего земного шара. Люди от природы очень склонны не ценить преимуществ настоящего времени и преувеличивать его дурные стороны. Однако, когда первые впечатления сгладились и действительным размерам бедствия была сделана правильная оценка, самые ученые и самые здравомыслящие современники были вынуждены сознаться, что зло, которое причинили Риму в его юности галлы, было более существенно, чем то, которое причинили ему на склоне его лет готы ¹¹⁵⁾. Опыт одиннадцати столетий доставил потомству возможность сделать гораздо более интересное сравнение и с уверенностью утверждать, что опустошения, которые были причинены варварами, приведенными Аларихом с берегов Дуная, были менее пагубны, чем неприязненные действия войск Карла V, который был католик и сам себя называл императором римлян ¹¹⁶⁾.

Готы очистили город через шесть дней, а солдаты императорской армии хозяйничали в Риме в течение с лишком девяти месяцев, и каждый час их пребывания был запятнан каким-нибудь отвратительным актом жестокости, разврата и хищничества. Своим личным влиянием Аларих поддерживал до некоторой степени порядок и воздержность в среде свирепой толпы, признававшей его за своего вождя и монарха; но коннетабль Бурбон со славой пал при атаке городских стен, а со смертью главнокомандующего совершенно исчезли узы дисциплины в армии, состоявшей из трех различных нацио-

нальностей, из итальянцев, испанцев и германцев. В начале шестнадцатого столетия нравы итальянцев представляли замечательный образчик нравственной испорченности, до которой может дойти человечество. Это было сочетание тех кровавых преступлений, которые свойственны обществу в его диком состоянии, с теми утонченными пороками, которые происходят от злоупотребления искусствами и роскошью; а те удалцы, которые, отложив в сторону и чувство патриотизма и религиозные предрассудки, напали на дворец римского первосвященника, заслуживают того, чтобы их считали за самых распутных между итальянцами. В ту же пору испанцы были предметом страха и для Старого Света и для Нового, но их пылкое мужество было запятнано свирепой кичливостью, хищнической жадностью и неумолимым жестокосердием. Неутомимые в погоне за славой и золотом, они доискались на практике до самых утонченных и самых успешных способов пытаться своих пленников; между грабившими Рим кастильцами было немало таких, которые были офицерами священной инквизиции, и, вероятно, было немало волонтеров, только что возвратившихся из завоеванной ими Мексики. *Германцы* были менее развратны, чем итальянцы, и менее жестокосерды, чем испанцы, а под грубой и даже дикой внешностью этих пришедших с севера воинов нередко скрывались добродушие и сострадание. Но под первыми впечатлениями религиозного рвения, внушенного Реформацией, они впитали в себя как дух, так и принципы Лютера. Их любимой забавой было поругание или истребление священных предметов католического культа; они без жалости и без угрызений совести удовлетворяли свою благочестивую ненависть к духовенству всяких названий и всякого разряда, составляющему столь значительную часть населения современного нам Рима, а их фанатическое усердие доходило до того, что могло внушить им намерение низвергнуть престол Антихриста и смыть кровью и огнем гнусности духовного Вавилона ¹¹⁷⁾.

Отступление победоносных готов, очистивших Рим на шестой день ¹¹⁸⁾, могло быть результатом благоразумия, но, конечно, оно не было вызвано страхом ¹¹⁹⁾. Во главе армии, обремененной богатой и грузной добычей, их неустрашимый вождь направился по Аппиевой дороге в южные провинции Италии, уничтожая на своем пути все, что осмеливалось

препятствовать его движению, и довольствуясь разграблением страны, не оказывавшей никакого сопротивления. Нам неизвестно, какая судьба постигла Капую, эту гордую и роскошную метрополию Кампании, даже в эпоху своего упадка считавшуюся за восьмой город империи ¹²⁰⁾; но соседний с нею город Нола ¹²¹⁾ был по этому случаю прославлен святостью Павлина ¹²²⁾, бывшего сначала консулом, потом монахом и наконец епископом. Когда ему было сорок лет, он отказался от всех удовольствий, доставляемых богатством и почестями, отказался и от общества и от занятий литературой для того, чтобы жить в уединении и заниматься делами благочестия, а громкое одобрение со стороны духовенства внушило ему достаточно смелости, чтобы пренебрегать упреками его светских приятелей, приписывавших этот странный образ действий какому-нибудь умственному или физическому расстройству ¹²³⁾.

Давнишнее и страстное влечение побудило его избрать для своего скромного жилища одно из предместий Нолы, вблизи от чудотворной гробницы св. Феликса, вокруг которой благочестивое население уже успело построить пять больших и многопосещаемых церквей. Остатки своего состояния и своих дарований Павлин посвятил на служение этому знаменитому мученику, день его чествования всегда праздновал торжественным гимном и построил в честь его шестую церковь, отличавшуюся особым изяществом и великолепием и украшенную многими картинами из истории Ветхого и Нового Завета. Это неусыпное усердие доставило ему благосклонное расположение если не самого святого ¹²⁴⁾, то по меньшей мере местного населения, и, после пятнадцатилетней уединенной жизни, бывший римский консул был вынужден принять на себя звание епископа Нолы; это случилось за несколько месяцев перед тем, как город был осажден готами. Во время осады некоторые благочестивые жители были убеждены, что им являлась во сне или в видении божественная фигура их святого патрона; однако на деле оказалось, что Феликс или не был в состоянии, или не хотел спасти стадо, над которым он когда-то состоял пастырем. Нола не избежала общего опустошения ¹²⁵⁾, а взятый в плен епископ нашел для себя охрану лишь в своей репутации человека и невинного и бедного. Со времени успешного вторжения Алариха в Италию до добровольного удаления готов под предводительством его пре-

емника Атаульфа прошло более четырех лет, в течение которых готы бесконтрольно господствовали над страной, соединявшей, по мнению древних, все, что могут дать природа и искусство. На самом деле то благосостояние, которого достигла Италия в счастливом веке Антонинов, мало-помалу падало вместе с упадком империи. Под грубой рукой варваров погибли плоды продолжительного спокойствия, и сами они не были способны ценить тех изящных утонченностей роскоши, которые предназначались для изнеженных и цивилизованных итальянцев. Тем не менее каждый солдат требовал себе крупной доли из тех обильных запасов хлеба, говядины, оливкового масла и вина, которые ежедневно стекались и поглощались в готском лагере, а начальники опустошали разбросанные вдоль живописного берега Кампании виллы и сады, где когда-то жили Лукулл и Цицерон. Попавшие в плен сыновья и дочери римских сенаторов, дрожа от страха, подавали надменным победителям в золотых и украшенных драгоценными камнями кубках фалернское вино, в то время как те лежали растянувшись под тенью чинар ¹²⁶⁾, ветви которых были искусно переплетены так, что защищали от палящих солнечных лучей, а вместе с тем не лишали возможности наслаждаться животворной солнечной теплотой. Этим наслаждениям придавало особую цену воспоминание о вынесенных лишениях: сравнение с родиной, с мрачными и бесплодными холмами Скифии и с холодными берегами Эльбы и Дуная придавало в глазах варваров новую прелесть итальянскому климату ¹²⁷⁾.

Искал ли Аларих славы, завоеваний или богатств, он во всяком случае стремился к одной из этих целей с таким неотомимым рвением, которого не могла охладить никакая неудача и не мог вполне удовлетворить никакой успех. Лишь только он достиг самой отдаленной из итальянских провинций, его прельстил находившийся неподалеку плодородный и мирный остров. Но и обладание Сицилией было в его глазах лишь первым шагом к задуманной им экспедиции на Африканский континент. Пролив между Регием и Мессиной ¹²⁸⁾ имеет в длину двенадцать миль; его ширина в самых узких местах не доходит до полутора мили, а баснословные морские чудовища, утесы Сциллы и водоворот Харибды могли быть страшны только для самых робких и неопытных моряков. Однако, лишь только первый отряд готов пустился в мо-

ре, внезапно поднявшаяся буря потопила или рассеяла много транспортных судов; готы оробели при виде незнакомого им элемента, а преждевременная смерть, постигшая Алариха после непродолжительной болезни, положила конец и задуманной им экспедиции и его завоеваниям. Свирепый нрав варваров сказался в погребении героя, которого они прославляли своими заунывными похвалами за его мужество и счастье. Они заставили своих многочисленных пленников отклонить в сторону течение Бузентина — маленькой речки, омывающей стены города Консенции. Царская гробница, украшенная великолепными римскими трофеями, была сооружена на высохшем дне реки; затем вода была спущена в свое прежнее русло, а для того, чтобы то место, где были сложены смертные останки Алариха, оставалось навсегда неизвестным, были безжалостно умерщвлены все пленники, участвовавшие в этой работе ¹²⁹⁾.

Под гнетом необходимости стихли и личные ссоры и наследственные распри варварских вождей, и зять умершего монарха храбрый Атаульф был единогласно избран ему в приемники. Характер и политическая система нового готского царя всего яснее выразились в его собственном разговоре с одним знатным нарбоннским гражданином, который, во время своего странствования к Святым местам, рассказал содержание этой беседы св. Иерониму в присутствии историка Орозия. "В самоуверенности, внушаемой храбростью и успехом, я когда-то замышлял, — говорил Атаульф, — изменить внешний вид всего мира, стереть с лица земли имя Рима, утвердить на его развалинах владычество готов и стяжать, подобно Августу, бессмертную славу основателя новой империи. Но многократный опыт мало-помалу привел меня к убеждению, что законы существенно необходимы для поддержания порядка в хорошо устроенном государстве и что свирепый, несговорчивый характер готов неспособен подчиняться благотворным стеснениям, налагаемым законами и гражданским управлением. С этой минуты я избрал иную цель для славы и честолюбия и теперь искренно желаю одного — чтобы признательность будущих поколений оценила по достоинству заслуги чужеземца, употребившего меч готов не на разрушение Римской империи, а на восстановление и поддержание ее благосостояния" ¹³⁰⁾. С этими миролюбивыми целями преемник Алариха приостановил военные действия и

вступил в серьезные переговоры с императорским правительством о заключении договора, основанного на взаимной дружбе и союзе. Министры Гонория, освободившиеся со смертью Алариха от стеснений, которые налагало на них их безрассудное клятвенное обещание, обрадовались возможности избавить Италию от невыносимого владычества готов и охотно приняли предложение их услуг для борьбы с тиранами и варварами, разорявшими заальпийские провинции ¹³¹⁾. Атаульф, приняв на себя звание римского военачальника, направился от крайних пределов Кампании в южные провинции Галлии. Его войска — частью силой, частью без всякого сопротивления — немедленно заняли города Нарбонну, Тулузу и Бордо, и хотя комит Бонифаций отразил их от стен Марсея, они скоро рассеялись по всему пространству от берегов Средиземного моря до океана. Несчастное население имело полное основание жаловаться, что эти мнимые союзники безжалостно отбирали у них те ничтожные остатки их имущества, которые уцелели от жадности врагов; однако не было недостатка и в благовидных мотивах, извинявших или оправдывавших насилия готов. Города Галлии, на которые они нападали, можно было считать восставшими против правительства Гонория; статьи договора или секретные инструкции равеннского двора могли служить оправданием для Атаульфа в тех случаях, когда его образ действий с виду походил на захват не принадлежащей ему власти; а всякое уклонение от правильного способа ведения войны, не увенчавшееся успехом, могло быть, не без некоторого основания, приписано буйному характеру варваров, не подчинявшихся требованиям порядка и дисциплины. Роскошь, которой готы наслаждались в Италии, не столько смягчила их нравы, сколько ослабила их мужество, и они впитали в себя пороки цивилизованного общества, ничего не усвоив из его искусства и учреждений ¹³²⁾.

Атаульф, вероятно, был чистосердечен в своих заявлениях, а его преданность интересам республики была обеспечена влиянием, которое приобрела над сердцем и умом варварского царя одна римская принцесса. Дочь великого Феодосия от его второй жены, Галлы, Плацидия ¹³³⁾ получила царское воспитание в константинопольском дворце; но полная приключений история ее жизни тесно связана с переворотами, волновавшими Западную империю в царствование ее брата

Гонория. Когда Рим был в первый раз осажден Аларихом, Плацидия, которой в ту пору было около двадцати лет, жила в этом городе, а ее беспрекословное согласие на смертную казнь ее двоюродной сестры Серены имеет вид такого жестокосердия и такой неблагодарности, для которых ее молодость может служить или извинением, или усиливающим ее виновность соображением, смотря по обстоятельствам, при которых она так поступила ¹³⁴⁾. Победоносные варвары задержали сестру Гонория в качестве заложницы или пленницы ¹³⁵⁾; однако несмотря на то, что ей пришлось следовать по всей Италии за передвижениями готского лагеря, с ней обходились прилично и почтительно.

Авторитету Иордана, который восхваляет красоту Плацидии, можно противопоставить красноречивое молчание ее льстецов; однако ее знатное происхождение, цвет молодости, изящество манер и вкрадчивое заискивание, до которого она снисходила, произвели глубокое впечатление на сердце Атаульфа, и готский царь пожелал называться братом императора. Министры Гонория с пренебрежением отвергли предложение родственного союза, столь оскорбительного для римской гордости, и неоднократно требовали освобождения Плацидии, считая его необходимым условием для заключения мирного договора. Но дочь Феодосия без сопротивления подчинилась желаниям победителя, который был молод и храбр, и если не был так же высок ростом, как Аларих, зато обладал более привлекательными достоинствами грации и красоты. Бракосочетание Атаульфа и Плацидии ¹³⁶⁾ совершилось прежде удаления готов из Италии, и они впоследствии отпраздновали этот день или, быть может, его годовщину в доме Ингенуя — одного из самых знатных граждан Нарбонны, в Галлии. В таком же роскошном одеянии, какое носили римские императрицы, Плацидия воссела на великолепном троне, а готский царь, одевшийся по этому случаю римлянином, удовольствовался менее почетным местом подле нее. Свадебный подарок, который был поднесен Плацидии согласно с обычаями готов ¹³⁷⁾, состоял из самых редких и самых дорогих вещей, награбленных на ее родине. Пятьдесят красивых юношей в шелковых одеяниях несли по чаше в каждой руке; одни из таких чаш были наполнены золотыми монетами, а другие драгоценными камнями, которым не было цены. Атталу, который так долго был игрушкой фортуны и готов,

было поручено руководить хором, исполнявшим брачный гимн, и этот разжалованный император, быть может, желал прослыть хорошим музыкантом. Варвары надменно наслаждались своим триумфом, а провинциальные жители радовались этому родственному союзу, смягчавшему свирепость их повелителя кротким влиянием любви и рассудка ¹³⁸⁾.

Сто чаш с золотом и драгоценными камнями, поднесенных Платидии в день брачного празднества, составляли незначительную часть готских сокровищ; о них можно составить себе некоторое понятие по тем редким образчикам, о которых упоминает история преемников Атаульфа. В шестом столетии, когда их нарбоннский дворец был разграблен франками, там было найдено много редких и дорогих вещей из чистого золота, украшенных драгоценными камнями, и между прочим: шестьдесят чаш или потиров; пятнадцать дисков, употреблявшихся при приобщении Св. Тайн; двадцать ящиков или футляров, в которых хранились книги Св. Писания. Эти священные сокровища ¹³⁹⁾ были распределены сыном Хлодвига между находившимися в его владениях церквами, а под его благочестивой щедростью, как кажется, скрывался упрек за какое-то святотатство, совершенное готами. Они с более спокойной совестью владели знаменитым *missorium* или большим блюдом, на котором подавались кушанья; оно было сделано из массивного золота, весило пятьсот фунтов и ценилось чрезвычайно дорого благодаря украшавшим его драгоценным камням, изящной работе и преданию, что оно было поднесено патрицием Аэцием готскому царю Торисмунду. Один из преемников Торисмунда купил помощь франкского короля обещанием отдать ему этот великолепный подарок. В то время как он царствовал в Испании, он неохотно отдал это блюдо послам Дагоберта; потом отнял его у них на возвратном пути; затем, после продолжительных переговоров, условился заплатить за это блюдо не соответствующий его стоимости выкуп в двести тысяч золотых монет, и, таким образом, *missorium* остался украшением готских сокровищ ¹⁴⁰⁾. Когда арабы, после завоевания Испании, разграбили эти сокровища, они нашли там еще более замечательную вещь, которой они очень восхищались и хвастались, — а именно значительной величины стол из цельного изумруда ¹⁴¹⁾, который был окружен тремя рядами жемчужин, имел триста шестьдесят пять ножек из драгоценных ка-

меньев и массивного золота и ценился в пятьсот тысяч золотых монет ¹⁴²⁾. Некоторая часть готских сокровищ, быть может, состояла из подарков друзей или из дани побежденных, но гораздо более значительная их часть была плодом войны и хищничества и состояла из добычи, награбленной в империи и в самом Риме.

Когда Италия избавилась от тягостного владычества готов, какому-то таинственному советнику было дозволено заняться среди дворцовых интриг залечиванием ран разоренной страны ¹⁴³⁾. В силу благоразумных и человеколюбивых узаконений в уплате податей было сделано на пять лет облегчение для тех провинций, которые всех более пострадали, — для Кампании, Тосканы, Пицены, Самнии, Апулии, Калабрии, Бруттия и Лукании: обыкновенный размер податей был уменьшен до одной пятой, и даже эта пятая часть была назначена на устройство и поддержание полезного учреждения публичных почтовых сообщений. В силу другого узаконения земли, оставшиеся незаселенными или невозделанными, раздавались, с некоторым облегчением налогов, соседям и чужеземцам, заявлявшим о желании поселиться на них; а права этих новых собственников были ограждены на будущее время от всяких притязаний со стороны бежавших землевладельцев. Почти в то же самое время была обнародована от имени Гонория всеобщая амнистия, предававшая забвению все *невольные* преступления, которые были совершены его несчастными подданными в эпоху беспорядков и общественных бедствий. Было также обращено должное внимание на приведение столицы в прежний вид; ее жителей поощряли к перестройке зданий, разрушенных или поврежденных пожаром, и огромные запасы зернового хлеба были привезены из Африки. Надежда найти в Риме и достаток и удовольствия снова привлекла туда толпы граждан, спасавшихся бегством от меча варваров, и римский префект Альбин донес правительству с некоторой тревогой и с удивлением, что он был извещен о прибытии в течение одного дня четырнадцати тысяч чужеземцев ¹⁴⁴⁾. Менее чем в семь лет следы готского нашествия почти совершенно сгладились, и столица, по-видимому, снова зажила с прежним блеском и спокойствием. Эта почтенная матрона снова украсила себя лавровым венком, который был сорван с ее головы вихрем войны, и до самой минуты своего окончательного падения убаюкивала

себя предсказаниями отмщения, победы и вечного всемирного владычества ¹⁴⁵⁾.

Это наружное спокойствие было скоро нарушено приближением неприятельского флота из той страны, которая доставляла римскому населению его ежедневное пропитание. Комит Африки Гераклиан, деятельно и честно служивший Гонорию при самых трудных и бедственных обстоятельствах, вовлекся, в том году, когда был консулом, в мятеж и принял титул императора. Африканские порты тотчас наполнились военными судами, во главе которых он готовился напасть на Италию, а когда его флот стал на якорь у устьев Тибра, он был многочисленнее флотов Ксеркса и Александра, если можно верить тому, что *все* его корабли, с включением императорской галеры и самой ничтожной шлюпки, действительно доходили числом до невероятной цифры трех тысяч двухсот ¹⁴⁶⁾. Однако, несмотря на то, что такие морские силы были бы способны ниспровергнуть или восстановить самую обширную империю в мире, африканский узурпатор не навел большого страха на владения своего противника. В то время как он шел по дороге, ведущей из гавани к воротам Рима, один из императорских военачальников вышел к нему навстречу, навел на него страх своим появлением и разбил его наголову; тогда начальник этих громадных военных сил утратил всякую надежду на успех, покинул своих друзей и постыдным образом бежал с одним кораблем ¹⁴⁷⁾. Когда Гераклиан высадился в карфагенской гавани, он узнал, что вся провинция, проникнувшись презрением к такому малодушному повелителю, снова признала над собой власть Гонория. Мятежник был обезглавлен в старинном храме Мемории; его консульство было уничтожено ¹⁴⁸⁾, а остатки его личного состояния, не превышавшие скромной суммы в четыре тысячи фунтов золота, были отданы храброму Констанцию, который в ту пору поддерживал верховную власть своего слабого государя, а впоследствии разделил ее с ним. Гонорий относился с беспечным равнодушием к бедствиям, постигшим Рим и Италию ¹⁴⁹⁾; но угрожавшие его личной безопасности мятежнические попытки Аттала и Гераклиана на минуту расшевелили онемелые инстинкты его натуры. Он, вероятно, не знал ни причин, ни подробностей тех событий, благодаря которым он спасся от неминуемой опасности, а так как Италия уже не подвергалась нападениям ни

внешних, ни внутренних врагов, то сын Феодосия спокойно прозябал в равеннском дворце в то время, как по ту сторону Альп его военачальники одерживали от его имени победы над узурпаторами ¹⁵⁰). При изложении этих разнообразных и интересных событий я мог бы позабыть упомянуть о смерти такого монарха; поэтому я из предосторожности считаю нужным без отлагательства отметить, что он пережил последнюю осаду Рима почти тринадцатью годами.

Узурпация Константина, получившего императорскую мантию от британских легионов, была успешна и, по-видимому, была вполне обеспечена. Его титул был признан на всем пространстве от стены Антонина до Геркулесовых столбов, и среди общей неурядицы он грабил Галлию и Испанию вместе с варварскими племенами, которых уже не удерживали в их опустошительных нашествиях ни Рейн, ни Пиренеи. Запятнав себя кровью одного из родственников Гонория, он добился того, что равеннский двор, с которым он находился в тайной переписке, одобрил его мятежнические притязания. Константин дал торжественное обещание освободить Италию от готов, дошел до берегов По и, не оказав никакой существенной помощи своему малодушному союзнику, а только наведя на него страх, торопливо возвратился в свой дворец в Арле для того, чтобы отпраздновать там с невероятной роскошью свой тщетный и мнимый триумф. Но это временное благополучие было прервано и разрушено восстанием самого храброго из его военачальников комита Геронтия, которому было поручено главное начальство над испанскими провинциями на время отсутствия Константинова сына Констанса, уже возведенного в звание императора.

По какой-то причине, которая нам неизвестна, Геронтий вместо того, чтобы надеть на себя императорскую диадему, возложил ее на голову своего друга Максима, который избрал своей резиденцией Таррагону, между тем как деятельный комит спешил перейти Пиренеи, чтобы застигнуть врасплох двух императоров, Константина и Констанса, прежде нежели они успеют приготовиться к обороне. Сын был взят в плен в Виенне и немедленно казнен; этот несчастный юноша даже не имел времени оплакивать возвышение своего семейства, которое убеждениями или силой заставило его совершить святотатство и отказаться от мирного уединения монашеской жизни. Отец был осажден в Арле; но стены Арля не

устояли бы против нападений осаждающих, если бы город не был неожиданно спасен приближением итальянской армии. Имя Гонория и прокламация законного императора поразили удивлением мятежников и той и другой партии. Покинутый своими войсками Геронтий бежал к испанской границе и спас свое имя от забвения благодаря тому поистине римскому мужеству, которое он выказал в последние минуты своей жизни. Значительный отряд изменивших ему солдат напал ночью на его дом, который он окружил сильными баррикадами. При помощи своей жены, одного храброго приятеля родом из алан и нескольких преданных рабов он воспользовался большим запасом дротиков и стрел с таким искусством и мужеством, что триста нападающих поплатились жизнью за свою попытку. На рассвете, когда истощился запас метательных снарядов, его рабы спаслись бегством; сам Геронтий мог бы последовать их примеру, если бы его не удерживала супружеская привязанность; наконец раздраженные таким упорным сопротивлением солдаты зажгли его дом со всех сторон. В этом безвыходном положении он, по настоятельной просьбе своего варварского приятеля, отсек ему голову. Жена Геронтия, умолявшая мужа не обрекать ее на жалкое и бедственное существование, подставила свою шею под его меч, и вся эта трагическая сцена закончилась смертью самого комита, который безуспешно нанес себе три удара и затем, вынув коротенький кинжал, вонзил его себе прямо в сердце ¹⁵¹⁾. Максим, лишившийся покровителя, который возвел его в императорское звание, остался жив благодаря презрению, с которым относились и к его могуществу и к его дарованиям. Прихоть опустошавших Испанию варваров еще раз возвела на престол этого призрачного императора; но они скоро предали его на суд Гонория, и после того, как тиран Максим был выставлен напоказ перед жителями Равенны и Рима, над ним публично совершили смертную казнь.

Военачальник по имени Констанций, который заставил своим приближением снять осаду Арля и разогнал войска Геронтия, был родом римлянин, а это редкое отличие доказывает, в какой степени подданные империи утратили прежний воинственный дух. Благодаря необыкновенной физической силе и величавой наружности ¹⁵²⁾ этот военный считался в общем мнении за достойного кандидата на престол, на который он впоследствии и вступил. В частной жизни он был

приветлив и любезен, а на приятельских пирушках иногда даже вступал в состязания с пантомимами, подражая им в их странном ремесле. Но когда звуки военной трубы призывали его к оружию, когда он садился на коня и, согнувшись так, что почти совсем ложился на шею лошади (такова была его странная привычка), свирепо поводил кругом своими большими, полными огня глазами, Констанций наводил ужас на врагов и внушал своим солдатам уверенность в победе. На него было возложено равеннским двором важное поручение подавить мятеж в западных провинциях, и мнимый император Константин, после непродолжительной и полной тревоги передышки, был снова осажден в своей столице более страшным врагом. Впрочем, он воспользовался промежутком времени между двумя осадами для ведения увенчавшихся успехом переговоров с франками и аллеманнами, и его посол Эдобех скоро возвратился во главе армии с целью воспрепятствовать осаде Арля. Римский военачальник, вместо того чтобы ожидать нападения на своих позициях, имел смелость и, может быть, благоразумие перейти Рону и выступить навстречу варварам. Его распоряжения были сделаны с таким искусством и с такой скрытностью, что в то время, как варвары напали на пехоту Констанция с фронта, они были внезапно атакованы, окружены и разбиты кавалерией его помощника Ульфилы, занявшего выгодную позицию у них в тылу. Остатки армии Эдобеха спаслись частью бегством, частью изъявлением покорности, а их вождь укрылся в доме одного вероломного приятеля, который слишком хорошо понимал, что голова его гостя была бы для императорского главнокомандующего приятным и очень выгодным подарком. По этому случаю Констанций поступил с благородством настоящего римлянина. Заглушив в себе чувство зависти, он публично признал достоинство и заслуги Ульфилы, но с отвращением отвернулся от убийцы Эдобеха и отдал строгое приказание не бесчестить римского лагеря присутствием неблагодарного негодяя, нарушившего законы дружбы и гостеприимства. Узурпатор, видевший со стен Арля, как разрушались его последние надежды, решился вверить свою судьбу столь великодушному победителю. Он потребовал торжественного обещания, что его жизнь не подвергнется никакой опасности, и, получив, путем рукоположения, священный характер христианского пресвитера, отворил городские воро-

та. Но он скоро узнал по опыту, что принципы чести и прямоты, которыми обыкновенно руководствовался Константин, уступали место сбивчивым теориям политической нравственности. Римский главнокомандующий действительно не захотел пятнать свои лавры кровью Константина, но отослал низвергнутого императора и его сына Юлиана под сильным конвоем в Италию, а прежде чем они достигли равеннского дворца, их встретили на пути исполнители смертного приговора.

В такую пору, когда существовало общее убеждение, что едва ли не каждый из жителей империи превосходил своими личными достоинствами монархов, достигавших престола лишь благодаря случайным преимуществам своего происхождения, беспрестанно появлялись новые узурпаторы, не обращавшие никакого внимания на то, какая печальная участь постигла их предшественников. Это зло всего сильнее чувствовалось в провинциях испанских и галльских, где принципы порядка и повиновения были уничтожены войнами и восстаниями. На четвертом месяце осады Арля, прежде нежели Константин сложил с себя пурпуровую мантию, в императорском лагере было получено известие, что в Меце, в Верхней Германии, Иовин возложил на себя диадему по наущению царя аланов Гоара и короля бургундов Гундахара и что этот новый кандидат на императорское звание подвигался во главе громадного сборища варваров от берегов Рейна к берегам Роны. В истории непродолжительного царствования Иовина все подробности и неясны и необычайны. Можно было ожидать, что находившийся во главе победоносной армии храбрый и искусный полководец постарается отстоять на поле битвы законные права Гонория. Поспешное отступление Констанция, быть может, оправдывалось вескими мотивами; но он уступил без борьбы обладание Галлией, а преторианский префект Дардан был единственный из высших должностных лиц, отказавшийся от повиновения узурпатору ¹⁵³). Когда готы перенесли свой лагерь в Галлию, через два года после осады Рима, было естественно предполагать, что их симпатии будут делиться только между императором Гонорием, с которым они незадолго перед тем вступили в союз, и низвергнутым Атталом, которого они держали в своем лагере для того, чтобы поручать ему, смотря по надобности, то роль музыканта, то роль монарха.

Однако по какому-то капризу (неизвестно чем и когда вызванному), Атаульф вступил в сношения с галльским узурпатором и возложил на Аттала позорное поручение вести переговоры о мирном трактате, закреплявшем собственную отставку этого последнего. Нас также удивляют те факты, что Иовин, вместо того чтобы считать союз с готами за самую прочную опору своего престола, порицал в неясных и двусмысленных выражениях услужливую надоедливость Атталы, что наперекор советам своего могущественного союзника возвел в императорское звание своего брата Себастиана, что он поступил с крайним неблагоразумием, приняв услуги Сара, когда этот храбрый полководец Гонория был вынужден покинуть двор такого монарха, который не умел ни награждать, ни наказывать. Атаульф, воспитанный в среде таких воинов, которые считали мщение за самую дорогую и самую священную из перешедших к ним по наследству обязанностей, выступил с отрядом из десяти тысяч готов навстречу наследственному врагу рода Балтиев. Он неожиданно напал на Сара в такую минуту, когда тот имел при себе лишь восемнадцать или двадцать из своих самых храбрых приверженцев. Эта кучка героев, связанных между собой узами дружбы, воодушевленных отчаянием, но в конце концов изнемогших в борьбе с более многочисленным неприятелем, внушила своим врагам уважение, но не внушила им сострадания, и лишь только лев попался в сети ¹⁵⁴⁾, его тотчас лишили жизни. Смерть Сара разорвала слабые узы, все еще связывавшие Атаульфа с галльским узурпатором. Он снова внял голосу любви и благоразумия и дал брату Плацидии обещание, что немедленно доставит в равеннский дворец головы двух тиранов, Иовина и Себастиана. Готский царь исполнил свое обещание без затруднений и без отлагательств; беспомощные братья, не опиравшиеся в своих притязаниях ни на какие личные достоинства, были покинуты своими варварскими союзниками, а один из самых красивых городов Галлии, Валенция, поплатился совершенным разрушением за свое непродолжительное сопротивление. Избранный римским сенатом император, которого возвели на престол, низвергли и оскорбляли, а потом снова возвели на престол и снова низвергли и оскорбляли, был наконец предоставлен своей участи; но когда готский царь лишил его своего покровительства, он из сострадания или из презрения не совершил

никакого насилия над личностью Аттала. Оставшись без подданных и без союзников, несчастный Аттал сел в одном из испанских портов на корабль с целью найти для себя какое-нибудь безопасное и уединенное убежище; но его перехватили во время морского переезда, привезли к Гонорию, провели с триумфом по улицам Рима и Равенны и публично выставили для потехи черни на второй ступени трона его *непобедимого* повелителя. Аттала подвергли такому же наказанию, каким он, как уверяли, грозил своему сопернику в дни своего величия; ему отрезали два пальца и затем отправили на вечную ссылку на остров Липари, где его снабдили приличными средствами существования. Остальные годы Гонориева царствования прошли без восстаний, и мы можем заметить, что в течение пяти лет семь узурпаторов не устояли против фортуны такого монарха, который сам не был способен ни давать приказания, ни действовать ¹⁵⁵⁾.

Географическое положение Испании, со всех сторон отделившейся от врагов Рима морем, горами и промежуточными провинциями, обеспечивало продолжительное спокойствие этой отдаленной и уединенной страны, и как на неоспоримое доказательство ее внутреннего благосостояния можно указать на тот факт, что в течение четырехсот лет Испания доставляла очень мало материалов для истории Римской империи.

Стезя, которую проложили варвары, проникшие в царствование Галлиена по ту сторону Пиренеев, была скоро изглажена восстановлением спокойствия, а города Эмерита или Мерида, Кордова, Севилья, Бракара и Таррагона принадлежали, в четвертом столетии христианской эры, к числу самых лучших городов империи. Разнообразие и изобилие произведений царства животного, растительного и ископаемого поддерживались искусством трудолюбивого населения, а то преимущество, что Испания располагала необходимыми условиями для развития мореплавания, способствовало развитию обширной и выгодной торговли ¹⁵⁶⁾. Искусства и науки процветали под покровительством императоров, и хотя мужество испанцев ослабело от привычки к миру и рабству, оно, по-видимому, снова воодушевилось воинственным пылом при приближении германцев, распространявших ужас и опустошение от Рейна до Пиренеев. Пока защита горных проходов лежала на храброй и преданной милиции, состояв-

шей из туземцев, эта милиция успешно отражала неоднократно нападения варваров. Но лишь только национальные войска были принуждены уступить свои посты гонориевским отрядам, служившим под начальством Константина, ворота Испании были изменнически открыты для общественного врага почти за десять месяцев до разграбления Рима готами ¹⁵⁷⁾. Сознание своей вины и жажда грабежа побудили продажных охранителей Пиренеев покинуть свои посты, призвать к себе на помощь свевов, вандалов и аланов и своим содействием усилить опустошительный поток, который с непреодолимой стремительностью разлился от границ Галлии до моря, омывающего берега Африки. Постигшие Испанию несчастья можно рассказать словами самого красноречивого из ее историков, изложившего в сжатом виде страстные и, быть может, преувеличенные декламации современных писателей ¹⁵⁸⁾: "Вторжение этих народов сопровождалось самыми страшными бедствиями, так как варвары обходились с одинаковым жестокосердием и с римлянами и с испанцами и с одинаковой свирепостью опустошали и города и селения. Голод довел несчастных жителей до того, что они стали питаться мясом своих ближних; даже беспрепятственно размножавшиеся дикие звери, рассвирепевшие при виде крови и мучимые голодом, стали смело нападать на людей и пожирать их. Скоро появилась и чума — этот неразлучный спутник голода; множество людей погибло от нее, и стоны умирающих возбуждали лишь зависть в тех, кто оставался в живых. В конце концов варвары, насытившись убийствами и грабежом и страдая от заразы, виновниками которой были они сами, поселились на постоянное жительство в обезлюдевшей стране. Древняя Галиция, заключавшая в своих пределах королевство Старой Кастилии, была разделена между свевами и вандалами; аланы рассеялись по провинциям Карфагенской и Лузитанской от Средиземного моря до Атлантического океана, а плодородная территория Бетики досталась в удел Силингам, составлявшим особую ветвь вандальской нации. Совершив этот раздел, завоеватели заключили со своими новыми подданными обоюдные условия о покровительстве и покорности: попавшиеся в неволю жители снова принялись за возделывание земель и снова населили города и деревни. Бо́льшая часть испанцев даже готова была отдавать предпочтение этим новым условиям бедственного и варварского существо-

вания над суровым гнетом римского правительства; однако многие из них не переставали заявлять свои права на свободу, и в особенности те, которые жили в горах Галиции, не преклонялись под иго варваров" ¹⁵⁹⁾.

Атаульф доказал свою привязанность к своему брату Гонорию, прислав ему в подарок головы Иовина и Себастиана и снова утвердив его власть над Галлией. Но мирная жизнь не была совместима ни с положением, ни с характером готского царя. Он охотно принял предложение обратить свое победоносное оружие против водворившихся в Испании варваров: войска Констанция отрезали ему сообщение с приморскими портами Галлии и без всякого насилия заставили его ускорить свое движение к Пиренеям ¹⁶⁰⁾; он перешел горы и от имени императора овладел врасплох городом Барселоной. Ни время, ни обладание не могли охладить привязанности Атаульфа к его жене, а рождение сына, названного в честь его великого деда Феодосием, по-видимому, навсегда упрочивало преданность готского царя интересам республики. Смерть этого ребенка, труп которого был положен в серебряный гроб и похоронен в одной из церквей близ Барселоны, огорчила его родителей; но скорьбь готского царя была заглушена военными заботами, а ряд его побед был скоро прерван домашней изменой. Он неосторожно принял к себе на службу одного из приверженцев Сара; этот отважный варвар задумал отомстить за смерть своего возлюбленного патрона, а его нескромный повелитель беспрестанно раздражал его своими насмешками над его маленьким ростом. Атаульф был умерщвлен в барселонском дворце; законы о наследовании престола были нарушены партией мятежников ¹⁶¹⁾, и на готский престол был возведен брат Сара Сингерих, вовсе не состоявший в родстве с царствующей династией. Первым делом его царствования было безжалостное умерщвление шестерых детей, которые были прижиты Атаульфом в первом браке и которых пришлось силой вырывать из слабых рук почтенного епископа ¹⁶²⁾. С несчастной Плацидией обошлись не с тем почтительным состраданием, которое она могла бы возбудить даже в самых черствых сердцах, а с безжалостной и бесстыдной наглостью. Дочь императора Феодосия должна была смешаться с толпой пленников низкого звания и пройти более двенадцати миль пешком впереди лошади варвара, убившего ее мужа, которого она любила и о котором горевала ¹⁶³⁾.

Но Плацидия скоро насладились мщением; быть может, при виде ее унижения и страданий негодующий народ восстал против тирана, который был умерщвлен на седьмой день своей узурпации. После смерти Сингериха свободный выбор народа вручил готский скипетр Валии, который отличался своим воинственным и честолюбивым характером и в начале своего царствования, по-видимому, относился очень враждебно к республике. Он двинулся со своей армией из Барселоны к берегам Атлантического океана, на который древние смотрели с уважением и страхом как на предел вселенной. Но когда Валия достиг южной оконечности Испании ¹⁶⁴⁾ и с вышины утеса, на котором теперь стоит крепость Гибралтар, окинул взором плодородный берег Африки, он задумал осуществить проект завоевания, исполнение которого было прервано смертью Алариха. Ветер и волны еще раз разрушили замыслы готов, и на воображение этого суеверного народа произвели глубокое впечатление частые несчастья от бурь и кораблекрушений. При таком настроении умов преемник Атаульфа перестал отказываться от переговоров с римским послом, предложения которого были поддержаны действительным или мнимым приближением многочисленной армии под предводительством храброго Констанция. Мирный договор был формально заключен и верно соблюдался; Плацидия была с почетом отправлена к своему брату; голодным готам ¹⁶⁵⁾ были выданы шестьсот тысяч мер пшеницы, и Валия обязался обратить свое оружие против врагов империи. Немедленно вслед затем вспыхнула между утвердившимися в Испании варварами кровопролитная война, и соперничавшие между собой варварские князья, как рассказывают, отправили к западному императору письма, послов и заложников с просьбой оставаться спокойным зрителем их борьбы, исход которой во всяком случае был бы благоприятен для римлян, так как их враги стали бы взаимно истреблять одни других ¹⁶⁶⁾. Война в Испании поддерживалась с обеих сторон, в течение трех кампаний, с отчаянным мужеством и с переменчивым успехом, а военные подвиги Валии распространили по всей империи славу готского героя. Он истребил силингов, совершенно разоривших прекрасную и плодородную Бетику. Он убил в сражении царя аланов; а спасшиеся с поля битвы остатки этих скифских бродяг, вместо того, чтобы выбрать себе нового вождя, смиренно искали убежища под знаменем

вандалов, с которыми они впоследствии всегда смешивались. Даже вандалы и свевы не устояли против непобедимых гот-тов. Смешанной толпе варваров было отрезано отступление, и ее загнали в горы Галиции, где она по-прежнему предава-лась своим внутренним непримиримым распрям на более уз-ком пространстве и на неплодородной почве. В блеске славы Валия не позабыл принятых на себя обязательств: он восста-новил в завоеванных им испанских провинциях власть Гоно-рия, а тирания императорских правителей скоро заставила угнетенный народ сожалеть о том времени, когда он жил под игом варваров. В то время, как исход войны еще был сомни-телен, равеннский двор воспользовался первыми военными успехами Валии для того, чтобы почтить своего слабого мо-нарха почестями триумфа. Император въехал в Рим с таким же торжеством, с каким въезжали древние завоеватели, и ес-ли бы все, что говорила об этом событии раболепная лесть, не было уже давно предано заслуженному забвению, мы, ве-роятно, узнали бы, что толпа поэтов и ораторов, высших са-новников и епископов рукоплескала фортуне, мудрости и непреодолимому мужеству императора Гонория ¹⁶⁷⁾.

На такой триумф мог бы заявить основательные притяза-ния союзник римлян, если бы, до обратного перехода через Пиренеи, Валия уничтожил в самом зародыше причины ис-панской войны. Через сорок три года после своего перехода через Дунай его победоносные готы вступили, в силу заклю-ченного договора, в обладание второй Аквитанией — при-морской провинцией, которая простиралась от Гаронны до Луары и была подчинена гражданской и церковной юрисдик-ции города Бордо. Эта митрополия пользовалась выгодами своего географического положения для ведения морской торговли; она была обстроена правильно и изящно, а ее мно-гочисленное население отличалось между галлами своим бо-гатством, просвещением и благовоспитанностью. Смежная провинция, которую снисходительно сравнивали с земным раем, была одарена плодородной почвой и умеренным кли-матом; внешний вид страны доказывал, как были велики ус-пехи промышленности и доставляемые ею выгоды, и после понесенных ими военных трудов готы могли в избытке нас-лаждаться роскошными винами Аквитании ¹⁶⁸⁾. Пределы их владений были расширены, в виде подарка, присоединением нескольких соседних диоцезов, и преемники Алариха избра-

ли своей резиденцией Тулузу, которая заключала внутри своих обширных стен пять многолюдных кварталов или городов. Почти в то же время, а именно в последнем году Гонориева царствования, готы, бургунды и франки получили в свое владение земли в галльских провинциях для постоянного жительства. Щедрая уступка, сделанная узурпатором Иовином его бургундским союзникам, была утверждена законным императором; этим грозным варварам были даны земли в Первой или Верхней Германии, и они мало-помалу заняли, путем завоевания или мирных договоров, те две провинции, которые до сих пор сохранили национальное название Бургундии с титулами Герцогства и Графства ¹⁶⁹). Храбрые и верные союзники римской республики, франки скоро вовлеклись в подражание тем узурпаторам, с которыми они так мужественно боролись. Столица Галлии, Трир, была ограблена их недисциплинированными шайками, а скромная колония, которую они так долго поддерживали в округе Токсандрии, в Брабанте, мало-помалу расширилась вдоль берегов Мааса и Шельды, пока не утвердила своего господства на всем пространстве Второй, или Нижней Германии. Достоверность этих фактов может быть подтверждена историческими доказательствами, но основание французской монархии Фарамундом, завоевания, законы и самое существование этого героя были основательно заподозрены беспристрастной взыскательностью новейшей критики ¹⁷⁰). Разорение самых богатых галльских провинций начинается с того времени, как там поселились эти варвары, так как вступать с ними в союз было опасно и невыгодно, а их интересы или страсти беспрестанно вовлекали их в нарушение общественного спокойствия. Тяжелый выкуп был наложен на оставшихся в живых провинциальных жителей, спасшихся от бедствий войны; самые красивые поместья и самые плодородные земли были розданы жадным иностранцам, которые селились там со своими семьями, рабами и домашним скотом, а дрожавшие от страха туземцы со вздохом покидали отцовское наследство. Впрочем, эти бедствия, редко выпадающие на долю побежденных народов, были лишь повторением того, что испытали и чему подвергали других сами римляне не только вслед за своими победами, но и среди разгара междуусобиц. Триумвиры лишили покровительства законов восемнадцать из самых цветущих итальянских колоний и роздали их земли и

жилища ветеранам, которые отомстили за смерть Цезаря и отняли у своей родины свободу.

Два поэта, пользовавшиеся неодинаковой славой, оплакивали в подобных обстоятельствах утрату своего наследственного достояния; но легионы Августа, как кажется, превосходили в несправедливостях и насилиях тех варваров, которые вторглись в Галлию в царствование Гонория. Вергилий с большим трудом спасся от меча того центуриона, который завладел его фермой близ Мантуи ¹⁷¹⁾; но бордоский уроженец Павлин получил от поселившегося в его имении гота сумму денег, которую он принял с удовольствием и с удивлением, и хотя она была гораздо ниже стоимости его собственности, этот хищнический захват был отчасти прикрашен умеренностью и справедливостью ¹⁷²⁾. Ненавистное название завоевателей было заменено более мягким и дружелюбным названием римских *гостей*, и галльские варвары, в особенности готы, неоднократно заявляли, что они связаны с местным населением узами гостеприимства, а с императором узами долга и военной службы. В галльских провинциях, отданных римлянами во власть их варварских союзников, все еще уважался титул Гонория и его преемников, все еще уважались римские законы и римские должностные лица, а варварские князья, пользовавшиеся верховной и самостоятельной властью над своими подданными, из честолюбия добивались более почетного звания военачальников римской армии ¹⁷³⁾. Таково было невольное уважение к римскому имени со стороны тех самых воителей, которые с триумфом унесли с собою добычу, награбленную в Капитолии.

В то время как готы опустошали Италию, а ряд слабых тиранов угнетал заальпийские провинции, британский остров выделился из состава Римской империи. Регулярные войска, охранявшие эту отдаленную провинцию, были мало-помалу отозваны, и Британия была оставлена без всякой защиты от саксонских пиратов и от ирландских и каледонских дикарей. Доведенные до такой крайности британцы перестали рассчитывать на несвоевременную и сомнительную помощь, которую могла доставить им разрушавшаяся империя. Они взялись за оружие, отразили варваров и были обрадованы важным открытием, что могут рассчитывать на свои собственные силы ¹⁷⁴⁾. Точно такие же бедствия внушили жителям Армориканских провинций (в состав которых входили примор-

ские части Галлии между Сеной и Луарой ¹⁷⁵⁾ решимость последовать примеру соседнего острова. Они выгнали римских чиновников, распорядившихся от имени узурпатора Константина, и среди народа, так долго жившего под властью неограниченного монарха, ввели свободные учреждения. Независимость Британии и Арморики скоро была признана самим законным повелителем Запада Гонорием, а письма, в которых он возлагал на эти новые государства заботу об их собственной безопасности, можно объяснять в том смысле, что Гонорий безусловно и навсегда отрекся от пользования верховной властью и от ее прав. Это объяснение в некоторой степени оправдывается последующими событиями. После того, как галльские узурпаторы были низвергнуты один вслед за другим, приморские провинции были снова присоединены к империи. Однако их подчинение было неполное и непрочное; тщеславный, непостоянный и мятежный нрав населения не уживался ни со свободой, ни с рабством ¹⁷⁶⁾, и хотя Арморика не могла долго сохранять республиканскую форму правления ¹⁷⁷⁾, ее часто волновали разорительные восстания, а Британия была безвозвратно утрачена ¹⁷⁸⁾. Но так как императоры имели благоразумие признать независимость этой отдаленной провинции, то ее отделение от империи не сопровождалось ни упреками в тирании, ни упреками в мятеже, и притязания одной стороны на преданность, а другой — на покровительство уступили место взаимным и добровольным предложениям национальной дружбы ¹⁷⁹⁾.

Этот переворот разрушил искусственное здание гражданского и военного управления, и эта независимая страна жила до прибытия саксов, в течение сорока лет, под властью духовенства, дворянства и муниципальных городов ¹⁸⁰⁾. I. Зосим, единственный историк, сохранивший воспоминания об этом странном происшествии, не оставил без внимания того обстоятельства, что Гонорий обратился со своими письмами к британским городам ¹⁸¹⁾. Под покровительством римлян в различных частях этой обширной провинции возникли девять носто два значительных города, в числе которых тридцать три отличались от остальных своими привилегиями и значением ¹⁸²⁾. Подобно тому как это делалось во всех других провинциях империи, каждый из этих городов организовал легальную корпорацию для заведования делами внутреннего

управления, а полномочия муниципального правительства распределялись между назначавшимися на один год должностными лицами, выборным сенатом и народным собранием по образцу основной римской конституции ¹⁸³⁾. Эти маленькие республики распоряжались общественными доходами, ведали дела гражданские и уголовные и решали все вопросы, касавшиеся внешней политики; а когда им приходилось защищать свою независимость юношество городское и из соседних округов натурально, должно было стекаться под знамя высшего сановника. Но желание приобрести все выгоды политического общества и уклониться от налагаемых им тяжелых обязанностей служит постоянным и неистощимым источником раздоров, и мы не имеем никакого основания предполагать, что восстановление британской свободы обошлось без внутренних волнений и интриг. Преимущества рождения и богатства, должно быть, часто нарушались смелыми и популярными гражданами, а высокомерная знать, жаловавшаяся на то, что она подпала под власть своей собственной прислуги ¹⁸⁴⁾, быть может, сожалела об управлении неограниченного монарха. II. Юрисдикция каждого города над окружающей местностью поддерживалась влиянием знатных сенаторов на их родовые поместья, а менее значительные города, селения и землевладельцы, ради собственной безопасности, искали покровительства этих зарождавшихся республик. Сфера их влияния определялась степенью их богатства и многолюдности; но те наследственные владельцы обширных поместий, которых не стесняло соседство какого-нибудь сильного города, заявляли притязание на звание независимых владетелей и смело присваивали себе право мира и войны.

Сады и виллы, в которых можно было найти слабое подражание итальянскому изяществу, скоро превращались в укрепленные замки, где окрестные жители могли находить для себя убежище в минуты опасности ¹⁸⁵⁾; доходы с имений употреблялись на приобретение оружия и лошадей, на содержание армии, состоявшей из рабов, крестьян и искателей приключений, а сам начальник этой армии, вероятно, присваивал себе, внутри своих владений, права гражданского сановника. Многие из этих британских вождей, вероятно, были настоящими потомками древних королей; но между ними было еще более таких, которые самопроизвольно присваива-

ли себе такое почетное происхождение, чтобы с большим успехом отстаивать те наследственные права, которые временно отменила узурпация Цезарей ¹⁸⁶⁾. Их положение и их честолюбивые надежды, вероятно, заставляли их придерживаться манеры одеваться, языка и обычаев их предков. Если же британские *вожди* снова впадали в варварство, тогда как *города* тщательно сохраняли римские законы и нравы, то все население острова, должно быть, мало-помалу разделилось на две национальные партии, которые в свою очередь распались на тысячу подразделений под влиянием личных интересов и вражды. Народные силы, вместо того чтобы сосредоточиться для борьбы с внешним врагом, тратились на внутренние распри, а личные достоинства, возвышавшие счастливого вождя над его равными, давали ему возможность распространять свое господство на соседние города и требовать для себя одинакового ранга с теми *тиранами* ¹⁸⁷⁾, которые разоряли Британию после упадка римского владычества. III. Британская церковь, как кажется, состояла из тридцати или сорока епископов ¹⁸⁸⁾ с соответствующим числом священнослужителей низшего ранга, а за неимением богатств (так как она, как кажется, была бедна) ¹⁸⁹⁾ эти епископы были вынуждены снискивать общее уважение безупречным и примерным поведением. Личные интересы духовенства, точно так же как и его характер, благоприятствовали внутреннему спокойствию и объединению их отечества; благотворные поучения в этом смысле часто высказывались в его публичных проповедях, а епископские соборы были единственными собраниями, которые могли заявлять притязания на значение и авторитет народных представительств. На этих соборах, на которых рядом с епископами заседали вожди и должностные лица, можно было свободно обсуждать важные дела, касавшиеся как церкви, так и государства; там разрешались спорные вопросы, составлялись союзы, распределялись налоги, нередко принимались и приводились в исполнение благоразумные решения, и есть основание полагать, что в минуты крайней опасности избирался с общего согласия британцев *pendragon*, или диктатор.

Впрочем, эти пастырские заботы, так хорошо подходящие к характеру епископов, прерывались из религиозного усердия и из суеверия; так, например, британское духовенство непрестанно старалось искоренить Пелагиеву ересь, которую

оно ненавидело и считало за позор для своего отечества ¹⁹⁰⁾. Достоин внимания или, вернее, совершенно естествен тот факт, что вследствие восстания Британии и Арморики в покорных галльских провинциях было введено нечто, имевшее внешний вид свободы. В публичном эдикте ¹⁹¹⁾, наполненном самыми горячими уверениями в отеческой привязанности, которую монархи так часто выражают и так редко чувствуют, император Гонорий объявил о своем намерении ежегодно собирать представителей *семи провинций*; это название относилось преимущественно к Аквитании и древней Нарбоннской провинции, давно уже променявшим свойственную кельтам грубость нравов на полезные и изящные искусства Италии ¹⁹²⁾. Центр управления и торговли Арль был назначен местом собрания, заседания которого происходили ежегодно в течение четырех недель, с 15-го августа по 13-е сентября. Оно составлялось из преторианского префекта Галлии, из семи провинциальных управляющих — одного консуляра и шести президентов, из должностных лиц и, может быть, из епископов почти шестидесяти городов, и из достаточного, хотя и неопределенного, числа самых почтенных и богатых *землевладельцев*, которые могли основательно считаться за представителей страны. Они были уполномочены объяснять и обнародовать законы своего государя, излагать жалобы и желания своих доверителей, уменьшать чрезмерные или несправедливые налоги и обсуждать все вопросы местного или государственного управления, разрешение которых могло содействовать спокойствию и благосостоянию семи провинций. Если бы такое же учреждение, дававшее населению право участия в его собственном управлении, было повсюду введено Траяном или Антонинами, семена общественной мудрости и добродетели могли бы пустить корни по всей Римской империи. Тогда привилегии подданных укрепили бы трон монарха; тогда злоупотребления самовольной администрации могли бы быть предотвращены или в некоторой мере заглажены вмешательством этих представительных собраний, и местное население бралось бы за оружие для защиты страны от внешних врагов. Под благотворным и благородным влиянием свободы Римская империя могла бы сделаться непобедимой и бессмертной; если же ее громадные размеры и непрочность всего, что создается человеческими руками, воспрепятствовали бы такой неизменной прочности,

то ее составные части могли бы сохранить отдельно одна от другой свою живучесть и самостоятельность. Но при дряхлости империи, когда уже иссякли все источники здоровья и жизни, запоздалое употребление этого лекарства уже не могло дать никаких значительных или благотворных результатов. Император Гонорий выражал свое удивление по поводу того, что ему приходилось понуждать провинции к пользованию такой привилегией, которой они должны бы были настоятельно добиваться. Пеня в три и даже в шесть фунтов золота была наложена на не являвшихся в собрания представителей, которые, как кажется, отклоняли от себя это мнимое дарование свободных учреждений как последнее и самое ужасное оскорбление со стороны их притеснителей.

1) Сведения о том, что происходило в период времени между смертью Стилихона и появлением Алариха под стенами Рима, можно найти только у Зосима, кн. 5, стр. 347-350.

2) Зосим выражается с энергией и одушевлением: *katafdonesin empoiesai tois polemiolois archountas*; этого было достаточно, чтобы вызвать презрение врагов.

3) *Eos qui catholicae sectae sunt inimici, intra palatium militare prohibemus. Nullus nobis sit aliqua ratione conjunctus, qui a nobis fide et religione discordat.* Код. Феодосия, кн. 16, тит. 5, зак. 42 и *Комментарий* Годефруа, том VI, стр. 164. Этот закон применялся во всем его объеме и исполнялся строго. Зосим, кн. 5, стр. 364. (Эти слова несовместимы ни с тем, что Гиббон говорит далее в той же главе о привязанности Гонория к "храброму Геннериду", ни с тем, что он говорит о состоявшейся вскоре после того отмене этого притеснительного закона. Неандер более основательно замечает, что "условия того времени и слабость империи не позволяли строгого применения этого закона" (*Ист. Христ.*, ч. 3, стр. 115). Как часто случилось в следующие века, что ханжество и религиозный фанатизм лишали монархов возможности пользоваться службой таких людей, как Геннерид! — *Издат.*)

4) Аддисон (см. Полное собрание его сочинений, ч.2, стр. 54, изд. Баскервилля) очень картинно описал дорогу, которая идет через Апеннины. Готам некогда было любоваться красотами местоположения, но они очень обрадовались, увидя, что прорытый при Веспасиане узкий проход, носивший название *Saxa Intercisa*, был вовсе не защищен (Клюв. *Italia Antiq.*, ч.1, стр. 618).

5) *Hinc albi, Clitumne, greges, et Taurus
Victima, saepe tuo perfusi flumine sacro,
Romanos ad templa Deum duxere Triumphos.*
Георг. II, 147.

Кроме Вергилия, многие из латинских поэтов, как-то: Проперций, Лукан, Силий Италийский, Клавдиан и другие (отрывки из них цитированы у Клювье и Аддисона), воспевали этих быков Клитумна.

6) Некоторые сведения о направлении, которого держался Аларих, заимствованы из путешествия, совершенного по тому же пути Гонорием (см. Клавдиана in 6-to Cons. Hon., 494-522). Измеренное расстояние между Равенной и Римом было в двести пятьдесят четыре римских мили. Itinerar. Веселинга, стр. 126.

7) Поход и отступление Ганнибала описаны Ливием, кн. 26, гл. 7-11, и перед глазами читателя проходят очень интересные сцены.

8) Это сравнение было сделано министром Пирра Кинеадом после его возвращения из посольства, во время которого он тщательно изучил дисциплину и нравы римлян. См. Плутарха in Pyrrho, том I, стр. 459. (Гораций в своей прекрасной оде (IV,4) влагает в уста упавшего духом Ганнибала сравнение его непреодолимого врага с тем же чудовищем:

Per damna, per caedes, ab ipso
Ducit opes animumque ferro;
Non Hydra secto corpore firmior
Vinci dolentem crevit in Herculem. — Издат.)

9) В трех *ценсах*, или переписях римского населения, сделанных незадолго до второй Пунической войны, значатся следующие цифры (см. Ливия Epitom., кн. 20; Hist., кн.27, стр. 36; кн.29, стр. 37): 270, 213; 137, 108, 214000. Уменьшение второго разряда и увеличение третьего казались столь огромными, что некоторые критики, несмотря на единогласное свидетельство рукописей, подозревали существование искажений в тексте Ливия (см. Дракенборха ad XXVII, 36, и Бофора Republique Romaine, том 1, стр. 325). Они не приняли в соображение того, что во второй *ценс* вносили только тех, кто находился в самом Риме и что его численный состав уменьшился не только вследствие смерти многих солдат, но также вследствие их *отсутствия*. Тит Ливий утверждает, что в третьем *ценсе* легионы набирались особыми комиссарами. Из цифр, значившихся на этих списках, следует скидывать одну двенадцатую часть, состоявшую из шестидесятилетних, неспособных носить оружие. См. Population de la France, стр. 72. (Первый из этих трех *ценсов* был составлен в A.U.C. 534, за два года до вступления Ганнибала в Италию, а последние в 550, после того как Сципион высадился со своей армией в Африке. Промежуток между этими годами был периодом сильных смут, во время которых неправильно вели счет римским гражданам. Народ, боровшийся за свое существование, не имел времени заниматься статистикой. В 540 один из ценсоров умер, его товарищ отказался от должности, и потому вовсе не было Lustrum conditum (очистительной жертвы, которую приносили ценсоры при сложении своей должности). То же случилось и в 544 г. В 546г. ценсоры Корнелий Цетег и Семпроний Тудитан были неопытные люди pondum consules; списки, доставлявшиеся из армий, которые находились на войне, велись неправильно, и по отчетам значилось только 137 108 граждан. Слова Ливия: "Minor aliquanto numerus quam qui ante bellum fuerat", XXVII, 36 — заставляют думать, что не было большой разницы между действительным числом граждан в то время и числом 270 213, значащимся в *ценсе* 534 года, и что, несмотря на понесенную ими убыль во время войны, они не до такой степени уменьшились числом. — Издат.)

10) Ливий полагает, что эти два факта были результатом или случай-

ности, или мужества. Я подозреваю, что они были плодом превосходной политики сената.

11) См. Иеронима, том 1, стр. 169, 170, ad Eustochium; он дает Павле следующие блестящие титулы: "Gracchorum stirps, soboles Scipionum, Pauli haeres, cujus vocabulum trahit Martiae Papyriae Matris Africani vera et germana proprogo". Все эти названия составляют более солидный титул, чем прозвище Юлия, которое Токсотий носил вместе с тысячею семейств в западных провинциях. См. Index Тацита в "Надписях" Грутера и пр.

12) Тацит (Анналы, 355) утверждает, что в промежуток времени между битвой при Акциуме и царствованием Веспасиана сенат мало-помалу наполнился *новыми* родами из италийских муниципий и колоний.

13) Nec quisquam Procerum tentet (licet aere vetusto
Floreat, et claro cingatur Roma senatu)
Se jactare parem; sed prima sede relicta
Auchenilis, de jure licet certare secundo.

Клавд. in Prob. et Olybrii Coss. 18

Такая похвала совершенно неизвестному имени Авхениев привела в изумление критиков; но они все сходятся в том мнении, что, каково бы ни было подлинное выражение текста, смысл слов Клавдиана может относиться только к роду Анициев. (Имя Аниция Авхения Басса, бывшего римским префектом и проконсулом Кампании в царствование Грациана, значится на одной надписи, помещенной у Муратори (ч. IV, стр. 464), и на двух надписях, помещенных у Корсина (Praef. Urb., стр. 275) См. Клинт. F.R.II. 122. — *Издат.*)

14) В летописях Пигия самое раннее указание относится к Аницию Галлу, Нар. Триб. A.U.C. 506. Другой трибун, К.Аниций, A.U.C. 508, отличался эпитетом Принестина. Ливий (XLV, 43) ставит Анициев ниже знатных римских родов.

15) Ливий, XLIV, 30, 31; XLV, 3, 26, 43. Он беспристрастно оценивает заслуги Аниция и основательно замечает, что его слава была омрачена более блестящим македонским триумфом, предшествовавшим триумфу иллирийскому.

16) Три консульства относятся к A.V.C. 593, 818, 967; два последних относятся к царствованиям Нерона и Каракаллы. Второй из этих консулов отличался только постыдной лестью (Тацит, *Анналы*, XV, 74); но знатные семьи охотно ссылаются даже на преступления, если они могут служить доказательством древности рода.

17) В шестом столетии один из министров царствовавшего в Италии готского царя упоминает о знатности рода Анициев с особенным уважением (Кассиодор, *Variar*, кн. 10, Посл. 10-12).

18) Fixus in omnes
Cognatos procedit honos; quemcumque requiras
Hac de stirpe virum, certum est de Consule nasci.
Per fasces numerantur avi, semperque renata
Nobilitate virent, et prolem fata sequuntur.

(Клавдиан in Prob. et Olyb. Consulat. 12 и сл.) Аннии, имя которых, как кажется, слилось с именем Анициев, упоминаются в *Фастах*, так как не раз занимали консульские должности со времен Веспасиана до четвертого столетия.

19) Право называться первыми христианскими сенаторами подтвер-

ждается авторитетом Пруденция (In Symmach., кн. 553) и нерасположением язычников к роду Анициев. См. Тильемона Hist. des Empereurs, том IV, стр. 183; том V, стр. 44. Барон. Annal. A.D. 312, N78; A.D. 322, N2.

20) Probus... claritudine generis et potentia et opum magnitudine, cognitus Orbi Romano, per quem universum poene patrimonia sparsa possedit, iuste an secus non iudicium est nostrum. Аммиан Марцеллин, XXVII, II. Его дети и вдова воздвигли в честь его великолепную гробницу в Ватикане, которая была разрушена при папе Николае V для того, чтобы очистить место для церкви св. Петра. Бароний, сожалевавший о разрушении этого христианского памятника, тщательно сохранил для нас надписи и барельефы. См. Annal. Eccles. A.D. 395, N5-17.

21) Два персидских сатрапа ездили из Милана в Рим для того, чтобы послушать св. Амвросия и посмотреть на Проба. (Павлин In Vit. Ambros.) Клавдиан (In Cons. Probin. et Olybr. 30-60) точно будто не находит достаточно сильных выражений, чтобы описать блеск Проба.

22) См. поэму, написанную Клавдианом в честь этих двух знатных юношей.

23) Манихей Секундин, ap. Baron. Annal. Eccles. A.D. 390, N34.

24) См. Нардини, Roma Antica, стр. 89, 498, 500.

25) Quid loquar inclusas inter laquearia sylvas?

Vernula quae vario carmine ludit avis?

Клавд. Rutil. Numatian. Itinerar. стих III.

Этот поэт жил во время нашествия готов. Дворец среднего размера покрыл бы всю ферму Цинцинната, в которой было только четыре акра (Вал. Макс., IV, 4). "In laxitatem rursus excurrunt", — говорит Сенека, epist. 114. См. остроумное примечание Юма в его Essays, ч. 1, стр. 562, последнее In 8-vo издание.

26) Это интересное описание Рима в царствование Гонория находится в одном отрывке историка Олимпиодора ap. Photium, стр. 197.

27) Сыновья Алипия, Симмаха и Максима издержали в то время, как были преторами, двенадцать, двадцать и сорок **центенарий** (или сто фунтов золота). См. Олимпиодора, ap. Phot., стр. 197. Эти цифры дают некоторый простор для выводов; но нелегко понять смысл того закона в **Кодексе Феодосия** (кн. 6, зак. 5), который определяет расходы первого претора в двадцать пять тысяч follis, второго в двадцать, а третьего в пятнадцать. Название follis (см. Mem. de l'Academie des Inscriptions, том XXVIII, стр. 727) одинаково обозначало и сто двадцать пять серебряных монет и мелкую медную монету ценою в 1/2625 часть этой суммы. В первом значении слова двадцать пять тысяч follis равняются 150 000 фунт.стерл., а во втором пяти или шести фунтам стерлингов. Первая цифра чрезвычайно велика, а вторая ничтожна. Должно быть, существовала какая-нибудь третья средняя ценность follis'a, которая здесь и подразумевается; но в изложении законов двусмысленность неизвинительна.

28) Nicopolis... In Actiaco litore sita possessionis vestrae nunc pars vel maxima est. Иерон. In praefat. Comment. ad Epistol. ad Titum, том IX, стр. 243. Тильмон высказывает странное предположение, что он составлял часть Агамемнонова наследства. Mem. Eccles., том. XII, стр. 85.

29) Сенека, epist. 89. Его выражения напыщенны, но и напыщенность

едва ли может впасть в преувеличения, когда речь идет о корыстолюбии и роскоши римлян. Впрочем, этот упрек должен отчасти падать и на самого философа, если правда, что его безжалостное взыскание *quadringtles* (с лишком трехсот тысяч фунт. стерл.), данных им займы за большие проценты, возбудило восстание в Британии (Дион Кассий, кн. 62, стр. 1003). Согласно с предположением Гая (в его *Antoninus's Itinerary in Britain*, стр. 92) один и тот же Фаустин владел имением подле Бёри в Саффолке и другим имением в теперешнем Неаполитанском королевстве. (*Villa Faustini* известна только как станция в пятом *Iter Britannicum* Антонина. По мнению антиквариев, более близких к нам по времени, чем Галь, она находилась подле *Dunmow* в Эссексе (*Gough's Addition to Camden*, ч. 2 стр. 54-79). Название *Bury*, которое означает в иной форме то же, что слова *burg* или *borough*, означает римскую станцию и вместе с тем укрепленный пост, а это последнее значение едва ли можно согласовать с понятием о вилле частного лица. Все, что Дион Кассий говорит о Сенеке, должно быть принимаемо с большой осмотрительностью. Нибур, сам не любивший философа, полагает (*Лекции*, ч. III, стр. 186), что мнение, высказанное о нем историком "преувеличенно и слишком резко". Что Сенека дал Британии займы более 300 000 фунт.ст., так же неправдоподобно, как ссуда лондонскими капиталистами нашего времени денег кабрам. Со времен Юлия Цезаря Британия была в совершенном пренебрежении, и война Клавдия была первым шагом к тому, чтобы образовать на этом острове римскую провинцию. Может быть, там было занято несколько приморских пунктов, и, может быть, там собирали налоги в форме *portoria*; но там вовсе не было организовано такой правительственной власти, которая могла бы предложить хоть тень гарантий, способных расположить жадного до денег человека к помещению своих капиталов хотя бы за самые лихвенные проценты. Впрочем, Дион Кассий уже ранее того (кн. 60, стр. 957) совершенно иначе объяснял повод к экспедиции, предпринятой Клавдием. Он считает виновником этой экспедиции некоего Верики, который был выгнан с острова и умолял императора вступить за него. Кэмден указывает на то, что некоторые ставили в связь имя этого человека, писавшееся на греческом языке Диона *Berlcus*, с англосаксонским названием *Bederlcsworth*, под которым *Bury St. Edmunds* сделалось известным лишь с лишком через чetyреста лет после того. Он также опровергает мнение Гая, что британский Фаустин был то же самое лицо, чья вилла в Байях описана Марциалом. В пользу этого мнения нельзя указать ни одного авторитета. — *Издат.*)

30) Богатый сенатор Волузий (Тацит, *Анналы*, III, 30) всегда отдавал предпочтение арендаторам, родившимся на его землях. Колумелла, заимствовавший от него этот принцип, рассуждает об этом предмете очень основательно. *De Re Rustica*, кн. 1, гл. 7, стр. 408, изд. Геснера, Лейпциг, 1735.

31) Валуа (*ad Ammian.*, XIV, 6) доказал ссылками на Златоуста и Августина, что сенаторам не дозволялось отдавать деньги в рост; однако из *Кодекса Феодосия* (см. Годефруа, *ад.* кн. 2, тит. 33, том 1, стр. 230-289) видно, что им дозволялось брать шесть процентов или поло-

вину легальных процентов, и — что еще более странно — это дозволение было дано *молодым* сенаторам.

32) Плин. Hist. Natur., XXXIII, 50. Он определяет количество серебра только в четыре тысячи триста восемьдесят фунтов, а Ливий увеличивает эту сумму (XXX, 45) до ста тысяч двадцати трех фунтов; первая цифра кажется слишком незначительной для богатого города, а вторая слишком большой для буфета частного человека.

33) Ученый Арбутно (*Таблицы старинных монет* и пр., стр. 153) заметил с юмором и, полагая, не без основания, что у Августа не было ни стекол в окнах, ни рубашки на спине. В Восточной империи употребление белья и стекла было не такою редкостью. (Во времена Августа римляне были знакомы с употреблением и белья и стекла; Страбон, который был его современником, говорит, что Колхида производила в изобилии лен (кн. II) и славилась полотнами, которые она ткала и отправляла в большом количестве в другие страны. То же самое говорит он (кн. 16) о Борсиппе, халдейском городе, находившемся на римской стороне Евфрата. В Египте полотно также издавна было в употреблении. Трудно предполагать, чтобы такие удобства не достигали до столицы мира. Гораций, говоря, что источник Бландузии прозрачнее стекла, "splendidior vitro", этим самым доказывает, что с этим предметом торговли были в ту пору хорошо знакомы в Риме. Плиний, родившийся вскоре после смерти Августа, говорит о стекле как о таком предмете, который находится в общем употреблении. Стекло заменило золото и серебро в чашах для питья (H.N. 36, 37), а лекарства вливались в "vitreas ampullas" (Ib. 20, 54). Когда Плиний говорит (Ib. 15, 18), что существовало обыкновение охранять фрукты от холодных ветров "specularibus", это выражение считается комментаторами за однозначное с "fenestris vitreis", а о Сидоне он говорит как о человеке, известном выделыванием стекла: "Sidon artifex vitri" (Ib. 5, 17). Если бы стекло было введено в Риме в употребление незадолго перед тем, то Плиний не преминул бы отметить этот факт. Есть более ранние доказательства, чем найденная в Помпее стеклянная посуда, которая, впрочем, может служить добавочным доказательством. — *Издат.*)

34) Я считаю долгом указать на те вольности, которые я себе дозволил при пользовании текстом Аммиана: 1. Я соединил в одну шестую главу четырнадцатой книги и четвертую двадцать восьмой книги. 2. Я внес связь и последовательность в беспорядочную массу материалов. 3. Я смягчил *некоторые* нелепые преувеличения и уничтожил расплывчатость подлинника. 4. Я развил некоторые замечания, которые были только слегка намечены. При этих оговорках мое изложение может считаться не буквальным, но верным и точным.

35) Клавдиан, по-видимому читавший историю Аммиана, говорит об этом важном перевороте менее лестным тоном:

Postquam jura ferox in se communia Caesar
Transtulit; et lapsi mores; desuetaque priscis
Artibus, in gremium pacis servile recessi.

De Bell. Gildonico, стр. 49.

36) Несмотря на самые тщательные исследования антиквариев, нет возможности объяснить происхождение этих странных имен. Я того мнения, что сам историк выдумал небывалые имена во избежание обвинений в личных намеках. Тем не менее вполне достоверно то,

что к своим именам римляне стали прибавлять по четыре, пять и семь пышных прозвищ, как, например: "Marcus Maecius Maemmius, Furlus, Balburius Caecilianus Placidus. См. Noris., Cenotaph. Pisan. Диссерт, 4, стр. 438.

37) Римские саргусе часто делались из массивного серебра с резьбой, а сбруя мулов или лошадей покрывалась золотыми украшениями. Это великолепие продолжалось с царствования Нерона до царствования Гонория, и Аппиева дорога была покрыта великолепными экипажами знати, выехавшей навстречу св. Мелании, когда эта последняя возвращалась в Рим за шесть лет до осады города готами (*Сенека*, epist. 87; Плин., Hist. Nat. XXXIII, 49; Paulin. Nolan. apud. Baron. Annal. Eccles. A.D. 397, N5). Но пышность не может заменять удобств, и употребляемые в наше время кареты на рессорах гораздо более удобны, чем древние серебряные или золотые повозки, которые были прямо поставлены на ось и большей частью не защищали от дурной погоды.

38) Валуа узнал из проповеди епископа Амасия Астерия (ad Ammian. XIV, 6), что была введена новая мода вышивать на платье изображения медведей, волков, львов, тигров, охотничьих занятий и пр. и что благочестивые щеголи заменяли эти изображения фигурами или легендами любимых святых.

39) См. "Послания" Плиния, 1, 6. Три огромных кабана были загнаны в сети и взяты живьем, но это не прервало философских занятий охотника.

40) Заменяя другим словом находящееся в тексте злое название *Аверна*, мы не делаем никакой существенной перемены. Два озера "Авернское и Лукринское" соединялись одно с другим; громадные молы Агриппы обратили их в Юлийский порт, сообщавшийся узким проходом с ПUTEОЛЬСКИМ заливом. Вергилий, живя там, описал (*Георгики* 2, 161) эти работы в то время, как они производились, а его комментаторы, в особенности Катру, заимствовали много дополнительных сведений от Страбона, Светония и Диона. Землетрясения и вулканические извержения изменили внешний вид страны и с 1538 г. превратили Лукринское озеро в Monte Nuovo. См. Камилла Пелегрино Discorsi della Campania Felice, стр. 239, 244 и сл. Campania Антония Санфелици, стр. 13, 88.

41) Это были "regna Cumana et Puteolana; loca caeteroqui valde exspectanda, Interpellantium autem multitudine poene fugienda". Цицерон ad Attic. 16, 17. (Кумы были одним из самых древних и самых замечательных городов Италии. Его начало было покрыто таким мраком, что иные, основываясь на сходстве названий, считают его за колонию Эолийской Кумы, другие утверждают, что он был основан за 1030 лет до Р.Х. выходцами из Халкиды с острова Эвбеи (Heeren's Manual, стр. 136), а третьи говорят, что он существовал за двести лет перед тем, как там впервые появились греки (*Лекции* Нибура, ч. 1, стр. 150). Название и положение Кум заставляют полагать, что они были в древности местопребыванием кельтов при слиянии вод, в том месте, где оба озера "Авернское и Лукринское" соединяются с заливом и образуют то, что Дион Кассий (кн. 48, стр. 386) называл "тройным морем". Впоследствии на этом месте образовалась знаменитая Мисенская гавань; вблизи от нее, в Байях, римские аристокра-

ты строили свои великолепные виллы. Подобно Лукринскому озеру, места, где были эти виллы, засыпаны землетрясениями и вулканическими извержениями. Серные испарения, выходившие из Авернского озера и придававшие ему страшный характер, наводили суеверный ужас на всю окрестность; баснословные сказания считали это место входом в ад. Невежественные финикийские и ионийские моряки преувеличивали эти ужасы и вследствие сходства названий и подробностей смешивали их сцену с эвксинским Киммерием. Вот почему Гомер полагал, что страна киммериев находится на берегах Италии, и нашел подражателя в Вергилии. — *Издат.*)

42) Вошедшее в поговорку выражение "киммерийский мрак" было первоначально заимствовано из Гомерова описания (в одиннадцатой книге "Одиссеи") отдаленной и баснословной страны, лежащей у берегов океана (см. *Adagia* Эразма в Полном собрании его сочинений, том II, стр. 593, Лейденское издание). (Выражение "киммерийский мрак" вовсе не относится к "баснословной стране", и значение его нельзя назвать неясным. Эта неясность происходила от тумана, напущенного ученостью, которая превращала выдумки поэтов в источники для изучения географии и придавала сказкам первобытного невежества значение исторических фактов. То место в "*Adagia*" Эразма, на которое здесь сделана ссылка, оставляет нас еще более прежнего в нерешительности. От таких ошибочных взглядов мы уже имели случай предостерегать (см. ч. 1, стр. 495). Здесь будет уместно обратить внимание на их происхождение. Как мало были знакомы древние греки с Эвксинским морем, видно из всего, что рассказывалось об аргонавтах, во времена которых устья Дуная считались за самую дальнюю оконечность океана *hupaton keras Okeanoio*. Впоследствии, когда смелые искатели приключений достигли пролива, соединяющего это море с Меотийским озером, они нашли там кельтские поселения, носившие название, которое происходило от слова "киммер", или слияние вод. (Эсхил, *Скован. Промет.*, 754-759, Каллим *ad Dian.* 254). Окружавшие эту местность леса, густые туманы и зимние снега внушили им ужас, и, возвратясь домой, они рассказывали своим соотечественникам невероятные вещи о киммерийцах, на которых никогда не светило солнце. Гомер смешал их — как видно из предыдущего примечания — с жителями Кум, а его примеру следовали и другие поэты и трагики. Историки и географы ставили тех и других в связь с киммериями Геродота, а затем и с кимврами северного Херсонеса. Философы, подражая Цицерону (*Acad. Quaest.* IV, 19), украшали свои страницы намеками на них. Иосиф производит всех их от упоминаемого в книге Бытия Иафетова сына Гомера; отцы церкви следовали его примеру, а новейшие писатели нашли это название сохранившимся до сих пор у Уэльских кимров. В этой цепи Страбон составляет главное звено; на его авторитет ссылаются и Эразм. Отвергая все мнения как ошибочные (кн. 7, стр. 449), он замечает их (кн. 1, стр. 9-31; кн. 3, стр. 200; кн. 5, стр. 351; кн. 7, стр. 450 и сл.) массой мнимых выводов из произведений поэтов и своими собственными туманными догадками, которые до такой степени несовместимы даже одна с другой, что его комментатор Казобон, сравнивая две из них, говорит: "*qui locus huic tam contrarius est quam aqua igni*". Плутарх сознается (*in Vit. Marii.*, гл. II), что все высказанное по

этому предмету не заслуживает доверия, а Плиний, говоря о северной Германии, о которой Страбон высказывает такие странные понятия, сознается, что не в состоянии высказать что-либо определенное (Hist. Nat., кн. 4, гл. 12, 13). Эту трудность можно разрешить только тем способом, который указан в вышеупомянутом примечании, то есть если мы установим различие между географическими и историческими киммериями и будем считать этих последних не за постоянное название какого-либо народа, а за временное обозначение племен, вступивших между собой в союз. Тогда "киммерийский мрак" будет не чем иным, как обратившимся в поговорку преувеличенным отзывом древних греков о пасмурной атмосфере, которую они нашли в том месте, где Меотийское озеро соединяется с Эвксинским морем. — *Издат.*)

43) Мы знаем от Сенеки (epist. 123) о трех интересных подробностях касательно путешествий римлян. 1. Им предшествовала кучка нумидийских всадников, которые возвещали о приближении великого человека, подымая облака пыли. 2. Мулы, на которых клали багаж, переносили не только их драгоценные сосуды, но даже хрупкую посуду из хрусталя и так называемой *murra*, которая обозначала, как это доказал ученый французский переводчик Сенеки (том III, стр. 402-422), китайский и японский фарфор. 3. Красивые лица молодых рабов покрывались мазью, которая предохраняла их от действия солнечных лучей и сильного холода.

44) *Distributio solemnum spoliatarum*. *Sportulae* или *sportellae* были маленькие корзинки, в которые клались горячие кушанья ценою на сто квадрантов или двенадцать с половиной пенсов; они расставлялись в первой комнате и из тщеславия раздавались голодной или раболепной толпе, ждавшей у дверей. Об этом неделикатном обыкновении очень часто упоминается в эпиграммах Марциала и в сатирах Ювенала. См. также Светония *In Claud*, гл. 21; *In Neron.*, гл. 16; *In Domitian.*, гл. 4-7. Эти корзины с провизией были впоследствии заменены большими золотыми и серебряными монетами или посудой, и все это взаимно давали и принимали даже лица самого высокого ранга (см. Симмах. *epist.* 4, 55; 9, 124, и *Miscell.*, стр. 256) в торжественных случаях, как-то: при вступлении в консульское звание, при бракосочетаниях и пр.

45) Недостаток специального английского названия принуждает меня употребить общее название *squirrels*, соответствующее латинскому *glis* и французскому *loir*; так называется маленькое животное, живущее в лесах и остающееся неподвижным в холодную погоду. (См. Плин. *Hist. Natur.* VIII, 82. Бюффон, *Hist. Naturelle*, том VIII, стр. 158. Pennant, *Synopsis of Quadrupeds*, стр. 289). Искусством выводить и откармливать этих животных много занимались в римских виллах, так как это составляло доходную хозяйственную статью (Варрон, *de Re Rustica*, III, 15). Чрезмерный на них спрос для роскошных обедов еще увеличился вследствие нелепого запрещения со стороны цензоров; они, как рассказывают, до сих пор ценятся в Риме и часто рассылаются в подарок принцами Колонна. См. Brotier последнего издателя сочинений Плиния, том II, стр. 458, *apud Barbou*, 1779. (Латинские *glis* и французские *loir* вообще считаются за то маленькое животное, которому мы дали название *dolmouse* (соня, или мелкий гры-

зун). Шрейтер, в своем переводе, переводит его словом *mugmelthier*, соответствующим нашему *marmot* (сурок). Плиний (VIII, 82) и вместе с ним все древние писатели упоминают о зимней спячке, характеризующей этих животных. В других отношениях Плиний относит их к породе крыс (XVI, 7) и мышей и говорит, что главной для них пищей служат желуди, — а это подкрепляет мнение, что это были грызуны. Закон против роскоши, запрещавший римлянам откармливать этих маленьких животных, живших на их собственных полях, приписывается Плинием М.Скавру, консулу и члену сената, A.V.C. 639. Он был или отменен, или оставлен без исполнения перед падением республики. В царствование Августа Апулей давал наставления, как откармливать сонливых белок (кн. 8, гл. 9), а Петроний Арбитр, живший во времена Нерона, сообщил нам, что их ели с медом и маковыми семечками, "*melle et papavere sparsos*" (Cat., стр. 101). Странно то, что Гораций ни разу не упомянул о сонливых белках ни в своих сатирах, ни тогда, когда перечислял все, что составляло в его время роскошь. — *Издат.*)

46) Эта игра, которую можно назвать более понятным для нас именем *триктрака* или *backgammon*'а, была любимым развлечением самых серьезных римлян, а престарелый юрист Муций Сцевола имел репутацию очень искусного игрока. Она называлась *ludus duodecim scriptorum*, потому что двенадцать *scripta*, или линейек, разделяли на равные части *alveolus*, или стол. На этих линейках расставляли две армии; одна из них была белая, а другая черная, и каждая состояла из пятнадцати солдат, или *calculi*, которые поочередно передвигались согласно с правилами игры с теми же шансами удачи, какие представляет игра в кости. Докт. Гайд, тщательно проследивший историю и изменения *nerdiludim*'а (это название персидского происхождения) от Ирландии до Японии, изливает на этот ничтожный сюжет обильные потоки классической и восточной учености. См. *Syntagma Dissertat.*, том II, стр. 217-405.

47) *Marius Maximus homo omnium verbosissimus, qui et mythistoricis se voluminibus implicavit.* Вониск *In Hist. August.*, стр. 242. Он написал биографии императоров от Траяна до Александра Севера. См. *Gerard Vossius, de Historicis Latine.* кн. 2, гл. 3 в Полн. собр. соч., ч. IV, стр. 47.

48) В этой сатире, вероятно, есть преувеличения. *Saturnalia* Макробия и послания Иеронима доставляют нам достаточно доказательств того, что христианская теология и классическая литература тщательно изучались многими римлянами обоого пола и самого знатного происхождения. Трудно поверить, чтобы Иероним поощрял изучение такой литературы, которую он сам отвергал, считая ее нечестивой и несовместимой с уважением к христианским храмам. В то время господствовало полное пренебрежение к образованию. Даже те епископы, которые жили очень скромно и употребляли остатки от своих доходов на общественную пользу, *не заводили школ*. Неандер (*Ист. Христ.*, ч.3, стр. 195) перечислил их благотворительные учреждения; между ними мы находим богадельни и госпитали, гостиницы для приезжих иностранцев, лазареты для людей престарелых и больных, приюты для сирот, портики, мосты, каналы, водопроводы и бани, но не находим *ни одного воспитательного заведения*.

Правда, существовали семинарии для образования духовенства в Антиохии, Александрии, Афинах, Константинополе, Кесарии и других местах. Система, по которой там учили студентов, объяснена тем же писателем (стр. 211). — *Издат.*

49) Живший в дружбе с этой римской знатью, Макробий считал звезды за причины или, по меньшей мере, за предзнаменования будущих событий (*De Somn. Scipion.*, кн. 1, гл. 19, стр. 68).

50) В рассказах Ливия (см. в особенности VI, 36) есть множество подробностей о вымогательствах богачей и о страданиях бедных должников. Печальная история одного честного старого солдата (Дионис, Галик., кн. 6, гл. 26, стр. 347, изд. Гудсона, и Тит Лив., II, 23) должна была часто повторяться в те первобытные времена, которые вызывали столько незаслуженных похвал.

51) *Non esse in civitate duo millia hominum qui rem haberent.* Цицер. *Offic.* II, 21 u *Comment. Paul. Manut. in edit. Graev.* Народный трибун Филипп сделал это неясное вычисление в одной из своих речей. *A.V.C.* 649; он, подобно Гракхам (см. Плутарха), искал случая выражать свою скорбь о нуждах простонародья и, может быть, преувеличивал их.

52) См. третью *сатиру* (60-125) Ювенала, который с негодованием жалуется:

...Quamvis quota portio faecis Achaei!
Jampridem Syrus in Tiberim defluxit Orontes
Et linguam et mores etc.

Сенека, стараясь утешить свою мать (*Consolat. ad Helv.* Гл. 6) размышлением, что большая часть человеческого рода находится в положении изгнанников, напоминает ей, что очень немногие из жителей Рима родились в этом городе.

53) Почти все, что здесь сказано о хлебе, соленой свинине, растительном масле, вине и пр., находится в четырнадцатой книге *Кодекса* Феодосия, трактующей исключительно о полиции больших городов. См. в особенности титулы 3, 4, 15, 16, 17, 24. Побочные свидетельства приведены в *Комментарии* Годефруа, но цитировать их нет надобности. Согласно с тем законом Феодосия, который оценивает на деньги выдававшиеся солдатам рационы, одна золотая монета (одиннадцать шиллингов) равнялась ценою с восьмьюдесятью фунтами соленой свинины, с восьмьюдесятью фунтами растительного масла и с двенадцатью *modii* (или мерами) соли (*Код. Феод.*, кн. 8, тит. 4, зак. 17). Если мы сравним эту оценку с оценкой семидесяти фунтов соленой свинины в одну *amphora* (*Код. Феод.*, кн. 14, тит. 4, зак. 4), то цена вина определяется почти в шестнадцать пенсов за галлон.

54) Анонимный автор "Описания Мира" (стр. 14 в III томе *Geograph. Minor.* Гудсона) замечает о Лукании на своем варварском латинском языке: "*Regio optima, et ipsa omnibus habundans, et lardum multum foras emittit. Propter quod est in montibus, cujus aescam animalium variam etc.*" (Нибур (*Лекции*, ч. 2, стр. 264) ссылается на *Кодекс* Феодосия в доказательство того, что "почти вся Лукания, во времена Гонория, находилась под пастбищами, на которых землевладельцы, частью римляне и частью сицилийцы, содержали огромные табуны лошадей и стада рогатого скота". Она всегда славилась своим плодородием. Гораций относит "*Calabris saltibus adjecti Lucani*" (*Epist.* кн. 2,2

— 178) к числу таких людей, которым должно быть тяжелее всех расставаться с жизнью. Страбон (кн. 6) и Плиний (XXIV, 8) хвалят ее виноградники, а розы Песта, которые цвели два раза в году, служили темой для Вергилия (*Георг.* IV, 119) и для Овидия (*Метам.* 15, 708) — *Издат.*

55) См. Novell. ad calcem *Cod.* Theod. D. Valent., кн. 1, тит. 15. Этот закон был издан в Риме 29 июня, A.D. 452.

56) Свет. In August., гл. 42. В случаях крайней невоздержности сам император никогда не выпивал более sextarius'a (или английской пинты) своего любимого рецийского вина. Id. Гл. 77. Торренций ad loc. и "Таблицы" Арбутно, стр. 86. (Друзья Августа не подражали его воздержности. Гораций (Carm. 3,8) приглашал своего патрона на веселые попойки

Sume, Maecenas, cyathos amici
Sospitis centum, et vigiles lucernas
Perfer in lucem. — *Издат.*)

57) Он намеревался развести виноградники вдоль морского побережья Этрурии (Вописк, In Hist. August., стр. 225) — на бесплодных, нездоровых и невозделанных Maremme теперешней Тосканы.

58) Олимпиодор apud Phot., стр. 197.

59) Сенека (epistol. 86) сравнивал бани Сципиона Африканского, построенные в его вилле подле Литерна, с великолепием (постоянно увеличивавшимся) публичных бань Рима задолго до того, как были построены обширные Thermae Антонина и Диоклетиана. Платившиеся за вход quadrans составляли четверть асса, то есть около восьмой доли английского пенни.

60) Аммиан (кн. 14, гл. 6 и кн. 28, гл. 4), описав роскошь и высокомерие римской знати, говорит с таким же негодованием о пороках и безрассудствах простонародья.

61) Ювенал, *Сатир.* XI, 191 и сл. Выражения историка Аммиана не менее энергичны и одушевлены, чем выражения сатирика; они оба рисовали с натуры. Указания на число зрителей, помещавшихся в большом цирке, взяты из городских Notitiae. Встречаемые в них разногласия доказывают, что они не переписывались одна с другой; но общая цифра может казаться неправдоподобной, хотя в эти дни толпами стекались в город деревенские жители.

62) Впрочем, иногда они писали и оригинальные сочинения

...Vestigia Graeca

Ausi deserere et celebrare domestica facta.

Гораций, Epistol. ad Plones, 287 и ученое, хотя и сбивчивое, примечание Дасье, который готов бы был дать название трагедии "Бруту" и "Децию" Пакувия или "Катону" Матерна. Приписываемая одному из Сенек "Октавия" сохранилась до сих пор, но не дает благоприятного понятия о римской трагедии.

63) Во времена Квинтилиана и Плиния трагический поэт был поставлен в необходимость нанимать большую залу, чтобы прочесть свое произведение перед нарочно приглашенными им слушателями (см. Dialog. de Oratoribus, гл. 9-11, и Плиний, Epistol. VII, 17).

64) См. диалог Лукиана, носящий заглавие de Saltatione, том II, стр. 265-317, изд. Рейтца. Пантомимам давали почетное название keltrosophoi; требовалось, чтобы в них видно было знакомство почти со всеми искусствами и науками. Burette (в Memoires de l'Academie

des Inscriptions, том 1, стр. 127 и сл.) написал коротенькую историю пантомимного искусства.

65) Аммиан, кн. 14, гл. 6. Он с негодованием скорбит о том, что улицы Рима наполнены толпами женщин, которые могли бы давать государству детей, но занимаются только тем, что расчесывают и завивают свои волосы и "jactari volubilibus gyris, dum exprimunt innumera simulacra, quae finxere fabulae theatrales."

66) Липсий (том III, стр. 423, de Magn. Romana, кн. 3, гл. 3) и Исаак Воссий (Observat. Var., стр. 26-34) увлекались странными мечтами, будто число жителей Рима доходит до четырех, до восьми и даже до четырнадцати миллионов. Юм (Essays, ч. 1. стр. 450-457) обнаруживает, с удивительным здравым смыслом и скептицизмом, тайное желание уменьшать цифры населения древних времен.

67) Олимпиодор ap. Phot., стр. 197. См. Фабриция, Bibl. Graec., том IX, стр. 400.

68) In ea autem majestate urbis, et civium infinita frequentia innumerabiles habitationes opus fuit explicare. Ergo cum recipere non posset area plana tantam multitudinem in urbe ad auxillum altitudinis aedificiorum res ipsa coëgit devenire. Витрув. II, 8. Это место, которым я обязан Воссию, ясно, выразительно и многозначительно.

69) Свидетельства Плиния, Аристиды, Клавдиана, Рутилия и других доказывают, что эти эдикты не были в состоянии уничтожить зла. См. Липсия de Magnitud. Romana, кн. 3, гл. 4.

... Tabulata tibi jam tertia fumant;

Tu nescis; nam si gradibus trepidatur ab imis

Ultimus ardebit, quem tegula sola tuetur

A pluvia.

Ювенал, *Сатир.* 3, 199.

70) См. всю третью сатиру, но в особенности стр. 166, 223 и сл. Описание скученности населения в *Insula*, или в доме с множеством квартир мы находим у Петрония (гл. 95-97); оно вполне согласно с тем, что нам известно из жалоб Ювенала; а из неоспоримого свидетельства Гейнеция (*Hist. Furlis Roman.*, гл. 4, стр. 181) нам известно, что обыкновенная плата за *coenacula*, или комнаты в *Insula* ежегодно доставляла доход в сорок тысяч сестерций, то есть от трехсот до четырехсот фунтов стерлингов (*Пандект.* кн. 19, тит. 2 N30); эта сумма доказывает, как были велики эти общие жилища и как были дороги в них помещения.

71) Эта цифра состоит из тысячи семисот восьмидесяти *domus*, или больших домов, и из сорока шести тысяч шестисот двух *Insulae*, или плебейских жилищ (см. Нардини, *Roma Antica*, кн. 3, стр. 88); а достоверность этих чисел основывается на том, что они повторяются однообразно в различных *notitiae*. Нардини, кн. 8, стр. 498, 500.

72) См. сочинение остроумного Мессанс *Recherches sur la Population*, стр. 175-187. На основании сведений, или достоверных, или правдоподобных, он определяет число домов в Париже в 23 565, число семейств в 71 114, а число жителей в 576 630.

73) Этот расчет немногим отличается от расчета последнего издателя сочинений Тацита Бротье (том 2, стр. 380), который основывал свои выводы на таких же соображениях, хотя, по-видимому, претендовал на такую точность, которая и невозможна и не имеет большой важности.

74) Касательно подробностей первой осады Рима, которую нередко смешивают со второй и с третьей, см. произведения Зосима, кн. 5, стр. 350-354; Созомена, кн. 9, гл. 6; Олимпиодора, ар. Phot., стр. 180; Филосторгия, кн. 12, гл. 3, и *Диссерт.* Годефрау, стр. 467-475.

75) Мать Леты называлась Писсаменой. Ничего не известно ни о ее отце, ни о ее семействе, ни о том, откуда была она родом. Дюканж, *Fam. Byzantin.*, стр. 59, (См. также Зосима, V, 39. 7 и Созомена, VII, 13. — *Издат.*)

76) Ad nefandos cibos erupit esurientium rabies, et sua invicem membra laniant, dum mater non parcat lactenti infantiae; et recipit utero, quem paullo ante effuderat. Иероним *ad Principiam*, том 1, стр. 121. Такие же отвратительные подробности рассказываются об осадах Иерусалима и Парижа. Касательно этой последней сравн. десятую книгу "Генриады" с "Журналом" Генриха IV, том 1, стр. 47-83; при этом следует заметить, что безыскусное изложение фактов более трогательно, чем самые изысканные описания эпического поэта.

77) Зосим (кн. 5, стр. 353, 356) говорит об этих церемониях как грек, незнакомый с национальными суевериями Рима и Тосканы. Я подозреваю, что они распадались на две части — на тайную и публичную — и что первая, вероятно, была подражанием тех заклинаний, с помощью которых Нума низвел Юпитера и его грома на гору Авентин.

...Quid agant laqueis, quae carmina dicant,
Quaque trahant superis sedibus arte Lovem
Scire nefas homini.

От этого таинственного события вели свое начало ancilia или Марсовы щиты и pignora Imperii, которые фигурировали в торжественной процессии в мартовские календы (Овид. *Fast.* 3 259-398). Вероятно, существовало намерение восстановить это древнее празднество, уничтоженное Феодосием. По этому случаю мы находим хронологическое указание (1 марта A.D. 409), на которое до сих пор не обращали внимания.

78) Созомен (кн. 9, гл. 6) намекает на то, что эта попытка была действительно сделана, хотя и осталась безуспешной; но он ничего не говорит об Иннокентии, а Тильмон (*Mem. Eccles.*, том X, стр. 645) не хочет верить, чтобы папа мог провиниться в такой нечестивой уступчивости.

79) Перец был у римлян самой любимой приправой в самых изысканных кушаньях; самый высший его сорт обыкновенно продавался по пятнадцати динариев, то есть по десяти шиллингов за фунт. См. Плиния *Hist. Natur.*, XII, 14. Его привозили из Индии, и Малабарский берег, откуда его доставали, до сих пор изобилует этим продуктом; но улучшения, происшедшие с тех пор в торговле и в мореплавании, увеличили его количество и понизили его цену. См. *Histoire Politique et Philosophique etc.*, том I, стр. 457.

80) Иордан и Исидор называют этого готского вождя Athaulphus; Зосим и Орозий называют его Ataulphus, а Олимпиодор — Adaoulphus. Я употребляю знаменитое имя Атаульфа, основываясь на примере шведов — сыновей или братьев древних готов. (Atta было у готов древнейшей формой для слова *отец*. Ульфила, в своем переводе Библии, переводит "Отче Наш" словами Atta Unsar. Сначала оно обозначало главу семейства, потом начальника племени и послужило корнем для теперешнего германского выражения Adel, дворянст-

во. Оно нередко вносилось в состав собственных имен как напр. Athanaric, Athalinga, Attaulph, и пр. Точно такое же отношение имеет слово Hjolf к новейшему германскому слову Hülfe, помощь. Поэтому название Attahjolfas обозначало вождя — помощника. Оно перешло в употребительное у нас имя Атаульфа. — *Издат.*)

81) Сведения о договоре, заключенном между Аларихом и римлянами и пр., заимствованы от Зосима, кн. 5, стр. 354, 355, 358, 359, 362, 363. Остальные подробности так немногочисленны и так не важны, что не нуждаются в указании источников.

82) Зосим, кн. 5, стр. 367-369.

83) Зосим, кн. 5, стр. 360-362. Благодаря тому, что епископ остался в Равенне, он избежал опасностей, которые угрожали Риму. Орозий, кн. 7, гл. 39, стр. 573.

84) Касательно приключений Олимпия и тех министров, которые его заменили, можно найти сведения у Зосима, кн. 5, стр. 363, 365, 366, и Олимпиодора ар. Phot., стр. 180, 181.

85) Зосим (кн. 5, стр. 364) рассказывает эти подробности с явным удовольствием и превозносит характер Геннерида как последнего блестящего представителя издыхавшего язычества. Карфагеняне были иного мнения, когда отправили к равеннскому двору четырех епископов с жалобами на только что изданный новый закон, который требовал, чтобы всякое обращение в христианство совершалось свободно и добровольно. См. Барония, Annal. Eccles. A.D. 409 N12; A.D. 410 N47, 48.

86) Зосим, кн. 5, стр. 367-369. Этот обычай клясться головой, жизнью, безопасностью или гением императора был самого древнего происхождения и в Египте (*Книга Бытия*, XLII, 15) и в Скифии; лесть скоро ввела его в употребление при управлении Цезарей, и Тертуллиан сожалеет, что в его время это был единственный род клятвы, которому римляне выказывали уважение. См. изящную *Диссертацию* аббата Massieu "О Клятвах у Древних" в Mem. de l'Academie des Inscriptions, том I, стр. 208, 209.

87) Зосим, кн. 5, стр. 368, 369. Я смягчил выражения Алариха, который распространяется о прежних временах Рима с неумеренной цветистостью языка.

88) См. Светон. in Claud., гл. 20. Дион Кассий, кн. 60, стр. 949, изд. Реймара и оживленное описание Ювенала, *Сатир.* 12, 75 и пр. В шестнадцатом столетии, когда остатки Августовой пристани еще были видимы, антиквариис сняли с нее план (см. Анвилль, Mem. de l'Academie des Inscriptions, том XXX, стр. 198) и с восторгом объявили, что все европейские монархи не могли бы соединенными силами создать такое великое произведение (Бержье, Hist. des grands Chemins des Romains, том II, стр. 356).

89) Ostia Tyberina (см. Ключ. Italia Antiq., кн.3, стр.870-879), обозначавшая во множественном числе оба устья Тибра, разделялась *Священным островом*, составлявшим равносторонний треугольник, каждая сторона которого имела в длину около двух миль. Колония Остия была основана непосредственно позади левого, или южного рукава реки, а *порт* непосредственно позади правого, или северного рукава, а расстояние между их остатками немного превышает две мили по плану Цинголани. Во времена Страбона песок и ил, которые

наносились Тибром, засорили гавань Остию; по той же самой причине с течением времени *Священный остров* много увеличился в своем объеме, и как Остия, так и порт очутились в значительном расстоянии от берега. Высохшие речки (*fiumi morti*) и обширные болота (*Stagno di Ponente, di Levante*) свидетельствуют об изменениях, происшедших в реке, и об усилиях моря. Касательно теперешнего положения этой угрюмой и пустынной местности см. превосходную карту Церковной области, составленную математиками Бенедикта XIV, описание — которое составил на шести листах Цинголани — так называемого *Agro Romano*, заключающего в себе сто тринадцать тысяч восемьсот девятнадцать *rubbia* (около пятисот семидесяти тысяч акров), и обширную топографическую карту Амети на восьми листах. (Местность у устьев Тибра называлась в древности *Silva Moesia* и принадлежала жителям Веий. Анк Марций отнял ее у них и построил там город Остий (Лив. кн. 1, гл.33). В помощь возникавшему городу он тотчас устроил там солеварни. Из этого можно заключить, что он желал распространить римские владения до моря, так как его подданные не могли вести заграничной торговли по неимению в своем распоряжении гавани. Во времена Юлия Цезаря оба входа в Тибр были до такой степени засыпаны, что в числе прерванных его смертью предприятий находился проект открытия нового выхода в море подле Террачины и прорытия оттуда канала через Понтийские болота до соединения с рекой. Вместо исполнения этого плана Траян высушил болота и создал новую гавань в Центумцеллах, из которых возник теперешний город Чивита-Веккия. Из открытых там горячих источников он устроил ванны и построил там для самого себя виллу. — *Издат.*)

90) Еще в третьем (Ларднер, *Gredibility of the Gospel*, ч.2, том III, стр.89-92) или, по меньшей мере, в четвертом столетии (*Carol. a Sancto Paulo, Notit. Eccles.*, стр.47) римский порт был епископской резиденцией, которая была разрушена, как кажется, в девятом столетии папой Григорием IV во время вторжения арабов. Теперь там ничего нет, кроме гостиницы, церкви и дворца, принадлежащего одному из тех епископов, которые принадлежат к числу шести кардиналов римской церкви. См. *Eschinard, Descrizione di Roma et dell'Agro Romano*, стр.328.

91) Касательно возвышения Аттала см. Зосима, кн.6, стр. 377-380; Созомена, кн.9, гл. 8, 9; Олимпиодора, *ар. Phot.*, стр.180, 181; Филосторг. кн.12, гл.3, и *Диссертация* Годефруа, стр.470.

92) Мы можем сослаться на свидетельство Созомена в том, что касается крещения Аттала арианским епископом, и на свидетельство Филосторгия в том, что касается языческого воспитания нового императора. Радость, которую обнаруживает Зосим, и неудовольствие, которое он приписывает Анициевой фамилии, не говорят в пользу христианских верований Аттала.

93) Он дошел в своей дерзости до того, что выразил намерение изувечить Гонория перед отправлением его в ссылку. Но это утверждение Зосима опровергается более беспристрастным свидетельством Олимпиодора, который приписывает это неблагородное намерение (решительно отвергнутое Атталом) низости и, может быть, вероломству Иовия.

94) Прокоп. de Bell. Vandal. кн.1, гл.2.

95) О причинах и подробностях низложения Атталы можно найти сведения у Зосима, кн.6, стр.380-383, у Созомена, кн.9, гл.8, у Филосторгия, кн.12, гл.3. Две амнистии (*Кодекс* Феодосия, кн.9, тит.38, зак.11, 12), которые были обнародованы 12 февраля и 8 августа 410 г., очевидно, относятся к этому узурпатору.

96) In hoc, Alaricus, imperatore facto, infecto, refecto, ac defecto... Mimum risit, et ludum spectavit Imperii. Орозий, кн.7, гл.42, стр.582.

97) Зосим, кн.6, стр.384. Созомен, кн.9, гл.9. Филосторгий, кн.12, гл.3. В этом месте подлинный текст Зосима извращен, а до нас не дошла остальная часть его шестой и последней книги, оканчивающейся разграблением Рима. Хотя этот историк и легкомыслен и пристрастен, мы все-таки расстаемся с ним не без сожаления.

98) Adest Alaricus, trepidam Romam obsidet, turbat, irrumpit. Орозий, кн.7, гл.39, стр.573. Он говорит об этом важном событии в семи словах, но на целых страницах восхваляет благочестие готов. Из неправдоподобного рассказа Прокопия я извлек те подробности, которые сколько-нибудь похожи на правду. Прокоп. de Bello Vandal., кн.1, гл. 2. Он полагает, что город был застигнут врасплох в то время, как сенаторы покоились послеобеденным сном, но Иероним с большим авторитетом и с большим основанием утверждает, что это случилось ночью: "nocte Moab capta est; nocte cecidit murus ejus" (том 1, стр.121, ad Principiam).

99) Орозий (кн.7, гл.39, стр. 573-576) хвалит исповедовавших христианство готов за их благочестие, по-видимому, упуская из виду тот факт, что они были большей частью арианские еретики. Иордан (гл.30, стр.653) и Исидор Севильский (*Chron.*, стр.714, изд. Грот.), принадлежавшие к готской партии, повторяли и разукрашивали эти назидательные рассказы. По словам Исидора, некоторые слышали, как сам Аларих говорил, что он вел войну против римлян, а не против Апостолов: такова была манера выражаться в седьмом столетии; а за двести лет перед тем и честь и заслуга приписывались бы не апостолам, а Христу.

100) См. Августина de Civitat. Dei, кн.1, гл. 1-6. Он в особенности указывает на примеры Трои, Сиракуз и Тарента.

101) Иероним (том 1, стр.121, ad Principiam) применяет к разграблению Рима энергические слова Вергилия: Quis cladem illius noctis, quis funera fando, Explicet, etc. Прокопий (кн.1, гл.2) положительно утверждает, что множество жителей было умерщвлено готами. Августин (de Civ. Dei, кн.1, гл. 12, 13) по-христиански утешает в смерти тех (multa corpora), чьи тела оставались (in tanta strage) непогребенными. Бароний извлек из различных сочинений отцов церкви сведения, которые бросают некоторый свет на разграбление Рима, Annal. Eccles. A.D. 410, N 16-44.

102) Созомен, кн.9, гл.10. Августин (de Civitat. Dei, кн.1, гл.17) утверждает, что некоторые девушки и знатные дамы лишили себя жизни для того, чтобы избежать насилия, и хотя он удивляется их мужеству, его богословские мнения заставляют его осуждать их за опрометчивую решимость. Может быть, добрый епископ Гиппонский слишком легко верил тем актам женского героизма, которые он осуждал с чрезмерной строгостью. Двадцать девушек (если действи-

тельно они существовали), бросившихся в Эльбу в то время, как Магдебург был взят приступом, разрослись до тысячи двухсот. См. *Историю Густава Атаульфа* Гарта, ч.1, стр.308.

103) См. Аврустина de Civitat. Dei, кн.1, гл. 16-18. Он обсуждает этот предмет с замечательной аккуратностью, и, допустив, что нет никакого преступления там, где нет на него согласия, он присовокупляет: "Sed, quia non solum quod ad dolorem, verum etiam quod ad libidinem, pertinet, in corpore alieno perpetrari potest; quicquid tale factum fuerit, etsi retentam constantissimo animo pudicitiam non excutit, pudorem tamen incutit, ne credatur factum cum mentis etiam voluntate, quod fieri fortasse sine carnis aliqua voluptate non potuit". В гл.18 он устанавливает некоторые интересные различия между девственностью нравственной и физической.

104) Одну римскую даму, по имени Марцелла, внушавшую уважение и своей знатностью, и своими преклонными летами, и своим благочестием, повалили на землю и жестоко били плетью, "caesam fustibus flagellisque, etc." Иероним, том 1, стр. 121 ad Principiam. См. Аврустина de Civ. Dei, кн.1, гл.10. Sacco di Roma, стр.208, дает понятие о различных способах мучить пленных ради добывания от них золота.

105) Историк Саллюстий, с выгодой для себя придерживавшийся в жизни тех самых пороков, которые он так красноречиво порицал, употребил собранную в Нумидии добычу на украшение своего дворца и своих садов на Квиринальском холму. Место, где стоял его дом, теперь занято церковью св. Сусанны, отделяющейся от бань Диоклетиана только одной улицей и находящейся в небольшом расстоянии от Саларийских ворот. См. Roma Antica Нардини, стр.192, 193 и большой план теперешнего Рима, составленный Нолли.

106) Выражения Прокопия ясны и умеренны (De Bell. Vandal., кн.1, гл.2). Хроника Марцеллина выражается слишком резко: "partem urbis Romae cremavit"; а слова Филосторгия (en erethipiois de tes poleos kelmenes кн.12, гл.13) дают неверное и преувеличенное понятие. Баргей написал особую диссертацию (см. том IV, Antiquit. Rom. Graev.) с целью доказать, что римские здания не пострадали от готов и вандалов.

107) Орозий, кн.2, гл.19, стр.143. Его манера выражаться дает повод думать, что он осуждал какие бы то ни было статуи: vel Deum vel hominem mentiuntur. Они изображали царей Альбы и Рима, начиная с Энея, римлян, отличавшихся в военном деле или в искусствах, и обоготворенных Цезарей. Употребляемое им выражение Forum несколько двусмысленно, так как существовали **пять** главных Fora; но так как все они находились вблизи один от другого на равнине, которая окружена холмами Капитолийским, Квиринальским, Эсквилинским и Палатинским, то они могли считаться все вместе за **один** форум. См. Roma Antiqua Доната, стр.162-201, и Roma Antica Нардини, стр. 212-273. Первое из этих сочинений более полезно по описанию древностей, а второе по новейшим топографическим сведениям.

108) Орозий (кн.2, гл.19, стр.142) сравнивает жестокосердие галлов с милосердием готов: Ibi vix quemquam inventum senatorum, qui vel absens evaserit; hic vix quemquam requiri, qui forte ut latens perierit. Но эта антитеза отзывается напыщенностью и даже фальшью, а Сократ (кн.7, гл.10), быть может впадающий в противоположное преуве-

личение, утверждает, что **МНОГИЕ** из сенаторов были лишены жизни после разнообразных и изысканных пыток.

109) Multi...Christiani in captivitate ducti sunt; Августин, de Civ. Dei, кн.1, гл.14; христиане не пострадали более других.

110) См. Гейнеция Antiquitat. Juris Roman., том 1, стр.96.

111) Приложение к **Код.** Феодосия 16, в Опера Сирмонда, том I, стр.735. Этот эдикт был обнародован 11 декабря A.D. 408 и более благоразумен, чем можно бы было ожидать от министров Гонория.

112) Eminus Igilii sylvosa cacumina miror;
 Quem fraudare nefas laudis honore suae.
 Haec proprios nuper tutata est insula saltus;
 Sive loci ingenio, seu Domini genio.
 Gurgite cum modico victricibus obstitit armis
 Tanquam longinquo dissociata mari.
 Haec multos lacera suscepit ab urbe fugatos,
 Hic fessis posito certa timore salus.
 Plurima terreno populaverat aequora bello,
 Contra naturam classe timendus eques:
 Unum, mira fides, vario discrimine portum?
 Tam prope Romanis, tam procul esse Getis.

Рутилий, in Itinerar., кн.1, 325.

Этот остров носит теперь название Джиило. См. Ключ. Ital. Antiq. кн.2, стр.502. (Об этом острове редко упоминают древние писатели. О нем мимоходом упоминают Цезарь (De Bell. Civ., кн.34) и Плиний (III, 12) под именем Эгилия; Плиний относит его к разряду островов, находящихся вблизи от западных берегов Италии. В "Лексиконе" Зедлера его окружность определена в три германских мили (или в пятнадцать английских); а Мальте-Брэн (Geog., ч.VII, стр.606) говорит, что он известен своими гранитными и мраморными каменоломнями, что его холмы все еще покрыты лесами и что на нем много виноградников. — *Издат.*)

113) Так как приключения Пробы и ее семейства находятся в связи с жизнью св. Августина, то Тильемон (Mem. Eccles., том XIII, стр. 620-635) тщательно изучил их. Через несколько времени после прибытия этих дам в Африку Деметрия поступила в монастырь и принесла обет девственности; это событие считалось чрезвычайно важным и для Рима и для всего мира. Все **святые** писали ей поздравительные письма; письмо Иеронима дошло до нас (том I, стр. 62-73, ad Demetriada de servanda Virginitate); оно содержит в себе смесь нелепых рассуждений, горячей декламации и интересных фактов, из которых некоторые относятся к осаде и к разграблению Рима.

114) См. трогательные жалобы Иеронима (том V, стр. 400) в его предисловии ко второй книге его **Комментариев** на произведения пророка Езекиила.

115) Орозий — хотя и не без примеси богословского пристрастия — делает это сравнение, кн.2, гл.19, стр.142; кн.7, гл.39, стр.575. Но в истории взятия Рима галлами все подлежит сомнению и даже похоже на басни. См. Бофора sur l'incertitude etc. de l'Histoire Romaine, стр.356 и Milot в Mem. de l'Academie des Inscript. том XV, стр. 1-21. (Здесь Гиббон очень остроумно прибегает к двум сопоставлениям, которые помогают нам правильно судить о древних готах и о размере вреда, причиненного ими в качестве победителей. Гораздо более разрушительные опустошения, которые были причинены галлами,

овладевшими Римом за восемьсот лет перед тем, рассказаны в "Лекциях" Нибура (ч.1, стр. 374), в которых изложены самые последние и самые зрело обдуманые выводы этого знаменитого историка. Там мы находим печальную картину варварского ведения войны или, скорее, варварских опустошений, которые внушают нам более благоприятное мнение о приверженцах Алариха. Тем не менее и из того крайнего упадка Рим восстал, и за этим упадком последовали не десять веков мрака, а целые века света и славы. — *Издат.*)

116) Читатель, который пожелал бы ознакомиться с подробностями этого важного события, может обратиться к превосходному рассказу о нем в "Истории Карла V" Робертсона, ч.2, стр. 238 или же к Annali d'Italia ученого Муратори, том XIV, стр. 230-244, изд. in 8-vo. Если он пожелал бы познакомиться с подлинными источниками, он мог бы обратиться к восемнадцатой книге обширной, но недоконченной истории Гвиччардини. Но самый подлинный и достоверный рассказ можно найти в небольшой книжке, носящей заглавие Il Sacco di Roma и написанной менее чем через месяц после взятия города *братом* историка Гвиччардини, по-видимому соединявшим в своем лице дарования и должностного лица и беспристрастного писателя.

117) Свирепость Лютера, которая была последствием и его темперамента и его энтузиазма, вызвала сильные нападки (Боссюэ Hist. des Variations des Eglises Protestantes, кн.1, стр. 20-36) и слабую защиту (Секкендорф, Comment. de Lutherlanismo, в особенности кн.1, N 78, стр.120 и кн.3, N 122, стр. 556). (В ссылке Гиббона на это событие есть два пункта, требующие некоторого разъяснения. Пора перестать смотреть на готов как на врагов цивилизованной жизни и как на разрушителей тех памятников, которые были ее украшением. Они были грабители, уносившие с собой все, что было ценно. Но они не портили и не уничтожали того, чего не имели выгоды уносить с собой. Они не дотронулись даже до той Гонориевой арки, которая была воздвигнута в воспоминание об их поражении и об их мнимом порабощении. Один этот факт перевешивает целые тома преувеличенных рассказов и напыщенных жалоб. На самом деле готы в такой мере пощадили Рим, в какой его не щадил ни один из врагов, когда-либо господствовавших внутри его стен. Шмидт (Geschichte der Deutschen, 1, стр.263) говорит, что они вообще вели себя очень воздержно, что неистовства, в которых их обвиняют, были нелепыми выдумками тех беглецов, которые покинули Рим до прибытия неприятеля, что эти беглецы распространили смятение по Африке и Азии, рассказывали ужасы о том, чего сами не видели, и таким образом создали те материалы, которыми воспользовались историки. В более печальной участи, постигшей Рим через одиннадцать столетий после того, как кажется, не было никаких серьезных оснований для предположения Гиббона, что будто германские империалисты действовали под влиянием "фанатического усердия". Конечно, Лютер был свиреп в своей борьбе с высокомерием и самоуверенностью, на которые он натолкнулся. Но едва ли можно поверить тому, что его закоренелая ненависть к Риму могла перейти к войскам католического монарха. — *Издат.*)

118) Марцеллин in Chron. Орозий (кн. 7, гл. 39, стр. 575) утверждает,

что он покинул Рим на *третий* день; но это противоречие нетрудно объяснить последовательными переходами больших отрядов.

119) Сократ (кн.7, гл.10) полагает без всякой тени правды или разумного основания, что Аларих обратился в бегство, когда узнал, что восточные армии выступили в поход с целью напасть на него.

120) Авзоний de Clavis Urbibus, стр.233, изд. Толл. Роскошь Капуи когда-то превосходила роскошь самого Сибариса. См. Athenaeus Deipnosophist. кн.12, стр. 528, изд. Казобона. (Во время Пунических войн Капуя соперничала с Римом и хотела быть главным городом Италии. Нибур говорит (*Лекции*, ч. II, стр. 104), что рассказ Ливия о том, как жил там Ганнибал, чрезвычайно увлекателен, но, конечно, полон вымыслов. Нет никакой возможности решить, было ли пребывание в этом роскошном городе действительно причиной изнеженности и расслабления Ганнибаловой армии, или же эти слова были лишь риторической прикрасой. Впрочем, он допускает, что они впали в изнеможение и с тех пор постоянно терпели неудачи. Аларих, быть может, слышал о том, что случилось с Ганнибалом, и хотя он имел под своим начальством не строго дисциплинированные войска, он избегал опасности Капуи "minime salubris militari disciplinae", так как там могла ослабеть даже их энергия. — *Издат.*)

121) За сорок восемь лет до основания Рима (почти за восемьсот лет до начала христианской эры) тосканцы построили Капую и Нолу на расстоянии двадцати трех миль одну от другой; но последний из этих двух городов никогда не выходил из своего скромного положения.

122) Тильемон (Mem. Eccles., том XIV, стр. 1-146) собрал со своим обычным усердием все, что касается жизни и сочинений Павлина, удаление которого от света прославлено и его собственным пером и похвалами его христианских друзей и современников св. Амвросия, св. Иеронима, св. Августина, Сульпиция Севера и других.

123) См. приветливые письма Авзония (epist. 19-25, стр. 650-698, изд. Толл.) к его товарищу, другу и ученику Павлину. Религия Авзония остается до сих пор загадкой (см. Mem de l'Academie des Inscriptions, том XV, стр. 123-138). Я убежден, что она бала загадкой и в его время, а из этого заключаю, что в душе он был язычником.

124) Смиранный Павлин однажды сказал, что, по его мнению, св. Феликс любит его по меньшей мере так, как господин любит свою маленькую собачку.

125) См. Иордана, de Reb. Get. Гл. 30, стр. 653. Филосторгий, кн.12, гл. 3. Августин, de Civ. Dei, кн.1, гл. 10. Бароний, Annal. Eccles., A.D. 410, N 45, 46.

126) Platanus, или *чинар*, был очень любим древними, которые разводили его, ради доставляемой им тени, повсюду от востока и до Галлии. Плиний, Hist. Natur. 12, 3-5. Он упоминает о нескольких деревьях этого рода, имевших огромные размеры; одно из них находилось в императорской вилле в Велитрах; Калигула называл его своим гнездом, так как под его ветвями можно было поставить большой стол и могла помещаться прислуга вместе с самим императором, которого Плиний остроумно называет pars umbrae; это выражение можно бы было отнести с одинаковым основанием и к Алариху. (Гиббон едва ли прав, ставя на одну доску Калигулу и Алариха. Преж-

ременная смерть этого последнего была несчастьем для Европы. Если бы он прожил дольше, Европа, вероятно, избежала бы многих бедствий, постигших ее в следующие века. — *Издат.*)

127) The prostrate South to the destroyer yields
Her boasted titles, and her golden fields;
With grim delight the brood of winter view
A brighter day, and skies of azure hue;
Scent the new fragrance of the opening rose,
And quaff the pendant vintage as it grows.

("Побежденный Юг уступил хищникам свои славные права и свои золотистые поля. Дети Зимы, с отвратительным выражением радости, в первый раз смотрели на более ясные дни и на лазурь небес; они в первый раз вдыхали в себя аромат только что распутившейся розы и наслаждались соком виноградных лоз"). См. поэмы Грея, изданные Масоном, стр. 197. Как жаль, что вместо составления таблиц хронологии и натуральной истории Грей не употребил своих гениальных дарований на окончание философской поэмы, от которой до нас дошли такие изящные отрывки! (Более нежели вероятно, что сонмища, которыми начальствовал Аларих, никогда не видели "мрачных и бесплодных холмов Скифии", так как по меньшей мере в течение одного поколения бродили вблизи от границ империи. — *Издат.*)

128) Подробное описание Мессинского пролива, Харибды, Сциллы и пр. можно найти у Ключье (Ital. Antiq. кн.4, стр. 1293 и Sicilia Antiq. кн. 1, стр. 60-76), который тщательно изучил древних писателей и с любознательностью исследовал теперешнее положение этой местности.

129) Иордан, de Reb. Get., гл. 30, стр. 654. (Единственным писателем, на авторитет которого можно ссылаться в том, что касается умерщвления пленников, был Иордан, живший через сто сорок лет после этих событий и всегда готовый поддерживать всякую клевету на ариан, даже если они принадлежали к одной с ним нации. Живший в одно время с Аларихом Орозий упоминает о времени и месте его смерти, но не говорит ни слова об этом варварском поступке. Если бы было какое-нибудь основание для такого обвинения, он не стал бы сдерживать той ненависти к ереси готов, которая так часто проглядывает в его сочинениях. — *Издат.*)

130) Орозий, кн.7, гл.43, стр.584, 585. Он был послан в 415 году св. Августином из Африки в Палестину для того, чтобы повидаться со св. Иеронимом и посоветоваться с ним касательно ереси Пелагия. (Если этот разговор не выдуман, то его содержание по меньшей мере преувеличено; Орозий всегда был склонен к выводам, неблагоприятным для готов. Нет никаких доказательств того, что они по обыкновению были склонны к неповиновению, и трудно поверить, чтобы Атаульф стал чернить своих собственных подданных. — *Издат.*)

131) Иордан делает неправдоподобное предположение, что Атаульф вторично посетил и ограбил Рим (more locustarum erasit). Однако он сходится с Орозием в том предположении, что между готским царем и Гонорием был заключен мирный договор. См. Орозий, кн.7, гл.43, стр.584, 585. Иордан de Reb. Geticis., гл.31, стр. 654, 655.

132) Удаление готов из Италии и их первые военные действия в Галлии недостоверны и сомнительны. Я многим обязан Маску ("Ист.

Древних Германцев", кн. 8, гл. 29, 35-37), который объяснил и связал между собой урезанные хроники и отрывки того времени.

133) Сведения о Плацидии можно найти у Дюканжа, *Fam. Byzant.*, стр. 72, и у Тильемона, *Hist. des Empereurs*, том V, стр. 260, 386 и сл., том VI, стр. 240.

134) Зосим, кн. 5, стр. 350.

135) Зосим, кн. 6, стр. 383. Орозий (кн. 7, гл. 40, стр. 576) и "Хроники" Марцеллина и Идация, по-видимому, предполагают, что готы увели Плацидию только после последней осады Рима.

136) См. Описание Атаульфа и Плацидии и рассказ об их вступлении в брак у Иордана, *de Reb. Geticis.*, гл. 31, стр. 654, 655. Касательно места, где это бракосочетание было условлено, отпраздновано и завершено, манускрипты Иордана не сходятся между собой, называя то один, то другой из двух соседних городов, то Форли, то Имолу (*Forum Livii and Forum Cornellii*.) Согласовать готского историка с Олимпиодором было бы нетрудно (см. Маску, кн. 8, гл. 46); но Тильмон выходит из терпения и клянется, что не стоит пытаться согласовать Иордана с каким-либо хорошим писателем.

137) Вестготы (то есть подданные Атаульфа) впоследствии ограничили законом чрезмерную щедрость супружеской привязанности. Супругу было запрещено делать какие-либо подарки или распоряжения в пользу жены в течение первого года супружества; а во всякое другое время его щедрость не могла отчуждать в ее пользу более десятой доли его собственности. Лангобарды были несколько снисходительней: они допускали так называемый *morgingcar* немедленно вслед за первой ночью брака, и этот знаменитый подарок, служивший наградой за девственную чистоту, мог равняться четвертой части мужниного состояния. Правда, некоторые предусмотрительные невесты заранее выговаривали себе подарок, так как были слишком уверены в том, что не стоят его. (См. Монтескье, *Esprit des Lois*, кн. 19, гл. 25. Муратори, *delle Antichita Italiane*, том 1, *Диссерт.* 20, стр. 243.) (Гиббонов *morgingcar* то же, что и хорошо известный *Morgengabe* (утренний подарок) германцев; этот обычай еще не совсем вышел из употребления. Этот подарок делается мужем жене на другой день брака и совершенно отличен от всякого обеспечения жены постоянным доходом. Все подробности, относящиеся к бракосочетанию Атаульфа, обнаруживают то уважение к женскому полу, которое было отличительной чертой в характере готов. (См. Mallet Сев. Древн., изд. Бона, стр. 199.) — *Издат.*)

138) Интересными подробностями об этом брачном празднестве мы обязаны историку Олимпиодору, *ар. Photium*, стр. 185, 188.

139) См. в полном собрании "Историков Франции" Дом-Буке том II, Григ. Турск., кн. 3, гл. 10, стр. 191. *Gesta Rerum Francorum*, гл. 23, стр. 557. Анонимный писатель с достойным его времени невежеством полагает, что эти орудия христианского богослужения принадлежали Соломонову храму. Если бы его выражения имели какой-нибудь смысл, то следовало бы полагать, что эти орудия были найдены во время разграбления Рима.

140) Справ. с подлинными свидетельствами в собрании "Историков Франции", том II, *Fredegarii Scholastici Chron.*, гл. 73, стр. 411. *Fredegar Fragment.* 3, стр. 463. *Gesta Regis Dagobert.*, гл. 29, стр. 587.

Восшествие Сисенанда на испанский престол произошло в A.D. 631. Двести тысяч золотых монет были употреблены Дагобертом на постройку церкви в Сен-Дени.

141) Президент Goguet (*Origine des Loix etc.*, том II, стр. 239) того мнения, что изумруды необычайной величины, статуи и колонны, находившиеся, по словам древних, в Египте, Кадиксе и Константинополе, были на самом деле композициями из окрашенного стекла. Знаменитое изумрудное блюдо, которое показывают в Генуе, могло бы, как полагают, подкрепить это подозрение.

142) Elmacin. *Hist. Saracenica*, кн. 1, стр. 85. Roderic. *Tolit. Hist. Arab.*, гл. 9. Cardonne, *Hist. de l'Afrique et de l'Espagne sous les Arabes*, том I, стр. 83. Его называли столом Соломона согласно обыкновению восточных народов приписывать этому царю все произведения древней учености и древнего великолепия.

143) Эти три закона помещены в *Кодексе* Феодосия, кн. 11, тит. 28, зак. 7; кн. 13, тит. 11, зак. 12; кн. 15, тит. 14, зак. 14. Выражения последнего из них очень замечательны, потому что в них заключается не только прощение, но и оправдание.

144) Олимпиодор, ар. Phot., стр. 188. Филосторгий (кн. 12, гл. 5) замечает, что, когда Гонорий совершал свой торжественный въезд, он поощрял римлян и рукой и голосом перестроить город, а "Хроника" Проспера хвалит Гераклиана, "qui in Romanae urbis reparationem exhibuerat ministerium".

145) Время поездки Клавдия Рутилия Нумациана нелегко определить с точностью; по мнению Скалигера, основывающего свои выводы на астрономических вычислениях, он выехал из Рима 24 сентября и отплыл из Порто 9 октября A.D. 416. См. Тильемона *Hist. des Empereurs*, том V, стр. 820. В этом поэтическом дневнике путешественника Рутилий (кн. 1, стр. 115 и сл.) обращается к Риму со следующими высокопарными приветствиями: *Erige crinales lauros, seniumque sacrati Verticis in virides, Roma, recinge comas, ets.* (Сам Рутилий (1, 135) относит начало своих путешествий к A.J.C., 1169 году, который, по выяснению Варрона, совпадает с A.D. 416. — *Издат.*)

146) Орозий писал свою историю в Африке только через два года после этого события; тем не менее над его свидетельством, по-видимому, берет перевес неправдоподобие факта. "Хроника" Марцеллина дает Гераклиану семьсот кораблей и три тысячи человек; последнее из этих чисел странным образом извращено, но первое кажется мне правдоподобным. (Орозий, вероятно, соединил вместе обе цифры Марцеллина, так как он дает Гераклиану 3700 кораблей. Ороз. 742. — *Издат.*)

147) "Хроника" Идация утверждает, без малейшего правдоподобия, что он дошел до Отрикула в Умбрии и там был разбит в большом сражении с потерей пятидесяти тысяч человек.

148) См. *Код.* Феодосия, кн. 15, тит. 14, зак. 13. Легальные акты, которые были совершены от его имени, и даже отпущение рабов на волю были признаны недействительными, пока не были формальным образом повторены.

149) Я не счел нужным повторять нелепый и, вероятно, вымышленный рассказ (Прокоп. de Bell. Vandal. кн. 1, гл. 2) о том, что Гонорий

был встревожен *потерей* Рима, пока не убедился, что он лишился не любимой курицы, носившей это имя, а лишь столицы мира. Но даже этот рассказ в некоторой мере свидетельствует о том, каково было общее о нем мнение.

150) Материалы для жизнеописаний всех этих тиранов взяты от шести современных историков — двух латинских и четырех греческих: от Орозия кн. 7, гл. 42, стр. 581-583; от Рената Профутура Фригериды, apud Gregor, Turon., кн. 2, гл. 9 в собрании историков Франции, том II, стр. 165, 166; от Зосима, кн. 6, стр. 370, 371; от Олимпиодора, apud Phot. стр. 180, 181, 184, 185; от Созомена, кн. 9, гл. 12-15 и от Филосторгия, кн. 12, гл. 5, 6 с "Диссертациями" Годефура, стр. 447, 481; а также из четырех "Хроник" Проспера Тиро, Проспера Аквитанского, Идация и Марцеллина.

151) Похвалы, с которыми Созомен отзывается об этом акте отчаяния, кажутся странными и неприличными в устах церковного историка. Он замечает (стр. 379), что жена Геронтия была *христианка* и что ее смерть была достойна ее религии и бессмертной славы.

152) "Eidos axion tyrannidos" — таково выражение Олимпиодора, как кажется, заимствованное им из Эврипидовой трагедии *Эол*, от которой уцелели только некоторые отрывки (Euripid. Barnes. том II, стр. 443, стих 33). Эта ссылка может служить доказательством того, что греки пятого столетия еще были хорошо знакомы с древними трагиками.

153) Сидоний Аполлинарий (кн. 5, посл. 9, стр. 139 и примеч. Сирмонда, стр. 58) порицает непостоянство Констанция, *легкомыслие* Иовина и *коварство* Геронтия, а затем говорит, что все пороки этих тиранов соединялись в лице Дардана. Однако этот префект сохранил хорошую репутацию и в свете и даже в церкви: он вел благочестивую переписку со св. Августином и со св. Иеронимом, а этот последний (том III, стр. 66) приветствовал его эпитетами Christianorum Nobilissime и Nobilium Christianiss me.

154) Это выражение почти может быть принято в его буквальном смысле; Олимпиодор говорит molis saccois exogresan (или Saccos), что может обозначать мешок или широкое платье; а этот способ запутывать и захватывать врага, "iaciniis contortis", был в большом употреблении у гуннов (Аммиан, XXXI, 2). Il fut pris vif avec des filets — так перевел эту фразу Тильемон в Hist. des Empereurs, том V, стр. 608.

155) Однако все эти узурпаторы, и даже те из них, царствование которых было очень кратковременно, чеканили медали в воспоминание о своих победах; а Аттал, который был настоящей марионеткой в руках завоевателя Рима, провозгласил "величие непобедимого и вечного города". (Экгель, Num. Vet., ч. VIII, стр. 179, 180.) — *Издат.*

156) Оставляя в стороне более древних писателей, я сошлюсь на три достойных уважения свидетельства, принадлежащие к четвертому и седьмому столетиям: на Expositio totius Mundi (стр. 16 в третьем томе Географов Гудсона); на Авзония (de Claris Urbibus, стр. 242, изд. Толл.) и на Исидора Севильского (Praefat. ad Chron. ap. Grotium, Hist. Goth., стр. 707). Много подробностей касательно плодородия Испании и ее торговли можно найти у Нонния в Hispania Illustrata и у Huet в Hisoire du Commerce des Anciens, гл. 40, стр. 228-234.

157) Время этого события с точностью определено в *Фастах* и в

"Хронике" Идация. Орозий (кн. 7, гл. 40, стр. 578) приписывает потере Испании измене приверженцев Гонория, тогда как Созомен (кн. 9, гл. 12) обвиняет их только в небрежности.

158) Идаций старается применить пророчества Даниила к этим народным бедствиям, а потому вынужден приспособлять подробности событий к словам пророка.

159) Мариана de Rebus Hispanicis, кн. 5, гл. 1, том I, стр. 148, Гага 1733. Он прочел у Орозия (кн. 7, гл. 41, стр. 579), что варвары стали употреблять вместо меча плуг и что многие из провинциальных жителей предпочитали "inter barbaros pauperem libertatem quam inter Romanos tributari am solitudinem sustinere". (Не следует упускать из виду этой мысли, что испанские провинциальные жители предпочитали готских правителей римским. Если под управлением варваров они были более довольны, чем во время продолжительного благосостояния под управлением римлян, то этот факт опровергает обвинения в насилиях и жестокостях, которые приписывались победителям. — *Издат.*)

160) К насилиям присоединялись убеждения, как это видно из сравнения свидетельств двух историков: римского историка Орозия и готского — Иордана.

161) По системе Иордана (гл. 33, стр. 659) готский скипетр должен был перейти по наследству в род **Амалов**; но монархи из этого рода, находившиеся в вассальной зависимости от гуннов, властвовали над племенами остготов в каких-то отдаленных уголках Германии или Скифии. (Права Амалов на верховную власть ограничивались в ту пору остготами, которыми они управляли так же, как управляли Балти вестготами. Это было известно Иордану (гл. 5, стр. 20), со слов которого то же говорит и Мариана (De Rebus Hisp., кн. 5, гл. 20). Весьма вероятно, что прежде своего разделения на два племени готы находились под одной юрисдикцией. По основанной на преданиях или баснословной генеалогии, изложенной Иорданом (гл. 14, стр. 42), Остгот был внук Амалы; этим, вероятно, обозначается время разделения. Происхождение названия Амали более древнее и не так ясно, как происхождение названия Балти; тем не менее оно, без сомнения, имело свое особое значение. Очень древние следы этого происхождения заметны в "первом из всех народов" (кн. *Чисел*, XX, XXI) амалеках и в вскормившей Юпитера козе Амалтее. Впоследствии это название часто встречается в различных видоизменениях. Аделунг, путем натянутой и неправдоподобной этимологии, приписывает ему смысл *незапятнанного*. Более полные филологические исследования приводят к тому заключению, что в века, когда язык был более прост, ат было коренным словом, выражавшим понятие о *связи или сочетании*, а ai выражало понятие обо *всем* или о *целом*. Поэтому слово Ата обозначало того, "кто соединял всех"; этим именем уместно называли организатора или главу ассоциации. Это не бесплодный вывод антиквария, так как с помощью него можно уяснить заданный здесь Гиббоном интересный вопрос: наследственность верховной власти входила ли в систему готского управления? Он отвечал на этот вопрос утвердительно, быть может, с излишней уверенностью. Этот принцип уважался и соблюдался как общий закон, но от него уклонялись в тех случаях, когда этого требова-

ла польза или необходимость. Малолетние и неспособные устранялись от наследования, но их заменяли ближайшие родственники, а народное согласие или одобрение большей частью выражалось в таких формах, которые обозначали выбор. Иордана следует понимать так, что он свидетельствовал скорей о правах семейства, чем о правах первородства, и, может быть, в таком же смысле следует понимать слова Тацита "reges ex nobilitate" (*Герм.* Гл. 7). Не подлежит сомнению, что мы имеем здесь перед глазами первые зачатки той системы, которую так красноречиво описал Гиббон в начале своей седьмой главы. "Ни у одного из итальянских народов нельзя найти следов наследственного правления" (Нибур, *Лекции*, ч. 1, стр. 151). Стало быть, эта гарантия против состязания честолюбцев и против анархии дошла до нас из тех первобытных лесов, среди которых наши предки добровольно подчинились власти своих Амалов. — *Издат.*)

162) Это убийство рассказано Олимпиодором, но число детей взято из одной эпитафии, имеющей сомнительный авторитет.

163) Смерть Атаульфы праздновалась в Константинополе иллюминацией и играми цирка (см. Chron. Alexandrin). По-видимому, трудно решить, руководствовались ли в этом случае греки ненавистью к варварам или ненавистью к латинянам.

164) Quod Tartessiacis avus hujus Vallia terris
Vandalicas turmas, et juncti Martis Alanos
Stravit, et occiduum texere cadavera Calpen.

Сидон. Аполлинар. in Panegyrr.

Anthem. 363, стр. 300, изд. Сирмонда..

165) Эта помощь была им очень кстати: испанские вандалы давали готам оскорбительный эпитет Truli, потому что они во время голода платили по золотой монете за одну trula или почти за полфунта муки. Олимпиод. а руд. Phot. стр. 189. (По мнению Дюканжа (6, 1322), в средние века хлебная мера называлась по-латыни Trugga (mensura frumentaria). Следует полагать, что слово Truli было презрительным выражением, имевшим совершенно иное значение. Словом Trullare обозначали выдавливание сока из винограда при помощи тисков, "uvae proelo premera". Так как лопающиеся от давления ягоды производили легкий треск, то этим словом обозначали "sonitum ventris emittere". — *Издат.*)

166) Орозий сообщает копию с этих писем. "Tu cum omnibus pacem habe omniumque obsides accipe; nos nobis confligimus, nobis perimus, tibi vincimus immortalis vero quaestus erit reipublicae tuae, si utrique pereamus". Эта мысль верна, но я могу поверить, что она пришла на ум варварам или была ими выражена. (Гиббон имел полное основание выражать свои сомнения насчет подлинности этих писем. Даже Орозий с наружным простодушием задается вопросом: "Quis haec crederet, nisi res doceret?" Раздоры и борьба между новыми испанскими поселенцами, очевидно, подали повод к предложению, что они обращались с такими письмами к императору. Если бы такая переписка велась на самом деле, то Кассиодор, вероятно, нашел бы ее следы между бывшими у него под рукой официальными документами и воспользовался бы ими для своей истории, а Иордан упомянул бы о них в своем сокращенном изложении. — *Издат.*)

167) "Romam triumphans ingreditur" — таково определенное выраже-

ние Проспера в его "Хронике". Подробности о смерти Атаульфа и о подвигах Валии заимствованы от Олимпиодора (apud Phot., стр. 188), Орозия (кн. 7, гл. 43, стр. 584-587), от Иордана (de Rebus Geticis, гл. 31, 32) и из *Хроник* Идация и Исидора.

168) Авзоний (de Claris Urbibus, стр. 257-262) хвалит Бордо с пристрастием местного уроженца. См. у Салвиана (de Gubern. Dei, стр. 228, Париж 1608) цветистое описание провинций Аквитании и Новемпулании.

169) Орозий (кн. 7, гл. 32, стр. 550) хвалит мягкосердечие и скромность этих бургундов, которые обходились со своими галльскими подданными как с своими христианскими братьями. Маску объяснил происхождение их королевства в четырех первых примечаниях, помещенных в конце его ученой "Истории Древних Германцев", ч. II, 555-572 в английском переводе.

170) См. Маску, кн. 8, гл. 43-45. За исключением одной коротенькой и не вполне достоверной строчки в "Хронике" Проспера (в томе 1, стр. 638) имя Фарамунда ни разу не упоминается ранее седьмого столетия. Автор Gesta Francorum (том II, стр. 543) делает весьма правдоподобное предположение, что Маркомер, который был сослан в Тоскану, присоветовал франкам избрать его сына Фарамунда или по меньшей мере какого-нибудь короля.

171) O Lycida, vivi pervenimus: advena nostri
(Quod nunquam veriti sumus) ut possessor agelli
Diceret: Haec mea sunt; veteres migrate coloni.
Nunc vincti tristes etc.

См. всю девятую эклогу вместе с полезным комментарием Сервия. Ветеранам было отведено пятнадцать миль мантианской территории за исключением в пользу местных жителей трех миль вокруг города. Даже в этом случае они не получили того, что следовало, потому что знаменитый юрист и один из членов комиссии Алфен Вар обманул их, отмерив им восемьсот шагов воды и болот.

172) См. замечательное место в Eucharisticon Павлина, 575, apud Mascoi, кн. 8, гл. 42.

173) Эта важная истина сделалась несомненной благодаря аккуратности Тильемона (Hist. des Emp., том V, стр. 641) и чистосердечию аббата Дюбо (Hist. de l'Etablissement de la Monarchie Francoise dans les Gaules, том I, стр. 259). (Здесь, вероятно, подразумевается та найденная в Тулузе монета, на которой под изображением головы Гонория и под его титулами находится подпись jussu Richieri reges. Но король, о котором здесь упоминается, неизвестен, если только его имя не было извращением или сокращением имени Теодориха. Царствовавший над свевами в Испании Richier был королем лишь через двадцать пять лет после смерти Гонория. Экгель, Num. Vet., ч. VIII, стр. 172. — *Издат.*)

174) Зосим (кн. 6, стр. 376-383) говорит в немногих словах о восстаниях в Британии и в Арморике. Наши антиквари и в том числе даже сам великий Кемден были вовлечены в множество грубых заблуждений вследствие недостаточного знакомства с историей континента. (Эти заблуждения были указаны в одном из примечаний к гл. 27, стр. 220. Население Арморики выходцами из Британии принадлежит, по словам Нибура, к числу вымыслов (*Лекции*, ч. III, стр. 42). Подозрения, которые, по словам Галлама, Гиббон высказывает *вполголоса*

в одном из следующих подстрочных примечаний, не касаются этого вопроса; но споры, к которым они относятся, доказывают, что в ту пору возникло в Британии отдельное и самостоятельное управление, все равно какова бы ни была его форма. Это служит также обозначением того периода, в который отделился от своих франко-римских соседей народ, сохранивший язык и нравы древней Галлии. — *Издат.*)

175) Границы Арморики определены двумя национальными геодуксами, Валуа и д'Анвиллем, в их Notitias древней Галлии. Известная под этим именем страна имела более широкие пределы, чем те, которые указаны ими, а впоследствии сузилась до более мелких размеров.

176) Gens Inter geminos notissima clauditur amnes,
Armoricana prius veteri cognomine dicta.
Torva, ferox, ventosa, procax, incauta, rebellis;
Inconstans, disparque sibi novitatis amore;
Prodiga verborum, sed non et prodiga facti.

Erricus Monach. in Vita St. Germani, кн. 5, apud. Va es Notit. Galliarum, стр. 43. В доказательство, что таков был их характер, Валуа приводит несколько свидетельств, к которым я прибавлю свидетельство пресвитера Константина (А. Д. 488), который в жизнеописании св. Германа называет армориканских бунтовщиков, "mobilem et indisciplinatum populum". См. *Историки Франции*, том I, стр. 643.

177) Я с моей стороны счел нужным протестовать против той части системы аббата Дюбо, против которой так сильно восставал Монтескье. См. *Esprit des Lois*, кн. 30, гл. 24.

178) Bretannian mentoi Romaioi anasosasthai ouketi eskon, — так выражается Прокопий (de Bell. Vandal., кн. 1, гл. 2, стр. 181, Лувр. издан.) в одном очень важном месте, которое оставалось в совершенном пренебрежении. Даже Беда (Hist. Gent. Anglican., кн. 1, гл. 12, стр. 50, изд. Смита) признает, что римляне окончательно покинули Британию в царствование Гонория. Тем не менее наши новейшие историки и антиквари приписывают владычеству римлян более продолжительный срок, а между ними есть и такие, которые допускают лишь промежуток в несколько месяцев между удалением римлян и прибытием саксов. (Просьба, с которой обращались к Аэцию через двадцать три года после смерти Гонория, доказывает, что в ту пору британцы не считали себя независимыми. Беда, Eccl. Hist, I, 13, стр. 22, изд. Бона. — *Издат.*)

179) Беда не позабыл временной помощи, которую оказали легионы в войне с пиктами и скоттами; а впоследствии мы сообщим более достоверные доказательства того, что независимые британцы собрали двенадцать тысяч человек для службы у императора Анфемия во время галльской войны. (Эти двенадцать тысяч человек были бретонцы из Арморики, как это будет объяснено в главе 36. — *Издат.*)

180) Из уважения и к самому себе и к исторической правде я должен заявить, что некоторые *подробности* в этом параграфе основаны только на предположении и аналогии. Недостаток гибкости в нашем языке иногда заставлял меня употреблять положительные выражения вместо условных.

181) Зосим, кн. 6, стр. 383.

182) Два города в Британии были municipia, девять были колонии,

десять — *Latil jure donatae*, двенадцать — *stipendiariae* первого ранга. Эта подробность взята от Ричарда Чиренчестерского, *De situ Britanniae*, стр. 36, и хотя трудно поверить, чтобы он писал с манускрипта какого-нибудь римского военачальника, он обнаруживает такое близкое знакомство с древностью, которое удивительно в монахе четырнадцатого столетия.

183) См. Маффеи, *Verona Illustrata*, ч. 1, кн. 5, стр. 83-136

184) *Leges restituit, libertatemque reducit,
Et servos famulis non sinit esse suis.
Itinerar. Rutil.*, кн. 1, гл. 215.

185) В одной надписи (*apud Sirmond, Not. ad Sidon. Apollinar.*, стр. 59) описан замок *cum muris et portis, tuitioni omnium*, который был воздвигнут Дарданом в его собственном поместье подле Систерона, во второй Нарбонской провинции, и был назван им Феополем.

186) Утверждение их власти действительно не встретило бы больших затруднений, если бы мы могли держаться системы остроумного и ученого антиквария, который полагает, что британские вожди нескольких племен не переставали царствовать, хотя и с зависимой властью, со времен Клавдия до времен Гонория. См. "Историю Манчестера Уайтекера", ч. 1, стр. 247-257.

187) Прокопий, *de Bell. Vandal.*, кн. 1, гл. 2, стр. 181. "*Britannia, fertilis provincia tyrannorum*" — так выражался Иероним в 415 году (том II, стр. 255, *ad Ctesiphont*). Через пилигримов, ежегодно посещавших Святые Места, вифлеемский монах получал самые свежие и самые accurate сведения.

188) См. *Eccles. Antiquities* Бингама, ч. 1, кн. 9, гл. 6, стр. 394.

189) О *трех* британских епископах, присутствовавших на соборе в Римини, А. D. 359, история гласит, что они "*tam pauperes fuisse ut nihil haberent*". Сульпиций Север *Hist. Sacra*, кн. 2, стр. 420. Впрочем, некоторые из их собратьев находились в лучшем денежном положении.

190) *Usher, de Antiq. Eccles. Britannicar.*, гл. 8-12.

191) См. подлинный текст этого эдикта, изданный Сирмондом (*Not. ad Sidon. Apollin.*, стр. 147). Гинкмар Реймский, уделяющий место для **епископов**, вероятно, видел (в девятом столетии) более верную копию. *Dubos, Hist. Critique de la Monarchie Francoise*, том 1, стр. 241-255.

192) Из *Notitia* видно, что эти семь провинций были: Виеннская, Приморских Альп, первая и вторая Нарбоннская, Новемпопулания и первая и вторая Аквитанская. Первую Аквитанскую аббат Дюбо, опираясь на авторитет Гинкмара, заменяет первой Лугдунской, или Лионской.

ГЛАВА XXXII

Царствование восточного императора Аркадия. —
Управление и опала Евтропия. — Восстание
Гайны. — Преследование св. Иоанна Златоуста. —
Вступление на престол Феодосия II. — Его
сестра Пульхерия. — Его жена Евдоксия. —
Персидская война и разделение Армении.

С разделением римского мира между сыновьями Феодосия окончательно организовалась Восточная империя, существовавшая, — с царствования Аркадия до взятия турками Константинополя, — в течение тысячи пятидесяти восьми лет в состоянии преждевременного и постоянного упадка. Государь этой империи усвоил и упорно удерживал бесполезный и сделавшийся в конце концов обманчивым титул императора римлян, а перешедшие к нему по наследству названия Цезаря и Августа все еще указывали на него как на законного преемника первого из всех людей, властвовавшего над первою из всех наций. Константинопольский дворец соперничал с великолепием персидских дворцов и даже превосходил его, а красноречивые проповеди св. Златоуста ¹⁾, осуждая пышную роскошь Аркадиева царствования, вместе с тем превозносят ее. "Император, — говорит он, — носит на голове или диадему, или золотую корону, усыпанную драгоценными камнями, которым нет цены. Эти украшения, точно так же как и его пурпуровые одежды, назначены только для его священной особы, а на его шелковых платьях вышиты изображения золотых драконов. Его трон сделан из массивного золота. Всякий раз, как он появляется перед публикой, его окружают царедворцы, телохранители и прислуга. Их копья, щиты и кирасы, точно так же как поводья и сбруя их лошадей, или сделаны из золота, или по меньшей мере имеют вид золотых, а большая блестящая выпуклость посередине их щитов окружена менее значительными выпуклостями, имеющими форму человеческих глаз. Два мула, которые возят императорскую колесницу, отличаются совершенной белизной и блестят с головы до ног золотом. Сама колесница, сделанная из чистого и цельного золота, возбуждает удивление в зрителях, которые восхищаются пурпуровыми занавесами, белыми как снег коврами, круп-

ными драгоценными камнями и золотыми бляхами, которые блестят, качаясь от движения колесницы. Изображения императора белые на голубом фоне; он представляется сидящим на троне, подле которого находятся его оружие, лошади и телохранители, а у его ног видны его побежденные враги в цепях". Преемники Константина избрали для своего постоянного местопребывания царственный город, основанный им на границе Европы с Азией. Там жили они недостижимыми для угроз своих врагов и, быть может, также для жалоб своих подданных; попутные ветры приносили им произведения всех стран света, а неприступные укрепления их столицы противостояли в течение многих веков всем враждебным попыткам варваров. Границей их владениям служили Адриатика на западе и Тигр на востоке, и все двадцатипятидневное плавание от чрезмерно холодной Скифии до жгучей Эфиопии ²⁾ совершалось внутри пределов Восточной империи. Многолюдные провинции этой империи были центрами искусств и наук, роскоши и богатства, а их жители, усвоившие язык и нравы греков, сами себя называли, не без некоторого основания, самыми просвещенными и самыми цивилизованными представителями человеческого рода. Форма правления была чисто и безусловно монархическая; название *Римской Республики*, так долго поддерживавшее слабые воспоминания о прежней свободе, осталось за латинскими провинциями, а константинопольские императоры стали измерять свое величие рабской покорностью своего народа. Они не понимали, в какой степени такая пассивная способность ослабляет и унижает все душевные способности. Подданные, подчинявшие свою волю абсолютным приказаниям повелителя, оказались одинаково неспособными и защищать свою жизнь и свое достоинство от нападений варваров и охранять свой разум от ужасов суеверия.

События, совершавшиеся в первые годы царствования Аркадия и Гонория, так тесно связаны между собою, что при изложении истории Западной империи мы уже описали восстание готов и падение Руфина. Мы уже имели случай упомянуть о том, что один из главных евнухов константинопольского дворца Евтропий ³⁾ заместил высокомерного министра, которого ему удалось низвергнуть и порокам которого он скоро стал подражать. Люди всех сословий стали преклоняться перед новым фаворитом, а в их робкой и услужливой

покорности он почерпнул достаточно смелости на то, чтобы издеваться над законами и, — что еще труднее и опаснее, — над обычаями своего отечества. При самых слабых из предместников Аркадия владычество евнухов было тайным и почти незаметным. Они вкрадывались в доверие к монарху, но их официальные обязанности ограничивались лакейским уходом за гардеробом и за спальней императора. Путем наущничества они могли руководить государственными делами, а путем коварных нашептываний могли уничтожать и хорошую репутацию и карьеру самых достойных граждан; но они никогда не осмеливались выступать в качестве правителей империи ⁴⁾ или бесчестить высшие государственные должности. Евтропий был первый представитель этого искусственного пола, осмелившийся облечься в звание римского сановника и военачальника ⁵⁾. Он то всходил на трибунал в присутствии красневших от стыда сенаторов, чтобы объявить какое-нибудь решение или произнести тщательно заученную речь, то появлялся на коне во главе войск в одеянии и вооружении героя.

Неуважение к обычаям и приличиям всегда служит доказательством слабости и неразвитости умственных способностей, а Евтропий, как кажется, не искупал безрассудства своих замыслов какими-нибудь высшими достоинствами или искусством в их исполнении. Его прежний образ жизни не познакомил его ни с юриспруденцией, ни с военным искусством; его неловкие и неудачные попытки возбуждали в присутствующих тайное презрение. Готы выражали желание, чтобы римскими армиями всегда командовали *такие* полководцы, и имя министра было заклеено насмешками, которые едва ли не более опасны для государственного человека, чем ненависть. Подданные Аркадия с негодованием припоминали, что этот уродливый и дряхлый евнух ⁶⁾, так неуклюже старавшийся представить из себя мужчину, родился в самом низком рабстве, что до поступления своего на службу в императорский дворец он бесчисленное число раз переходил путем продажи из рук одного хозяина в руки другого, что его юношеские силы были истощены на исполнение низких и позорных обязанностей и что в конце концов он был отпущен в преклонных летах на волю, чтобы доживать остаток своей жизни в бедности ⁷⁾. В то время как эти позорные подробности переходили из уст в уста и, быть может, преувеличива-

лись в домашних беседах, тщеславие фаворита удовлетворялось самыми необычайными почестями. И в сенате, и в столице, и в провинциях в честь Евтропия воздвигались бронзовые и мраморные статуи, украшенные символами гражданских и воинских доблестей и носившие напыщенную надпись, в которой его называли третьим основателем Константинополя. Он был возведен в звание *патриция*, которое и в общепринятом и даже в легальном значении слова уже начинало обозначать отца императора, а последний год четвертого столетия был запятнан *консульством* евнуха и раба. Впрочем, это необычайное и ничем неизгладимое безобразие⁸⁾ пробудило в римлянах их старые предубеждения. Женоподобный консул был отвергнут Западом, который считал это назначение за неизгладимое пятно в летописях республики, а ученый и почтенный сановник, бывший сотоварищем Евтропия по консульскому званию⁹⁾, не нуждался в призывании теней Брута и Камилла, чтобы доказать, как были различны принципы двух администраторов.

Смелый и решительный характер Руфина был, по-видимому, более склонен к жестокосердию и мстительности; но корыстолюбие евнуха было так же ненасытно, как и корыстолюбие бывшего префекта¹⁰⁾. Пока Евтропий обирал тех, кто обогатился, грабя народ, он мог удовлетворять свою алчность, не возбуждая зависти и не вызывая обвинений в несправедливости; но его хищничество скоро распространилось на богатства, приобретенные или путем законного наследования, или похвальным трудолюбием. Он употреблял в дело и усовершенствовал все обычные способы вымогательства, а Клавдиан оставил нам живое и оригинальное описание публичной продажи государственных должностей. "Импотенция евнуха, — говорит этот приятный сатирик, — только усилила его жадность; та же самая рука, которая, в бытность его рабом, занималась мелкими кражами из ящика его господина, загребает теперь богатства со всего мира, и этот гнусный маклер империи оценивает и распродает римские провинции от Гемских гор до Тигра. Один покупатель приобрел звание азиатского проконсула ценой свой виллы, другой приобрел Сирию за драгоценные камни своей жены, а третий жалуется на то, что променял отцовское наследство на управление Вифинией. В прихожей Евтропия поставлен большой стол, на котором можно найти сведения о цене каждой про-

винции. Различия в цене Понта, Галации или Лидии обозначены с точностью. Ликию можно приобрести за столько-то тысяч золотых монет, но за богатую Фригию надо заплатить дороже. Евнух старается загладить свой личный позор общим унижением, и так как сам он был предметом купли и продажи, то он желает пустить в продажу весь человеческий род. При горячем соперничестве покупателей весы, на которых решается судьба провинций, нередко остаются в равновесии, и беспристрастный судья с тревогой ждет, чтобы надбавка золота перетянула их на которую-нибудь сторону ¹¹⁾. Таковы, — продолжает негодующий поэт, — плоды римской храбрости, поражения Антиоха и триумфа Помпея". Эта продажная проституция общественных почестей обеспечивала безнаказанность *будущих* преступлений; но богатства, которые Евтропий извлекал из конфискаций, уже были запятнаны несправедливостью, так как приходилось постановлять обвинительные приговоры над владельцами тех состояний, которые он хотел присвоить. Кровь нескольких знатных граждан была пролита рукою палача, и самые негостеприимные оконечности империи обратились в постоянное место жительства для невинных и знатных изгнанников. Между восточными военачальниками и консулами более всех должен был опасаться мстительности Евтропия Абунданций ¹²⁾. Он совершил то непростительное преступление, что ввел этого гнусного раба в константинопольский дворец, а могущественному и неблагодарному фавориту нельзя не зачесть в заслугу того, что он ограничился опалой своего благодетеля. У Абунданция было отнято императорским рескриптом его большое состояние, и он был сослан на крайнюю границу римских владений, в лежащий на берегу Эвксинского моря Питий, где существовал случайными подаяниями варваров до тех пор, пока не добился, после падения Евтропия, менее тяжелой ссылки в Сидон, в Финикию. Чтобы погубить Тимазия ¹³⁾, нужно было вести атаку с большей обдуманностью и правильностью. Этот высокопоставленный военачальник, командуя армиями Феодосия, выказал свое мужество в решительной победе, одержанной над жившими в Фессалии готами; но, по примеру своего государя, он слишком охотно предавался в мирное время наслаждениям роскошью и возлагал свое доверие на бесчестных и коварных льстецов. Не обращая никакого внимания на общественное

мнение, Тимазий возвел в звание начальника когорты одного из своих подчиненных, приобретшего самую позорную репутацию; Барг оплатил ему за это неблагодарностью и, по тайному наущению фаворита, обвинил своего покровителя в изменническом заговоре. Полководец должен был предстать перед трибуналом самого Аркадия, а главный евнух стал подле трона для того, чтобы подсказывать императору вопросы и ответы. Но так как эта форма судопроизводства могла бы показаться пристрастной и произвольной, то дальнейшее расследование преступлений Тимазия было поручено консуляру Сатурнину и пользовавшемуся особым уважением, в качестве тестя императора Валента, Прокопию.

Внешние формы правильной и легальной процедуры соблюдались благодаря упорной честности Прокопия, и он неохотно преклонился перед услужливой ловкостью своего сотоварища, произнесшего над несчастным Тимазием обвинительный приговор. Огромные богатства осужденного были конфискованы от имени императора в пользу фаворита, и он был осужден на вечную ссылку в оазис — уединенное местечко среди песчаных Ливийских степей ¹⁴⁾. Лишенный всякого общения с людьми, бывший начальник римских армий умер для общества, но о подробностях его смерти сохранились противоречивые рассказы. Одни полагали, что Евтропий послал приказание втайне лишить его жизни ¹⁵⁾. Другие рассказывали, что, пытаясь спастись бегством из оазиса, он погиб в степи от жажды и голода и что его труп был найден в песках Ливии ¹⁶⁾. Но иные с уверенностью утверждали, что его сын Сиагрий, успешно увернувшись от преследовавших его дворцовых агентов и эмиссаров, набрал шайку африканских хищников, освободил Тимазия из места его заключения и что с той минуты никто ничего не слышал ни об отце, ни о сыне ¹⁷⁾. А неблагодарный Барг, вместо того, чтобы получить награду за свое преступление, вскоре вслед затем погиб, попавшись в сети, расставленные более могущественным коварством самого министра, у которого еще было достаточно здравого смысла и энергии, чтобы ненавидеть тех, кто служил орудием для его собственных преступлений.

Народная ненависть и отчаяние, до которого были доведены некоторые отдельные лица, постоянно угрожали, или казалось, что угрожали, личной безопасности как Евтропия,

так и многочисленных приверженцев, связавших с ним свою судьбу или сделавших карьеру благодаря его продажному покровительству. Чтобы предохранить и их и самого себя от всякой опасности, он добился издания такого закона, которым нарушались все требования человеколюбия и справедливости¹⁸⁾. I. От имени Аркадия и его собственной властью было постановлено, что всякий римский подданный или иностранец, совершивший посягательство на жизнь кого-либо из тех, кто считается императором за членов его собственной семьи, будет наказан смертью и отобраением его имений в казну. Этот ложный и метафорический взгляд на государственные преступления был так широк, что служил охраной не только для гражданских и военных сановников, носивших титул *illustres* и заседавших в императорском совете, но и для высших дворцовых служителей, для константинопольских сенаторов, для военных начальников и для провинциальных чиновников гражданского ведомства, — а это последнее наименование было так неясно и неопределенно, что при преемниках Константина под него подходил многочисленный класс мелких чиновников.

II. Для такой чрезмерной строгости, быть может, нашлись бы какие-нибудь оправдания, если бы она не имела другой цели, кроме охраны представителей монарха от насилий в то время, как они исполняют свои служебные обязанности. Но вся масса императорских чиновников стала требовать для себя такой же привилегии или, скорее, такой же безнаказанности, охранявшей их в минуты нравственной распушенности от опрометчивого и, быть может, основательного раздражения их сограждан, так что, вследствие этого странного извращения смысла закона, личная ссора и заговор против императора и империи подводились под разряд одних и тех же преступлений и подвергались одинаковому наказанию. Нелепый эдикт Аркадия постановляет самым положительным образом, что в этих государственных преступлениях *мысли и действия* должны наказываться с одинаковой строгостью, что узнать о преступном намерении, но не донести о нем немедленно значит самому провиниться в таком же намерении¹⁹⁾ и что те опрометчивые люди, которые позволяют себе ходатайствовать за изменников, должны быть на всю жизнь клеймены публичным позором. III. "Что касается сыновей изменников, — продолжает император, — то хотя и их следовало

бы подвергать такому же наказанию, так как они, вероятно, стали бы подражать преступным действиям своих родителей, однако вследствие нашей императорской снисходительности мы даруем им жизнь; но вместе с тем мы признаем их неспособными наследовать отцу или матери и получать что-либо по завещаниям от родственников или от посторонних. Пусть они будут заклеены наследственным позором и лишены всякой надежды достигнуть почестей или богатства; пусть они терпят все муки, причиняемые бедностью и презрением, пока жизнь не сделается для них невыносимой и пока они не станут считать смерть за утешение и успокоение". Вот в каких оскорбляющих человеческие чувства выражениях император или, вернее, его любимый евнух хвалил умеренность закона, распространявшего несправедливые и бесчеловечные наказания на детей тех, кто принимал участие в этих мнимых заговорах или не донес о них. Некоторые из самых благородных постановлений римской юриспруденции вышли из употребления, и не было сделано никакой попытки сохранить их; но этот эдикт, служивший таким удобным и могущественным орудием для тирании министров, был тщательно внесен в кодексы Феодосия и Юстиниана, и те же самые принципы были снова вызваны к жизни в новейшие времена для охранения германских курфюрстов и римских кардиналов ²⁰⁾.

Однако и эти кровавые законы, наводившие ужас на безоружное и упавшее духом население, не были в состоянии предотвратить смелой попытки остгота Трибигильда ²¹⁾. Колония этих воинственных варваров, основанная Феодосием в одной из самых плодородных частей Фригии ²²⁾, с нетерпением сравнивала доходы, доставляемые тяжелым трудом земледельца, с блестящими плодами хищничества и щедрыми наградами, доставшимися Алариху, а их вождь считал за личное оскорбление нелюбезный прием, сделанный ему в константинопольском дворце. Находившаяся в самом центре империи мирная и богатая провинция была поражена удивлением, услышав звук оружия, а к верному вассалу, которым пренебрегали и которого угнетали, снова стали относиться с уважением с той минуты, как он возвратился к своей прежней роли врага и варвара. Виноградники и плодородные поля, занимавшие все пространство между быстрым Марсием и извилистым Меандром ²³⁾, были опустошены ог-

нем; полуразвалившиеся городские стены распадались вдребезги под первыми ударами врага; испуганные жители стали спасаться от кровавой резни бегством к берегам Геллеспонта, и значительная часть Малой Азии пострадала от восстания Трибигильда. Его быстрые успехи были остановлены крестьянами Памфилии: в узком проходе между городом Селгой ²⁴⁾, глубоким болотом и утесистыми возвышенностями Тавра остготы подверглись нападению, были разбиты и лишились своих самых храбрых воинов. Но от этой неудачи их вождь не упал духом, а его армия беспрестанно пополнялась толпами варваров и людей, лишенных покровительства законов, желавших заняться ремеслом грабителей под более приличными названиями войны и завоевания. Известия об успехах Трибигильда в течение некоторого времени или скрывались из страха, или извращались из лести; однако они мало-помалу возбудили тревогу и при дворе и в столице. Всякую неудачу стали преувеличивать прибавлением к ней сомнительных подробностей, и замыслы бунтовщика сделались предметом тревожных догадок. Когда Трибигильд подвигался внутрь страны, римляне полагали, что он намеревается перейти через Тавр и вторгнуться в Сирию. Когда он спускался к морю, они приписывали готскому вождю и, может быть, внушали ему более опасное намерение снарядить в ионийских гаванях флот и распространить свои опустошения вдоль морского берега от устьев Нила до Константинополя. Приближение опасности и упорство Трибигильда, отказывавшегося от всякого мирного соглашения, заставили Евтропия созвать военный совет ²⁵⁾. Присвоив себе права состарившегося на службе ветерана, евнух поручил защиту Фракии и Геллеспонта готу Гайне, а главное начальство над азиатской армией своему любимцу Лео — двум военачальникам, которые различными путями, но с одинаковым успехом помогали бунтовщикам.

Лео ²⁶⁾, прозванный восточным Аяксом за громадность своего роста и за тупость своего ума, отказался от своего первоначального ремесла чесальщика шерсти для того, чтобы посвятить себя, с гораздо меньшим искусством и успехом, военной профессии, а его причудливо задуманные и так же причудливо исполненные планы военных действий отличались непониманием действительных трудностей и неумением пользоваться благоприятными случайностями. Остготы по своей опрометчивости были вынуждены занять невыгодную

позицию между реками Меланом и Эвримедоном, где были почти со всех сторон окружены крестьянами Памфилии; но прибытие императорской армии вместо того, чтобы довершить их поражение, доставило им средства спасения. Трибигильд напал врасплох, среди ночной темноты, на римский лагерь, переманил к себе большую часть варварских союзников и без большого труда рассеял войска, утратившие всякую энергию от упадка дисциплины и от столичной роскоши. Гайна, так бесстрашно задумавший и исполнивший казнь Руфина, был недоволен возвышением его недостойного преемника; он обвинял самого себя в низости за то, что терпеливо выносил позорное владычество евнуха, и в общественном мнении сложилось убеждение, что этот честолюбивый гот втайне поощрял восстание Трибигильда, с которым был связан узами и родства и одноплеменности ²⁷⁾. Когда Гайна переправился через Геллеспонт для того, чтобы собрать под своими знаменами остатки азиатских войск, он стал искусно подчинять все свои движения желаниям остготов, отступая от тех местностей, в которые они намеревались вторгнуться, или облегчая своим приближением дезертирство варварских союзников. В своих донесениях императорскому правительству он постоянно преувеличивал мужество, дарования и неистощимые средства Трибигильда, сознавался в своей собственной неспособности продолжать войну и выпросил позволение вступить в переговоры со своим непобедимым противником. Мирные условия были продиктованы надменным бунтовщиком, а решительное требование казни Евтропия обнаружило, кто был зачинщик и какая была цель этого заговора.

Смелый сатирик, удовлетворявший свое раздражение пристрастными и резкими нападениями на христианских императоров, не столько нарушает правдивость истории, сколько оскорбляет ее достоинство, сравнивая Феодосиева сына с одним из тех невинных и глупых животных, которые едва ли способны сознавать, что составляют собственность того, кто их пасет. Однако две страсти — страх и супружеская привязанность — пробудили вялую душу Аркадия из ее усыпления; его испугали угрозы победоносного варвара, и он тронулся нежным красноречием своей жены Евдокии, которая, обливаясь притворными слезами и держа на руках своего ребенка, стала молить его об удовлетворении за какие-то дей-

ствительные или вымышленные оскорбления, нанесенные ей наглым евнухом ²⁸⁾. Императора убедили подписать приговор Евтропию; талисман, который в течение четырех лет подчинял и монарха и его подданных произволу евнуха, исчез в одно мгновение, а радостные возгласы, так еще недавно превозносившие и достоинства и счастье фаворита, превратились в вопли солдат и народа, перечислявших его преступления и требовавших его немедленной казни. В этом бедственном и отчаянном положении он мог укрыться только в святилище той самой церкви, привилегии которой он пытался ограничить или из благоразумия, или из нечестия, а самый красноречивый из святых Иоанн Златоуст мог похвастаться тем, что оказал свое покровительство павшему министру, по выбору которого он был возведен в звание константинопольского архиепископа. Взойдя на церковную кафедру, чтобы его могла хорошо видеть и слышать бесчисленная толпа людей всякого пола и возраста, Златоуст произнес применимую к событиям дня и трогательную проповедь о прощении обид и о непрочности человеческого величия. Мучительное положение бледного и дрожавшего от страха Евтропия, который в это время ползал под алтарем, представляло печальное и поучительное зрелище, а оратор, которого впоследствии обвиняли в издевательстве над несчастным страдальцем, старался возбудить к нему презрение и тем обезоружить народную ярость ²⁹⁾. Совокупное влияние человеколюбия, суеверия и красноречия одержало верх. Императрицу Евдоксию удержали от нарушения привилегий церковного святилища и ее собственные предрассудки и предрассудки ее подданных, и Евтропий решился сдаться на капитуляцию после того, как на него постарались влиять путем убеждений и дали ему клятвенное обещание пощадить его жизнь ³⁰⁾. Нисколько не заботившиеся о достоинстве своего государя, новые дворцовые министры немедленно обнародовали эдикт, в котором объявляли, что его павший фаворит обесчестил звания консула и патриция, и приказывали уничтожить статуи Евтропия, отобрать в казну его имущества и отправить его в вечную ссылку на остров Кипр ³¹⁾. Презренный и дряхлый евнух уже не мог быть страшен для своих врагов; он даже не был способен наслаждаться теми благами, которые еще оставались у него неотнятыми, — спокойствием, уединением и прекрасным климатом. Но неумолимая

злоба не пощадила и последних дней его незавидной жизни, и только что Евтропий успел высадиться на кипрский берег, было получено приказание немедленно отвезти его назад. Тщетная надежда, что с переменою места можно уклониться от исполнения клятвенного обещания, побудила императрицу перенести суд и наказание Евтропия из Константинополя в соседнее предместье Халкидон. Консул Аврелиан постановил приговор, а мотивы этого решения обнаруживают слабую сторону юриспруденции деспотических правительств. Преступления, совершенные Евтропием над простыми гражданами, могли бы послужить поводом для смертного приговора, но он был признан виновным в том, что запрягал в свою колесницу *священных животных*, которые по своей породе и по своему цвету могли возить только самого императора ³²⁾.

В то время как совершался этот внутренний переворот, Гайна ³³⁾ открыто поднял знамя бунта, присоединил в Фиа-тире, в Лидии, свои войска к войскам Трибигильда и подчинил своему влиянию мятежного вождя остготов. Союзные армии дошли, не встречая сопротивления, до Геллеспонта и Босфора, и Аркадий, из опасения лишиться своих азиатских владений, согласился верить и свою власть и свою особу в руки варваров. Местом свидания была назначена церковь святого мученика Евфимия, воздвигнутая на одной из возвышенностей вблизи от Халкедона ³⁴⁾. Почтительно преклонившись к стопам императора, Гайна потребовал принесения в жертву двух министров консульского ранга, Аврелиана и Сатурнина, которые должны были подставить свои обнаженные головы под острие меча надменного бунтовщика, пока он не даровал им ненадежной и унижительной отсрочки. В силу состоявшегося соглашения готы были немедленно перевезены из Азии в Европу, а их победоносный вождь, принявший титул главного начальника римских армий, наполнил Константинополь своими войсками и стал раздавать своим приверженцам государственные отличия и награды. В своей ранней молодости Гайна переправился через Дунай в качестве просителя и беглеца; его возвышение было плодом его мужества и счастья, а его нескромное или вероломное поведение было причиной его скорого падения. Несмотря на энергическое сопротивление архиепископа, он настоятельно потребовал для своих арианских сектантов обладания особою

церковью, и гордость католиков была оскорблена публичным допущением ереси ³⁵⁾. Во всех константинопольских кварталах возникли смуты и беспорядки, а варвары поглядывали с такой жадностью на богатые лавки ювелиров и на покрытые золотом и серебром столы банкиров, что было признано благоразумным удалить от их глаз эти опасные соблазны. Их оскорбила такая унижительная для них предосторожность, и они попытались ночью поджечь императорский дворец ³⁶⁾. При таком взаимном недоверии и недоброжелательстве стража и население Константинополя заперли городские ворота и взялись за оружие для того, чтобы предотвратить заговор готов или отомстить им за него. В то время как Гайна находился в отсутствии, его войска подверглись неожиданному нападению и были разбиты; семь тысяч варваров погибли в этой кровавой резне. В пылу преследования католики сняли крышу с церкви или места тайных сходбищ, где укрылись их противники, и забросали их горящими бревнами. Гайна или ничего не знал о замысле готов, или был слишком уверен в успехе; он был поражен известием, что цвет его армии бесславно уничтожен, что он сам объявлен общественным врагом и что одному из его соотечественников, храброму и преданному империи Фравитте, поручено ведение войны и на море и на суше.

Гайна предпринял нападение на некоторые города Фракии, но повсюду встретил энергическое и хорошо организованное сопротивление; его голодные солдаты скоро были доведены до того, что стали питаться травой, которая росла у подножия укреплений, и, тщетно сожалевавший об азиатских богатствах и роскоши, Гайна принял отчаянное решение силою переправиться через Геллеспонт. У него не было кораблей, но в лесах Херсонеса можно было найти материалы для постройки плотов, а его бесстрашные варвары не отказались бы вверить свою жизнь произволу волн. Но Фравитта бдительно следил за ходом их предприятия. Лишь только они достигли середины пролива, на них обрушились всей своей непреодолимою тяжестью сомкнутые ряды римских галер ³⁷⁾, гонимые вперед и действием весел, и течением, и попутным ветром, — и Геллеспонт покрылся обломками готских судов. После того как рушились все его надежды и он лишился многих тысяч самых храбрых своих солдат, Гайна уже не мог помышлять о господстве над римлянами и решился возвратить-

ся к своей прежней жизни дикаря. Легкий отряд варварской кавалерии, не стесняемый в своих движениях ни пехотой, ни обозом, мог пройти в восемь или десять дней триста миль, отделяющих Геллеспонт от Дуная ³⁸⁾; на этой важной границе мало-помалу прекратилось содержание гарнизонов; река покрылась бы в декабре месяце толстым льдом, и честолюбие Гайны нашло бы для себя в Скифии обширное поприще. Этот замысел был втайне сообщен национальным войскам, связавшим свою судьбу с судьбою своего вождя, а перед тем, как был подан сигнал к выступлению, Гайна приказал вероломным образом умертвить множество родившихся в римских провинциях союзников, которых он подозревал в привязанности к их родине. Готы быстро прошли через фракийские равнины и скоро избавились от страха подвергнуться преследованию благодаря тщеславию Фравитты, который вместо того чтобы окончательно подавить восстание, поспешил насладиться рукоплесканиями толпы и мирными почестями консульского звания. Но один могущественный союзник Аркадия взялся за оружие, чтобы поддержать достоинство империи и охранить спокойствие и свободу Скифии ³⁹⁾. Гайну остановили более многочисленные военные силы царя гуннов Ульдиса; его отступлению препятствовала враждебность населения страны, которая уже была совсем разорена; он не захотел унижаться до сдачи на капитуляцию и, после неоднократных попыток пробиться сквозь неприятельские ряды, погиб на поле битвы вместе со своими бесстрашными приверженцами. Через одиннадцать дней после морской победы, одержанной на Геллеспонте, в Константинополе была получена с самыми горячими выражениями признательности голова Гайны как неоценимый подарок от победителя, и по этому случаю были устроены празднества и иллюминации.

Торжество Аркадия сделалось сюжетом для эпических поэм ⁴⁰⁾, и избавившийся от всяких опасений неприятельского нашествия монарх подпал под кроткое и абсолютное владчество своей прекрасной и коварной жены Евдоксии, запятнавшей свою репутацию тем, что преследовала Иоанна Златоуста.

После смерти преемника Григория Назианзина, беспечного Нектария, константинопольская церковь страдала от соперничества честолюбивых кандидатов, не стыдившихся приобретать золотом и лестью расположение населения и

фаворита. По этому случаю Евтропий, по-видимому, уклонился от своих обычных принципов и в своем неподкупном выборе имел в виду лишь высокие достоинства чужеземца. Во время одной из своих поездок на Восток он восхищался проповедями антиохийского уроженца и пресвитера Иоанна, прозванного Златоустом ⁴¹⁾. Сирийскому губернатору было послано секретное предписание, и так как местное население могло бы воспротивиться перемещению своего любимого проповедника, то его поспешили тайком перевезти в почтовом экипаже из Антиохии в Константинополь. Единодушное и добровольное согласие двора, духовенства и народа одобрило выбор министра, и как в качестве святого, так и в качестве проповедника новый архиепископ превзошел все ожидания публики. Златоуст происходил от знатного и богатого семейства, жившего в столице Сирии, и был воспитан нежно любившей его матерью под руководством более искусных наставников ⁴²⁾. Он изучал риторику в школе Либания, и этот знаменитый софист, скоро оценивший дарования своего ученика, откровенно сознавался, что Иоанн был бы достоин сделаться его преемником, если бы не отдался в руки христиан. Его благочестие побудило его принять таинство крещения, отказаться от доходной и почетной профессии законоведа и похоронить себя в соседней пустыне, где он в течение шести лет умерщвлял плотские вожделения суровой епитимьей. Его недуги принудили его снова вступить в человеческое общество, а авторитет Мелетия направил его дарования на пользу церкви; но и в среде своего семейства и впоследствии, на архиепископском престоле, Златоуст придерживался на практике монашеских добродетелей. Огромные доходы, тратившиеся его предместниками на блеск и роскошь, он стал употреблять на основание госпиталей, а жившие его щедрыми подаями массы людей стали предпочитать красноречивые и поучительные проповеди архиепископа удовольствиям театра и цирка ⁴³⁾. Памятники этого красноречия, в течение почти двадцати лет приводившего в восторг жителей Антиохии и Константинополя, тщательно сохранялись, и дошедшие до нас около тысячи проповедей дали возможность позднейшим критикам ⁴⁴⁾ оценить достоинства Златоуста. Они единогласно признают за христианским оратором способность свободно владеть изящным и обильным языком, умение скрывать ту пользу, которую он извлекал из

своего знакомства с риторикой и философией, неистощимый запас метафор и сравнений, идей и уподоблений, придававших интерес и занимательность самым обыденным сюжетам, и, наконец, находчивое умение пользоваться человеческими страстями в интересах добродетели и изображать как гнусность, так и безрассудство порочных людей с наглядностью и живостью драматического представления.

Пастырское усердие константинопольского архиепископа раздражило два разряда людей, которые, сделавшись его врагами, мало-помалу стали действовать против него заодно, — честолюбивое духовенство, которое завидовало его успехам, и упорных грешников, которых оскорбляла его хула. Когда Златоуст громил с кафедры Софийского собора выродившихся христиан, стрелы его красноречия терялись в толпе, никому не нанося ран и даже не целя в какие-либо отдельные личности. Когда он декламировал против пороков, порождаемых богатством, бедность могла извлекать из его сатирических нападок скоротечное утешение; но виновных прикрывала их многочисленность, и самые нападки смягчались от напоминания о земном величии и мирских наслаждениях. Но когда эта пирамида подымалась до своей вершины, она мало-помалу превращалась в одну точку; тогда сановникам, министрам, любимым евреям, придворным дамам ⁴⁵⁾ и самой императрице Евдоксии приходилось делить более значительную долю виновности между менее многочисленными виновными. Слушатели применяли раздававшиеся с кафедры обвинения к тем или другим лицам; собственная совесть этих последних или предупреждала, или подтверждала общие догадки, а неустрашимый проповедник присваивал себе опасное право возбуждать общее негодование как против нарушения правил нравственности, так и против тех, кто их нарушал. Тайное раздражение двора придавало смелости недовольным членам духовенства и константинопольским монахам, в среде которых пылкое усердие их архиепископа вводило реформы с чрезмерной торопливостью. Златоуст порицал с церковной кафедры существовавшее в среде константинопольского духовенства обыкновение держать при себе женщин, которые, нося название служанок или сестер милосердия, постоянно подавали повод или к соблазну, или к скандалу. Молчаливые отшельники, добровольно отрекшиеся от всякого общения с людьми, имели право на самое горя-

чее одобрение со стороны Златоуста; но он ненавидел и считал позорящими свою святую профессию тех развратных монахов, которые так часто бродили толпами по улицам Константинополя в поисках за удовольствиями или за прибылью; свои поучения архиепископ нашел нужным подкреплять страхом, который внушала его власть, а рвение, с которым он пользовался правами своей церковной юрисдикции, не всегда воздерживалось от страстных увлечений и не всегда руководствовалось благоразумием. Златоуст был от природы желчного темперамента ⁴⁶⁾.

Хотя он всеми силами старался любить, согласно с евангельскими правилами, своих личных врагов, однако он удерживал за собою привилегию ненавидеть врагов Бога и церкви, а свои убеждения он иногда высказывал с чрезмерной энергичностью жестов и выражений. В видах здоровья или воздержания он не изменил своего прежнего обыкновения обедать в одиночестве, а эта негостеприимная привычка ⁴⁷⁾, которую враги приписывали его гордости, по меньшей мере поддерживала недостатки его угрюмого и необщительного характера. Лишив самого себя тех фамильярных сношений с людьми, при помощи которых гораздо легче изучать и улаживать дела, он возложил слепое доверие на своего диакона Серапиона и редко пользовался своим теоретическим знанием человеческой природы для изучения характеров своих подчиненных или себе равных. Сознывая чистоту своих намерений и, быть может, также превосходство своего ума, константинопольский архиепископ расширил пределы юрисдикции столичного города для того, чтобы можно было расширить и сферу своих пастырских трудов, и хотя такой образ действий нечестивцы приписывали честолюбию, в глазах самого Златоуста он был священным и необходимым долгом. Во время своей поездки по азиатским провинциям он отрёшил в Лидии и во Фригии от должности тринадцать епископов и имел неосторожность заявить, что все епископское сословие глубоко заражено продажностью и нравственной распущенностью. ⁴⁸⁾ Если эти епископы были невинны, то такое опрометчивое и несправедливое обвинение должно было возбудить основательное неудовольствие. Если же они были действительно виновны, то многочисленные сообщники их преступлений, должно быть, скоро пришли к убеждению, что их собственная безопасность зависит от падения архи-

епископа, которого они и постарались выдавать за тирана восточной церкви.

Этим заговором духовенства руководил александрийский архиепископ Феофил ⁴⁹⁾ — деятельный и честолюбивый пре-лат, употреблявший плоды своего хищничества на сооружение великолепных памятников. Его национальная ненависть к постоянно возраставшему величию столицы, низводившему его с второстепенного на третьестепенное положение среди христианских епископов, была усилена личными ссорами с самим Златоустом ⁵⁰⁾. По тайному приглашению императрицы Феофил прибыл в Константинополь в сопровождении сильного отряда египетских моряков для того, чтобы разгнать чернь, и многочисленной свиты из подчиненных ему епископов для того, чтобы обеспечить себе большинство голосов на соборе. Члены собора ⁵¹⁾ собрались в халкидонском предместье, прозванном "Дубом", где Руфин построил великолепную церковь и монастырь, а его занятия продолжались в течение четырнадцати дней или заседаний. Один епископ и один диакон выступили обвинителями константинопольского архиепископа; но изложенные ими сорок семь обвинительных пунктов были так мелочны и неправдоподобны, что могли бы быть основательно приняты за настоящий и неопровержимый панегирик. Златоусту были предъявлены один вслед за другим четыре вызова к суду, но он не захотел вверять и свою личность и свою репутацию произволу своих непримиримых врагов, которые, благоразумно уклонившись от разбирательства каких-либо особых обвинений, заочно осудили его за неповиновение и торопливо постановили приговор об отрешении его от должности. Члены собора немедленно обратились к императору с просьбою утвердить и привести в исполнение их приговор и из любви к ближнему намекнули, что смелый проповедник, оскорбивший под именем Иезавели императрицу Евдоксию, мог бы быть подвергнут наказанию за государственную измену. Один из императорских агентов арестовал архиепископа, провез его по городским улицам и, после непродолжительного плавания, высадил его у входа в Эвксинское море; но не прошло и двух дней, когда Златоуст был со славой приглашен вернуться в Константинополь.

Преданное ему население было так поражено удивлением, что в первую минуту оставалось безмолвным и неподвиж-

ным; но оно внезапно восстало с единодушной и непреодолимой яростью. Феофил спасся; но смешанная толпа монахов и египетских моряков подверглась на улицах Константинополя безжалостной резне ⁵²⁾. Кстати, случившееся землетрясение убедило всех, что само Небо вступает за архиепископа; поток мятежа направился к входу во дворец; императрица, взволнованная от страха или от угрызений совести, бросилась к ногам Аркадия и призналась ему, что только возвращение Златоуста может восстановить общественное спокойствие. Босфор покрылся бесчисленными судами; берега Европы и Азии осветились многочисленными огнями, и радостные возгласы одержавшего победу населения сопровождали от гавани до собора торжественное шествие архиепископа, слишком легкомысленно согласившегося снова вступить в отправление своей должности, когда состоявшийся над ним приговор еще не был законным порядком отменен властью церковного собора. Не сознавая или презирая угрожавшую ему опасность, Златоуст увлекся своим рвением или, быть может, желанием мщенья, стал с особенной язвительностью нападать на *женские* пороки и восставать против святотатственных почестей, которые воздавались статуе императрицы почти в самом соборе св. Софии. Его враги воспользовались его неосторожностью, чтобы раздражать надменную Евдоксию, и сообщили ей или, быть может, сами выдумали знаменитое вступление к проповеди: "Иродиада снова приходит в ярость; Иродиада снова начинает танцевать; она снова требует голову Иоанна"; это был такой дерзкий намек, которого она не могла простить ни как женщина, ни как императрица ⁵³⁾. Короткий промежуток времени притворного перемирия был употреблен на то, чтобы подготовить более целесообразные средства для низложения архиепископа. Многочисленный собор восточных епископов, издали руководимый наставлениями Феофила, подтвердил законность первого приговора, не входя в обсуждение его справедливости, и отряд варварских войск был введен внутрь города, чтобы подавить восстание населения. Накануне Пасхи торжественное совершение обряда св. Крещения было грубо прервано солдатами, оскорбившими стыдливость обнаженных оглашенных и нарушившими своим присутствием внушительную таинственность христианского обряда. Арзакий овладел церковью св. Софии и архиепископским тронem. Католики

отступили сначала к баням Константина, а потом в загородные поля, где их не переставали преследовать и оскорблять гвардейцы, епископы и должностные лица. Роковой день второго и окончательного изгнания Златоуста ознаменовался пожаром собора, сенатского здания и соседних домов, и это общественное бедствие было приписано, без всяких доказательств, но не без некоторого правдоподобия, раздражению гонимой партии ⁵⁴⁾.

Цицерон мог не без основания ставить себе в заслугу тот факт, что своим добровольным изгнанием он сохранил внутреннее спокойствие республики ⁵⁵⁾; но повиновение Златоуста было обязанностью и христианина и подданного. Он желал поселиться в Кизике, в Никомедии, но непреклонная императрица не обратила внимания на его почтительные просьбы и назначила местом его ссылки отдаленный и безлюдный городок Кукуз, в Нижней Армении, среди утесов Тавра. Его враги питали тайную надежду, что архиепископ не вынесет при летнем зное трудного и опасного семидесятидневного перехода через азиатские провинции, во время которого он непрерывно подвергался бы опасности погибнуть от нападения исавров и от более неукротимой ярости монахов.

Однако Златоуст благополучно достиг места своей ссылки, и те три года, которые он провел частью в Кукузе, частью в соседнем городке Арабиссе, были последними и самыми славными годами его жизни. Отсутствие и гонения возвысили его в общем мнении; ошибки его управления были позабыты; повсюду слышались только похвалы его гению и добродетелям, и почтительное внимание всего христианского мира было обращено на уединенный городок, лежавший среди утесов Тавра. Архиепископ, деятельный ум которого приобрел в несчастье новую энергию, вел из своего уединения постоянную переписку ⁵⁶⁾ с самыми отдаленными провинциями, увещевал отдельные конгрегации своих верных приверженцев не изменять своим убеждениям, настоятельно требовал разрушения языческих храмов в Финикии и искоренения ереси на острове Кипр, распространял свою пастырскую заботливость на миссии, отправленные в Персию и Скифию, вел через своих уполномоченных переговоры с римским первосвященником и с императором Гонорием и смело требовал, чтобы приговор частного собора был передан на рассмотре-

ние свободного и вселенского собора. Ум знаменитого изгнанника сохранял свою прежнюю самостоятельность, но на его теле могли удовлетворять свою злобу гонители, злоупотреблявшие именем и авторитетом Аркадия ⁵⁷⁾. Было прислано приказание немедленно перевезти Златоуста в самую глубь Пителинской степи, а его стража с такой точностью исполнила данные ей безжалостные инструкции, что прежде чем достигнуть берегов Эвксинского моря, он умер в Комане, в провинции Понт, на шестидесятом году от рождения. Следующее поколение признало его невинность и его заслуги. Восточные епископы, со стыдом вспоминая о том, что их предшественники были врагами Златоуста, мало-помалу склонились на убеждения римского первосвященника и восстановили честь этого почтенного имени ⁵⁸⁾. Вследствие благочестивых настояний константинопольского духовенства и населения его мощи были перенесены, через тридцать лет после его смерти, из их скромной могилы в царственный город ⁵⁹⁾. Император Феодосий выехал к ним навстречу до Халкидона и, бросившись на колени перед гробом оскорбленного святого, молил его о прощении от имени своих виновных родителей Аркадия и Евдоксии ⁶⁰⁾.

Однако есть основание сомневаться в том, чтобы от Аркадия действительно могла перейти по наследству к его преемнику какая-либо доля ответственности. Евдоксия была молодая и красивая женщина, не стеснявшаяся в удовлетворении своих страстей и презиравшая своего мужа; комит Иоанн пользовался по меньшей мере дружеским доверием императрицы, а в публике его считали отцом младшего Феодосия ⁶¹⁾. Тем не менее благочестивый супруг отнесся к рождению сына как к самому счастливому и славному событию и для него самого, и для его семейства, и для Восточной империи, и царственному ребенку были даны титулы Цезаря и Августа, — чему еще не было в прошлом примера. Менее чем через четыре года после того Евдоксия скончалась в цвете молодости от преждевременных родов, и эта ранняя смерть опровергла предсказание одного святого епископа ⁶²⁾, который осмелился среди всеобщей радости уверять ее, что она будет свидетельницей долгого и благополучного царствования ее славного сына. Католики хвалили правосудие Небес, отомстивших за преследование св. Златоуста, а император был едва ли не единственный человек, искренне оплакивавший

смерть высокомерной и жадной Евдоксии. Это семейное несчастье причинило ему более глубокое огорчение, чем все общественные бедствия, обрушившиеся на Восточную империю ⁶³⁾, — чем опустошение всех стран от Понта до Палестины исаврийскими хищниками, безнаказанность которых свидетельствовала о бессилии правительства, чем землетрясения, пожары, голод, появление саранчи ⁶⁴⁾, которые недовольный народ также готов был приписывать неспособности монарха. Наконец, на тридцать первом году своей жизни, после царствования (если можно так злоупотреблять этим словом), продолжавшегося тринадцать лет, три месяца и две недели, Аркадий испустил дух в своем константинопольском дворце. Нет никакой возможности обрисовать его характер, так как в этом промежутке времени, отличающемся обилием исторических материалов, нельзя отметить ни одной правительственной меры, инициатива которой принадлежала бы сыну великого Феодосия.

Впрочем, историк Прокопий ⁶⁵⁾ утверждает, что ум умирающего императора осветился лучом человеческой предусмотрительности или божественной мудрости. Аркадий с тревогой помышлял о беспомощном положении своего сына Феодосия, которому было только семь лет, об опасностях, которым подвергнут государство внутренние раздоры во время его малолетства, и о честолюбивых замыслах персидского царя Издигерда. Вместо того, чтобы вводить в соблазн какого-нибудь честолюбивого подданного, которому пришлось быверить верховную власть, он смело положился на царское великодушие и формальным завещанием передал скипетр Востока в руки самого Издигерда. Царственный опекун принял и исполнил возложенное на него почетное поручение с беспримерной честностью, молодость Феодосия охранялась оружием и советами персидского царя. Таков странный рассказ Прокопия; его достоверность не опровергается и Агафием ⁶⁶⁾, который, однако, не сходится с Прокопием в мнениях и нападает на неблагоприятие христианского императора, который так опрометчиво, хотя и удачно, вверил и своего сына и свои владения ничем не доказанной честности иностранца, соперника и язычника. По прошествии ста пятидесяти лет этот политический вопрос обсуждался при дворе Юстиниана, но осторожный историк откажется от взвешивания мотивов Аркадиева завещания, пока не убедится в его под-

линности. Так как во всемирной истории не встречается ничего подобного, то с нашей стороны вполне основательно требовать, чтобы его подлинность была удостоверена положительным и единогласным свидетельством современников. Возбуждающая в нас недоверие оригинальная новизна факта должна была обратить на себя их внимание; но их единодушное молчание доказывает неосновательность предания, возникшего в следующем столетии.

Если бы можно было применять к государству те принципы римской юриспруденции, которые были установлены для частной собственности, то они возложили бы на императора Гонория обязанности опекуна над его племянником до достижения этим последним по крайней мере четырнадцатилетнего возраста. Но бессилие Гонория и общественные бедствия, которыми ознаменовалось его царствование, помешали ему заявить столь естественное притязание; к тому же обе империи до такой степени разошлись и в своих интересах и в своих влечениях, что Константинополь подчинился бы воле персидского двора более охотно, чем воле двора итальянского. При таком монархе, который, достигнув возмужалости, прикрывает свое слабодушие внешними проявлениями власти, самые недостойные фавориты могут втайне достигать господствующего влияния при дворе и передавать покорным провинциям приказания властелина, который повинуетя их воле и которого они презирают. Но министры ребенка, который не может поддерживать их влияние санкцией своего царского имени, должны запасаться и пользоваться самостоятельной властью. Высшие гражданские и военные сановники, достигшие своих должностей прежде смерти Аркадия, составляли аристократию, способную воодушевиться идеями о свободной республике, и управление Восточной империей было удачным образом предоставлено префекту Анфемию⁶⁷⁾, который, благодаря своим высоким дарованиям, приобрел прочное влияние на умы своих сверстников. Свои достоинства и свою честность он доказал своими заботами о безопасности юного императора, а свою предусмотрительность и мужество тем, как управлял империей во время его малолетства. Ульдис, во главе многочисленной варварской армии, расположился лагерем в самом центре Фракии; он надменно отвергал все мирные предложения и, указывая на восходящее солнце, объявил римским послам, что лишь с угасанием это-

го светила прекратятся завоевания гуннов. Но его союзники, убедившись путем тайных сношений в справедливости и щедрости императорских министров, покинули Ульдиса, и он был вынужден уйти обратно за Дунай; племя скирров, составлявшее его арьергард, было почти совершенно истреблено, и многие тысячи пленных были рассеяны по азиатским провинциям для обрабатывания полей в качестве рабов ⁶⁸⁾. Среди общей радости по случаю этой победы было предпринято обнесение Константинополя новыми и более обширными городскими стенами; с такой же бдительной заботливостью были исправлены укрепления иллирийских городов, и был составлен хорошо задуманный план соорудить в течение семи лет флот из двухсот пятидесяти вооруженных кораблей, которые должны были охранять переправу через Дунай ⁶⁹⁾.

Но римляне уже так давно привыкли к власти монарха, что первый из членов императорского семейства (хотя бы и женского пола), обнаруживший некоторое мужество или дарования, мог без всякого сопротивления занять вакантный трон Феодосия. Его сестра Пульхерия ⁷⁰⁾, которая была старше его только двумя годами, получила, когда ей было шестнадцать лет, титул *Августы*, и хотя ее влияние иногда ослабевало от прихотей и от интриг, она не переставала управлять Восточной империей в течение почти сорока лет, — в течение долгого малолетства своего брата и после его смерти, от своего собственного имени и от имени Маркиана, который носил титул ее мужа, но не имел супружеских прав. Из благоразумия или из благочестия она обрекла себя на безбрачие, и несмотря на то, что о ее целомудрии иные отзывались с недоверием ⁷¹⁾, весь христианский мир прославлял как геройский подвиг благочестия ее настойчивость, которую она сумела сообщить и своим сестрам Аркадии и Марине.

В присутствии духовенства и народа три дочери Аркадия ⁷²⁾ посвятили Богу свою девственность, и их торжественный обет был записан на сделанной из золота и драгоценных камней дощечке, которую они публично пожертвовали в большой константинопольский собор. Их дворец превратился в монастырь, и за порог этого святилища было строго запрещено переходить мужчинам, за исключением тех лиц духовного звания, которые руководили совестью принцесс, и тех святых, которые позабыли о различии полов. Пульхерия, две ее сестры и отборная свита из знатных девушек образо-

вали религиозную общину; они отказались от суетной роскоши туалета, прерывали употребление простой и необильной пищи частыми постами, уделяли часть своего времени на занятие вышиванием и посвящали несколько часов дня и ночи на чтение молитв и пение псалмов. Благочестие христианской девственницы украшалось религиозным усердием и щедростью императрицы. Церковная история рассказывает о великолепных церквях, которые Пульхерия строила на свой счет во всех восточных провинциях, о благотворительных заведениях, которые она основывала для призрения чужеземцев и бедняков, о больших суммах, которые она назначала на содержание монастырей, и о напряженных усилиях, с которыми она старалась уничтожить ереси Нестория и Евтихия. Такие добродетели, по-видимому, заслуживали особых божеских милостей, и царственной святой было поведено путем видений и откровений о месте нахождения мощей мучеников и об имеющих случиться в будущем событиях ⁷³⁾. Впрочем, благочестие Пульхерии никогда не отвлекало ее от неутомимых занятий мирскими делами, и из всех преемников великого Феодосия, по-видимому, она одна унаследовала некоторую долю его мужества и дарований. Приобретенным ею умением с изяществом владеть и греческим и латинским языками она пользовалась и в разговорах, и в переписке, и в занятиях государственными делами; ее решения были зрело обдуманны; ее действия были быстры и решительны, а в то время как она без шума и без чванства приводила в движение колеса государственного механизма, она скромно приписывала гению императора продолжительное спокойствие его царствования. Правда, в последние годы его мирной жизни Европа пострадала от нашествия Атиллы, но обширные азиатские провинции не переставали наслаждаться глубоким и постоянным спокойствием. Младший Феодосий ни разу не был доведен до печальной необходимости бороться с бунтовщиками и подвергать их наказаниям, и хотя мы не можем похвалить Пульхерию за особую энергию в ее управлении, однако мягкость этого счастливого управления заслуживает в некоторой мере похвалы ⁷⁴⁾.

Весь римский мир был глубоко заинтересован в том, как будет воспитан его повелитель. Для Феодосия был составлен систематический план учебных занятий и телесных упражнений; его учили необходимому для военных искусств ез-

дить верхом и стрелять из лука, знакомили с грамматикой, риторикой и философией; самые искусные преподаватели старались из честолюбия приковывать к себе внимание своего царственного ученика, и несколько знатных юношей были введены во дворец для того, чтобы возбуждать его к прилежанию путем соревнования.

Одна Пульхерия исполняла важную обязанность поучать своего брата в искусстве управления; но правила, которые она ему внушала, возбуждают недоверие к обширности ее дарований или к чистоте ее намерений. Она учила его принимать серьезную и величественную позу; приличным для великого монарха образом ходить, носить свою мантию, садиться на трон; удерживаться от смеха; снисходительно выслушивать других; делать приличные ответы; придавать своему лицу то серьезное, то приветливое выражение — одним словом, представлять с грацией и достоинством особу римского императора. Но Феодосию ⁷⁵⁾ никогда не внушали желания поддержать славу своего блестящего имени, и вместо того, чтобы стараться подражать своим предкам, он превзошел в слабодушии и своего отца и своего дядю (если только можно допустить, что в такой полной неспособности существуют степени различия). Аркадий и Гонорий росли под бдительным надзором отца, наставления которого подкреплялись и его авторитетом и его примером. Но до тех несчастных монархов, которые рождаются на ступенях трона, никогда не доходит голос правды, и сын Аркадия провел свое вечное детство окруженным раболопною толпою женщин и евнухов. Многочисленные часы досуга, которыми он располагал благодаря пренебрежению к существенным обязанностям своего высокого положения, наполнялись пустыми забавами и не приносящими никакой пользы занятиями. Охота была единственным занятием, заставлявшим его выходить из своего дворца; но он очень усердно предавался механическим занятиям живописью и резьбою даже по ночам при свете лампы, а изящество, с которым он переписывал священные книги, дало римскому императору право на странный эпитет *каллиграфа*, или хорошего писца. Отделенный от всего мира непроницаемой завесой, Феодосий полагался на тех, кого любил; любил же он тех, кто привык забавлять его лень и льстить его наклонностям; а так как он никогда не читал бумаг, которые подавались ему для подписи, то от его имени

нередко совершались несправедливости, которые были вовсе не в его характере. Сам император был целомудрен, воздержан, щедр и сострадателен; но эти качества, заслуживающие название добродетелей только тогда, когда опираются на мужество и руководятся благоразумием, редко были благотворны для человечества, а иногда даже оказывались вредными. Его душа, расслабленная царским воспитанием, находилась под гнетом унижавших ее низких суеверий: он постился, распевал псалмы и слепо верил в чудеса и в догматы, которыми постоянно питалось его легкоеверие. Феодосий благочестиво чтит мертвых и живых святых католической церкви и однажды отказался от пищи, пока какой-то наглый монах, осмелившийся отлучить своего государя от церкви, не соблаговолил залечить нанесенную им духовную рану ⁷⁶⁾.

История красивой и добродетельной девушки, возвысившейся из положения подданной до императорского престола, могла бы быть принята за неправдоподобный роман, если бы этот роман не осуществился на самом деле в бракосочетании Феодосия. Знаменитая Афинаида ⁷⁷⁾ была воспитана своим отцом Леонтием в греческой вере и в знакомстве с греческой ученостью, и таково было хорошее мнение афинского философа о его современниках, что он разделил свое наследственное имение между своими двумя сыновьями, завещав дочери лишь небольшую сумму в сто золотых монет, в полной уверенности, что ее красота и достоинства будут для нее достаточным приданым. Зависть и корыстолюбие братьев Афинаиды скоро заставили ее искать убежища в Константинополе и броситься к стопам Пульхерии в надежде на ее справедливость или на ее милости. Эта дальновидная принцесса, выслушав ее красноречивые жалобы, втайне решила, что дочь философа Леонтия будет женою восточного императора, которому в ту пору только что минуло девятнадцать лет. Она возбудила в своем брате любопытство привлекательным описанием прелестей Афинаиды: ее больших глаз, правильного носа, прекрасного цвета лица, золотистых локонов, стройного стана, грациозных манер, украшенного просвещением ума и испытанной несчастьем добродетели. Феодосию доставили случай полюбоваться афинской красавицей, скрывшись в комнате сестры за занавесом; скромный юноша тотчас почувствовал к ней чистую и соединенную с уважением любовь, и императорская свадьба была отпразднована среди

громких изъявлений радости и столичного и провинциально-го населения. Афинаида, охотно согласившаяся отречься от языческих заблуждений, получила при крещении христианское имя Евдоксии; но предусмотрительная Пульхерия отказывала ей в титуле Августы до тех пор, пока жена Феодосия не доказала, что способна производить на свет детей, и пока она не родила дочь, которая, через пятнадцать лет после того, вышла замуж за западного императора. Братья Евдоксии не без страха явились на ее вызов; но так как ей нетрудно было простить им их дурное обхождение, приведшее к такой счастливой для нее развязке, то она удовлетворила нежную привязанность или, быть может, тщеславие сестры возведением их в звания консулов и префектов. Среди роскошной дворцовой обстановки она не переставала развивать в себе те благородные дарования, которые способствовали ее возвышению, и благоразумно посвятила их на пользу религии и своего супруга. Евдоксия написала поэтическое толкование на первые восемь книг Ветхого Завета и на пророчества Даниила и Захарии, центон из стихов Гомера с применением к жизни и чудесам Христа, легенду о св. Киприане и панегирик одержанным Феодосием в Персии победам. О ее произведениях, вызывавших похвалы в веке раболепия и суеверий, отзывалась не без одобрения и беспристрастная критика ⁷⁸⁾.

Привязанность императора не ослабела ни от времени, ни от обладания, и Евдоксии было дозволено, после выхода ее дочери замуж, отправиться на богомолье в Иерусалим в исполнение обета, данного ею из признательности за это счастливое событие. Пышность ее переезда через восточные провинции могла бы показаться несовместной с духом христианского смирения: с высоты престола, украшенного золотом и драгоценными камнями, она произнесла красноречивую речь к антиохийскому сенату, объявила о своем царском намерении расширить городские стены, назначила двести фунтов золота на исправление публичных бань и приняла предложение признательных антиохийцев воздвигнуть в честь ее статуи. В Святой Земле она превзошла в своих подаяниях и благочестивых учреждениях роскошь великой Елены, и хотя государственная казна должна была пострадать от ее чрезмерной щедрости, зато она возвратилась в Константинополь с радостной уверенностью, что привезла с собою цепи св.

Петра, правую руку св. Стефана и подлинный портрет св. Девы, написанный св. Лукою ⁷⁹⁾. Но это путешествие ко Святым Местам было роковым пределом могущества Евдоксии. Пресытившись пустым величием и, может быть, забыв, чем она обязана Пульхерии, она задумала забрать в свои руки управление Восточной империей; дворец сделался театром раздоров между двумя женщинами, но в конце концов преобладающее влияние Феодосиевой сестры доставило ей победу. Казнь министра двора Павлина и опала восточного преторианского префекта Кира доказали всем, что милостивое расположение Евдоксии не могло служить охраной для самых преданных ей друзей, а необыкновенная красота Павлина возбуждала подозрения, что вся его вина заключалась в том, что он был счастливым любовником ⁸⁰⁾. Лишь только императрица заметила, что она безвозвратно утратила привязанность Феодосия, она стала просить о позволении удалиться на жительство в Иерусалим. Ее просьба была удовлетворена; но даже в последнем ее убежище ее преследовали ревность Феодосия и мстительность Пульхерии, и комиту дворцовой прислуги Сатурнину было дано приказание подвергнуть смертной казни двух лиц духовного звания, пользовавшихся особым ее расположением. Евдокия немедленно отмстила за них умерщвлением самого комита, а бешенные страсти, которым она предалась в этом сомнительном случае, по-видимому, оправдывают строгость Феодосия: императрица была позорным образом лишена подобающих ее рангу почестей ⁸¹⁾ и, быть может, неосновательно унижена в глазах всего мира. Остальные лет около шестнадцати своей жизни Евдокия провела в изгнании и в делах благочестия, а приближение старости, смерть Феодосия, несчастья ее родной дочери, которая была отведена пленницей из Рима в Карфаген, и общество палестинских монахов, в котором она проводила свое время, — все это еще усилило религиозное настроение ее души. Испытав все превратности человеческой судьбы, дочь философа Леонтия испустила дух в Иерусалиме на шестьдесят седьмом году от рождения и перед самой смертью уверяла, что никогда не нарушала требований невинности и дружбы ⁸²⁾.

Жажда завоеваний или военной славы никогда не воспламеняла кроткую душу Феодосия, а незначительная тревога, возбужденная персидской войной, лишь слегка нарушила

спокойствие Востока. Мотивы этой войны были и основательны и честны. В последнем году царствования мнимого Феодосиева опекуна Издигерда один епископ, из желания получить венец мученика, разрушил в Сузах один из тамошних храмов Огня ⁸³⁾. Мщение, вызванное его религиозным рвением и упорством, обрушилось на его собратьев: маги возбудили безжалостное гонение, а духу религиозной нетерпимости, которым воодушевился Издигерд, стал подражать его сын Варан, или Барам, вскоре вслед затем вступивший на престол.

По случаю того, что некоторые из христиан искали спасения на римской территории, с одной стороны было заявлено грозное требование об их выдаче, а с другой — было в этом отказано; когда же раздражение, возбужденное этим отказом, усилилось от каких-то несогласий по вопросам, касавшимся торговли, то между двумя соперничавшими монархиями вспыхнула война. Их армии покрыли горы Армении и равнины Месопотамии, но военные действия двух следовавших одна за другою кампаний не привели ни к каким решительным или достопамятным событиям. Произошло несколько сражений, и было предпринято несколько осад с различными и нерешительными результатами, и если римляне не имели успеха в своей попытке снова отвоевать давно потерянный Низиб, зато и персы были отражены от стен одного из городов Месопотамии благодаря мужеству воинственного епископа, громившего врагов от имени апостола св. Фомы. Тем не менее правительственный курьер Палладий с неимоверной быстротой привозил в константинопольский дворец известия о блестящих победах, и по этому поводу устраивались празднества и писались панегирики. Из этих-то панегириков, вероятно, и почерпнули историки того времени ⁸⁴⁾ содержание своих необыкновенных и, быть может, вымышленных рассказов о надменном вызове на бой со стороны одного персидского героя, которого гот Ареобинд поймал в сеть и зарезал, о десяти тысячах *бессмертных*, которые были перебиты при нападении на римский лагерь, и о ста тысячах арабов или сарацинов, которыми овладел такой панический страх, что они стремглав бросались в Евфрат. К событиям такого рода можно относиться с недоверием или с пренебрежением, но нельзя умолчать о милосердии епископа Амиды Акакия, имя которого могло бы занимать почетное место в календаре свя-

тых. Смело заявив, что золотые и серебряные сосуды не нужны Богу, который не ест и не пьет, этот великодушный прелат продал утварь находившейся в Амиде церкви, употребил вырученные деньги на выкуп семи тысяч персидских пленников, удовлетворял их нужды с заботливою щедростью и отослал их назад на родину, чтобы они засвидетельствовали своему царю, каков истинный дух той религии, которую он гонит. Акты человеколюбия, совершаемые среди ужасов войны, непременно должны ослаблять вражду борющихся наций, и я охотно готов верить тому, что Акакий содействовал заключению мира. Во время переговоров, происходивших на границе между двумя империями, римские послы внушили весьма низкое понятие о характере своего государя, поставившись преувеличить размеры его могущества: они серьезно посоветовали персам предотвратить благовременным соглашением гнев монарха, который до тех пор будто бы еще ничего не знал о войне, возникшей на таком дальнем расстоянии. Было торжественно заключено перемирие на сто лет, и хотя происходившие в Армении перевороты могли угрожать общественному спокойствию, главные условия этого договора исполнялись преемниками Константина и Артаксеркса в течение почти восьмидесяти лет.

С той минуты, как римляне впервые столкнулись с парфянами на берегах Евфрата, царство Армянское ⁸⁵⁾ терпело угнетения попеременно то от одного, то от другого из своих могущественных покровителей, и мы уже имели случай говорить о многих выдающихся событиях, имевших последствием или заключение мира, или объявление войны. Постыдный мирный договор предоставил Армению на произвол честолюбивого Сапора, и весы, по-видимому, склонились на сторону Персии. Но царственный род Арсакидов неохотно подчинялся дому Сассанидов; буйная знать то отстаивала свою наследственную независимость, то изменяла ей, а народ все еще был привязан к исповедовавшим христианскую религию константинопольским императорам. В начале пятого столетия война и дух партий ⁸⁶⁾ разделили Армению на две части, а это противоестественное разделение ускорило падение этой древней монархии. Персидский вассал Хосрой царствовал над восточной и самой обширной частью страны, между тем как западная ее часть подчинялась юрисдикции Арсака и верховной власти императора Аркадия. После смерти Арсака

римляне уничтожили национальную монархию и превратили своих союзников в своих подданных. Главное военное начальство было возложено на комита армянской границы; город Феодосиополь ⁸⁷⁾ был построен на выгодной и сильно укрепленной позиции, на плодородной и возвышенной территории вблизи от устьев Евфрата, а подчиненные провинции управлялись пятью сатрапами, высокое звание которых узнавалось по их золотым и пурпуровым одеяниям.

Те из недовольных дворян, которые сожалели о том, что лишились своего царя, и завидовали почестям, выпавшим на долю их сверстников, вступили в переговоры с персидским двором, вымолили себе прощение и, возвратившись вместе со своими приверженцами во дворец Артаксаты, признали Хосроя своим законным государем. Лет через тридцать после того племянник и преемник Хосроя Артазир возбудил неудовольствие в высокомерной и причудливой армянской аристократии, и она единогласно потребовала, чтобы вместо недостойного царя ей дали персидского губернатора. Ответ архиепископа Исаака, поддержки которого дворяне настоятельно добивались, очень живо обрисовывает характер суеверного народа. Исаак оплакивал явные и неизвинительные пороки Артазира и объявлял, что не поколебался бы обвинить его перед трибуналом христианского императора, который наказал бы грешника, но не погубил бы его окончательно. "Наш царь, — продолжал Исаак, — не в меру предается чувственным наслаждениям, но он был очищен святыми водами крещения. Он очень любит женщин, но он не поклоняется ни огню, ни элементам. Его можно основательно упрекать в распутстве, но он бесспорно католик, и его вера чиста, хотя его нравы и гнусны. Я никогда не соглашусь отдать овцу из моего стада на съедение жадным волкам, а вы скоро раскаялись бы, опрометчиво променяв недостатки верующего на мнимые добродетели язычника" ⁸⁸⁾. Раздраженные твердостью Исаака, мятежные дворяне обвинили и царя и архиепископа в тайной преданности императору и имели неблагоразумие радоваться обвинительному приговору, который был торжественно постановлен самим Барамом после пристрастного разбирательства. Потомки Арсака были лишены царского достоинства ⁸⁹⁾, которым обладали в течение с лишком пятисот шестидесяти лет ⁹⁰⁾, а владения несчастного Артазира были превращены в провинции под новым и знаме-

менательным названием Персармения. Эта узурпация возбудила зависть в римском правительстве, но возникшие по этому поводу споры были скоро улажены путем полубовного, хотя и неравного, дележа древнего армянского царства, а территориальное приобретение, которым пренебрег бы Август, озарило некоторым блеском разваливавшуюся империю младшего Феодосия.

1) Монфокон, предпринявший по приказанию своих бенедиктинских начальников (см. Longueuana, ч. 1. стр. 205) издание сочинений св. Златоуста в тринадцати томах in folio (Париж, 1738), развлекался тем, что извлекал из этого обширного сборника нравственных поучений интересные сведения о древности, которые знакомят нас с нравами времен Феодосия (см. Орега св. Златоуста, том XIII, стр. 192-196) и служат пояснениями для французской диссертации Монфокона, помещенной в Memoires l'Acad. des Inscriptions, том XIII, стр. 474-490.

2) Основываясь на приблизительном соображении, что корабль может проплыть при попутном ветре тысячу стадий, или сто двадцать пять миль, в сутки, Диодор Сицилийский считает десять дней от Меотийского залива до острова Родоса и четыре дня от Родоса до Александрии. На плавание по Нилу от Александрии до Сизены, под тропиком Рака, требовалось десять дней, потому что приходилось плыть против течения. Диодор Сицил., том 1, кн. 3, стр. 200, изд. Весселинга. Он мог, не впадая в преувеличение, считать жгучим климат страны, лежащей на границе жаркого пояса; но о странах, лежащих близ Меотийского озера и находящихся под сорок седьмым градусом северной широты, он отзывался так, как можно бы было отзываться о странах, лежащих внутри Полярного круга.

3) Барфий, преклоняющийся перед достоинствами своего автора со слепым пристрастием комментатора, предпочитает две книги, написанные Клавдианом против Евтропия, всем остальным его произведениям (Baillet, Jugemens des Savans, том IV, стр. 227). Действительно, это очень изящная и остроумная сатира, но она имела бы более высокую цену для историка, если бы ее нападки были менее неопределенны и более сдержанны.

4) Выразив свое сожаление по поводу постоянно усиливающегося влияния евнухов в императорском дворце и объяснив, в чем именно заключаются их обязанности, Клавдиан присовокупляет:

..... a fronte recedant
Imperii

In Eutrop. 1. 422.

Однако евнух, как кажется, не занимал никакой важной должности, и в эдикте о его ссылке ему не дано никакого титула, кроме praepositus sacri cubiculi. См. Код. Феодосия, кн. 9, тит. 40, зак. 17.

5) Jamque oblita sui, nec sobria devitiis mens
In miseras leges hominumque negotia ludit;
Judicat cunuchus.....
Arma etiam violare parat.....

Клавдиан (1.229-270), с той смесью негодования и юмора, которая

всегда нравится в сатирике, описывает наглое безрассудство евнуха, унижение империи и радость готов:

.....gaudet, cum viderit hostis,
Et sentit jam deesse viros.

6) Живо описанное поэтом его уродство (1.110-125) подтверждается достоверным свидетельством Златоуста (том III, стр. 384, изд. Мон-фокона), который замечает, что, когда Евтропий смывал со своего лица румяна, оно казалось более отвратительным и более морщинистым, чем лицо старухи. Клавдиан замечает (1.469), — и его замечание, вероятно, основано на личных наблюдениях, — что едва ли существовал какой-нибудь промежуток времени между юностью и дряхлостью евнухов.

7) Евтропий, как кажется, был родом из Армении или из Ассирии. Клавдиан с особенной подробностью описывает следующие три рабские должности, которые исполнял Евтропий: 1. Он провел несколько лет на службе у Птолемея в должности грума или солдата, состоявшего при императорских конюшнях. 2. Птолемей отдал его старому полководцу Ариффею, при котором он с большим искусством занимался ремеслом сводника. 3. При вступлении дочери Ариффея в брак он был отдан ей в собственность; тогда будущий консул стал заниматься расчесыванием волос своей госпожи, стал подавать ей серебряный рукомыльник, обмывать ее и обмахивать веером в жаркую погоду. См. кн. 1, 31-137.

8) Клавдиан (кн. 1, in Eutrop. 1-22), перечислив различные чудеса, как-то: рождение уродов, говорящих животных, ливни крови и камней, двойное солнце и пр. — присовокупляет с некоторым преувеличением

Omnia cesserunt eunucho consule monstra.

Первая книга заканчивается благородной речью, с которой богиня Рима обращается к своему любимцу Гонорию и жалуется на *новое* унижение, которому ее подвергли.

9) Это был Фл. Маллий Феодор, отличавшийся гражданскими почестями и философскими произведениями, которые восхвалял Клавдиан в изящном панегирике.

10) "Опьяневший от богатства" — таково энергическое выражение Зосима (кн. 5, стр. 301); об алчности Евтропия упоминается с отвращением и в "Лексиконе" Свидаса и в "Хронике" Марцеллина. Златоуст нередко обращался к фавориту с увещаниями, доказывая ему тщету и опасность неумеренного богатства. Том III, стр. 381.

11) ..... certantum saepe duorum

*Diversum suspendit onus: cum pondere Iudex
Vergit, et in geminas nutat provincia lances.*

Клавдиан (1.192-209) так обстоятельно описывает подробности этой продажи, что они как будто служат указанием на действительно происшедшие факты.

12) Клавдиан (1.154-170) упоминает и о виновности Абунданция и его ссылке; при этом он не преминул указать на пример мастера, впервые попытавшегося вылить бронзового быка, которого он представил Фаларису. См. Зосима, кн. 5, стр. 302, и Иеронима, том 1, стр. 26. Было бы нетрудно согласить между собою различные указания этих писателей на место ссылки; но решительный авторитет Астерия Ама-

сийского (Orat. 4, стр. 76, apud Тильемон, Hist. des Empereurs, том V, стр. 435) дает перевес Питию.

13) Свидас (вероятно, заимствовавший свои сведения из истории Еванпия) отзываясь о Тимазии очень неодобрительно. И доклад обвинителя, и выбор судей, и порядок судопроизводства и пр. — все вполне согласно с тем, что делалось и делается при дворах (см. Зосима, кн. 5, стр. 298-300). Я даже готов бы был сослаться на тот роман великого писателя (Произведения Фильдинга, ч. IV, стр. 49 и сл., изд. in 8 — vo), который может считаться за историю человеческой природы.

14) Большим оазисом называли одно из тех пространств в песчаной Ливийской степи, которые орошаются ключами и на которых можно разводить пшеницу, ячмень и пальмовые деревья. В длину от севера к югу его можно пройти в три дня, а в ширину полдня; он находился почти в пяти днях пути к западу от Абида, лежащего на Ниле. См. Анвилля Description de l'Egypte, стр. 186-188. Бесплодная степь, со всех сторон окружающая оазис (Зосим, кн. 5, стр. 300), придавала еще большую цену его плодородию, и ему стали предпосылать название *счастливого острова* (Геродот, 3, 26).

15) Marmoricus claris violatur caedibus Hammon.

В этих словах Клавдиан (in Eutrop., кн. 1. 180), очевидно, намекает на *его* убеждение в смерти Тимазия.

16) Созомен, кн. 8, гл. 7. Он говорит со слухов.

17) Зосим, кн. 5, стр. 300. Впрочем, он, как кажется, подозревает, что этот слух был распушен приверженцами Евтропия.

18) См. *Код.* Феодосия, кн. 9, тит. 14, ad legem Cornelianam de Sicariis, зак. 3 и *Код.* Юстиниана, кн. 9, тит. 8, ad legem Juliam de Majestate, зак. 5. Изменение заглавного титула из убийства в государственную измену было улучшение, сделанное лукавым Трибонианом. В диссертации, включенной в его Комментарий, Годефруа разъясняет этот Аркадиев закон и все те трудные места, смысл которых был извращен юристами в века невежества. См. том III, стр. 88-111.

19) Бартоль* истолковывает это в смысле простого знания о преступном намерении без всяких выражений одобрения или готовности к содействию. За такое мнение, говорит Балд**, он теперь жарится в аду. Что же касается самого меня, продолжает осмотнительный Гейнеций (Element. Jur. Civil, кн. 4, стр. 411), то я должен одобрить теорию Бартоля, но на практике я готов разделять мнение Балда. Однако на Бартоля серьезно ссылались законоведы кардинала Ришелье, и Евтропий был косвенным виновником смертной казни добродетельного Де-Ту.

20) Годефруа, том III, стр. 89. Впрочем, некоторые подозревают, что этот закон, столь несогласный с принципами германской свободы, был внесен путем подлога в "Золотую Буллу".

21) Зосим (кн. 5, стр. 304-312) оставил нам о восстании Трибигильда и Гайны обширный и подробный рассказ, который он мог бы с большей пользой приберечь для более важных событий. Также см. Сок-

* Знаменитый правовед, живший в четырнадцатом столетии. — *Прим переводчика.*

** Правовед, живший также в четырнадцатом столетии и вышедший из школы Бартоля. — *Прим. переводчика.*

рата, кн. 6, гл. 6, и Созомена, кн. 8, гл. 4. Вторая книга Клавдиана, написанная в осуждение Евтропия, представляет изящный, хотя и не полный, исторический отрывок.

22) Клавдиан (in Eutrop., кн. 2, 237-250) очень основательно замечает, что древнее название фригийцев далеко распространялось во все стороны, пока пределы этой нации не были сужены колониями Фракийских вифинцев, греков и, наконец, галлов. Его описание (11, 257, 272) плодородия Фригии и четырех рек, на дне которых находят золото, верно и живописно. (Вифинские фракийцы было то название, под которым впервые сделались известны грекам потомки кельтских племен; когда эти последние были оттеснены от берегов Аракса, они перешли в Малую Азию под именем киммериои (кимров), а впоследствии назывались галатами. — *Издат.*)

23) Ксенофонт, *Анабасис*, кн. 1, стр. 11, 12, изд. Гучинсона. Страбон, кн. 12, стр. 865. изд. Амстел. Кв. Курц., кн. 3, гл. 1. Клавдиан сравнивает слияние Марсия и Меандра со слиянием Саоны и Роны, с тем, однако, различием, что течение меньшей из фригийских рек не ускоряется, а замедляется более широкою рекою.

24) Лакедемонская колония Селга насчитывала в былое время двадцать тысяч граждан; но во времена Зосима она была лишь незначительным городом — *poliken*. См. *Geograph. Antiq.* Целлария, том II, стр. 117. (Полибий (кн. 5, гл. 72-76) рассказывает подробно о войнах, которые велись жителями Селги и которые служат доказательством их прежнего значения. В более поздний период времени (кн. 31, гл. 9) они, по соглашению с соседними государствами, отправляли в Рим послов с жалобами на Эвмена и Аттала Пергамского. Страбон (кн. 12) описывает положение этой местности, а во времена Плиния оно славилось своим оливковым маслом. "*Oleum Selgiticum nervis admodum utile*" *Hist. Nat.* кн. 15, гл. 7. — *Издат.*)

25) Совет, созданный Евтропием, имеет в описании Клавдиана сходство с советом, который созывает Домициан в четвертой сатире Ювенала. Главными членами первого были *Juvenes protervi, lascirique senes*; один из них был поваром, а другой чесальщиком шерсти. Выражения, свойственные их первоначальной профессии, выставляяют в смешном виде присвоенное ими звание, а их пустая болтовня о трагедиях, о танцовщиках и пр. становится еще более забавной благодаря серьезности, с которой они обсуждают эти предметы.

26) Клавдиан (кн. 2, 376-461) заклеил его позором, а Зосим поддерживает его нападки в более сдержанных выражениях (кн. 5, стр. 305).

27) Заговор Гайны и Трибигильда, существование которого удостоверено греческим историком, не дошел до сведения Клавдиана, который приписывает восстание остгота его воинственному характеру и советам его жены.

28) Этот анекдот, сохранившийся только в сочинениях Филосторгия (кн. II, гл. 6 и *Диссерт.* Годефруа, стр. 451-456), интересен и важен, потому что он указывает на связь между восстанием готов и дворцовыми интригами.

29) См. проповедь Златоуста, том III, стр. 381-386, в которой особенно хорошо вступление. Сократ, кн. 6, гл. 5. Созомен, кн. 8, гл. 7.

Монфокон (в своем жизнеописании Златоуста, том XIII, стр. 135) неосновательно полагает, что Трибигильд находился в ту пору в Константинополе и что он командовал теми солдатами, которым было приказано схватить Евтропия. Даже языческий поэт Клавдиан (Praet. ad I. 2 in Eutrop. 27) упоминает о том, что евнух укрылся в святилище.

Suppliciterque plas humilis prostratus ad aras,
Mitigat iratas voce tremante nurus.

30) В другой проповеди (том III, стр. 386) Златоуст утверждает, что Евтропий не был бы арестован, если бы не вышел из церкви. Напротив того, Зосим (кн. 5, стр. 313) полагает, что его враги принудили его выйти из святилища. Однако данное ему обещание доказывает, что состоялось какое-то соглашение, а положительное утверждение Клавдиана (Praet. ad I. 2.46)

Sed tamen exemplo non feriere tuo

может быть принято за доказательство того, что было дано какое-то обещание.

31) Код. Феод. кн. 9, тит. II, зак. 14. Время издания этого эдикта (17 янв. А. Д. 399) неверно, так как падение Евтропия не могло произойти ранее осени того же года. См. Hist. des Empereurs Тильемона, том V, стр. 780.

32) Зосим, кн. 5, стр. 313. Филосторгий, кн. 11, гл. 6.

33) Зосим (кн. 5, стр. 313-323), Сократ (кн. 8, гл. 4) и Феодорит (кн. 5, гл. 32, 33) описывают с некоторым различием в подробностях заговор, поражение и смерть Гайны.

34) Hosias Eufemias maktyrion — это подлинные слова самого Зосима (кн. 5, стр. 314), который по неосторожности употребляет усвоенные христианами выражения. Евагрий описывает (кн. 2, гл. 3) положение, архитектуру, мощи и чудеса этой знаменитой церкви, в которой впоследствии заседали члены Халкидонского собора.

35) Феодорит ссылается на благочестивые протесты Златоуста, о которых ничего не известно из его сочинений; но уверение Феодорита, что эти протесты увенчались успехом, опровергается фактами. Тильмон (Hist. des Empereurs, том V, 383) выяснил то обстоятельство, что император был вынужден обратиться к слиткам сосудов церкви св. Апостолов для того, чтобы удовлетворить корыстолюбивые требования Гайны.

36) Церковные историки, которые иногда руководят общественным мнением, а иногда служат его отголоском, положительно утверждают, что константинопольский дворец охранялся легионом ангелов.

37) Зосим (кн. 5, стр. 319) называет эти галеры *Либуридскими* и замечает, что они были так же быстры на ходу, как и пятидесятисельные галеры (не объясняя, какая же была между ними разница); но он говорит, что они далеко уступали в скорости хода давно уже вышедшим из употребления *трехвесельным* судам. Впрочем, ссылаясь на свидетельства Полибия, он основательно утверждает, что во время Пунических войн строились галеры гораздо больших размеров. С тех пор как римляне утвердили свое владычество над Средиземным морем, сделавшееся бесполезным искусство строить большие военные суда, вероятно, впало в пренебрежение и в конце концов было совершенно позабыто.

38) Chishull (Travels, стр. 61-63, 72-76) проехал из Галлиполи через

Адрианополь до Дуная почти в две недели. Он ехал в свите английского посла, за которым следовал обоз на семидесяти одной повозке. Этот ученый-путешественник имеет то достоинство, что он описал интересную дорогу, по которой очень редко ездят.

39) Рассказ Зосима, полагающего, что Гайна перешел через Дунай, должен быть дополнен свидетельствами Сократа и Созомена, которые говорят, что Гайна был убит во Фракии, и точными и достоверными указаниями времени в Александрийской или Пасхальной Хронике, стр. 307. Морская победа на Геллеспонте была одержана, как полагают, в месяце Апеллея, в десятую из январских календ (23 декабря); голова Гайны была доставлена в Константинополь в третью из январских нон (3 января) в месяце Авдинее. (Филосторгий сообщает только то, что Гайна бежал в Верхнюю Фракию и был убит какими-то гуннами, *tines tōn Hounnon*. Это, вероятно, были какие-нибудь шайки хищников, бродивших к югу от Дуная. Рассказ Сократа и Созомена, что он был убит римлянами во Фракии, считается Клинтон за вымысел, заимствованный из поэмы Евсевия. Клинтон также полагает, что победа была одержана Фравиттой 14 декабря, а голова Гайны была доставлена в Константинополь 11 января и что между этими двумя событиями, стало быть, прошло двадцать восемь дней. F. R. I. 548-551. — *Издат.*)

40) Схоластик Евсевий приобрел большую известность своей поэмой о войне с готами, в которой он сам участвовал. Почти через сорок лет после того Аммоний читал в присутствии императора Феодосия другую поэму на тот же сюжет. См. Сократа, кн. 6, гл. 6.

41) Шестая книга Сократа, восьмая Созомена и пятая Феодорита содержат интересные и достоверные материалы для жизнеописания Иоанна Златоуста. Кроме этих историков, моими руководителями были четыре главных биографа этого святого: 1. Автор пристрастного оправдания константинопольского архиепископа, которое было написано в форме диалога и подписано именем его ревностного приверженца Еленопольского епископа Палладия. (Тильмон, *Mem. Eccles.*, том XI, стр. 500-533). Оно помещено в Собрании Сочинений Златоуста, том XIII, стр. 1-90, изд. Монфокона. 2. Благоразумный Эразм (том III, *посл.* 1150, стр. 1331-1347, edit. Lugd. Bat.). Живость его рассказа и его здравый смысл составляют лично ему принадлежащие достоинства; а его заблуждения были почти неизбежны при тогдашнем поверхностном знакомстве с церковными древностями. 3. Ученый Тильмон (*Mem. Ecclesiastiques*, том XI, стр. 1-405, 547-626 и сл.), составлявший жизнеописания святых с невероятным терпением и с религиозной аккуратностью. Он тщательно изучил многотомные произведения самого Златоуста. 4. Отец Монфокон, читавший эти произведения с любознательным вниманием издателя, отыскал несколько новых проповедей, пересмотрел жизнеописания Златоуста и написал новое (*Opera Chrysostomi*, том XIII, стр. 91-177).

42) (Неандер (*Ист. Христ.*, ч. 3, стр. 321) замечает, что и Григорий Назианзин, и Иоанн Златоуст, и Феодорит, и Августин были много обязаны своими выдающимися достоинствами материнским заботам, которыми они пользовались в своем детстве. Мать Златоуста, антиохийская уроженка Анфуза, "удалилась от суеты большого света, к которому принадлежала по своему общественному положению,

в мирное уединение домашней жизни; лишившись мужа, когда ей было двадцать лет, она из уважения к его памяти и из желания посвятить себя на воспитание своего сына решила остаться вдовой, и отчасти благодаря ее благочестивым наставлениям и заботам мальчик впоследствии прославился как великий проповедник". Результаты этого удаления от света указаны в том же сочинении (ч. IV, стр. 417). Оно придало характеру Златоуста определенный оттенок, дало его уму мягкое направление, преимущественно практическое и лишь слегка склонное к систематизации, и развило в нем "искренность и приветливость, над которыми господствовала любовь к ближним". Это была совершенно негодная подготовка к тому посту, до которого он возвысился своими дарованиями и которого он лишился, провинившись в бескорыстной честности. — *Издат.*)

43) (Однако несмотря на склонность Златоуста к добрым делам, мы не находим никакого следа таких учреждений, которые были бы основаны для воспитания мирян. Пренебрежение к этой главной обязанности общественных наставников было до такой степени в привычках людей его сословия, что в своих стараниях сдержать развитие нравственной испорченности он не находил иных для этого средств, кроме правил церковного благочиния и проповедей. — *Издат.*)

44) Так как я *почти* вовсе *незнаком* с наполняющими целые тома проповедями Златоуста, то я положился в этом отношении на самых здравомыслящих и самых воздержных между церковными критиками на Эразма (том III, стр. 1344) и на Дюпена *Bibliothèque Ecclesiastique* (том III, стр. 38), хотя у первого из них изящество вкуса иногда страдает от чрезмерной любви к древности, а у второго здравый смысл постоянно сдерживается соображениями, внушаемыми осторожностью.

45) Константинопольские дамы отличались или ненавистью, или преданностью к Златоусту. Три знатные и богатые вдовы, Марса, Кастриция и Еграфия, стояли во главе тех, кто возбуждал против него гонение (Паллад. *Dialog.* том XIII, стр. 14). Они не могли простить проповеднику высказанных им упреков за то, что они стараются скрыть под изящным туалетом свои лета и свою невзрачность. (Паллад., стр. 27). Благодаря такому же рвению, выказанному из более благочестивых соображений, Олимпия удостоилась титула святой. См. Тильемона, *Mém. Eccles.*, том XI, стр. 416-440.

46) Созомен и в особенности Сократ обрисовали настоящий характер Златоуста с воздержной и беспристрастной свободой, которая очень не по вкусу его слепым поклонникам. Эти историки жили при следующем поколении, когда уже стихло раздражение партий, и находились в сношениях со многими лицами, близко знакомыми и с добродетелями, и с недостатками святого.

47) Палладий (том XIII, стр. 40 и сл.) приводит в защиту архиепископа очень серьезные соображения. 1. Златоуст никогда не пил вина. 2. Слабость его желудка требовала строгой диеты. 3. Нередко случалось, что или деловые занятия, или занятия ученые, или дела благочестия не давали ему времени пообедать до солнечного заката. 4. Он питал отвращение к шуму и пустой болтовне больших обедов. 5. Он сокращал свои расходы для того, чтобы помогать бедным. 6. В та-

кой столице, как Константинополь, он опасался возбудить зависть и вызвать упреки, принимая то или другое приглашение.

48) Златоуст не стесняясь заявляет (том IX, пропов. 3, in Act. Apostol. стр. 29), что число епископов, которые могут ожидать вечного спасения, очень незначительно в сравнении с числом тех, которые будут осуждены на вечные мучения.

49) См. Тильемона, Мет. Eccles., том XI, стр. 441-500.

50) Я с намерением умолчал о споре, возникшем между египетскими монахами, касательно учений Оригена и представления божества под человеческим видом, о лицемерии и насилиях Феофила, о коварстве, с которым он руководил добродушным Эпифанием, о гонении и бегстве длинной или высокой монашествующей братии, о двусмысленной поддержке, которую она получала в Константинополе от Златоуста, и пр. (Неандер Ист. Христ., ч. IV, стр. 469-474) более подробно описал интриги Феофила. Гиббон не должен бы был "с намерением умалчивать" о бегстве египетских монахов в Константинополь, так как жалоба, с которой они обратились к императору, послужила поводом для вызова александрийского епископа на суд собора, который он ловко превратил в орудие для низложения Златоуста. — *Издат.*)

51) Фотий (стр. 53-60) сохранил подлинные акты *Дубского* собора; они опровергают неосновательное предположение, будто Златоуст был осужден не более как тридцатью шестью епископами, из которых двадцать девять были египтяне. Его приговор подписан сорока пятью епископами. См. Тильемона, Мет. Eccles., том XI, стр. 595.

52) Палладий сознается (стр. 30), что, если бы константинопольское население поймало Феофила, оно непременно бросило бы его в море. Сократ упоминает (кн. 6, гл. 17) о сражении, которое происходило между народной толпой и александрийскими моряками и в котором было много раненых и несколько убитых. Об избиении монахов упоминает один язычник Зосим (кн. 5, стр. 324), который признает за Златоустом особый талант руководить безграмотной толпой.

53) Сократ, кн. 6, гл. 18. Созомен, кн. 8, гл. 20. Зосим (кн. 5, стр. 324-327) упоминают в общих выражениях об оскорблениях, которые он наносил Евдоксии. Проповедь, начинающаяся этими знаменитыми словами, считается подложной. Монфокон, том XIII, стр. 151. Тильмон, Мет. Eccles., том XI, стр. 603.

54) Мы находим естественным такое обвинение со стороны Зосима (кн. 5, стр. 327), но нас удивляет то, что оно подтверждается Сократом, кн. 6, гл. 18 и Пасхальной Хроникой, стр. 307.

55) Он излагает мотивы своего образа действий (Post Reditum, гл. 13, 14) языком оратора и государственного человека.

56) До нас дошли двести сорок два послания Златоуста (Opera, том III, стр. 528-736). Они адресованы к множеству различных лиц и обнаруживают такую твердость духа, какой не было у Цицерона во время его изгнания. Четырнадцатое послание содержит интересное описание опасностей, которым он подвергался на пути.

57) После изгнания Златоуста Феофил издал *огромную и ужасную* книгу, в которой нападал на него и беспрестанно употреблял такие вежливые выражения, как "hostem humanitatis, sacrilegorum principem, immundum daemonem". Феофил утверждал, что Иоанн

Златоуст предал свою душу дьяволу, и выражал желание, чтобы его подвергли такому наказанию, которое соответствовало бы (если только это возможно) гнусности его преступлений. Св. Иероним, по желанию своего друга Феофила, перевел это назидательное произведение с греческого языка на латинский. См. *Facundus Hermian. Defens. pro 3. Capitul.*, кн. 6, гл. 5, изд. Сирмонда. *Opera*, том II, стр. 595-597.

58) Его имя было внесено его преемником Атиком в списки константинопольской церкви, А. D. 418. Через десять лет после того его стали чтить как святого. Кирилл, унаследовавший от своего дяди Феофила и его должность и его страсти, уступил очень неохотно. См. *Facund. Hermian.* кн. 4, гл. 1. Тильефон, *Mem. Eccles.*, том XIV, стр. 277-283.

59) Сократ, кн. 7, гл. 45. Феодорит, кн. 5, гл. 36. Это событие привело к примирению с Иоаннитами, которые до тех пор не хотели признавать его преемников. В течение его жизни Иоанниты считались католиками за истинно православное общество константинопольских христиан; их упорство мало-помалу привело их к тому, что их стали считать почти за еретиков.

60) По некоторым рассказам (Бароний, *Annal. Eccles.* A. D. 438, N 9, 10), император был вынужден послать письмо с приглашением и с известиями, прежде нежели тело этого церемонного святого могло двинуться из Команы.

61) Зосим, кн. 5, стр. 315. Целомудрие императрицы нельзя подвергать сомнению без ссылки на свидетеля; но весьма странно то, что такой свидетель писал и жил в царствование того самого монарха, законность рождения которого он опровергал. Следует полагать, что его история была не что иное, как пасквиль, написанный под влиянием духа партии, читавшийся тайком и ходивший по рукам между язычниками. Тильефон (*Hist. des Empereurs*, том V, стр. 782) готов заклеить репутацию Евдокии.

62) Порфирий, епископ Газы. Он отличался таким религиозным рвением, что пришел в восторг при получении приказа разрушить в этом городе восемь языческих храмов. См. интересные подробности его жизни (Бароний, A. D. 401 N 17-51), первоначально описанные на греческом или, быть может, на сирийском языке монахом, который был его любимым диаконом.

63) Филосторг., кн. II, гл. 8 и *Диссерт.* Годефрау, стр. 457.

64) Иероним (том VI, стр. 73-76) описывает яркими красками периодические и опустошительные появления саранчи, которая пронеслась над Палестиной как мрачная туча. Кстати поднявшийся ветер загнал ее частью в Мертвое море, частью в Средиземное.

65) Прокопий, *de Bell. Persic.*, кн. 1, гл. 2, стр. 8, Лувр. изд.

66) Агафий, кн. 4, стр. 136, 137. Хотя он признает существование этого предания, он утверждает, что Прокопий был первый, изложивший его письменно. Тильефон (*Hist. des Empereurs*, том VI, стр. 597) очень рассудительно взвешивает правдоподобие этого вымысла. Его критика не преклонялась ни перед каким церковным авторитетом, так как и Прокопий и Агафий были полуязычники.

67) Сократ, кн. 7, гл. 1. Анфемий был внук одного из министров Констанция, по имени Филипп, и дед императора Анфемия. После свое-

го возвращения из Персии, куда ездил в качестве посла, он был назначен в 405 году консулом и преторианским префектом восточных провинций; в звании префекта он пробыл десять лет. О полученных им отличиях и о вызванных им похвалах можно найти сведения у Годефрау, *Код. Феод.*, том VI, стр. 350. Тильемен, *Hist. des Emp.*, том VI, стр. 1 и след.

68) Созомен, кн. 9, гл. 5. Он видел нескольких скирров, работавших подле горы Олимпа в Вифинии и без всякого основания ласкал себя мыслью, что эти пленники были последними представителями своей нации.

69) *Код. Феод.*, кн. 7, тит. 17; кн. 15, тит. 1, зак. 49.

70) Созомен наполнил три главы блестящими похвалами Пульхерии (кн. 9, гл. 1-3), а Тильемен (*Memoires Eccles.*, том XV, стр. 171-184) посвятил отдельную статью в честь девственницы и императрицы св. Пульхерии.

71) Свидас (*Excerpta*, стр. 68, in *Script. Byzant.*), опираясь на свидетельство несториан, полагает, что Пульхерия ненавидела основателя их секты за то, что он порицал ее любовную связь с красавцем Павлином и ее кровосмесительную связь с ее братом Феодосием.

72) См. Дюканжа, *Famil. Byzantin.*, стр. 70. Старшая дочь Феодосия Флакилла или умерла ранее Аркадия, или жила до 431 года (*Хрон. Марцеллина*), но вследствие каких-нибудь умственных или физических недостатков не пользовалась приличными ее рангу почестями.

73) Неоднократно повторявшиеся сновидения указали ей то место, где были зарыты мощи сорока мучеников. Это место сначала принадлежало дому и саду одной константинопольской дамы, потом составляло собственность монастыря македонских монахов и церкви св. Фирса, построенной Цезарием, который был консулом в 397 году, а воспоминание о мощах почти совершенно изгладилось. Несмотря на человеколюбивые пожелания докт. Жортена (*Примеч.*, том IV, стр. 234), нелегко сложить с Пульхерии некоторую долю участия в благочестивом подлоге, который был совершен в то время, как ей было более тридцати пяти лет.

74) Нибур (*Лекц.* 3. 335) говорит, что "Восток очень дурно управлялся" Пульхерией. Ее царствование было спокойно, потому что все силы варваров были отвлечены на Запад, персидский монарх бездействовал, а население совершенно утратило свое мужество. Но происходившие в этот период времени церковные смуты занимают в четвертом томе "Истории" Неандера около четырехсот страниц. В этих смутах Пульхерия играла выдающуюся роль и была орудием в руках Кирилла, который заменил своего дядю Феофила в звании александрийского архиепископа и был одним из самых честолюбивых и самых неразборчивых на средства прелатов. — *Издат.*)

75) Между двумя церковными историками, вообще очень редко противоречащими один другому, существует замечательное разномыслие. Созомен (кн. 9, гл. 1) приписывает Пульхерии управление империей и воспитание ее брата, которого он с трудом удостоивает некоторых похвал. А Сократ хотя и заявляет с некоторой аффектацией о том, что не ищет ни милостей, ни славы, однако сочинил тщательно обработанный панегирик в честь императора и благоразумно умолчал о достоинствах его сестры (кн. 7, гл. 22-42). Филосторгий (кн. 12,

гл. 7) отзывается о влиянии Пульхерии в мягких и вежливых выражениях: Свидас (Excerpt., стр. 53) верно описал характер Феодосия, а я последовал примеру Тильемона (том VI, стр. 25), заимствовав некоторые подробности от новейших греческих писателей.

76) Феодорит, кн. 5, гл. 37. Епископ Киррский, считавшийся самым ученым и самым благочестивым человеком своего времени, хвалит Феодосия за его подчинение божеским законам. (Так как слабоумным Феодосий не мог жить иначе как под руководством каких-нибудь опекунов, то он чтит все, что предписывалось какою бы то ни было церковною властью. *Я не могу давать приказаний епископам* — так отвечал он тому, кто обратился к нему с жалобой на какие-то противозаконные епископские распоряжения (Неандер, IV, 171). — *Издат.*)

77) Сократ (кн. 7, гл. 21) упоминает о ее имени (дочь афинского софиста Леонтия Афинаида), крещении, вступлении в брак и поэтических дарованиях. Самые древние описания ее судьбы находятся в сочинениях Иоанна Малалы (ч. 2, стр. 20, 21, изд. Венец. 1733) и в Пасхальной Хронике (стр. 311, 312). Эти писатели, вероятно, видели подлинные портреты императрицы Евдоксии. Новейшие греческие писатели Зонара, Кедрин и другие обнаружили скорее свою склонность к вымыслам, нежели свой талант в упражнении этого рода. Впрочем, от Никифора я позволил себе заимствовать сведения о ее возрасте. Сочинитель романа не стал бы выдумывать, что Афинаиде было почти двадцать восемь лет, когда она воспламенила сердце юного императора.

78) Сократ, кн. 7, гл. 21. Фотий, стр. 413-423. Центон из гомеровских стихов до сих пор сохранился и был несколько раз перепечатываем; но некоторые критики не признают за Евдоксией авторских прав на это пошлое произведение. См. Фабриций, Biblioth. Graec., том 1, стр. 357. Смешанный сборник исторических фактов и вымыслов, носящий название Ionia, был составлен другой императрицей, которая также называлась Евдоксией и жила в одиннадцатом столетии; это произведение дошло до нас в рукописи.

79) Бароний (Annal. Eccles. A. D. 438, 439) подробен и цветист, но его обвиняют в том, что он ставит вымыслы различных веков на один уровень с достоверными фактами.

80) В этом кратком описании опалы Евдоксии я был так же осмотрителен, как Евагрий (кн. 1, гл. 21) и комит Марцеллин (in Chron. A. D. 440 и 444). Этот последний делает два таких достоверных указания времени, которые ниспровергают греческие вымыслы, а знаменитая история *с яблоком* и пр. годна только для арабских сказок "Тысяча и одной ночи", в которых действительно встречается нечто подобное.

81) Приск (in Excerpt. Legat., стр. 69), который был и современником и царедворцем, называет ее попросту ее именами, языческим и христианским, не прибавляя к ним никаких почетных или почтительных титулов.

82) Касательно *двух* странствований Евдоксии к Святым Местам, ее продолжительного пребывания в Иерусалиме, ее благочестия, подаяний и пр. см. Сократа (кн. 7, гл. 47) и Евагрия (кн. 1, гл. 20-22.) Пасхальная Хроника иногда стоит того, чтобы в нее заглядывали, а в

том, что касается истории Антиохии, Иоанн Малала такой писатель, который имеет право на доверие. Аббат Генэ в записке о плодородии Палестины, бывшей у меня перед глазами лишь в извлечении, вычисляет сумму сделанных Евдоксией подарков в двадцать тысяч четыреста восемьдесят восемь фунтов золота или с лишком в 800000 фунт. стерл. (Многие из ее медалей дошли до нас. Эггель (ч. VIII, стр. 184) полагает, что она приняла имя Eudoxia. Самые достоверные сведения о времени ее смерти можно найти у Кирилла Монаха in vita Euthymii (ар. Pagium, том II, стр. 364) и у Никифора XIV. 50, который относит ее к 20 окт. 460 г. Отсюда следует заключить, что ей было двадцать семь лет при выходе замуж и что она удалилась в Иерусалим пятидесяти одного года. (Клинт. F. R. II, стр. 136). — Издат.)

83) Феодорит, кн. 5, гл. 39. Тильмон, Mem. Eccles., том XII, стр. 356 — 364. Ассеманий, Biblioth. Oriental., том III, стр. 396; том IV, стр. 61. Феодорит порицает опрометчивость Абдаса, но превозносит твердость, в которой он подвергся мученичеству. Однако я не в состоянии понять той казуистики, которая не позволяет нам заглаживать вред, который мы противозаконно нанесли.

84) Сократ (кн. 7, гл. 18-21) лучший писатель для изучения войны с Персией. Можно также заглянуть в "Хроники": Пасхальную, Марцеллина и Малалы.

85) Это описание упадка и разделения армянского царства заимствовано из третьей книги "Истории Армении" Моисея Хоренского. Он не обладает ни одним из тех достоинств, какие требуются от хорошего историка, а его близкое знакомство с местною жизнью, его страсти и предрассудки обнаруживают в нем местного уроженца и современника. Прокопий (de Edificiis, кн. 3, гл. 1, 5) рассказывает те же факты совершенно иначе, но я заимствовал от него те подробности, которые самые правдоподобные сами по себе и которые всего менее несовместимы с рассказом Моисея Хоренского.

86) Западные армяне употребляют греческий язык и греческие буквы для своей церковной службы; но употребление этого языка было запрещено персами в восточных провинциях, которые были принуждены употреблять сирийский язык до изобретения армянских букв Месропом в начале пятого столетия и до состоявшегося вслед затем перевода Библии на армянский язык; это событие ослабило узы, связывавшие церковь и население с Константинополем.

87) Моисей Хорен., кн. 3, гл. 59, стр. 309 и стр. 358. Прокопий, de Edificiis, кн. 3, гл. 5. Феодосиополь находится или, вернее, находился почти в тридцати пяти милях к востоку от Эрзерума, — новейшей столицы Турецкой Армении. См. Анвилля Geographie Ancienne, том II, стр. 99, 100.

88) Моисей Хорен., кн. 3, гл. 63, стр. 316. Согласно с постановлением армянского апостола св. Григория, архиепископ всегда выбирался между членами царского рода; это обстоятельство в некоторой степени ослабляло влияние духовенства, соединяя митру с короной.

89) Одна отрасль царского рода Арсакидов продолжала существовать (как кажется) с рангом и с владениями армянских сатрапов. См. Моис. Хорен., кн. 3, гл. 65, стр. 321.

90) Валарзас получил звание армянского царя от своего брата, парфянского монарха, немедленно после поражения Антиоха Сидета

(Моис. Хорен., кн. II, гл. 2, стр. 85), за сто тридцать лет до Р. Х. Не ставя себя в зависимость от противоречивых сведений о времени царствования последних царей, мы можем положительно утверждать, что падение армянского царства произошло после собрания халкидонского собора А. Д. 431 (кн. 3, гл. 61, стр. 321) и в царствование персидского царя Варама, или Барама (кн. 3, гл. 64, стр. 317), царствовавшего с А. Д. 420 до 440. См. Ассеманий, *Biblioth. Oriental.*, том III, стр. 396.

ГЛАВА XXXIII

Смерть Гонория. — Западный император
Валентиниан III. — Управление его матери
Плацидии. — Аэций и Бонифаций. —
Завоевание Африки вандалами.

В течение своего продолжительного и постыдного двадцативосьмилетнего царствования повелитель Запада Гонорий жил в постоянной вражде со своим родным братом, а потом со своим племянником, царствовавшими на Востоке, и в Константинополе смотрели на бедствия Рима с притворным равнодушием и с тайным удовольствием. Странные похождения Плацидии ¹⁾ мало-помалу восстановили и скрепили родственную связь между двумя империями. Дочь великого Феодосия была сначала пленницей, а потом царицей готов; она лишилась нежно ее любившего супруга, была закована в цепи его наглым убийцей, наслаждалась мщением и, по мирному договору, была выменена на шестьсот тысяч мер пшеницы. После своего возвращения из Испании в Италию, Плацидия подверглась новому притеснению в недрах своего семейства: она не хотела брака, который был условлен без ее согласия, и храбрый Констанций, в награду за то, что одолел тиранов, получил от самого Гонория руку, которую протянула ему против воли вдова Атаульфа.

Но ее сопротивление прекратилось с окончанием брачного обряда; она сделалась матерью Гонория и Валентиниана III и присвоила себе абсолютное владычество над умом своего признательного супруга. Храбрый солдат, до тех пор деливший свое время между удовольствиями общественной жизни и военною службой, научился у нее корыстолюбию и честолюбию; он добился титула Августа, и, таким образом, слуга Гонория сделался его соправителем. Смерть Констанция, приключившаяся в седьмом месяце его царствования, вместо того, чтобы уменьшить влияние Плацидии, по-видимому, усилила его, а непристойные фамильярности ²⁾ ее брата, которые, вероятно, были не более как выражением ребяческой привязанности, были всеми приняты за доказательство кровосмесительной связи. Эта чрезмерная привязанность внешне перешла в непримиримую вражду вследствие каких-то низких интриг управляющего и кормилицы; ссоры между

императором и его сестрой нашли себя отголосок вне стен императорского дворца, и так как солдаты готского происхождения вступались за свою бывшую царицу, то Равенна сделалась театром кровавых и опасных смут, которые прекратились только вслед за вынужденным или добровольным удалением Платидии и ее детей. Эти царственные изгнанники прибыли в Константинополь вскоре после бракосочетания Феодосия, в то время, как там праздновались одержанные над персами победы. Им оказали радушный и пышный прием, но так как статуи императора Констанция были отвергнуты восточным двором, то его вдове нельзя было позволить носить титул Августы. Через несколько месяцев после прибытия Платидии гонец привез известие о смерти Гонория, происшедшей от водянки; но эта важная новость держалась в секрете до тех пор, пока не были отправлены приказания о выступлении значительного отряда войск к морскому побережью Далмации. Константинопольские лавки и дома оставались запертыми в течение целой недели, и по случаю смерти иностранного монарха, которого никто не уважал и о котором никто не жалел, были совершены торжественные обряды, сопровождавшиеся громкими и притворными выражениями общей скорби.

В то время как константинопольские министры совещались о том, что делать, вакантным престолом Гонория завладел честолюбивый иноземец. Этого мятежника звали Иоанном; он занимал основанный на доверии пост *primicerius'a*, или главного секретаря, а история приписывает ему более личных достоинств, чем сколько можно совместить с нарушением самого священного долга. Возгордившись тем, что Италия подчинилась его власти, и рассчитывая на союз с гуннами, Иоанн позволил себе оскорбить достоинство восточного императора отправкой к нему послов; но когда он узнал, что его уполномоченные не были приняты, что их заключили в тюрьму и в конце концов выгнали с заслуженным позором, он приготовился отстаивать свои несправедливые притязания с оружием в руках. В этом случае внук великого Феодосия должен бы был лично стать во главе своей армии; но доктора без труда отклонили юного императора от столь опрометчивого и опасного намерения, и ведение итальянской экспедиции было возложено на Ардабурия и его сына Аспара, уже выказавших свое мужество в войне с персами. Было ре-

шено, что Ардабурий отправится с пехотой морем, а Аспар, во главе кавалерии, будет сопровождать Плацидию и ее сына Валентиниана вдоль берега Адриатики. Кавалерия совершила свои переходы с такой быстротой, что напала врасплох на важный город Аквилею и овладела им без всякого сопротивления; но надежды Аспара мгновенно рушились при известии, что буря рассеяла императорский флот и что его отец, имевший при себе только две галеры, взят в плен и отправлен в равеннскую гавань. Но эта с виду неблагоприятная случайность облегчила завоевание Италии. Ардабурий воспользовался или злоупотребил великодушно предоставленной ему личной свободой для того, чтобы пробудить в войсках чувство долга и признательности, и, лишь только заговор достаточно созрел, он послал к Аспару гонцов с приглашением поспешить своим приближением к Равенне.

Один пастух, из которого народное легкоеверие сделало ангела, провел восточную кавалерию по тайной и, как полагали, непроходимой тропинке сквозь болота, окружающие берега реки По; ворота Равенны растворились после непродолжительной борьбы, и беззащитный тиран принужден был положить на милосердие или, вернее, на жестокосердие победителя. Сначала ему отрезали правую руку, а после того, как он был выставлен верхом на осле на публичное осмеяние, ему отрубили голову в аквилейском цирке. Когда император Феодосий получил известие об этой победе, он прервал скачки и, распевая псалмы, провел своих подданных по городским улицам из ипподрома до собора, в котором провел остальную часть дня, выражая свою признательность в делах благочестия ³⁾.

В такой монархии, которую, судя по ее разнообразным прецедентам, можно было считать то за избирательную, то за наследственную, то за основанную на вотчинном праве, нельзя было ожидать ясного определения наследственных прав женских и боковых линий ⁴⁾, и Феодосий мог бы царствовать в качестве единственного законного императора римлян и по праву рождения и по праву завоевания. В первую минуту он, быть может, и прельстился перспективой беспредельного владычества, но его бесстрастный характер мало-помалу преклонился перед требованиями здравой политики. Удовольствовавшись неограниченной властью над Востоком он благоразумно отклонил от себя тяжелую обязанность вес-

ти на далеком расстоянии опасную войну с заальпийскими варварами и удерживать в повиновении итальянцев и африканцев, которых отталкивало от Востока непримиримое различие языка и интересов. Вместо того, чтобы внимать голосу честолюбия, Феодосий решил последовать примеру воздержности, преподанному его дедом, и возвести на западный престол своего двоюродного брата Валентиниана. Во время пребывания этого царственного ребенка в Константинополе ему дан был титул *Nobilissimus*; перед своим отъездом из Фессалоник он был возведен в звание *Цезаря*, а после завоевания Италии патриций Гелион приветствовал Валентиниана III, по уполномочию Феодосия в присутствии сената, именем Августа и торжественно возложил на него диадему и императорскую порфиру ⁵⁾. Управлявшие римским миром три женщины помолвили сына Платидии с дочерью Феодосия и Афинаиды Евдокией, и лишь только жених и невеста достигли возмужалости, брак был совершен согласно с данным обещанием. В то же самое время западная Иллирия была отделена от итальянских владений и присоединена к владениям константинопольского монарха ⁶⁾, быть может, в вознаграждение за военные расходы. Восточный император приобрел полезное для него владычество над богатой приморской провинцией Далмацией и опасное для него господство над Паннонией и Нориком, которые в течение более двадцати лет беспрестанно опустошались смешанными толпами гуннов, остготов, вандалов и *баварцев*. Феодосий и Валентиниан не переставали исполнять обязательства, наложенные на них и политическим и родственным союзом, но единство римского управления было окончательно уничтожено. В силу принятого обоими правительствами решения, действие всякого нового закона должно было впредь ограничиваться владениями того монарха, который его издал; но этот последний мог, если хотел, сообщить собственноручно им подписанный новый закон на одобрение другого монарха, который со своей стороны мог или принять его, или отвергнуть ⁷⁾.

Когда Валентиниану был дан титул Августа, ему было не более шести лет, и его продолжительное малолетство было вверено опекунской заботливости матери, которая сама имела некоторые права на престол. Платидия завидовала репутации и добродетелям жены и сестры Феодосия, изяществу гения Евдокии, мудрой и удачной политике Пульхерии, но

не могла сравняться ни с одной из них. Мать Валентиниана старалась удержать в своих руках такую власть, которою она не была способна пользоваться ⁸⁾: она царствовала двадцать пять лет именем своего сына, и характер этого недостойного императора мало-помалу оправдал подозрение, что Плацидия расслабила его юность, приучая его к нравственной разнузданности и старательно отвлекая его внимание от всяких благородных и честных занятий. При общем упадке воинственного духа ее армиями командовали два полководца Аэций ⁹⁾ и Бонифаций ¹⁰⁾, которые достойны названия последних римлян. Их единодушие могло бы поддержать разваливавшуюся империю; их раздоры оказались пагубной и непосредственной причиной утраты Африки. Нашествие Аттилы и его поражение увековечили славу Аэция, и хотя время набросило некоторую тень на подвиги Аэциева соперника Бонифация, о военных дарованиях этого последнего свидетельствуют защита Марсея и освобождение Африки. И на поле битвы, и в частных стычках, и в рукопашных схватках он наводил ужас на варваров; духовенство и в особенности его друг Августин восхваляли его христианское благочестие, когда-то внушившее ему намерение удалиться от света; народ уважал его за незапятнанную честность, а солдаты боялись его неумолимой справедливости, о которой можно составить себе понятие из следующего замечательного случая. Один крестьянин, предъявивший жалобу на преступную связь между его женой и одним готским солдатом, получил приказание явиться на следующий день перед трибуналом Бонифация; старательно разузнав, когда и где происходили свидания между двумя любовниками, комит сел вечером на коня, проехал десять миль, застал виновных врасплох, немедленно казнил солдата смертью и удовлетворил оскорбленного мужа, предъявив ему на следующее утро голову прелюбодея. Дарования Аэция и Бонифация могли бы быть с пользою употреблены против общественных врагов, если бы каждому из них поручали какое-нибудь отдельное командование, а из прошлого опыта Плацидия должна бы была знать, который из них более достоин ее милостей и доверия. В печальную эпоху ее ссылки и ее несчастий один Бонифаций поддерживал ее с непоколебимой преданностью, а африканские войска и сокровища много способствовали подавлению восстания. Это же восстание поддерживалось

усердием и деятельностью Аэция, который привел от берегов Дуная к границам Италии армию из шестидесяти тысяч гуннов на помощь к узурпатору.

Неожиданная смерть Иоанна заставила Аэция согласиться на выгодные мирные условия, но и в то время как он считался подданным и слугою Валентиниана, он не прекращал тайной и, быть может, изменнической переписки со своими варварскими союзниками, отступление которых было куплено щедрыми подарками и еще более щедрыми обещаниями. Но Аэций обладал одним достоинством, которое при владычестве женщины имеет особую важность, — он находился рядом: он стал осаждать равеннский двор коварными ухаживаниями, скрыл свои преступные намерения под маской преданности и доброжелательства и в конце концов обманул и свою повелительницу и своего отсутствующего соперника при помощи ловко задуманной интриги, от которой трудно было уберечься слабой женщине и честному человеку. Он втайне убедил ¹¹⁾ Платидию отозвать Бонифация из Африки и втайне присоветовал Бонифацию не исполнять императорского приказанья; Бонифацию он доказывал, что его отзывание то же, что смертный приговор, а в глазах Платидии он выставил неповиновение комита за приготовление к восстанию; когда же легковверный и ничего не подозревавший правитель Африки приступил к вооружениям с целью защитить себя, Аэций стал хвастаться тем, что предвидел восстание, которое было возбуждено его собственным вероломством. Если бы в ту пору правительство постаралось осторожно разведать, какие были мотивы образа действий Бонифация, оно могло бы снова направить его на путь долга и сохранить для государства преданного слугу; но коварный Аэций не переставал обманывать и раздражать, и выведенный из терпения комит принял самое отчаянное решение. Успех, с которым он или уклонился от первых нападений, или отразил их, не мог внушить ему неосновательной уверенности в успехе, так как он очень хорошо понимал, что во главе не привыкших к порядку и дисциплине африканцев не было возможности бороться с хорошо организованными западными армиями, предводимыми таким соперником, военными дарованиями которого нельзя было пренебрегать. После некоторых колебаний, вызванных борьбою с требованиями благоразумия и чувством долга, Бонифаций отправил ко двору или, вернее,

в лагерь вандальского короля Гундериха надежного друга с предложениями тесного союза и выгодных мест для постоянного поселения.

После удаления готов над Испанией снова утвердилась непрочная власть Гонория, за исключением одной Галлийской провинции, где свевы и вандалы укрепились в своих лагерях и жили в постоянной взаимной вражде. Вандалы одержали верх, а их противники были осаждены посреди Нервазийских холмов, между Леоном и Овиедо, до тех пор, пока приближение комита Астерия не заставило победоносных варваров перенести сцену военных действий на равнины Бетики. Быстрые успехи вандалов скоро потребовали более энергического сопротивления, и против них выступил Кастин во главе многочисленной армии, состоявшей из римлян и готов. Разбитый менее многочисленною неприятельскою армией, Кастин с позором бежал в Таррагону, а это достопамятное поражение выдавалось за наказание его опрометчивой самоуверенности, тогда как, по всему вероятно, было ее последствием ¹²⁾. Севилья и Картагена сделались наградой или, скорей, добычей свирепых завоевателей, а найденные ими в картагенской гавани суда легко могли бы перевезти их на острова Майорку и Минорку, где спасшиеся бегством испанцы надеялись найти безопасное убежище для своих семейств и для своих сокровищ. Так как они уже были знакомы по опыту с мореплаванием, а берега Африки, вероятно, манили их к себе, то они приняли предложение комита Бонифация, а смерть Гундериха лишь ускорила исполнение этого смелого предприятия. Вместо государя, не отличавшегося никакими ни умственными, ни телесными превосходствами, они приобрели в лице Гундерихова незаконнорожденного брата, грозного Гейзериха ¹³⁾, такого монарха, имя которого достойно стоять в истории разрушения Римской империи наряду с именами Алариха и Аттилы. Вандальский король, как рассказывают, был среднего роста и хромотал на одну ногу, которая была короче другой вследствие падения с лошади. Его растянутая и сдержанная речь редко обнаруживала замыслы, таившиеся в глубине его души; он не хотел подражать роскоши побежденных, но предавался более суровым страстям — гневу и мстительности. Честолюбие Гейзериха не знало границ и не стеснялось угрызениями совести; при своих воинских дарованиях он умел искусно владеть и

тайными орудиями политики для того, чтобы приобретать полезных союзников, или для того, чтобы сеять между своими врагами семена ненависти и вражды. Почти в самую минуту своего отъезда он узнал, что король свевов Германарих стал опустошать ту испанскую территорию, которую он намеревался покинуть. Раздраженный таким оскорблением, Гейзерих отправился в погоню за быстро отступавшими свевами, преследовал их до Мериды, заставил их короля и их армию искать спасения в волнах реки Аны и спокойно возвратился к морскому берегу, чтобы посадить свои победоносные войска на суда. Корабли, на которых вандалы переехали через пролив, имеющий в ширину только двенадцать миль и носящий в наше время название Гибралтарского, были доставлены частью испанцами, горячо желавшими их отъезда, и частью африканским военачальником, обратившимся к ним за помощью ¹⁴⁾.

Наше воображение так давно привыкло преувеличивать многочисленность варварских сонмищ, по-видимому, стремившихся с севера, что многим должна показаться невероятной незначительность тех военных сил, с которыми Гейзерих высадился на берегах Мавритании. Вандалы, в течение двадцати лет проникшие от берегов Эльбы до Атласских гор, соединились под верховною властью своего воинственного короля, и с такою же властью этот король царствовал над аланами, которые на глазах одного и того же поколения переселились из холодной Скифии в жгучий африканский климат. Возбужденные этой смелой экспедицией надежды привлекли под его знамена много готских удалцов, и немало доведенных до отчаянного положения провинциальных жителей попытались поправить свое расстроенное состояние таким же способом, каким оно было разорено. Однако все это разнохарактерное сборище не превышало пятидесяти тысяч человек, и хотя Гейзерих постарался придать ему более грозный внешний вид, назначив восемьдесят *килиархов*, или тысячников, обманчивое зачисление в эту армию стариков, детей и рабов едва ли доводило ее численный состав до восьмидесяти тысяч ¹⁵⁾. Но и собственная ловкость Гейзериха и недовольство африканского населения скоро увеличили силы вандалов, доставив им многочисленных и деятельных союзников. Те части Мавритании, которые граничат с великой степью и с Атлантическим океаном, были населены свирепой породой

людей, в которой страх римского оружия скорее усилил, чем смягчил ее природную необузданность. Бродячие мавры ¹⁶⁾, мало-помалу осмелившиеся приблизиться к морскому берегу и к лагерю вандалов, вероятно, были поражены страхом и удивлением при виде одеяний, вооружения, воинственной гордости и дисциплины незнакомых им чужестранцев, высадившихся на их берег, а красивый цвет лица голубооких германских воинов представлял странный контраст со смуглым или желтоватым цветом кожи, свойственным всем тем народам, которые живут неподалеку от жаркого пояса. После того как были в некоторой степени устранены первые затруднения, возникавшие из взаимной неспособности понимать друг друга, мавры вступили в союз с врагами Рима, несколько не заботясь о последствиях такого образа действий, и толпы голых дикарей устремились из лесов и долин Атласских гор для того, чтобы досыта насладиться мщением над теми цивилизованными тиранами, которые несправедливо присвоили себе верховную власть над их родиной ¹⁷⁾.

Гонение донатистов ¹⁸⁾ было не менее благоприятно для замыслов Гейзериха. За семнадцать лет перед тем, как он высадился в Африке, в Карфагене собиралась, по распоряжению местных властей, публичная конференция. Католики пришли к убеждению, что, после приведенных ими неопровержимых аргументов, упорство еретиков должно считаться неизвинительным и лишенным всякого основания, а императора Гонория склонили к изданию самых строгих законов против крамольников, так долго употреблявших во зло его терпение и милосердие. Триста епископов ¹⁹⁾ вместе с несколькими тысячами представителей низшего духовенства были отторгнуты от своих церквей, лишены церковной собственности, сосланы на острова и лишены покровительства законов в случае, если бы осмелились скрываться в африканских провинциях. Их многочисленные конгрегации, как городская, так и сельская, лишились гражданских прав и возможности совершать религиозные обряды. В наказание за участие на еретических сборищах были установлены денежные штрафы, возвышавшиеся с тщательно определенной постепенностью от десяти до двухсот фунтов серебра сообразно с общественным положением и состоянием виновных; если же еретик, пять раз подвергшийся взысканию штрафа, все еще упорствовал в своих заблуждениях, то его наказание

предоставлялось впредь произволу императорского двора ²⁰⁾. Благодаря этим строгостям, вызвавшим со стороны св. Августина ²¹⁾ самое горячее одобрение, множество донатистов примирились с католическою церковью; но те фанатики, которые не переставали оказывать сопротивление, были доведены этими строгостями до исступления и отчаяния; раздираемая распрями страна сделалась театром мятежей и кровопролития; вооруженные отряды Циркумцеллионов изливали свою ярость то на самих себя, то на своих противников, и списки мучеников обеих партий значительно расширились ²²⁾. Понятно, что при таких обстоятельствах донатисты смотрели на Гейзериха, — который был христианином, но врагом православного вероисповедания, — как на могущественного избавителя, от которого они могли ожидать отмены ненавистных и притеснительных эдиктов римских императоров ²³⁾. Завоеванию Африки способствовало деятельное усердие или тайное сочувствие внутренней крамолы; поругание церквей и оскорбления духовенства, в которых обвиняли вандалов, могут быть с большим основанием приписаны фанатизму их союзников; таким образом, запятнавший торжество христианства дух религиозной нетерпимости был одною из главных причин утраты самой важной из западных провинций ²⁴⁾.

И двор и народ были поражены удивлением при странном известии, что доблестный герой, получивший столько наград и оказавший столько услуг, нарушил долг верноподданничества и призвал варваров на разорение вверенной его управлению провинции. Друзья Бонифация, все еще державшиеся того мнения, что его преступный образ действий вызван какими-нибудь честными мотивами, испросили, в отсутствие Аэция, позволения вступить в переговоры с правителем Африки, и с этим важным поручением был отправлен один из высших сановников, по имени Дарий ²⁵⁾. На их первом свидании в Карфагене выяснились причины воображаемых взаимных обид, были предъявлены и сличены между собою противоречивые письма Аэция, и подлог был без труда обнаружен. И Пладиция и Бонифаций оплакивали свое пагубное заблуждение, и комит имел достаточно великодушия для того, чтобы положиться на милость своей государыни и рисковать своей головой в случае, если бы она захотела выместить на нем свою досаду. Его раскаяние было пылко и чистосердечно, но он скоро пришел к убеждению, что уже не в его

власти восстановить здание, которое он потряс в самом его основании. Карфаген и римские гарнизоны вместе со своим командующим признали над собою верховную власть Валентиниана, но остальная часть Африки все еще была жертвою войны и раздоров, а неумолимый король вандалов, не соглашавшийся ни на какие сделки, решительно отказался выпустить из рук свою добычу. Отряд ветеранов, выступивший в поход под знаменем Бонифация, и собранные на скорую руку провинциальные войска были разбиты со значительными потерями; победоносные варвары стали опустошать ничем не защищенную страну, и единственными городами, по-видимому спасшимися от общей гибели, были Карфаген, Цирта и Гиппон Царский (Hippo Regius).

Длинное и узкое африканское побережье было усеяно памятниками римского искусства и великолепия, и степень цивилизации каждого округа можно было с точностью измерять расстоянием, в котором он находился от Карфагена и от Средиземного моря. О плодородии и цивилизации страны нетрудно составить себе самое ясное понятие; она была густо населена; жители не только добывали для самих себя обильные средства пропитания, но ежегодно отправляли за границу такое огромное количество зернового хлеба, и в особенности пшеницы, что Африка основательно считалась житницей и Рима и всего человеческого рода. Но все семь плодородных провинций, лежавшие между Танжером и Триполи, были внезапно залиты потоком вандалов, разрушительная ярость которых, быть может, была преувеличена раздражением местного населения, религиозным рвением и нелепыми декламациями. Война, даже в самой мягкой своей форме, влечет за собою беспрестанное нарушение правил человеколюбия и справедливости, а войны, которые ведутся варварами, всегда отличаются той свирепостью и тем непризнанием никаких законов, которые даже в мирное время беспрестанно нарушают спокойное течение их домашней жизни. Вандалы редко оказывали пощаду тем, кто оказывал им сопротивление, а за смерть своих храбрых соотечественников они мстили разорением городов, под стенами которых те лишились жизни. Не обращая никакого внимания на различия возраста, пола и общественного положения, они совершали над своими пленниками всякие гнусности и пытки, чтобы вынудить от них указание места, где скрыты их сокровища. Суровая по-

литика Гейзериха оправдывала в его глазах частые военные экзекуции; он не всегда умел владеть своими собственными страстями и страстями своих приверженцев, а бедствия, причиненные войной, еще усиливались от разнузданности мавров и от фанатизма донатистов. Тем не менее меня нелегко заставить верить, что вандалы имели обыкновение с корнем вырывать оливковые и другие плодовые деревья в стране, где они намеревались поселиться на постоянное жительство; также не могу я верить тому, что к числу их обыкновенных военных хитростей принадлежало умерщвление значительного числа пленников под стенами осажденных городов с целью заразить воздух и вызвать моровую язву, первыми жертвами которой сделались бы они сами ²⁶⁾.

Благородная душа комита Бонифация терзалась невыразимую скорбью при виде опустошений, причиной которых был он сам и остановить которые он был не в силах. После потери сражения он удалился в Гиппон Царский, где тотчас был осажден врагом, считавшим его за настоящий оплот Африки. Приморская колония Гиппон ²⁷⁾, находившаяся почти в двухстах милях к западу от Карфагена, получила название *Царской* благодаря тому, что когда-то служила резиденцией для Нумидийских царей, а ее торговля и многолюдность отчасти сохранились за новейшим городом, известным в Европе под искаженным названием Боны. Среди своих военных трудов и тревожных размышлений комит Бонифаций находил некоторое утешение в назидательных беседах со своим другом св. Августином ²⁸⁾, пока этот епископ, считавшийся светилom и опорой католической церкви, не нашел для себя в спокойной смерти, — случившейся на третьем месяце осады и на семьдесят шестом году его жизни, — спасения от угрожавших его отечеству бедствий.

Юность Августина была запятнана пороками и заблуждениями, как он сам чистосердечно в этом сознался; но с той минуты как он обратился на истинный путь и до самой смерти он отличался чистотою и суровостью своих нравов, а самой выдающейся из его добродетелей была пылкая ненависть к еретикам всех наименований — и к манихеям, и к донатистам, и к последователям Пелагия, с которыми он вел непрерывную полемику. Когда город был сожжен вандалами, через несколько месяцев после его смерти, удалось спасти его библиотеку, в которой находились его многотомные

произведения; там было найдено двести тридцать два отдельных тома, или трактата, написанных на богословские темы, кроме обширных толкований псалтыря и евангелия и множества посланий и проповедей ²⁹⁾. По мнению самых беспристрастных критиков, поверхностная ученость Августина ограничивалась знанием латинского языка ³⁰⁾, а его слог, хотя по временам и оживлявшийся пылким красноречием, большею частью страдает избытком лишенных вкуса риторических прикрас. Но он был одарен умом энергичным, обширным и способным отстаивать то, во что верил; он смело углублялся в мрачные бездны благодати, предопределения, свободной воли и первородного греха, а установленные ³¹⁾ им суровые принципы христианства были усвоены латинскою церковью ³²⁾ с общего одобрения и с тайной неохотой. Благодаря искусству Бонифация или, быть может, благодаря невежеству вандалов, осада Гиппона длилась более четырнадцати месяцев; сообщения морем оставались открытыми, а когда вся окрестная страна была истощена безрассудным хищничеством, голод заставил самих осаждающих отказаться от их предприятия. Правительница Запада вполне сознавала и важность обладания Африкой и опасное положение этой провинции. Платидия обратилась к своему восточному союзнику с просьбой о помощи, и на подкрепление итальянского флота и армии явился Аспар, отплывший из Константинополя со значительными военными силами. Лишь только войска двух империй соединились под предводительством Бонифация, он смело выступил против вандалов, и потеря второго сражения безвозвратно решила судьбу Африки. Он сел на корабль с той торопливостью, которая внушается отчаянием, а жителям Гиппона было дозволено вместе с их семействами и пожитками занять на корабле вакантное место солдат, которые были большею частью или убиты, или взяты в плен вандалами. Бонифаций, нанесший республике своим пагубным легкомыслием неизлечимую рану, не мог войти в равеннский дворец без тревожных опасений, но эти опасения были рассеяны приветливым обхождением Платидии. Бонифаций с признательностью принял звание патриция и должность главного начальника римских армий, но он не мог не краснеть при виде медалей, на которых его изображали с атрибутами Победы ³³⁾.

Высокомерный и вероломный Аэций был крайне раздра-

жен разоблачением его хитростей, неудовольствием императрицы и милостями, оказанными его сопернику. Он торопливо вернулся из Галлии в Италию со свитой или, верней, с целой армией, состоявшей из преданных ему варваров, и таково было бессилие правительства, что эти два военачальника покончили свою личную ссору кровопролитной битвой. Бонифаций имел успех; но во время сражения его соперник нанес ему копьем смертельную рану, от которой он умер через несколько дней в таком христианском и человеколюбивом душевном настроении, что убеждал свою жену, ожидавшую богатого наследства в Испании, выйти вторично замуж за Аэция. Но Аэций не мог извлечь никакой непосредственной пользы из великодушия своего умирающего врага; Плацидия объявила его бунтовщиком, и хотя он попытался защищать сильные укрепления, воздвигнутые в его наследственных поместьях, он был вынужден удалиться в Паннонию, в лагерь своих верных гуннов. Таким образом, республика лишилась двух самых знаменитых своих полководцев вследствие их взаимной вражды ³⁴⁾. Можно было ожидать, что после удаления Бонифация вандалы беспрепятственно и быстро довершат завоевание Африки. Однако со времени очищения императорскими войсками Гиппона до взятия Карфагена прошло восемь лет. В этот промежуток времени, честолюбивый Гейзерих, по-видимому, достигший вершины человеческого благополучия, заключил с западным императором мирный договор, в силу которого отдавал ему в заложники своего сына Хунериха и предоставлял в его владение три мавританские провинции ³⁵⁾. Такую умеренность следует приписывать не чувству справедливости, а политике завоевателя. Его трон был окружен внутренними врагами, которые ставили ему в упрек незнатность его происхождения и вступались за законные права его племянников, сыновей Гундериха. Этих племянников он принес в жертву своей личной безопасности и приказал утопить в реке Амсаге их мать — вдову покойного царя. Но общее неудовольствие проявлялось в опасных и частых заговорах, и воинственный тиран, как полагали, пролил более вандальской крови рукою палача, чем на полях сражений ³⁶⁾. Те самые внутренние раздоры, которые способствовали его вторжению в Африку, препятствовали упрочению его власти, а беспрестанные мятежи мавров и германцев, донатистов и католиков грозили

неустановившемуся господству завоевателя постоянными опасностями. Чтобы напасть на Карфаген, ему пришлось вывести свои войска из западных провинций; морское побережье подвергалось нападениям со стороны римлян, приходивших и из Испании и из Италии, а находившийся в самом центре Нумидии город Цирта все еще упорно отстаивал свою независимость ³⁷⁾. Эти затруднения были мало-помалу преодолены мужеством, настойчивостью и жестокосердием Гейзериха, попеременно прибегавшего для упрочения своего владычества то к хитростям, то к насилию. Он подписал формальный договор в надежде извлечь для себя некоторые выгоды, смотря по обстоятельствам, и из соблюдения его условий, и из их нарушения. Он усыпил бдительность своих врагов уверениями в дружбе, прикрывавшими его враждебные замыслы, и в конце концов Карфаген был застигнут врасплох и взят вандалами через пятьсот восемьдесят пять лет после разрушения этого города и республики Сципионом Младшим ³⁸⁾.

Из его развалин возник новый город, с титулом колонии, и хотя Карфаген не пользовался такими прерогативами, как Константинополь, не вел такой обширной торговли, как Александрия, и не отличался таким великолепием, как Антиохия, однако он считался за второй город западных провинций, и современники называли его африканским *Римом*. Эта богатая и великолепная митрополия ³⁹⁾, несмотря на свое зависимое положение, имела внешний вид цветущей республики. В ней сосредоточивались мануфактуры, военные запасы и сокровища шести провинций. Ряд гражданских отличий постепенно восходил от заведования городскими улицами и кварталами до звания высшего сановника, который, под именем проконсула, напоминал своим высоким рангом и значением консулов Древнего Рима. Для образования африканского юношества были учреждены школы и *гимназии*, а свободные искусства, грамматика, риторика и философия публично преподавались на греческом и латинском языках ⁴⁰⁾. Карфагенские здания отличались и своим однообразием и своим великолепием; в самой середине столицы была развешена тенистая роща; *новая гавань*, вполне безопасная и обширная, облегчала торговые предприятия местного населения и иностранцев, а великолепные игры в цирке и театре устраивались почти перед глазами варваров. Репутация са-

мих карфагенян не была так блестяща, как репутация их города, а их вкрадчивость и двоедушие все еще навлекали на них обвинения в *пуническом вероломстве* ⁴¹⁾. От привычек, свойственных торгашам, и от злоупотребления роскошью их нравы развратились, а их нечестивое презрение к монахам и бесстыдная склонность к противоестественному удовлетворению похоти возбуждали благочестивое негодование в проповеднике того времени Сальвиане ⁴²⁾. Вандальский король строго преследовал пороки развратного населения, и древняя, благородная, простодушная свобода Карфагена (эти слова Виктора не лишены выразительности) была низведена Гейзерихом до позорного рабства. После того, как его необузданные солдаты удовлетворили и свою ярость и свою жадность, он ввел более правильную систему хищничества и угнетения. Был обнародован эдикт, которым предписывалось без утайки и немедленно передать вандальским чиновникам все золото, серебро, драгоценные камни, ценную мебель и платье, а попытка утаить какую-либо часть своей собственности безжалостно наказывалась смертью и пыткой как государственная измена. Земли проконсульской провинции, составлявшие примыкавший к Карфагену округ, были аккуратно измерены и разделены между варварами, а в свою личную собственность завоеватель отвел плодородную территорию Бизацены и смежные части Нумидии и Гетулии ⁴³⁾.

Весьма естественно, что Гейзерих ненавидел тех, кого он оскорблял; карфагенская знать и сенаторы сделались жертвами его подозрений и озлобления, и арианский тиран осуждал на вечное изгнание всякого, кому честь и религия не дозволяли соглашаться на его унижительные требования. В Риме, Италии и в восточных провинциях появились толпы ссыльных, беглецов и знатных изгнанников, просивших подаяние, а чувствительные послания Феодорита познакомили нас с именами и со злоключениями Целестиана и Марии ⁴⁴⁾. Сирийский епископ оплакивает несчастья знатного и богатого карфагенского сенатора Целестиана, который вместе со своей женой, своим семейством и своей прислугой был доведен до того, что должен был жить на чужбине подаяниями; но епископ превозносит покорность и философское настроение ума этого христианского изгнанника, благодаря которым он мог, несмотря на постигшие его невзгоды, наслаждаться более существенным счастьем, чем то, которое выпадает на

долю богачей. История дочери богача Евдемона Марии еще более оригинальна и интересна. Во время разграбления Карфагена она была куплена у вандалов сирийскими купцами, которые впоследствии перепродали ее в качестве рабыни ее соотечественникам. Одна из прежних служанок Марии, проданная тому же лицу и ехавшая на том же корабле, не переставала оказывать уважение своей прежней госпоже, низведенной несчастьями до одного с нею уровня рабыни, и дочь Евдемона получала от ее признательности и преданности те самые домашние услуги, которые когда-то оказывались ей по долгу повиновения. Это обхождение обнаружило знатность происхождения Марии, и, в отсутствие Кирского епископа, гарнизонные солдаты из великодушия выкупили ее из рабства. Щедрость Феодорита доставила ей приличные средства существования, и она провела десять месяцев в обществе церковных диаконов, как вдруг неожиданно узнала, что ее отец спасся от карфагенской резни и получил почетную должность в одной из западных провинций. Благочестивый епископ постарался удовлетворить ее нетерпеливое желание свидеться с отцом: в дошедшем до нас письме к епископу Эги (приморского города Киликии, куда часто приходили с запада корабли во время ежегодной ярмарки) Феодорит рекомендует ему Марию и настоятельно просит его обходиться с нею с тем вниманием, на которое ей дает право ее знатное происхождение, и поручить ее таким надежным купцам, которые сочтут себя достаточно вознагражденными тем, что возвратят огорченному отцу дочь, которую он считает безвозвратно погибшей.

Между нелепыми легендами церковной истории я не могу пройти молчанием достопамятную басню о *семи спящих отроках* ⁴⁵⁾, воображаемое существование которых совпадает с царствованием Феодосия Младшего и завоеванием Африки вандалами ⁴⁶⁾. В то время как император Деций гнал христиан, семь знатных эфесских юношей укрылись в обширной пещере под соседней горой; желая, чтобы они там погибли, тиран приказал завалить вход в пещеру громадными камнями. Юноши немедленно впали в глубокий сон, чудесным образом не прерывавшийся, без всякого вреда для их жизненных сил, в течение ста восьмидесяти семи лет. По прошествии этого времени рабы Адолия, которому эта гора досталась в собственность по наследству, увезли камни, оказавшиеся

нужными для постройки какого-то деревенского здания; тогда солнечный свет проник в пещеру, и семь спящих отроков проснулись. После усыпления, продолжавшегося, как им казалось, лишь несколько часов, они почувствовали голод и решили, что один из них, по имени Ямвлих, тайком проберется в город, чтобы купить хлеба для своих товарищей. Этот юноша (если к нему все еще шло это название) не узнал когда-то так хорошо ему знакомого родного города, а его удивление еще усилилось при виде большого креста, водруженного над главными воротами Эфеса. Его странная одежда и устарелый разговорный язык смутили булочника, которому он подал старинную медаль Деция за ходячую в империи монету; Ямвлиха заподозрили в открытии спрятанного сокровища и отвели к судье. На допросе выяснился тот поразительный факт, что уже прошло около двухсот лет с тех пор, как Ямвлих и его товарищи спаслись от ярости языческого тирана. И епископ Эфесский, и духовенство, и должностные лица, и народ, и, как утверждают, даже сам Феодосий — все поспешили посетить пещеру семи спящих отроков, которые дали всем свое благословение, рассказали свою историю и тотчас вслед затем спокойно испустили дух. Происхождение этой чудесной басни не может быть приписано благочестивому подлогу или легковерию *новейших* греков, так как достоверные о ней предания можно проследить в течение тех пятидесяти лет, которые непосредственно следовали за этим мнимым чудом. Сирийский епископ Иаков Заругский, родившийся только через два года после смерти Феодосия Младшего, посвятил одну из своих двухсот тридцати проповедей на восхваление эфесских отроков ⁴⁷⁾. В конце шестого столетия их легенда была переведена с сирийского языка на латинский по заказу Григория Турского. На Востоке люди разных вероисповеданий чтят их память с одинаковым благоговением, и их имена упоминаются с почетом в календарях римском, абиссинском и русском ⁴⁸⁾. Их известность даже не ограничилась пределами христианского мира. Мухаммед, вероятно познакопившийся с этой популярной сказкой в то время, как водил своих верблюдов по сирийским ярмаркам, внес ее в Коран в качестве божественного откровения ⁴⁹⁾.

История семи спящих отроков была усвоена и разукрашена исповедующими магометанскую религию народами от Бенгалии до Африки ⁵⁰⁾, и некоторые следы такого же предания

были найдены на самых отдаленных окраинах Скандинавии ⁵¹⁾. Это скоро и повсюду распространившееся верование было отголоском чувств всего человеческого рода и может быть приписано неподдельному достоинству самого вымысла. Мы подвигаемся от юности к старости, не примечая постепенного, но непрерывного изменения в условиях человеческого существования и даже в более широкой сфере опыта, доставляемой изучением истории, воображение приучается соединять между собою самые отдаленные по времени перевероты путем постоянного указания причин и последствий. Но если бы можно было внезапно уничтожить промежуток времени между двумя достопамятными эрами, если бы можно было показать новый мир такому зрителю, который после двухсотлетнего усыпления еще живо помнит, каков был *старый* мир, — тогда удивление этого зрителя и его размышления могли бы послужить интересным сюжетом для философского романа. Для такой сцены нельзя бы было найти более удобного времени, чем те два столетия, которые отделяли царствование Деция от царствования Феодосия Младшего. В этот период времени центр правительственной власти был перенесен из Рима в новый город, основанный на берегах Фракийского Босфора, а злоупотребление воинственной отвагой уступило место искусственной системе прикрытого этикетом раболепия. Трон гонителя христиан Деция был занят непрерывным рядом христианских и православных монархов, которые стерли с лица земли баснословных богов древности, а народное благочестие того времени спешило ставить на алтарях Дианы и Геркулеса изображения святых и мучеников католической церкви. Единство Римской империи было уничтожено; ее величие было унижено до того, что обратилось в прах, и вышедшие из холодных северных стран толпы неведомых варваров утвердили свое владычество над самыми цветущими провинциями Европы и Африки.

---

1) См. этот том, стр. 469.

2) *Ta syneke kata stoma philemata* — таково выражение Олимпиодора (apud Photium, стр. 197), который, вероятно, разумел такие же ласки, какие Мухаммед оказывал своей дочери Фатиме. Сам пророк говорит: "*Quando subit mihi desiderium Paradisi, osculor eam, et ingero linguam meam in os ejus*". Но такие чувственные наслаждения находили для себя оправдание в чудесах и мистериях, а с этим анекдо-

том публику познакомил высокопреподобный Мараччи в своем переводе и опровержении Корана, том 1, стр. 32.

3) Об этих переворотах в Западной империи можно найти сведения у Олимпиод. *apud Phot.*, стр. 192, 193, 196, 200; у Созомена, кн. 9, гл. 16; у Сократа, кн. 7, гл. 23, 24; у Филосторгия, кн. 12, гл. 10, 11; и в *Диссерт.* Годефруа, стр. 486; у Прокопия, *de Bell. Vandal.* кн. 1, гл. 3, стр. 182, 183; у Феофана *in Chronograph.*, стр. 72, 73 и в "Хрониках". (Во время своего непродолжительного царствования Иоанн также чеканил медали, на которых он хвастался победами, которых никогда не одерживал, и попираал ногами пленников, которые никогда не попадали в его руки. (Экгель, ч. VIII, стр. 186.) — *Издат.*)

4) См. Гроция *de Jure Belli et Pacis*, кн. 2, гл. 7. Он старательно, но тщетно пытался составить разумную систему юриспруденции из разнородных и противоположных один другому способов престолонаследования, которые были установлены подлогом или насилием, влиянием времени или случайностью.

5) Современные писатели расходятся между собою в мнениях касательно того (см. Муратори, *Annali d'Italia*, том IV, стр. 139), где получил Валентиниан императорскую диадему — в Риме или в Равенне. С моей стороны я готов верить, что было выказано некоторое уважение к сенату.

6) Граф де-Бюа (*Hist. des Peuples de l'Europe*, том VII, стр. 292-300) доказал достоверность этой замечательной уступки, выяснил ее мотивы и изложил ее последствия.

7) См. первую *Новеллу* Феодосия, которою он утверждает и обнаруживает (A. D. 438) *Кодекс* Феодосия. Лет за сорок перед тем единство законодательства было доказано путем допущенного исключения. Иудеи, которых было очень много в городах Апулии и Калабрии, сослались на один из изданных на Востоке законов, освобождавший их от муниципальных должностей (*Код.* Феод. кн. 16, тит. 8, зак. 13), и западный император нашел вынужденным отменить особым эдиктом закон, "*quam constat meis partibus esse damnosam*". *Код.* Феод. кн. 11, тит. 1, зак. 158.

8) Кассиодор (*Variar.* кн. 11, epist. 1, стр. 238) сравнил регентство Плацидии с регентством Амаласунты. Он нападает на недостатки Валентиниановой матери и восхваляет достоинства своей повелительницы. В этом случае лесть, по-видимому, говорила языком правды.

9) Филосторгий, кн. 12, гл. 12 и *Диссерт.* Годефруа, стр. 493 и сл. Ренат Фригерид, *apud Gregor. Turon.* кн. 2, гл. 8 в томе II, стр. 163. Отец Аэция Гауденций был знатный гражданин из скифской провинции и занимал должность главного начальника кавалерии; его мать была богатая и знатная итальянка. Аэций с ранней молодости находился в сношениях с варварами и в качестве воина и в качестве заложника.

10) Касательно личности Бонифация см. Олимпиодора *apud Phot.* стр. 196 и св. Августина *apud Tillemont, Memoires Eccles.* том XIII, стр. 712-715, 886. Епископ Гиппонский впоследствии оплакивал нравственное падение своего друга, который, дав торжественный обет целомудрия, вторично женился на арианке и которого подозревали в содержании у себя на дому нескольких наложниц.

11) Прокопий (*de Bell. Vandal.*, кн. 1, гл. 3, 4, стр. 182-186) описывает

коварство Аэция, восстание Бонифация и потерю Африки. Эта подробность, достоверность которой подкрепляется некоторыми побочными свидетельствами (см. Рюинара, *Hist. Persecut. Vandal.* стр. 420, 421), по-видимому согласна с тем, что прежде делалось и теперь делается при дворах; она сверх того удостоверяется раскаянием Бонифация.

12) См. "Хроники" Проспера и Идация. Сальвиан (*De Gubernat. Dei*, кн. 7, стр. 246, Париж, 1608) приписывает торжество вандалов их необыкновенному благочестию. Они постились, молились и носили впереди армии евангелие, может быть, с целью упрекнуть своих противников в вероломстве и святотатстве.

13) "Gizericus (его имя произносилось различно) *statura mediocris et equi casu claudicans, animo profundus, sermone rarus, luxuriae contemptor, ira turbidus, habendi cupidus, ad solicitandas gentes providentissimus, semina contentionum jacere, odia miscere paratus*". (Иордан, *de Rebus Geticis*, гл. 33, стр. 657). Этот портрет нарисован с некоторым искусством и очень похож; он, вероятно, выписан из "Истории готы" Кассиодора.

14) См. "Хроники" Идация. Этот епископ был родом испанец и был современником описываемых событий; он относит переезд вандалов в Африку к маю месяцу Авраамова года 2444 (начинающегося в октябре). Это указание времени, совпадающее с А. Д. 429, подтверждается другим испанским епископом, Исидором; его основательно предпочитают мнению тех писателей, которые относят это событие к одному из двух предшествовавших годов. См. *Crítica Pagé*, том II, стр. 205 и сл.

15) Сравн. Прокопия (*de Bell. Vandal.* кн. 1, гл. 5, стр. 190) с Виктором Витенским (*de Persecutione Vandal.*, кн. 1, гл. 1, стр. 3, изд. Рюинара). Идаций утверждает, что Гейзерих очистил Испанию "*cum Vandalis omnibus eorumque familiis*"; а Поссидий (*in Vit. Augustin.* гл. 28, apud Рюинар, стр. 427) описывает его армию "*as manus ingens immanium gentium Vandalorum et Alanorum, commixtam secum habens Gothorum gentem, aliarumque diversarum personas*".

16) Касательно нравов мавров см. Прокопия (*de Bell. Vandal.* кн. 2, гл. 6, стр. 249); касательно их наружности и сложения см. Бюффона (*Histoire Naturelle*, том III, стр. 430). Прокопий вообще говорит, что мавры присоединились к вандалам перед смертью Валентиниана (*de Bell. Vandal.*, кн. 1, гл. 5, стр. 190), и весьма вероятно, что самостоятельные племена не придерживались какой-либо однообразной политической системы.

17) (Прокопий не заслуживает доверия, и мы не должны судить о древних маврах по их теперешним соотечественникам. Во времена владычества римлян северная Африка имела совершенно иной внешний вид, чем в настоящее время. По словам Нибура (*Лекции*, ч. III, стр. 310), "было бы ошибочно считать варварским такой народ, у которого был письменный язык, употреблявшийся на всем пространстве от Верхнего Египта до Канарских островов". Поэтому крайне неправдоподобно и даже совершенно невероятно, чтобы после того, как эта страна находилась под римским владычеством в течение пятисот лет, могли присоединиться к вандалам "толпы голых дикарей", о которых говорит Гиббон. В числе союзников вандалов мог-

ли находиться грубые поселяне и свирепые донатисты из ереси Циркумцеллионов, но они не могли быть многочисленны. — *Издат.*)

18) См. Тильемона, *Memoires Eccles.*, том XIII, стр. 516-558 и Описание гонений в подлинных документах, помещенных Дипеном в конце *Optatus'a*, стр. 323-515.

19) Донатистские епископы присутствовали на карфагенских совещаниях в числе двухсот семидесяти девяти; они утверждали, что всех их было не менее четырехсот. Католических епископов было двести восемьдесят шесть; не явившихся на совещания было сто двадцать; сверх того было шестьдесят четыре вакантных епископских должности.

20) Пятый титул шестнадцатой книги Феодосиева *Кодекса* представляет целый ряд императорских законов, изданных против донатистов с 400 года по 428-й. В том числе самым суровым и всех вернее достигавшим своей цели был пятьдесят четвертый закон, изданный Гонорием A. D. 414.

21) Св. Августин изменил свое мнение о том, как следует обходиться с еретиками. Его трогательные изъявления сострадания и снисходительности к манихеям помещены Локком (ч. III, стр. 469) в собрании избранных отрывков. Другой философ, знаменитый Бейль (том II, стр. 445-496), опровергал с излишним старанием и остроумием те аргументы, с помощью которых Гиппонский епископ в своих преклонных годах оправдывал гонения донатистов.

22) См. Тильемона *Mem. Eccles.*, том XIII, стр. 586-592, 806. Донатисты хвастались *тысячами* таких добровольных мучеников. Августин утверждает, — и, вероятно, не без основания, — что число этих мучеников очень преувеличено; но он упорно стоит на своем мнении, что лучше, чтобы *иные* сами себя сжигали в этом мире, чем обречать *всех* на вечные адские мучения.

23) По словам св. Августина и Феодорита, донатисты питали сочувствие к тем арианским принципам или, по меньшей мере, к той арианской партии, которую поддерживал Гейзерих. Тильмон, *Mem. Eccles.*, том VI, стр. 68.

24) См. Барония, *Annal. Eccles. A. D. 428, N 7; A. D. 439, N 35*. Хотя этот кардинал был склонен отыскивать причины великих событий скорей на небесах, чем на земле, он заметил эту бросающуюся в глаза связь между вандалами и донатистами. Под владычеством варваров африканские еретики пользовались в неизвестности столетним спокойствием, а по прошествии этих ста лет мы снова усматриваем их следы при свете гонений, которым стали подвергать их императоры. См. Тильемона *Mem. Eccles.*, том VI, стр. 192 и сл.

25) В конфиденциальном письме к комиту Бонифацию св. Августин, не пытаясь исследовать причины ссоры, благочестиво убеждает его исполнять обязанности христианина и подданного, немедленно выпутаться из своего опасного и преступного положения и даже обречь себя на безбрачие и на дела покаяния, — если только ему удастся получить на это согласие его жены (Тильмон, *Mem. Eccles.*, том XIII, стр. 890). Епископ находился в дружеских сношениях с Дарием, благодаря усилиям которого состоялось примирение (*Id.*, том XIII, стр. 928).

26) Подлинные жалобы на постигшие Африку бедствия можно найти:

1. В письме карфагенского епископа Капреола, написанном в оправдание его неявки на Эфесский собор (ар. Ruinart, стр. 429). 2. В жизнеописании св. Августина, написанном его другом и сотоварищем Поссидием (ар. Ruinart, стр. 427). 3. В истории возмущенного вандалами гонения, написанной Виктором Витенским (кн. 1, гл. 1-3, изд. Рюинара). Последний из этих рассказов, написанный через шестьдесят лет после события, отличается не столько верным описанием фактов, сколько тем, что в нем слышится раздражение самого автора.

27) См. Целлария Geograph. Antiq., том II, часть 2, стр. 112. Leo African. in Ramusio, том 1, лист 70. L'Afrique de Marmol, том II, стр. 434-437. Shaw's Travels, стр. 46, 47. Древний Гиппон Царский был окончательно разрушен арабами в седьмом столетии, но из его материалов был построен новый город на расстоянии двух миль от старого, и в шестнадцатом столетии в нем жило до трехсот семей деятельных, но буйных промышленников. Окрестная территория славится своим чистым воздухом, плодородием своей почвы и множеством самых вкусных плодов.

28) Жизнь св. Августина, описанная Тильемоном, наполняет целый том в четвертую долю листа (Mem. Eccles., том XIII) и занимает более тысячи страниц, а усердие этого ученого янсениста было в этом случае возбуждено партийною и религиозною преданностью к основателю его секты.

29) Таков, по крайней мере, рассказ Виктора Витенского (de Persecut. Vandal. кн. 1, гл. 3), хотя Геннадий, по-видимому, сомневается в том, чтобы кто-либо прочел или даже только собрал *все* произведения св. Августина. (См. Орега Иеронима, том I стр. 319 in Catalog. Scriptor. Eccles.) Они неоднократно перепечатывались, а Дюпен (Bibliothèque Eccles., том III, стр. 158-257) составил из них пространное и удовлетворительное извлечение в том виде, как они напечатаны в последнем издании бенедиктинцев. Мое личное знакомство с произведениями Гиппонского епископа ограничивается тем, что я прочел его "Исповедь" и сочинение "О Граде Божиим".

30) В своей ранней молодости (*Испов.* 1. 14) св. Августин пренебрегал изучением греческого языка, к которому не питал расположения, и откровенно признавался, что читал произведения платоников в латинском переводе (*Испов.* 7. 9). Некоторые из новейших критиков полагали, что по незнанию греческого языка он не был способен истолковывать Священное Писание, а Цицерон и Квинтилиан потребовали бы от профессора риторики знания этого языка. (Августин принадлежал к числу тех немногих писателей, которые в его время поддерживали первоначальную связь христианства с греческой философией. Неандр говорит (*Ист. Христ.*, ч. III, стр. 144): "Религиозный идеализм неоплатоников представлял ступень, сближавшую многих с *христианскими идеями*, как это видно на примерах Синезия и Августина". Он касается того же предмета на стр. 146 и 501. Все, что было сказано в прежних подстрочных примечаниях о содействии, оказанном первобытному христианству философией, здесь снова вполне подтверждается, а Августин был едва ли не последний писатель, на котором оправдалась эта истина. — *Издат.*)

31) Со времен св. Павла до времен св. Августина эти вопросы редко

возбуждались. Я узнал, что греческие отцы церкви придерживались мнений полупелагиан и что православие св. Августина было почерпнуто из школы манихеев.

32) Римская церковь причислила Августина к лику святых, а Кальвина признала нечестивцем. Но так как *действительное* различие между ними не может быть усмотрено даже при помощи богословского микроскопа, то молинисты не в состоянии отвергать авторитет святого, а янсенисты опозорены своим сходством с еретиком. Между тем голландские протестанты держатся в стороне и подсмеиваются над замешательством спорщиков. (См. интересный обзор этой полемики, написанный Ле-Клерком, *Bibliothèque Universelle*, том XIV, стр. 144-398.) Может быть, еще более самостоятельный мыслитель стал бы в свою очередь смеяться над комментариями голландских протестантов к Посланию к римлянам. (Между двумя великими поборниками христианства было одно важное различие, благодаря которому один из них был признан святым, а другой был отвергнут церковью. Августин проповедовал непогрешимость церкви в самом широком смысле этого слова. См. его сочинение *De Utilitate Credendi*, отд. 35 и Неандера *Ист. Христ.*, ч. III, стр. 238. За это *доброе дело* он был причислен к лику святых. А Кальвин отвергал всемогущество церковной иерархии, и потому его сожгли бы так же, как он сжег Сервета, если бы он попался в ее руки. — *Издат.*)

33) Ducange, *Fav. Byzant.*, стр. 67. На одной стороне была изображена голова Валентиниана, а на оборотной стороне был изображен Бонифаций с бичом в руке и с пальмовой ветвью в другой; он стоит на триумфальной колеснице, которую везут на иных медалях четыре лошади, а на других четыре оленя: какая печальная эмблема! Не знаю, найдется ли другой пример того, чтобы на оборотной стороне императорской медали была изображена голова подданного. См. *Science des Medailles* отца Жобера, том 1, стр. 132-150, изд 1739 барона де-ла-Бастии. (Однако Эггель (ч. VIII, стр. 293) относит эту медаль к разряду *Pseudomoneta* или таких медалей, которые никогда не обращались как монеты, а были просто *жетоны*, которые чеканились в воспоминание о событиях, не имевших никакой связи с государственными делами. Было много таких жетонов с именами частных лиц, и Эггель полагает, что упомянутая медаль времен Валентиниана III была вычеканена не в честь Comes'а Бонифаций, а в честь *auriga* или кучера, по имени Бонифация, одержавшего победу в цирке. Он полагает, что мнимые рога оленей были не что иное, как пальмовые ветви, привязанные, в знак победы, к головам лошадей, выигравших приз. На странице 209 он цитирует Кедрина, который утверждает, что на медалях Юстиниана изображалась на оборотной стороне фигура его победоносного военачальника, окруженная надписью *Belisarius Gloria Romanorum*. Была найдена только одна такая медаль, о которой упоминает Дюканж (*Dissert. de Num. inf. Aevi*. LXII), но подлинность которой возбуждает сомнения. — *Издат.*)

34) Прокопий (*de Bell. Vandal.* кн. 1, гл. 3, стр. 185) доводит историю Бонифация только до его возвращения в Италию. О смерти Бонифация упоминают Проспер и Марцеллин; из слов этого последнего, что Аэций запаса на кануне сражения *длинным* копьем, можно заклю-

чить, что между двумя соперниками произошло нечто вроде правильной дуэли.

35) См. Прокопия, de Bell. Vandal., кн. 1, гл. 4, стр. 186. Валентиниан издал несколько человеколюбивых законов с целью облегчить бедственное положение его нумидийских и мавританских подданных; он освободил их, в значительной степени, от уплаты их долгов, уменьшил их налоги до одной восьмой и дал им право апеллировать на провинциальных судей к римскому префекту. *Код.* Феод., том VI. *Новел.*, стр. 11, 12.

36) Виктор Витенский, de Persecut. Vandal., кн. 2, гл. 5, стр. 26. Жестокосердие, с которым Гейзерих относился к своим подданным, описано яркими красками в *Хронике* Проспера, A. D. 442.

37) Поссидий in Vit. Augustin. Гл. 28, apud Ruinart, стр. 428.

38) См. "Хроники" Идация, Исидора, Проспера и Марцеллина. Они относят взятие Карфагена врасплох к одному и тому же году, но расходятся в указании дня, когда случилось это событие.

39) Описание Карфагена в том цветущем состоянии, в котором он находился в четвертом и пятом столетиях, заимствовано из *Expositio tutius Mundi*, стр. 17, 18, в третьем томе Гудсоновых *Minor Geographers*, из сочинения Авзония de *Claris Urbibus*, стр. 228, 229 и главным образом из сочинения Сальвиана de *Gubernatione Dei*, кн. 7, 257, 258. Меня удивляет то, что в *Notitia* не говорится ни о карфагенском монетном дворе, ни об арсенале, а упоминается только гупесаетум или женское рабочее заведение.

40) (Эти заведения для образования карфагенян были отжившими и уже ни к чему не годными памятниками прошлого лучшего времени. Их бесполезность была видна из того, как были испорчены нравы городского населения. К тому, что говорится Гиббоном, могут служить дополнением замечания Нибура о сочинениях и характере Сальвиана, о положении Карфагена и об образе действий церковной иерархии, который, по его словам, становился все "более и более достойным порицания". *Лекции*, ч. III, стр. 326-338. — *Издат.*)

41) Анонимный автор сочинения *Expositio totius Mundi* сравнивает на своем варварском латинском языке страну с ее жителями и, упрекнув этих последних в вероломстве, хладнокровно присовокупляет: "Difficile autem inter eos invenitur bonus, tamen in multis pauci boni esse possunt" (стр. 18).

42) Он говорит, что в карфагенской помойной яме скопились выдающиеся пороки всех стран (кн. 7, стр. 257). Африканцы хвастались избытком физических сил, которые тратились ими на порочные наслаждения. "Et illi se magis virilis fortitudinis esse crederent, qui maxime vires foeminei usus probositate fregissent" (стр. 268). На карфагенских улицах встречались развратные негодяи, публично усваивавшие внешний вид, одяние и характер женщин (стр. 264). Если же в городе появлялся какой-нибудь монах, этого святого мужа преследовали нечестивыми оскорблениями и насмешками, "detestantibus ridentium cachinnis" (стр. 289).

43) Сравн. Прокопия de Bell. Vandal. кн. 1, гл. 5, стр. 189, 190 и Виктора Витенского de Persecut. Vandal, кн. 1, гл. 4.

44) Рюинар (стр. 444-457) извлек из сочинений Феодорита и других

писателей подробности о действительных или вымышленных злоключениях карфагенских жителей.

45) Подробности вымышленного рассказа не имеют большой важности; тем не менее я придерживался рассказа, переведенного с сирийского языка по заказу Григория Турского (*de Gloria Martyrum*, кн. 1, гл. 95, in *Bibliopthea Patrum*, том XI, стр. 856), греческими документами об их мученичестве (*apud Photium*, стр. 1400, 1401) и "Хрониками" патриарха Евтихия (том 1, стр. 391-531, 532, 535, vers. Росock).

46) Два сирийский писателя, цитируемые у Ассемани (*Biblioth. Oriental.*, том 1, стр. 336, 338), относят пробуждение семи спящих отроков к 736 (A. D. 425) или к 748 (A. D. 437) году эры Селевкидов. Греческие документы, которые читал Фотий, относят это происшествие к тридцать восьмому году царствования Феодосия, вероятно совпадающему с A. D. 439 и 446. Период времени, протекший со времени гонений Деция, может быть определен без особого труда, и только невежество Мухаммеда или составителей легенд могло определять этот промежуток времени в триста или в четыреста лет.

47) Один из православных отцов сирийской церкви Иаков родился A. D. 452; он начал сочинять свои проповеди A. D. 474; он был назначен епископом Батны, в Саругском округе, в провинции Месопотамии A. D. 519 и умер A. D. 521 (Ассемани, том 1, стр. 288, 289). Что касается проповеди *de Pueris Ephesinis*, см. стр. 335-339, мне было бы более приятно, если бы Ассемани перевел текст Иакова Заругского вместо того, чтобы отвечать на возражения Барония.

48) См. *Acta Sanctorum* Болландистов (*Mensis Julii*, том VI, стр. 375-397). Этот громадный календарь святых, составлявшийся сто двадцать шесть лет (1644-1770) и наполняющий пятьдесят томов *in folio*, доведен только до 7 октября. Уничтожение ордена иезуитов, вероятно, было причиной прекращения труда, который, несмотря на множество вымыслов и суеверий, служит источником многих исторических и философских сведений.

49) См. *Maracci Alcoran. Sura 18*, том II, стр. 420-427 и том 1, часть 4, стр. 103. При таком просторе для изобретательности Мухаммед не обнаружил ни изящного вкуса ни остроумия. Он придумал пса (*Al Rakim*) семи спящих отроков, уважение к ним со стороны солнца, которое два раза в день изменяло свое течение для того, чтобы его лучи не могли проникать в пещеру, и заботливость самого Бога, который переворачивал их с одного бока на другой для того, чтобы предохранить их тела от гниения.

50) См. Д'Ербело, *Bibliothèque Orientale*, стр. 139 и Ренодо, *Hist. Patriarch. Alexandrin.*, стр. 39, 40.

51) Диакон города Аквилеи Павел (*De Gestis Langobardorum*, кн. 1, гл. 4, стр. 745, 746, изд. Грот.), живший в конце восьмого столетия, поместил северных спящих отроков в пещере под утесом на берегу океана и говорит, что варвары старались не нарушать их покоя. По их одежде можно было догадаться, что они были римляне, и диакон полагает, что Провидение предназначило им роль будущих апостолов этих неверующих стран.

ГЛАВА XXXIV

**Характер, завоевания и двор царя гуннов
Аттилы. — Смерть Феодосия Младшего. —
Возведение Маркиана в звание восточного
императора.**

Западный мир страдал под гнетом готов и вандалов, бежавших перед гуннами, но подвиги самих гуннов не соответствовали их могуществу и блеску первых успехов. Их победоносные орды рассеялись от Волги до Дуная; но их силы истощались от вражды между самостоятельными вождями, их мужество бесполезно тратилось на незначительные хищнические набеги, и они нередко унижали свое национальное достоинство, становясь под знамена своих побежденных врагов из жадности к добыче. В царствование Аттилы ¹⁾ гунны снова стали наводить ужас на весь мир, и я теперь должен заняться описанием характера и подвигов этого грозного варвара, нападавшего попеременно то на восточные, то на западные провинции и ускорившего быстрое разрушение Римской империи.

Среди потока переселенцев, стремительно катившегося от пределов Китая к пределам Германии, самые могущественные и самые многочисленные племена обыкновенно останавливались на границе римских владений. Их напор на время сдерживался искусственными преградами, а снисходительность императоров не удовлетворяла, а поощряла наглые требования варваров, успевших приобрести сильное влечение к удобствам цивилизованной жизни.

Венгры, с гордостью вносящие имя Аттилы в список своих туземных королей, могут основательно утверждать, что орды, признававшие над собою власть его дяди Роаса, или Ругиласа, стояли лагерем в теперешней Венгрии ²⁾, на такой плодородной территории, которая в избытке удовлетворяла нужды народа, состоявшего из охотников и пастухов. Занимая такое выгодное положение, Ругилас и его храбрые братья постоянно что-нибудь прибавляли к своему могуществу и к своей славе и могли по своему произволу то вступать в мирные переговоры с двумя империями, то предпринимать против них войны. Его союз с Западной империей был скреплен его личною дружбой со знаменитым Аэцием, который

был уверен, что всегда найдет в лагере варваров гостеприимство и сильную поддержку. По просьбе Аэция шестьдесят тысяч гуннов приблизились к границам Италии, чтобы поддержать узурпатора Иоанна; и их приближение и их отступление дорого стоили империи, и Аэций из признательности предоставил своим верным союзникам обладание Паннонией. Для Восточной империи были не менее страшны военные предприятия Ругиласа, угрожавшие не только провинциям, но даже столице. Некоторые церковные историки пытались истребить варваров молнией и моровой язвой ³⁾, но Феодосий был вынужден прибегнуть к более скромным мерам: он обязался выплачивать им ежегодно по триста пятьдесят фунтов золота и прикрыл эту постыдную дань званием полководца, которое соблаговолил принять царь гуннов. Общественное спокойствие часто нарушалось буйством варваров и коварными интригами византийского двора. Четыре подчиненных нации, в числе которых мы можем отметить баварцев, отвергли верховенство гуннов, а римляне поощряли и поддерживали это восстание своим содействием, пока грозный Ругилас не заявил своих основательных притязаний чрез посредство своего посла Эслава. Сенаторы единогласно высказались за мир; их декрет был утвержден императором, и были назначены два посла — военачальник скифского происхождения, но консульского ранга Плинтас и опытный государственный деятель квестор Эпиген, который был выбран по рекомендации своего честолюбивого сотоварища.

Смерть Ругиласа прервала ход мирных переговоров. Два его племянника, Аттила и Бледа, занявшие престол своего дяди, согласились на личное свидание с константинопольскими послами, но так как они из гордости не хотели сходить с коней, то переговоры велись в обширной равнине подле города Марга, в Верхней Мезии. Цари гуннов присвоили себе как все почетные отличия, так и все существенные выгоды состоявшейся сделки. Они продиктовали мирные условия, и каждое из этих условий было оскорблением достоинства империи. Кроме пользования безопасным и обильным рынком на берегах Дуная они потребовали, чтобы ежегодная дань была увеличена с трехсот пятидесяти до семисот фунтов золота, чтобы за каждого римского пленника, спасшегося бегством от своего варварского повелителя, уплачивался денежный штраф или выкуп в размере восьми золотых монет, что-

бы император отказался от союза и всяких сношений с врагами гуннов и чтобы все беглецы, укрывшиеся при дворе или во владениях Феодосия, были отданы на суд своего оскорбленного государя. Этот суд постановил свой безжалостный приговор над несколькими несчастными юношами царского происхождения: по требованию Аттилы они были распяты на кресте на имперской территории, и лишь только царь гуннов заставил римлян трепетать при его имени, он оставил их на короткое время в покое и занялся покорением мятежных или независимых племен Скифии и Германии ⁴).

Сын Мундзука Аттила вел свое знатное и, быть может, царское происхождение ⁵ от древних гуннов, когда-то воевавших с китайскими монархами. Черты его лица, по замечанию одного готского историка, носили на себе отпечаток национального происхождения, и наружность Аттилы отличалась всеми уродливыми особенностями, свойственными современным нам калмыкам ⁶). У него была большая голова, смуглый цвет лица, маленькие, глубоко ввалившиеся глаза, приплюснутый нос, несколько волос вместо бороды, широкие плечи и коротенькое толстое туловище, одаренное сильными мускулами, хотя и непропорциональное по своим формам. В гордой походке и манере себя держать выражалось сознание его превосходства над всем человеческим родом, и он имел обыкновение свирепо поводить глазами, как будто желая насладиться страхом, который он наводил на окружающих. Однако этот дикий герой не был недоступен чувству сострадания: враги, молившие его о пощаде, могли положиться на его обещания мира или помилования, и подданные Аттилы считали его за справедливого и снисходительного повелителя. Он находил наслаждение в войне; но после того как он вступил на престол в зрелых летах, завоевание севера было довершено не столько его личной храбростью, сколько его умом, и он с пользою для себя променял репутацию отважного воина на репутацию предусмотрительного и счастливового полководца. Личная храбрость дает блестящие результаты только в поэзии и в романах, и даже у варваров победа зависит от умения возбуждать и направлять страсти толпы на пользу одного человека. Скифские завоеватели Аттила и Чингис возвышались над своими грубыми соотечественниками не столько своей храбростью, сколько своим умом, и можно заметить, что монархия гуннов, точно так же как и мо-

нархия монголов, была основана на фундаменте народных суеверий. Чудесное зачатие, которое приписывалось девственной матери Чингиса обманом или легковерием, возвысило его над уровнем человеческой натуры, а голый пророк, провозгласивший его от имени божества повелителем вселенной, воодушевил монголов непреодолимым энтузиазмом ⁷⁾. Аттила прибегнул к религиозному подлогу, который был так же хорошо приспособлен к характеру его времени и его отечества. Нетрудно понять, что скифы должны были чтить бога войны с особым благоговением; но так как они не были способны ни составить себе отвлеченное о нем понятие, ни изобразить его в осязательной форме, то они поклонялись своему богу-покровителю под символическим изображением железного палаша ⁸⁾.

Один из гуннских пастухов заметил, что одна из телок, которые паслись на лугу, ранила себя в ногу; он пошел по оставленным ею следам крови и нашел в высокой траве острый конец меча, который он выкопал из земли и поднес Аттиле. Этот великодушный или, вернее, хитрый царь и принял этот небесный дар с благочестивой признательностью и в качестве законного обладателя *меча Марса* заявил свои божественные и неопровержимые права на всемирное владычество ⁹⁾. Если в этом торжественном случае были исполнены скифские обряды, то на обширной равнине был поставлен высокий алтарь или, вернее, навалена груда хворосту длиною и шириною в триста ярдов, и *меч Марса* был поставлен стоймя на вершине этого жертвенника, ежегодно освящавшегося кровью овец, лошадей и сотого из пленных ¹⁰⁾. Входили ли человеческие жертвоприношения в состав религиозного поклонения Аттилы, или же он умилоstellял бога войны теми жертвами, которые беспрестанно приносил ему на полях сражений, — во всяком случае, фаворит Марса скоро приобрел священный характер, благодаря которому его завоевания сделались более легкими и более прочными, а варварские вожди, из благочестия или из лести, стали сознаваться, что их глаза не могли пристально смотреть на божественное величие царя гуннов ¹¹⁾. Его брат Бледа, царствовавший над значительной частью нации, был вынужден отказаться от скипетра и был лишен жизни. Но даже этот бесчеловечный поступок приписывался сверхъестественному внушению, и энергия, с которой Аттила употреблял в дело *меч Марса*,

распространила общее убеждение, что этот меч был предназначен только для его непобедимой руки ¹²⁾. Но обширность его владений служит единственным доказательством многочисленности и важности его побед, и хотя скифский монарх не был способен понимать цену наук и философии, он, может быть, сожалел о том, что его необразованные подданные не владели такими искусствами, с помощью которых можно бы было увековечить воспоминание о его подвигах.

Если бы мы отделили чертою цивилизованные страны земного шара от тех, которые находились в диком состоянии, а занимавшихся возделыванием земли городских жителей от охотников и пастухов, живших в палатках, то Аттиле можно бы было дать титул верховного и единственного монарха варваров ¹³⁾.

Из всех завоевателей древних и новых времен он один соединял под своею властью обширные страны Германии и Скифии, а эти неопределенные названия, в применении к тому времени, когда он царствовал, должны быть принимаемы в самом широком значении. Тюрингия, простиравшаяся вне своих теперешних пределов до берегов Дуная, была в числе его владений; в качестве могущественного соседа он вмешивался во внутренние дела франков, а один из его военачальников наказал и почти совершенно истребил живших на берегах Рейна бургундов ¹⁴⁾. Он подчинил своей власти острова океана и скандинавские государства, окруженные водами Балтийского моря и отделенные этими водами от Европейского материка, и гунны могли собирать мехами подати с тех северных стран, которые до тех пор были защищены от всяких завоевательных попыток суровостью своего климата и храбростью своего населения. С восточной стороны трудно установить пределы владычества Аттилы над скифскими степями; однако нам положительно известно, что он владычествовал на берегах Волги, что царя гуннов боялись не только как воина, но и как волшебника ¹⁵⁾, что он победил хана грозных геугов и что он отправил послов для ведения с китайской империей переговоров о союзе на равных с обеих сторон правах. Между народами, признававшими над собою верховную власть Аттилы и при его жизни никогда не пытавшимися возвратить свою самостоятельность, гепиды и остготы отличались своей многочисленностью, своим мужеством и личными достоинствами своих вождей. Знаменитый царь

гепидов Ардарих был преданным и прозорливым советником монарха, который уважал его неустрашимость, хотя в то же время питал сочувствие к кротким и скромным достоинствам царя остготов благородного Валамира. Толпа менее важных царей, владычествовавших над теми воинственными племенами, которые служили под знаменем Атилы, теснилась вокруг своего повелителя, занимая при нем различные должности телохранителей и служителей. Они следили за каждым его движением, дрожали от страха, когда он наморщивал свои брови, и по первому сигналу исполняли его грозные и безусловные приказания без ропота и без колебаний. В мирное время подчиненные ему цари поочередно дежурили в его лагере со своими национальными войсками; но когда Атила собирал все свои военные силы, он мог выставить в поле армию из пятисот тысяч варваров, а по мнению иных, даже из семисот тысяч ¹⁶⁾.

Послы гуннов могли встревожить Феодосия напоминанием, что они были его соседями и в Европе и в Азии, так как их владения простирались с одной стороны до Дуная, а с другой до Танаиса. В царствование его отца Аркадия отряд гуннских удальцов опустошил восточные провинции и ушел оттуда с богатой добычей и с множеством пленников ¹⁷⁾. Они пробрались по секретной тропинке вдоль берегов Каспийского моря, перешли покрытые снегом горы Армении, переправились через Тигр, через Евфрат и через Галий, пополнили ряды своей тяжелой кавалерии превосходной породой каппадокийских коней, заняли гористую Киликию и прервали веселые песни и танцы антиохийских граждан. Египет трепетал от страха при их приближении, а монахи и пилигримы приготовились покинуть Святые Места и сели на корабли, чтобы спастись от их ярости. Воспоминание об этом нашествии было еще свежо в умах восточных жителей. Подданные Атилы могли с более значительными силами осуществить предприятие, так смело начатое этими удальцами, и вопрос о том, обрушится ли буря на римские или на персидские владения, скоро сделался предметом тревожных догадок. Некоторые из главных вассалов царя гуннов, сами принадлежавшие к числу могущественных царей, были посланы с поручением заключить союз и военный договор с западным императором или, вернее, с военачальником, который управлял Западом. Во время своего пребывания в Риме они рассказывали

подробности экспедиции, которую они предпринимали незадолго перед тем на Восток. Пройдя степи и болота, которые, по мнению римлян, были не что иное, как Меотийское озеро, они перешли через горы и через две недели достигли пределов Мидии; там они проникли до неизвестных городов Базика и Курсика¹⁸⁾. Они встретились с персидской армией на равнинах Мидии, и, по их собственному выражению, воздух омрачился тучей стрел. Но гунны были вынуждены отступить перед многочисленными неприятельскими силами. Их трудное отступление было совершено другим путем; они лишились большей части собранной добычи и наконец возвратились в царский лагерь с некоторым знанием местности и с нетерпеливым желанием отмщения. В интимной беседе императорских послов, рассуждавших, во время своего пребывания при дворе Атиллы, о характере и планах их грозного врага, константинопольские уполномоченные выразили надежду, что можно бы было отвлечь его силы, вовлекая их в продолжительную и сомнительную борьбу с монархами из дома Сассана. Более прозорливые итальянцы уверяли своих восточных сотоварищей, что исполнение такого намерения было бы и безрассудно и опасно, что мидяне и персы были неспособны сопротивляться гуннам и что это легкое и важное приобретение увеличило бы и гордость и могущество завоевателя. Вместо того, чтобы довольствоваться умеренной данью и военным титулом, который ставил его на одну ногу только с полководцами Феодосия, Атила наложил бы унижительное и невыносимое иго на опозоренных и поработенных римлян, владения которых были бы окружены со всех сторон гуннами¹⁹⁾.

В то время как правители и Европы и Азии заботились о предотвращении угрожавшей опасности, союз с Атилиой обеспечил вандалам обладание Африкой. Дворы равеннский и константинопольский вошли в соглашение с целью отнять у варваров эту важную провинцию, и в портах Сицилии уже собрались военные и морские силы Феодосия. Но хитрый Гейзерих, повсюду заводивший переговоры, уничтожил их замысел, убедив царя гуннов вторгнуться во владения восточного императора, а одно ничтожное происшествие сделалось мотивом или предлогом опустошительной войны²⁰⁾. В силу заключенного в Марге договора, на северной стороне Дуная был открыт вольный рынок, который охранялся рим-

скою крепостью, носившею название Констанции. Отряд варваров нарушил безопасность торговли, частью умертвил, частью разогнал купцов и разрушил крепость до основания. Гунны оправдывали это оскорбление тем, что будто оно было вызвано жаждой мщения; они утверждали, что епископ Марга, пробравшись на их территорию, открыл и похитил спрятанное сокровище их царей, и грозно требовали возвращения сокровища и выдачи как преступного епископа, так и подданных Атиллы, спасшихся бегством от его правосудия. Отказ византийского двора послужил сигналом для войны. Жители Мезии сначала одобряли благородную твердость своего государя, но оробели при известии о разрушении Виминиака и соседних с ним городов и решились придерживаться более выгодного принципа, что для безопасности страны следует жертвовать жизнью частного человека, как бы он ни был невинен и достоин уважения. Епископ Марга, не отличавшийся самоотвержением мучеников, догадался об их замысле и решился предупредить его исполнение. Он не побоялся вступить в переговоры с вождями гуннов, обеспечил себе, путем торжественных клятвенных обещаний, помилование и награду, поставил многочисленный отряд варваров в засаде у берегов Дуная и в условленный час собственноручно отворил ворота своей епископской резиденции. Этот достигнутый путем вероломства успех послужил прелюдией для более честных и решительных побед.

Иллирийская граница была прикрыта рядом замков и укреплений, которые хотя и состояли большею частью из одной башни, занятой небольшим гарнизоном, однако вообще были достаточны для отражения и для пресечения отступления такого неприятеля, который не был знаком с искусством ведения правильной осады или не имел достаточно терпения для предприятий этого рода. Но эти легкие преграды были мгновенно разрушены напором гуннов ²¹⁾. Варвары опустошили огнем и мечом многолюдные города Сирмий и Сингидун, Рациарию и Маркианополь, Наисс и Сардику, в которых и воспитание населения и постройка зданий были мало-помалу приспособлены к одной цели — к отражению внешнего нападения. Мириады варваров, предводимых Атиллой, внезапно наводнили и опустошили Европу на пространстве с лишком пятисот миль, отделяющих Эвксинское море от Адриатического. Однако ни общественная опасность, ни общественные

бедствия не заставили Феодосия прервать его развлечения и подвиги благочестия или лично стать во главе римских легионов. Но войска, посланные против Гейзериха, были торопливо отозваны из Сицилии; гарнизоны, стоявшие на персидской границе, были уменьшены до крайности, и в Европе были собраны военные силы, которые были бы страшны и своей храбростью и своей многочисленностью, если бы военачальники умели командовать, а солдаты повиноваться. Армии восточного императора были разбиты в трех следовавших одна вслед за другой битвах, и движение Атиллы можно проследить по полям сражений. Два первых сражения происходили на берегах Ута и под стенами Маркианополя, на обширной равнине, лежащей между Дунаем и Гемскими горами. Теснимые победоносным неприятелем римляне имели неосторожность мало-помалу отступить к Херсонесу Фракийскому, и этот узкий полуостров, составляющий крайнюю оконечность материка, сделался сценой их третьего и непоправимого поражения. С уничтожением этой армии Атиллы сделался полным хозяином над всеми странами от Геллеспонта до Фермопил и до предместий Константинополя и стал опустошать их беспрепятственно и без всякого милосердия. Гераклея и Адрианополь, быть может, спаслись от страшного нашествия гуннов; но мы не преувеличим бедствий, постигших семьдесят городов Восточной империи ²²⁾, если скажем, что эти города были совершенно уничтожены и стерты с лица земли. Феодосия, его двор и трусливое население столицы охраняли константинопольские городские стены; но эти стены были расшатаны недавним землетрясением, и от разрушения пятидесяти восьми башен образовалась широкая и наводившая ужас брешь. Это повреждение, правда, было торопливо исправлено; но этому несчастному случаю придавало особую важность суеверное опасение, что само небо предавало императорскую столицу в руки скифских пастухов, незнакомых ни с законами, ни с языком, ни с религией римлян ²³⁾. При всех нашествиях скифских пастухов на цивилизованные южные страны их толкала вперед лишь дикая страсть разрушения. Законы войны, удерживающие от грабежа и убийств, основаны на двух принципах личного интереса — на сознании прочных выгод, доставляемых воздержным пользованием своей победой, и на основательном опасении, что за опустошение неприятельской страны нам могут

отплатить опустошением нашей собственной. Но эти соображения, основанные, с одной стороны, на ожидании будущих благ, а с другой, на опасении будущих бедствий, почти вовсе незнакомы народам, живущим пастушескою жизнью. Гуннов Аттилы можно, без оскорбления для них, сравнить с монголами и татарами, прежде чем первобытные нравы этих последних были изменены религией и роскошью; а свидетельство восточной истории бросает некоторый свет на краткие и неполные летописи Рима.

После того как монголы завоевали северные провинции Китая, было серьезно предложено, — и не в момент победы и раздражения, а в минуту спокойного размышления, — истребить всех жителей этой многолюдной страны для того, чтобы можно было обратить свободные земли в пастбища для скота. Твердость китайского мандарина ²⁴⁾, умевшего внушить Чингису некоторые принципы более здоровой политики, отклонила завоевателя от исполнения этого ужасного замысла. Но в азиатских городах, подпавших под власть монголов, бесчеловечное злоупотребление правами победителя совершалось с правильными формами дисциплины, и можно полагать, — хотя на это и нет столь же убедительных доказательств, — что точно так же поступали и победоносные гунны. Жителям безусловно сдавшегося города приказывали очистить их дома и собраться на прилегающей к городу равнине, где и разделяли побежденных на три разряда. Первый разряд состоял из гарнизонных солдат и из молодых людей, способных к военной службе; их судьба решалась немедленно: или их завербовывали в службу к монголам, или же их умерщвляли на месте войска, которые окружали массу пленников с направленными на них копьями и с натянутыми луками. Второй разряд, состоявший из молодых и красивых женщин, из ремесленников всякого ранга и всяких профессий и из самых богатых или знатных граждан, от которых можно было ожидать выкупа, делился между варварами или на равные части, или соразмерно со служебным положением каждого из них. Остальные жители, и жизнь и смерть которых была одинаково бесполезна для победителей, получали дозволение возвратиться в город, из которого уже было вывезено все, что имело какую-нибудь цену, и этих несчастных облагали налогом за дозволение дышать их родным воздухом. Таково было поведение монголов, когда они не находи-

ли надобности прибегать к чрезвычайным мерам строгости ²⁵⁾. Но самое ничтожное раздражение, самый пустой каприз или расчет нередко служили поводом к избиению всех жителей без разбора, а разрушение некоторых цветущих городов было совершено с таким непреклонным ожесточением, что, по собственному выражению варваров, лошадь могла пробежать, не спотыкаясь, по тому месту, на котором прежде стояли эти города. Три большие столицы Хорасана — Мары, Нишапур и Герат — были разрушены армиями Чингиса, и было с точностью вычислено, что при этом было убито четыре миллиона триста сорок семь тысяч человек ²⁶⁾. Тимур, или Тамерлан, родился в менее варварском веке и был воспитан в магометанской религии; однако если Аттила только равнялся с ним жестокостью и опустошениями ²⁷⁾, то прозвище "Бич Божий" одинаково идет и к татарину и к гунну ²⁸⁾.

Можно смело утверждать, что население римских провинций очень уменьшилось вследствие того, что гунны увели множество римских подданных в плен. В руках мудрого правителя такая трудолюбивая колония могла бы распространить в степях Скифии зачатки полезных наук и искусств; но эти захваченные на войне пленники распределялись случайным образом между ордами, признававшими над собою верховную власть Аттилы. Оценку их достоинств делали непросвещенные варвары со своей наивной простотой и без всяких предубеждений. Они не могли ценить достоинств богослова, изошрившегося в спорах о Троице и Воплощении, но они уважали священнослужителей всех религий, и хотя предприимчивое усердие христианских миссионеров не находило доступа к особе или во дворец монарха, они успешно распространяли знание евангелия ²⁹⁾. Пастушеские племена, незнакомые с распределением земельной собственности, не могли понимать ни пользы гражданской юриспруденции, ни ее злоупотреблений, и искусство красноречивого юриста могло возбуждать в них лишь презрение или отвращение ³⁰⁾. Находившиеся в постоянных между собою сношениях гунны и готы передавали одни другим знакомство с двумя национальными диалектами, и варвары старались научиться латинскому языку, который был военным языком даже в Восточной империи ³¹⁾. Но они пренебрегали языком и научными познаниями греков, и тщеславный софист или серьезный философ, наслаждавшийся в школах лестными рукоплеска-

ниями, был глубоко оскорблен при виде того, что варвары отдавали предпочтение физической силе находившегося вместе с ним в плену его прежнего раба.

Механические искусства поощрялись и уважались, так как они удовлетворяли нужды гуннов. Архитектор, состоящий в услужении у одного из фаворитов Аттилы Онегезия, построил баню; но это сооружение было редким образчиком роскоши частного человека, и для кочующего народа были гораздо более полезны кузнецы, слесаря и оружейные мастера, снабжавшие его и орудиями для мирных занятий и оружием для войны. Но знания доктора пользовались всеобщим сочувствием и уважением; варвары, презиравшие смерть, боялись болезней, и надменный завоеватель дрожал от страха в присутствии пленника, которому он приписывал, быть может, воображаемую способность продолжить или сохранить его жизнь ³²⁾. Гунны могли дурно обходиться с прогневившими их рабами, над которыми они пользовались деспотическою властью ³³⁾; но их нравы не допускали утонченной системы угнетений, и нередко случалось, что рабы награждались за свое мужество и усердие дарованием свободы. К историку Приску, посольство которого служит источником интересных сведений, подошел в лагере Аттилы иностранец, приветствовавший его на греческом языке, но по своему одеянию и внешнему виду походивший на богатых скифов. Во время осады Виминиака этот иностранец, — как он сам рассказал, — лишился и своего состояния и свободы: он сделался рабом Онегезия; но за услуги, оказанные им в делах с римлянами и с акатцирами, он был мало-помалу поставлен на одну ногу с гуннскими уроженцами, с которыми он связал себя семейными узами, взяв между ними жену и прижив нескольких детей. Благодаря военной добыче он восстановил и улучшил свое личное состояние; он садился за стол своего прежнего господина, и этот отрекшийся от своей веры грек благословлял тот час, когда попал в плен, так как это привело его к тому счастливому и самостоятельному положению, которое он приобрел, заняв почетную военную должность. Это соображение вызвало спор о хороших и дурных сторонах римского управления, которое вероотступник горячо порицал, а Приск защищал многословной и пустой болтовней. Вольноотпущенник Онегезия описал верными и яркими красками пороки разрушавшейся империи, от которых он сам так дол-

го страдал: бесчеловечное безрассудство римских монархов, неспособных защитить своих подданных от общественного врага и не позволяющих им братья за оружие для своей собственной обороны; чрезвычайную тяжесть налогов, сделавшуюся еще более невыносимой благодаря запутанной или произвольной системе их взыскания; сбивчивость бесчисленных и противоречивых законов; утомительные и дорогостоящие формальности судебного производства; пристрастное отправление правосудия и всеобщую нравственную испорченность, усиливавшую влияние богачей и подвергавшую бедняков новым лишениям. В конце концов чувство патриотизма заговорило в душе счастливого изгнанника, и он пролил поток слез, скорбя о преступности или бессилии должностных лиц, извративших самые мудрые и самые благодетельные учреждения ³⁴⁾.

Трусливая или себялюбивая политика западных римлян предоставила Восточную империю во власть гуннов ³⁵⁾. Потеря армий и отсутствие дисциплины или воинских доблестей не возмещались личными достоинствами монарха. Феодосий мог по-прежнему принимать и тон и титул "Непобедимого Августа"; тем не менее он был вынужден просить пощады у Аттилы, который повелительно продиктовал ему следующие тяжелые и унижительные мирные условия. I. В силу письменного договора или молчаливого согласия, император уступил ему обширную и важную территорию, простиравшуюся вдоль южных берегов Дуная от Сингидуна или Белграда до Нов во Фракийском диоцезе. Ширина этой территории была определена неточным размером пятнадцатидневного пути; но из сделанного Аттилой предположения перенести национальный рынок в другое место скоро обнаружилось, что он включал в пределы своих владений разоренный город Наисс. II. По требованию царя гуннов получавшаяся им ежегодная дань, или субсидия, была увеличена с семисот фунтов золота до двух тысяч ста, и он выговорил немедленную уплату шести тысяч фунтов золота на покрытие расходов войны или в наказание за то преступление, которым она была вызвана. Можно бы было подумать, что такое требование, едва ли превышавшее денежные средства некоторых частных лиц, будет легко удовлетворено богатой Восточной империей; но вызванные им затруднения служат замечательным доказательством обеднения или, по меньшей мере, расстро-

енного положения финансов. Налоги, которые взыскивались с народа, большею частью задерживались или перехватывались во время своего течения по разным грязным каналам в направлении к константинопольскому казначейству. Доходы тратились Феодосием и его фаворитами на тщеславную и безрассудную роскошь, прикрытую названиями императорского великолепия и христианского милосердия. Наличные денежные средства были истощены непредвиденными расходами на военные приготовления. Чтобы немедленно удовлетворить нетерпеливую жадность Аттилы, не оставалось другого способа, как обложить членов сенаторского сословия тяжелым и произвольным налогом, а бедность аристократов заставила их прибегнуть к позорной продаже с публичного торгога драгоценных камней их жен и доставшегося им по наследству роскошного убранства их дворцов ³⁶⁾. III. Царь гуннов, как кажется, принял за основное правило национальной юриспруденции, что он никогда не может утратить однажды приобретенного им права собственности над лицами, добровольно или поневоле подчинившимися его власти. Из этого основного принципа он выводил то умозаключение, — а все умозаключения Аттилы были непреложными законами, — что гунны, попавшиеся в плен во время войны, должны быть отпущены на свободу немедленно и без всякого выкупа, что каждый римский военнопленный, осмелившийся искать спасения в бегстве, должен купить свое право на свободу ценою двенадцати золотых монет и что все варвары, покинувшие знамена Аттилы, должны быть возвращены без всяких обещаний или условий помилования. При исполнении этого бесчеловечного и позорного договора императорские офицеры были вынуждены лишить жизни многих преданных империи знатных дезертиров, не желавших обречь себя на верную смерть, и римляне лишили себя всяких прав на доверие со стороны которого-либо из скифских племен вследствие этого публичного признания, что у них не было ни достаточно добросовестности, ни достаточно силы, чтобы охранять жизнь тех, кто прибегал к покровительству Феодосия ³⁷⁾.

Непоколебимое мужество одного города, — столь незначительного, что историки и географы упоминают о нем только по этому случаю, — выставило в ярком свете унижительное положение императора и империи. Азим, или Азимунций, —

небольшой фракийский городок, лежавший на иллирийской границе ³⁸⁾, — отличался воинственным духом своей молодежи, искусством и прекрасной репутацией избранных этой молодежью вождей и ее блестящими подвигами в борьбе с бесчисленными толпами варваров. Вместо того чтобы трусливо ожидать неприятельского приближения, жители Азимунция часто делали удачные вылазки против гуннов, которые стали избегать этого опасного соседства; они отняли у гуннов добычу и пленников и пополнили свои ряды добровольным в них вступлением беглецов и дезертиров. После заключения мирного договора Аттила не переставал грозить империи беспощадной войной, если жителей Азимунция не уговорят или не заставят подчиниться тем мирным условиям, которые были приняты их государем. Министры Феодосия со стыдом чистосердечно сознались, что они утратили всякую власть над людьми, так мужественно отстаивавшими свою независимость, и царь гуннов согласился вступить в переговоры с гражданами Азима об обмене пленников. Они потребовали выдачи нескольких пастухов, случайно захваченных вместе со скотом. Было дозволено строгое расследование, оказавшееся бесплодным; но прежде чем возвратить варварам двух их соотечественников, задержанных в качестве заложников за безопасность пропавших пастухов, они заставили гуннов поклясться, что между их пленниками нет ни одного жителя Азимунция. Аттила с своей стороны был удовлетворен и вовлечен в заблуждение их торжественным уверением, что все остальные пленники были лишены жизни и что они постоянно держатся правила немедленно отсылать римлян и дезертиров, обращающих к ним за покровительством. Эта вызванная человеколюбивою предусмотрительностью ложь может быть предметом или порицания, или одобрения со стороны казуистов, смотря по тому, придерживаются ли они строгих правил св. Августина или более мягких мнений св. Иеронима и св. Златоуста; но всякий военный человек и всякий государственный деятель должен сознаться, что, если бы раса азимунцийских граждан сохранилась и размножилась, варвары перестали бы попираť величие империи ³⁹⁾.

Действительно, было бы странно, если бы Феодосий купил ценою своей чести безопасное и прочное спокойствие или если бы его трусость не вызвала новых оскорблений. К визан-

тийскому двору были отправлены одно вслед за другим пять или шесть унижительных для него посольств ⁴⁰⁾; уполномоченные Аттилы настаивали на скором и точном исполнении условий последнего договора, требовали поименного списка беглецов и дезертиров, все еще пользовавшихся покровительством империи, и объявляли с притворной скромностью, что, если их государь не получит полного и немедленного удовлетворения, он не будет в состоянии, — даже если бы захотел, — сдерживать раздражение своих воинственных народов. Кроме гордости и личного интереса, заставлявших царя гуннов не прерывать этих переговоров, им также руководило постыдное желание обогатить своих фаворитов за счет врага. Императорская казна истощала свои денежные средства на приобретение дружеской услужливости послов и главных членов их свиты, так как от содержания их донесений зависело сохранение мира. Варварский монарх был польщен тем, что его послы были приняты с большим почетом, с удовольствием взвешивал ценность и великолепие полученных ими подарков, строго требовал исполнения всех обещаний, которые могли доставить им какую-либо выгоду, и заботился о бракосочетании своего секретаря Констанция как о важном государственном деле ⁴¹⁾. Этот искатель приключений был родом из Галлии; его рекомендовал царю гуннов Аэций, и он обещал константинопольским министрам свое содействие с тем условием, чтобы его наградили за это богатой и знатной женой. Дочь комита Сатурнина была выбрана для исполнения лежавшего на ее отечестве обязательства. Ее сопротивление, семейные раздоры и несправедливая конфискация ее состояния охладили любовный пыл корыстолюбивого Констанция; но он потребовал от имени Аттилы другой богатой невесты, и, после разных отговорок и отлагательств византийский двор был вынужден принести этому наглому иноземцу в жертву вдову Армация, которая по своему происхождению, богатству и красоте принадлежала к числу самых знатных римских дам. Аттила потребовал, чтобы в отплату на эти докучливые и взыскательные посольства и к нему были присланы послы; он с недоверчивым высокомерием взвешивал личные достоинства и общественное положение императорских уполномоченных, но снизошел до того, что обещал выехать до Сардики навстречу к таким послам, которые облечены консульским званием. Советники

Феодосия отклонили это предложение под тем предлогом, что Сардика находится в печальном положении совершенно разоренного города, и даже позволили себе заметить, что всякий офицер, служащий в императорской армии или при императорском дворе, занимает достаточно высокое положение для того, чтобы вести переговоры с самыми могущественными скифскими вождями. Всеми уважаемый царедворец Максимин ⁴²⁾, выказавший свои дарования и на гражданской и на военной службе, неохотно принял на себя трудное и даже опасное поручение смягчить гневное настроение царя гуннов. Его друг, историк Приск ⁴³⁾, воспользовался этим случаем, чтобы ознакомиться с характером варварского героя в мирной домашней жизни; но тайная цель посольства — цель пагубная и преступная — была вверена только переводчику Вигилию. Два последних гуннских посла — знатный уроженец паннонийской провинции Орест и храбрый вождь племени скирров Эдекон — возвращались в то же время из Константинополя в царский лагерь. Их негромкие имена впоследствии приобрели громкую известность благодаря блистательной судьбе и противоположности характеров их сыновей; один из этих слуг Аттилы сделался отцом последнего римского императора, царствовавшего на Западе, а другой — отцом первого варварского короля Италии.

Послы, имевшие при себе множество людей и лошадей, сделали первый привал в Сардике, на расстоянии трехсот пятидесяти миль и тринадцати дней пути от Константинополя. Так как уцелевшая часть Сардики находилась внутри пределов империи, то на римлянах лежали обязанности гостеприимства. При помощи жителей провинции они доставили гуннам достаточное число баранов и быков и пригласили их на роскошный или, по меньшей мере, обильный ужин. Но обоюдные предубеждения и нескромность скоро нарушили общее веселье. Величие императора и империи горячо отстаивалось представителями Феодосия, а гунны с такой же горячностью отстаивали превосходства своего победоносного монарха; ссора разгорелась от опрометчивой и неуместной лести Вигилия, презрительно отвергнувшего всякие сравнения между простым смертным и божественным Феодосием, и лишь после больших усилий Максимиனு и Приску удалось обратить разговор на другой предмет и успокоить раздраженных варваров. Когда встали из-за стола, импера-

торский посол поднес Эдекону и Оресту в подарок богатые шелковые одежды и нитки индийского жемчуга, которые они приняли с признательностью. Но Орест не мог воздержаться от того, чтобы не заметить, что с ним не всегда обходились с таким уважением и с таким великодушием, а оскорбительное различие, с которым относились к его гражданской должности и к наследственному рангу его сотоварища, как кажется, сделало Эдекона ненадежным другом, а Ореста непримиримым врагом. После упомянутого угощения послы проехали около ста миль, отделяющих Сардику от Наисса. Этот когда-то цветущий город, бывший родиной великого Константина, был разрушен до основания; его жители частью погибли, частью разбежались, а вид нескольких больных, которым дозволяли жить среди развалин церквей, лишь увеличивал ужас, который внушало это зрелище. Вся страна была усеяна костями убитых, и послы, направлявшиеся к северо-западу, были вынуждены перебраться через горы современной нам Сербии, прежде чем спуститься на плоскую и болотистую местность, оканчивающуюся Дунаем. Гунны были хозяевами великой реки; они совершили переправу на больших лодках, из которых каждая была выдолблена из ствола одного дерева; Феодосиевы уполномоченные благополучно высадились на противоположном берегу, а их варварские спутники тотчас отправились в лагерь Атиллы, устроенный так, что он был приспособлен и к охотничьим забавам, и к требованиям войны. Едва успел Максимин отъехать около двух миль от Дуная, как ему пришлось испытать на себе прихотливую наглость победителя. Ему было строго запрещено раскинуть его палатки в красивой долине из опасения, чтобы он этим не нарушил издали уважения к царскому жилищу. Министры Атиллы настоятельно требовали, чтобы он познакомил их с целью своей поездки и с содержанием инструкций, которые он намеревался сообщить лишь самому царю. Когда Максимин стал в сдержанных выражениях ссылаться на то, что это было бы несогласно с принятыми у всех народов правилами, он с удивлением узнал, что какой-то изменник уже сообщил общественному врагу постановления Тайного Совета, — те секретные постановления, которых, — по словам Приска, — не следовало бы разоблачать даже перед богами. Вследствие его отказа подчиниться таким унижительным требованиям, императорскому послу было приказано

но немедленно отправиться домой; это приказание было отменено, затем еще раз повторено, и гунны не раз возобновляли эти бесплодные попытки сломить терпеливое упорство Максимиана. В конце концов, благодаря посредничеству Онегезиева брата Скотты, дружба которого была приобретена щедрыми подарками, Максимиан был допущен в присутствие царя; но вместо того, чтобы получить какой-нибудь решительный ответ, был вынужден предпринять далекое путешествие на север для того, чтобы Аттіла мог удовлетворить свою гордость приемом в одном и том же лагере и послов Восточной империи и послов Западной. Его поездкой руководили проводники, которые заставляли его то останавливаться, то ускорять свое движение вперед, то уклоняться в сторону от прямой дороги, сообразно с тем, как это было угодно царю. Римляне полагали, что, когда они проезжали через равнины Венгрии, им приходилось переправляться через *несколько* судоходных рек или в лодках, или на шлюпках, которые переносились на руках; но есть основание подозревать, что извилистое течение Тиссы или Тибиска встречалось ими несколько раз под различными названиями. Из соседних деревень им постоянно доставлялись обильные запасы провианта — мед вместо вина, пшено вместо хлеба и какой-то напиток, который назывался *samius* и, по словам Приска, выкуривался из ячменя ⁴⁴⁾.

Такая пища, вероятно, казалась грубой и невкусной тем, кто привык к столичной роскоши; но среди этих временных лишений послы находили утешение в любезности и гостеприимстве тех самых варваров, которые были так страшны и беспощадны на войне. Они расположились лагерем на краю обширного болота. Сильная буря с вихрем и дождем, с громом и молнией опрокинула их палатки, залила их багаж и домашнюю утварь и рассеяла их свиту, которая бродила среди ночного мрака, сбившись с дороги и опасаясь какой-нибудь беды, пока ее жалобные крики не были услышаны жителями соседней деревни, принадлежавшей вдове Бледы. Услужливые поселяне осветили им путь и зажгли костер, около которого они могли согреться; не только нужды, но все малейшие желания римлян были предупредительно удовлетворены, и их, как кажется, смутила странная любезность вдовы Бледы, приславшей им если не в подарок, то, по меньшей мере, для временного пользования достаточное число краси-

вых и услужливых девушек. Следующий день послы употребили на отдых; они собрали и высушили свои багажи, освежили силы прислуги и лошадей, но вечером, перед выступлением в дальнейший путь, выразили щедрой владелице селения свою признательность тем, что прислали ей в подарок серебряные чаши, выкрашенную в красный цвет шерсть, сухие фрукты и индийский перец. Вскоре после этого приключения они догнали свиту Аттилы, с которым не имели никаких сообщений в течение почти шести дней, и затем стали медленно подвигаться к столице такой империи, на которой не встречалось ни одного города на протяжении нескольких тысяч миль.

Из неясных и сбивчивых географических сведений, доставленных нам Приском, можно заключить, что эта столица находилась между Дунаем, Тиссой и Карпатскими горами в равнинах Верхней Венгрии и, по всему вероятно, неподалеку от Язберина, Агрии или Токая ⁴⁵). В своем первоначальном виде это, вероятно, было не что иное, как случайно раскинутый лагерь, который, вследствие продолжительного и частого пребывания Аттилы, мало-помалу разросся в большое селение для помещения его двора, состоявших при его особе войск и пестрой толпы частью праздных, частью деятельных рабов и прислужников ⁴⁶). Там не было ни одного каменного здания, кроме построенных Онегезием бань, для которых были доставлены материалы из Паннонии; а так как в окрестностях не было крупного строевого леса, то следует полагать, что здания, служившие жилищами для низшего люда, строились из соломы, глины или хвороста. Деревянные жилища более знатных гуннов были построены и убраны с грубым великолепием, смотря по рангу, состоянию или вкусу владельцев. Они, как кажется, были расположены в некотором порядке и с симметрией, и занимаемое ими место считалось тем более почетным, чем ближе оно было к жилищу монарха. Дворец Аттилы, превосходивший своими размерами все другие здания, был весь построен из дерева и покрывал большое пространство. Внешней оградой служила высокая стена или забор, сделанный из обтесанных четырехугольных бревен и пересекавшийся высокими башнями, предназначенными не столько для обороны, сколько для украшения. Внутри этой стены, как кажется, опоясывавшей скат холма, было множество различных деревянных зданий,

приспособленных к царским нуждам. Каждая из многочисленных жен Атиллы имела отдельный дом, и вместо того, чтобы томиться в суровом затворничестве, которому азиаты подвергают своих жен из ревности, они любезно принимали римских послов в своем обществе, приглашали их на обеды и даже дарили их невинными поцелуями. Когда Максимин был принят главной царицей Черкой для поднесения ей подарков, он восхищался странной архитектурой ее дома, вышиною круглых колонн, размерами и красотой украшений из резного, точеного или полированного дерева, и его внимательные взоры были способны подметить некоторый вкус в убранстве и некоторую правильность в размерах. Пройдя мимо стоявшей у дверей стражи, посланники вступили во внутренние апартаменты Черки. Жена Атиллы приняла их сидя или, верней, лежа на мягкой софе; пол был покрыт коврами; прислуга стояла вокруг царицы, а состоявшие при ней девушки сидели на полу, занимаясь различными вышиваньями, которые служили украшением для одеяний варварских воинов. Гунны из честолюбия выставляли на вид те богатства, которые были плодом или доказательством их побед: на сбруе их лошадей, на их мечях и даже на их обуви были украшения из золота и драгоценных камней, а на их столах были расставлены тарелки, стаканы и сосуды, сделанные греческими мастерами из золота и серебра. Один монарх из гордости придерживался простоты своих скифских предков ⁴⁷⁾. И одежда Атиллы, и его оружие, и сбруя его коня были просты, без всяких украшений и одного цвета. За царским столом напитки и кушанья подавались в деревянных чашах и на деревянных блюдах; мясо было его единственной пищей, и роскошь завоевателя севера никогда не доходила до употребления хлеба.

Когда Атила в первый раз давал римским послам аудиенцию на берегах Дуная, его палатка была наполнена многочисленной стражей. Сам монарх сидел на деревянном стуле. Его суровый вид, гневные жесты и звучавшее в голосе раздражение поразили мужественного Максимиана удивлением; но Вигилий имел более оснований дрожать от страха, когда услышал из уст царя угрозу, что, если бы Атила не уважал международных законов, он распял бы на кресте вероломного переводчика и оставил бы его труп на съедение ястребам. Варварский монарх соблаговолил предъявить тщательно сос-

тавленный список, которым доказывалась наглая ложь Вигилия, утверждавшего, что нельзя было отыскать более семнадцати дезертиров. Но он высокомерно заявил, что опасался лишь одного унижения — необходимости вступать в борьбу с беглыми рабами, так как презирал их бессильные старания защищать вверенные их оружию Феодосиевы провинции. "Разве на обширном пространстве Римской империи, — присовокупил Аттила, — найдется такая крепость или такой город, который мог бы положиться на свою безопасность и считать себя неприступным в том случае, если бы я захотел стереть его с лица земли?" Впрочем, он отпустил переводчика, который отправился обратно в Константинополь с решительным от имени Аттилы требованием возвратить всех беглецов и прислать более блестящее посольство. Гнев Аттилы мало-помалу стих, а домашнее счастье, которое он вкусил благодаря отпразднованному на пути бракосочетанию с дочерью Эслама, вероятно, смягчило природную свирепость его характера. Въезд Аттилы в его царскую деревню ознаменовался очень оригинальной церемонией. Многочисленная толпа женщин вышла навстречу к своему герою и царю. Они шли впереди него длинными и правильными рядами; промежутки между этими рядами были прикрыты покрывалами из тонкого полотна, которые поддерживались с обеих сторон поднятыми кверху руками женщин и составляли нечто вроде балдахина над хором молодых девушек, распевавших гимны и стихотворения на скифском языке. Жена царского фаворита Онегезия, в сопровождении своей женской прислуги, приветствовала Аттилу у дверей своего дома в то время, как он направлялся ко дворцу, и, по местному обычаю, выразила ему почтительную преданность тем, что предложила ему отведать приготовленных для его приема вина и мяса. Лишь только монарх милостиво принял ее гостеприимное предложение, его слуги подняли небольшой серебряный столик на одну вышину с его лошадью; Аттила поднес ко рту стакан с вином, еще раз поклонился жене Онегезия и поехал далее. Во время своего пребывания в столице империи он не тратил своего времени на праздное затворничество в серале; напротив того, царь гуннов был в состоянии поддерживать свое достоинство, не скрывая свою особу от глаз публики.

Он часто созывал своих приближенных на совещании и давал аудиенции послам, а его подданные могли обращаться к

его суду, который он совершал в определенное время перед главным входом в свой деревянный дворец. Римские послы, и восточные и западные, были два раза приглашены на банкеты, на которых Аттила угощал скифских вождей и вельмож. Максимин и его сотоварищи были остановлены на пороге, пока не совершили благоговейного возлияния вина за здоровье и благополучие царя гуннов, и после этой церемонии были отведены на свои места в обширной зале. Царский стол и царское ложе, покрытые коврами и тонким холстом, были поставлены в середине залы на возвышении в несколько ступенек; один из его сыновей и один из его дядей или, может быть, один из его любимых вождей разделяли с Аттилой его простой обед. Два ряда маленьких столиков, за каждым из которых могли поместиться трое или четверо гостей, были в порядке расставлены по обеим сторонам; правая сторона считалась самой почетной, но римляне откровенно сознавались, что их посадили по левую сторону и что какой-то неизвестный вождь, по имени Верик, который, по всему вероятию, был родом гот, имел первенство над представителями Феодосия и Валентиниана. Варварский монарх принял от своего виночерпия кубок с вином и провозгласил тост за самого знатного из гостей, который встал со своего места и выразил таким же способом свои верноподданнические и почтительные пожелания. Такая же церемония была исполнена в честь каждого из гостей или, по меньшей мере, в честь самых знатных между ними, и на это, должно быть, потребовалось много времени, так как все это повторялось три раза при каждой перемене кушаний. Но вино оставалось на столе после того, как были унесены мясные блюда, и гунны удовлетворяли свою страсть к спиртным напиткам долго после того, как воздержные и скромные послы двух империй покинули это ночное пиршество. Однако до своего ухода они имели случай видеть, чем развлекаются гунны на своих пирушках. Два скифа подошли к ложу Аттилы и стали декламировать стихи, которые они сочинили для прославления его храбрости и его побед. В зале царствовало глубокое молчание; внимание гостей было поглощено вокальной гармонией, которая освежала и увековечивала в их памяти воспоминание об их собственных подвигах; воинственный пыл блеснул в глазах воинов, горевших нетерпением сразиться, а слезы стариков выражали их благородное отчаяние, что они уже не

могут участвовать ни в опасностях, ни в славе сражений ⁴⁸⁾. За развлечениями, которые можно было считать школой воинских доблестей, следовал фарс, унижительный для человеческого достоинства. Один мавританский и один скифский буфоны поочередно смешили грубых зрителей своими уродливыми лицами, странной одеждой, забавным кривляньем, нелепой болтовней и непонятным смешиванием языков латинского, готского и гуннского. Вся зала оглашалась громкими и неудержимыми взрывами хохота. Среди этого гвалта лицо одного Аттилы неизменно сохраняло свое серьезное выражение, пока не вошел в комнату младший из его сыновей, по имени Ирнак; он обнял юношу с отцовской нежностью, ласково потрепал его по щеке и обнаружил свою пристрастную к нему привязанность, основанную на уверении прорицателей, что Ирнак будет опорой и его семейства и его империи.

Через два дня после того послы получили вторичное приглашение и на этот раз имели основание восхвалять не только гостеприимство, но и вежливость Аттилы. Царь гуннов вступил в продолжительный и интимный разговор с Максимин; но его любезности перемешивались грубыми выражениями и высокомерными упреками, и он с неприличным усердием поддерживал из личных расчетов притязания своего секретаря Констанция. "Император, — говорил Аттила, — давно уже обещал ему богатую жену; Констанций не должен быть обманут в своих ожиданиях, а римский император не должен никому давать права назвать его лгуном". На третий день послов отпустили; вследствие их настоятельных просьб нескольким пленникам была дана свобода за умеренный выкуп, и, помимо царских подарков, им было позволено принять от каждого из скифских вельмож почетный и полезный подарок — коня. Максимин возвратился в Константинополь той же дорогой, по которой приехал, и хотя между ним и новым послом Аттилы Бериком произошла случайная размолвка, он ласкал себя надеждой, что его тяжелая поездка упрочила мир и союз между двумя нациями ⁴⁹⁾.

Но римский посол ничего не знал о коварном замысле, который скрывался под личиной официальных переговоров. Удивление и удовольствие, которые испытал Эдекон при виде великолепия Константинополя, дали переводчику Вигилию смелость устроить для него тайное свидание с евнухом

Хризафием ⁵⁰⁾, который управлял и императором и империей. После предварительного обмена мыслей и взаимного клятвенного обещания хранить разговор в тайне, евнух, не почерпнувший высоких понятий об обязанностях министра ни из своего собственного сердца, ни из опыта, решился заговорить об умерщвлении Аттилы как о такой важной услуге, за которую Эдекон был бы награжден в значительном размере теми богатствами и роскошью, которыми он так восхищался. Посол гуннов выслушал это соблазнительное предложение и с притворным усердием заявил и о своей способности и о своей готовности совершить это злодеяние; об этом замысле было сообщено министру двора, и благочестивый Феодосий дал свое согласие на умерщвление его непобедимого врага. Но притворство или раскаяние Эдекона, расстроило все дело, и хотя он, быть может, преувеличивал свое отвращение к изменническому предприятию, которое сначала, по-видимому, одобрял, он очень ловко поставил себе в заслугу скорое и добровольное сознание своей вины. Если мы *теперь* вникнем во все подробности, относящиеся к посольству Максимиана и к поведению Аттилы, мы должны будем похвалить варвара, который уважал законы гостеприимства и великодушно принял и отпустил представителя такого монарха, который готовил покушение на его жизнь. Но опрометчивость Вигилия покажется еще более удивительной, когда мы скажем, что, несмотря на сознание своей виновности и угрожавшей ему опасности, он возвратился в царский лагерь в сопровождении своего сына и привез с собою набитый золотом кошелек, который был дан ему любимым евнухом для того, чтобы удовлетворить требования Эдекона и подкупить телохранителей. Переводчик был тотчас схвачен и приведен перед трибунал Аттилы; там он отстаивал свою невинность с необыкновенной твердостью до тех пор, пока угроза подвергнуть его сына смертной казни не заставила его чистосердечно сознаться в его преступном замысле. Жадный царь гуннов принял под видом выкупа или конфискации двести фунтов золота за помилование изменника, к которому он относился с таким презрением, что даже не счел нужным его казнить.

Он направил свое основательное негодование на более знатного виновного. Его послы Эслав и Орест были немедленно отправлены в Константинополь с положительными инструкциями, которые было более безопасно исполнить,

чем нарушить. Они смело явились к императору с роковым кошельком, висевшим на шее Ореста, который обратился к стоявшему подле императорского трона евнуху Хризафию с вопросом, узнает ли он это доказательство своего преступного намерения. Но обязанность сделать выговор самому императору была возложена на более высокого по своему рангу Эслава, который обратился к Феодосию со следующими словами: "Феодосий — сын знатного и почтенного отца; Аттила также знатного происхождения и умел поддержать своим поведением достоинство, унаследованное от его отца Мундцукка. Но Феодосий унизил достоинство своих предков и, согласившись на уплату дани, низвел самого себя до положения раба. Поэтому он должен бы был уважать человека, поставленного выше его и фортуной и личными достоинствами, а не составлять, как какой-нибудь презренный раб, заговоры против жизни своего повелителя". Сын Аркадия, слух которого привык только к голосу лести, с удивлением выслушал суровый голос истины; он покраснел от стыда, задрожал от страха и не осмелился решительно отказать в казни Хризафия, которой настоятельно требовали Эслав и Орест согласно с данными им инструкциями. Торжественное посольство, снабженное всеми нужными полномочиями и великолепными подарками, было торопливо отправлено к Аттиле для того, чтобы смягчить его гнев, а гордость царя гуннов была польщена выбором двух министров консульского и патрицианского ранга, Номия и Анатолия, из которых один был главным казначеем, а другой главным начальником восточных армий. Он соблаговолил выехать навстречу к этим послам к берегу реки Дренко, и хотя сначала держал себя сурово и высокомерно, но его раздражение мало-помалу стихло благодаря их красноречию и щедрости. Он согласился простить императора, евнуха и переводчика, дал клятвенное обещание исполнять мирные условия, отпустил на волю множество пленников, оставил беглецов и дезертиров на произвол судьбы и отказался от лежавшей на юге от Дуная обширной территории, которая уже была совершенно опустошена гуннами и покинута жителями.

Но этот договор был куплен такими денежными пожертвованиями, которых было бы достаточно для ведения энергичной и успешной войны, и подданные Феодосия были обложены за спасение жизни недостойного фаворита обременитель-

ными налогами, которые уплачивались бы ими более охотно за его казнь ⁵¹⁾. Император Феодосий недолго пережил самое позорное происшествие его бесславной жизни. В то время как он ездил верхом или охотился в окрестностях Константинополя, лошадь сбросила его в реку Лик; он повредил при падении спинной хребет и через несколько дней после того умер, на пятидесятом году жизни и на сорок третьем году своего царствования ⁵²⁾. Его сестра Пульхерия, подчинявшаяся и в делах гражданского и в делах церковного управления пагубному влиянию евнухов, была единодушно провозглашена восточной императрицей, и римляне в первый раз подчинились владычеству женщины. Тотчас после своего вступления на престол Пульхерия удовлетворила и свое собственное и публичное негодование актом справедливости. Евнух Хризафий был казнен перед городскими воротами без всякого судебного разбирательства, а накопленные этим жадным фаворитом громадные богатства послужили лишь к тому, что ускорили и оправдали его казнь ⁵³⁾. Среди радостных приветствий духовенства и народа императрица не позабыла, какие существуют в обществе предубеждения против лиц ее пола, и благоразумно решила предупредить общий ропот выбором такого товарища, который всегда уважал бы более высокий ранг своей супруги и ее девственное целомудрие. Ее выбор пал на сенатора Маркиана, которому было около шестидесяти лет, и этот номинальный супруг Пульхерии был торжественно облечен в императорскую порфиру. Усердие, с которым Маркиан поддерживал православные верования в том виде, как они были установлены Халкидонским собором, уже само по себе должно было вызвать со стороны католиков признательность и одобрение. Но поведение Маркиана и в частной жизни и впоследствии в императорском звании дает право думать, что он был способен поддержать и укрепить империю, почти совершенно развалившуюся от слабодушия двух царствовавших один вслед за другим наследственных монархов. Он родился во Фракии и посвятил себя военной профессии; но в своей молодости Маркиан много терпел нужды и огорчений, так как все его денежные средства состояли, когда он в первый раз прибыл в Константинополь, из двухсот золотых монет, которые он занял у одного приятеля. Он провел девятнадцать лет на домашней и военной службе при Аспаре и его сын Ардабурии, сопровождал этих дарови-

тых полководцев в войнах персидской и африканской и благодаря их влиянию получил почетное звание трибуна и сенатора. Его мягкий характер и полезные дарования, не возбуждая зависти в его покровителях, доставили ему их уважение и дружеское расположение; он видел и, быть может, испытал на самом себе злоупотребления продажной и притеснительной администрации, и его собственный пример придавал вес и силу тем законам, которые он издал для исправления нравов ⁵⁴⁾.

---

1) Достоверные материалы для истории Аттилы можно найти у Иордана (*De Rebus Geticis*, гл. 34-50, стр. 660-688, изд. Грот.) и у Приска (*Excerpta de Legationibus*, стр. 33-76, Париж, 1648). Я не читал ни жизнеописания Аттилы, написанного в двенадцатом столетии Ювенком-Целием-Каланом-Далматином, ни того, которое было написано в шестнадцатом столетии Николаем Олаусом, архиепископом Грана. См. "Историю Германцев" Маску, IX, 23, и *Osservazioni Letterarie* Маффеи том 1, стр. 88, 89. Все, что прибавили к этим данным новейшие венгры, отзывается вымыслом, и они, как кажется, не отличались большим искусством в сочинении выдумок. Они полагают, что когда Аттила вторгся в Галлию и Италию и взял множество женщин в жены и пр., ему было сто двадцать лет. *The wrocz, Chron.* ч. 1, гл. 22, in *Script. Hungar.*, том 1, стр. 76.

2) В Венгрии поселялись одна вслед за другой три скифских колонии: 1. Аттиловы гунны. 2. Арабы в шестом столетии и 3. Турки, или мадьяры, A. D. 889, — эти непосредственные и настоящие предки современных венгров, связь которых с двумя первыми народами чрезвычайно слаба и отдаленна. *Prodromus* и *Notitia* Матвея Белия, как кажется, содержат богатый запас сведений о древней и новой Венгрии. Я видел извлечения из этих сочинений в *Bibliothèque Ancienne et Moderne*, том XXII, стр. 1-51 и в *Bibliothèque Raisonnée*, том XVI, стр. 127-175.

3) Сократ, кн. 7, гл. 43. Феодорит, кн. 5, гл. 36. Тильемон, всегда полагающийся на авторитет церковных писателей, упорно настаивает на том (*Hist. des Emp.*, том VI, стр. 136-607), что здесь идет речь о других войнах и других личностях.

4) См. Приска, стр. 74, 48 и *Hist. des Peuples de l'Europe*, том VII, гл. 12-15.

5) Приск, стр. 39. Венгры нашего времени ведут его происхождение, в тридцать пятом колене, от Ноева сына Хама; однако им неизвестно даже имя его отца (*De Guignes*, *Hist. des Huns*, том II, стр. 297).

6) Сравн. Иордана (гл. 35, стр. 661) с *Hist. Naturelle* Бюффона, том III, стр. 380. Первый из них основательно заметил: "*originis suae signa restituens*". Описание характера и наружности Аттилы, вероятно, заимствованы от Кассиодора. (Кассиодор, без всякого сомнения, заимствовал свой рассказ от Приска, который сопровождал посла, ездившего из Константинополя для переговоров с Аттилой. Так как Приск имел случай делать личные наблюдения, то его история имеет особую цену, и весьма жаль, что значительная ее часть утрачена. См. по

поводу этого предмета *Geschichte der Deutschen* Шмидта, ч. 1, стр. 171, — *Издат.*)

7) Abulpharag. Dynast. vers. Рососк., стр. 281, "Генеалогическая История Татар" Абульгази Бахадур Хана, ч. 3, гл. 15; ч. 4, гл. 3. *Vie de Gengiscan par Petit de la Groix*; кн. 1, гл. 1,6. В донесениях миссионеров, посещавших Татарию в тринадцатом столетии (см. седьмую часть *Histoire des Voyages*), описаны языки и мнения этого народа; Чингис называется Сыном Божиим и пр.

8) "Nec templum apud eos visitur, aut delubrum, ne tugurium quidem culmo tectum cerni usquam potest; sed gladius barbarico ritu humi figitur nudus, eumque ut Martem regionum quas circumclicant praesulem verecundius colunt". Аммиан Марцеллин, XXXI, 2 и ученые примечания Линденброгия и Валуа.

9) Приск рассказывает эту замечательную историю и в своем собственном тексте (стр. 65) и в цитате, приводимой Иорданом (гл. 35, стр. 662). Он мог бы объяснить нам традицию или вымесел касательно этого знаменитого меча и мог бы познакомить нас с именем и с атрибутами скифского бога, которого он превратил в Марса греков и римлян.

10) Геродот, кн. 4, гл. 62. В видах бережливости я придерживался самой умеренной мерки. Когда они приступали к человеческим жертвоприношениям, они отрезывали плечо и руку у несчастной жертвы, затем вскидывали ее на воздух и из того, как она падала на кучу хвоста, извлекали разные предсказания и предзнаменования.

11) Приск, стр. 55. Даже более цивилизованному герою, — самому Августу очень нравилось, когда те, на кого он устремлял свои взоры, были, по-видимому, неспособны выдержать их божественного блеска. Светон. in August. Гл. 79.

12) Граф де-Бюа (*Hist. des Peuples de l'Europe*, том VII, стр. 428, 429) старается оправдать Аттилу в убийстве брата и почти готов отвергнуть единогласное свидетельство Иордана и современных "Хроник".

13) *Fortissimarum gentium dominus, qui inaudita ante se potentia, solus Scythica et Germanica regna possedit.* Иордан, гл. 49, стр. 684. Приск, стр. 64, 65. Де-Гинь, благодаря своему знакомству с историей Китая, имел (том II, стр. 295-301) верное понятие о могуществе Аттилы. (По мнению Нибура (*Лекции*, ч. III, стр. 339), это "описание могущества Аттилы составляет один из слабых пунктов Гиббонова рассказа". Варварский вождь бесспорно властвовал повсюду, где появлялся; но следов постоянного владычества нельзя найти нигде, кроме тех стран, из которых готы были вытеснены гуннами за шестьдесят лет перед тем. Слухи о награвленной в римских провинциях добыче дошли до слуха гуннов и возбудили в них желание получить из этой добычи свою долю. Аттила и постарался собрать для этой цели многочисленные военные силы; он убедил германцев и сарматов соединиться под его начальством, а это и подало повод думать, что он утвердил свое владычество над всеми народами, вступившими с ним в союз для названной цели. Гиббон был введен в заблуждение догадками де-Гиня, неосновательность которых теперь уже доказана. Шмидт (ч. 1, стр. 173) хотя отчасти и преклонялся перед тем же авторитетом, однако сознался, что в истории Аттилы много вымышленного. — *Издат.*)

14) (Откуда взялись эти жившие на берегах Рейна бургунды? Главные

силы бургундов уже задолго перед тем поселились на постоянное жительство в Галлии и владели такой территорией, которая была более чем достаточна для них. В следующей главе мы увидим, что они принимали участие в великой битве между Аэцием и Атилиой. Служившие под начальством Атилы вожди обошлись жестокосердно с городами, лежавшими на берегах Рейна, и весьма вероятно, что жители этих городов, называвшиеся *Burgers*, или *Burgwohners*, были по ошибке приняты за особый народ, носивший такое название. — *Издат.)*

15) См. *Hist. de Huns*, том II, стр. 296. Геуги были уверены, что гунны могли по своему произволу вызывать бурю с ветром и дождем. Это явление приписывали действию камня *gezi*; его магической силе татарские магометане приписывали в четырнадцатом столетии потерю сражения. См. *Hist. de Timur-Bec Херефеддина Али*, том 1, стр. 82, 83.

16) Иордан, гл. 35, стр. 661; гл. 37, стр. 667. См. Тильемона, *Hist. des Empereurs*, том VI, стр. 129-138. Корнель описал гордое обхождение Атилы с подчиненными ему царями, и его трагедия начинается следующими двумя странными стихами:

*Ils ne sont pas venus, nos deux rois! qn'on leur die
Qu'ils se font trop attendre, et qu'Attila s'ennuie.*

Два царя, гепидов и остготов, представлены глубокомысленными политиками и нежными любовниками, а все это произведение обнаруживает недостатки поэта, несколько не знакомя нас с его гением.

17) ...*alil per Caspia claustra*

*Armeniasque nives, inopino tramite ducti
Invadunt Orientis opes; jam pascua fumant
Cappadocum, volucrumque parens Argaeus equorum.
Jam rubet altus Halys, nec se defendit iniquo
Monte Cilix; Syriae tractus vastantur amoeni;
Assuetumque choris et laeta plebe canorum
Proterit imbellem sonipes hostilis Orontem.*

Клавдиан, in *Rufin*. Кн. 2, стр. 28-35

См. также in *Eutrop*, кн. 1, стр. 243-251 и энергический рассказ Иеронима, который писал под влиянием своих личных чувств (том I, стр. 26 ad *Heliodor.*; стр. 220, ad *Ocean*). Филосторгий (кн. 9, гл. 8) упоминает об этом нашествии.

18) (Декан Мильман обвиняет Гиббона в том, что он по ошибке принял двух вождей гуннов за два "неизвестных города". То место у Приска, на которое ссылается Гиббон, может быть понято двояко: оно может быть понято в том смысле, что "вожди гуннов проникли в Мидии до Базики и Курсика", и может быть понято в том смысле, что "вожди гуннов Базик и Курсик проникли далеко вглубь Мидии". Впрочем, весь этот рассказ носит на себе такой отпечаток, что он недостойн занимать какое-либо место в серьезной истории. Он был передан Приску кем-нибудь, приехавшим из Рима, и, вероятно, был не более как хвастливою ложью, рассказанной на плохо понимаемом диалекте каким-нибудь хвастливым гунном, который желал внушить слушателям высокое понятие о могуществе его нации и с этой целью преувеличил какой-нибудь незначительный хищнический набег. Стихи Клавдиана также не что иное, как разукрашенное поэтом описание какой-нибудь хищнической экспедиции, временно нарушившей

спокойствие какой-нибудь местности, а не рассказ о систематически веденном и обширном военном предприятии. — *Издат.*)

19) См. подлинный разговор у Приска, стр. 64. 65.

20) Приск, стр. 331. Написанная им история заключала в себе подробное и изящное описание этой войны (Евагрий, кн. 1, гл. 17), но до нас дошли только извлечения из нее, касающиеся отправки посольств. Впрочем, с содержанием сочинения были знакомы те писатели, от которых мы заимствовали наши неполные сведения, а именно: Иордан, Феофан, комит Марцеллин, Проспер-Тиро и автор Александрийской или Пасхальной Хроники. Де-Бюа (Hist. des Peuples de l'Europe, том VII, гл. 15) расследовал причины, подробности и продолжительность этой войны и полагает, что она окончилась не позже 444 года.

21) Прокопий, de Edificiis, кн. 4, гл. 5. Эти укрепления впоследствии были восстановлены, усилены и расширены императором Юстинианом, но они скоро были разрушены арабами, унаследовавшими могущество и владения гуннов. (Гунны превосходили всех других варваров в искусстве брать укрепления. См. Шмидта, ч. 1, гл. II, стр. 171. — *Издат.*)

22) Septuaginta civitates, — говорит Проспер Тиро, — depraedatione vastatae. Выражения дукса Марцеллина еще более энергичны: "Pene totam Europam, invasis excisisque civitatibus atque castellis, conrasit". (Нибур (ч. III, стр. 339) говорит: "Гунны в противоположность готам причиняли страшные опустошения и безжалостно проливали кровь; они были грабители в полном смысле слова". Это служит новым доказательством того, что их целью был грабеж, а не владычество. Аделунг в своем "Митридат" (ч. I, стр. 449) относит их к одному разряду с монголами и калмыками, о которых замечает, что они совершенно опустошали завоеванные страны и никогда не имели в виду поселиться в них на постоянное жительство или утвердить над ними постоянное владычество. — *Издат.*)

23) Тильефон (Hist. des Empereurs, том VI, стр. 106, 107) обратил большое внимание на это достопамятное землетрясение, которое чувствовалось на большом расстоянии от Константинополя, — как-то в Антиохии и в Александрии, и которое было прославлено всеми церковными писателями. В руках популярного проповедника землетрясение составляет такое орудие, с помощью которого можно достигать удивительных результатов.

24) Он обратил внимание монгольского императора на тот факт, что приобретенные им четыре провинции (Печели, Хантонг, Ханзи и Лиготонг) могут при мягкой системе управления ежегодно доставлять пятьсот тысяч унций серебра, четыреста тысяч мер риса и восемьсот тысяч кусков шелковых материй. Gaubil., Hist. de la Dynastie des Mongous. стр. 58, 59. Елю чу цай (так назывался мандарин) был мудрый и добродетельный министр, спасший свое отечество и цивилизовавший победителей.

25) Можно бы привести бесчисленное множество примеров; но любознательный читатель может сам отыскать их в "Жизнеописании Чингис-Хана" Пети-де-ла-Круа, в Histoire des Mongols и в пятнадцатой книге "Истории гуннов".

26) В Мары было убито миллион триста тысяч человек, в Герате — миллион шестьсот тысяч, в Нишапуре — миллион семьсот сорок семь тысяч. D'Herbelot, Bibliotheque Orientale, стр. 380, 381. (Я при-

держиваюсь орфографии географических карт Анвилля.) Впрочем, следует полагать, что персы были расположены преувеличивать свои потери, а монголы были расположены преувеличивать свои подвиги.

27) У его раболепного панегириста Херефеддина Али можно найти много отвратительных подробностей. В своем лагере подле Дели Тимур умертвил сто тысяч индийских пленников, *убывавшихся* в то время, как в их глазах появилась армия их соотечественников. (Hist.de Timur Bec, том III, стр. 90). Население Исфахана доставило семьдесят тысяч человеческих черепов для возведения нескольких высоких башен (Id., том I, стр. 434). Такую же подать уплатило взбунтовавшееся население Багдада (том III, стр. 370), а точная цифра убитых, которой Херефеддин не мог достать от исполнявших эту работу офицеров, определена другим историком (Ахмедом Арабсиада, том II, стр. 175, vers. Manger) в девяносто тысяч голов.

28) Древние писатели Иордан, Приск и др. не были знакомы с этим прозвищем. Новейшие венгры полагают, что оно было дано Аттиле одним галльским пустынным и что Аттила с удовольствием присвокупил его к своим царским титулам. Маску, IX, 23, и Тильемон, Hist.des Empeyeurs, том VI, стр. 143.

29) Миссионеры, посланные св. Златоустом, обратили в христианство скифов, живших по ту сторону Дуная в палатках и в повозках. Феодорит, кн. 5, гл. 31. Фотий, стр. 1517. И магометане, и несториане, и латинские христиане были уверены, что им удастся привлечь на свою сторону сыновей и внуков Чингиса, относившихся одинаково милостиво к представителям всех этих соперничавших между собой вероисповеданий.

30) Германцы, истребившие легионы Вара, были в особенности недовольны и римскими законами и римскими юристами. Один из варваров вырезал у адвоката язык и, зашив ему рот, с удовольствием заметил, что впредь эта змея уже не будет в состоянии шипеть. Флор, IV, 12.

31) Приск, стр. 95. Гунны, как кажется, предпочитали готский и латинский языки своему собственному, который, вероятно, был грубым и бедным (Аделунг (*Митридат*, ч. 1, стр. 499) полагает, что первобытный язык гуннов был монгольским или калмыцким диалектом. С тех пор как они перешли в Европу, и в особенности после смерти Аттилы, между ними было введено много перемен, благодаря которым они приобрели некоторое сходство с готами, с которыми находились в постоянных сношениях. Не имея почти никаких собственных законов, они заимствовали законы от своих соседей; родственные с ними племена подчинялись этим законам по мере того, как присоединялись к ним, — пока не основали в десятом столетии Венгерское королевство. Галлам (*Европа в Средние Века*, II, 147) замечает, что "их система управления была в значительной степени похожа на систему управления готов". Блэквелл также указывает на многие пункты сходства ("Северные Древности" Маллэ, в издании Бона, стр. 41, 279, 293 и сл. — *Издат.*)

32) Филипп де-Комин, в своем превосходном рассказе о последних минутах Людовика XI (Memoires, кн. 6, гл. 12), описывает наглость его доктора, который в течение пяти месяцев получил от этого грозного и жадного тирана, путем вымогательств, пятьдесят четыре тысячи крон и богатое епископство.

33) Приск (стр. 61) превозносит справедливость римских законов, ох-

ранявших жизнь раба. "Occidere solent, — говорит Тацит о германцах, — non disciplina et severitate, sed impetu et ira, ut inimicum, nisi quod impune". De Moribus Germ. Гл. 25. Герулы, которые были подданными Атиллы, пользовались правом жизни и смерти над своими рабами. См. замечательный пример, приводимый во второй книге Агафия.

34) См. содержание этого разговора у Приска, стр. 59-62.

35) Nova iterum Orienti assurgit ruina... quum nulla ab Occidentalibus ferrentur auxilia. Проспер Тиро писал свою хронику на Западе, и его замечание равносильно порицанию.

36) Если верить рассказу или, скорее, сатире Златоуста, продажа находившихся в Византии предметов роскоши должна была доставить очень значительные суммы. В доме каждого зажиточного человека можно было найти полукруглый стол из цельного серебра, который с трудом могли поднять два человека, сосуд из цельного золота весом в сорок фунтов, чаши и блюда из того же металла и пр.

37) Статьи договора, изложенные без достаточной последовательности и ясности, можно найти у Приска (стр. 34-37, 53 и сл.) Комит Марцеллин сообщает два утешительных сведения: во-первых, что сам Атила просил мира и тех подарков, которых он сначала не хотел принять; и во-вторых, что почти в то же время послы, прибывшие из Индии, подарили императору Феодосию прекрасного и большого ручного тигра.

38) Приск, стр. 35, 36. В числе ста восьмидесяти двух фракийских укреплений или замков, перечисляемых Прокопием (de Edificiis, кн. 4, гл. II, том II, стр. 92, Парижск. изд.), есть один, по имени Esimontou, географическое положение которого не точно указано, неподалеку от Анхиала и Эвксинского моря. И название Азимунция и его стены, быть может, существовали до времен царствования Юстиниана, но потомство его храбрых зачинщиков было тщательно истреблено завистью римских государей.

39) Спор между Иеронимом и св. Августином, старавшимися разными способами согласовать *кажущееся* разномыслие двух апостолов, св. Петра и св. Павла, имел предметом разрешение важного вопроса (Сочинение Миддлетона, ч. II, стр. 5-10), о котором нередко спорили католические и протестантские богословы и даже юристы и философы всех веков.

40) Монтескье (Considerations sur la Grandeur etc., гл. 19) обрисовал смелыми и резкими штрихами некоторые из самых выдающихся примеров гордости Атиллы и унижения римлян. Он заслуживает похвалы за то, что читал отрывки Приска, к которым относились с крайним пренебрежением.

41) См. Приска, стр. 69, 71, 72 и сл. Я охотно поверил бы тому, что этот искатель приключений впоследствии возбудил подозрение в измене и был распят на кресте по приказанию Атиллы; но Приск (стр.

57) слишком ясно различает два лица, носивших имя Констанция, которых нетрудно смешивать одно с другим вследствие сходных подробностей их жизни.

42) При заключении в 422 году, мирного договора с Персией благоразумный и красноречивый Максимин был помощником Ардабурия (Сократ, кн. 7, гл. 20). Когда Маркиан вступил на престол, Максимин был возведен в звание главного камергера и поименован в публичном эдикте в числе четырех главных государственных сановников

(Novell. ad calc. *Код. Феодосия*, стр. 31). Он исполнял в восточных провинциях гражданские и военные поручения, а дикари Эфиопии, которых он заставил прекратить их набеги, оплакивали его смерть. См. Приска, стр. 40, 41.

43) Приск был родом из Пания во Фракии и своим красноречием приобрел почетное место между софистами своего времени. Его "История Византии", описывавшая события его времени, состояла из семи книг. См. Фабриция *Biblioth. Graec.* том VI, стр. 235, 236. Несмотря на снисходительные отзывы его критиков, я подозреваю, что Приск был язычник.

44) Сами гунны все еще пренебрегали земледельческими занятиями; они употребляли во зло привилегии победителей, а их трудолюбивые подданные готы, занимавшиеся возделыванием земли, опасались их соседства так же как, опасаются соседства хищных зверей (Приск, стр. 45). Точно таким же образом сарты и таджики добывают пропитание и для самих себя, и для своих ленивых и алчных повелителей — татарских узбеков (см. "Генеалогическую Историю Татар", стр. 423, 455 и сл.).

45) Приск, очевидно, переправился через Дунай и через Тиссу, но не достиг подножия Карпатских гор. Агрия, Токай и Язберин лежат в равнинах, пределы которых не заходят далее этой местности. Де-Бюа (*Histoire des Peuples etc.*, том VII, стр. 461) стоял за Токай, а ученый венгр Отрокосчи (стр. 180, *apud Mascou*, IX, 23) предпочитал Язберин, находившийся почти в тридцати шести милях к западу от Буда и Дуная.

46) Царскую деревню Аттилы можно сравнить с городом Каракорум, который был резиденцией преемников Чингиса, и хотя, как кажется, был более постоянной резиденцией, однако не мог бы соперничать с размерами и великолепием города и аббатства Сен-Дени в тринадцатом столетии (см. Рубрук в *Histoire Generale des Voyages*, том VII стр. 286). В лагере Аурангзеба, в том виде, как он описан у Бернье (том II, стр. 217-235), нравы Скифии соединялись с великолепием и роскошью Индостана.

47) Когда монголы выставили на Тонкатском сейме напоказ награбленную в Азии добычу, трон Чингиса был по-прежнему покрыт тем черным войлочным ковром, на котором он сидел в то время, как его воинственные соотечественники избрали его в предводители. См. *Vie de Gengiscan*, ч. 4, гл. 9.

48) По словам Плутарха (*in Demetrio*, том V, стр. 24), скифы имели обыкновение на своих пиршествах пробуждать свое мужество воинственными звуками, которые они извлекали из тетивы своих луков. (Некоторые из этих песен, сохранявшиеся у гуннов путем устной передачи и впоследствии изложенные письменно, вероятно, впоследствии были переведены на готский язык и доставили те материалы, при помощи которых певцы Нибелунгов ("Лекции" Нибура, 1. 85) сделали из Аттилы (Etzel) одного из своих героев. Нибур (*lb.* 3. 317) говорит, что эти поэтические произведения были "по своему происхождению готскими"; но лишь указанным выше путем барды могли узнать о существовании царя гуннов, которого они присоединили к другим героям, не принадлежавшим к одной с ним эпохе. В десятом столетии рассказ о нем вошел в состав написанного на латинском языке поэтического вымысла Валтария (*lb.* 1, стр. 13 и примеч. издателя). Герберт подробно говорит об этой поэме в своем историче-

ском трактате, приложенном к его сочинению об Аттиле (стр. 540-544), но он уменьшает ее достоинства, замечая, что "в ней, как кажется, нет ни одного слова исторической правды". Он, по-видимому, придерживается того мнения, что "сказочный Артур" был "мистическим названием Аттилы". — *Издат.*)

49) Можно найти у Приска (стр. 49-70) интересный рассказ об этом посольстве, который не требовал большой наблюдательности и который нельзя проверить никакими побочными свидетельствами. Я не ограничился тем же порядком изложения, а предварительно собрал исторические факты, имевшие менее тесную связь с поездкой римских послов и с возложенным на них поручением.

50) Тильемон очень кстати составил список камергеров, которые управляли один вслед за другим от имени Феодосия. Хризафий был последним и, по единогласному свидетельству историков, самым отвратительным из этих фаворитов (см. Hist. des Empereurs, том VI, стр. 117-119. Mem. Eccles., том XV, стр. 438). Его пристрастная привязанность к его крестному отцу ересиарху побудила притеснять православную партию.

51) В *отрывках* Приска (стр. 37-39, 54, 70-72) можно найти описание подробностей этого заговора и его важных последствий. Хронология этого историка не отличается точными указаниями времени, но ряд переговоров, происходивших между Аттилой и Восточной империей, должен быть отнесен к трех- или четырехлетнему периоду времени, оканчивающемуся в 450 г. смертью Феодосия.

52) Феодор Чтец (см. Валуа, Hist. Eccles., том III, стр. 563) и "Пасхальная Хроника" упоминают о падении с лошади, но ничего не говорят об ушибе; но так как эта подробность весьма правдоподобна и, по всему вероятно, не была выдумана, то мы можем положиться на свидетельство грека четырнадцатого столетия Никифора Каллиста.

53) Pulcheriae nutu, — говорит комит Марцеллин, — sua cum avaritia interemptus est. Она предоставила евнуха мщению сына, отец которого пострадал по его вине.

54) Прокопий, de Bell. Vanda 1, кн. 1, гл. 4, Евагрий, кн. 2, гл. 1. Теофан, стр. 90, 91. Novel. ad calcem *Код.* Феод., том VI, стр. 30. Похвалы, которыми осыпали Маркиана св. Лев и католики, были тщательно переписаны Баронием для поощрения будущих монархов. (Зонара, на которого ссылается Нибур (*Лекц.* 1. 65), очень подробно излагает (XIII, стр. 45) условия, на которых Пульхерия предложила Маркиану императорское звание и которые он принял. Он царствовал в течение трех лет в качестве ее супруга, а после ее смерти и до конца своей жизни оставался всеми признанным повелителем Востока. Его строгие эдикты против еретиков могут быть приписаны ее влиянию и тревожному положению церкви. Впрочем, он старался понемногу сдерживать честолюбие духовенства. По его совету Халкидонский собор отменил постановление Эфесского собора, низложил свирепого египетского архиепископа Диоскора и восстановил в их прежнем звании Феодорита и других изгнанных епископов. — *Издат.*)

ISBN 978-5-275-01703-8

9 785275 017038